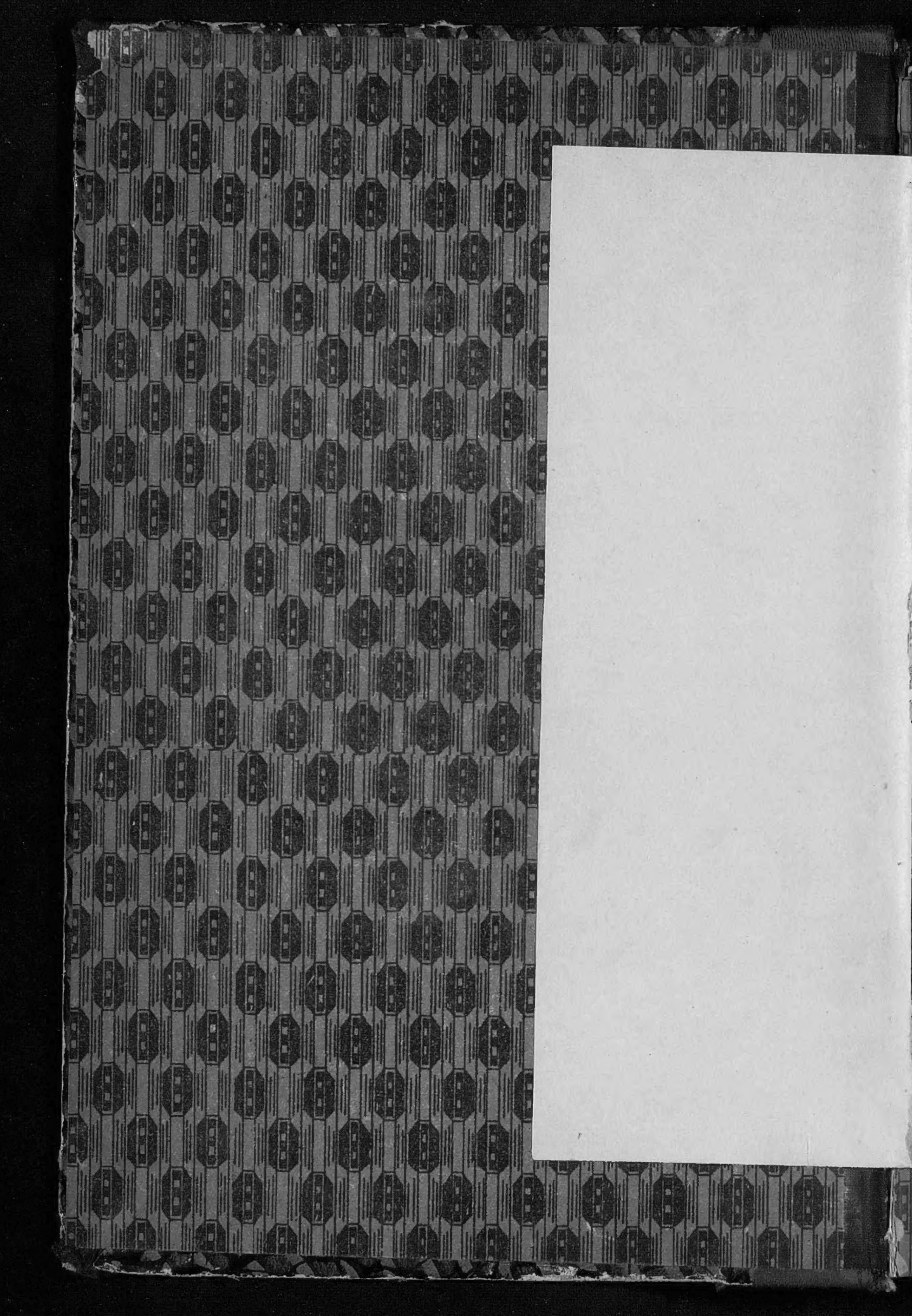
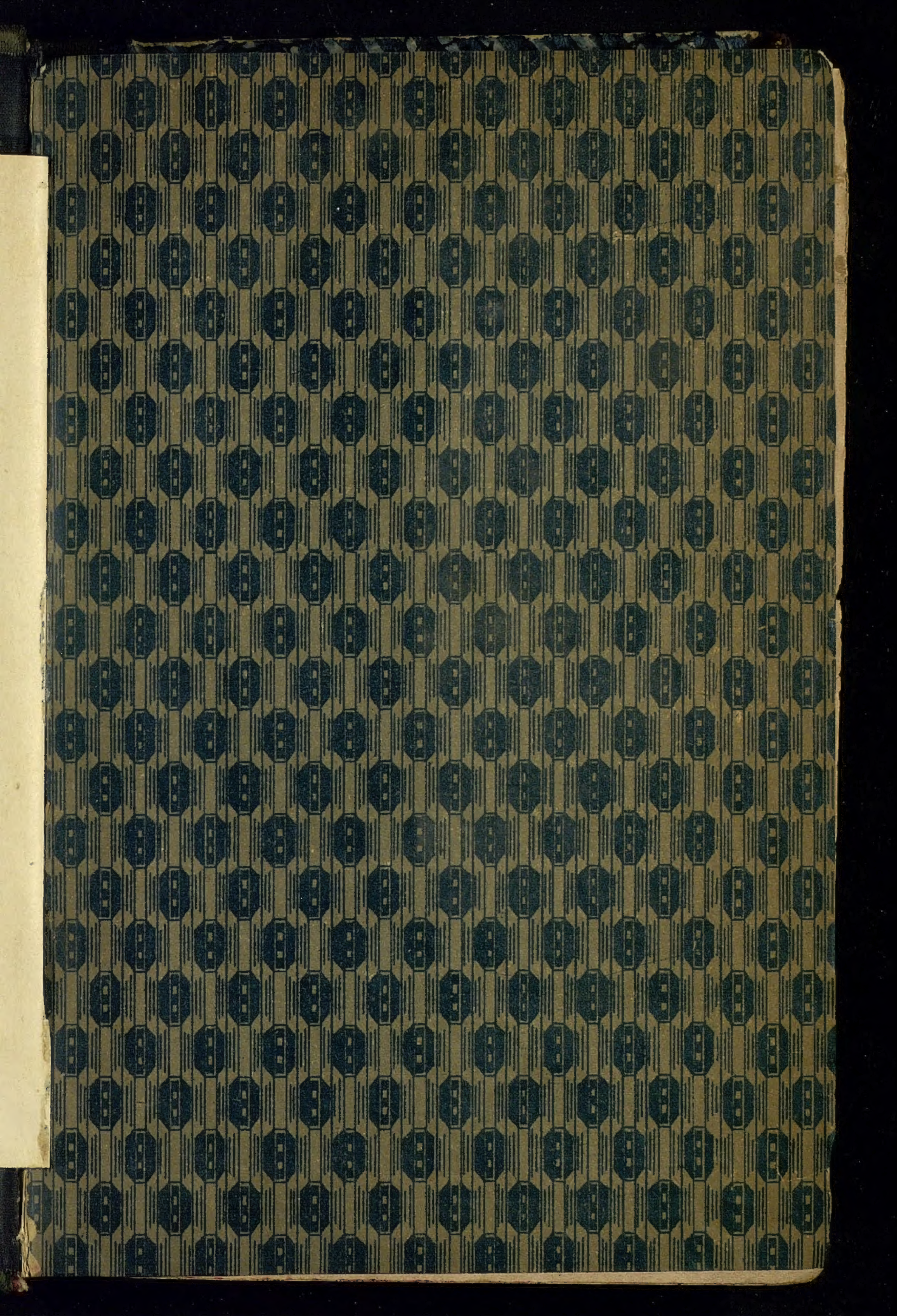
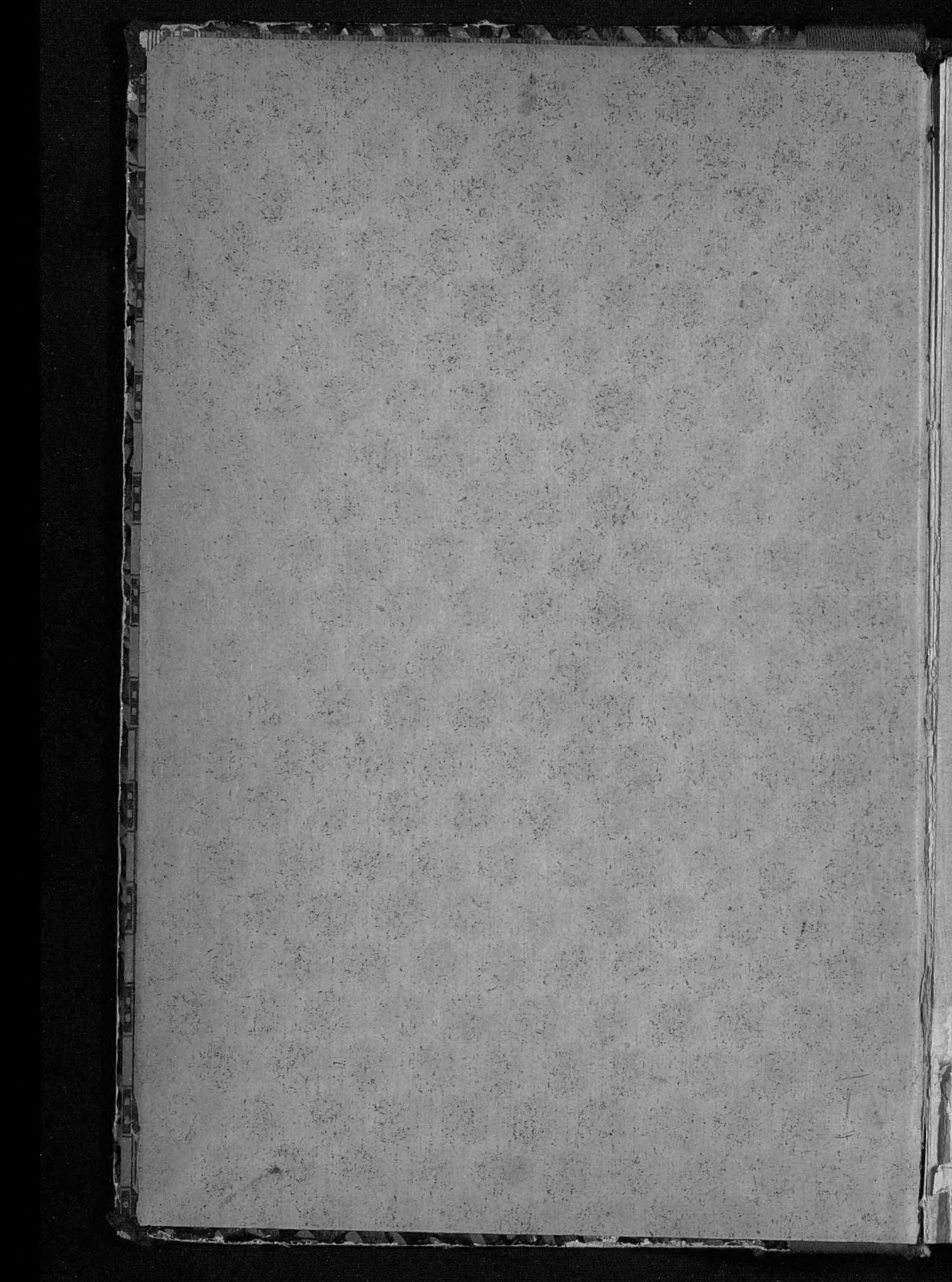

Кр
Р. 193.428
Вып. 2
21 II
Г-22,12

СБОРНИКЪ
СВѢДѢНІЙ
О
КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ
КАВКАЗСКАГО ГОРСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ II.

ТИФЛИСЪ.

1869.

табел. 2
зв. обложек

27. иш.

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ

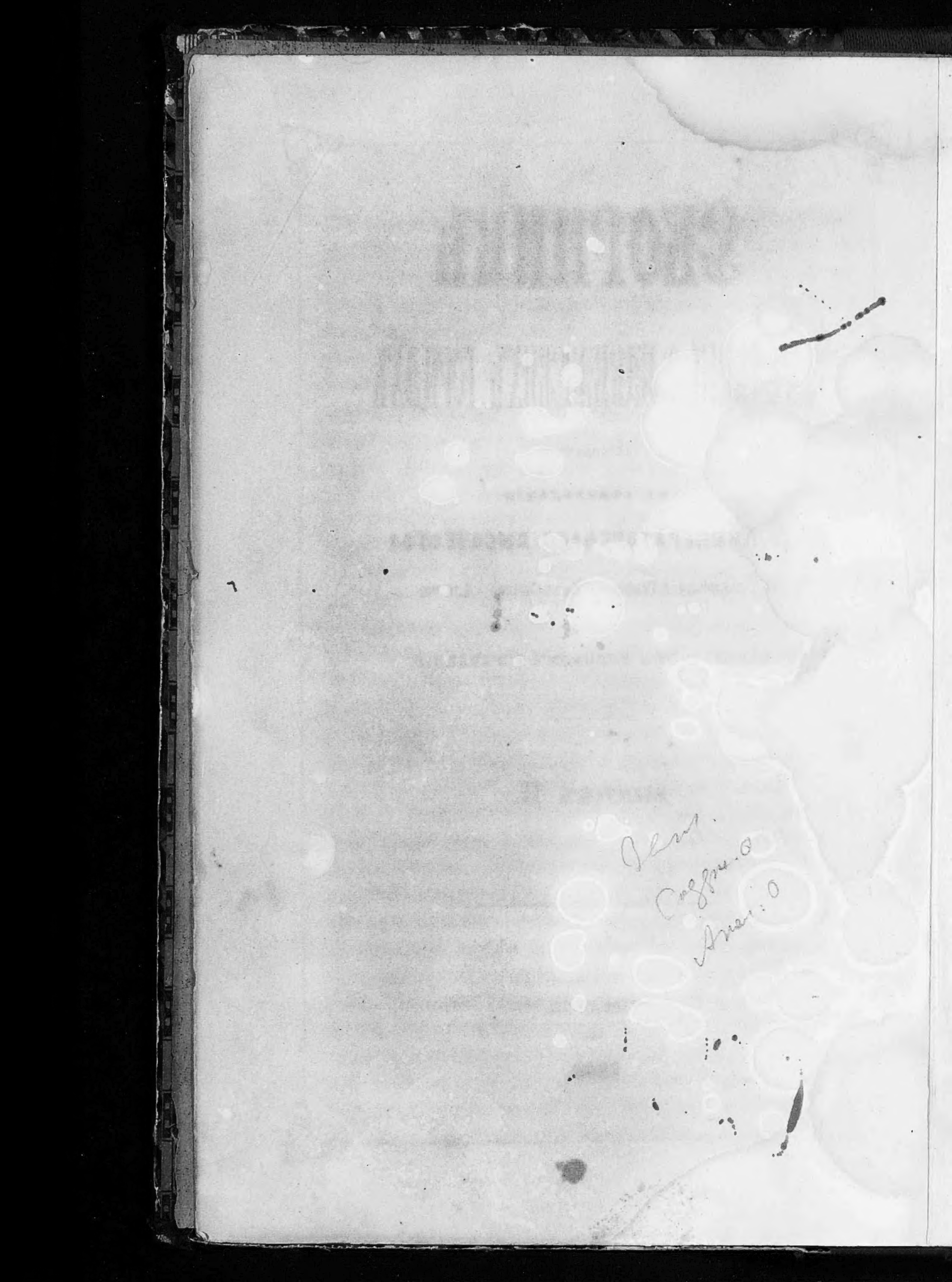
Кавказскаго Горскаго Управленія.

Выпускъ II.

ЧЕЧЕНЦЫ ЧЕЧЕНКИ.

ТИФЛИСЪ. 1869.

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

съ соизволенія

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнокомандующаго Кавказскою Арміею

ПРИ

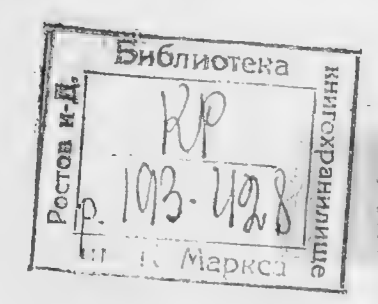
КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

ВЫПУСКЪ II.

ТИФЛИСЪ.

—

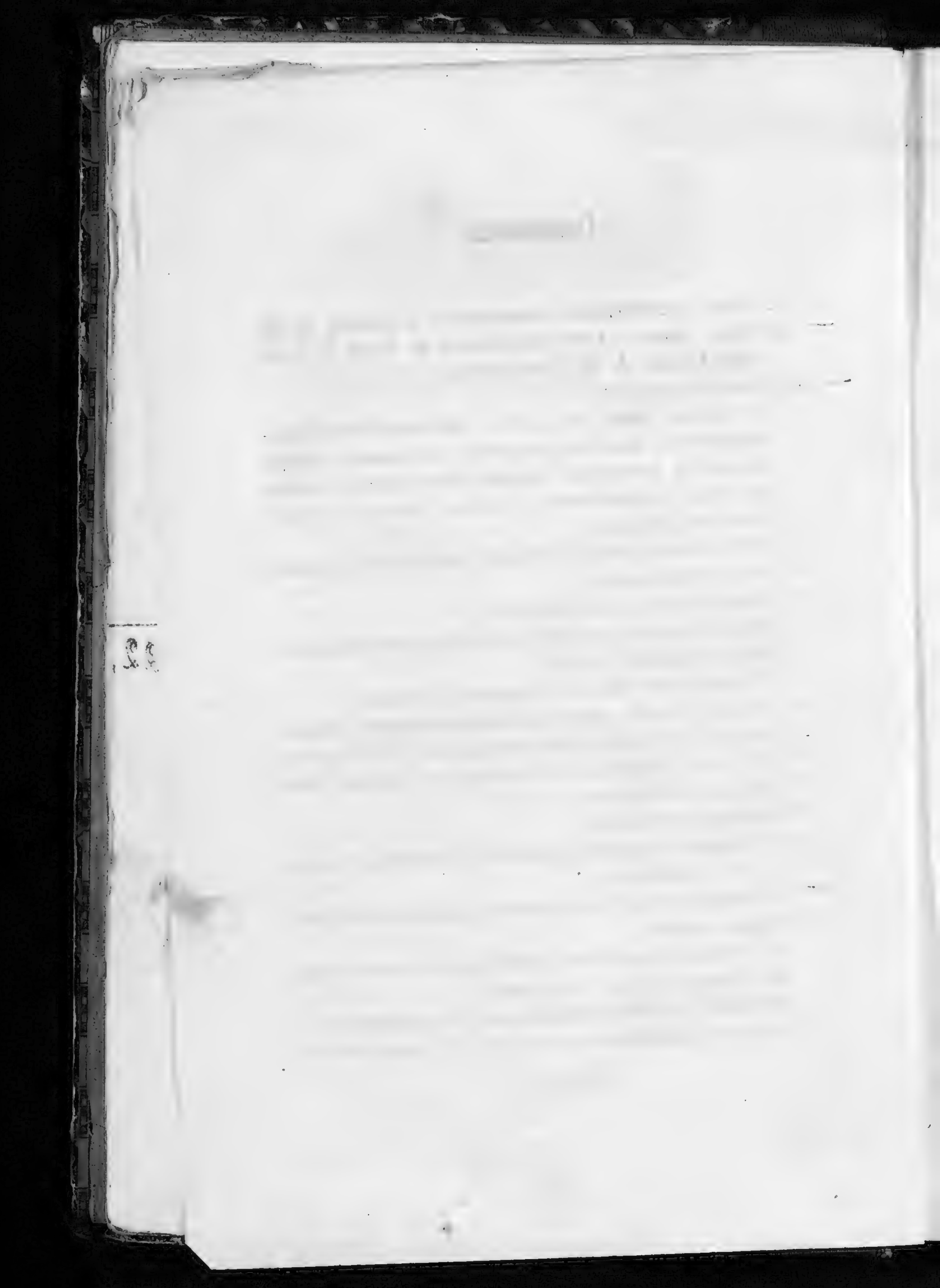
1869.

Въ Типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

Содержаніе.

НАЧАЛО ХРИСТІАНСТВА ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ И НА КАВКАЗѢ.

Около эпохи Рождества Христова, между Сиріей и Закавказьемъ, не смотря на отдаленность, существовала тѣсная связь моральная и политическая. И въ наше время случается закавказскимъ христіанамъ ѣздить на богомолье въ Іерусалимъ, но таковыя отношенія къ Іерусалиму существуютъ для цѣлаго христіанскаго міра. Мы говоримъ объ особыхъ нитяхъ, нѣкогда связывавшихъ Сирію съ Закавказьемъ, нитяхъ, которыя теперь уже порваны; но исторія обязана воскресить о нихъ воспоминаніе, чтобы сдѣлать яснымъ многое, что безъ того кажется сомнительнымъ или невѣроятнымъ въ преданіяхъ о первоначальномъ распространеніи христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ.

Извѣстно, что нынѣшнему разселенію евреевъ по *лицу всея земли* предшествовало нѣсколько насильственныхъ выселеній изъ предѣловъ Палестины цѣлаго народа, или большей части его, азіатскими завоевателями. Таковыя выселенія, или, говоря языкомъ св. Писанія, *плѣненія* происходили неоднократно. За 735 лѣтъ до Р. Х., царь ассирійскій Тиглатъ Пилесеръ, или, какъ называетъ его библія, Ѳелгаѳелассаръ увелъ въ плѣнъ Рувима и Гада и полплемени Манассіина. Лѣтъ пятнадцать спустя, царь Салманасаръ взялъ Самарію и увлекъ жителей къ сторонѣ Ассиріи, т. е. на востокъ отъ Палестины. За 600 лѣтъ до Р. Х. воспослѣдовало Вавилонское плѣненіе царемъ Навуходоносоромъ. Послѣ завоеванія Вавилоно-Ассирійскаго царства, Киръ, въ 536-мъ году, дозволилъ еврейскимъ плѣнникамъ, разсѣяннымъ по предѣламъ необъятной Пер-

сидской монархіи, возвратиться въ страну отцовъ своихъ и возобновить разрушенный храмъ Соломоновъ. Вслѣдствіе дозволенія царскаго, еще при жизни Кира, Зоровавель собралъ до 50000 евреевъ и привелъ ихъ на родину. Лѣтъ 80 спустя (458 г. до Р. Х.), въ царствованіе преемника Ксерксова, Артаксеркса Долгорукаго, Ездра привелъ съ собою въ Палестину второй великій караванъ возвратныхъ переселенцевъ. Библія не упоминаетъ о дальнѣйшихъ возвращеніяхъ евреевъ въ Палестину, и нѣтъ повода полагать, чтобы таковыя возвращенія повторялись, по крайней мѣрѣ не повторялись они въ большихъ размѣрахъ.

Это позволяетъ думать, что часть еврейскаго народа вовсе не возвращалась изъ плѣненія, а возвратилась лишь та часть, которая и во время плѣненія поселена было недалеко отъ Палестины. Втеченіи двухъ или трехъ вѣковъ, уведенные въ плѣнъ евреи успѣли сроднитьcя съ новымъ отечествомъ. Конечно, гоненія за вѣру отцовъ могли-бы возбудить въ нихъ желаніе, во что-бы то ни стало, возвратиться въ Палестину, но династія Ахеменидовъ (отъ Кира до Дарія Кодомана) одушевлена была полною вѣротерпимостію; притомъ, Палестина была тоже персидская провинція.

Дальнѣйшая судьба еврейскаго народа въ Палестинѣ до возобновившагося разсѣянія его *по лицу всея земли* извѣстна изъ библіи, но библія исключительно занимается избраннымъ народомъ Божіимъ, возстановившимъ храмъ Іерусалимскій, народомъ неумолимо отвергавшимъ всякую чужеземную примѣсь. Такъ, съ презрѣніемъ отвергнуты были соплеменные и сосѣдніе самаритяне, хотя вѣровавшіе въ Іегову, но смутившіе чистоту крови Авраамовой браками съ иноземками. При таковомъ направленіи, весьма понятно равнодушіе палестинскихъ евреевъ къ судьбѣ соотчичей, оставшихся на чужбинѣ, и молчаніе, которое хранитъ о нихъ библія.

Въ 70-мъ году послѣ Р. Х. воспослѣдовало взятіе Іерусалима императоромъ Титомъ и возобновилось разсѣяніе народа еврейскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, началось постепенное измѣненіе прежнихъ понятій. Возникло мнѣніе, что съ Зоровавелемъ и Ездрой возвратилась въ Палестину небольшая и наименѣе достойная часть народа еврейскаго, что десять колѣнъ израилевыхъ остались далеко

на востокѣ, въ невѣдомыхъ странахъ, что Ездра невѣрно возстановилъ ветхій завѣтъ и что законъ Моисеевъ, въ безукоризненной чистотѣ, сохранился между этими евреями, невѣдомо гдѣ живущими. Это мнѣніе о существованіи гдѣ-то десяти колѣнъ израильскихъ принято было и христіанами. Въ V-мъ вѣкѣ по Р. Х. писалъ уже о нихъ св. Іеронимъ. И христіане и евреи питали къ нимъ теплое сочувствіе, хотя и проистекавшее изъ разнородныхъ побужденій. Христіане видѣли въ нихъ представителей ветхо-завѣтнаго закона, надъ которыми не тяготѣетъ вѣчнымъ проклятіемъ кровь Спасителя и которые радостно примутъ вѣсть о пришедшемъ Мессіи. Начиная отъ испанскаго раввина Беніамина Тудельскаго, отыскивавшаго по Азіи въ 1173 году заблудшія колѣна израильскія, и до англійскаго миссіонера Вольфа, путешествовавшаго съ тою-же цѣлію около 1830 года, много было писано объ этомъ предметѣ и много представлено выводовъ самыхъ невѣроятныхъ. Открыто было, что афганцы приписываютъ себѣ еврейское происхожденіе; десяти колѣнамъ пріискано потомство на Малабарскомъ берегу, въ Кашемирѣ, въ Туркестанѣ, въ Китаѣ, даже въ сѣверной Америкѣ!

Всѣ таковые выводы тѣмъ менѣе заслуживаютъ довѣрія, что втеченіи вѣковъ плѣнные евреи могли совершенно утратить языкъ свой, какъ позже утратили его единоплеменники ихъ въ Европѣ; они могли даже оставить вѣру предковъ и сдѣлаться христіанами или мусульманами, такъ-какъ обѣ религіи не противорѣчатъ монотеизму. Исламизмъ выставляетъ себя также въ видѣ дополненія и завершенія библейской истины. Но, при таковыхъ коренныхъ измѣненіяхъ, весьма труднымъ сдѣлалось подмѣтить между туземцами потомковъ евреевъ, увлеченныхъ въ плѣнъ вѣковъ за 25 тому назадъ. Мѣстныя преданія, относясь къ столь отдаленной эпохѣ, весьма сомнительны. Евреи имѣютъ отличительный типъ физіономіи, сохраняющійся черезъ длинный рядъ поколѣній, но собственно нельзя даже опредѣлить, въ чемъ заключаются характеристическія черты этого типа. Впечатлѣніе безсознательное не можетъ быть принимаемо за историческое доказательство, при отсутствіи другихъ. Между еврейскими общинами, разсѣянными по

востоку, иныя разсказываютъ, что онѣ непричастны смерти Іисуса Христа, такъ какъ предки ихъ въ то время не находились въ Іерусалимѣ. Быть можетъ, разсказы эти проистекаютъ изъ желанія умилостивить мѣстныхъ христіанъ и мусульманъ, вообще, по невѣжеству своему, глубоко ненавидящихъ жидовъ. Во всякомъ случаѣ, справедливость этихъ разсказовъ ничѣмъ не можетъ быть доказана. Гораздо замѣчательнѣе, что въ восточной Азіи встрѣчаются двѣ, рѣзко отличныя одна отъ другой, расы евреевъ: это суть *бѣлые* и *черные* евреи. Таковое различіе заставляетъ предполагать два разновременныя разселенія, и, по мнѣнію Буханана, *черные* принадлежатъ къ древнѣйшему, случившемуся за много вѣковъ до Р. Х.

Если смотрѣть на этотъ вопросъ съ строго-критической точки зрѣнія, то, конечно, прежде всего, должно обратить вниманіе на разборъ названій странъ, въ которыя, по свидѣтельству библіи, уведены были царями ассирійскими и вавилонскими плѣнные израильтяне. Таковыя географическія названія поименованы въ библіи не разъ (Паралипоменонъ, кн. перв. V, 23, 26, Царствъ, кн. четв. XVII, 6, Авдія, 20). Мы приведемъ здѣсь мнѣнія изслѣдователей библейской и вообще древней географіи, какъ-то: Розенмюллера, Крюке, Реннеля, Евальда и другихъ, занимавшихся вопросомъ, куда уведены были плѣнные израильтяне.

Рѣка *Гозанъ* есть нынѣшній Кизиль-Озенъ, т. е. рѣка Озенъ, впадающая въ южный берегъ Каспійскаго моря подлѣ Решта. Развалины города *Раги Мидійскія*, гдѣ жилъ Товитовъ должникъ Гаваилъ, находятся недалеко отъ Тегераня. *Гала* (Алаи въ славянскомъ переводѣ библіи), страна Геловъ, нынѣшній Гилянъ, также на южномъ берегу Каспійскаго моря. Въ названіи *Габоръ* (Аворъ, Іоворъ) усматривается Иберія, хотя это сближеніе сомнительно. Еврейская форма названія самихъ евреевъ есть *Еберъ*, весьма близко подходящая къ Иберъ, какъ въ древности называемы были грузины, хотя имъ самимъ названіе это неизвѣстно, развѣ только въ видѣ Имеръ. *Арранъ* есть древнее названіе Карабаха, нынѣшняго Шушинскаго уѣзда. Горы *Гармонъ* (Аермонски) суть горы Армянскія. Подъ этимъ или весьма-близко

подходящимъ къ нему именемъ, Арменія была извѣстна на востокѣ въ самыя отдаленныя времена, какъ то доказывается разборомъ персеполисскихъ гвоздеобразныхъ надписей. Названіе страны Араратской въ библіи имѣло неопредѣленное и обширное значеніе *страны возвышенной: upland*, въ противоположность *lowland*, *страны низменной*, какова есть Месопотамія. *Предѣлы мидскіе* простирались до самой подошвы Кавказскихъ горъ, какъ то доказывается древнѣйшимъ сказаніемъ о Кавказѣ, сохранившимся для насъ въ отрывкахъ изъ Гекатея Милетскаго. Пророкъ Авдій пишетъ, что сыны израилевы разселены были до Сапарада (Сарепта, ошибочно въ славянскомъ переводѣ). Это названіе Сапарадъ, или, такъ-какъ евреи писали безъ гласныхъ, *спрд*, встрѣчается въ гвоздеобразныхъ надписяхъ и, согласно толкованію Лассена, Вивьень-де-С. Мартеня и другихъ, означаетъ Сперъ, страну, лежащую по теченію Чороха. Названіе это сохранилось до нашего времени въ названіи турецкаго санджака Испиръ. Къ сему присовокупимъ сказаніе историка Абидена, переданное намъ Евсевіемъ, что царь Навуходоносоръ поселилъ плѣнниковъ *подлѣ правой стороны Понта Евксинскаго.* Если смотрѣть на Понтъ Евскинскій съ юга, то правымъ берегомъ будетъ кавказскій.

Мы согласны въ томъ, что нѣкоторыя толкованія могутъ подавать поводъ къ сомнѣніямъ, но тѣмъ не менѣе думаемъ, что нельзя не вывести общаго заключенія, что *значительная часть еврейскихъ плѣнниковъ была поселена въ Закавказьѣ, начиная отъ юго-западнаго берега Каспійскаго моря до юго-восточнаго берега Чернаго.*

Армянскіе и грузинскіе историки, какъ и всѣ вообще, начинаютъ исторію свою съ сотворенія міра или съ разселенія сыновей Ноевыхъ. Ихъ сказанія объ отдаленныхъ временахъ чужды всякой критики и преисполнены грубыхъ анахронизмовъ; посему, они могутъ имѣть важность только тогда, когда подтверждаютъ или поясняютъ сказанія библейскія и классическія, или историческіе выводы сравнительной филологіи. Нельзя не обратить вниманія на разсказы армянскихъ и грузинскихъ историковъ о присутствіи многочисленнаго еврейскаго народонаселенія въ Закавказьѣ до временъ

Р. Х. Къ эпохѣ Навуходоносора относятъ они прибытіе въ Сперъ (Сапарадъ) знаменитаго еврейскаго плѣнника, прямаго потомка царя Давида, Шамбада, родоначальника фамиліи Багратіоновъ, которой суждено было играть первенствующую роль въ исторіи Закавказья. Разсказываютъ также, что Тигранъ II, современникъ Лукулла, неоднократно выводилъ изъ Палестины евреевъ большими толпами и селилъ ихъ въ Арменіи. Нельзя разрѣшить, въ какой степени справедливо таковое переселеніе Тиграномъ евреевъ въ Арменію незадолго до Р. Х.; ограничимся выводомъ, что въ это время уже весьма значительное число евреевъ находилось въ Закавказьѣ. Фавстъ Византійскій, писатель IV вѣка по Р. Х., разсказываетъ, что въ армянскомъ городѣ Зарехаванѣ (Zaruana у Птоломея) считалось 5000 армянскихъ и 8000 еврейскихъ семействъ; въ городѣ Еруандашатѣ 30000 еврейскихъ дымовъ, въ Нахчаванѣ 16000 и т. д. Конечно, эти числа относятся къ IV-му вѣку по Р. Х., но таковая многочисленность евреевъ въ Арменіи свидѣтельствуетъ, что они поселились тамъ издавна. Сомнительно, чтобы они вышли изъ Іерусалима послѣ раззоренія его Титомъ. Въ первые вѣка по Р. Х. Закавказье сдѣлалось театромъ ожесточенныхъ религіозныхъ войнъ, и менѣе, чѣмъ какой-либо другой край, могло оно представить убѣжище евреямъ. Если и въ эту эпоху они переселялись туда, то развѣ только потому, что разсчитывали на покровительство одноплеменниковъ, издавна уже тамъ поселившихся.

Древній притокъ еврейскаго народонаселенія въ Закавказье и въ особенности въ Арменію, между прочимъ, доказывается множествомъ библейскихъ преданій, которыя привились къ этому краю. Такъ напр., мы знаемъ, что въ Закавказьѣ существовали искони туземныя преданія о потопѣ, значительно отличествовавшія отъ библейскихъ, но, между тѣмъ, мѣстныя легенды окрестностей горы Масиса (Арарата) строго принаровлены къ библейскимъ сказаніямъ. Это принаровленіе воспослѣдовало еще до распространенія христіанства, что доказывается глубокою древностію мѣстныхъ названій, очевидно составленныхъ согласно библейскимъ преданіямъ о потопѣ. Можно-бы подумать, что библія дошла до Арменіи вмѣстѣ съ

евангеліемъ, какъ то было почти для всѣхъ странъ, обратившихся въ христіанство, но между тѣмъ, какъ видно, библейскія преданія въ Арменіи предшествовали евангельскому ученію. Замѣтимъ, притомъ, что таковыя преданія не были обще-распространены между армянами. Такъ, даже Моисей Хоренскій, подробно писавшій о потопѣ, ни слова не говоритъ о томъ, что ковчегъ остановился на горѣ Масисѣ, которая, само-собою разумѣется, была ему весьма хорошо извѣстна. Очевидно, что эти преданія занесены были евреями, поселившимися въ Арменіи еще до Р. Х., и что первоначально были они въ ходу исключительно между ними. Часто случается, что переселенцы прививаютъ къ почвѣ новаго отечества вынесенныя ими изъ прежняго преданія, особенно-же тѣ, которыхъ географія мало извѣстна. Такъ напр., разсказъ о многострадальномъ Іовѣ, хотя и включенъ въ библію, но совершенно чуждъ библейской исторіи и библейской географіи. У армянъ есть повѣріе, будто-бы Іовъ жилъ въ Арменіи, и это древнее повѣріе, по видимому, также распространено было еврейскими поселенцами.

Присутствіе еврейскаго элемента на Кавказскомъ перешейкѣ ознаменовалось, между прочимъ, явленіемъ, которому не находимъ подобнаго въ цѣлой исторіи. Правда, что оно случилось много вѣковъ уже послѣ Р. Х. Съ сѣверной стороны прилегало къ Кавказу сильное царство Хазарское. Хазары, согласно всѣмъ изслѣдованіямъ, были въ главной массѣ своей народъ финскаго происхожденія, слѣдователъно, совершенно чуждый евреямъ, но, не смотря на то, царь хазарскій и большая часть его подданныхъ приняли законъ іудейскій. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что духъ прозелитизма во всѣ времена былъ чуждъ евреямъ. Они считали себя избраннымъ народомъ Божіимъ, не только, какъ вѣрующіе въ истиннаго Бога, но и какъ сыны Авраамовы. Невѣріемъ могли они утратить это высокое преимущество, но чужеземцы вѣрою не пріобрѣтали его. Обращеніе хазаровъ въ іудейство свидѣтельствуетъ о томъ, какъ нѣкогда элементъ этотъ, *даже пассивно*, могучъ былъ въ странахъ, гдѣ теперь едва замѣтно его присутствіе.

Не въ видѣ доказательства, но въ видѣ второстепеннаго подтвержденія, мы припомнимъ впечатлѣніе, которое производятъ на

каждаго путешественника физіономіи множества кавказскихъ туземцевъ. Едва-ли кто не отмѣтилъ таковаго перваго впечатлѣнія въ своихъ запискахъ. Оно ослабѣваетъ или даже совершенно изглаживается вслѣдствіе долговременнаго пребыванія на Кавказѣ, но о характерѣ физіономіи должно судить не иначе, какъ по первому впечатлѣнію, пока не уступитъ оно еще мѣста разумному ознакомленію. Должна быть какая-либо причина этой примѣтѣ, ни отъ кого не ускользающей. Мы знаемъ, на основаніи лингвистическихъ изслѣдованій, что армяне и осетины принадлежатъ къ индо-европейскому племени, другія кавказскія племена неизвѣстнаго происхожденія, — но нѣтъ на Кавказѣ народа симитскаго семейства, представителями котораго въ Европѣ,—исторически, но не лингвистически,—служатъ евреи.

Въ настоящее время евреи живутъ небольшими общинами въ разныхъ мѣстахъ Кавказскаго перешейка, даже въ самой глуби горъ; наибольшее число ихъ находится въ Имеретіи и въ Дагестанѣ. Между дагестанскими евреями существуетъ преданіе, будто предки ихъ покинули Палестину еще до Р. Х. Во всякомъ случаѣ, настоящее число кавказскихъ евреевъ далеко не соотвѣтствуетъ тому, которое, по-видимому, обитало въ этихъ странахъ въ эпоху Рождества Христова. Таковое уменьшеніе нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ сліяніемъ еврейскаго народонаселенія съ туземнымъ. Теперь въ Дагестанѣ не только отдѣльнымъ ауламъ, но даже цѣлымъ народамъ, преданіе приписываетъ еврейское происхожденіе, какъ напр. андійцамъ и табасаранцамъ. Лингвистическія изслѣдованія опровергаютъ эти преданія. Мы готовы вѣрить, что между нынѣшними андійцами и табасаранцами много есть евреевъ, утратившихъ вѣру и языкъ праотцевъ своихъ, но, во всякомъ случаѣ, андійскій и табасаранскій языки суть самостоятельные въ семействѣ кавказскихъ языковъ и, конечно, созданы не евреями. Эти языки вовсе не то, что нѣмецкій жаргонъ Саксенгаузена (предмѣстья Франкфурта), усвоенный почти всѣми евреями Средней и Восточной Европы. Изъ исторіи Моисея Хоренскаго видно, что Шапухъ (Сапоръ) II, царь персидскій, переселилъ значительное число евреевъ изъ Арменіи во-внутрь Персіи, но, вмѣстѣ

съ тѣмъ, Хоренскій разсказываетъ, что евреи, жившіе въ Арташатѣ и Вахаршапатѣ (т. е. въ нынѣшней Эриванской губерніи), приняли еще прежде христіанскую вѣру. Отказавшись отъ вѣры отцовъ своихъ, евреи утрачиваютъ національность, о которой лишь свидѣтельствуетъ типъ физіономіи впродолженіи длиннаго ряда поколѣній; языкъ свой обыкновенно забываютъ они очень скоро. Въ настоящее время, не только на Кавказѣ, но даже и на цѣломъ земномъ шарѣ, нѣтъ болѣе евреевъ, которыхъ-бы обыденный языкъ былъ еврейскій. Сколько мы можемъ судить изъ разсказовъ армянскихъ и грузинскихъ историковъ, кавказскіе евреи не подвергались гоненіямъ за вѣру. Цари династіи Аршакидовъ старались склонить къ поклоненію идоламъ фамилію Багратидовъ, которая занимала первенствующее мѣсто въ армянской феодальной аристократіи. За упорство, нѣкоторые члены фамиліи этой подверглись гоненіямъ и даже истязаніямъ. Багратиды вступили съ царями въ сдѣлку: они согласились вкушать, вмѣстѣ съ другими нахорарами (владѣтельными князьями), свиное мясо жертвъ при торжественныхъ случаяхъ, но сами не приносили жертвъ и не преклонялись передъ идолами. Отсюда видно, что гоненія, которымъ иногда подвергалась фамилія Багратидовъ, навлекаемы были на нее высокимъ общественнымъ положеніемъ ея, и можно заключить, что остальной массѣ еврейскаго народонаселенія была предоставлена свобода вѣроисповѣданія, которое сохранилось во всей чистотѣ до самаго времени Рождества Христова. Посему, не подлежитъ сомнѣнію, что кавказскіе евреи поддерживали тѣсныя сношенія съ Палестиной, такъ-какъ Іерусалимъ и въ-особенности храмъ Соломоновъ не могли утратить для нихъ своей святости. Непрерывности этихъ сношеній особенно способствовало тогдашнее политическое положеніе Западной Азіи.

Александръ Македонскій, во время похода своего въ Персію, не коснулся ни Арменіи, ни сопредѣльныхъ странъ, прилегающихъ къ юго-восточному углу Чернаго моря. Арменія покорилась македонскому завоевателю, какъ часть покоренной имъ Персидской монархіи; сосѣднія съ нею страны остались независимыми. Послѣ смерти Александра, полководцы его, прежде всего, обратили ору-

жіе въ эту сторону и дѣйствовали успѣшно. Позже возникла великая Сирійская монархія, и въ эпоху полнаго могущества ея, вліяніе Селевкидовъ распространилось даже на сѣверную сторону Кавказа. Но, вслѣдъ за тѣмъ, начался періодъ распаденія сирійской централизаціи, возбудившій во всѣхъ частяхъ кипучую политическую дѣятельность: рядъ войнъ, оборонительныхъ союзовъ, фамильныхъ договоровъ. Народы, жившіе отъ береговъ Каспійскаго моря до береговъ Средиземнаго, другъ другу чуждые и неизвѣстные, въ наше время вновь раззнакомившіеся, вошли въ тѣснѣйшее соприкосновеніе. Римляне поддерживали духъ сопротивленія сирійскому владычеству, но съ ослабленіемъ послѣдняго сами они явились опаснѣйшими врагами независимости азіатскихъ народовъ. Тогда средоточіе сопротивленія отодвинулось далѣе къ востоку, основавъ свою опору на Кавказскомъ перешейкѣ. Митридатъ Понтійскій, Тигранъ Армянскій, Аршакъ Парѳянскій, водили полчища свои въ Сирію, Анатолію, даже на материкъ Греціи. Это была эпоха весьма тревожная, но извѣстно, что таковыя эпохи особенно способствуютъ сближенію народовъ, не дозволяя имъ заглохнуть въ неподвижныхъ, отдѣльныхъ, безплодныхъ для общечеловѣческаго развитія, національностяхъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что тогдашнее политическое броженіе Западной Азіи не дозволяло и кавказскимъ евреямъ забыть о своихъ палестинскихъ соплеменникахъ, что все происходившее въ Іерусалимѣ находило отголосокъ и сочувствіе въ Вахаршапатѣ, Арташатѣ, Нахчаванѣ, Мцхетѣ.

На сценѣ древней всемірной исторіи евреи постоянно оставались почти незамѣченными. Геродотъ, писавшій о множествѣ народовъ, ни слова не говоритъ о іудеяхъ, не смотря на то, что говоритъ о Палестинѣ и лично посѣтилъ страну эту. Послѣ походовъ Александра Македонскаго и въпродолженіи римскихъ войнъ въ Азіи, классики узнали о существованіи іудеевъ, но постоянно говорятъ о нихъ вскользь, какъ о народѣ незначительномъ. О іудеяхъ упоминаютъ Манетонъ, Іустинъ, Діодоръ Сицилійскій, Гекатей Абдеритскій и другіе. Александръ Полигисторъ написалъ въ послѣднемъ вѣкѣ до Р. Х. исторію іудеевъ, которая дошла до насъ въ отрывкахъ. Думали, что евреи суть египетское племя,

изгнанное изъ Египта, какъ зараженное проказою; вслѣдствіе этой болѣзни евреи чуждаются сообщества съ другими народами и питаютъ глубокую ненависть ко всему роду человѣческому. Гоненія, воздвигнутыя на нихъ Антіохомъ Епифаномъ, казались вполнѣ сообразными съ справедливостію. Антіоху VII совѣтовали истребить евреевъ до послѣдняго человѣка или, по крайней мѣрѣ, принудить ихъ измѣнить обычаи свои. Если поставить себя на точку зрѣнія язычниковъ, то, конечно, таковыя чувства ненависти и отвращенія къ евреямъ понятны. Въ цѣломъ древнемъ мірѣ господствовала величайшая вѣротерпимость; чуждыхъ боговъ народы включали въ сонмъ собственныхъ; религіозныхъ войнъ, гоненій, мы нигдѣ не встрѣчаемъ, кромѣ какъ развѣ въ Индіи, но Индія составляла отдѣльный міръ. Напротивъ, библія дышетъ чувствомъ ненависти ко всѣмъ не-евреямъ, чувствомъ омерзѣнія ко всѣмъ богослуженіямъ, кромѣ служенія Іеговѣ. Припомнимъ себѣ истребленія цѣлыхъ народовъ, совершенныя евреями во время завоеванія Палестины, и мы поймемъ неумолимую ненависть, которую питали къ нимъ сосѣди,—ненависть, которой сочувствовали греки и римляне.

Язычники знали, что законодателемъ еврейскимъ былъ нѣкто Моисей, котораго считали за бѣглаго жреца египетскаго. Объ ожиданіи Мессіи не было имъ ничего извѣстно.

Жизнь Спасителя, ученіе его, чудеса, смерть, воскресеніе, прошли незамѣченно для греческо-римскаго міра. Подложность донесеній объ Іисусѣ преторовъ Лентула и Пилата не подлежитъ сомнѣнію. Въ высшей степени сомнительно и предложеніе Тиверія сенату включить Іисуса въ число боговъ. Не ранѣе, какъ въ 45 году по Р. Х.; христіанское ученіе достигло Рима; при Неронѣ христіане подверглись уже жесточайшему гоненію. Это было явленіе безпримѣрное въ древнемъ мірѣ; но язычники видѣли въ христіанствѣ одну лишь іудейскую секту. Ненависть, которую питали они къ евреямъ, обрушилась на христіанъ. Какъ бы ни велика была свобода вѣроисповѣданія, но встрѣчаются секты, которыя не могутъ быть терпимы ни въ одномъ благоустроенномъ обществѣ, какъ напр. туги въ Остъ-Индіи, или мормоны въ Сѣверной Америкѣ, или напр. извѣстная у насъ секта, которая въ недавнее

время произвела столько шуму. Съ такой точки зрѣнія и римское правительство смотрѣло на христіанъ. Въ Римѣ случились пожары, и подозрѣнія въ поджогахъ пали на христіанъ; христіанъ обвиняли въ похищеніи дѣтей, которыхъ кровь будто-бы пили они и мясо ѣли на праздникѣ Пасхи; христіанскія *всенощныя бдѣнія* сопровождались, по мнѣнію язычниковъ, явленіями, отъ которыхъ краснѣлъ даже Римъ, современный Мессалинѣ... Христіанство на западѣ, хотя и распространялось съ чрезвычайною быстротою, но долгое время принимаемо было за тайное общество, весьма опасное для политическаго и моральнаго порядка. Христіанъ преслѣдовали даже императоры, отличавшіеся милосердіемъ и справедливостію; преслѣдованіе казалось имъ тяжкою, но необходимою обязанностію.

Въ Закавказьѣ, гдѣ издавна уже поселились въ весьма большомъ числѣ евреи, первоначальное распространеніе христіанства имѣло другой характеръ.

Ожиданіе Мессіи всегда составляло и теперь еще составляетъ краеугольный догматъ вѣры іудейской. Евреи не могли тотчасъ-же не уразумѣть настоящаго значенія христіанства. О томъ, что произошло въ Іерусалимѣ, не заботились ни Римъ, ни Аѳины, но нѣтъ сомнѣнія, что все это возбудило неизобразимое волненіе между кавказскими евреями, которые, какъ мы сказали, въ ту эпоху были въ тѣсной связи съ Палестиной. Въ самой Палестинѣ народъ тысячами слѣдовалъ за Спасителемъ и съ жадностію внималъ проповѣди Его. Возстали на Іисуса одни лишь книжники, Фарисеи и Садукеи. Это были плевела, незадолго до того возросшія на почвѣ палестинской, вслѣдствіе соприкосновенія закона Моисеева съ эллинской философіей и противодѣйствія таковой философіи. Но отъ этихъ плевеловъ охранены были евреи, жившіе на чужбинѣ; мудрствованія софистовъ не смущали радости ихъ о пришедшемъ Мессіи.

Конечно, мы въ *правѣ* не вѣрить разсказу грузинскихъ лѣтописцевъ о томъ, какъ взволнованы были мцхетскіе евреи извѣстіемъ о посѣщеніи Виѳлеема царями-волхвами. Грузинскій лѣтописецъ разсказываетъ и то, какъ нѣкогда дошла до Грузіи свѣжая вѣсть о переходѣ израильтянъ черезъ Чермное море. Но нѣтъ

повода сомнѣваться, что, еще при жизни Спасителя, вѣсть объ ученіи и чудесахъ Его достигла Мцхета, что тогда-же многіе увѣровали, другіе отправились въ Іерусалимъ, чтобы лично удостовѣриться въ слышанномъ. Мы знаемъ, что въ 66-мъ году до Р. X., слѣдовательно незадолго до разсѣянія народа израильскаго, въ Іерусалимъ на праздникъ опресноковъ собралось болѣе 2,500,000 людей обоего пола. Быть можетъ, число это и преувеличено, но, по всей вѣроятности, весьма большое число богомольцевъ собиралось въ Іерусалимъ ежегодно и при жизни Спасителя. Можно-ли думать, чтобы въ числѣ ихъ не было нѣсколько пришельцевъ съ Кавказа? Суду исторіи, конечно, не подлежатъ разсказы грузинскихъ лѣтописцевъ о чудесахъ и таинственныхъ видѣніяхъ, ознаменовавшихъ появленіе христіанства въ Мцхетѣ; для насъ достаточно заключенія, что вѣсть о Христовомъ ученіи достигла Грузіи въ самый годъ распятія Іисуса Христа и принесена была туда очевидцами. Преданіе о священномъ хитонѣ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ историческую достовѣрность.

Весьма вѣроятно, что тѣмъ-же путемъ, т. е. посредствомъ еврейскаго народонаселенія, христіанство появилось впервые и въ Арменіи. Едва-ли, впрочемъ, возможно придать историческую достовѣрность преданію объ эдесскомъ царѣ Авгарѣ, первомъ будто-бы изъ вѣнценосцевъ принявшемъ христіанскую вѣру.

Посреди множества небольшихъ владѣній, возникшихъ на развалинахъ монархіи Селевкидовъ, образовалось и царство Эдесское, управлявшееся династіей Авгаровъ или Абгаровъ. Существованіе этой династіи несомнѣннымъ образомъ доказывается дошедшими до насъ монетами, но происхожденіе ея весьма загадочно. Армяне почитаютъ ее отраслію армянскихъ Аршакидовъ. Въ церковной исторіи говорится о царѣ Авгарѣ Черномъ, современникѣ Іисуса Христа, бывшемъ съ Нимъ въ перепискѣ, получившемъ отъ Него нерукотворенное изображеніе лица Его и котораго впослѣдствіи крестилъ Ѳаддей, одинъ изъ младшихъ апостоловъ. Уже одно то обстоятельство, что мы не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ этого преданія ранѣе IV вѣка по Р. X., заставляетъ сильно сомнѣваться въ его справедливости. Евсевій, у котораго впервые находимъ мы

разсказъ о перепискѣ Авгара съ Спасителемъ, ни слова не говоритъ о нерукотворенномъ образѣ. Это умолчаніе почитаютъ умышленнымъ, такъ-какъ Евсевій принадлежалъ къ сектѣ иконоборцевъ; во всякомъ случаѣ, оно бросаетъ тѣнь или на добросовѣстность историка или на достовѣрность преданія. Дальнѣйшая исторія династіи Авгаровъ весьма мало извѣстна, но замѣчательно, что на монетахъ Авгаръ-Баръ-Ману, царствовавшаго между 160 и 170 гг., крестъ замѣняетъ прежніе знаки баалова служенія. Быть можетъ, этотъ Авгаръ принялъ христіанскую вѣру.

Согласно церковнымъ преданіямъ, апостолы Андрей и Симонъ Хананейскій проповѣдывали слово Божіе на кавказскомъ берегу Чернаго моря; Варѳоломей и Ѳаддей—въ Арменіи. Эти преданія не подлежатъ историческому разбору, потому что, конечно, столь-же невозможно доказать, что апостолъ Андрей посѣтилъ Абхазію, какъ и то, что онъ посѣтилъ Кіевъ. Мы можемъ остановиться лишь на томъ убѣжденіи, что уже въ первомъ вѣкѣ христіанской эры много христіанъ находилось въ Грузіи и Арменіи, преимущественно-же между тамошними евреями. Въ 100 году по Р. X., папа Климентъ сосланъ былъ императоромъ Траяномъ въ Херсонь и оттуда распространялъ христіанское ученіе между иберами (грузинами), какъ о томъ повѣтствуетъ почти современный писатель, св. Иреней. Съ тѣхъ поръ уже въ церковной исторіи упоминается о церквахъ иберскихъ.

Исторически обращеніе Арменіи относится къ 300-му году, когда крещенъ былъ царь Тиридатъ (Дердатъ) II рукою св. Григорія, сына Енака, убійцы Хозроя, отца Тиридатова. Если не принимать въ соображеніе сомнительной исторіи Авгаровъ, то армянскихъ Аршакидовъ должно считать первою изъ царственныхъ династій, принявшею христіанскую вѣру. Лѣтъ 15 спустя, обратилась и Грузія, при царѣ Миріанѣ, первомъ изъ династіи Сассанидовъ. Таковое обращеніе приписывается уроженкѣ іерусалимской, которая у грузинъ называется Нино, у армянъ Нуне, а у греческихъ писателей Нонна, что значитъ по-латыни *монахиня*. По всей вѣроятности, это есть настоящее происхожденіе ея имени. Разсказываютъ, что въ Іерусалимѣ сохранилось преданіе о томъ,

что хитонъ Господень сокрытъ въ Мцхетѣ, и св. Нина возгорѣла желаніемъ увидѣть драгоцѣнную святыню и возвѣстить слово Божіе въ Иберіи.

Не смотря на обращеніе царей грузинскаго и армянскаго, идолопоклонство нескоро исчезло между ихъ подданными. Христіанская ревность новообращенныхъ князей армянскихъ подвигла ихъ къ ожесточенному и кровавому преслѣдованію идолопоклонниковъ, о чемъ подробно разсказываетъ историкъ Зенобій. Въ Грузіи, слишкомъ 200 лѣтъ спустя послѣ обращенія царя Миріана, сохранились еще идолы и жертвенники на горѣ Заденъ, въ виду столицы царской. Мѣстныхъ средствъ къ распространенію христіанства, по-видимому, было недостаточно, и около 550 года, съ благословенія знаменитаго подвижника Симеона Столпника, въ Грузію прибыла цѣлая миссія святыхъ мужей, извѣстныхъ въ грузинской церковной исторіи подъ именемъ 13 сирійскихъ отцовъ. Они почитаются основателями знаменитѣйшихъ монастырей и церквей въ краѣ; они довершили дѣло, начатое мцхетскими евреями и св. Нино.

Бакинская, Елисаветпольская губерніи и заалазанская Кахетія въ древнія времена извѣстны были подъ названіемъ Албаніи, или, согласно армянскому выговору, Агованіи. Албанія (отъ *алб, альпы)* значитъ *горная страна*, названіе неправильное, потому-что въ составъ страны входила и низменная долина Куры. Такъ-какъ вообще названіе Албаніи было весьма-неопредѣленное, то нельзя обозначить собственно, гдѣ оканчивалась она къ сѣверу. Все то, что извѣстно было древнимъ изъ нынѣшняго Нагорнаго Дагестана, причислялось также къ Албаніи. Обитатели Дагестана большею частію носили весьма-неопредѣленныя наименованія, какъ-то: маскутовъ (массагетовъ, великихъ скиѳовъ), сарматовъ, гунновъ и т. п., совершенно также, какъ и теперь народы малоизвѣстные нами называются татарами, лезгинами, азіатами и т. п. Такъ какъ Арранъ входилъ также въ составъ Албаніи, то можно заключить, что евреи встрѣчались въ Албаніи съ самыхъ отдаленныхъ временъ; арабы въ X вѣкѣ по Р. Х. встрѣчали ихъ въ Дагестанѣ почти на каждомъ шагу; теперь еще евреевъ весьма

много въ Кубинскомъ уѣздѣ. Посему, можно полагать, что и христіанство въ этой странѣ появилось весьма рано. По преданію, первымъ проповѣдникомъ былъ св. Елисей (Егише), ученикъ апостола Ѳаддея. Елисей отправился изъ Іерусалима, заходилъ къ маскутамъ, т. е. въ Нагорный Дагестанъ, проповѣдывалъ въ Чога (въ Дербентѣ или Дербентскомъ округѣ. Теперь еще хайдаки называютъ Дербентъ Чоли или Чули; *л* согласно армянской транскрипціи превращается въ *г*). Елисей воспріялъ вѣнецъ мученическій въ долинѣ Зергуни (въ участкѣ Кабалинскомъ нынѣшняго Нухинскаго уѣзда). Очевидно, что св. Елисей обратилъ въ христіанство нѣсколько отдѣльныхъ семействъ въ разныхъ мѣстахъ; выраженіе Моисея Каганкатваци, что Елисей заходилъ и къ маскутамъ, не доказываетъ, что христіанство распространилось между дагестанскими горцами. Три вѣка спустя, когда крестился царь Тиридатъ, св. Григорій Просвѣтитель крестилъ и агванскаго царя Урнайра. Въ епископы странъ Агваніи и Иверіи рукоположенъ былъ внукъ св. Григорія Просвѣтителя, отрокъ Григорисъ, который утверждалъ обѣ страны въ хожденіи въ христіанской вѣрѣ, строилъ церкви по городамъ и селамъ и рукополагалъ іереевъ. Потомъ, отправился онъ въ страну маскутовъ, т. е. въ Нагорный Дагестанъ, и предсталъ передъ царя Санесана, который слушалъ проповѣдь его съ радостью. Санесанъ названъ у Моисея Каганкатваци единоплеменникомъ Аршакидовъ. Замѣчательно, что у извѣстнаго дагестанскаго историка, муллы Мухаммедъ-Рафи, династія аварскихъ нуцаловъ выводится также отъ Аршакидовъ. Быть можетъ, этотъ Санесанъ былъ одинъ изъ нуцаловъ. Какъ бы то ни было, но, по *внушенію сатаны*, Санесанъ предалъ отрока Григориса смерти. Послѣ смерти Григориса христіанство заглохло въ Нагорномъ Дагестанѣ. Но, тѣмъ не менѣе, мы находимъ у Моисея Каганкатваци непрерывную роспись агованскимъ католикосамъ до самаго 998 года. Мѣстопребываніе ихъ было перенесено въ городъ Барду (въ нынѣшнемъ Елисаветпольскомъ уѣздѣ), вдаль отъ Нагорнаго Дагестана. Когда произошелъ религіозный разрывъ между Грузіей и Арменіей, въ концѣ VI вѣка, то агованское духовенство присоединилось къ армянскому.

Соображая отрывочныя свѣдѣнія о распространеніи христіанства въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ грузинскими, армянскими и агованскими проповѣдниками, нельзя не придти къ убѣжденію, что сѣмя Слова Божія никогда не дозрѣвало тамъ до благословенной жатвы: всходы уничтожаемы были невзгодами. Причины объяснить не трудно. Дагестанъ отдѣленъ отъ Грузіи и отъ плоской части Агованіи весьма трудно проходимыми естественными рубежами; посему, вліяніе грузинскихъ или армянскихъ или агованскихъ царей никогда не могло утвердиться въ горахъ. Иногда горцы, частями, слѣдуя различнымъ побужденіямъ, признавали власть того или другаго государя, но таковая покорность была совершенно мнимая. Горцы безъ труда изъявляли покорность, потому что не считали ея для себя обязательною, или сколько-нибудь стѣснительною для своей независимости. Столь-же легко принимали они и христіанскую вѣру. Чтобы выставить это обстоятельство въ настоящемъ свѣтѣ, мы позволимъ себѣ небольшое отступленіе.

Въ исторіи обыкновенно означается годъ, въ который христіанство принято было цѣлымъ народомъ. Очевидно, что при этомъ подразумѣвается не болѣе, какъ эпоха обращенія правительства къ христіанской вѣрѣ. Обыкновенно, еще ранѣе, много христіанъ числится въ странѣ и, равнымъ образомъ, впродолженіи многихъ вѣковъ позже, не сглаживаются слѣды идолопоклонства. Въ вѣрованіяхъ цѣлаго народа не можетъ произойти крутаго и внезапнаго переворота. Большею частію массы невѣжественныхъ язычниковъ принимаютъ христіанство, оставаясь совершенно чуждыми настоящему его значенію. По ихъ понятіямъ, каждымъ народомъ правятъ особые боги: вопросъ, чьи боги сильнѣе, обыкновенно разрѣшается въ пользу народнаго самолюбія. Принятіе язычниками христіанства заключается въ томъ, что они начинаютъ поклоняться и *богу христіанъ*, и исполняютъ охотно наружные обряды, которые установлены христіанской религіей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они вовсе не расположены прерывать вѣковыхъ отношеній своихъ къ прежнимъ богамъ, такъ-какъ опасаются раздражить ихъ пренебреженіемъ и, сверхъ того, привыкли къ религіознымъ обрядамъ, тѣсно связавшимся съ цѣлымъ обиходомъ домашней жиз-

ни. Такъ возникаетъ религія, составленная изъ нелѣпой смѣси христіанскихъ понятій съ языческими, причемъ долгое время послѣднія преобладаютъ надъ первыми.

Въ этомъ состояніи необходима для народа внѣшняя помощь, вмѣшательство правительства, которое-бы заботилось о распространеніи христіанскаго образованія и искореняло языческіе обычаи, само-собою разумѣется, удерживаясь отъ всякаго религіознаго преслѣдованія. Все это требуетъ много времени и труда, несравненно болѣе, чѣмъ сколько нужно, чтобы окрестить языческій народъ. Католическіе миссіонеры подзывали къ себѣ ребенка изъ туземцевъ, чтобы умыть его, и, украдкой бормоча молитвы, совершали надъ нимъ таинство крещенія, но вѣдь это было не болѣе, какъ религіозное кощунство. Теперь прошло уже слишкомъ тысячелѣтіе послѣ того, какъ христіанство распространилось по Европѣ, а народъ все еще не забылъ *домовыхъ*, *водяныхъ*, *лѣшихъ*, которымъ нѣкогда поклонялись древнѣйшіе обитатели Европы. Кто имѣлъ случай изучить религіозныя понятія различныхъ финскихъ племенъ, обитающихъ въ Россіи, тотъ въ состояніи прослѣдить различныя ступени развитія христіанства между ними, и тотъ, конечно, оцѣнилъ по достоинству выраженіе, что въ такомъ-то году такой-то народъ озарился свѣтомъ христіанскаго ученія. Этотъ свѣтъ является не въ видѣ молніи, или, если въ видѣ молніи, то глубокій мракъ слѣдуетъ за мгновеннымъ блескомъ. Много ступеней между св. Августиномъ, сдѣлавшимся христіаниномъ, потому что исчерпалъ онъ, не найдя отрады, всю эллинскую философію, и между мцхетскимъ евреемъ, ожидавшимъ Мессію и дождавшимся Его, и между дикимъ остякомъ, охотно крестившимся по непониманію святости крещенія, и, не смотря на крещеніе, шаманствующимъ, молящимся и приносящимъ жертвы старымъ богамъ...

Древнія вѣрованія кавказскихъ горцевъ еще вовсе не изслѣдованы, хотя изслѣдованія эти возможны и въ наше время, такъ какъ значительная часть горцевъ до-сихъ-поръ язычники, не смотря на то, что нѣкогда назывались христіанами, а теперь считаются мусульманами. Религія ихъ заключается въ поклоненіи природнымъ дѣятелямъ, которые осуществляются въ видѣ различныхъ фантастическихъ существъ, обитающихъ въ извѣстныхъ рощахъ

или на извѣстныхъ скалахъ. Ихъ религіозныя обязанности ограничиваются тѣмъ, что въ извѣстныя эпохи собираются они на извѣстныхъ святыхъ мѣстахъ и тамъ приносятъ въ жертву быковъ и барановъ, мясо которыхъ съѣдается на мѣстѣ-же, послѣ чего происходитъ скачка, стрѣльба въ цѣль и т. п. Слѣды дѣятельности христіанскихъ проповѣдниковъ обозначались въ горахъ сооруженіемъ нѣсколькихъ небольшихъ церквей или часовенъ въ честь разныхъ святыхъ и водруженіемъ въ иныхъ мѣстахъ крестовъ. Все это представилось горцамъ лишь въ видѣ дополненій къ прежнимъ ихъ вѣрованіямъ; церкви, часовни, кресты сдѣлались предметами благоговѣнія народнаго на ряду съ рощами и скалами. Св. Георгій, св. Илья, Маріамъ и другіе святые христіанской церкви примкнули къ сонму языческихъ Созореса, Аѳы и пр. и пр. Въ дни празднованія памяти христіанскихъ святыхъ, горцы собирались къ извѣстнымъ церквамъ, приносили жертвы, дѣлали скачки и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обычай ихъ вошло соблюденіе нѣкоторыхъ постовъ, и тѣмъ легче, что, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, горцы постоянно крайне-умѣренны въ пищѣ. Дальнѣйшимъ стѣсненіямъ они не подчинились; такъ напр., *супружескій уставъ ихъ остался въ совершенномъ противорѣчіи съ церковными положеніями.* Нѣчего и говорить, что обычай кровомщенія сохранился во всей силѣ, вопреки евангельскому ученію о кротости и прощеніи обидъ.

Какъ мы сказали выше, все это въ естественномъ порядкѣ вещей: въ подобномъ видѣ христіанство появилось первоначально у всѣхъ новообратившихся язычниковъ. Но въ подобномъ видѣ оно и заглохло у горцевъ; они не дошли до сколько-нибудь яснаго пониманія евангельскаго ученія. Сколько извѣстно, не только Священное Писаніе, не только литургія, но ни одна даже молитва не была переведена проповѣдниками ни на одно изъ горныхъ нарѣчій. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ таковыхъ переводовъ. Въ армянской исторіи повѣствуется, что св. Месропъ, изобрѣтатель армянской азбуки, нашелъ ее недостаточною для суроваго агованскаго языка и потому составилъ для послѣдняго особую азбуку. Который изъ горскихъ языковъ былъ этотъ агованскій? Было-ли что когда-либо написано на немъ? Одно лишь можно сказать утвердительно, что въ настоящее время не существуетъ ни

одной древней надписи ни на одномъ изъ горскихъ языковъ, между тѣмъ какъ, кромѣ арабскихъ и пегльвійскихъ, встрѣчаются въ самой глуби горъ надписи грузинскія, армянскія и греческія. Нѣтъ сомнѣнія, что богослуженіе въ горахъ никогда не совершалось ни на одномъ изъ туземныхъ языковъ; посему смыслъ его всегда оставался непонятнымъ для горцевъ. Конечно, и внутри Россіи богослуженіе для инородныхъ прихожанъ совершается на славяно-церковномъ языкѣ; но эти инородцы свѣтскими отношеніями своими такъ тѣсно связаны съ русскими, что втеченіи вѣковъ они усвоиваютъ себѣ Слово Божіе на чуждомъ языкѣ. На Кавказѣ не то было. Какъ мы сказали выше, вліяніе Грузіи и плоской Агованіи на горы всегда было весьма-ограниченно; большею частію даже оно уступало мѣсто ожесточенной враждѣ. Между-тѣмъ, христіанство въ горахъ не имѣло никакой самостоятельности; при разрывѣ съ равниной оно лишалось всякой поддержки. Эти разрывы случались безпрестанно; мы знаемъ, что грузинскіе владѣтели, для наказанія горцевъ за частые грабежи, иногда даже поставляли ихъ въ непрерывное блокадное положеніе, не позволяя имъ выходить изъ ущелій. Блокадное положеніе, въ которое поставилъ Сванетію имеретинскій царь Александръ, повлекло за собою раззореніе и совершенное одичаніе страны. При такихъ условіяхъ, постоянное рукоположеніе духовенства въ горахъ сдѣлалось невозможнымъ. Вмѣсто прежнихъ грузинскихъ священниковъ, охранителями опустѣлыхъ церквей явились *деканозы*, т. е. духовенство туземное, нерукоположенное, чуждое самыхъ основныхъ понятій о христіанской религіи. Теперь, въ христіанскихъ храмахъ, деканозы приносятъ жертвы, читаютъ непонятныя, какъ для нихъ самихъ, такъ и для слушателей, молитвы, совершаютъ нелѣпые обряды.

Какъ мы сказали выше, горцы естественными преградами, со стороны запада и юга, оторваны отъ христіанскаго народонаселенія Закавказья; къ сторонѣ востока прилегаютъ они къ Каспійскому морю, вдоль берега котораго тянется равнина, составляющая единственное удобное сообщеніе дагестанскихъ горцевъ съ остальнымъ свѣтомъ. Но уже въ VII вѣкѣ по Р. Х. она занята была арабами, которые положили тамъ начало политическому порядку на весьма-прочномъ религіозномъ основаніи. Возникшія мусульман-

скія правительства, по самому географическому положенію, имѣли на горцевъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ грузинскіе цари, и распространили въ горахъ исламизмъ. Впрочемъ, не далѣе, какъ въ наше время, исламизмъ успѣлъ на большомъ протяженіи Кавказскихъ горъ слиться съ бытомъ народнымъ. И теперь еще, въ дикихъ ущельяхъ Галгая, Ако, народъ по-прежнему поклоняется богамъ своимъ, не сознавая между исламизмомъ и христіанствомъ другаго различія, кромѣ того, что одна вѣра запрещаетъ ѣсть свиное мясо, а другая, не только дозволяетъ, но даже повелѣваетъ.

На столь же непрочныхъ основаніяхъ, но гораздо въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, нѣкогда распространено было христіанство на западномъ Кавказѣ. Извѣстно, что уже за много вѣковъ до Р. Х., на восточномъ берегу Чернаго моря, находились богатые греческіе города, которые поддерживали непрерывныя сношенія съ метрополіей и обладали греческимъ образованіемъ. Въ нихъ христіанство существовало еще до временъ Константина Великаго. Заслуга распространенія евангельскаго ученія на западномъ Кавказѣ принадлежитъ преимущественно Юстиніану, воспоминаніе о которомъ до-сихъ-поръ сохранилось въ адыгскихъ пѣсняхъ. Греческое духовенство проникло въ нѣдра горъ до самой Кабардинской плоскости; теперь еще существуютъ развалины христіанскихъ храмовъ въ самыхъ недоступныхъ частяхъ Кавказа, на Тебердѣ и въ верховьяхъ Кубани. Этому благословенному началу не доставало одного великаго условія: *національной самостоятельности.* Книги священнаго писанія никогда не были переведены на туземные языки; богослуженіе производилось на греческомъ; христіанство находилось въ строгой зависимости отъ Византіи, съ паденіемъ которой угасъ источникъ евангельскаго свѣта для Кавказа. Туземцы не успѣли еще высвободиться изъ переходнаго состоянія отъ язычества къ христіанству; первое имѣло болѣе глубокіе корни, чѣмъ послѣднее. Мнимые кавказскіе христіане были просто язычники. Приведемъ здѣсь показанія путешественниковъ о состояніи на западномъ Кавказѣ христіанства.

Генуэзецъ Интеріано, посѣтившій восточный берегъ Чернаго моря между 1550 и 1557 годами, пишетъ о черкесахъ: „они называютъ себя христіанами и имѣютъ греческихъ священниковъ,

но дѣтей крестятъ не ранѣе, какъ когда минетъ имъ восемь лѣтъ. Священники обливаютъ ихъ водою на свой ладъ, къ чему присовокупляютъ краткую молитву. Знатные люди не входятъ въ церковь до шестидесятилѣтняго возраста, опасаясь осквернить ее своимъ присутствіемъ, такъ-какъ всѣ они живутъ грабежомъ. Перейдя эти лѣта, они перестаютъ воровать и грабить, и присутствуютъ тогда при богослуженіи, которое въ молодости слушали не иначе, какъ сидя на конѣ передъ дверями церковными.

„У народа этого нѣтъ азбуки. Ихъ священники для богослуженія употребляютъ греческія книги, которыхъ вовсе не понимаютъ.

„Случается, что братъ убиваетъ брата и потомъ тотчасъ-же раздѣляетъ ложе съ вдовою. *Многоженство дозволено, и всѣ жены считаются законными.*“

Лѣтъ 50 спустя, около 1637 года, Черкесію посѣтилъ доминиканецъ Іоаннъ Луккскій. Вотъ, что пишетъ онъ: „Черкесы говорятъ и по-черкесски и по-турецки; нѣкоторые изъ нихъ магометане, другіе греческаго вѣроисповѣданія. Но магометанъ болѣе. Священникъ, который живетъ въ Терки, иногда креститъ ихъ, но мало объясняетъ имъ законъ Божій. Съ каждымъ днемъ, число турокъ (мусульманъ) возрастаетъ: отъ греческаго вѣроисповѣданія сохранился лишь обычай носить пищу на могилы и нѣсколько постовъ...

„Абассы неграмотны; они считаются христіанами, но не исполняютъ никакихъ христіанскихъ обрядовъ. Въ землѣ ихъ много встрѣчается водруженныхъ крестовъ. Жители величайшіе мошенники...

„Они носятъ усы, но брѣютъ бороду, за-исключеніемъ *папаровъ*. Такъ называются люди, хоронящіе мертвыхъ и молящіеся за упокой души ихъ. Покойниковъ кладутъ въ колоды, которыя потомъ ставятся на четыре кола...“

Рейнеггсъ, путешествовавшій по Кавказу между 1782 и 1784 годами, разсказываетъ объ абхазцахъ: „каждый изъ нихъ имѣетъ особыя заблужденія, которыя называетъ своею вѣрой. Ихъ догматы весьма разнообразны; упомяну лишь о тѣхъ, которые наиболѣе распространены.

„Слѣдуя древнему обычаю, они празднуютъ весеннее равноденствіе, окрашивая яица въ разныя цвѣта, причемъ пируютъ. Въ этотъ день и въ два слѣдующіе, у нихъ происходятъ скачки, борьбы и другія увеселенія...

„Въ началѣ мая собираются въ густомъ лѣсу, который почитаютъ священнымъ и въ которомъ никто не смѣетъ срубить дерева, что, по ихъ мнѣнію, прогнѣвало бы Всевышняго, которому достойно и успѣшно молиться можно лишь въ этомъ лѣсу.

„Посреди лѣса, какъ увѣряютъ, находится большой и тяжелый желѣзный крестъ, который охраняютъ благочестивые отшельники. Никто не знаетъ, когда и кѣмъ онъ былъ поставленъ. Но отшельники разсказываютъ о немъ много чудеснаго и сверхестественнаго, не имѣющаго никакого соотношенія къ христіанству: этимъ привлекаютъ они даянія народныя...“

Послѣ паденія Константинополя и прекращенія генуэзской торговли, черкесы вошли въ тѣсныя сношенія съ турецкими и крымскими мусульманами. Правда, что народъ считалъ себя независимымъ отъ султана и не платилъ ему дани, но уже въ XVII вѣкѣ турки устроили нѣсколько приморскихъ укрѣпленій на черкесскомъ и абхазскомъ берегахъ и содержали въ нихъ постоянные гарнизоны. Усилившись, исламизмъ прибѣгъ мѣстами и къ гоненіямъ. Муллы начали тѣснить христіанскихъ священниковъ; многіе изъ послѣднихъ были убиты, книги ихъ сожжены, пастырскіе жезлы расхищены и заброшены съ презрѣніемъ.

Не смотря на все это, исламизмъ дѣлалъ наиболѣе успѣховъ на сѣверной и восточной окраинахъ западнаго Кавказа, гдѣ былъ театръ нашихъ военныхъ дѣйствій и гдѣ исламизмъ приспособился къ ненависти, возбудившейся къ намъ въ туземцахъ, и къ стремленію ихъ отстоять свою независимость. Никакая цѣль цивилизаціи не можетъ быть достигнута впродолженіи самой войны. Такъ, хирургическія операціи производятся для облегченія страданій, но послѣднія только усугубляются впродолженіи самой операціи. Если-бы Турція, въ XVI вѣкѣ, въ то время, когда находилась она на-верху своего могущества, а Россія помышлять еще не могла о Кавказѣ,—если-бы Турція предприняла тогда завоеваніе Кавказа, то, конечно, это столько-же послужило-бы въ пользу языческо-христіанской религіи, какъ и наша столѣтняя война послужила въ пользу языческо-мусульманской.

По берегу Чернаго моря, куда не долетали покуда отголоски войны, народъ держался своей прежней языческой вѣры, т. е. политеизма, который уживается со всѣми вѣроисповѣданіями и даже

охотно примѣняется къ каждому изъ нихъ. Въ 1818 году, г. Тэбу-де-Мариньи (Taitbout de Marigny), бывшій французскій коммерческій агентъ въ Керчи, совершилъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ любознательныхъ дамъ, на небольшомъ суднѣ, поѣздку къ черкесамъ, жившимъ на устьѣ Пшата, съ цѣлью познакомиться съ ними. Онъ оставилъ намъ весьма-любопытное описаніе своей поѣздки. Съ тѣхъ поръ прошло уже слишкомъ 50 лѣтъ, и можно говорить о дѣлѣ безпристрастно. Мариньи былъ иностранецъ, но въ его поѣздкѣ не было и тѣни политическаго коварства. Поѣздка предпринята была подъ вліяніемъ космополитно-филантропическихъ идей, представителемъ которыхъ въ южной Россіи былъ сначала Дюкъ-де-Ришелье, а впослѣдствіи времени Воронцовъ. Черкесы встрѣтили Мариньи съ отверстыми объятіями и представились ему въ видѣ нѣсколько одичавшихъ христіанъ, которыхъ, при небольшихъ усиліяхъ, можно вывести на добрый путь. Мариньи не совсѣмъ ошибался, не смотря на идиллическія увлеченія свои. Быть можетъ, въ 1818 году, мирная цивилизація края составляла не одну лишь мечту. Но, въ книгѣ судебъ, Кавказу предопредѣлена была тяжкая, едва-ли не безпримѣрная въ лѣтописяхъ исторіи война.

Не смотря на эту войну, двадцать лѣтъ спустя послѣ Мариньи, въ 1838 г., Белль, который изъ всѣхъ европейцевъ наилучше успѣлъ ознакомиться съ внутреннимъ бытомъ черкесовъ, писалъ о нихъ слѣдующее:

„Думаю, что народонаселеніе берега, на протяженіи отъ Анапы до Гагръ, заключаетъ въ себѣ столько-же приверженцевъ старой вѣры (язычеcко-христіанской), сколько и мусульманской. Которая возьметъ верхъ? Это зависитъ отъ политической развязки судьбы края“.

Теперь судьба туземныхъ обитателей западнаго Кавказа уже доведена до окончательной развязки. Черкесы, которыхъ знали греки еще за 25 вѣковъ тому назадъ, уложены на кладбищѣ народовъ, рядомъ съ лидійцами, фригійцами, гуннами и т. п., но и теперь еще язычниковъ много на Кавказѣ. Если минувшая война открыла къ нимъ путь исламизму, то будемъ надѣяться, что наступившій миръ откроетъ путь другому ученію, которое окончательно разгонитъ тьму язычества.

14 мая 1869 года. **П. У.**

УЧЕНІЕ „ЗИКРЪ" И ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛИ

въ Чечнѣ и Аргунскомъ округѣ.

Впродолженіе восьмидесятилѣтняго владычества нашего на Кавказѣ, самые сильные перевороты въ жизни горскихъ племенъ были всегда вызываемы ихъ религіознымъ фанатизмомъ. Измѣнялись не только отношенія ихъ къ намъ, уничтожались не только всѣ тѣ добрыя начала, которыя мы успѣвали, съ большими усиліями, класть въ основу ихъ быта, но эти религіозныя идеи мѣняли и самый характеръ жителей, стирали ихъ вѣковые обычаи и сгибали тотъ духъ вольности и свободы, который былъ всегда присущъ горцу. Нужно было явиться только смѣлому проповѣднику, нужно было чтобы только одинъ обнажилъ шашку—и десятки тысячъ шашекъ обнажались вслѣдъ за нею, и десятки тысячъ людей шли на смерть, думая, что они умираютъ за свою религію.

Нельзя не удивляться, что религіозный фанатизмъ развитъ такъ сильно въ народѣ, характеръ котораго поражаетъ насъ отсутствіемъ всякой религіи, или, лучше сказать, отсутствіемъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій, такъ какъ собственно сторона обрядовая религіи у горцевъ развита сильно. Казалось-бы, что тамъ, гдѣ нѣтъ религіи, не могло быть и фанатизма; но на дѣлѣ выходитъ иначе, и проповѣдники горскіе умѣли иногда такъ ловко раздуть фанатизмъ народной массы, умѣли такъ хорошо воспользоваться принципомъ нетерпимости, проповѣдуемой кораномъ, что было время, когда власть наша на Кавказѣ не разъ колебалась и готова была, казалось, рушиться.

Если-бы подобными проповѣдниками были люди, подобные, напримѣръ, муллѣ Магомеду, Кази-муллѣ или наконецъ послѣднему горскому имаму, то было бы еще понятно, что народъ шелъ за ними; но между тѣмъ нерѣдко случалось, что между ними были

люди, не обладавшіе ни умомъ, ни даромъ слова, ни силою характера, ни наконецъ даже той начитанностью корана, которая даетъ обладателямъ ея такой сильный авторитетъ между горскими племенами. Къ числу проповѣдниковъ послѣдняго рода принадлежитъ и глава секты зикристовъ—Кунта-Хажи. Ученіе его, не важное само по себѣ, важно между тѣмъ какъ ученіе фанатическое, проповѣдуемое народу легковѣрному, воспріимчивому и воинственному. На сколько оно было важно—доказали его послѣдствія и тѣ усилія, съ которыми оно могло быть нами подавлено. Былъ-ли Кунта-Хажи, дѣйствительно, основателемъ и главою именно той секты, духъ и направленіе которой были опасны для общаго спокойствія, проповѣдывалъ-ли онъ свое ученіе именно въ томъ духѣ, какъ оно было понято впослѣдствіи его учениками, я разбирать здѣсь не буду, не уклоняясь отъ цѣли моей—дать только возможно полное понятіе объ ученіи *зикра* *), въ томъ видѣ, какъ оно существовало на плоскости Чечни и въ здѣшнихъ нагорныхъ обществахъ.

Жизнь Кунта-Хажи не представляетъ никакого особаго интереса. Будучи родомъ изъ бѣдной и незначительной фамиліи, Кунта-Хажи отличался всегда честнымъ образомъ жизни, строгой нравственностью и трудолюбіемъ. Онъ не получилъ никакого образованія и, говорятъ, не умѣлъ даже и читать коранъ. Отправившись въ 1859 году въ Мекку, на поклоненье, Кунта-Хажи, задолго еще до своего возвращенія, писалъ наставленіе своимъ родственникамъ и послѣдователямъ о необходимости молиться Богу и дѣлать зикра, такъ какъ, по увѣренію его, часъ страшнаго суда былъ близокъ.

Проповѣди свои началъ онъ еще при Шамилѣ; но и тогда, какъ и въ послѣднее время, обряды этого ученія сопровождались изступленною пляскою, пѣніемъ и криками, а потому Шамиль, нашедши его противнымъ религіи, немедленно превратилъ сборы зикристовъ и строго воспретилъ Кунтѣ его проповѣди. Съ точки зрѣнія мусульманскаго духовенства, Шамиль былъ совершенно правъ, такъ какъ обряды ученія зикра, по толкованію большинства муллъ, противорѣчили духу религіи. Между тѣмъ, цѣль его въ этомъ случаѣ была, какъ кажется, и другая, болѣе личная:

---

*) *Зикарло* у чеченцевъ; но собственно *Зикр'уллахъ*, *Зикир'уллахъ*, *молитвословіе*, *призываніе*, *воспоминаніе имени Бога.*

онъ хотѣлъ сохранить, во всей его чистотѣ, ученіе газавата, имъ самимъ проповѣдуемое и съ помощью котораго онъ сталъ въ главѣ народа; притомъ-же онъ боялся того вліянія, которое проповѣдники, подобные Кунта-Хажи, всегда имѣютъ на народъ. Вліяніе—это нравственная сила, власть, а власти, кромѣ своей собственной, Шамиль не терпѣлъ никакой.

Послѣ замиренія Чечни и возвращенія Кунта-Хажи изъ Мекки, въ 1861 года, около него снова стали собираться иногда его послѣдователи, но все ученіе его ограничивалось въ то время изустнымъ лишь чтеніемъ молитвъ, наставленіями не только безвредными, но и весьма нравственными, такъ что, въ сущности, оно скорѣе могло принести пользу, нежели быть въ какомъ-либо отношеніи опаснымъ. Число послѣдователей зикра было при этомъ такъ ничтожно, что большая часть даже и самихъ чеченцевъ или не знала объ этомъ ученіи, или не обращала на него вниманія. Съ 1863 года новое ученіе вдругъ стало принимать совершенно иной характеръ. Послѣдователи Кунта-Хажи увеличились; сборы ихъ стали чаще и многочисленнѣе; наставленія его, которыхъ однако-же лично онъ никогда не дѣлалъ, но передавалъ чрезъ своихъ шейховъ и векилей, слушались съ жадностью и въ свою очередь передавались по ауламъ Чечни съ различными толками и комментаріями, имѣвшими характеръ не всегда миролюбивый. Съ этого-же времени въ организаціи новой секты, имѣвшей до того характеръ чисто-мистическій, ясно стали обозначаться два совершенно отдѣльныя начала: духовное и свѣтское. Каждая изъ этихъ властей имѣла свою отдѣльную іерархію, хотя нерѣдко случалось, что та и другая власть сосредоточивались въ рукахъ одного и того-же лица. Представителями власти духовной были *имамъ*, или *устусъ*, и двое *шейховъ*. Представителями власти свѣтской были *наибы*, *векили* и ихъ *мюриды*. Въ Чечнѣ было назначено восемь наибовъ и большое число старшинъ, такъ что организовалось особое тайное управленіе, помимо земскаго управленія нашей администраціи, и въ большей части чеченскихъ и назрановскихъ ауловъ у зикристовъ были свои собственные старшины, съ избранными мюридами; къ этимъ-же послѣднимъ причислялись и ученики Кунта-Хажи, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивавшіеся. Всѣ они подчинялись шейхамъ и наибамъ, въ свою очередь подчинявшимся Кунта-Хажи, какъ главѣ ученія и имаму. Въ скоромъ времени Чечня, Назранъ и большая часть нагорныхъ обществъ че-

ченскаго племени были покрыты этимъ тайнымъ ученіемъ, какъ крѣпкою сѣтью. Всѣ, кому не нравился существовавшій порядокъ вещей, всѣ, которые жалѣли о старомъ, добромъ времени, *о времени шаріата* *), все это назвало себя учениками и послѣдователями Кунта-Хажи и поборниками мусульманской вѣры, не имѣя ни малѣйшаго понятія не только объ ученіи зикра, но часто и о самой вѣрѣ. Они-то въ особенности и придали мистическому ученію Кунта-Хажи тотъ матеріальный и вмѣстѣ воинственный характеръ, котораго, въ сущности, оно вовсе не имѣло. Куреніе табаку, спиртные напитки, какъ и во время мюридизма, были строго воспрещены. Начались открытые сборы народа въ домахъ векилей и на улицахъ, сопровождавшіеся пѣснями, крикомъ и изступленною пляскою, съ обнаженнымъ оружіемъ въ рукахъ. Тайныя убійства нашихъ солдатъ и казаковъ учащались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Всѣ приказанія сектаторамъ раздавались наибами и векилями отъ имени Кунта-Хажи, принявшаго временно, какъ онъ утверждалъ, званіе *имама* или *устуса*. Ему приписывались народомъ даръ творить чудеса, исцѣлять больныхъ, способность переноситься съ одного мѣста на другое и присутствовать невидимо въ храмѣ Мекки, ежедневно, во время пяти каноническихъ часовъ дня. Надо замѣтить, что даже предъ самыми преданными себѣ людьми Кунта-Хажи никогда не выдавалъ себя за имама; онъ утверждалъ, что онъ не болѣе какъ только посланный имамомъ, который явится, когда настанетъ для этого время; но что самъ онъ, по грѣхамъ своимъ, не достоинъ носить, даже и временно, великое имя устуса. Не смотря на эти увѣренія, послѣдователи его тѣмъ не менѣе считали Кунту истиннымъ имамомъ и однимъ изъ трехъ-сотъ пятидесяти шести святыхъ, постоянно существующихъ на землѣ, по общему мнѣнію мусульманъ.

Чтобы получить ясное понятіе о началахъ этого ученія, необходимо прежде упомянуть объ источникѣ его происхожденія.

Ученіе зикра, какъ надо полагать, занесено первоначально на Кавказъ изъ Турціи—этой представительницы мусульманскаго міра и его религіозной и нравственной опоры. Въ Турціи существуютъ духовные монашествующіе ордена, съ совершенно своеобразнымъ характеромъ и своими особыми послѣдователями; такихъ монашествующихъ конгрегацій, извѣстныхъ подъ однимъ

*) Горцы называютъ время войны нашей съ ними *шаріяттенъ-заманъ*, т. е. время шаріата.

общимъ именемъ *дервишей* *), насчитываютъ тамъ до тридцати двухъ. По имени своихъ основателей, называемыхъ *пиръ* или *шейхъ*, и самыя конгрегаціи получили свои наименованія. Вотъ перечень орденовъ этихъ **): 1) орденъ *олвановъ* (по имени шейха Олвана, основателя его); 2) *эдемисовъ* (по имени Ибраимъ-Эдема); 3) *бестамисовъ*; 4) *сакатисовъ*; 5) *кадрисовъ* (по имени Абу'уль'Кадыръ-Гилана; онъ былъ завіядаръ, или стражъ гроба имама Азама-Абу-Ганифе); 6) *руфайясовъ* (по имени сеида Ахмеда-Руфайя); 7) *сюрхерверидисовъ*; 8) *кубревиловъ*; 9) *шазимисовъ*; 10) *мевлевисовъ*; 11) *бедевисовъ*; 12) *накшубандисовъ*; 13) *саадисовъ*; 14) *бектамисовъ*; 15) *кальветисовъ*; 16) *зейнисовъ*; 17) *бабаисовъ*; 18) *бэйрамисовъ*; 19) *эшредисовъ*; 20) *бекрисовъ*; 21) *сюнбюли*; 22) *гюльшени* или *рушени* (по имени Ибраимъ-Гюльшени, его основателя, и Дада-Омара, его наставника); 23) *игитъ-башисовъ*; 24) *уммъ-синани*; 25) *джельветисовъ*; 26) *эймаки*; 27) *шамсисовъ*; 28) *синанъ-умми*; 29) *нійязисовъ*; 30) *мурадисовъ*; 31) *нурредини* и, наконецъ, 32) орденъ *джемали*.

Въ этомъ множествѣ духовныхъ конгрегацій слѣдуетъ необходимо отличить орденъ *накшубандисовъ*, въ числѣ послѣдователей котораго находятся люди самыхъ знатныхъ мусульманскихъ фамилій. Обязанность членовъ его—молитвы или, скорѣе, ежедневное чтеніе извѣстныхъ молитвъ, *хотму-ховаджаканъ*. Къ этой обязанности присоединяются и другія, какъ напримѣръ—чтеніе тѣхъ-же молитвъ въ общемъ собраніи цѣлой конгрегаціи, одинъ разъ въ недѣлю, обыкновенно въ четвергъ вечеромъ, послѣ пятаго намаза. Шейхъ или кто-либо другой читаетъ ихъ, члены-же обязаны отвѣчать на нихъ хоромъ *аллахъ!* или *гу!*

Всѣ эти ордена, по словамъ д'Оссона, имѣютъ свой собственный, опредѣленный характеръ, свои правила, свои статуты и обряды, хотя въ главныхъ чертахъ всѣ они между собою сходны, такъ какъ основанію ихъ послужили одни и тѣже догматы. Нѣкоторые изъ учениковъ носятъ волосы, въ память Магомеда, а имѣть четки вмѣняется каждому изъ нихъ въ непремѣнную обязанность. Число зеренъ ихъ должно быть тридцать три, шестьдесятъ шесть или девяносто девять, по числу аттрибутовъ или

---

*) *Дервишъ* слово персидское и собственно значитъ *порогъ двери*, въ смыслѣ-же переносномъ—*уничиженіе*.

**) Подробности эти заимствованы мною у Мараджи д'Оссона, изъ сочиненія его *Tableau général de l'empire Ottoman*.

свойствъ, приписываемыхъ мусульманами Богу. Статуты почти всѣхъ орденовъ этихъ требуютъ, чтобы каждый дервишъ безпрестанно вспоминалъ имя Божіе (*зикр'уллахъ*), т. е. семь главныхъ его свойствъ. Молитвы ихъ состоятъ изъ слѣдующихъ восклицаній: 1) *Ля-иль'ляха-иль'аллахъ!* (нѣтъ Бога, кромѣ Бога! Это исповѣданіе его единства). 2) *Я аллахъ!* О Боже!—восклицаніе, относящееся къ его всемогуществу. 3) *Я гу!* (О ты, который есть! исповѣданіе его вѣчности: это Егова евреевъ). 4) *Я хаккъ!* О праведный Боже! 5) *Я хаиккъ!* О Боже живый! 6) *Я кайюмъ!* О Боже сущій! 7) *Я каххаръ!* О Боже мститель!

Не считаю всѣхъ этихъ подробностей лишними, такъ какъ, кромѣ ихъ собственнаго интереса, онѣ важны для насъ въ томъ отношеніи, что указываютъ, какъ много есть сходнаго между ученіемъ дервишей вообще и ученіемъ зикристовъ. Далѣе, говоря про орденъ дервишей руфайясовъ, мы увидимъ, что онъ почти тождественъ съ ученіемъ этихъ послѣднихъ.

Посвященіе лицъ, желающихъ вступить въ одинъ изъ упомянутыхъ монашествующихъ орденовъ, производится съ помощью тѣхъ-же словъ. Шейхъ беретъ нововступающаго за руку и три раза шепчетъ ему на ухо: *ля иль'ляха-иль'аллахъ*; слова эти прозелитъ обязанъ повторять сто одинъ, сто пятьдесятъ одинъ, и триста одинъ разъ ежедневно. Такое посвященіе носитъ названіе *талкинъ*. Точно такимъ-же образомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, когда шейхъ, по внушенію свыше, убѣдится въ духовномъ преуспѣяніи нововступающаго, онъ шепчетъ ему на ухо слова, относящіяся ко второму аттрибуту: *я аллахъ!* и такъ далѣе, до послѣдняго — *я каххаръ*; затѣмъ нововступившій окончательно считается уже членомъ ордена.

Почти тоже самое встрѣчаемъ мы и въ сектѣ зикристовъ. Всякій, желавшій стать ея членомъ, тоже долженъ былъ явиться къ одному изъ шейховъ или векилей, который бралъ его за руку и спрашивалъ: «обязуется-ли онъ, во имя Бога и его пророка, ежедневно, стократно, дѣлать зикръ?» Нововступающій отвѣчалъ, что онъ обязуется. «Въ этомъ я беру въ свидѣтели Бога и тебя, шейхъ,» говорилъ онъ посвящающему его. Затѣмъ онъ сто разъ произносилъ *ля-иль'ляха иль'аллахъ!* и посвященіе считалось оконченнымъ. Нѣкоторые-же шейхи или векили при этомъ дѣлали нововступившему и свои собственныя наставленія, разсказывая ему основные, по ихъ мнѣнію, догматы ученія, т. е. что Кунта-Хаджи есть истинный имамъ, посланный Богомъ, чтобы освобо-

дить народъ отъ христіанъ; что съ этими послѣдними ученики его не должны имѣть никакихъ сношеній, не должны не только встрѣчаться съ ними, но, по возможности, должны избѣгать даже и смотрѣть на нихъ. Шейхъ обязывалъ также нововступавшаго молиться Богу, не курить, не пить крѣпкихъ напитковъ и терпѣливо ожидать времени, когда Кунта-Хажи начнетъ, съ помощью Бога, войну противъ невѣрныхъ. Надо при этомъ замѣтить, что бо́льшая часть чеченцевъ, не бывшихъ сторонниками зикра, были убѣждены, что всѣ эти фанатическія наставленія дѣлались безъ вѣдома Кунты и что этотъ послѣдній, кромѣ молитвы, милосердія къ бѣднымъ, любви къ ближнему и необходимости труда,—никогда ничего болѣе своимъ послѣдователямъ не внушалъ. Насколько тутъ было правды—сказать трудно; но если только правила газавата дѣйствительно распространялись въ народѣ имъ самимъ, то надо сознаться, что Кунта велъ это дѣло чрезвычайно искусно. Не подлежитъ сомнѣнію однако-же то, что если Кунта-Хажи подобныхъ правилъ и не проповѣдывалъ самъ, или не передавалъ чрезъ своихъ шейховъ и векилей, то во всякомъ случаѣ онъ способствовалъ развитію газавата однимъ уже тѣмъ, что не запретилъ такого рода проповѣдей, что весьма легко могъ бы сдѣлать, имѣя на своихъ учениковъ вліяніе, почти безусловное.

Въ нѣкоторыхъ изъ орденовъ дервишей, какъ напримѣръ у кадрисовъ, руфайясовъ, кальвети, бэйрами, сюнбюли, гюльшени и эймаки, религіозное пѣніе сопровождается вмѣстѣ съ тѣмъ и плясками. Дервиши берутъ другъ друга за руки, образуютъ кругъ, двигающійся въ кадансъ направо (вслѣдствіе чего и пляска эта носитъ названіе *деврь*, двигающійся кругъ) и стараются, каждый, продолжать свои движенія по возможности долѣе. Люди болѣе сильные и, конечно, болѣе фанатики, идутъ еще далѣе; они образуютъ новый кругъ въ серединѣ перваго, кладутъ другъ другу руки на плечи и, возвышая постоянно свое пѣніе *я аллахъ!* или *я гу!*, усиливаютъ въ то-же время и быстроту тѣлодвиженій, до тѣхъ поръ, пока не придутъ въ совершенное изнеможеніе. Впрочемъ, подобная пляска не есть общая всѣмъ орденамъ, такъ какъ, напримѣръ, пляска ордена мевлевисовъ совершенно отъ другихъ отлична.

Болѣе другихъ поражаютъ насъ однакоже своимъ изувѣрствомъ обряды конгрегаціи руфайясовъ. Она заключаетъ въ себѣ почти всѣ обряды другихъ орденовъ, и, кромѣ того, руфайясы допускаютъ при своихъ плясках испытаніе горячимъ желѣзомъ,

нанесеніе себѣ ранъ ножами и другимъ острымъ оружіемъ. Вотъ что говоритъ д' Оссонъ, въ своемъ сочиненіи *Tableau général de l'empire Ottoman*, t. IV, p. 641, про обряды ученія этого ордена.

«Они (обряды) обыкновенно раздѣляются на пять различныхъ сценъ и продолжаются болѣе трехъ часовъ; извѣстнаго рода церемоніи, усвоенныя этимъ орденомъ, предшествуютъ, сопровождаютъ и заключаютъ ихъ. Начинается тѣмъ, что всѣ дервиши выказываютъ знаки своего уваженія шейху, сидящему предъ алтаремъ; четверо самыхъ главныхъ подходятъ къ нему, цѣлуютъ его одинъ за другимъ, какъ-бы въ залогъ мира и любви ихъ между собою, и потомъ становятся попарно, направо и налѣво отъ него. Остальные-же дервиши, всѣ вмѣстѣ, торжественно приближаются къ нему, со сложенными руками и потупленнымъ взоромъ, и каждый изъ нихъ съ глубокимъ уваженіемъ кланяется вырѣзанному на камнѣ имени основателя ордена; потомъ, взявшись руками за лицо и бороду, дервиши становятся предъ шейхомъ на колѣни, почтительно цѣлуютъ ему руку, медленными шагами удаляются отъ него и становятся въ глубинѣ зала на одной изъ бараньихъ кожъ, полукругомъ тамъ расположенныхъ. Затѣмъ начинаютъ пѣть *текбиръ* и *феттиха*, первыя главы корана, и вслѣдъ за этимъ шейхъ начинаетъ пѣть *ля'илъ ляха-илъ'аллахъ*, повторяя эти слова безпрестанно. Дервиши отвѣчаютъ ему словами: *аллахъ*, *аллахъ*! непрерывно качаясь и хватаясь руками за лицо, грудь, животъ и колѣни.»

«Вторая сцена начинается гимномъ въ честь пророка (*Хамдъ-Магомади*), который поетъ одинъ изъ двухъ старѣйшинъ, стоящихъ направо отъ шейха. Во время этого пѣнія, дервиши продолжаютъ повторять слово *аллахъ* и начинаютъ качаться всѣмъ тѣломъ взадъ и впередъ. Чрезъ четвертъ часа они встаютъ, приближаются другъ къ другу, такъ что локти ихъ соприкасаются, начинаютъ качаться направо и налѣво, потомъ наоборотъ, причемъ правая нога остается неподвижною, лѣвой-же они дѣлаютъ періодически движеніе въ сторону, противоположную движенію тѣла. При всемъ этомъ строго наблюдается размѣръ и кадансъ. Среди этихъ религіозныхъ упражненій безпрестанно слышатся слова *я аллахъ! я гу!*, слышатся стоны, рыданія; нѣкоторые плачутъ, съ другихъ льется потъ, глаза у всѣхъ закрыты, лица блѣдны и взглядъ ихъ принимаетъ выраженіе взгляда мертвеца.»

«Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія начинается третья сцена;

она выполняется среди пѣнія *илла'ги* вторымъ старѣйшиной, стоящимъ направо шейха. Молитвы *илла'ги* — это духовныя кантаты, сочиненныя почти всѣ по-персидски шейхами, умершими въ духѣ святости. Дервиши начинаютъ ускорять тѣлодвиженія свои и одинъ изъ нихъ, чтобы они не ослабѣвали, ставится посреди круга и одушевляетъ всѣхъ своимъ примѣромъ. Если въ собраніи находится кто-либо изъ постороннихъ дервишей, что случается не рѣдко, то это почетное мѣсто изъ вѣжливости уступается ему.»

«Послѣ короткой паузы начинается четвертая сцена. Дервиши сбрасываютъ свои чалмы, образуютъ кругъ, кладутъ руки на плечи одинъ другаго и такимъ образомъ обходятъ весь залъ размѣренными шагами, ударяя изрѣдка ногою въ полъ или дѣлая прыжки. Эта пляска продолжается среди непрерывнаго пѣнія *илла'ги* то однимъ, то другимъ старѣйшиной, стоящимъ налѣво отъ шейха. Крики *я аллахъ! я гу!* усиливаются; всѣ пляшущіе дервиши испускаютъ страшные вопли. Когда усталость начинаетъ одолѣвать ихъ, — шейхъ самъ вступаетъ въ средину круга и, дѣлая страшныя тѣлодвиженія, старается примѣромъ своимъ одушевить другихъ. Его замѣняетъ одинъ изъ главныхъ дервишей, который въ свою очередь употребляетъ сверхъестественныя усилія для поддержанія общей пляски, продолжающейся обыкновенно до тѣхъ поръ, пока силы всѣхъ не истощатся окончательно.»

«За этой сценой наступаетъ послѣдній, страшный актъ. Крайнее истощеніе, въ которомъ находятся всѣ дѣйствующія лица, переходитъ наконецъ въ изступленіе, называемое ими *галетъ*; среди этого религіознаго экстаза начинается испытаніе горячимъ желѣзомъ. Безчисленное множество большихъ ножей и другихъ заостренныхъ желѣзныхъ инструментовъ висятъ въ нишѣ зала и на стѣнѣ, направо отъ шейха. Въ концѣ четвертой сцены два дервиша берутъ восемь или девять изъ нихъ, раскаляютъ на огнѣ и подаютъ своему начальнику. Этотъ послѣдній, читая молитвы и призывая имя шейха Ахмеда-Руфайя, основателя ордена, дѣлаетъ на нихъ нѣсколько дуновеній, слегка подноситъ ко рту и потомъ раздаетъ тѣмъ изъ дервишей, которые болѣе настоятельно ихъ требуютъ. Фанатики съ восторгомъ схватываютъ ножи, съ нѣжностью смотрятъ на нихъ, лижутъ языкомъ, кусаютъ, сжимаютъ зубами и кончаютъ наконецъ тѣмъ, что охлаждаютъ ихъ во рту. Тѣже изъ дервишей, на долю которыхъ они не достались, схватываютъ ножи, висящіе на стѣнѣ, и пронзаютъ себѣ бока, руки или ноги.»

«Благодаря этому религіозному опьяненію и удивительной энергіи, считаемой ими за особую заслугу предъ Богомъ, — всѣ они терпѣливо и даже съ веселостью переносятъ мученія свои. Если же случится, что кто-либо изнемогаетъ подъ тяжестью ихъ,— молча, безъ стона и жалобы, бросается онъ въ объятія одного изъ своихъ собратьевъ, не выказывая при этомъ ни малѣйшаго признака страданія. Нѣсколько минутъ спустя, шейхъ обходитъ весь залъ, осматриваетъ паціентовъ, дѣлаетъ дуновенія на ихъ раны, мажетъ ихъ слюной, читаетъ молитвы и обѣщаетъ имъ быстрое выздоровленіе.»

«Увѣряютъ, что, спустя сутки, отъ ранъ ихъ остаются лишь едва замѣтные рубцы».

Д'Оссонъ прибавляетъ, «что на подобныя вещи, кажущіяся «большей части людей чудомъ, люди разсудительные смотрятъ «совершенно иначе. Они приписываютъ чудеса эти не столько «святости дервишей, сколько достоинству извѣстныхъ секретовъ, «ловко ими употребляемыхъ для поддержанія иллюзіи, и суевѣрію «въ умахъ зрителей и даже самого шейха» *).

Я по необходимости долженъ былъ вдаться во всѣ эти подробности о сектахъ дервишей, такъ какъ, сравнивши ученіе ихъ съ ученіемъ зикра, для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ этимъ послѣднимъ, будетъ очевидно, что оба они совершенно тождественны. Ученіе дервишей руфайясовъ перешло къ горцамъ только нѣсколько искаженное и неполное, хотя въ главныхъ чертахъ обрядовъ наружныхъ зикръ чеченцевъ и это ученіе почти одинаковы. *Устусъ*, или *имамъ* зикристовъ—это начальникъ ордена дервишей, *рай'суль мешейхъ*. Шейхи ихъ, по качествамъ своимъ и назначенію, совершенно соотвѣтствуютъ шейхамъ дервишей. Молитвы однѣ и тѣже, за исключеніемъ весьма небольшимъ: такъ напримѣръ, *текбиръ* и *феттиха* зикристами обыкновенно не читались, но вмѣсто ихъ пѣли *алла-гу-ма-мага-пиръ-лля'гу*. Тѣже пляски, тоже изступленіе (подобное состояніе называлось *шауккъ*), считавшееся сектаторами за наитіе благодати и во время котораго они хотя и не наносили себѣ ранъ кинжалами, но приставляли ихъ къ горлу, животу, брали въ ротъ дуло заряженнаго пистолета и, со взведеннымъ куркомъ, продолжали свою пляску до полнаго изнеможенія. Были примѣры, что нѣкоторые сходили съ ума. Правда, что направленіе этого ученія имѣло характеръ со-

*) Tab. gén. de l'emp. Ott., t. IV, p. 648.

вершенно иной, нежели тотъ, который намъ представляетъ ученіе дервишей руфайясовъ; но приданный зикру воинственный характеръ зависѣлъ не столько отъ самыхъ принциповъ проповѣдавшагося ученія, сколько отъ характера народа, его себѣ усвоившаго, и, главное, оттого что сторонниками зикра въ Чечнѣ были, какъ я сказалъ, по большей части люди, смотрѣвшіе на это ученіе, какъ на предлогъ и орудіе, съ помощью котораго они думали волновать умы и поднять цѣлый край противъ русскихъ. При другихъ обстоятельствахъ, безспорно, они могли бы достичь желаемой цѣли; но придавши этому, чисто мистическому, ученію характеръ политическій, Кунта-Хажи, или скорѣе, его послѣдователи, ошиблись въ томъ, что шейхами, наибами и векилями выбирали людей, совершенно не соотвѣтствовавшихъ своему назначенію. Выбирались люди безъ всякой энергіи и способностей, лишь бы только они знали коранъ или были извѣстны своею набожностью; другихъ качествъ отъ нихъ, кажется, и не требовалось, такъ какъ предполагалось, что для освобожденія края отъ присутствія въ немъ христіанъ нужна не столько сила физическая, сколько помощь небесная; а помощь эта могла снизойти лишь чрезъ посредство людей хорошей жизни и угодныхъ Богу. Вслѣдствіе то подобнаго стремленія сочетать мистицизмъ ученія съ цѣлью матеріальною, произошло то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ обществахъ округа Аргунскаго, главными шейхами или векилями были поставлены идіоты, знавшіе только читать коранъ и фанатически преданные новому ученію. Здѣсь было такихъ двое и оба—люди очень честные и набожные, но настолько безвредные, что, въ самый разгаръ зикристскаго ученія въ Чечнѣ, я не считалъ даже нужнымъ употребить противъ нихъ какія-либо сильныя мѣры, не желая этимъ придать имъ въ глазахъ народа значеніе, котораго они не имѣли и по качествамъ своимъ ни въ какомъ случаѣ не могли имѣть.

При подобныхъ условіяхъ, успѣхъ для зикристовъ былъ, конечно, немыслимъ. Поэтому, строгія мѣры, вовремя принятыя начальникомъ области, арестъ нѣкоторыхъ изъ главныхъ сектаторовъ и, наконецъ, удаленіе самого Кунта-Хажи изъ края, уничтожавшее самый источникъ ученія и его главу, — все это быстро низвело его на степень простаго волненія умовъ и обыкновеннаго стремленія къ возстанію, искусственно только поддерживавшагося различными воззваніями и прокламаціями, повсюду тайно

разсылавшимися *). Одной изъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ, употребленныхъ для уничтоженія фанатическаго элемента ученія зикра, грозившаго, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, зажечь весь восточный Кавказъ, а также для успокоенія умовъ, сильно возбужденныхъ этимъ ученіемъ, были, безспорно, проповѣди народу тѣхъ муллъ, которые остались намъ вѣрными: причины, по

---

*) Я привожу для примѣра, въ переводѣ, одно изъ подобныхъ воззваній, дошедшее въ здѣшнія общества изъ Чечни, чрезъ Дагестанъ. Изъ нея читатель можетъ видѣть, какъ муллы, сторонники павшаго ученія, старались снова пробудить религіозное изувѣрство и фанатизмъ народной массы.

«Во имя Бога, милосердаго и милостиваго! Хвала Богу, Господу міровъ! Благословеніе и привѣтъ рабамъ его, носящимъ въ себѣ чистосердечную и искреннюю любовъ къ создателю своему!

Это поученіе пророка Божія получили мы отъ поклонниковъ, ходившихъ въ Мекку изъ Истамбула, а они сами получили его изъ находящагося близь Мекки сада шейха Нуръ-Эддина.

Сказалъ шейхъ Нуръ-Эддинъ: «Въ ночь пятницы я былъ въ состояніи между сномъ и бодрствованіемъ, когда явился мнѣ пророкъ Божій и сказалъ: «О шейхъ Нуръ-Эддинъ! знаешь-ли ты состояніе народа моего въ настоящее время?» Я отвѣчалъ: «Это знаетъ Богъ и ты, его пророкъ». Тогда пророкъ сказалъ: «Въ ночь пятницы представится и переселится изъ жизни настоящей въ будущую, изъ людей народа моего, кромѣ только двухъ бѣдныхъ человѣкъ, наблюдающихъ шаріатъ мой, — семьсотъ тысячъ человѣкъ невѣрующихъ (да избавитъ насъ Господь Богъ отъ нарушенія вѣры!). Они ввели свои собственные законы, которымъ и повинуются. Пересталъ народъ мой не только избѣгать и бояться того, что было ему запрещено—коварства, лжи, но, напротивъ, онъ ищетъ совершать преступленія—насилія, прелюбодѣянія; онъ сталъ даже похваляться своими постыдными дѣлами предъ другими. Свои собственные пороки люди моего народа перестали видѣть и замѣчать, а видятъ и замѣчаютъ только недостатки и пороки своихъ ближнихъ. Они перестали бояться Бога, не гнушаются того, что запрещено имъ кораномъ, не слѣдуютъ ученію моему, стали друзьями невѣрныхъ, берутъ съ нихъ примѣръ и не ведутъ съ ними войны! Мнѣ стыдно предъ Господомъ за заблужденія хъ и мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ пасть предъ нимъ и молить его о нихъ»,—сказалъ пророкъ.

Господь сказалъ мнѣ: «О, Могамедъ! о, мой возлюбленый! хочу я «обратить подобіе ихъ въ подобіе свиней и собакъ, такъ какъ оставили они «путь истины и не стараются уклоняться и удерживаться отъ своего заблужде«нія и безпечности. У нихъ проявлялось уже и лжесвидѣтельство!»

— Господи міровъ! (отвѣчалъ я) по праву величія Твоего и Твоей славы, прости имъ согрѣшенія ихъ въ этотъ третій разъ; не покрой ихъ стыдомъ до того времени, пока я снова не пошлю поученіе и увѣщаніе непослушному народу моему. Онъ одумается и исправитъ дѣла свои; тѣхъ-же, кто не приметъ и не послушаетъ совѣта моего, послѣ того что уже было имъ говорено,—накажи: Ты всемогущъ!

которымъ большинство муллъ смотрѣло на зикру не болѣе какъ на расколъ, будутъ изложены далѣе. Такъ какъ въ дѣлѣ, касающемся убѣжденій человѣка вообще, а его религіозныхъ убѣжденій въ особенности, мѣры насильственныя бываютъ всегда не болѣе какъ только средства паллiативныя, то, вслѣдствіе этого, начальникъ Терской области предложилъ духовенству края, для блага

Потомъ сказалъ мнѣ пророкъ: «О шейхъ Нуръ-Эддинъ! Скажи все это непослушному народу моему и передай отъ меня миръ и благословеніе. Пусть раскаются въ грѣхахъ своихъ; пусть молятъ Господа о прощеніи и пусть примутъ наставленіе мое. Еще прежде, двукратно, посылалъ я имъ наставленія и увѣщанія мои, но они не приняли ихъ и не обратили на нихъ вниманія своего: напротивъ, они стали еще болѣе заблуждаться и совершенно покинули законъ мой. Скажи: кто не приметъ и теперь слова моего, тотъ въ день страшнаго суда будетъ наказанъ. Настоящая жизнь и все что есть въ настоящей жизни—все это тлѣнное и скоропреходящее; одна жизнь будущая есть вѣчная! Такъ пусть-же съ усердіемъ молятся они Богу, такъ какъ день суда близокъ!

Пророкъ сказалъ: «Явился мнѣ однажды Джабраилъ и я сказалъ ему: о, братъ мой Джабраилъ! сойдешь-ли ты послѣ смерти моей на землю? Джабраилъ отвѣтилъ: сойду *десять* разъ. Въ первый разъ я приду и отниму изобиліе земли; во второй—отниму любовь между мусульманами; въ третій—любовь между братьями, сестрами и родственниками; въ четвертый разъ я приду и отниму стыдъ у женщинъ; въ пятый—отниму справедливость у властителей; въ шестой—терпѣніе у бѣдныхъ; въ седьмой—милосердіе у богатыхъ; въ восьмой—отниму знаніе у ученыхъ; въ девятый—отниму китабъ; приду въ десятый разъ и отниму вѣру (да избавитъ насъ Господь отъ нарушенія вѣры и соблазна на будущее время!). Восемь я уже отнялъ; остались только китабъ и вѣра. Если будетъ взята еще одна изъ нихъ—настанетъ послѣдній день и взойдетъ солнце съ запада!

Потомъ сказалъ пророкъ: «О, шейхъ Нуръ-Эддинъ! кто передастъ поученіе мое изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, отъ человѣка къ человѣку—тому я самъ буду защитой въ день страшнаго суда и тотъ будетъ въ раю со мной. И каждаго правовѣрнаго, который послушаетъ настоящаго совѣта моего, послѣдуетъ моему закону, исправится, будетъ удѣлять часть своего имущества бѣднымъ, помогать достойнымъ и вести войну съ невѣрными, и каждаго, къ кому дойдетъ это увѣщаніе и кто будетъ молиться Богу и раздавать милостыню, - Господь приметъ раскаяніе того и причтетъ къ числу святыхъ своихъ. Но тотъ, кто не послушаетъ и не приметъ наставленія моего, тотъ человѣкъ не моего народа; и скажетъ ему Господь: «о, проклятый, уходи съ земли!» Мое покровительство и тому, кто дастъ *дергамъ* (10 коп. с.) человѣку, который передастъ это увѣщаніе».

Послѣ этого пророкъ исчезъ, а увѣщаніе его я нашелъ въ саду. Клянусь великимъ Богомъ, что слова мои—истина; если же найдутъ, что они ложны—значитъ, у народа моего нѣтъ ни вѣры, ни закона».

самого-же народа и ради религіи, ими исповѣдуемой и ложно толкуемой сектаторами, также съ своей стороны дѣйствовать на народъ силою слова и убѣжденія. Въ Чечнѣ духовенство, относительно уровня своего умственнаго развитія, вообще далеко ниже духовенства Дагестана; но зато, если тамъ мало муллъ ученыхъ, есть много муллъ вліятельныхъ и уважаемыхъ, какъ по самому характеру своего сана, такъ равно и вслѣдствіе долгаго и давняго преобладанія духовенства въ Чечнѣ, преобладанія, начавшагося вмѣстѣ съ появленіемъ въ горахъ исламизма. Притомъже въ глазахъ чеченца мулла постоянно оставался представителемъ того теократическаго начала, которое недавно еще давало грозныя силы народу, подъ вліяніемъ котораго жили и умерли его отцы и дѣды и которое, слѣдовательно, для него стало легендарно-священнымъ: поэтому, легко себѣ представить впечатлѣніе, произведенное на настроеніе народа протестомъ людей, всегда считавшихся умнѣйшими и почетнѣйшими. Первый и самый пламенный протестъ противъ догматовъ новой секты заявилъ мулла Абдулъ-Кадыръ, человѣкъ весьма ученый и почитаемый, и котораго прямой и суровый характеръ исключалъ въ глазахъ чеченцевъ всякую мысль о возможности вліянія на него нашей административной власти. Понятно, что съ той минуты, какъ вопросъ этотъ изъ религіозно-политическаго началъ становиться лишь чисто-религіознымъ и съ скользкой почвы политики перешелъ на почву схоластики и теологическихъ преній,—онъ сталъ утрачивать уже всю свою важность. Дѣйствительно, голосъ духовенства, выставлявшаго ученіе зикра, какъ противное самымъ основнымъ догматамъ мусульманской религіи, сдѣлало вскорѣ то, что истинная цѣль сектаторовъ, до сихъ поръ маскировавшихъ свои намѣренія религіозными принципами ученія, совершенно выяснилась, и мы имѣли дѣло уже не съ цѣлымъ народомъ, страсти котораго были до послѣдней степени возбуждены фанатизмомъ, но только съ извѣстными личностями, стремившимися поднять народъ ради своихъ собственныхъ цѣлей, и съ толпою ослѣпленныхъ изувѣровъ. Между ними однакоже едва-ли можно было насчитать двухъ или трехъ человѣкъ, энергія и умъ которыхъ могли-бы быть для насъ серьезно опасными. Два шейха, оставшіеся у зикристовъ послѣ Кунта-Хажи и на долю которыхъ выпадала теперь главная роль, были совершенно неспособны играть ее. Одинъ изъ нихъ, *Саламъ*, былъ идіотъ, а другой, *Мачикъ*, человѣкъ хотя и съ замѣчательными умственными способностями

и притомъ весьма начитанный, былъ безъ всякаго характера и малѣйшей энергіи. Вскорѣ гибель болѣе ста человѣкъ зикристовъ въ дѣлѣ близь аула Шали, гдѣ они, предводимые фанатиками, не вынимая оружія, но надѣясь лишь на сверхъестественную силу отсутствующаго Кунты и помощь неба, съ молитвами и пляскою пошли на наши баталіоны,—лишила послѣдователей зикра окончательно всякой энергіи и надежды. Отрезвивши Чечню, дѣло подъ Шали въ тоже время доказало и тайнымъ и открытымъ сторонникамъ зикра, что для начала новой борьбы съ нами недостаточно однѣхъ лишь молитвъ имама и его шейховъ, но нужна и сила физическая, а ея сектаторы вовсе не имѣли, такъ какъ лучшіе люди Чечни, Назрана и обществъ нагорныхъ были теперь уже на нашей сторонѣ. Духовенство, съ своей стороны, не переставало также громить словомъ новое ученіе, доказывая, что оно совершенно противно духу и буквѣ корана. Стало быть, въ средѣ, ихъ окружающей, зикристы не только не могли никакимъ образомъ найти элементовъ, нужныхъ для успѣшнаго возстанія, но, идя противъ религіи, они становились и сами во враждебныя отношенія, если не съ цѣлымъ народомъ, то во всякомъ случаѣ съ сильнымъ классомъ духовенства.

Необходимо знать, что, по принципамъ мусульманской философіи, природа человѣка слагается изъ трехъ элементовъ: физическаго, нравственнаго и умственнаго. Каждый изъ этихъ трехъ элементовъ подчиняется своимъ правиламъ и законамъ, изложеннымъ въ трехъ главныхъ отдѣлахъ ученія ислама—*шаріатъ*, *тарикатъ* и *моарифатъ*. По мнѣнію горцевъ, людей, которыхъ бы сторона духовная могла выработаться до той точки совершенства, что вслѣдствіе этого они могли-бы подойти подъ законы моарифата,—нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Точно также весьма мало и тѣхъ, которые-бы по своему духовному развитію подходили подъ законы тариката: одинъ только Джамалъ-Эддинъ, тесть и наставникъ Шамиля, былъ, по мнѣнію горцевъ, «человѣкомъ тариката». Даже самъ Шамиль, не смотря на то, что былъ имамомъ, не достигъ до той степени моральнаго совершенства, чтобы подойти подъ его законы. Между тѣмъ, «устусъ» зикристовъ и шейхи ихъ выдавались ими за людей, стоявшихъ на степени законовъ тариката; болѣе того: устусъ ихъ имѣлъ прямо общеніе съ Богомъ, чрезъ посредство ангеловъ, и слѣдовательно долженъ былъ подводиться подъ разрядъ еще высшій, т. е. моарифата. Понятно, что такого рода ученіе, извращенное и противорѣча-

щее духу религіи, необходимо должно было, болѣе или менѣе, возбудить противъ себя религіозное чувство всего класса духовенства и всѣхъ истинно ревностныхъ и набожныхъ мусульманъ: нужно было только съумѣть воспользоваться этимъ чувствомъ—и, дѣйствительно, оно весьма удачно было употреблено нами, какъ одно изъ средствъ для обезсиленія секты.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, ученіе зикра, колыбелью котораго на Кавказѣ была Чечня, также быстро пало, какъ быстро возникло и развилось. Усилія сектаторовъ снова впослѣдствіи его возстановить не повели ни къ чему. Одинъ изъ шейховъ, Саламъ, былъ задержанъ; другой, Мачикъ, скрылся *). Самый дѣятельный и опасный изъ всѣхъ, игравшихъ роль въ этой народной драмѣ, абрекъ Ва́ра, былъ въ скоромъ времени убитъ. Послѣ шалинскаго дѣла онъ былъ выбранъ зикристами своимъ наибомъ и хотя отъ этого званія и отказался, считая себя его недостойнымъ, но тѣмъ не менѣе употреблялъ неимовѣрныя усилія, чтобы снова поднять павшее ученіе и соединить въ одно цѣлое послѣдователей Кунта-Хажи, охладѣвшихъ къ общему дѣлу и ставшихъ, мало по малу, отъ него отставать. При замѣчательной храбрости своей и энергіи, Ва́ра начиналъ становиться уже народнымъ героемъ и начиналъ пріобрѣтать въ Чечнѣ то вліяніе, которое люди подобнаго рода, къ несчастью, всегда пріобрѣтаютъ между горцами. Его смерть прекратила всѣ планы секты и ея новые замыслы **). Ва́ра былъ послѣднею, самою сильною опорою отживавшей уже секты, и съ его смертью оканчивалось и ея политическое существованіе. Правда, что въ народѣ глухо бродили еще нѣкоторое время идеи, брошенныя въ него Кунтою-Хажи и развитыя его послѣдователями, но вскорѣ потомъ

*) Кромѣ этихъ двухъ шейховъ у зикристовъ было еще нѣсколько, принявшихъ это наименованіе; но собственно шейховъ посвященныхъ было въ Чечнѣ только двое. Мачикъ, по увѣдомленію моему начальника Пшаво-Хевсурскаго участка о намѣреніи его пробраться въ Турцію, подъ видомъ пастуха, былъ, дѣйствительно, имъ захваченъ въ Тіонетскомъ округѣ, при отарѣ барановъ наиба Садуллы-Османова, отправлявшейся къ турецкой границѣ.

**) Ва́ра принадлежалъ къ шайкѣ абрековъ Атабая. Когда этотъ послѣдній былъ схваченъ и шайка замирена,—Ва́ра остался по прежнему абрекомъ, скрываясь то въ трущобахъ Хорсеноевскаго урочища, то тайно проживая въ аулахъ Чечни. Большая часть преступленій, совершавшихся въ то время въ краѣ, была дѣломъ или лично самого Ва́ра, или же онъ всегда принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Приставши къ сектѣ зикристовъ, Ва́ра

мысль о переселеніи въ Турцію и толки объ этой обѣтованной для горцевъ землѣ начали мало по малу отвлекать общее вниманіе отъ стараго религіозно-политическаго вопроса.

Такъ кончилось ученіе зикра, грозившее нѣкоторое время общему спокойствію края и обѣщавшее отдалить (еще на нѣсколько лѣтъ всякую возможность въ немъ прогресса и гражданственности. Теперь, хотя прошло немного еще лѣтъ,—о павшей сектѣ едва лишь осталось въ народѣ одно смутное воспоминаніе: доказательство, что духъ эпохи, при извѣстныхъ условіяхъ, точно также благотворно вліяетъ и на фанатическія идеи мусульманъ, какъ онъ вліяетъ на убѣжденія и образъ мыслей европейца.

А. Ипполитовъ.

Укр. Шатой.
15-го ноября 1868 года.

съ своимъ чернымъ значкомъ, участвовалъ въ шалинскомъ дѣлѣ, въ качествѣ «векиля». Такъ какъ дурное вліяніе его на народъ становилось день отъ дня все сильнѣе и сильнѣе, то необходимо было какъ можно скорѣе это прекратить. Поэтому, слѣдя за нимъ нѣсколько мѣсяцевъ, чаберлоевскій наибъ, Гуданатъ, которому схватить или убить этого абрека было поручено и который притомъ имѣлъ на Ва́ра кровную месть,—далъ знать о присутствіи его въ Ново-Атагинскомъ аулѣ, куда абрекъ былъ заманенъ по его-же приказанію. Взводъ драгунъ успѣлъ окружить домъ, гдѣ Ва́ра скрывался, и послѣ отчаянной, трехчасовой защиты, во время которой онъ не переставалъ пѣть молитвы зикристовъ, абрекъ этотъ, будучи уже раненъ пулею Гуданата, съ шашкою въ рукахъ и съ громкимъ пѣніемъ своей предсмертной молитвы (*ясына*, отходной молитвы), бросился въ середину нашихъ солдатъ и былъ убитъ.

Въ память его сложена была въ Чечнѣ пѣсня, а въ память измѣны, или, лучше сказать, малаго сочувствія Гуданата къ народному дѣлу, были воздвигнуты въ Чечнѣ, по дорогамъ, кучи камней, къ которымъ каждый проходящій обязанъ былъ присоединять и отъ себя камень, произнося вмѣстѣ съ тѣмъ проклятіе убійцѣ Ва́ра. Эта безсильная месть народа ясно указываетъ однакоже на то значеніе, которое абрекъ этотъ имѣлъ въ Чечнѣ.

УЧЕНІЕ О ТАРИКАТѢ.

АДАБУЛЬ-МАРЗІЯ

(правила достодолжныхъ приличій),

соч. шейха Джемалэддина Казикумухскаго

(переводъ съ арабскаго).

Отъ Редакціи.

Хотя ученіе о *тарикатѣ* не составляетъ явленія, исключительно принадлежащаго жизни кавказскихъ горцевъ, а общее всему мусульманскому міру, тѣмъ не менѣе, уясненіе какъ этого, такъ и другихъ религіозныхъ ученій ислама, въ сильной степени вліявшихъ и вліяющихъ на жизнь горцевъ, обусловливающихъ ихъ бытъ и отношенія къ русскимъ,—должно лежать въ цѣляхъ настоящаго «Сборника». Предлагаемое въ переводѣ съ арабскаго на русскій языкъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, наставленіе о тарикатѣ принадлежитъ извѣстному въ Дагестанѣ тарикатскому шейху, Джемалэддину, имя котораго пользовалось значительною извѣстностью и у насъ, втеченіи долгаго времени борьбы нашей съ такъ-называемымъ мюридизмомъ. Но не смотря на такую извѣстность у насъ имени Джемалэддина,—какъ тогда, такъ и теперь, еще мало знакомы съ сущностью проповѣданнаго имъ въ Дагестанѣ ученія. Это ученіе почти всегда принималось за непосредственную проповѣдь о газаватѣ, или войнѣ съ невѣрными,—и тарикатскіе мюриды, или ученики, смѣшивались съ шамилевскими мюридами, тогда какъ въ сущности ученіе о тарикатѣ въ задачѣ своей чуждо политическихъ цѣлей и направлено собственно къ возвышенію чисто-религіознаго духа своихъ послѣдователей. Но такое смѣшеніе, тѣмъ не менѣе, было дѣломъ весьма естественнымъ, при знакомствѣ съ предметомъ только по внѣшнимъ, видимымъ признакамъ его, такъ какъ газаватъ, или, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ нему, — представляется, повсюду, въ средѣ кавказскихъ мусульманъ, почти постояннымъ спутникомъ тариката, будучи неизбѣжнымъ послѣдствіемъ мусульманскаго религіознаго чувства.

Предлагаемый трактатъ представляетъ изслѣдованіе тарикатскаго ученія въ его, такъ сказать, теоретической чистотѣ. На

практикѣ-же, у здѣшнихъ мусульманъ, оно является почти всегда съ болѣе или менѣе замѣтными примѣсями политическаго оттѣнка. Примѣръ этого читатель видѣлъ, между прочимъ, въ предшествовавшей статьѣ г. Ипполитова о зикрѣ.

Дословный переводъ рукописи Джемалэддина, доставленной въ редакцію «Сборника» сыномъ его Абдурахманомъ, а равно и переводъ, съ арабскаго-же, предисловія, написаннаго самимъ Абдурахманомъ,—сдѣланъ, по предложенію редакціи, г. Абдуллою Омаровымъ, причемъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду сохранить буквальный смыслъ почти каждой фразы подлиннаго сочиненія Джамалэддина.

Предисловіе къ рукописному сочиненію Джемалэддина о тарикатѣ.

Родитель мой, сеидъ *) Джемалэддинъ-Гуссейнъ, былъ родомъ изъ Казикумуха. Въ первой своей молодости онъ служилъ при бывшемъ казикумухскомъ ханѣ, Асланъ-ханѣ, въ качествѣ письмоводителя. Ханъ любилъ его, и за усердную службу его и преданность пожаловалъ ему три деревни въ Кюринскомъ ханствѣ, подъ общимъ именемъ Асталъ, и жители этихъ деревень платили дань моему отцу. Будучи въ такомъ положеніи, отецъ мой вдругъ очнулся отъ свѣтскаго забытья,—и обратился къ Богу съ полнымъ раскаяніемъ въ своихъ грѣхахъ, въ которыхъ онъ провелъ прошлую свою жизнь, будучи въ услуженіи у Асланъ-хана. Ибо, кто проводитъ время въ сообществѣ тирановъ, у того большая часть жизни проходитъ въ согрѣшеніяхъ, кромѣ охраняемыхъ милостію Божіей. Поэтому, сначала онъ посѣтилъ, бывшаго тогда учителя тариката накшубандійскаго, шейха Магомедъ-Эфенди Кюринскаго, изъ сел. Ярагларъ; отъ него онъ принялъ тарикатъ и получилъ потомъ позволеніе направлять по этому пути желающихъ вступить на истинный путь. Такимъ образомъ, онъ воз-

*) Сеидъ, арабское слово, означаетъ въ переводѣ «царь», «владѣтель». Сеидами называются потомки Магомеда.

вратился въ Казикумухъ съ позволеніемъ отъ шейха наставлять другихъ. Иначе человѣкъ не можетъ сдѣлаться шейхомъ или муршидомъ, кромѣ какъ по дозволенію совершеннаго шейха, дошедшаго до степени богосозерцанія, почему и сказали нѣкоторые шейхи: *«кто не имѣетъ шейха, для того дьяволъ шейхъ»*. Возвратившись въ Казикумухъ, отецъ мой проводилъ время въ уединеніи, занимаясь молитвами и направленіемъ посѣтителей его на путь истины. Это было, какъ я сказалъ, при жизни Асланъ-хана. Тогда слухъ о моемъ отцѣ распространился далеко, въ горахъ и на плоскости; безъ сомнѣнія, Кази-Магомедъ и Шамиль также услышали о томъ, что въ Казикумухѣ явился святой шейхъ, Джемалэддинъ, совершающій чудеса, и они оба захотѣли посѣтить его и принять отъ него тарикатъ. Но Кази-Магомедъ хотѣлъ сначала испытать моего отца, шейхъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ и прозрѣваетъ-ли онъ тайны, какъ о томъ слышно было, или-же нѣтъ. Съ этою цѣлію Кази-Магомедъ поѣхалъ въ Кумухъ съ однимъ товарищемъ, а когда подъѣхалъ къ нашему дому, то велѣлъ этому товарищу войти къ отцу моему прежде, а самъ нѣсколько отсталъ. Потомъ, вошедши въ уединенную комнату отца, которая была въ верхнемъ этажѣ, онъ сѣлъ около дверей, молча. Сдѣлалъ онъ это такъ потому, что желалъ испытать, точно-ли отецъ мой узнаетъ по имени и роду всякаго посѣтителя, совершенно ему незнакомаго. Когда Кази-Магомедъ сѣлъ около дверей, отецъ мой сказалъ: «здравствуй, Кази-Магомедъ, садись поближе ко мнѣ, тамъ не твое мѣсто». Удивленный этимъ, Кази-Магомедъ спросилъ: «откуда ты знаешь, что я Кази-Магомедъ? ты вѣдь прежде меня не зналъ и не слыхалъ обо мнѣ?"

— ,,Развѣ въ книгѣ не сказано: «берегитесь прозорливости вѣрнаго раба: онъ смотритъ свѣтомъ Божіимъ»? Развѣ ты сомнѣваешься въ томъ, что я вѣрный рабъ?» — сказалъ отецъ мой, улыбнувшись. Потомъ, обратясь къ товарищу Кази-Магомеда, онъ сказалъ: «о, братъ, повѣрь, для тебя лучше было-бы въ сто разъ помириться съ отцомъ твоимъ, съ которымъ ты въ ссорѣ уже три года, чѣмъ посѣщать меня. Если ты пріѣхалъ искать моего благословенія, такъ знай-же, что ты никогда не получишь его, пока не помиришься съ отцомъ своимъ. Ступай домой и проси прощенія у него за свои дерзости, а потомъ приходи ко мнѣ». Услышавъ это, человѣкъ этотъ удивился, поблѣднѣлъ, руки и ноги его задрожали отъ такой великой прозорливости моего отца. Потомъ Кази-Магомедъ во второй разъ пріѣзжалъ къ

моему отцу, вмѣстѣ съ Шамилемъ, и принялъ отъ него тарикатъ.

Когда Асланъ-ханъ узналъ о частыхъ посѣщеніяхъ разныхъ лицъ моего отца, онъ сталъ побаиваться распространенія тариката и мюридизма въ Казикумухскомъ ханствѣ. Поэтому, онъ требовалъ къ себѣ моего отца нѣсколько разъ и давалъ ему наставленія, чтобы онъ не принималъ къ себѣ посѣтителей и не сидѣлъ-бы въ уединеніи, предложивъ при этомъ, что если отецъ мой нуждается въ чемъ-нибудь, то онъ охотно поможетъ ему во всемъ. Отецъ отвѣтилъ, что онъ никого не призываетъ къ себѣ, но и не намѣренъ прогонять отъ себя никого изъ тѣхъ, которые сами являются къ нему. Съ этого времени начались враждебныя отношенія Асланъ-хана къ моему отцу. Ханъ намѣревался даже убить его, но Богъ сохранилъ его отъ такого зла. Такъ, однажды, Асланъ-ханъ потребовалъ моего отца съ цѣлію убить его. Когда привели его и онъ стоялъ предъ ханомъ, облокотившись на палку, Асланъ-ханъ вдругъ поблѣднѣлъ и, вставъ съ мѣста, вышелъ въ свою комнату, какъ-бы перепуганный, и сказалъ: «отпустите его домой и не трогайте его; я вижу, что его пальцы сіяютъ свѣтомъ, какъ свѣчи». Въ другой разъ Асланъ-ханъ сказалъ моему отцу: «говорятъ, что ты достигъ до степени святости и творишь чудеса. Покажи мнѣ что-нибудь изъ своихъ чудесъ, если это правда,—и я признаю тебя святымъ.“

— Я не святой, а рабъ Божій, оставь меня въ покоѣ! сказалъ отецъ мой.

— «Если ты не покажешь чего-нибудь изъ своихъ видѣній и чудесъ, то я тебя убью», сказалъ ханъ. Когда отецъ увидѣлъ, что нѣтъ спасенія отъ хана, онъ попросилъ къ себѣ одного изъ его приближенныхъ, и выведши его на большую дорогу, начертилъ по срединѣ дороги четыреугольникъ и сказалъ: «здѣсь лежитъ прахъ женщины, по имени Гайханатъ, умершей въ давно-прошедшее время, въ войнѣ съ кяфирами (невѣрными), и она лежитъ невредима въ своемъ саванѣ». Приближенный хана засмѣялся и сказалъ: «какъ-же можно, чтобы здѣсь, гдѣ лежитъ навозъ и гдѣ большая дорога, была-бы могила человѣка? Если ты не удостовѣришь въ этомъ, то ханъ тебя убьетъ». Въ это время одинъ изъ учениковъ моего отца подошелъ къ этому мѣсту, съ быкомъ, и сказалъ: «если здѣсь окажется могила, то я принесу этого быка въ жертву»,—и принялись копать указанное мѣсто. Когда выкопали опредѣленную отцомъ моимъ могилу, вдругъ, въ

самомъ дѣлѣ, открылся трупъ женщины, такой свѣжій, точно онъ сегодня зарытъ. Тогда приближенный хана поблѣднѣлъ, пришелъ въ удивленіе отъ такого открытія и донесъ хану все какъ было. Съ этого дня, ханъ, убѣдившись въ святости моего отца, оставилъ его въ покоѣ, а ученикъ отца дѣйствительно зарѣзалъ быка въ жертву усопшей. Но все-таки ханъ не пересталъ смотрѣть на отца моего враждебно, и потому послѣдній, опасаясь за свою жизнь, убѣжалъ изъ Кумуха въ Цудахаръ, гдѣ и оставался до смерти Асланъ-хана, а потомъ воротился домой и жилъ тамъ до появленія Шамиля. Тогда отецъ мой переселился на жительство къ нему. Племена дагестанскія, чеченскія и жители плоскости сдѣлали его устазомъ (учителемъ тариката), какъ сдѣлали Шамиля имамомъ. Послѣдній женился на моей сестрѣ, Загидатъ, и выдалъ за меня и за моего брата своихъ дочерей, такъ что съ этого времени семейства Шамиля и моего отца сдѣлались какъ-бы однимъ семействомъ.

По покореніи Дагестана, отецъ мой переселился въ Турцію, и турецкій султанъ Абдулъ-Азисъ уважалъ его и называлъ его дагестанскимъ шейхомъ.

При началѣ имамства Кази-Магомеда, отецъ мой не соглашался съ послѣднимъ въ его дѣйствіяхъ противъ русскихъ и въ возмущеніи дагестанскаго населенія, а потому написалъ къ нему письмо, въ которомъ совѣтовалъ оставить такой образъ дѣйствій, если онъ называется его мюридомъ въ тарикатѣ; но Кази-Магомедъ не послушалъ моего отца и представилъ письмо его къ шейху Магомеду Кюринскому, спрашивая его разрѣшенія воевать съ русскими, причемъ написалъ: «Всевышній Богъ велитъ въ своей книгѣ воевать съ безбожными и невѣрными, а Джемалэддинъ не позволяетъ мнѣ этого: чьи повелѣнія исполнять мнѣ»?

— Повелѣнія Божіи мы должны болѣе исполнять, чѣмъ людскія,—отвѣтилъ шейхъ Магомедъ, и дѣло пошло, какъ пошло.

Сначала Кази-Магомедъ не вѣрилъ тарикатскимъ шейхамъ, потому что не понялъ ихъ; но когда онъ убѣдился въ ихъ святости и увидѣлъ чудеса ихъ, тогда раскаялся въ своихъ грѣхахъ и даже сочинилъ стихи въ похвалу тарикатистовъ.

Сеидъ Абдурахманъ.

I.

Во имя Бога милостиваго и милосердаго. Хвала Богу—хранителю міра, слава великимъ пророкамъ Его и послѣдователямъ ихъ до дня воскресенія!

Есть много путей (тарикатъ) ислама, но главныхъ, болѣе извѣстныхъ изъ нихъ, считается четыре.

Первый путь изъ этихъ четырехъ есть тотъ, который начинается отъ старшаго халифа, Абубекра. Самъ-же онъ принялъ его отъ посла Божія, Магомеда, а Магомедъ получилъ его отъ Всевышняго Бога. Путь сей называется накшубандійскимъ, потому что онъ принадлежитъ хаваджикану *) Магомеду Накшубандійскому. Второй путь идетъ отъ втораго халифа, Омара, который принялъ его отъ пророка, а сей послѣдній отъ Бога. Сей путь называется кадырскимъ, т. е. принадлежащимъ центру святыхъ и образцу несомнѣнной чистоты, благородному шейху Абдулъ-Кадыру Гиланскому. Третій путь происходитъ отъ третьяго халифа, Османа,—обладателя превосходства вѣры и зятя пророка. Путь сей называется джаштурійскимъ. Четвертый путь происходитъ отъ четвертаго халифа, льва Божьяго и побѣдителя — Али, мужа дочери пророка и сына дяди его, Абуталиба. Али принялъ этотъ путь отъ пророка, а сей отъ самого Бога. Путь сей называется великимъ путемъ. Такимъ образомъ, пророкъ Божій есть главный источникъ всѣхъ четырехъ путей; но изъ нихъ самымъ извѣстнымъ сдѣлался накшубандійскій, и въ особенности только этотъ видъ тариката извѣстенъ въ Дагестанѣ и въ сосѣдствѣ его.

---

*) Персидское слово, означаетъ почти тоже, что по-арабски шейхъ, т. е. великій, господинъ, почтенный. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ и главный шейхъ этого тариката, Магомедъ. *Прим. перев.*

Теперь я разскажу про звенья цѣпи этого высокаго накшубандійскаго тариката, т. е. перечислю главныхъ преемниковъ его, съ начала и до нашихъ временъ. Знай, читатель (да одаритъ тебя Богъ познаніемъ того, чего ты не знаешь!), что прежніе добрые люди были заняты наученіемъ своихъ учениковъ учтивости, нравамъ своихъ шейховъ (учителей) и ихъ родословію. Такъ и я разскажу про накшубандійскую цѣпь и начну свой разсказъ, обратившись душою къ помощи тайны бытія, царя всѣхъ тварей, центра пророковъ, сердца благочестивыхъ, хозяина всѣхъ путей ислама, принявшаго ихъ отъ самого Всевышняго Бога, чрезъ посредника, архангела Гавріила,—Магомеда, избраннаго Богомъ изъ всего человѣческаго рода. Пророкъ правовѣрный передалъ путь сей царю и господину нашему, почетнѣйшему изъ имамовъ и первенствующему въ вѣрности, — Абубекру. Да будетъ Богъ доволенъ имъ! Абубекръ передалъ его страннику, считающемуся изъ семейства пророка, Салману Персидскому. Салманъ передалъ благочестивому имаму, обладавшему Божьимъ даромъ, Касуму, сыну Абубекра, который умеръ въ Мединѣ, во второмъ вѣкѣ послѣ Гиджры и похороненъ въ мѣстечкѣ Баки. Касумъ передалъ имаму имамовъ, дѣйствовавшему правдою, Джафару, сыну Магомеда вѣрнаго. Онъ былъ изъ потомковъ Али и умеръ въ Мединѣ въ 148 году послѣ гиджры и похороненъ въ Баки, около отца и дѣда. Джафаръ передалъ имаму, укрѣпленному крѣпостью Божіею, царю боговѣдовъ, Абу-Язиду Бастамскому. Да очистится его тайна! Абу-Язидъ передалъ любимцу Божьему и убѣжищу достигающихъ къ Богу, Абулъ-Гасану Харканскому. Абулъ-Гасанъ передалъ имаму, центру центровъ, Абу-Али Гармадійскому. Абу-Али передалъ шейху Юсуфу Гамаданскому. Юсуфъ передалъ убѣжищу народа, Абдулъ-Халику Гудждуванскому. Абдулъ-Халикъ передалъ имаму, снявшему съ себя человѣческую оболочку, центру святыхъ, шейху Арифу Рывкирейскому. Арифъ передалъ имаму, отказавшемуся отъ мірскихъ цѣлей, шейху шейховъ, Махмудъ-Инджиру Гафнавійскому. Махмудъ-Инджиръ передалъ имаму, углублявшемуся въ любовь свою къ Богу, извѣстному подъ именемъ Хазратъ-Азизанъ, Али Раматинскому. Али передалъ имаму, обратившемуся всею душою къ Богу и забывшему обо всемъ прочемъ, центру святыхъ, Магомедъ-Баба Самасскому. Магомедъ-Баба передалъ источнику достоинствъ и богопознанія, царю великихъ людей, имаму Саидъ-Амиру Кулалейскому. Саидъ-Амиръ передалъ тарикатскому има-

му и убѣжищу людей, обладателю высшаго вдохновенія и свѣтоносцу, извѣстному подъ именемъ накшубандійскаго шейха, красотѣ вѣры, Магомеду Увайсскому-Бухарскому. Магомедъ передалъ ключу отъ сокровища тайнъ, центру центровъ, Шейхъ-Магомеду Бухарскому, извѣстному подъ названіемъ Алауддина (высота вѣры) Атарскаго. Этотъ передалъ имаму и господину нашему Якубу Чархскому-Хасарскому. Этотъ передалъ извѣстному подъ именемъ Хаваджа-Ахраръ (господинъ гражданъ), шейху Абдуллѣ Самаркандскому. Этотъ передалъ поклоннику, шейху шейховъ, господину нашему Магомедъ-Загиду. Этотъ передалъ племяннику своему, шейху, имаму и господину нашему Дарвишъ-Магомеду. Этотъ передалъ почтенному сыну своему, господину нашему, Ховаджаки Самаркандскому-Амканакинскому. Этотъ передалъ центру, который былъ наливателемъ сосудовъ настоящей любви къ Богу, крѣпкому въ вѣрѣ, шейху Магомедъ-Баки. Этотъ передалъ имаму, явившему чудеса и источнику тайнъ, шейху Ахмеду-Фаруки Сархандскому, извѣстному подъ именемъ Божій имамъ, жившему въ началѣ 2-го тысячелѣтія отъ гиджры. Этотъ передалъ своему сыну, повѣренному своихъ тайнъ, шейху шейховъ, Магомедъ-Масуму. Этотъ передалъ своему сыну, потонувшему въ глубинѣ моря правды, царю боголюбимыхъ, шейху Сайфудину. Этотъ передалъ имаму, обладавшему лицезрѣніемъ и качествосозерцаніемъ Бога, царю великихъ, Саидъ-Нуръ-Магомеду Бадванскому. Этотъ передалъ высокому имаму, избранному солнцу вѣры, Габабуллѣ Марзужанскому. Этотъ передалъ имаму, центру святыхъ и образцу чистоты, обладателю совершенства внѣшняго и внутренняго, шейху Абдуллѣ Дихлавійскому. Этотъ передалъ имаму, центру прямоты, страннику ради Бога и поклоннику Его, господину нашему, свѣту вѣры и шейху, Халиду Сулайманскому. Этотъ передалъ имаму, убѣжищу народа и ключу отъ сокровищъ истинъ, великому имаму, шейху Исмаилу Кюрдамирскому. Этотъ передалъ имаму, доводившему учениковъ своихъ до безопасности и шейху—Хасъ-Магомеду Ширванскому. Этотъ передалъ имаму, собору похвалъ и величія, царю и господину нашему и шейху Магомедъ Эфенди Ярагларскому-Кюринскому (да очиститъ Богъ его великую тайну!). Этотъ-же передалъ нуждающемуся въ Богѣ, слабому и грѣшному рабу, сеиду Джемалэддину Казикумухскому (да украситъ его Богъ великими тайнами Своего созерцанія!).

Такова цѣпь великихъ тарикатскихъ шейховъ и высокихъ устазовъ (учителей) накшубандійскаго пути. Тарикатъ этотъ

снизошелъ отъ самого Бога, посредствомъ духа архангела, къ пророку его Магомеду, уроженцу Мекки, изъ племени Гашишъ и фамиліи Корейшъ.

Теперь мы разскажемъ о правилахъ этого накшубандійскаго тариката (да очистятся высокія тайны послѣдователей его и да наградитъ насъ Богъ ихъ высокимъ вдохновеніемъ).

Накшубандійскій тарикатъ означаетъ постоянное занятіе лучшими молитвами, т. е. воспоминаніемъ Бога. Первыя условія этого пути суть слѣдующія: вступающій на него обязанъ прежде всего вполнѣ повиноваться ниспосланной книгѣ и послѣдовать пророку, укрѣпить свои убѣжденія, согласно съ мнѣніемъ послѣдователей пророка, искренно раскаяться въ грѣхахъ, потомъ удовлетворить всѣ обиды, просить прощенія у обиженныхъ, служить неуклонно на пути Магомеда, строго исполнять шаріатскія постановленія, стараться удалять себя отъ всего противнаго Богу и отъ всѣхъ дурныхъ и низкихъ поступковъ, происходящихъ отъ искушеній эгоизма, считать все, что дѣлаетъ, для себя обязательнымъ и не оставлять ничего безъ важной къ тому причины, смотрѣть на дозволеніе отступиться отъ обязанности, какъ на запрещенное, и не дѣлать этого безъ особенной нужды, придерживаться во всѣхъ дѣлахъ самаго основательнаго, украшаться хорошими и похвальными нравами, отказываться отъ лишней ѣды, отъ лишняго сна и разговора, не ѣсть ничего непозволительнаго, постоянно нуждаться въ Богѣ, съ полнымъ самоуничиженіемъ прибѣгать къ Нему во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ, извергнуть изъ себя страсть къ сему обманчивому дому (вселенной) и быть довольнымъ судьбою. Кто усвоитъ себѣ эти качества, тотъ дойдетъ до мѣста присутствія Господа Бога.

II.

Образъ того, какъ шейхъ принимаетъ обѣтъ (ахдъ) отъ своего ученика (мюрида) и какъ онъ дѣлаетъ ему внушеніе (талкинъ) при вступленіи послѣдняго въ тарикатъ.

Слово обѣтъ (ахдъ), по шаріату, означаетъ—обязать себя исполнить какое-нибудь богоугодное и религіозное дѣло, подобно тому, наприм., какъ жители города Медины обязали себя охранять пророка Магомеда отъ всего того, отъ чего они охраняли своихъ женъ и дѣтей.

Внушеніе (талкинъ) означаетъ—привязать какія-либо сердца другъ къ другу, пока дойдутъ они до самого посла Божія и отъ него къ самому Господу Богу. Послѣднее есть самая цѣль вышеобозначенной цѣпи тариката накшубандійскаго.

Накшубандійскіе шейхи, по возможности, собираютъ къ себѣ учениковъ и принимаютъ отъ нихъ обѣты. Сначала ученикъ долженъ сѣсть предъ шейхомъ въ совершенной чистотѣ. Потомъ шейхъ кладетъ свою руку въ руки ученика и говоритъ ему: ,,я дѣлаю *ахдъ*, во имя Бога, между тобою и мною, на коранѣ и пути пророка,—не совершай большаго грѣха *) и не постоянствуй въ малыхъ. Когда ты впадешь въ такую погибель, то поспѣши раскаяться и снять съ себя грѣхи. Постоянно исполняй обязательныя и постоянно совершай и необязательныя, но хорошія молитвы; дѣйствуй съ твердымъ намѣреніемъ; удаляйся отъ всякихъ отступленій отъ существенныхъ правилъ вѣры, позволительное-ли оно будетъ или произвольное. Мы всѣ—братья въ Богѣ; кто изъ насъ будетъ спасенъ въ день страшнаго суда, тотъ возьметъ за руку своего брата. Мы принадлежимъ къ послѣдователямъ тарикатскаго имама, убѣжища народовъ, госпо-

---

*) Уголовныя преступленія и преднамѣренное неисполненіе обязательныхъ молитвъ составляютъ категорію *большихъ грѣховъ*. Такой преступникъ лишается права быть свидѣтелемъ при судопроизводствѣ и, умерши безъ раскаянія, подлежитъ непремѣнному Божьему наказанію. Остальныя, маленькія отступленія отъ религіи составляютъ категорію *малыхъ грѣховъ*, частое повтореніе которыхъ входитъ въ грѣхи первой категоріи. *Перев.*

дина и красоты вѣры, Магомеда-Увайсскаго-Бухарскаго-Накшубандійскаго, и идемъ по его пути. Ты долженъ вспоминать Бога постоянно: это есть шлифованіе сердецъ и средство къ достиженію всякаго искомаго добра».

Потомъ шейхъ потребуетъ отъ него раскаянія во всѣхъ грѣхахъ и противныхъ вѣрѣ дѣйствіяхъ, въ которыхъ онъ растратилъ всю прошедшую жизнь, и при этомъ оба произнесутъ по три раза: «прошу прощенія у великаго Бога, который единъ и нѣтъ Бога кромѣ Него, живаго, вѣчнаго, и возвращаюсь къ Нему». Потомъ шейхъ прочтетъ для благословенія слѣдующіе стихи корана: ,,*тѣ, которые повинуются тебѣ* (обращено къ Магомеду), *повинуются лишь Богу. Божья рука выше ихъ рукъ. Кто нарушитъ это повиновеніе, тотъ нарушитъ его во вредъ себѣ, а кто исполнитъ то, къ чему Богъ его обязалъ, тотъ получитъ великую награду*». Потомъ оба кладутъ свои руки на колѣни, закрываютъ глаза, и шейхъ вспомнитъ три раза имя Божіе, съ намѣреніемъ внушить его сердцу ученика, а ученикъ также вспомнитъ сердцемъ тоже самое три раза; потомъ поднимаютъ руки къ верху и шейхъ читаетъ молитву, а ученикъ говоритъ ,,аминь". По окончаніи молитвы, оба обтираютъ лицо руками; потомъ ученикъ цѣлуетъ колѣни своего шейха, встаетъ и, по дозволенію его, уходитъ и занимается тѣмъ, что шейхъ ему прикажетъ. Онъ долженъ сохранить навсегда свои отношенія къ шейху и исполнять обѣтъ ненарушимо до смерти.

III.

Обязательныя правила учтивости ученика (мюрида) въ отношеніи къ своему шейху.

Знай, что тому, кто вступаетъ въ сообщество шейховъ, необходимо соблюдать въ отношеніи ихъ должныя правила учтивости и почитанія, потому что шейхи суть собесѣдники Бога и сообщество съ ними есть тоже, что сообщество съ Богомъ, а соблюденіе правилъ учтивости въ отношеніи къ Богу есть непре-

мѣнный долгъ человѣка во всякое время. Пророкъ Божій сказалъ: «кто пожелаетъ сѣсть съ Богомъ — пусть сидитъ съ Божьими людьми» *). Поэтому, нужно соблюдать правила учтивости, а кто ихъ не будетъ соблюдать, тотъ уклонится отъ прямой дороги. Джунайдъ Багдадскій сказалъ, да очиститъ Богъ его тайну: „кто подсядетъ къ этой толпѣ, т. е. къ тарикатистамъ, и не будетъ оказывать имъ должнаго уваженія,—отъ такого отходитъ вѣра и губитъ его Богъ гнѣвомъ Своимъ.“ Въ книгѣ пророка сказано: „кто не почтитъ своего учителя, тотъ подвергается отъ Бога тремъ гибельнымъ несчастіямъ: первое—языкъ его не повернется при смерти на свидѣтельствованіе единства Божія; второе—обѣднѣетъ втеченіи своей жизни, и наконецъ—забудетъ все, что зналъ.“ Правила учтивости состоятъ въ слѣдующемъ:

Ученикъ (мюридъ) долженъ: совершить омовеніе, прежде чѣмъ вступитъ въ сообщество шейха (учителя),—потому что чистота служитъ проводникомъ пониманія и увеличиваетъ его; раскаяться во всѣхъ своихъ грѣхахъ; очистить сердце отъ всякаго рода познанія и образа предметовъ; не входить къ шейху безъ спроса и тогда войти съ самоуничиженіемъ, съ поникшею головою; поклониться ему сердцемъ, а не языкомъ; поцѣловать его правую руку и, отошедши задомъ, стоять около дверей до тѣхъ поръ, пока шейхъ не позволитъ ему сѣсть и не укажетъ мѣста; не наступать на коврикъ шейха во время цѣлованія его руки, а поднять его и подойти на колѣняхъ; не допускать въ сердцѣ мірскихъ мыслей въ присутствіи шейха, потому что онѣ отражаются въ сердцѣ шейха и могутъ вредить ему; не думать о томъ, чтобы уйти отъ него самовольно; не начинать разговора безъ позволенія шейха; не возвышать голоса при разговорѣ, а говорить такъ, чтобы слышалъ только шейхъ; не смотрѣть долго въ лицо шейха, потому что это противно учтивости и уменьшаетъ величіе шейха въ сердцѣ его, и тѣмъ можетъ прекращать его вдохновеніе: ученикъ долженъ быть какъ воръ передъ строгимъ царемъ; не измѣнить своего чувства къ шейху, если-бы онъ ему сказалъ грубое слово или унизилъ его предъ товарищами; не упрекать шейха за его противошаріатскія дѣйствія; если же чего не пойметъ, пусть скажетъ: „онъ лучше меня знаетъ“ и пусть

*) Подъ Божьими людьми здѣсь разумѣются послѣдователи тариката и шейхи, т. е. они одни вполнѣ принадлежатъ Богу, потому что они не имѣютъ для себя другой цѣли, кромѣ богосозерцанія. *Перев.*

вспомнить повѣсть пророка о Хизри и Моисеѣ *); не противиться никогда приказанію шейха, хотя бы онъ приказалъ ему броситься въ огонь,—потому что отъ ослушанія своему шейху происходитъ несчастіе; не опровергать сужденій шейха, хотя-бы онъ самъ былъ правъ, потому что это есть нарушеніе обѣта; не говорить ему „почему" или „зачѣмъ," потому что это есть упрекъ; быть убѣждену въ томъ, что шейхъ принадлежитъ къ Божьимъ святымъ и что онъ охраненъ отъ сопротивныхъ ему; не полагать, что онъ охраненъ отъ грѣховъ, потому что и святой можетъ согрѣшить; быть убѣждену въ томъ, что его шейхъ есть самый высшій изъ шейховъ, а путь его выше всѣхъ путей, потому что, если ученикъ не убѣжденъ въ этомъ, то ему можетъ понравиться другой шейхъ и онъ можетъ предпочесть путь его, и тогда прекратится вдохновеніе отъ прежняго шейха; не вращаться много около шейха; не входить въ его сообщество, если этого не требуютъ правила вступленія въ тарикатъ; не си-

---

*) Повѣсть эта изложена въ самомъ коранѣ и выражаетъ обязанность ученика слѣпо повиноваться своему учителю.

Однажды Моисею пришла въ голову мысль, что онъ лучшій рабъ Божій на цѣлой землѣ; поэтому, Богъ сообщилъ ему, что Онъ имѣетъ другаго, еще лучшаго раба, живущаго на мѣстѣ сліянія двухъ морей. Моисей далъ слово своему товарищу странствовать, пока не отыщетъ этого раба Божія. Моисей съ товарищемъ ходили долго и однажды, отдохнувъ окола пролива, забыли на мѣстѣ отдыха рыбу, которую имѣли съ собою. Отошедши отъ этого мѣста, Моисей велѣлъ своему товарищу подать завтракъ, но товарищъ сказалъ ему, что рыба, которую они имѣлц, забыта ими на мѣстѣ отдыха. Тогда Моисей сказалъ: „это самое мѣсто мы отыщемъ"—и вернулся назадъ. Рыба, забытая ими, ожила и пошла въ море, оставивъ свой слѣдъ подъ водою, т. е. въ морѣ, куда рыба пошла, оставалась дыра въ водѣ.—Тутъ-то Моисей нашелъ искомаго человѣка (то былъ пророкъ Хизри) и просилъ принять его къ себѣ въ ученіе. На это Хизри отвѣтилъ, что Моисей не можетъ перенести того, что онъ самъ переноситъ. Моисей сказалъ: „если Богу угодно, то я буду терпѣливъ и не измѣню тебѣ."—„Въ такомъ случаѣ, ты не спрашивай меня ничего, пока я самъ тебѣ не разскажу,"—сказалъ Хизри, и оба пошли въ путь. Когда они ѣхали на одномъ караблѣ, Хизри вынулъ доску изъ корабля, на что Моисей замѣтилъ, что люди могутъ погибнутъ чрезъ это. Но Хизри сказалъ: „развѣ я тебѣ не говорилъ, что ты не потерпишь со мною?" Тогда Моисей сказалъ: „не взыщи за забывчивость, я больше не буду,"—и отправились дальше. Однажды они встрѣтили красиваго мальчика и Хизри убилъ его. „Какъже ты убилъ невиннаго мальчика, вѣдь ты сдѣлалъ недоброе дѣло!"—„Развѣ я не говорилъ, что ты не потерпишь со мною?" замѣтилъ Хизри.—„Если я еще разъ спрошу что-нибудь, тогда не бери меня съ собой," сказалъ Моисей, и оба продолжали путь. Въ одномъ селеніи, куда они пришли голодные, ихъ

дѣть долго у шейха, потому что это можетъ уменьшить любовь и величіе шейха въ его глазахъ, и тогда прекратится вдохновеніе; не скрывать отъ шейха ничего изъ своихъ видѣній и обстоятельствъ, потому что это препятствуетъ достиженію цѣли; если ему откроется что-нибудь изъ тайнъ его шейха — не обнаруживать этого никому, хотя-бы его живаго распилили на части, и когда онъ захочетъ выйти отъ шейха, то долженъ просить позволенія его, а когда шейхъ позволитъ, долженъ поцѣловать его руку и колѣно, а потомъ выйти, отступая назадъ и не поворачиваясь къ нему спиною до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь предметъ не скроетъ его отъ шейха.

Кто строго и точно будетъ соблюдать эти правила учтивости, тотъ воспользуется сообществомъ, которое доведетъ его до Бога; въ противномъ случаѣ, всѣ его стремленія и самое поступленіе въ сообщество шейховъ навлекутъ на него гнѣвъ Божій и заблужденія.

не приняли и никто не накормилъ. Проходя по улицѣ, они увидѣли стѣну, готовящуюся обрушиться. Хизри провелъ рукою по стѣнѣ и она выпрямилась. „Ты могъ-бы взять за это плату,“ замѣтилъ Моисей.—„Вотъ теперь время уже намъ разстаться съ тобой, а я тебѣ объясню все, что тебѣ не понравилось,“ сказалъ Хизри и продолжалъ: „корабль, который я одырявилъ, принадлежалъ бѣднякамъ, занимающимся мореплаваніемъ. У нихъ былъ царь, который забиралъ для себя всѣ хорошіе и цѣлые корабли. Поэтому, я вынулъ доску, чтобы царь не отнялъ у бѣдняковъ корабля. У мальчика, котораго я убилъ, родители были набожные люди, а если-бы этотъ сынъ выросъ, то онъ сдѣлался-бы безбожнымъ и обратилъ-бы родителей въ безбожіе: поэтому я убилъ его, чтобы спасти родителей его отъ гибели и чтобы Богъ замѣнилъ имъ его другимъ, лучшимъ и послушнымъ сыномъ. Что-же касается до стѣны, то подъ стѣною былъ зарытъ кладъ, принадлежащій двумъ сиротамъ, у которыхъ отецъ былъ набожный и хорошій человѣкъ; Богъ твой захотѣлъ, чтобы кладъ былъ вырытъ самими хозяевами, когда они достигнутъ совершеннолѣтія, и тѣмъ сотворить имъ милость. Я все сдѣлалъ не по своей волѣ, а по волѣ Божіей. Вотъ объясненіе того, чего ты не могъ стерпѣть,“ заключилъ Хизри,—и они разстались.

IV.

О пользѣ любви и необходимости ея для мюрида.

Главное условіе этого высокаго тариката составляетъ любовь, потому что самое значеніе этого тариката, а именно—постоянное рабство, сопряженное съ самопожертвованіемъ и уничиженіемъ себя, внушается любовью.

Абубекръ получилъ первенство отъ пророка въ этомъ тарикатѣ собственно силою тяготѣнія любви, а потомъ передача его пошла и къ другимъ шейхамъ тоже черезъ любовь, и потому тарикатъ сей называется «тарикатъ-джабза», т. е. чувствопередательный. Потому что тяготѣніе чувства есть причина относить его къ отдѣльной личности. Если любви не существуетъ, тогда не будетъ и тяготѣнія чувства, а безъ этого нельзя относить его къ кому-нибудь отдѣльно. Любовь, по своему свойству, удаляетъ отъ мюрида его состояніе и онъ уничтожается въ своего шейха, т. е. любовь сливаетъ мюрида съ его шейхомъ такъ, что никакое желаніе или мысль не могутъ явиться въ мюридѣ безъ воли шейха; тогда любовь втягиваетъ все, что находится въ шейхѣ (т. е. богопознаніе и богосозерцаніе), въ мюрида, и мюридъ дѣлается копіею своего шейха. Потому что любовь, какъ магнитъ, притягиваетъ всѣ качества любимаго къ любящему, такъ что каждый изъ нихъ дѣлается совершенно какъ другой. Но такая любовь не подходитъ подъ категорію пріобрѣтаемыхъ, такъ какъ она есть особенный даръ Божій, которымъ Богъ награждаетъ кого захочетъ изъ Своихъ рабовъ. Обязывать кого-либо пріобрѣсти ее нельзя, потому что принужденіе можетъ повлечь за собою только отвращеніе и непріязнь. Шейхъ Сиры Сактинскій сказалъ: «любовь не совершится между двумя личностями до тѣхъ поръ, пока одинъ другому не скажетъ: я есмь ты.» Для мюрида необходимо любить своего шейха, который дѣлается посредникомъ между нимъ и Богомъ, для созерцанія Его. Потому что шейхъ есть зеркало, въ которомъ отражаются истина и лице Божіи. Когда мюридъ полюбитъ своего шейха, тогда въ немъ являются означенныя качества и онъ самъ начинаетъ созерцать Господа Бога, безъ посредничества шейха, и дѣлается совершенно какъ шейхъ, во всѣхъ его качествахъ. Однимъ словомъ,

мюридъ приближается къ шейху сообразно степени любви, и этой любви достаточно для достиженія къ Богу. Поэтому, любовь этой партіи *) есть сущая истина.

V.

Объясненіе основаній этого пути (тариката), которыя долженъ соблюдать мюридъ.

Вступающій на этотъ путь долженъ охранять сердце свое отъ забытья, такъ, чтобы сердце его постоянно было съ Богомъ, при всякомъ дыханіи. Охраненіе бдительности дыханія приводитъ сердце къ ощущенію Бога въ жизни. Потому что каждое дыханіе, входящее и исходящее съ воспоминаніемъ Бога, даетъ жизнь, приводящую въ присутствіе Бога, а каждое дыханіе, входящее и исходящее при забытьи, есть дыханіе мертвое, прерывающее общеніе съ Богомъ. Но постоянно охранять дыханіе отъ забытья весьма трудно для нововступающихъ въ тарикатъ. Поэтому, когда является хотя малѣйшее забытье, они должны просить у Бога прощенія, т. е. говорить: «прости Господи», потому что это очищаетъ дыханіе и направляетъ его къ доброму. Во время хожденія мюридъ долженъ смотрѣть впередъ, на свои ноги, и не оглядываться вокругъ себя, чтобы образы различныхъ предметовъ не нарисовались въ его памяти и не послужили сердцу покровомъ (вуалемъ). Ибо, по большей части, образы предметовъ, которые рисуются въ сердцѣ, служатъ для него вуалемъ, потому собственно, что чистыя сердца похожи на зеркала и въ нихъ отражаются всѣ злыя и дурныя качества и мысли отъ грубыхъ сердецъ, по одному только взгляду на лицо другаго. Хожденіе мюрида должно быть отъ твари къ творцу, какъ сказалъ Авраамъ: «я иду къ своему Богу»,—а не изъ города въ городъ. Такое путешествіе называется внутреннимъ путешествіемъ. Мудрый шейхъ Тирмузскій не дозволялъ мюридамъ путешествовать въ натурѣ и говаривалъ: «ключъ всякаго добра и ключъ всякаго благословенія есть

---

*) Тарикатистовъ.

терпѣніе на мѣстѣ желанія, пока тебѣ не дана будетъ воля, — и тогда въ тебѣ обнаружатся начала благословенія и ты пойдешь къ Богу, будешь-ли идти въ натурѣ куда-нибудь или не будешь идти—все равно». Шейхъ Абубекръ-Дакакъ сказалъ: «несчастія мюрида заключаются въ трехъ дѣйствіяхъ: въ женитьбѣ, въ изученіи юридическихъ книгъ, въ которыхъ нѣтъ надобности, и въ путешествіи прежде самоусовершенствованія». Сердце вступившаго на этотъ путь должно постоянно находиться въ присутствіи Бога и, находясь въ натурѣ между людьми, удаляться отъ всего міра: это называется *муракаба*.

Знай, что уединеніе (халватъ) бываетъ двоякое: натуральное, или наружное, и внутреннее, т. е. въ созерцаніи тайнъ истины (Бога). Первое, т. е. наружное уединеніе, совершается по отношенію къ людямъ, для того чтобы міръ не отвлекалъ мюрида отъ внутренняго созерцанія, чрезъ что онъ дѣлается существомъ, удалившимся отъ всего. Внутреннее-же уединеніе есть настоящее уединеніе, и оно принадлежитъ исключительно къ накшубандійскому тарикату. Потому что послѣдователи его не удаляются въ натурѣ, а только внутренно, какъ сказалъ господинъ Багаудцинъ Накшубандійскій: «тарикатъ нашъ состоитъ въ товариществѣ и въ добромъ союзѣ».

Мюридъ, для достиженія своего до степени муракаба, долженъ произносить языкомъ положительно-отрицательное изреченіе: «*нѣтъ Бога, кромѣ одного Бога*» извѣстное число разъ въ сутки, какъ-то: по 5,000 или по 10,000 разъ и такъ далѣе. Потому что сердце, будучи въ совокупности съ составными частями тѣла, подвергается ржавчинѣ атомовъ. Когда-же языкъ произноситъ это положительно-отрицательное изреченіе, оно очищается отъ ржавчины и достигаетъ, въ состояніи бдѣнія, до степени богосозерцанія.

Во время произношенія положительно-отрицательнаго изреченія, мюридъ долженъ обратить свои мысли къ слѣдующимъ высокимъ словамъ: «Боже, ты составляешь предметъ моего стремленія и угодить тебѣ—вотъ мое желаніе». Потому что эти слова утверждаютъ значеніе положительно-отрицательнаго изреченія и передаютъ сердцу вспоминающаго тайну настоящаго единства Божія, такъ что во взорахъ его уничтожается существованіе всего міра и обнаруживается только одно существованіе единаго Бога.

Во время воспоминанія, мюридъ долженъ сохранить свое сердце въ точномъ пониманіи значенія положительно-отрицатель

наго изреченія; потому что, если сердце не будетъ исключительно занято значеніемъ онаго, тогда въ немъ могутъ являться посторонція мысли; если-же другія мысли появятся, тогда сердце не достигаетъ цѣли воспоминаній, а именно—сообщества своего съ воспоминаемымъ предметомъ. Охраненіе сердца отъ постороннихъ мыслей, хотя-бы на одинъ часъ, есть великое дѣло у людей тариката, и при этомъ должно держать въ своемъ сердцѣ, во время воспоминанія, присутствіе вспоминаемаго (Бога) съ притаеннымъ дыханіемъ. Нѣкоторые полагаютъ, что мюридъ долженъ сохранять сердце въ присутствіи Бога постоянно и во всякое время; но это тоже, что муракаба.

Мюридъ долженъ останавливаться въ свое время и знать, какой моментъ прошелъ съ присутствіемъ Бога и какой въ забвеніи. Когда является забвеніе, онъ долженъ отстранить его, сказавъ: «прости Боже», и, возвративъ мысли къ Богу, долженъ остановиться на Немъ. Кто не разбираетъ такимъ образомъ своего времени и не исполняетъ своей обязанности относительно воспоминанія Бога и совершенія молитвъ, — жизнь такого человѣка дѣлается ничтожною и погибающею въ грѣхахъ и забвеніи. Къ числу высшихъ качествъ принадлежитъ такое знаніе моментовъ времени и охраненіе ихъ отъ всего противнаго Богу, а также постоянство въ совершеніи молитвъ.

Во время воспоминанія, мюридъ долженъ еще произносить положительно-отрицательное изреченіе, задержавъ дыханіе, нечетное число разъ, какъ то: три, пять, семь разъ и т. д. до двадцати одного, втеченіи каждаго дыханія. Когда дойдетъ до того, что можетъ произнести въ одно дыханіе означенное нечетное число разъ, тогда долженъ посмотрѣть на результатъ: если достигнетъ чего-нибудь, то хорошо; если-же ничего не выйдетъ, т. е. не почувствуетъ въ себѣ перемѣны состоянія, то это происходитъ отъ какого-либо отступленія отъ этихъ правилъ. Тогда пусть мюридъ снова начнетъ и постарается строго соблюсти всѣ вышесказанныя правила.

Совершенно такъ-же вступившій на этотъ путь долженъ наблюдать за сердцемъ, во время воспоминанія, чтобы отвратить отъ него забвеніе и постороннія мысли. Потому что сердце, пока въ немъ существуетъ какая-нибудь мысль, не можетъ явиться къ воспоминаемому (Богу), хотя-бы вспоминать Бога цѣлую жизнь. А когда мюридъ наблюдаетъ за сердцемъ и устремляетъ его совершенно къ Единому, тогда въ немъ совершается уничтоже-

ніе себя въ Богѣ, т. е. онъ приходитъ въ такое состояніе, что не чувствуетъ ни своего существованія, ни существованія другаго чего-либо, кромѣ только Творца, и когда онъ достигнетъ этой степени,—тогда дѣло кончено.

Заключеніе.

О пользѣ сообщества съ шейхами, о любви и почитаніи ихъ.

Знай, что сообщество съ шейхами во всѣхъ высокихъ тарикатахъ есть самостоятельное средство для достиженія до высшей степени. Потому что достиженіе до созерцанія Творца во всѣхъ путяхъ зависитъ отъ сообщества съ совершенными шейхами и отъ наставленій достигшихъ до Бога учителей. Шейхъ, въ полномъ значеніи этого слова, доводитъ своего ученика до степени совершенства однимъ своимъ сообществомъ и открываетъ ему свѣтъ и красоту Всевышняго и обнаруживаетъ ему тайны достиженія Бога, не прибѣгая къ другимъ средствамъ, какъ-то: къ частому воспоминанію Бога, задержанію себя въ *ріязѣ* *) и учащенію молитвъ. Ріяза, безъ совѣта шейха и сообщества съ нимъ, а также безъ связи съ нимъ (рабита) **), не производитъ ничего, кромѣ недоразумѣнія. То, что мюридъ находитъ въ любви шейха въ одно мгновеніе, не можетъ онъ найти въ чтеніи тысячи книгъ и въ уединеніи на тысячу лѣтъ. Потому что совершенный шейхъ распоряжается своимъ мюридомъ одною

---

*) *Ріяза*, у тарикатистовъ, значитъ пріученіе себя къ самой скромной и весьма скудной пищѣ, для умерщвленія тѣлесныхъ страстей.

**) *Рабита*, слово арабское, означаетъ—связать. У тарикатистовъ оно означаетъ — сидѣть съ закрытыми глазами, держа въ памяти образъ своего шейха, и смотрѣть на него мысленно. Рабита совершается и въ присутствіи шейха: представивъ себѣ образъ шейха, продолжаютъ глядѣть на него такъ, что забываютъ обо всемъ и о самомъ себѣ, кромѣ существа шейха.

Перев.

дружбою и доводитъ его до степени богосозерцанія, чего невозможно достигнуть какимъ-либо другимъ путемъ, кромѣ дружбы съ шейхами.

Знай, что дружба съ совершеннымъ шейхомъ, со всѣми ея условіями, а именно: любовью, преданностію, присутствіемъ сердца, убѣжденіемъ, самопожертвованіемъ, самоуничиженіемъ, выборомъ и послушаніемъ, достаточна для отраженія вида Божьяго свѣта въ сердцахъ искателей и для преукрашенія ихъ тѣмъ свѣтомъ.

Связь чувства (рабита), также какъ и сообщество съ шейхами, достаточна для достиженія отражательности и красоты сердца, хотя-бы и вдалекѣ отъ шейха. Потому что рабита поставляетъ мюрида въ покровительство шейха, который охраняетъ его отъ всего противнаго во всякомъ положеніи, такъ что онъ исчезаетъ въ образѣ шейха, отстаетъ отъ своей воли и существуетъ волею шейха. Тогда нисходитъ въ сердце его свѣтъ Бога посредствомъ шейха и мюридъ остается такимъ образомъ съ шейхомъ своимъ, пока не достигнетъ до степени самостоятельности и пока въ сердцѣ его не будетъ отражаться свѣтъ Божій прямо, безъ посредничества шейха. Поэтому, нѣкоторые боговѣды сказали: «введи шейха въ свое сердце и водвори его тамъ и не выводи его оттуда, пока ты самъ не сдѣлаешься богознателемъ, посредствомъ его, потому что шейхи суть источники Божьяго вдохновенія, а кто вводитъ въ свое сердце этотъ источникъ, тотъ достигнетъ и до степени вдохновенія».

Слѣдовательно, рабита, гдѣ-бы ее ни совершать, для вступающаго на сей путь, гораздо полезнѣе воспоминанія и охраненія сердца.

Послѣсловіе отъ переписчика.

Всѣ изложенныя выше правила относятся къ тарикату высокаго шейха, источника познаній и величія, Ховаджа-Багауддина Накшубандійскаго. Тарикатъ этотъ извѣстенъ въ настоящее время въ Дагестанѣ и въ сосѣдствѣ его подъ именемъ халидійсконакшубандійскаго тариката.

Кромѣ этого, у насъ не имѣется другаго тариката въ на-

стоящее время. Кто послѣдуетъ ему, тотъ спасется отъ гибели въ будущей жизни, а кто отступится отъ него и отвергнетъ его, тотъ впадетъ въ несчастіе, какъ это и видѣли мы сами на опытѣ. Я выписалъ эти правила, съ нѣкоторыми сокращеніями, изъ книги «Адабуль-Марзія»,—сочиненія свѣта моихъ очей, учителя и родителя моего, а также учителя въ тарикатѣ всѣхъ дагестанскихъ, чеченскихъ и другихъ сосѣднихъ къ нимъ народовъ, — сеида Джемаледдина Казикумухскаго.

Сеидъ Абдурахманъ.

ТАРИКАТСКІЯ ЛЕГЕНДЫ, ПОУЧЕНІЯ И ПИСЬМА.

Отъ Редакціи.

Въ дополненіе къ сочиненію шейха Джемалэддина о тарикатѣ, считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь-же нѣсколько легендъ, поученій и писемъ, характеризующихъ религіозную жизнь горцевъ-мусульманъ.

Легенды и поученія, подобныя помѣщаемымъ ниже, читаются муллами въ мечетяхъ, въ большіе праздники и въ особенности при молебствіяхъ, совершаемыхъ по случаю необыкновенныхъ явленій природы, какъ-то: землетрясенія, солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, продолжительнаго бездождія и т. п. Народъ слѣпо вѣритъ подобнымъ проповѣдямъ. Можно было-бы собрать ихъ весьма большое количество, но переводчикъ ихъ съ арабскаго языка, г. Абдулла Омаровъ, ограничился по необходимости выборкою наиболѣе характеристичныхъ изъ подобныхъ сказаній заключавшихся въ бывшемъ у него подъ рукою рукописномъ сборникѣ. Одни изъ переведенныхъ имъ отрывковъ характеризуютъ общемусульманскія вѣрованія, другіе-же принадлежатъ къ ученію о тарикатѣ.

Что касается помѣщаемыхъ писемъ, также переведенныхъ съ арабскаго и татарскаго языковъ, то они въ значительной степени разъясняютъ, какъ ученіе о тарикатѣ, изложенное Джемалэддиномъ въ его теоріи, проявляется на практикѣ. Письма эти извлечены изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія за послѣднее время и переведены г. Абдуллою Омаровымъ съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей, которыя отличаютъ манеру переписываться между собою, принятую въ общественной жизни горцевъ, и только лишь подлинныя имена переписывавшихся между собою лицъ замѣнены вымышленными.

Легенды.

Разсказъ о шейхѣ Магомедѣ, сынѣ Ахмеди Балхскаго, извѣстномъ своею святостію и принадлежавшемъ къ числу тарикатскихъ учителей.

«Разсказывалъ намъ Абулъ-Гасанъ, что отецъ его слышалъ отъ своего отца. Когда находился въ Багдадѣ великій шейхъ, богознательный Магомедъ, сынъ Ахмеда Балхскаго, то онъ, дѣдъ Абулъ-Гасана, просилъ его разсказать о началѣ его святости, но тотъ ему не открылся. Тогда онъ прослужилъ у него второй годъ, спросилъ тоже самое, но и тогда шейхъ не открылся. Прослуживши третій годъ, онъ спросилъ его о томъ-же самомъ, и тогда шейхъ сказалъ ему: «неужели тебѣ непремѣнно надо это знать?»—«Если найдешь возможнымъ»—отвѣтилъ онъ. Тогда онъ началъ: «ты не открывай никому объ этомъ, пока я живъ». Дѣдъ Абулъ-Гасана далъ на это слово.—«Я бѣжалъ изъ Балха въ Багдадъ—продолжалъ онъ,—чтобы видѣться съ шейхомъ Абдулъ-Кадыромъ, и засталъ его за предвечернею молитвою; когда онъ кончилъ молитву, я подошелъ и поздоровался, а онъ взялъ меня за руку и, улыбаясь, сказалъ: «добро пожаловалъ, Магомедъ; Богъ видитъ твое мѣсто и знаетъ твою цѣль». Эти слова его были лекарствомъ для больнаго, и у меня выступили слезы отъ боязни, члены мои задрожали отъ страха, и кишки мои разрѣзались отъ любви. Я уединилъ себя отъ людей и чувствовалъ на душѣ нѣчто невыразимое. Чувство это усиливалось во мнѣ все больше. Однажды, когда я всталъ на свою молитву, въ темную ночь, мнѣ показались изъ сердца моего образы двухъ человѣкъ,—одинъ изъ нихъ держалъ чашу, а другой—плащъ. Державшій плащъ сказалъ мнѣ: «я Али, сынъ Абуталиба, а этотъ—одинъ изъ приближенныхъ къ Богу ангеловъ; это—чаша любви, а это—плащъ благословенія». Потомъ надѣлъ онъ на меня плащъ, а ангелъ подалъ мнѣ чашу, свѣтъ которой освѣщалъ пространство между востокомъ и западомъ. Когда я выпилъ чашу,—тутъ-же мнѣ открылись тайны Божіи и мѣста святыхъ и многія другія чудеса. Изъ числа видѣнныхъ мною дивъ было то мѣсто, о тайны котораго скользятъ ноги умовъ, предъ величіемъ котораго помрачаются понятія разумовъ, предъ обаяніемъ котораго клонятся долу головы и предъ блескомъ свѣта

котораго отуманивается зрѣніе очей. Не проходила мимо этого мѣста ни одна толпа ангеловъ и духовъ безъ того, чтобы не пасть на колѣни въ честь этого мѣста. Я началъ воспѣвать хвалы Богу и поклонился жителямъ этого мѣста. Вдругъ кто-то сказалъ: «ничего нѣтъ выше этого мѣста, кромѣ престола Божія; всякая степень приближенія къ Богу, тайна любимца Его, знаніе ученаго, дѣйствіе святаго и сближеніе съ Богомъ, начало, основаніе и конецъ достиженія всего—все это выходитъ изъ этого мѣста». Я стоялъ на время, не имѣя возможности посмотрѣть на это мѣсто, а потомъ долго стоялъ, не умѣя приблизиться къ нему, потомъ долго я разглядывалъ, чтобы узнать, кто тамъ такіе находятся, и наконецъ узналъ, что тамъ сидитъ посолъ Божій Магомедъ,—съ правой стороны его сидятъ Адамъ, Авраамъ и архангелъ Гавріилъ, а съ лѣвой стороны—Ной, Моисей и Іисусъ (да будетъ надъ ними и нами благословеніе Божіе!); предъ нимъ сидятъ главные его товарищи, а другіе святые стоятъ какъ прислуга и надъ ихъ головами сидитъ по одной птицѣ. Изъ товарищей его я узналъ Абубекра, Омара, Османа, Али, Гамзата и Аббаса, а изъ святыхъ я узналъ Маарyфа Курхскаго, Сирру Сактскаго, Джунайда, Сахлу, вѣнецъ богознателей—шейха Абдулъ-Кадыра, шейха Адай и шейха Ахмеда Руфайскаго. Самый приближенный къ пророку изъ товарищей его былъ Абубекръ, а изъ святыхъ—шейхъ Абдулъ-Кадыръ. Въ это время я услышалъ чей-то голосъ, который говорилъ: «когда пророки Божіи и ангелы приближенные сильно воспламеняются желаніемъ видѣть Магомеда, тогда Магомедъ сходитъ съ своего высокаго мѣста у Бога на это мѣсто, гдѣ онъ принимаетъ всѣхъ, и созерцаніемъ его увеличивается свѣтъ ихъ и почетъ и возвышаются ихъ мѣста, а потомъ Магомедъ возвращается на свое мѣсто». Я слышалъ, что всѣ они воспѣвали: «слушаемся и повинуемся, Боже, прости насъ: къ Тебѣ-же возвращаются» *).

Въ это время мнѣ показался блескъ великаго Божьяго свѣта и я потерялъ всякое сознаніе присутствія предметовъ и своего существованія и безъ сознанія впалъ въ такое положеніе, что не могъ различать предметы одинъ отъ другаго и находился въ такомъ состояніи три года. Когда я очнулся отъ этого положенія, шейхъ мнѣ сказалъ: «о балхецъ, мнѣ приказано возвратить

*) Стихи корана, т. е. всякій по смерти возвращается къ Богу и никуда больше.

тебѣ чувство и сознаніе и снять съ тебя то, что тебя одолѣло», а потомъ онъ разсказалъ мнѣ обо всемъ, что я видѣлъ, съ начала и до конца, и присовокупилъ, что онъ просилъ пророка семь разъ, чтобы мнѣ позволилъ видѣть это мѣсто, потомъ семь разъ просилъ, чтобы я подошелъ къ нему, потомъ семь разъ, чтобы я могъ видѣть, кто тамъ, и семь разъ,—чтобы я услышалъ вышесказанный голосъ.—„Я просилъ Бога—продолжалъ шейхъ—семь, семь и семь разъ, чтобы ты увидѣлъ блескъ свѣта, а прежде я просилъ 70 разъ, чтобы тебя напоили чашею любви и одѣли плащемъ благословенія, а теперь, сынъ мой, соверши всѣ намазы, которые ты пропустилъ впродолженіи трехъ лѣтъ.»—Вотъ какъ было мое дѣло,—заключилъ балхецъ.

Разсказывалъ Мааруфъ-Курхи *): однажды я совершалъ вечеромъ молитву, какъ слѣдовало, и легъ спать. Во снѣ я увидѣлъ женщину, какъ полнолуніе, красоту которой невозможно описать; она, обратившись ко мнѣ, сказала: «какъ ты можешь спать, имѣя такую рабыню, какъ я?» Я посмотрѣлъ на нее—и она мнѣ улыбнулась въ лицо. Въ это время свѣтъ ея зубовъ освѣтилъ пространство между востокомъ и западомъ.

— «Какъ ты достигла до такой красоты»? спросилъ я.

— «Однажды, въ холодную зимнюю ночь, ты всталъ и совершилъ омовеніе для молитвы и отправился въ мечеть, а я взяла каплю воды изъ упавшихъ съ лица твоего и обтерла ею свое лицо. Отъ этой капли воды Богъ вознаградилъ меня красотою, превосходящею красоту райскихъ гурій,“ — сказала женщина. Я проснулся и воспѣлъ хвалу Богу».

Абу-Гурайратъ **) разсказалъ, что посолъ Божій (да будетъ на немъ миръ Божій!), говорилъ, что подъ престоломъ Божіимъ находится пѣтухъ, который сидитъ на башнѣ изъ краснаго яхонта, опирающейся на столбы свѣта; пѣтухъ этотъ имѣетъ на каждой сторонѣ по 700,000 крыльевъ и на каждомъ крылѣ по

*) Одинъ изъ великихъ древнихъ тарикатскихъ шейховъ.

**) Одинъ изъ приближенныхъ товарищей Магомеда, которому приписываются самыя вѣрныя изреченія пророка.

700,000 перьевъ изъ серебра, по столько-же перьевъ изъ мускуса и по столько-же изъ золота; на каждомъ перышкѣ написано: «*Во имя Бога милостиваго и милосердаго; нѣтъ Бога кромѣ единаго, и Магомедъ есть его посолъ вѣрный; всякая вещь подвергнется уничтоженію, кромѣ лица Божія, которому принадлежитъ всякое дѣло и къ которому вы возвратитесь.*" Ширина этого пѣтуха такая, сколько есть пространства отъ престола Божія до нижней земли; длину его тѣла составляетъ милліонъ лѣтъ ѣзды, и такой-же длины клювъ. Голова его сдѣлана изъ бѣлаго жемчуга, глаза—изъ краснаго яхонта. Каждый Божій день на крылья его каплютъ отъ престола Божія жемчужныя, коралловыя капли и капли амбры, камфоры и мускуса. Пѣтухъ этотъ стряхиваетъ съ крыльевъ своихъ означенныя капли на жителей рая пять разъ въ сутки, т. е. во время каждаго намаза, и при этомъ, поднявъ голову, поетъ: «очищаю великаго Бога отъ всего нечистаго и хвалю Его», и хлопаетъ крыльями. Отъ этого вѣтви райскихъ деревьевъ начинаютъ биться другъ о друга. Тогда гуріи встаютъ поспѣшно и говорятъ другъ дружкѣ: „вставайте, уже послѣдователи Магомеда (да будетъ надъ нимъ миръ Божій!) встали на молитву."

Отъ такого движенія пѣтуха, башня, на которой онъ сидитъ, приходитъ въ движеніе и качаются столбы подъ ней; а когда столбы начинаютъ качаться, всѣ предметы на небесахъ, на землѣ и подъ землею приходятъ въ движеніе, такъ что наконецъ и престолъ Божій начинаетъ шататься. Тогда Богъ, обратившись къ пѣтуху, спрашиваетъ его: „что съ тобою?" (между тѣмъ Богъ самъ знаетъ хорошо).—„Боже ты мой,"—отвѣчаетъ пѣтухъ,—„послѣдователи Магомеда встали исполнить обязательныя къ Тебѣ молитвы."

— Я обязую себя—говоритъ ему Богъ Всевышній — посмотрѣть на нихъ глазами милости.

И такъ Богъ смотритъ на правовѣрнаго пять разъ въ сутки.

О Божьи рабы, молитесь Богу: Всемилостивѣйшій смотритъ на васъ во время намазовъ.

Разсказывалъ Каабъ *), что не проходитъ ни одно утро,

*) Одинъ изъ товарищей пророка, точно также, какъ и Маацъ, которому приписывается слѣдующій разсказъ.

чтобы не явились 70,000 ангеловъ, которые окружаютъ могилу пророка, хлопаютъ крыльями и посылаютъ пророку благословенія. Вечеромъ они смѣняются новыми 70,000 ангелами, которые продолжаютъ дѣлать тоже самое до утра, т. е. пока ихъ не смѣнятъ новыми ангелами. Такъ, что когда земля расвроетъ его тѣло (воскреситъ), Магомедъ встанетъ въ сопровожденіи 14,000 ангеловъ, которые будутъ провожать его съ почетомъ.

Разсказывалъ Маацъ, сынъ Джабала, что во время пророка Магомеда жилъ одинъ безбожный и грѣшный молодой человѣкъ. Когда этотъ человѣкъ умеръ, отецъ его не пошелъ на его похороны, за то, что умершій сынъ былъ слишкомъ большой грѣшникъ.

Послѣ его похоронъ отецъ видѣлъ во снѣ своего сына и спросилъ его: «что съ тобой Богъ сдѣлалъ?»

— Отецъ, ты не явился на мои похороны, — отвѣтилъ сынъ,—но за то явились лучшіе тебя.

— «Кто-же эти лучшіе меня?»—спросилъ отецъ.

— Ты не молился за мой упокой, потому что я былъ грѣшенъ, но за то явился архангелъ Гавріилъ, съ 70,000 ангеловъ: они молились и сообщили мнѣ о помилованіи Божіемъ.

— «За что-же тебѣ такая честь?»

— Отецъ, однажды пророкъ Божій отправился въ походъ, и я спросилъ у людей, какъ пророкъ совершилъ свой походъ? Мнѣ сказали, что онъ вернулся благополучно,—я обрадовался въ душѣ его благополучному возвращенію, и Богъ простилъ меня за мое сочувствіе къ Его пророку,—сказалъ сынъ.

Разсказывалъ Ибну-Аббасъ *), что пророкъ Божій говорилъ: «Въ ночь путешествія моего на небо, когда я доѣхалъ до кладбища Іерусалима, мнѣ показали адъ. Въ срединѣ адскаго огня я увидѣлъ между прочимъ одинъ гробъ, въ которомъ была постлана зеленая постель и на этой постели спалъ молодой человѣкъ; по бокамъ его стояли два ангела съ веерами въ рукахъ и охлаждали ими спящаго. Я обратился къ своему спутнику и спросилъ: «братъ мой, Гавріилъ, кто этотъ человѣкъ, спящій по

*) Дядя пророка.

срединѣ ада?» Гавріилъ сказалъ: «Магомедъ, это былъ щедрый христіанинъ. Богъ не измѣняетъ своему слову, что безбожнаго не пуститъ въ рай, но, тѣмъ не менѣе, Богъ помѣстилъ его въ этомъ гробу за его щедрость, такъ, чтобы адскій огонь не могъ на него дѣйствовать и мучить.»—Я видѣлъ еще людей, которые ѣли безпрестанно вонючее мясо, а съ боку ихъ лежало хорошее, но они не могли достать его. «Кто это такіе?» спросилъ я у Гавріила.—«Это люди изъ твоихъ послѣдователей, которые вели развратную жизнь»,—сказалъ Гавріилъ. Еще видѣлъ я людей, пьющихъ кипятокъ изъ крови, смѣшанной съ гноемъ.—«Кто эти?» спросилъ я.—«Это изъ твоихъ послѣдователей, которые на свѣтѣ пили вино», сказалъ Гавріилъ. Еще видѣлъ я людей, головы которыхъ размалывали подъ огненными жерновами. «Кто эти?» спросилъ я.—«Это судьи изъ твоихъ послѣдователей, которые рѣшали дѣла за взятки и съ пристрастіемъ», сказалъ мнѣ Гавріилъ. Еще видѣлъ я людей, у которыхъ чрезъ затылокъ были высунуты языки на 70 локтей, а змѣи и скорпіоны жалили ихъ. «Кто эти?» спросилъ я.—«Это тѣ изъ твоихъ послѣдоваталей, которые занимались клявузами на другихъ»,—сказалъ мнѣ Гавріилъ. Еще видѣлъ я людей, которые лазили и спускались по огненнымъ банямъ. «Кто эти?» спросилъ я.—«Это люди изъ твоихъ послѣдователей, которые другихъ учили добру, а сами не дѣлали его», сказалъ Гавріилъ.

Великій Богъ сказалъ: *«Я сотворилъ Магомеда отъ свѣта Моего лица. Если-бы не для тебя, Магомедъ, Я-бы не сотворилъ міра»*. Магомедъ тоже сказалъ: *«первое, что Богъ сотворилъ,— это мою душу и мой свѣтъ»*. Древніе великіе шейхи и святые изъ правовѣрныхъ пишутъ, что когда Богъ сотворилъ въ первый разъ душу Магомеда, онъ посмотрѣлъ на нее милостивымъ окомъ и Магомедъ вспотѣлъ отъ стыда, такъ что съ него упало шесть капель пота. Изъ одной капли Богъ сотворилъ все продовольствіе своимъ тварямъ; изъ второй капли—красную розу; изъ третьей—Абубекра; изъ четвертой—Омара; изъ пятой—Османа; изъ шестой—Али. По этому порядку они занимали халифатство послѣ Магомеда и въ такомъ же порядкѣ займутъ свои мѣста въ день воскресенія; они имѣютъ равныя права предъ Богомъ съ пророками прежнихъ народовъ.

Человѣкъ правовѣрный имѣетъ четыре глаза: два наружные помѣщены въ головѣ и служатъ для осмотра окружающихъ насъ предметовъ, а два глаза находятся внутри человѣка. Изъ нихъ одинъ въ *фуадѣ* *),—онъ смотритъ на образъ Божій, отражающійся въ зеркалѣ сердца богобоязливаго человѣка; другой-же глазъ помѣщается внутри тайны **) и будетъ созерцать лицо Божіе послѣ смерти, прямо, безъ всякаго посредничества.

Все имѣетъ предѣлъ, кромѣ души, богопознанія и степени величія пророка Магомеда. Пророкъ Божій сказалъ, что когда правовѣрный спитъ, душа его отправляется въ первоначальное свое мѣсто и блаженствуетъ въ богосозерцаніи. Сердце боговѣдающаго человѣка шире всего въ мірѣ: если-бы престолъ Божій и все что окружаетъ его увеличить въ 1,000,000 разъ и бросить въ одинъ изъ угловъ сердца правовѣрнаго, послѣдній даже не замѣтилъ-бы этого. Самъ Богъ сказалъ: «*Меня не вмѣстятъ Мои небеса и Мои земли, а сердце правовѣрнаго раба вмѣщаетъ Меня*». Это потому, что тайна человѣка есть одно изъ божественныхъ качествъ.

---

*) Слово *фуадъ* означаетъ по-арабски сердце, какъ и слово *калбъ*; но тарикатисты полагаютъ различіе между значеніями обоихъ словъ. Вотъ что говорилъ одинъ шейхъ изъ Медины, когда его спрашивали о разницѣ между значеніями словъ *калбъ* и *фуадъ*. «Калбъ (сердце) есть мѣсто сокровища Божьяго, вложеннаго въ его раба. Мѣсто это имѣетъ запертую дверь, замкнутую замкомъ изъ зеленаго изумруда; внутри оно обвѣшано занавѣсами изъ свѣта; посреди его находится *фуадъ*. Сердце *калбъ* умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и живетъ съ тѣломъ, какъ часть человѣческаго организма, состоящаго изъ мяса. Оно-же есть *источникъ заблужденій*, которыя внушаетъ человѣку дьяволъ. *Фуадъ* никогда не умираетъ и ничего не боится, кромѣ Господа Бога; къ нему нѣтъ доступа ни для заблужденій, ни для грѣховъ, кромѣ какъ для истины. Если-же дьяволъ вздумаетъ коснуться *фуада*, онъ тутъ-же сгораетъ отъ огня истины, находящагося въ глубинѣ *фуада*, и обращается въ пепелъ. *Перев.*

**) По понятіямъ тарикатистовъ, сердце человѣка содержитъ въ себѣ нѣсколько отдѣленій; первое—натуральное сердце, въ которомъ находится *фуадъ*; второе—сердцевина сердца; въ ней находится тайна, въ тайнѣ—сокровенная тайна, а въ ней—тайна тайнъ. *Перев.*

Сердце боговѣдающаго человѣка имѣетъ *триста шестьдесятъ дверей*. Каждая дверь въ тысячу разъ больше, чѣмъ пространство между престоломъ Божіимъ и дномъ земли. Описанія этихъ дверей не знаетъ никто, кромѣ Бога. На каждой двери стоятъ по 70,000 сторожей, которые караулятъ сердце богознателя. Каждый сторожъ имѣетъ при себѣ по 70,000 войскъ, число которыхъ знаетъ только одинъ Богъ. Около каждой двери находится по 70,000 морей изъ свѣта, по 70,000 морей изъ величія Божія, по 70,000 морей изъ могущества Его и по 70,000 морей изъ познанія. Двери эти заперты замками изъ свѣта Всевышняго. Но Всевышній взираетъ на каждую дверь въ сутки по 360 разъ и брызжетъ на нихъ изъ свѣта вѣчности. Тогда двери толкаются другъ о друга, моря покрываются облаками величія, на нихъ дуютъ вѣтры страха и они сильно волнуются. Тогда сердце приходитъ въ тревожное состояніе и жилы тѣла начинаютъ воспѣвать хвалу Богу на милліонъ различныхъ ладовъ. Въ это время сердце смотритъ—начиная отъ семи небесъ до престола Божія, оттуда на свѣтъ Его и отъ свѣта въ лицо Всевышняго. Тогда тѣло умираетъ и не оживляется, пока не успокоятся волны морей. Въ такомъ состояніи сердце бесѣдуетъ съ Богомъ безъ посредника. Иногда человѣкъ безсознательно смѣется, а иногда плачетъ, а иногда стонетъ. Такое состояніе бываетъ съ истинными богознателями, которые достигаютъ до него воспоминаніемъ Бога.

По смерти пророка Магомеда, тѣло его обмывалъ Али, а воду наливалъ Ибну-Аббасъ. Воду, которою было обмыто тѣло пророка, ангелы налили въ четыре бутыли. Одну изъ нихъ взялъ Гавріилъ, другую Израилъ, третью Михаилъ, а четвертую Исрафилъ. Израилъ наливаетъ изъ своей бутыли въ ротъ правовѣрнаго нѣсколько капель во время отниманія у него души, чѣмъ облегчаются предсмертныя мученія. Михаилъ наливаетъ также нѣсколько капель въ ротъ правовѣрнаго въ могилѣ, при допросѣ Мункера и Накира *), и тѣмъ помогаетъ покойному отвѣ-

*) По окончаніи погребенія, къ покойнику являются ангелы Мункеръ и Накиръ, въ образѣ страшныхъ чудовищъ, и спрашиваютъ его обо всемъ.

чать имъ. Исрафилъ нальетъ изъ своей бутыли по нѣсколько капель въ ротъ правовѣрныхъ въ день страшнаго суда и утолитъ ихъ жажду, а Гавріилъ нальетъ изъ своей бутыли по нѣсколько капель въ глаза правовѣрныхъ въ раю, и они сдѣлаются способными воззрѣть на лицо Божіе безъ опредѣленнаго образа.

Разсказываетъ Джафаръ Садыхъ, что слышалъ отъ пророка: когда рыба, проглотившая Іону, нырнула въ глубину моря, тогда Богъ сдѣлалъ рыбье тѣло прозрачнымъ какъ хрусталь для глазъ Іоны, что-бы онъ могъ посмотрѣть морское царство. Вдругъ Іона услышалъ стенанія Карона *), а сей послѣдній услышалъ молитву Іоны и спросилъ у ангела, который приставленъ къ нему: «что это такое?» Ангелъ сказалъ, что эта молитва Іоны. Тогда Каронъ закричалъ: «о, Іона, что случилось съ моимъ двоюроднымъ братомъ, Моисеемъ?»

— Умеръ,—сказалъ Іона.

— «О горе мнѣ!» сказалъ Каронъ. «Чтó-же братъ его, Гарунъ (Ааронъ)?

— Тоже умеръ.

— «Охъ, спина моя сломалась!» застоналъ Каронъ. «А что-же сестра ихъ? спросилъ онъ опять».

— Умерла тоже.

— «Охъ! сократилось родство!» воскликнулъ Каронъ и умолкъ. Тогда Богъ приказалъ ангелу, приставленному къ нему, чтобы онъ облегчилъ ему мученія за сострадапіе его къ роднымъ своимъ.

Однажды посолъ Божій вышелъ въ полé, вмѣстѣ съ своими товарищами, и вдругъ увидѣлъ змѣю, съ покрытою волосами головою и съ пастью, изъ которой вылетали огненныя искры: каж-

*) Двоюродный братъ Моисея, богатство котораго не имѣло счета и границъ, но который былъ скупъ, старался всячески вредить Моисею и, по проклятію его, былъ поглощенъ землею со всѣмъ имуществомъ.

дый разъ, какъ она дышала, земля горѣла и чернѣла отъ яда ея. Пророкъ сдѣлалъ земной поклонъ великому Богу и молилъ: «Боже, избави моихъ послѣдователей отъ яда этой змѣи.» Въ это время приползла змѣя къ пророку и, поклонившись ему, сказала: «зачѣмъ ты просишь Бога, чтобы онъ избавилъ твоихъ послѣдователей отъ моего яда, тогда какъ у твоихъ послѣдователей ядъ гораздо сильнѣе моего. Кто умретъ отъ моего яда—тотъ пойдетъ въ рай, а кто умретъ отъ яда твоихъ послѣдователей—тотъ пойдетъ въ адъ.»

— Какой-же это ядъ моихъ послѣдователей, который сильнѣе твоего? спросилъ ее пророкъ.

— «Нечистота рукъ тѣхъ женщинъ, которыя не совершаютъ намаза и стряпаютъ кушанье»,—отвѣчала змѣя: «кто поѣстъ отъ ихъ кушанья—у того сердце почернѣетъ и тотъ умираетъ безбожно»,—заключила она.

Разсказывалъ Ибну-Аббасъ, что пророкъ Божій говорилъ: когда настаетъ мѣсяцъ *рамазанъ* (постъ), то вмѣстѣ съ нимъ приходитъ на землю благодать Божія. Всякая правовѣрная женщина, которая готовитъ ужинъ своему мужу, семейству и гостямъ, удостоивается отъ Бога великаго вознагражденія, такъ что ангелы обращаются къ Богу съ просьбою: «Боже, сдѣлай ты насъ соучастниками въ милости Твоей вмѣстѣ съ этою женщиною! Если это нельзя, такъ распространи на насъ ея милостивое ходатайство предъ лицомъ Твоимъ за грѣшныхъ рабовъ Твоихъ въ день страшнаго суда.»

— «Просьба ваша будетъ исполнена»,—скажетъ имъ Богъ.

Когда наступитъ вторая ночь рамазана и женщина приготовитъ ужинъ и услужитъ своему мужу,—ангелы опять обратятся къ Богу съ просьбою: «Боже, сдѣлай насъ товарищами этой женщины въ день воскресенія!»

— «Вы, ангелы мои, стоите гораздо выше ея, зачѣмъ-же вамъ это?» спроситъ Богъ.

— «Боже, мы смотрѣли во всѣ книги, въ которыя записываются добрыя и злыя дѣла людскія и не видали человѣка, которому бы было больше записано Твоихъ наградъ, чѣмъ этой женщинѣ».

Въ третью ночь, 70,000 ангеловъ понесутъ добро такой женщины и когда дойдутъ до небесныхъ воротъ, онѣ будутъ отворены и ихъ встрѣтитъ ангелъ съ 80,000 ангелами, которые

несутъ 40,000 дворцовъ изъ краснаго яхонта, а надъ каждымъ дворцомъ разбито по одной палаткѣ изъ свѣта,— и все это предназначается для этой женщины.

Въ четвертую ночь, Богъ воздастъ ей столько вознагражденія, сколько-бы слѣдовало всѣмъ правовѣрнымъ за произношеніе словъ *лаилаха иллаллахъ* и еще дастъ домъ въ раю, который обширнѣе нашего свѣта въ 7 разъ; а по смерти, душа ея будетъ вмѣстѣ съ *шахидами* (убитыми на войнѣ съ невѣрными). Въ пятую ночь, она заслуживаетъ награду всѣхъ кающихся рабовъ Божіихъ. Въ шестую ночь, ей приписывается такого рода награда, которая-бы слѣдовала тому, кто совершитъ путешествіе въ Мекку на богомолье 70 разъ. Въ седьмую ночь, Богъ приписываетъ ей награду 80 пророковъ Своихъ, которые доставили народу повелѣнія Божіи. Въ девятую ночь, Богъ назначаетъ ей въ раю 100,000 городовъ изъ *зубаржада* *) и столько-же городовъ изъ свѣта. Въ десятую ночь, Богъ записываетъ ей награду всѣхъ правовѣрныхъ. Въ двадцатую ночь, Богъ услышитъ ея молитву и исполнитъ ея желанія. Въ двадцать-пятую ночь, ей назначатъ два халата изъ райской матеріи, для тогочтобы надѣть ихъ на нее при воскресеніи. Въ тридцатую ночь ей запишутъ, что она встанетъ изъ могилы въ сопровожденіи 70,000 ангеловъ, верхомъ, и 1000 ангеловъ будутъ держать ей поводья изъ краснаго яхонта, а на голову ея будетъ надѣта корона изъ свѣта, и лицо ея будетъ похожимъ на полнолуніе. Тогда Богъ прикажетъ ангеламъ и гуріямъ, чтобы они служили ей, за то, что она служила своему мужу и гостямъ во время рамазана.

Тогда гуріи явятся къ ней и спросятъ: «за что-же Богъ вознаградилъ тебя такъ и за что тебя Богъ поставилъ выше насъ?» — Она отвѣтитъ имъ: «мы на землѣ, молились Богу въ свое время, держали постъ рамазана, совершали омовенія отъ нечистотъ и послѣ родовъ, и во время мѣсячнаго очищенія, были послушны мужьямъ, служили имъ и гостямъ ихъ, терпѣли всякую тягость въ семействѣ, кормили своихъ дѣтей собственнымъ молокомъ, были всегда довольны тѣмъ, что приносили намъ мужья наши и воспѣвали по утрамъ и вечерамъ хвалу Богу. Вотъ за что насъ Богъ вознаградилъ». — «О, какъ вы счастливы!» — воскликнутъ гуріи.

---

*) Драгоцѣнный камень.

Письма.

I.

Богъ совершаетъ перевороты въ жизни, Онъ же превращаетъ сердца изъ одного положенія въ другое. То, что Ему угодно, сбудется, а чего Онъ не пожелаетъ, того не будетъ. Во имя Бога (это есть лучшее имя!), Ему-же принадлежитъ хвала, и да будетъ благословеніе и миръ избранному послу Его, Магомеду, потомкамъ и послушнымъ товарищамъ его.

Искреннему моему брату, благочестивому имаму мусульманъ, вѣнцу просвѣщенныхъ умовъ и мудрецовъ, муллѣ Магомеду, да причислитъ его Богъ къ разряду приближенныхъ къ Себѣ святыхъ мужей, находящихся подъ покровительствомъ всехвальнаго Магомеда, надъ которымъ да будетъ благословеніе всѣхъ ангеловъ и людей, столь-же великое, сколь велико знаніе Божіе, столько-же обширное, какъ и милосердіе Его. Аминь!

Послѣ заявленія поклона, очищеннаго отъ излишнихъ рѣчей, и послѣ обязательной молитвы отъ сего преданнаго странника, сообщаю вамъ, братъ и господинъ мой, что я благополучно прибылъ въ Астрахань. По случаю болѣзни моихъ дѣтей и жены, я не имѣлъ случая написать къ вамъ письмо. А нынѣ они оправились, слава Богу. Душа наша, хотя она и не имѣла о васъ свѣдѣній, однако, какъ извѣстно Богу, постоянно думала о васъ. Поймите и не будьте забывчивы. Братъ, послѣ разлуки съ любимою особою вашею, Богъ внушилъ мнѣ желаніе освѣдомиться о васъ, такъ, что день и ночь не было мнѣ покоя. Слава Богу, среди такого нетерпѣливаго ожиданія, мы получили два почтеннѣйшія, возлюбленныя и желанныя письма. Хвала Богу! Слава Богу!

Братъ, вы писали нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ счастливыхъ знаменіяхъ вашихъ. Хвала Богу! Нужно уповать на Него.

Братъ, не обращайте особеннаго вниманія на тоскливость и радость. Смотрите на то и на другое одинако и равномѣрно. Тоска и радость для мюрида составляютъ два крыла.

Братъ, посмотрите, какъ прекрасно сказалъ святой Ибрагимъ *): «Иногда Богъ познакомитъ Себя съ рабомъ Своимъ, иног-

*) Въ подлинникѣ слѣдующая цитата написана стихами, раздѣленными на куплеты, съ повтореніемъ послѣ каждаго изъ нихъ словъ: «посмотримъ...» и т. д.

да нашлетъ на него страхъ; Онъ-же распоряжается всякимъ сердцемъ. *Посмотримъ, что сдѣлаетъ Господь; но чтобы Онъ ни сдѣлалъ, все сдѣлаетъ прекрасно!* Иногда Онъ напоитъ сердце; иногда обрадуетъ людей; иногда-же внушаетъ имъ любовь къ Себѣ. *Посмотримъ*, и т. д. Иногда Онъ опечалитъ душу Своего раба, иногда обрадуетъ его, иногда-же насылаетъ на него тоску. *Посмотримъ*, и т. д. Когда рабъ остается безъ помощи, Богъ неожиданно подпимаетъ завѣсу и излечиваетъ его отъ болѣзни. *Посмотримъ*, и т. д. Ты уповай на Бога; поручи Ему себя и успокойся, будь терпѣливъ и доволенъ всѣмъ. *Посмотримъ, что Господь сдѣлаетъ; но чтобы Онъ ни сдѣлалъ, все сдѣлаетъ прекрасно»!*

Свѣтъ моихъ очей, послѣ сегодняшняго дня слѣдуетъ только заняться тѣмъ, чтобы держать сердца въ присутствіи Бога и въ бдительности, т. е. слѣдуетъ вывести изъ сердца все, что въ немъ есть, кромѣ Бога, и пріобрѣсти такое состояніе сердца, какое человѣкъ ощущаетъ въ предсмертныя минуты, а именно прекратить всякое сношеніе и связь со всѣмъ земнымъ и обратить мысли только къ Создателю-Господу. Передавъ себя въ такое состояніе, нужно произнести мысленно: «Боже, ты мое желаніе, и благодарность Твоя есть мое искомое», и въ такомъ состояніи забыться. Да не будетъ тайною, что такого состоянія сердце мюрида можетъ достигнуть, по милости Всевышняго Бога, воспоминаніемъ отраднаго изреченія. Воспоминаніе Бога отраднымъ изреченіемъ, т. е. *лаилаха-иллаллахъ*, лучше совершать слѣдующимъ образомъ: сначала просто *языкомъ*, потомъ *сердцемъ*, потомъ *душею*, потомъ *тайною*, потомъ *сокровенною тайною* и наконецъ *тайною тайнъ* *). Если произносить послѣ вся

*) У тарикатистовъ степени воспоминанія раздѣляются на указанныя здѣсь степени: мюридъ сначала долженъ вспоминать *языкомъ*, т. е. какъ-бы напоминать сердцу то, что оно забыло; потомъ переходятъ къ воспоминанію *душею*, совершаемому внутреннимъ движеніемъ, слышнымъ только сердцу и тѣлу, т. е. переходитъ къ чему-либо мысленно, безъ звука и словъ; потомъ переходятъ къ воспоминанію *сердцемъ*, такъ чтобы сердце занято было созерцаніемъ красоты и величія Бога. Потомъ переходятъ къ тайнѣ, т. е. сердце должно находиться въ состояніи бдительности и въ ожиданіи открытія Божественныхъ тайнъ. Потомъ къ сокровенной тайнѣ, т. е. находятся въ состояніи созерцанія свѣта Божества въ вышнемъ царствѣ. Что-же касается послѣдней степени, а именно воспоминанія Бога *тайною тайнъ*, то никто изъ смертныхъ не достигаетъ на семъ свѣтѣ такой степени: она означаетъ—со-

кой сотни разъ или послѣ двадцати одного раза: *мугаммадун-расулуллахъ* (Магомедъ есть посолъ Божій) — это очень одобрительно. Ты долженъ находиться въ такомъ положеніи, какъ-бы ты былъ подъ сводомъ какого-то зданія, уединеннаго отъ всякаго существа, и позабылъ-бы и свою плоть, и окружающіе тебя предметы, не исключая ихъ цвѣта, формъ, ни духовъ вышняго и нижняго царствъ, ни тому подобныхъ существъ, и отрицать всякое бытіе внѣ божества, признавая присутствіе одного только верховнаго существа, которое невидимо и не имѣетъ опредѣленнаго образа. Все-же остальное должно быть уничтожено словомъ «нѣтъ» *). Поэтому, нужно продолжать воспоминать Бога до тѣхъ поръ, пока не почувствуешь такого состоянія души.

Бѣдный Ахмедъ.

II.

Во имя Бога, милосердаго и милостивѣйшаго, Его-же призываемъ на помощь и на Него-же наше упованіе.

Хвала Богу, Господу міровъ, благословеніе и миръ да будетъ послу его и царю нашему, Магомеду, потомкамъ и товарищамъ его. Аминь!

Дорогой, любезный, ожиданіе моего сердца, Гаджи-Рамазанъ-Эфенди, да увеличитъ Богъ его сближеніе съ Собою въ семъ и въ будущемъ свѣтѣ. Аминь!

О Боже милостивѣйшій!

Послѣ сего, первое желаніе наше состоитъ въ томъ, чтобы чистѣйшая душа ваша достигла на семъ пути до своей цѣли, и чтобы вы, въ отношеніи нравственнаго совершенства, уподобились верховному Создателю, а въ отношеніи похвальныхъ качествъ — пророку Магомеду, и чтобы, будучи обезопасены отъ

зерцать лицо Бога, какъ оно есть. Только одни правовѣрные воспользуются этою степенью въ будущей жизни. Мюридъ находится на одной степени воспоминанія, пока не почувствуетъ въ себѣ перемѣны состоянія, иногда впродолженіи многихъ лѣтъ, причемъ произноситъ каждый день выше сказанное отрадное изреченіе по десятку тысячъ разъ. *Перев.*

*) Т. е., когда ты скажешь: «нѣтъ Бога, кромѣ» все остальное должно исчезнуть изъ твоей мысли, а остаться только послѣдующее *«единаго Бога»*.

всѣхъ тревожныхъ и непріятныхъ мыслей и случаевъ сего міра, достигли до степени богосозерцанія, и погрузившись въ состояніе уничтоженія себя въ Богѣ и пребыванія съ Богомъ, опьянѣли-бы отъ божественнаго вдохновенія. Во вторыхъ, вы обратились ко мнѣ за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, относительно совершенія обряда молитвы, называемой *хатму-ховаджиканъ*. Поэтому объясняю вамъ, что число камней, по которымъ совершается этотъ обрядъ, есть *сто десять*. Десять изъ нихъ должны быть большими, а сто маленькими. Прежде всего вы должны читать: «*прости Господи*»; и «*да будетъ благословеніе Бога надъ Магомедомъ*». Потомъ, вы сдѣлаете *рабита* [1]; далѣе, раздадите людямъ семь камней изъ большихъ и скажете въ слухъ: *фатиха* [2]; потомъ прочтете главу корана *фатиха* потомъ соберете десять большихъ камней, а изъ ста маленькихъ сами возьмете 21, а остальные 79 раздадите другимъ, и изъ этихъ нѣсколько возьмете сами. Потомъ пошлете благословеніе пророку въ слухъ; потомъ скажете: *алямъ-нашрахъ* [3]. Пока люди прочтутъ эту главу, вы окончите свою молитву; потомъ прочтете *алямъ-нашрахъ* по числу тѣхъ камней, которые взяли сверхъ 21; по окончаніи этого, скажите въ слухъ *ихласъ* [4]. По прочтеніи этой главы, отдѣлите одинъ изъ большихъ камней и опять скажете «ихласъ» и чтобы люди читали ее по 10 разъ; по окончаніи чтенія этой главы, опять отдѣлите другой камень изъ большихъ и сдѣлайте тоже самое. Такимъ образомъ, когда кончится 10 большихъ камней, *ихласъ* прочтется 1000 разъ; сверхъ сего вы сами прочтете *ихласъ* еще одинъ разъ, будетъ *тысяча одинъ*. Потомъ опять скажите въ слухъ *салаватъ* [5]. Потомъ раздадите опять семь камней изъ большихъ и скажете: *фатиха*. По окончаніи чтенія этой главы, окончится и самый обрядъ *ховаджиканъ*. По окончаніи всего этого, прочтете сами или прикажете прочесть другому что-нибудь изъ корана, а потомъ прочтете молитву и насъ вспомните въ ней. Мы нуждаемся въ молитвахъ молящихся Богу людей. Еще вы спрашиваете меня: какою пищею разрѣшать свой постъ послѣ солнечнаго за-

[1]) Т. е. молчаніе, при мысленномъ обращеніи къ Богу.

[2]) Названіе одной изъ главъ корана. Обыкновенно одинъ произноситъ это слово во всѣхъ моленіяхъ въ слухъ, а потомъ читаютъ эту главу шопотомъ.

[3]) Названіе одной изъ главъ корана. [4]) Тоже. [5]) Т. е. благословеніе пророка.

ката? На это я отвѣчаю, что вы, пославъ благословеніе пророку, можете разговѣться или однимъ финикомъ, или-же нѣсколькими глотками воды; ѣду-же вы отложите до послѣ-вечерняго намаза. А чтобы вамъ сообразиться съ примѣромъ *устада* *), вы не должны употреблять сытной и возбудительной пищи. Ибо умерщвленіе плоти не можетъ состояться при употребленіи возбудительной пищи. Прошу Всевышняго Создателя, чтобы Онъ не оставилъ стараній вашихъ безъ плода. Остальное сообщитъ вамъ словесно мулла Абдулла. Довѣряю вамъ передать отъ меня поклонъ всѣмъ братьямъ и друзьямъ. Дорогой, избѣгайте лицемѣрія, злословія и высокомѣрія.

Что мнѣ сказать? сами все знаете!

Юсуфъ Накшубандійскій.

III.

Тому, который взошелъ на высшее мѣсто на небесахъ наукъ и познаній, хлебнувшему изъ водъ учтивости, вытекающихъ изъ вкуснѣйшихъ ключей, всаднику халата способности, стяжавшему призъ первенства на скачкахъ въ равнинѣ превосходства, посылаю поклонъ, за которымъ слѣдуетъ благоуханіе и молитва котораго принесется къ вамъ восточнымъ вѣтеркомъ съ полнымъ уваженіемъ и почтеніемъ. Если вы соблаговолите узнать о положеніи раба вашего порога, то онъ остается на томъ-же, на чемъ видѣла его ваша особа, а именно въ чистосердечной преданности. Ничто его не смущаетъ, кромѣ того, что глаза его не умащаются лицезрѣніемъ вашей особы и разлуки съ тѣмъ, котораго онъ полюбилъ изъ всѣхъ людей. Желаемъ отъ Бога, чтобы Онъ дарилъ намъ встрѣчи съ вами и тѣмъ устранилъ тягость разлуки, ради путешественника на небо **), и чтобы Онъ соединилъ насъ, какъ требуетъ того сердце. Онъ щед-

*) Учителя. **) Магомеда.

рый! Еще доставляютъ къ вамъ множество поклоновъ и молитвъ отецъ и братъ нашъ и молятся за вашу жизнь.

Желающій постоянства вашему величію, сынъ вашъ

Джебраилъ.

IV.

Начинаю именемъ Бога; оно есть лучшее имя, ему-же принадлежитъ похвала. Благословенія Его, миръ и слава да будутъ надъ посломъ Его, Магомедомъ, надъ потомками его и послѣдователями.

Къ свѣту моихъ очей, радости высокихъ особъ, образцу преданности и явной честности, остатку прежнихъ, другу послѣднихъ и душевному брату, Гаджи-эфендію. О Боже, соединяющій возлюбленныхъ, ты знаешь, что скрывается въ сердцахъ, и знанія Твои могутъ замѣнить мою словесную мольбу! Ради того, кого Ты возвеличилъ великими качествами, и прекрасными нравами *), которому возсылаю чистѣйшія почести во всякое время. Аминь.

Послѣ доставленія чистосердечнаго поклона и должныхъ молитвъ сего удалившагося странника къ порогу вѣрности и чести, если будетъ имѣться вопросъ о слабомъ чужеземцѣ, то, слава и хвала Богу, хоть мы и не достигли главной своей цѣли относительно посѣщенія болгарскихъ нашихъ друзей и знакомыхъ, но мы всѣ, съ семействомъ, находимся въ полномъ здоровьи и, по благословенію вашихъ молитвъ, охранены отъ всего, что считается вреднымъ въ глазахъ народа. Напѣвъ судьбы: *«боли сердца довольно съ тебя»* звенитъ въ ушахъ и, также какъ Моисею, слышны слуху слова *«ты меня не увидишь»*. Въ настоящее время, возвратившись, прибылъ я въ городъ Астрахань 12-го Джа́мадулъ-Ахира. Изъ г. Казани я писалъ къ вашему счастію два письма и, будучи въ недоумѣніи, не получая на нихъ отвѣта, я было принялся писать и въ третій разъ, съ жалобою на долгое ожиданіе, но получилъ чрезъ Астраханскаго мулла Абдуллу дорогое письмо ваше, которое послужило ключемъ къ

---

*) Т. е. Магомеда.

письмамъ мулла Муселима и Гуссейнъ-эфенди. Я удостоился наконецъ отвѣта, который довелъ меня до такой степени радости, что точно мы встрѣтились съ вами. Да, свѣтъ моихъ очей, довольно коротко написали. Бѣдный странникъ вашъ оставилъ многое ради малости. Чего-бы ни искали, будемъ искать во множествѣ. Жаждущаго, который не могъ утолить жажду свою въ морѣ сообщества съ вами, вы захотѣли утолить однѣми брызгами вашего пера! Но сей чрезмѣрно любящій лишенъ всего!! Вы писали на счетъ священнаго путешествія вашего... Слава Богу, хвала Богу! Да сподобитъ Богъ васъ, насъ и другихъ нашихъ братьевъ; да облегчитъ Богъ вамъ добрый путь и соединитъ насъ съ вами въ домѣ ислама! Аминь. Богъ всемогущъ!

Братъ и господинъ мой, вы писали про сироту мулла-Алхаза. Да, кому нѣтъ спокойствія, тому лучше въ путь, чѣмъ оставаться на мѣстѣ. Удивительно, что вы такъ скоро забыли мое письмо, писанное въ прошлое время на счетъ путешествія въ Мекку. Вашему счастію извѣстно, что мое высшее желаніе состоитъ въ путешествіи въ Гиджазъ *). Больше этого никто на свѣтѣ не пожелаетъ. *Саади бѣднякъ, ради своего друга, испортилъ свою жизнь* **). Братецъ, я никакимъ образомъ не могъ ничего сдѣлать на счетъ вышесказаннаго. Мое стараніе и мои хлопоты объ этомъ узнаете, если придется встрѣтиться. Съ разными затрудненіями, отъ порядка извѣстныхъ дѣлъ, не вышло никакого послѣдствія. Но нигдѣ не видѣли и неслышали неприличнаго слова, ничего кромѣ почести и почтенія. А все-таки, слышанные нами изъ-за плечей и сторонъ вѣсти и разсказы разорвали сердце наше. Что Богу угодно, то и будетъ, а чего не угодно, того и не будетъ. Теперь, какъ посовѣтуете, если вы останетесь въ округѣ на нѣкоторое время и если я попрошу паспорта чрезъ здѣшнее начальство? Въ случаѣ если спросятъ у народа обо мнѣ, и вы будете тамъ, вы могли бы содѣйствовать тому, чтобы обо мнѣ показали получше. Однимъ словомъ, что писать? Недоумѣнія странника вамъ извѣстны, послѣ всѣхъ этихъ приводящихъ въ сомнѣніе вѣстей. Напишите вашъ совѣтъ и отвѣтъ на наше письмо. Отчего Муртузъ не отвѣчаетъ на два письма наши? Да, кто удаляется отъ глазъ,

*) въ Аравію. **) Въ подлинникѣ стихи.

тотъ удаляется и отъ сердца! Вопреки всего, приведите его въ движеніе и постарайтесь прислать его письма вмѣстѣ съ своими. Надѣемся на молитвы друзей и знакомыхъ. Братецъ, былъ ли урожай на шелкъ въ нашемъ домѣ въ прошломъ году? и какое хозяйство, какъ живутъ? Помогаютъ ли имъ друзья наши и почитаютъ ли ихъ? Скотъ и домъ благополучно-ли обстоитъ?

V.

Ученому боговѣду, брату и ягодѣ моего сердца, гаджи-Рамазану-эфенди, посылаю полные поклоны и безконечное почтеніе. Да будете вы постоянно осматриваемы глазомъ охраненія и одарены паемъ богознанія! Также поклонъ владѣтелю вдохновенія милосердаго Бога и міровъ Его, извѣстному въ царствѣ духовъ, хотя и неизвѣстному въ царствѣ тѣлъ, любимому ученому и сдѣлавшему себѣ ребро изъ самаго настоящаго Магомедова тариката, Мусселимъ-эфенди, и также нашимъ почтеннымъ братьямъ, достойнымъ любви и почестей, Гаджи Мустафѣ и другимъ. Послѣ отправленія поклоновъ и заявленій нашей къ вамъ любви, просимъ васъ прислать двѣ извѣстныя книжки. Если же вы присоедините къ нимъ еще тетрадку *Ховаджиканъ*, то это будетъ съ вашей стороны лишнее добро. Предъ Богомъ не пропадутъ ваши труды безъ вознагражденія. Завѣщаемъ вамъ, чтобы вспомнили насъ въ вашихъ добрыхъ молитвахъ и не забывали въ чистыхъ мольбахъ вашихъ, такъ какъ это есть дѣло любящихъ и братьевъ по вѣрѣ Божіей.

Бѣдный слуга наукъ и познаній, *Гаджи-Ахмедъ*.

VI.

Къ помощи достигающихъ богосозерцанія, вѣнцу богобоязливыхъ, душѣ моей души и царю моей жизни, гаджи Абдулла-эфендію. Велико высокое царство Божіе!

Послѣ доставленія безконечныхъ поклоновъ и безграничныхъ молитвъ къ любимой вашей особѣ, если найдете позволительнымъ спросить о скучномъ положеніи сего брата вашего, утопающаго въ морѣ грѣховъ, то, слава Богу, до сей поры мы и семейство наше, съ прочими родственниками, живы и здоровы. Ожидаемъ вашего возвращенія. Не имѣемъ никакой печали, кромѣ разлуки съ вами. Надѣемся, что Господь Богъ соединитъ насъ. Да не останется тайною для центра богознателей и вѣнца муршидовъ, *мавляна* *) эфендія, что послѣ отъѣзда вашего отсюда, мы не получили ни одного письма или какой-либо вѣсти. Мать, братья и всѣ родственники отъ малаго до большаго здоровы и премного кланяются вамъ. Надѣемся на молитвы ваши. Мугаррама 1285 года.

VII.

Отъ ученика, придерживающагося за подолъ направляющихъ на добрый путь, нижайшаго брата вашего, Мустафы. Богъ справедливъ. Къ солнцу богознателей, вѣнцу богобоязливыхъ, почтенному изъ почтенныхъ и центру ученыхъ, нашему шейху, основанію и муршиду, лучшему гаджи, гаджи Абдулла-эфенди. Да не прекратится надъ нами постоянное благословеніе ваше! Поклонъ вамъ и вашимъ товарищамъ. Да поможетъ вамъ Богъ во всемъ, что Самъ любитъ и чѣмъ остается доволенъ!

Послѣ сего, самое окончательное желаніе души нашей отъ Бога состоитъ въ томъ, чтобы вы были здоровы и находились подъ охраною Бога, вмѣстѣ съ любимцами вашими, и чтобы Богъ помогъ вамъ посѣтить храмъ и могилу пророка Своего, ради святыхъ Своихъ и великихъ шейховъ. Если вы изволите удостоить насъ, спросивъ о насъ, то, слава Богу, мы всѣ здоровы, молимся за васъ и надѣемся встрѣтиться съ вами безъ непріятностей. Насъ ничто не тревожитъ, кромѣ разлуки съ вами и любви къ вамъ. Надѣемся, что Богъ соединитъ насъ съ вами. Мы этого желаемъ. Братъ, ты не забывай насъ въ молит-

*) Господина, великаго.

вахъ. Кланяются вамъ друзья и знакомые ваши и просятъ не забывать ихъ въ своихъ молитвахъ.

Мустафа.

VIII.

Посылаю лучшіе поклоны, благословенныя почести и богопріятныя молитвы, соединенныя съ любовью, которую невозможно помѣстить на листахъ бумаги, къ шейху, направляющему на прямой путь, Гаджи-эфендію. Да будутъ надъ вами постоянныя почести, да снимется съ васъ всякая печаль, да закроется предъ вами дорога опасностей и да погибнутъ ваши враги! Аминь.

Если спросите о насъ, мы совершенно здоровы, точно также какъ и оставили васъ, погружены въ любовь къ вамъ и преданность, какъ это вы видѣли. Насъ ничто не безпокоитъ, кромѣ страсти встрѣтиться съ вашего особою. Если же особенно спросите о семъ рабѣ, то тѣло его растаяло и сердце разрѣзалось.

«Когда хочу увидѣть васъ, и даль оградой стоитъ между нами, посылаю къ вамъ черное на бѣломъ, чтобы вы видѣли предметъ, похожій на мои глаза».

Дай Богъ, чтобы мы поскорѣе свидѣлись! Это легко сдѣлать Богу.

Абакаръ.

IX.

Изящнѣе всего того, чѣмъ украшаютъ заглавія книгъ, и краснорѣчивѣе всего того, что разсказываютъ языки перьевъ изъ устъ чернильницъ, это—хвала Богу, который отгоняетъ отъ человѣка всякую печаль и облегчаетъ всякую горесть. Да будетъ благословеніе и миръ надъ почтеннѣйшимъ изъ людей и дражай-

шимъ изъ всѣхъ тварей, пророкомъ Магомедомъ. Этимъ снимается съ сердца скорбь и отходитъ отъ него печаль. Да будетъ надъ нимъ миръ и слава вѣковѣчные, также надъ его товарищами и потомками, всегда и во всякое время. Послѣ отправленія благоуханныхъ почестей и чистаго благополучія къ великой особѣ, прекрасному лику, роднику божественныхъ тайнъ и познаній, почтенному шейху, отличающемуся совершенствомъ муршиду, источнику тайнъ и почкѣ цвѣтовъ, посреднику въ союзѣ добрыхъ, свѣчѣ друзей *халвата* *), великому и по праву добившемуся пророку, гаджи двухъ святынь и посѣтителю Мекки и Медины, Гаджи-эфендію, да будетъ надъ нимъ вѣчное благословеніе Божіе, да украситъ Богъ время продленіемъ его жизни и да обольетъ его чашами своего вдохновенія, ради царя обоихъ міровъ **) и потомковъ его, Гасана и Гусейна! Если окажете милость—спросить про вашего слугу и грязь вашихъ стопъ, то онъ жалуется на любовь свою къ вамъ и на пламенное желаніе видѣться съ вами ***). «Пишу я къ тебѣ, о желаніе мое, слезами, а не чернилами, божусь тобою! Отъ плача растаяли зрачки моихъ глазъ, и этотъ почеркъ изъ ихъ черноты».

Проситъ онъ, рабъ вашъ, помощи отъ ароматическаго вашего дыханія и отъ обращенія, исходящаго изъ сердца, украшеннаго свѣтомъ богознанія. Въ нихъ онъ нуждается, хотя-бы онъ носилъ корону. Родственники, братья, друзья и другіе аульные и окрестные люди всѣ здоровы, какъ это видѣла ваша высокая особа, и продолжая находиться въ полной къ вамъ преданности и рабствѣ, молятся за продленіе вашего величія и ожидаютъ узрѣть лице ваше. У нихъ нѣтъ ни горя, ни печали, кромѣ разлуки съ вами, и нѣтъ болѣзни, кромѣ боли ожиданій встрѣчи съ вами. Да соединитъ насъ Господь Богъ въ благословенной будущности и въ прекрасномъ положеніи!

Ожидающій вашу красоту, грязь подъ ногами вашими,

Мустафа.

---

*) Уединенія. **) Магомеда. ***) Въ подлинникѣ слѣдуютъ стихи.

X.

Во имя Бога! Это есть лучшее изъ именъ.

Высокому и почтенному брату, благонравному, обладающему прекраснымъ характеромъ и похвальными качествами, вмѣстилищу превосходства, Гаджи-Рамазанъ-Эфенди. Да наградитъ его Богъ своимъ благовонiемъ и довольствiемъ пророка своего, Магомеда. Да будетъ надъ нимъ благословенie и миръ Божiй. Чистосердечный поклонъ, очищенный отъ излишнихъ рѣчей, и должную молитву посылаетъ сей странникъ, который влюбленъ въ порогъ счастiя и чистоты. Потомъ извѣщаю васъ, что плодъ полнаго милосердiя, вѣрной дружбы и братства, т. е. почтеннѣйшее письмо ваше, въ которомъ каждая буква и точка распространяютъ благоуханie и поютъ: «Я вдохнулъ въ него изъ своего духа, *)» которое сообщаетъ намъ о единствѣ сердецъ и писано изъ Потiйской гавани, превратило благословенный праздникъ рамазана въ особый для насъ праздникъ. Хвала Богу. Да соединитъ насъ Богъ въ прекрасное время дорогою встрѣчею на благословенной землѣ, гдѣ земля есть небо! Братецъ, на два прежнiя письма, писанныя съ родины о безпокойствѣ, я получилъ отвѣты въ рамазанъ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ подарками, я не могъ отвѣчать. Да возблагодаритъ Богъ васъ и всѣхъ мусульманъ!

XI.

Хвала Богу, поставившему васъ на мѣсто прямаго направленiя, Его-же просимъ, чтобы Онъ вамъ жаловалъ разнаго рода благодѣянiя, чтобы утвердилъ за вами то, на что мы надѣемся, а именно—достигнуть до степени истинныхъ богознателей; чтобы Онъ облилъ васъ свѣтомъ богознанiя такъ, чтобы освѣщался горизонтъ очей и зрѣнie умовъ. Богъ щедръ, у Него-же ключи будущности. Да будетъ слухъ украшаться драгоцѣнными, жемчужными словами вашими, а сердца смягчаться страхомъ вашихъ наставленiй! Аминь.

*) Слова Божiи про Адама.

После отправленія къ вамъ достодолжныхъ молитвъ и заявленія вамъ чистосердечной и непринужденной любви вмѣстѣ съ поклономъ, который тоньше шелка и нѣжнѣе южнаго вѣтерка, и послѣ засвидѣтельствованія нашей къ вамъ любви, которой свидѣтель ваше сердце, объясняю вамъ, что причина, вызвавшая меня къ начертанію сихъ строкъ, сосредоточивается только въ любви нашей къ благополучной особѣ вашей, и въ сильномъ желаніи нашемъ встрѣтиться съ вами. Да соединитъ насъ Богъ на радостяхъ и да содѣлаетъ Онъ насъ жителями рая, гдѣ существуютъ гуріи и дворцы. Если вы соблаговолите освѣдомиться о положеніи сего любящаго васъ брата съ вѣрною душею, то онъ находится въ совершенномъ здоровьи, по милости вашихъ молитвъ. Его ничто не смущаетъ, кромѣ разлуки съ вашею особою, и все окружающее его, съ семействомъ, точно также. Они молятся за жизнь вашу день и ночь. Не забываются тѣ пріятныя времена, которыя прошли такъ скоро, и ночи, о которыхъ остается только говорить: *«и у насъ были въ прошедшемъ времена и ночи»*.

Я занятъ въ вашей мечети обученіемъ учениковъ тому, чему Богъ меня научилъ.

Сестра наша (жена ваша) здорова, молится за васъ. Родные всѣ вспоминаютъ и ожидаютъ васъ. Дай Богъ, чтобы мы обнялись скоро. Знайте, что Богъ далъ нашей дочери сына, и мы его назвали Махмудъ; да продлится его жизнь и да сдѣлается онъ честнымъ человѣкомъ! Кланяется вамъ наше семейство, въ особенности мать наша и другіе—сестры, братья, родные и друзья, каждый отдѣльно.

Нуждающійся въ помощи богатаго Бога,

Ибрагимъ.

XII.

Уважаемый братъ въ Богѣ, ожиданіе моего сердца.

Послѣ доставленія къ вамъ, дорогому, поклона, изъ письма вашего, присланнаго къ намъ, видно и мы поняли, что вы прогнѣвались на насъ. Возможно-ли это! Тогда-бы мы поступили

противъ устадовъ (да очиститъ Богъ ихъ великія тайны! *): они приказываютъ такъ: или нужно уничтожить себя въ устадѣ, или же уничтожить устада въ себѣ. Потому что гнѣваться у нихъ неприлично. Дорогой, мы никогда не будемъ на васъ сердиться, и вамъ не слѣдуетъ **), ибо вамъ извѣстно, что мы имѣли только два *сердаша:* ***) одинъ былъ Магомедъ-эфенди, а другой вы. Магомедъ-эфенди ушелъ (дѣло Божіе!), а вы пишете такое письмо... Предопредѣленіе принадлежитъ Богу, мы—Божіи и къ Нему-же возвратимся. Это бѣда! Да обратитъ Богъ конецъ къ хорошему! Аминь. Незабывайте насъ въ добрыхъ молитвахъ. Поклонъ.

Грязь стопъ, *Юсуфъ.*

---

*) Тайны здѣсь означаютъ мысли, душу или сердце. Можетъ обозначаться этимъ словомъ и могила, которая тоже есть тайна, т. е. «да очиститъ Богъ ихъ отъ дурныхъ мыслей, или-же гробъ ихъ отъ всего непріятнаго».

**) Настоящее письмо написано учителемъ въ тарикатѣ къ отставшему отъ него ученику, въ видѣ выговора, и характеризуетъ усвоенную имъ кротость во всемъ.

***) Другъ тайны, тотъ, кому довѣряютъ тайну.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ДАГЕСТАНА.

КАЗИКУМУХСКІЕ И КЮРИНСКІЕ ХАНЫ *).

I.

Взглядъ на страну Лаковъ. Шамхалы. Хахлавчи. Избраніе хахлавчи Сурхая.

Въ самомъ центрѣ Дагестана, въ верховьяхъ рѣки, извѣстной у насъ подъ названіемъ Казикумухскаго Койсу, живетъ особое племя, называющее себя Лакъ или Лякъ, а страну свою Лакралъ-Кану. Племя это извѣстно у насъ подъ именемъ Казикумухцевъ; такъ-же его называетъ и большая часть близкихъ и дальнихъ его сосѣдей. Страна лаковъ состоитъ изъ множества ущелій, соединяющихся въ одно верстахъ въ 3 ниже главнаго селенія, Гумука; отъ долины Самура она отдѣляется высокимъ хребтомъ, параллельнымъ главному Кавказскому хребту, многія вершины котораго покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и сообщеніе чрезъ который возможно только въ лѣтніе мѣсяцы; такіе-же хребты, но нѣсколько ниже, отдѣляютъ лаковъ отъ сосѣдей—кюринцевъ, даргинцевъ и аварцевъ. Чрезъ всѣ эти горы есть только три тропинки, по которымъ войскамъ возможенъ доступъ во внутрь страны: 1) изъ Кюры на перевалъ Кокма-Дагъ, высотою болѣе 10,000 футовъ, къ Хозреку; 2) изъ Андалала и Акуши вверхъ по Койсу и 3) изъ Андалала чрезъ Турчи-дагъ или сел. Бухты и Мукаркъ къ Казикумуху. На каж-

*) Матеріалами для настоящей статьи послужили: 1) Исторія Дагестана, Аббасъ-Кули-Бакиханова (рукопись); 2) Дѣла Дербентскаго Архива; 3) свѣдѣнія, сообщенныя бывшимъ Кюринскимъ ханомъ, свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Юсуфъ-бекомъ, и братомъ его, капитаномъ Джабраильбекомъ.

При составленіи статьи въ виду имѣлись исключительно событія, касавшіяся только Казикумуха и Кюры.

домъ изъ этихъ путей встрѣчается множество мѣстъ, удобныхъ для упорной защиты и трудно обходимыхъ. Страна лаковъ совершенно безлѣсна; удобныя для хлѣбопашества земли находятся только на днѣ ущелій и небольшими клочками разбросаны по ближайшимъ къ нимъ уступамъ горъ; садоводство невозможно по суровости климата; обширныя пастбища, находящіяся на вершинахъ хребтовъ, хотя и представляютъ возможность держать на нихъ лѣтомъ значительныя стада барановъ, но недостатокъ зимнихъ пастбищъ и невозможность заготовлять на зиму достаточное количество сѣна не позволяютъ овцеводству развиться до такой степени, чтобы оно, вмѣстѣ съ скуднымъ хлѣбопашествомъ, могло обезпечить существованіе значительнаго, по пространству, населенія. Въ настоящее время лаки живутъ въ 97 селеніяхъ, въ коихъ считается 6750 дворовъ и до 34,000 душъ, мужчинъ и женщинъ; какъ было велико населеніе въ то время, которое мы будемъ описывать, опредѣлить трудно; должно однако, на основаніи многихъ данныхъ, полагать, что оно мало разнилось отъ настоящаго. Большая часть лакскихъ селеній находится въ недальнемъ разстояніи одно отъ другаго, такъ что, въ случаѣ надобности, всѣ жители, могущіе носить оружіе, въ числѣ отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ, безъ особаго затрудненія соберутся, въ каждое изъ нихъ, втеченіи двухъ сутокъ.

Такое положеніе страны лаковъ дало имъ возможность не только долго сохранять свою независимость во времена безпрерывныхъ нашествій разныхъ племенъ, втеченіи многихъ вѣковъ проходившихъ Дагестанъ, но, пользуясь обстоятельствами, покорять и ближайшихъ сосѣдей. Такъ, они подчинили себѣ цѣлое общество Варкунъ-Даргуа, иначе Ашти-Куни, и заставили платить дань; присоединили нѣсколько селеній отъ обществъ Андалала и Рисъ-Ора, завладѣли селен. Арчи и частью ущелья рѣки Кара-Самура.

Положительная невозможность прокормиться средствами своей страны заставила лаковъ добывать хлѣбъ на сторонѣ различными способами: они посылали постоянно партіи для грабежа въ Грузію и Ширванъ, гдѣ всегда представлялась вѣрная и не особенно трудная добыча; занимались работою и торговлею почти во всѣхъ горныхъ обществахъ Дагестана, чрезъ что всегда могли расчитывать на поддержку съ ихъ стороны; въ смутныя времена охотно нанимались, за ничтожную плату, воевать съ кѣмъ-угодно.

Изъ давнопрошедшаго лаковъ намъ извѣстно весьма немного. Страбонъ и Плутархъ упоминаютъ о племени лековъ, жившихъ въ Кавказскихъ горахъ, между Албаніею и Амазонками.

Моисей Хоренскій, описывая, въ XXXVII главѣ своей исторіи Арменіи, сраженіе въ Дцiравѣ, упоминаетъ о храбромъ царѣ лековъ Шергирѣ, бывшемъ на сторонѣ персовъ и убитомъ Камсаромъ Спандартомъ. Арабскій писатель Масуди называетъ уже лаковъ Гумиками, и свидѣтельствуетъ, что во время прихода аравитянъ въ Дагестанъ, въ половинѣ VIII вѣка, у нихъ не было никакого царя, а народъ управлялся старшинами. Лаки, и собственно жители главнаго селенія ихъ Гумука, были одни изъ первыхъ дагестанскихъ племенъ, принявшихъ магометанство; какъ говоритъ мѣстное преданіе, перемѣна вѣры произошла весьма легко, безъ малѣйшаго сопротивленія. Жители Гумука сами прислали выборныхъ къ арабскому полководцу Абу-Муселиму просить о посылкѣ къ нимъ наставниковъ въ новой вѣрѣ. Абу-Муселимъ самъ отправился въ Гумукъ, построилъ тамъ мечеть, въ 777 году по Р. Х., какъ гласитъ надпись на этой мечети, назначилъ кадіевъ, а для управленія народомъ поставилъ Шахъ-Баала: имя это впослѣдствіи обратилось въ титулъ шамхала. Шамхаламъ, кромѣ страны лаковъ, подчинились еще многія общества и владѣнія Дагестана. Гумукцы, гордясь принятіемъ новой вѣры прежде другихъ, присоединили къ названію своего селенія почетный арабскій титулъ гази или кази; затѣмъ названіе «Кази-Гумукъ», или Казикумухъ, обратилось въ названіе всей страны и народа.

Шамхалы правили казикумухцами до половины XVII вѣка; но о дѣяніяхъ ихъ, почти втеченіи 9 столѣтій, до вступленія ихъ въ сношенія и подданство государей Россійскихъ, намъ ничего неизвѣстно.

Казикумухъ служилъ мѣстопребываніемъ шамхаловъ до конца XVI вѣка; около этого времени шамхалы начали жить зимою въ Таркахъ или Бойнакѣ, а только на лѣто переѣзжали въ Казикумухъ. Въ правленіе шамхала Сурхай-Мирзы-хана, въ Казикумухѣ образовалась сильная партія, стремившаяся къ совершенному уничтоженію шамхальской власти. Дѣйствія ея были столь успѣшны, что по смерти Сурхай-Мирзы-хана, въ 1640 году, послѣдующіе шамхалы уже не переѣзжали болѣе въ Казикумухъ, хотя сохраняли еще нѣкоторую власть надъ нимъ, выражавшуюся въ незначительныхъ поборахъ и т. п. Но вскорѣ ка-

зикумухцы отложились совершенно отъ нихъ и выбрали себѣ особаго правителя, подъ названіемъ Хахлавчи *), изъ фамиліи, ведшей свой родъ отъ Шахъ-Баала.

Главная обязанность хахлавчи заключалась въ сборѣ ополченія и начальствованіи надъ нимъ, какъ при защитѣ отъ нападенія сосѣдей, такъ и для внѣшнихъ предпріятій; но въ ближайшее управленіе народомъ онъ не вмѣшивался; каждое селеніе управлялось особо, своими выборными, а по дѣламъ духовнымъ всѣ имѣвшіе надобность обращались къ главному кадію сел. Казикумуха. Бывали примѣры, что старшины, не видѣвшіе надобности въ войнѣ, отказывались выставлять по требованію хахлавчи вооруженныхъ людей, отговариваясь или необходимостью окончить полевыя работы, или холоднымъ временемъ года.

Особаго содержанія хахлавчи не получалъ никакого, но пользовался доходами съ нѣкоторыхъ горъ и пашень, собственно для этого назначенныхъ, получалъ часть подати, взыскивавшейся преимущественно баранами и хлѣбомъ, съ Варкунъ-Даргуа и Арчей, и опредѣленную часть военной добычи. При такихъ условіяхъ степень власти и вліянія на народъ болѣе всего зависѣла отъ личныхъ качествъ хахлавчи и многочисленности его родни, дѣйствовавшей въ его пользу.

Хахлавчи избирался старшинами и выборными отъ каждаго селенія, по предварительномъ совѣщаніи; но всегда наблюдалось правило, что первымъ кандидатомъ считался старшій въ родѣ шамхальской фамиліи, оставшейся въ Казикумухѣ, и только, въ случаѣ явной его неспособности или отказа отъ званія хахлавчи, избирался слѣдующій за нимъ; при этомъ требовалось также, чтобы избираемый не былъ чанка, т. е. происходилъ-бы отъ равнаго брака; но въ смутныя времена это обстоятельство не имѣло особаго значенія,—все зависѣло отъ личныхъ качествъ избираемаго.

Около 1700 года въ Казикумухѣ умеръ хахлавчи Али-Бекъ. У него было два сына: Сурхай-шамхалъ и Гирей; но оба они умерли еще при его жизни, оставивъ, первый — вдову и семь сыновей, а второй—вдову и одного сына Сурхая. Сыновья Сур-

---

*) Названіе это происходитъ отъ: *халкъ*, слово арабское, означаетъ *народъ* (на лакскомъ и многихъ другихъ горскихъ языкахъ нѣтъ словъ, соотвѣтствующихъ понятію: *народъ*) и *лавай*, слово лакское, значитъ высшій, превосходный. Въ нѣкоторыхъ нашихъ бумагахъ слово *хахлавчи* переводилось *глава*.

хай-шамхала не отличались хорошими качествами, обращались надменно съ простымъ народомъ и вообще вели себя дурно; но какъ отецъ ихъ былъ старше Гирея, то старшины казикумухскіе, собравшіеся для избранія хахлавчи, не пожелали ихъ обидѣть и отправили отъ себя депутатовъ къ вдовѣ Сурхай-шамхала съ просьбою дать одного изъ ея семи сыновей въ хахлавчи. Она не пустила депутатовъ къ себѣ въ домъ, а выслала служанку спросить, что имъ нужно, и по полученіи отъ нихъ отвѣта, приказала своей служанкѣ вынести къ нимъ свой старый башмакъ и сказать: «довольно будетъ для васъ, дураковъ, подчиняться и этому башмаку; а сына я вамъ не дамъ ни одного».

Депутаты, огорченные такимъ отвѣтомъ, ушли и передали его собранію, которое и отправило ихъ къ вдовѣ Гирея. Мать Сурхай-хана приняла депутатовъ, усадила ихъ, угостила, и потомъ спросила о цѣли ихъ прихода; когда они ей объявили, что народъ желаетъ избрать ея сына въ хахлавчи, она, тотчасъ-же, изъявила на это свое согласіе, потребовала Сурхая и въ присутствіи ихъ дала ему нѣсколько наставленій, какъ онъ долженъ исполнять свои будущія обязанности; изъ этихъ наставленій преданіе сохранило слѣдующее: «со старшими тебя по лѣтамъ обращайся, какъ съ отцемъ; съ равнымъ тебѣ — какъ съ братомъ, съ младшими—какъ съ сыномъ».

Когда депутаты, возвратясь къ старшинамъ, передали имъ все происшедшее въ домѣ вдовы Гирея,—Сурхай, тотчасъ-же, былъ провозглашенъ хахлавчи, а негодованіе противу сыновей Сурхай-шамхала достигло до того, что народъ потребовалъ немедленнаго ихъ изгнанія изъ Казикумуха. Они, узнавъ объ этомъ рѣшеніи и опасаясь чего-нибудь худшаго, бѣжали въ Акушу, такъ поспѣшно, что не успѣли захватить съ собой даже самыхъ необходимыхъ вещей.

Когда пришло время собирать подать съ Варкунъ-Даргуа, сыновья Сурхай-шамхала отправились съ своими людьми въ главное селеніе, Аштп, и стали требовать, чтобы подать была отдана имъ. Старшина далъ знать объ этомъ Сурхаю въ Казикумухъ. Сурхай взялъ нѣсколько человѣкъ нукеровъ, поѣхалъ въ Ашти, но, не въѣзжая въ селеніе, вступилъ въ переговоры съ своими двоюродными братьями,—уговаривалъ ихъ отказаться отъ неслѣдующей имъ подати и не производить безпорядковъ въ его владѣніяхъ, обѣщаясь за то обезпечить ихъ содержаніемъ. Но они ничего не хотѣли слушать. Тогда Сурхай предложилъ

кончить дѣло поединкомъ, объявивъ, что онъ готовъ драться одинъ противу семерыхъ, лишь-бы не подвергать своихъ подвластныхъ опасности по его личнымъ дѣламъ. Семь братьевъ, расчитывая уничтожить ненавистнаго имъ Сурхая, охотно согласились на его вызовъ. Сурхай, отдавъ приказаніе своимъ нукерамъ отнюдь не вмѣшиваться въ дѣло, до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ живъ, отправился на встрѣчу къ семи братьямъ; вскорѣ они сошлись и завязалась битва на кинжалахъ; Сурхай дѣйствовалъ такъ ловко, что очень скоро успѣлъ убить трехъ братьевъ, а остальнымъ нанесъ по нѣсколько тяжелыхъ ранъ, и они поспѣшили бѣжать; но и Сурхай, въ свою очередь, получилъ много ранъ, и у него была почти совсѣмъ отрублена кисть лѣвой руки.

Вскорѣ послѣ этого дѣла, оставшіеся въ живыхъ сыновья Сурхай-шамхала умерли отъ ранъ, а Сурхай, благодаря крѣпости своего здоровья, излечился, только лишился дѣйствія лѣвой руки. Это обстоятельство и дало поводъ къ прозванію его—*безрукимъ*, по-татарски «Чолакъ», подъ которымъ онъ и донынѣ извѣстенъ Дагестану.

II.

Положеніе Дагестана въ началѣ XVIII столѣтія. Даудъ-бекъ Мускурскій. Взятіе Шемахи Чолакъ-Сурхаемъ. Походы Шаха-Надира въ Казикумухъ. Магомедъ-ханъ.

Въ началѣ XVIII столѣтія всѣ прибрежныя владѣнія Дагестана признавали надъ собою власть Персіи. Въ 1696 году, шахъ Гуссейнъ утвердилъ въ званіи уцмія кайтагскаго Эмиръ-Гамзу, сына Али-Султана; вскорѣ появился въ Кайтагѣ Ахмедъ-ханъ, сынъ Гуссейнъ-хана Кубинскаго, происходившаго изъ рода уцміевъ, и при помощи кубинцевъ и горцевъ успѣлъ овладѣть сел. Башлы, а когда Эмиръ-Гамза бѣжалъ въ Аварію, въ 1706 году, объявилъ себя уцміемъ; но противъ него скоро возсталъ претендентъ на это званіе, Ахмедъ-ханъ, сынъ уцмія Уллу-

Бея, который, собравъ горцевъ, успѣлъ, въ 1708 году, подчинить себѣ большую часть Кайтага. Ахмедъ-ханъ, сынъ Гуссейнъ-хана, укрѣпился съ Маджалисѣ, гдѣ вскорѣ былъ убитъ измѣннически своимъ нукеромъ, а Ахмедъ-ханъ, сынъ Уллу-Бея, овладѣлъ окончательно всѣмъ Кайтагомъ и подчинилъ себѣ почти всю Табасарань.

Шамхаломъ Тарковскимъ былъ въ это время Адиль-Гирей.

Кюра частью подчинялась кубинскому хану, Султанъ-Ахмедъ-хану, внуку Гуссейнъ-хана, частью Дербенту, а горная ея часть считалась независимою.

Остальныя горныя общества, въ томъ числѣ и Казикумухъ, были вполнѣ независимы и принимали сторону то турокъ, то персіянъ, смотря по тому, что имъ было выгоднѣе.

Въ это-же время въ Кубинскомъ ханствѣ, въ Мускурѣ, появился нѣкто Даудъ-бекъ, распространявшій особое духовное ученіе, сущность котораго къ сожалѣнію неизвѣстна *), клонившееся между прочимъ къ ниспроверженію власти персіянъ. Для достиженія этой цѣли Даудъ-бекъ обратился, прежде всего, къ уцмію Ахмедъ-хану, какъ сильнѣйшему въ то время владѣтелю дагестанскому, располагавшему самыми большими средствами. Ахмедъ-ханъ согласился принять участіе въ этомъ дѣлѣ и склонить къ тому-же остальныхъ владѣтелей Дагестана и вольныя общества. Для начала онъ далъ часть своего войска Даудъ-беку, который успѣлъ усилить его сборомъ горцевъ; онъ въ 1711 году напалъ сначала на Шабранъ, взялъ его и разорилъ до основанія, потомъ осадилъ Худатъ, гдѣ укрѣпился преданный Персіи Султанъ-Ахмедъ-ханъ Кубинскій, съ своимъ семействомъ. Худатъ скоро былъ взятъ, Султанъ-Ахмедъ-ханъ погибъ, вмѣстѣ съ прочими защитниками. Этотъ успѣхъ увеличилъ значеніе Даудъ-бека; вслѣдъ за тѣмъ къ нему присоединились, кромѣ уцмія, казикумухскій хахлавчи Чолакъ-Сурхай, акушинцы и другіе; въ Мускурѣ собралось ополченіе, болѣе 30,000 человѣкъ, и осадило Шемаху, но безъ успѣха. Шамхалъ Адиль-Гирей не только не принялъ участія въ этомъ дѣлѣ, а даже послалъ сказать уцмію Ахмедъ-хану, что онъ, какъ вѣрно-подданный шаха, нападетъ на Кайтагъ; это заставило уцмія возвратиться домой. Хахлавчи Сурхай, остав-

*) По нѣкоторымъ преданіямъ, а также и потому, что это ученіе и всѣ дѣйствія Даудъ-бека клонились къ уничтоженію свѣтской власти, можно думать, что это ученіе мало чѣмъ разнилось отъ, такъ называемаго у насъ, мюридизма.

шись главнымъ вождемъ предпріятія, въ 1712 году, вновь пошелъ на Шемаху и послѣ 15-дневной осады, при помощи шемахинскихъ суннитовъ, взялъ городъ и совершенно разграбилъ его. При этомъ погибли правитель Ширвана Гуссейнъ-ханъ и почти всѣ русскіе купцы, ведшіе въ Шемахѣ значительную торговлю.

Отъ Шемахи Чолакъ-Сурхай и Даудъ-бекъ направились къ Баку, съ цѣлью завладѣть имъ; но разбитые, не далеко отъ города, Дергахъ-Кули-бекомъ Дербентскимъ, принуждены были возвратиться безъ успѣха.

Взятіе Шемахи чрезвычайно возвысило въ Дагестанѣ значеніе Сурхая, и онъ, по просьбѣ шемахинцевъ, принялъ титулъ хана. Не надѣясь однако удержать за собой Ширванъ, Сурхай-ханъ и Даудъ-бекъ обратились къ турецкому султану съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство; просьба ихъ была принята. Даудъ-бекъ разными происками успѣлъ устроить дѣла такъ, что былъ назначенъ правителемъ Ширвана; оскорбленный этимъ Сурхай-ханъ разсорился съ нимъ и вскорѣ сдѣлалъ набѣгъ на Ширванъ, прошелъ почти до Ганджи; но не имѣя особаго успѣха, возвратился въ Казикумухъ.

Гибель русскихъ купцовъ и разграбленіе ихъ имущества, какъ извѣстно, были одною изъ причинъ похода императора Петра I въ Дагестанъ, въ 1722 г.—Во все время движенія русскихъ войскъ и впослѣдствіи, Чолакъ-Сурхай-ханъ не предпринималъ противу нихъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій, но и не изъявлялъ покорности.

12-го сентября 1723 года, именемъ шаха Тахмаспа, уступленъ Россіи весь при-каспійскій край отъ Астрабада до Сулака; но Казикумухъ не вошелъ сюда, а трактатомъ 27-го іюня 1725 года признанъ за Турціею, вмѣстѣ съ частью Ширвана.

Сурхай-ханъ, въ свою очередь, различными происками успѣлъ выставить Хаджи-Даудъ-бека въ дурномъ свѣтѣ предъ турецкимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего Даудъ-бекъ былъ вытребованъ въ Константинополь, гдѣ и умеръ, а управленіе Шемахою поручено Чолакъ-Сурхаю, съ утвержденіемъ его въ званіи хана. Въ это время значеніе Казикумуха въ Дагестанѣ достигло высокой степени. Всѣ владѣтели и общества искали дружбы и покровительства Чолакъ-Сурхай-хана.

Въ 1733 году турецкій султанъ, вслѣдствіе пораженія нанесеннаго его войскамъ близь Багдада шахомъ Надиромъ, уступилъ Персіи всѣ завоеванныя у нея провинціи и издалъ хатти-

шерифъ объ очищенія ихъ турками. По приказанію Надиръ-Шаха, къ Чолакъ-Сурхаю былъ посланъ гонецъ съ требованіемъ очистить Шемаху. Сурхай-ханъ не только отказался исполнить это требованіе, но велѣлъ убить посланнаго и написалъ въ отвѣтъ письмо, наполненное дерзостями. Слѣдствіемъ этого былъ первый походъ шаха Надира противъ Сурхай-хана.

Въ августѣ 1734 года шахъ Надиръ подступилъ къ Шемахѣ; Сурхай-ханъ успѣлъ собрать значительное число горцевъ, кромѣ того къ нему пришли на помощь турки и татары изъ Ганджи. Сраженіе произошло на урочищѣ Деве-Батанъ. Разбитый совершенно, Чолакъ-Сурхай-ханъ бѣжалъ и окольнымъ путемъ достигъ до Хозрека, откуда едва успѣлъ добраться до Казикумуха. Шахъ-Надиръ 17-го августа занялъ Шемаху, назначилъ правителя и отправился преслѣдовать Сурхай-хана. Въ 10 переходовъ персидскія войска подошли къ Казикумуху, но не могли сразу овладѣть имъ, потому что мостъ чрезъ Койсу былъ разобранъ; однако это ихъ удержало недолго—скоро былъ отысканъ бродъ и они быстро выбрались изъ глубокаго оврага. Казикумухцы, послѣ незначительной перестрѣлки, сдались, а Сурхай-ханъ, съ семействомъ, успѣлъ бѣжать въ Аварію. Только благодаря предстательству шамхала Хаспулата, сына Адиль-Гирея, Надиръ-шахъ не приказалъ разорять Казикумухъ; поручивъ управленіе имъ Магомедъ-хану (сыну Сурхая), онъ отправился чрезъ Шемаху для осады Ганджи и дѣйствій противъ сераскира Абдуллы-Паши, стоявшаго съ турецкими войсками близь Эривани. Въ видахъ содѣйствія сераскиру, султанъ приказалъ крымскому хану двинуться къ Дербенту. Въ концѣ октября 1735 года крымцы появились въ Дагестанѣ. Сурхай-ханъ явился къ крымскому хану, назначилъ къ нему на службу своего сына Муртузали съ 500 человѣкъ казикумухцевъ, за что и былъ назначенъ правителемъ Ширвана; вслѣдъ за тѣмъ Сурхай-ханъ, по просьбѣ Эльдара, назначеннаго крымскимъ ханомъ шамхаломъ, двинулся съ своимъ ополченіемъ въ сел. Большія-Казанищи, съ цѣлью изгнать Хаспулата-шамхала; но приходъ шахъ Надира въ ноябрѣ въ Дербентъ заставилъ уйти крымцевъ, а Сурхай ханъ возвратился домой, для защиты Казикумуха. Не смотря на суровое время, въ декабрѣ этого-же года, Надиръ-шахъ, чрезъ Акушу, вновь двинулся въ Казикумухъ для наказанія Чолакъ-Сурхай-хана, который успѣлъ собрать своихъ подвластныхъ, аварцевъ и акушинцевъ и укрѣпился въ ущельи, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Казикумуха. Надиръ-

2

шахъ разбилъ его скопище и намѣревался уже идти далѣе, когда прибыли депутаты отъ казикумухскаго народа съ изъявленіемъ полной покорности и съ извѣстіемъ, что Сурхай ханъ, со всѣмъ семействомъ, удалился въ Аварію. Надиръ-шахъ удовольствовался этимъ и не пошелъ далѣе, какъ по случаю зимы, такъ и отвлеченный другими, болѣе важными дѣлами.

Во время похода его въ Индію, до 1742 года, въ Дагестанѣ происходили безпрерывные безпорядки отъ частыхъ ссоръ между различными владѣтелями. Сурхай-ханъ, вновь возвратившійся въ Казикумухъ, принималъ въ нихъ дѣятельное участіе.

Въ іюнѣ 1742 года шахъ Надиръ вновь прибылъ съ войсками въ Ширванъ и оттуда двинулся въ Казикумухъ, жители коего, не смотря на подстрекательство Сурхай-хана, не оказали никакого сопротивленія. Персидская кавалерія заняла Казикумухъ 2-го іюля; Чолакъ-Сурхай-ханъ, собравшійся бѣжать въ Аварію, былъ захваченъ съ женою въ плѣнъ и представленъ шаху Надиру, который отправилъ ихъ въ Дербентъ, а самъ въ началѣ августа двинулся въ Аварію, но, потерпѣвъ на Турчидагѣ сильное пораженіе отъ аварцевъ и андалалцевъ, въ сборѣ коихъ дѣятельное участіе принималъ сынъ Сурхай-хана Муртузали, отступилъ въ Дербентъ.

Зиму на 1743 годъ персидское войско провело въ лагерѣ у выхода изъ горъ на плоскость рѣчки Дарвахъ, въ 18 верстахъ къ СЗ. отъ Дербента, претерпѣвъ много бѣдствій, отъ недостатка провіанта и фуража и отъ нападенія мелкихъ шаекъ кайтагцевъ, табасаранцевъ и акушинцевъ, разоренныхъ до крайности предшествовавшими походами шаха Надира; почему мѣсто этого лагеря названо Иранъ-Харабъ, т. е. несчастіе Персіи.

Шахъ Надиръ жилъ постоянно въ лагерѣ, только каждый четвергъ вечеромъ уѣзжалъ въ Дербентъ, гдѣ въ цитадели жила любимая его жена, привезенная изъ Индіи.

Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась жена Чолакъ-Сурхай-хана, для освобожденія своего мужа. Втеченіи нѣсколькихъ недѣль она являлась въ цитадель и просиживала цѣлые дни противъ оконъ жены шаха Надира, пока не была ею замѣчена и потребована. При этомъ свиданіи она такъ съумѣла понравиться женѣ шаха, что та взялась хлопотать объ освобожденіи Сурхай-хана. Въ первую-же пятницу, послѣ этого, шахъ Надиръ потребовалъ Чолакъ-Сурхай-хана и дозволилъ ему отправиться куда онъ пожелаетъ. Пробывъ еще нѣсколько времени при ша-

хѣ, Сурхай-ханъ, съ женою, отправился въ Казикумухъ, гдѣ въ его отсутствіе управлялъ народомъ старшій сынъ его Магомедъ-ханъ. Съ этого времени уже прекращается дѣятельность Чолакъ-Сурхай-хана; предоставивъ власть сыну, онъ жилъ спокойно и умеръ въ 1748 году, въ Казикумухѣ.

Едва Надиръ-шахъ удалился изъ Дагестана, какъ Магомедъ-ханъ Казикумухскій рѣшился воспользоваться благопріятными обстоятельствами для возвращенія подъ свою власть Шемахи. Въ это время по Дагестану скитался нѣкто Самъ-Мирза, выдававшій себя за сына шаха Гуссейна. Ему удалось произвесть безпорядки въ Адербейджанѣ; но скоро онъ былъ пойманъ и представленъ правителю, брату шаха Надира, Ибрагимъ-хану, который приказалъ отрѣзать ему носъ и отпустилъ. Магомедъ-ханъ принялъ къ себѣ Самъ-Мирзу и, подъ видомъ защиты правъ законнаго наслѣдника персидскаго престола, склонилъ на свою сторону дербентцевъ и табасаранцевъ. Набравъ значительное ополченіе, онъ двинулся къ Шабрану, занятому персидскимъ гарнизономъ. Послѣ непродолжительной осады, казикумухцы взорвали миной часть крѣпостной стѣны и завладѣли укрѣпленіемъ. Всѣ защитники были вырѣзаны, спаслась только дочь начальника гарнизона Абдулъ-хана, Истаджалу; на ней женился Магомедъ-ханъ и отъ нея въ 1744 году родился сынъ Сурхай.

Отъ Шабрана Магомедъ-ханъ и Самъ-Мирза пошли къ Шемахѣ и завладѣли ею, но вскорѣ собрались персидскія войска и Магомедъ-ханъ, разбитый недалеко отъ Ахъ-су и тяжело раненный въ этомъ дѣлѣ, долженъ былъ возвратиться въ Казикумухъ; сообщникъ его Самъ-Мирза бѣжалъ въ Турцію.

Въ 1744 году шахъ Надиръ, въ послѣдній разъ, появился въ Дагестанѣ; раздѣливъ свои войска на четыре отряда, онъ приказалъ разорить все, что только было возможно и что уцѣлѣло отъ предшествовавшихъ его походовъ; но Казикумухъ, благодаря своему мало-доступному положенію, остался нетронутымъ и на этотъ разъ.

Съ удаленіемъ и смертію шаха Надира, убитаго въ 1747 году, для Дагестана наступило самое тяжелое время. Владѣтели, подстрекаемые Турціею и Персіею, безпрерывно нападали другъ на друга, грабили и разоряли все что могли; въ этомъ помогали имъ и мелкія шайки, образовавшіяся въ значительномъ числѣ; театромъ ихъ дѣйствій были преимущественно богатые Ширванъ и Куба. Магомедъ-ханъ Казикумухскій еще разъ, именно въ 1760

году, успѣлъ овладѣть Шемахою; но въ 1762 году въ свою очередь долженъ былъ уступить ее Агаси-хану.

Въ это время является въ высшей степени замѣчательная личность, Фетъ-Али-ханъ Кубинскій; получивъ, послѣ отца своего Гуссейнъ-Али-хана, ханство въ самомъ разстроенномъ видѣ, онъ въ короткое время успѣлъ овладѣтъ частью Ширвана, Кюрою и Дербентомъ; управленіе послѣднимъ онъ поручилъ Эльдаръ-беку, сыну Муртузали и племяннику Магомедъ-хана Казикумухскаго, который бѣжалъ изъ Казикумуха вслѣдствіе ссоры съ дядей.

Усиленіе Фетъ-Али-хана не могло нравиться прочимъ владѣльцамъ Дагестана, и въ 1774 году, Магомедъ-ханъ, соединившись съ уцміемъ и шамхаломъ, направился въ Кубу съ цѣлью овладѣть ею, пользуясь отсутствіемъ Фетъ-Али-хана, осаждавшаго въ это время Шемаху. Фетъ-Али-ханъ, бросивъ осаду, поспѣшилъ на выручку своихъ владѣній, но былъ разбитъ совершенно на Кевдушанской равнинѣ и бѣжалъ въ Сальянъ. Въ этомъ сраженіи убитъ Эльдаръ-бекъ, правитель дербентскій. Магомедъ-ханъ завладѣлъ Кубой и Кюрой и присоединилъ ихъ къ Казикумуху; но вскорѣ Фетъ-Али-ханъ, пробравшись въ Дербентъ, сохраненный ему его женою Тути-бике, собралъ своихъ приверженцевъ и, пользуясь уходомъ союзниковъ Магомедъ-хана, успѣлъ изгнать его изъ Кубы.

Въ 1775 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, прибылъ въ Дагестанъ съ Кавказской линіи русскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Медема, имѣвшій цѣлью поддержать Фетъ-Али-хана Кубинскаго и наказать уцмія за плѣнъ академика Гмелина. Фетъ-Али-ханъ превосходно воспользовался этою помощью; онъ успѣлъ уменьшить значеніе уцмія, разбитаго русскими войсками около сел. Башлы, и въ то время, когда генералъ Медемъ занялъ Дербентъ, онъ двинулся въ Кюру, разбилъ Магомедъ-хана Казикумухскаго и заставилъ его уйти въ Казикумухъ; а чтобы обезпечить на будущее время за собою владѣніе Кюрой, онъ воспользовался ссорою Магомедъ-хана съ старшимъ сыномъ его Шихъ-Марданомъ. Причиной этой ссоры были слѣдующія обстоятельства: отъ первой жены у Магомедъ-хана были два сына, Шихъ-Марданъ и Асланъ-Гуссейнъ, а отъ второй жены—сынъ Сурхай и другіе; Сурхай, еще будучи ребенкомъ, въ запальчивости убилъ Асланъ-Гуссейна, за что Шихъ-Марданъ питалъ къ нему кровную вражду; но какъ Сурхай былъ любимый сынъ Магомедъ-хана, то онъ, не видя возможности отомстить ему

по обычаю за смерть брата, уѣхалъ изъ Казикумуха и обратился къ помощи Фетъ-Али-хана. Фетъ-Али-ханъ, отдѣливъ отъ Дербента всю сѣверную часть Кюры до Кабира и отъ Кубы весь Гюнейскій магалъ, поручилъ ихъ въ управленіе Шихъ-Мардану на ханскихъ правахъ. Вскорѣ Шихъ-Марданъ успѣлъ присоединить Курахскій магалъ и образовалъ особое Кюринское владѣніе.

Съ каждымъ годомъ увеличивавшееся значеніе и сила Фетъ-Али-хана, хотя на короткое время доставили Дагестану нѣкоторое спокойствіе; до смерти его, въ 1789 году, никто изъ владѣтелей не предпринималъ ничего серьезнаго противу своихъ сосѣдей.

По смерти Фетъ-Али-хана ему наслѣдовалъ сынъ его Ахметъ-ханъ, который уже не въ состояніи былъ удержать въ цѣлости пріобрѣтенія отца; скоро отложились отъ него Шемаха, Баку и Кюра, такъ что брату его Шихъ-Али-хану, сдѣлавшемуся ханомъ по его смерти въ 1791 году, достались только Куба и Дербентъ.

Въ 1789-же году умеръ и Магомедъ-ханъ Казикумухскій; на мѣсто его былъ избранъ ханомъ сынъ его Сурхай, не смотря на то что онъ былъ чанка, т. е. мать его не происходила изъ владѣтельной фамиліи. Впослѣдствіи Сурхай-ханъ II, дожившій до глубокой старости, получилъ прозвище Кунъ-Буттай *), что на лакскомъ языкѣ значитъ буквально *большой отецъ* (дѣдушка).

III.

Сурхай-ханъ Кунъ-Буттай. Асланъ-бекъ. Занятіе Кюры русскими войсками. Назначеніе Асланъ-бека кю-

*) Въ оффиціальныхъ нашихъ бумагахъ нерѣдко это прозвище принималось за титулъ и писалось различно: Хамбутай, Ханъ-Бутай, Хомутай и т. п.

ринскимъ ханомъ; договоръ съ нимъ. Бѣгство Сурхай-хана въ Персію и возвращеніе оттуда. Нападеніе на Чирахъ. Движеніе отряда генерала князя Мадатова въ Казикумухъ. Назначеніе Асланъ-хана правителемъ казикумухскимъ и кюринскимъ; трактатъ съ нимъ.

Шихъ-Марданъ-бекъ, управлявшій Кюрою, умеръ не задолго до смерти Фетъ-Али-хана; у него остались пять сыновей: Таиръ-бекъ, Омаръ-бекъ, Асланъ-бекъ, Гасанъ-Ага и Фетъ-Али-бекъ; двое старшихъ были чанки и потому управленіе владѣніемъ должно-бы было перейти къ Асланъ-беку, но Сурхай-ханъ, воспользовавшись смертію Фетъ-Али-хана, овладѣлъ Кюрою и присоединилъ ее къ Казикумуху. Асланъ-бекъ, не имѣя средствъ отстоять свое наслѣдіе, поѣхалъ сначала въ Персію, а потомъ въ Турцію, искать помощи и защиты; но не найдя ея, проживалъ нѣкоторое время въ Мингреліи и Тифлисѣ, а по прибытіи русскихъ войскъ въ Закавказье, въ 1802 году, возвратился въ Дагестанъ и жилъ у уцмія Рустемъ-хана и его преемника Али-хана.

Завладѣвъ Кюрой, Сурхай-ханъ обратилъ свое вниманіе на общества долины Самура, до сихъ поръ упорно сохранявшія свою независимость отъ сосѣднихъ хановъ. Скоро ему представился удобный случай вмѣшаться въ ихъ дѣла. Селенія Ялагъ, Кака и и Лудгунъ, принадлежавшія къ обществу Рутульскому, притѣсняемыя поборами жителей главнаго селенія, обратились къ Сурхай-хану съ просьбою о защитѣ; онъ принялъ ихъ сначала подъ свое покровительство, потомъ присоединилъ къ своему ханству и наконецъ поселилъ въ Какѣ своихъ братьевъ, Шуаибъ-бека и Иса-бека. Около-же этого времени имъ присоединены къ Казикумуху нѣсколько селеній, находящихся въ Ихрекскомъ ущельи, и агульское селеніе Боркихапъ (Гекенеръ), которое онъ отдалъ въ управленіе брату своему Сеидъ-беку.

Въ 1796 году прибыла въ Дагестанъ русская армія, подъ начальствомъ графа Зубова; Шихъ-Али-ханъ Дербентскій, намѣреваясь сопротивляться, отправилъ семейство въ Казикумухъ и просилъ помощи у Сурхай-хана; имъ удалось собрать до 20,000 вооруженныхъ горцевъ и они хотѣли напасть на русскій аван-

гардъ. Но скорое взятіе Дербента и плѣнъ Шихъ-Али-хана разстроили ихъ намѣреніе. На пути нашей арміи отъ Дербента въ Кубу, Шихъ-Али-ханъ бѣжалъ въ Казикумухъ. Узнавъ объ удаленіи арміи изъ Дагестана, Сурхай-ханъ собралъ до 10,000 человѣкъ, двинулся къ Кубѣ; въ сел. Алпанъ, занятомъ частью отряда генералъ-маіора Булгакова, оставленнаго графомъ Зубовымъ для водворенія спокойствія въ Кубѣ, произошло дѣло; сначала русскіе отступили, но на слѣдующій день, получивъ подкрѣпленіе, взяли селеніе и разорили его. Сурхай ханъ пришелъ къ Самуру; преслѣдуемый генераломъ Булгаковымъ, онъ не рѣшался вновь вступать въ сраженіе, а изъявилъ покорность и просилъ о принятіи его въ подданство Россіи, на что и принялъ присягу.

Съ уходомъ русской арміи въ Кизляръ, въ Дагестанѣ тотчасъ-же начались обычные безпорядки. Шихъ-Али-ханъ вновь завладѣлъ Дербентомъ. Сурхай-ханъ нѣсколько разъ покушался завладѣть Кубой; въ 1799 году сынъ его Нухъ-бекъ, пользуясь болѣзнію Шихъ-Али-хана, успѣлъ занять Кубу, а самъ Сурхай-ханъ, съ казикумухцами, занялъ сел. Кулларъ на Самурѣ. Но чрезъ полтора мѣсяца, выздоровѣвшій Шихъ-Али-ханъ, при помощи шамхала и акушинцевъ, разбилъ Сурхай-хана, овладѣлъ Кубой и разорилъ часть Кюры, почти до Чираха. Въ это время братъ его Гасанъ-Ага, бывшій съ нимъ во враждѣ и жившій у уцмія, при помощи Сурхай-хана завладѣлъ Дербентомъ и провозгласилъ себя ханомъ, а Сурхай-ханъ, вновь собравъ казикумухцевъ, пошелъ на Кубу, но не взялъ ея, потому что Шихъ-Али-ханъ успѣлъ уговорить его отказаться добровольно отъ этого предпріятія. Въ 1803 году умеръ Гасанъ-Ага-ханъ Дербентскій и Шихъ-Али-ханъ снова занялъ городъ.

Въ 1806 году русскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Глазенапа, занялъ Дербентъ. Шихъ-Али-ханъ бѣжалъ. Приведеніе дѣлъ въ порядокъ въ при-каспійскихъ провинціяхъ поручено было главнокомандующимъ генералу Булгакову; по прибытіи его въ Кубу, Сурхай-ханъ Казикумухскій во второй разъ принялъ присягу на вѣрноподданство Россія. Генералъ графъ Гудовичъ желалъ заключить съ Сурхай-ханомъ трактатъ, на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ это было сдѣлано съ прочими ханами; но Сурхай-ханъ отказался подписать его, отзываясь, что онъ не въ состояніи платить требуемой отъ него дани, не смотря на

уступку, которую сдѣлалъ главнокомандующій въ этомъ отношеніи, сбавивъ противу первоначальнаго требованія 2000 червонцевъ.

Генералъ Тормазовъ, вступивъ въ управленіе краемъ, возобновилъ сношенія съ Сурхай-ханомъ, настоятельно требуя подписи трактата, но онъ упорно отъ этого уклонялся: увѣрялъ въ своей преданности и въ тоже время тайно помогалъ Шихъ-Али-хану, производившему въ краѣ постоянные безпорядки, на деньги получаемыя отъ персидскаго правительства.

Въ концѣ 1811 года Шихъ-Али-ханъ собралъ значительное скопище съ цѣлью нападенія на Кубу, занятую небольшимъ отрядомъ генералъ-маіора Гурьева. Сурхай-ханъ отправилъ къ нему въ помощь сына своего Нухъ-бека, съ казикумухцами и кюринцами. Шихъ-Али-ханъ занялъ селенія Джабиръ и Рустовъ и уже готовился напасть на Кубу, когда прибылъ отрядъ генералъ-маіора Хатунцова, посланный для водворенія порядка. Въ дѣлѣ при селеніи Рустовъ генералъ Хатунцовъ разбилъ совершенно Шихъ-Али-хана и двинулся въ Кюру для наказанія Сурхай-хана, спѣшившаго на помощь къ сыну.

10-го декабря генералъ-маіоръ Хатунцовъ разбилъ Сурхай-хана при сел. Шехихюръ и на слѣдующій день близь сел. Татаръ-ханъ, откуда пошелъ къ Кураху, сильно укрѣпленному Сурхай-ханомъ. Въ ночь на 15 декабря Курахъ былъ взятъ штурмомъ, а Сурхай-ханъ съ небольшимъ конвоемъ и родственниками успѣлъ бѣжать въ Казикумухъ, не преслѣдуемый русскими войсками, не могшими идти далѣе Кураха, потому что курахскій перевалъ былъ покрытъ глубокимъ снѣгомъ. Въ Казикумухѣ въ это время появилась сильная чума.

На другой день по взятіи Кураха, старшины всѣхъ селеній кюринскихъ явились къ генералу Хатунцову съ изъявленіемъ полной покорности, охотно приняли присягу на вѣрноподданство и просили, на будущее время, защиты отъ покушеній Сурхай-хана.

Главнокомандующій войсками въ Грузіи, генералъ маркизъ Паулуччи, желая воспользоваться занятіемъ Кюры для поимки Шихъ-Али-хана, главнаго виновника всѣхъ безпорядковъ въ Дагестанѣ, имѣвшаго надежное прибѣжище недалеко отъ Казикумуха, въ сел. Сумбатъ,—поручилъ генералу Хатунцову войти въ сношеніе съ Сурхай-ханомъ и предложить ему выдать Шихъ-Али-хана и дать въ аманаты Нухъ бека, зачто обѣщать ему полное прощеніе и возвращеніе подъ его власть Кюры; но Сурхай-ханъ от-

казался положительно исполнить эти требованія. Главнокомандующій, не имѣя возможности держать въ Кюрѣ постоянно войска въ достаточномъ числѣ для защиты ея и находя рановременнымъ введеніе тамъ русскаго управленія, счелъ за лучшее образовать изъ нея особое владѣніе и поручить управленіе имъ Асланъ-беку, извѣстному своими отличными способностями и непримиримому врагу дядѣ его, Сурхай-хану, со стороны котораго можно было ожидать постоянныхъ покушеній на присоединеніе вновь Кюры къ Казикумуху.

Асланъ-бекъ охотно согласился на сдѣланное ему предложеніе и 4-го января 1812 года торжественно, въ присутствіи генерала Хатунцова и коллежскаго совѣтника Могилевскаго, назначеннаго для заключенія съ нимъ условій, присягнулъ на вѣрноподданство и подписалъ предложенный ему трактатъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ:

1) Асланъ-бекъ и его преемники не должны признавать надъ собою ни чьей власти, кромѣ власти русскаго императора и его наслѣдниковъ.

2) Асланъ-бекъ и его преемники не должны вступать ни въ какіе связи и союзы съ сосѣдними владѣтелями и вольными обществами, безъ разрѣшенія главнокомандующаго.

3) Жителямъ Кюринскаго владѣнія предоставляется пользоваться всѣми правами, наравнѣ съ прочими вѣрноподданными Россіи.

4) Асланъ-беку предоставляется право разбирать всѣ дѣла, касающіяся до внутренняго управленія, и производить судъ и расправу по его усмотрѣнію.

5) Асланъ-бекъ обязывается вносить ежегодно подати по 3000 червонцевъ и по 3000 четвертей хлѣба (2500 четвертей пшеницы и 500 четвертей ячменя) *).

6) Въ залогъ своей вѣрности Асланъ-бекъ долженъ выдать въ аманаты старшаго своего сына Нуцалъ-бека и 2-хъ сыновей почетнѣйшихъ кюринскихъ старшинъ.

Кромѣ трактата, 23-го января 1812-же года, были заключены съ Асланъ-бекомъ дополнительныя условія, которыми онъ обязался: 1) отдать сел. Курахъ, кромѣ жителей, въ полное рас-

*) Подать въ этомъ размѣрѣ ни разу не была внесена Асланъ-ханомъ и, вслѣдствіе его ходатайствъ, денежная подать была уменьшена до 3000 рублей серебромъ.

поряженіе русскаго гарнизона (2 бат. пѣхоты и 1 сотня казаковъ), оставленнаго для защиты кюринскаго владѣнія; 2) всѣми мѣрами стараться привесть въ покорность Россіи сосѣднія вольныя общества.

Въ это-же время Асланъ-беку пожалованъ чинъ полковника, инвеститурная грамота на достоинство хана кюринскаго, знамя съ россійскимъ гербомъ и драгоцѣнная сабля *).

Едва только Асланъ-ханъ успѣлъ утвердиться въ Курахѣ, какъ Сурхай-ханъ началъ дѣлать покушенія на возвращеніе Кюры подъ свою власть; сыновья его безпрерывно появлялись въ окрестностяхъ Ричи и Чираха и склоняли жителей къ неповиновенію. Асланъ-ханъ, желая отомстить за это, собралъ милицію и предложилъ маіору Рябинину, начальствовавшему гарнизономъ въ Курахѣ, въ мартѣ 1812 года, сдѣлать набѣгъ къ Казикумуху. Около Хозрека они были встрѣчены довольно значительнымъ числомъ казикумухцевъ и должны были возвратиться безъ всякаго успѣха, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и раненными.

Въ маѣ братья Асланъ-хана—Гассанъ-Ага, отличавшійся необыкновенною храбростью, и Фетъ-Али-бекъ, удерживаемые Сурхай-ханомъ силою, бѣжали изъ Казикумуха въ Курахъ.

Сурхай-ханъ, горѣвшій желаніемъ во что бы то ни стало возвратить подъ свою власть Кюру, обратился съ просьбою о помощи къ персидскому правительству и получилъ отъ шаха фирманъ; въ это-же время онъ велъ переговоры чрезъ шамхала Мехти-хана о принятіи его вновь въ подданство Россія и склонялъ акушинцевъ и аварцевъ дать ему помощь для овладѣнія Кюрой. Для разъясненія всѣхъ этихъ обстоятельствъ, генералъ-маіоръ Хатунцовъ, въ іюлѣ 1812 года, собралъ отрядъ и двинулся къ сел. Рича. Сурхай-ханъ, не надѣясь устоять съ одними казикумухцами и опасаясь движенія отряда къ Казикумуху, открылъ переговоры, согласился принять присягу на подданство и обѣщался на будущее время жить спокойно. Дѣло это окончилось тѣмъ, что, послѣ 10 дневнаго ожиданія, къ генералъ-маіору Хатунцову пріѣхалъ сынъ Сурхай-хана Муртузали и привезъ подписанный и скрѣпленный печатью отца присяжный листъ и письмо, въ которомъ Сурхай-ханъ извинялся, что, по старости и слабости здоровья, не можетъ лично прибыть къ отряду, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ о возвращеніи на родину всѣхъ военноплѣн-

*) Приложеніе I.

ныхъ казикумухцевъ, взятыхъ въ предшествовавшіе годы. Просьба эта была исполнена; но Сурхай-ханъ не долго держалъ свое обѣщаніе жить смирно.

Въ маѣ 1813 года онъ собралъ значительное число казикумухцевъ и двинулся къ Кураху; курахскій гарнизонъ и кюринская милиція, собранная Асланъ-ханомъ, встрѣтили его около селенія Гельханъ и совершенно разбили. Вслѣдствіе этого пораженія, Сурхай-ханъ, не надѣясь въ скоромъ времени предпринять что-либо серьезное противу Асланъ-хана, съ 20 ближайшими своими родственниками отправился въ Тавризъ искать помощи у персіянъ, поручивъ управленіе Казикумухомъ сыну своему Муртузали-беку (брату Асланъ-хана по матери), который еще и прежде, во время безпрерывныхъ отлучекъ Сурхай-хана изъ Казикумуха, постоянно разбиралъ споры и жалобы жителей и своею справедливостью успѣлъ пріобрѣсть ихъ расположеніе.

Асланъ-ханъ, узнавъ объ отъѣздѣ Сурхай-хана, тотчасъ-же отправился въ Казикумухъ, съ цѣлью овладѣть имъ; но не могъ тамъ найти себѣ достаточнаго числа приверженцевъ, чтобы изгнать Муртузали. Причиною внезапнаго отъѣзда въ Казикумухъ Асланъ-ханъ въ письмѣ главнокомандующему выставилъ грубое съ нимъ обращеніе военно-окружнаго въ Дагестанѣ начальника, генералъ-маіора Хатунцова, что было совершенно несправедливо. Хатунцовъ требовалъ только настоятельно взноса опредѣленной трактатомъ подати, чего Асланъ-ханъ не могъ исполнить, потому что жители доселѣ не платили никакихъ податей и отказывались отъ нихъ съ ропотомъ. Въ августѣ этого же года Асланъ-ханъ, увѣрившись предварительно, что самовольная отлучка его въ Казикумухъ не будетъ имѣть дурныхъ для него послѣдствій, возвратился въ Курахъ, но оставался тамъ недолго. Братья его, Гасанъ-ага и Фетъ-Али-бекъ, изъ личныхъ видовъ постоянно подстрекали его не оставлять намѣренія завладѣть Казикумухомъ, обѣщая свое содѣйствіе. Асланъ-ханъ согласился на ихъ предложеніе и въ мартѣ 1814 г., со всѣмъ семействомъ, переѣхалъ въ Казикумухъ, перевезъ туда имущество и перегналъ скотъ и лошадей. Этотъ поступокъ навлекъ на Асланъ-хана подозрѣніе въ измѣнѣ, потому что, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ это время Султанъ-Ахмедъ-ханъ аварскій, недовольный нашимъ правительствомъ, не назначавшимъ ему денежнаго жалованья, собиралъ партіи, съ цѣлью сдѣлать нападеніе на Кубу, хотя Гасанъ-ага и сообщилъ курахскаму коменданту, что Асланъ-ханъ отправляется

въ Казикумухъ только для того, чтобы разстроить замыслы Султанъ-Ахмедъ-хана.

Сурхай ханъ-Кунъ-Буттай проживалъ въ Тавризѣ, при мнимомъ наслѣдникѣ персидскаго престола, Абазъ-Мирзѣ, стараясь различными происками получить помощь войскомъ и деньгами. Но начавшіеся скоро переговоры о мирѣ и заключеніе, 12 октября 1813 года, Гюлистанскаго трактата, по которому Персія навсегда отказалась отъ вмѣшательства въ дѣла дагестанскихъ владѣтелей, лишили его надежды получить какую-либо помощь. Увѣрившись окончательно, что ему нечего ожидать отъ Персіи, Сурханъ-ханъ рѣшился возвратиться въ Казикумухъ. Въ началѣ августа 1814 года онъ съ семействомъ, родственниками и служителями, всего до 120 человѣкъ, выѣхалъ изъ Тавриза. Главнокомандующій, получивъ объ этомъ извѣстіе, сдѣлалъ распоряженіе о задержаніи его, гдѣ окажется возможнымъ.

На переправѣ чрезъ Куру, Сурхай-ханъ былъ настигнутъ милиціею и казаками, подъ начальствомъ елисаветопольскаго окружнаго начальника, подполковника Калатузова, и разбитъ совершенно; онъ потерялъ всѣ свои вьюки, 35 человѣкъ убитыми и 10 плѣнными, но самъ съ раненною женою успѣлъ спастись, пославъ для задержанія преслѣдовавшихъ его казаковъ отборныхъ людей, подъ начальствомъ сына своего Захарія-бека, который при этомъ былъ убитъ казаками.

Въ числѣ захваченныхъ въ плѣнъ были внукъ Сурхай-хана, Гатамъ, сынъ Нухъ-бека, и нѣсколько другихъ родственниковъ.

Чрезъ владѣніе бывшаго султана елисуйскаго (нынѣ горный магалъ Самурскаго округа), Сурхай-ханъ пробирался къ Хозреку, распуская вездѣ слухъ, что онъ получилъ отъ главнокомандующаго разрѣшеніе изгнать силою Асланъ-хана изъ Казикумуха и снова овладѣть ханствомъ. Число приверженцевъ его безпрерывно возрастало, и когда онъ подошелъ къ Хозреку, то имѣлъ при себѣ уже нѣсколько сотъ человѣкъ; здѣсь встрѣтилъ его братъ Асланъ-хана, Гассанъ-Ага, съ кюринской милиціею, но послѣ непродолжительной перестрѣлки, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и раненными, ушелъ въ Кюру. Когда объ этомъ дѣлѣ было получено извѣстіе въ Казикумухѣ, Муртузали предложилъ Асланъ-хану собрать сколько возможно преданныхъ имъ казикумухцевъ и идти на встрѣчу Сурхай-хану, чтобы не допустить его занять Казикумухъ; при этомъ онъ вызвался, вмѣстѣ съ братомъ Асланъ-хана, Фетъ-Али-бекомъ, идти впередъ. Асланъ-

ханъ согласился на это; Муртузали-бекъ, отойдя отъ Казикумуха верстъ десять, сдѣлалъ привалъ, напоилъ пьянымъ Фетъ-Али-бека, и когда онъ заснулъ, велѣлъ отрубить ему голову и послалъ ее въ Хозрекъ къ Сурхай-хану, въ доказательство того, что онъ готовъ принять отца безъ всякаго сопротивленія. Узнавъ объ этомъ поступкѣ брата, Асланъ-ханъ, съ женою Умм-Гюльсумъ-бике, бѣжалъ столь поспѣшно, что даже не успѣлъ захватить съ собой необходимаго платья, и окольнымъ путемъ, чрезъ Акушу, Кайтагъ и Табасарань, пробрался въ Касумъ-Кентъ и вновь вступилъ въ управленіе Кюринскимъ ханствомъ. Въ началѣ 1815 года онъ ѣздилъ въ Тифлисъ, гдѣ успѣлъ вполнѣ оправдать предъ главнокомандующимъ свое поведеніе и отлучку въ Казикумухъ, и кромѣ того, для лучшей защиты Кюры отъ покушеній Сурхай-хана, испросилъ согласіе главнокомандующаго на занятіе сел. Чираха постояннымъ гарнизономъ изъ 2 ротъ пѣхоты.

Сурхай-ханъ, занявъ безпрепятственно Казикумухъ, объявилъ, что онъ будетъ управлять казикумухцами какъ и прежде. Но вскорѣ онъ встрѣтилъ весьма сильное противодѣйствіе со стороны сыновей своихъ, Нухъ-бека и Муртузали-бека. Первый, пользуясь своею популярностью между казикумухцами и имѣя сильную партію, настоятельно требовалъ отъ Сурхай-хана принять какія онъ хочетъ мѣры къ освобожденію сына его Гатама, содержавшагося въ Тифлисѣ, а второй, пріобрѣтя общую любовь народа во время отлучки Сурхай-хана, явно стремился къ тому, чтобы захватить въ свои руки всю власть. При такихъ обстоятельствахъ Сурхай-ханъ рѣшился обратиться къ главнокомандующему генералу Ртищеву, съ изъявленіемъ покорности и съ просьбою объ освобожденіи внука его Гатамъ-бека. Въ письмѣ своемъ Сурхай-ханъ, раскаиваясь въ неоднократныхъ измѣнахъ, обѣщалъ загладить прежніе поступки ревностною службою для пользъ Россіи и предлагалъ свои услуги къ поимкѣ и выдачѣ бѣглаго грузинскаго царевича Александра. Главнокомандующій, зная по опыту, на сколько можно было вѣрить Сурхай-хану, не отвѣчалъ какъ на первое, такъ и на послѣдующія его письма, тѣмъ болѣе что Сурхай-ханъ, испрашивая прощеніе, не переставалъ употреблять всѣ средства для овладѣнія Кюрой и въ августѣ 1815 года появился съ казикумухцами въ окрестностяхъ Кураха, но разбитый курахскимъ гарнизономъ, подъ начальствомъ маіора Поздревскаго, возвратился въ Казикумухъ.

Вліяніе и значеніе Муртузали постоянно увеличивались въ Казикумухѣ, и Сурхай-ханъ, опасаясь скоро совершенно потерять власть, рѣшился отъ него избавиться, во что бы то ни стало. Въ первыхъ числахъ марта 1816 года, по его приказанію, внукъ его Магомедъ-бекъ (сынъ Нухъ-бека) выстрѣломъ изъ пистолета смертельно ранилъ Муртузали, а племянникъ Гарунъ-бекъ (сынъ Иса-бека) дорубилъ его шашкою. По смерти Муртузали настоянія Нухъ-бека объ освобожденіи сына его Гатама усилились, такъ какъ его сторону приняли многіе недовольные убійствомъ Муртузали; это и заставило Сурхай-хана послать въ Тифлисъ сына своего Джафаръ-бека, съ письмомъ главнокомандующему, въ которомъ онъ вновь просилъ принять его еще разъ въ вѣрноподданство и предлагалъ, въ залогъ его вѣрности, оставить Джафаръ-бека аманатомъ въ Тифлисѣ. Просьба эта была принята; Сурхай-ханъ въ послѣдній разъ приведенъ торжественно къ присягѣ на вѣчное вѣрноподданство Россіи, признанъ и утвержденъ ханомъ казикумухскимъ; Гатамъ-бекъ и другіе плѣнные отпущены изъ Тифлиса домой.

Но и на этотъ разъ Сурхай-ханъ недолго держалъ свою клятву; вскорѣ онъ началъ тайно оказывать свое содѣйствіе Султанъ-Ахмедъ-хану аварскому, уцмію Адиль-Гирею, Гирей-беку казанищенскому и Шихъ-Али-хану, производившимъ безпорядки въ Дагестанѣ съ начала 1819 года.

Генералъ Ермоловъ, въ предписаніи 4-го марта 1819 г., на имя генералъ-маіора барона Вреде, назначеннаго военно-окружнымъ въ Дагестанѣ начальникомъ, писалъ слѣдующее:

«Сурхай-ханъ казикумухскій, нѣсколько разъ измѣнявшій и на котораго никакъ полагаться не должно, требуетъ осторожнаго съ нимъ поведенія, и потому—оказывать ему вѣжливости, и ни въ чемъ не вѣрить. Существующая между нимъ и полковникомъ Асланъ-ханомъ вражда должна быть поддерживаема скрытнымъ образомъ».

«Полковникъ Асланъ-ханъ кюринскій съ давняго времени замѣченъ вѣрнымъ и усердствующимъ намъ; но въ томъ желаю я наиболѣе удостовѣриться, ибо предмѣстникъ вашъ, господинъ генералъ-маіоръ Пестель, нѣсколько разъ дѣлалъ противныя на счетъ его замѣчанія. Они могутъ происходить отъ внушеній брата сего хана, по имени Гассанъ-аги, къ которому народъ, по чрезвычайной храбрости его, имѣетъ привязанност и который

возмущаетъ онъ противъ брата и, вѣроятно также, желаетъ худо расположить къ нему начальство».

Генералъ-маіоръ Пестель объ Асланъ-ханѣ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «онъ, по прибытіи отряда нашего къ сел. Башлы *), имѣлъ тайное свиданіе съ Султанъ-Ахмедъ-ханомъ аварскимъ, и во время сраженія приказывалъ своей милиціи пѣснями давать знать непріятелю о малочисленности нашихъ войскъ и чтобы смѣлѣе нападали».

«Онъ налагаетъ на кюринцевъ чрезмѣрныя подати и часть денегъ передаетъ въ горы. Отбираетъ у своихъ подвластныхъ силою дочерей, продаетъ ихъ и мѣняетъ чеченцамъ на лошадей. Многихъ казнитъ смертью».

Скоро дѣйствія Сурхай-хана обнаружились, и генералъ Ермоловъ, послѣ пораженія горцевъ при сел. Балтугай, рѣшился предпринять серьезное движеніе къ Казикумуху. Съ этою цѣлью во второй половинѣ 1819 года было приступлено къ заготовленію провіанта въ Чирахѣ. Сурхай-ханъ, узнавъ объ этомъ, рѣшился предупредить нападеніе. Въ половинѣ октября онъ собралъ казикумухцевъ и 19-го числа напалъ на Чирахъ, занятый 2 ротами Троицкаго пѣхотнаго полка, подъ командою капитана Овечкина, расчитывая уничтожить весь запасъ провіанта; но послѣ продолжительной перестрѣлки, не надѣясь овладѣть Чирахскимъ постомъ, отступилъ къ Хозреку и потомъ въ Казикумухъ, гдѣ дѣятельно занялся наборомъ возможно-большаго ополченія. Благодаря деньгамъ и начавшейся развиваться въ это время, вслѣдствіе особыхъ причинъ, ненависти горцевъ къ русскимъ, Сурхай-хану удалось къ половинѣ декабря собрать болѣе 20,000 человѣкъ; небольшую часть этого сборища онъ отправилъ подъ начальствомъ Нухъ-бека въ помощь Авушѣ, куда въ это время генералъ Ермоловъ предпринялъ экспедицію, а самъ съ остальными 19-го числа появился около Чираха, занятаго тѣми-же 2 ротами и 80 человѣками кюринской милиціи. Горцы, надѣясь на свою многочисленность, храбро нападали на малочисленный гарнизонъ, стойко защищавшійся въ домахъ и отдѣльныхъ жительскихъ башняхъ. Въ одной изъ такихъ башенъ заперся прапорщикъ Щербина съ горстью храбрыхъ и выстрѣлами наносилъ чувствительную потерю непріятелю; горцы, разъяренные этимъ, обратили все вниманіе на эту башню, но только къ вечеру ус-

*) Гдѣ генералъ-маіоръ Пестель потерпѣлъ большую неудачу.

пѣли разрушить ее, причемъ погибли остававшіеся еще въ живыхъ защитники ея. Ночью Сурхай-ханъ, потерявъ много людей убитыми и ранеными, отступилъ къ Хозреку; скопище его разошлось по домамъ. Въ этомъ дѣлѣ изъ чирахскаго гарнизона убыло убитыми 2 оберъ-офицера и 43 человѣка нижнихъ чиновъ, ранеными 1 оберъ-офицеръ, 24 нижнихъ чиновъ и 6 человѣкъ кюринскихъ милиціонеровъ.

Прокламаціею *), къ жителямъ кубинскимъ, дербентскимъ и бакинскимъ, изданною въ Дербентѣ 19-го января 1820 года, генералъ Ермоловъ, объявляя объ измѣнѣ Сурхай хана, назначилъ ханомъ казикумухскимъ полковника Асланъ-хана кюринскаго. Оставалось только изгнать Сурхай-хана изъ Казикумуха. Съ этою цѣлью въ началѣ іюня 1820 года въ Курахѣ былъ собранъ отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Мадатова; Сурхай-ханъ рѣшился защищаться на сколько возможно, собралъ преданныхъ ему казикумухцевъ и аварцевъ и встрѣтилъ 13-го іюня отрядъ князя Мадатова на перевалѣ между Чирахомъ и Хозрекомъ; но сборище его не выдержало аттаки русскихъ войскъ; скоро все бросилось бѣжать, оставя въ рукахъ побѣдителей 600 человѣкъ плѣнныхъ и 11 значковъ. Въ этомъ дѣлѣ убитъ храбрый Гассанъ-ага, братъ Асланъ-хана, бывшій впереди съ кюринской милиціей.

Генералъ князь Мадатовъ, не останавливаясь, пошелъ въ Казикумухъ и, занявъ его безъ бою, водворилъ полный порядокъ, передалъ управленіе Асланъ-хану и 20-го іюня выступилъ съ отрядомъ обратно на плоскость. Сурхай-ханъ бѣжалъ въ Согратль, гдѣ надѣялся выждать удобнаго случая для возвращенія Казикумуха подъ свою власть; но онъ скоро убѣдился, что на это ему ни остается никакой надежды, потому что Асланъ-ханъ зорко слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями и жестоко преслѣдовалъ не только всѣхъ приверженцевъ Сурхай-хана, но и тѣхъ, которые входили въ какія-либо съ нимъ сношенія. При такихъ обстоятельствахъ Сурхай-ханъ рѣшился отправиться въ Персію, что ему и удалось сдѣлать въ началѣ августа 1820 года, при посредствѣ Мустафы-хана ширванскаго, родственника его по женской линіи; съ нимъ ушелъ сынъ его Нухъ-бекъ и нѣсколько человѣкъ приближенныхъ нукеровъ. Въ апрѣлѣ 1821 года внукъ Сурхай-хана

*) Приложеніе II.

Магомедъ-ханъ, спасаясь отъ кровомщенія со стороны Асланъ-хана за убійство Муртузали, также бѣжалъ въ Персію къ отцу.

Въ началѣ декабря 1820 года, съ полковникомъ Асланъ-ханомъ заключенъ особый трактатъ, какъ съ владѣтелемъ Казикумуха. Главными статьями этого трактата были слѣдующія:

1) Асланъ-ханъ утверждается во владѣніи ханствомъ Казикумухскимъ и къ прежнему достоинству хана кюринскаго присоединяется званіе хана казикумухскаго.

2) Ханъ обязанъ охранять свои границы и идти съ войсками, куда прикажутъ.

3) При постройкѣ укрѣпленій и проложеніи дорогъ въ его владѣніяхъ, обязанъ помогать зависящими отъ него средствами.

4) Въ Кюринскомъ и Казикумухскомъ ханствахъ содержать постоянно 160 человѣкъ конницы, для употребленія ея въ караулы и разъѣзды, по усмотрѣнію начальства.

5) Хану предоставляется право разбирать по закону и обычаямъ казикумухскимъ всѣ дѣла, кромѣ уголовныхъ, которыя должны быть разбираемы русскимъ военнымъ судомъ, для чего преступниковъ отправлять къ начальству *).

6) Предоставляется Асланъ-хану къ Кюринскомъ ханствѣ постановить наибомъ сына своего, или кого заблагоразсудитъ; но отнюдь не соединять обоихъ ханствъ вмѣстѣ, а каждымъ управлять особо **).

7) Количество ежегодной дани положено опредѣлить по разсмотрѣніи, сколько жители ханства могутъ платить безъ отягощенія. Дань эта впослѣдствіи опредѣлена въ 3000 руб. сер.

По принятіи Асланъ-ханомъ присяги въ вѣрности по новому назначенію и по подписи имъ трактата, объявлено о пожалованіи ему чина генералъ-маіора. Въ слѣдующемъ году ему Высочайше пожалованы инвеститурная грамота, знамя съ россійскимъ гербомъ и драгоцѣнная сабля.

Сурхай-ханъ, проживая въ Персіи, не переставалъ ходатайствовать у персидскаго правительства о пособіи ему войсками и деньгами, для возвращенія утеряннаго имъ владѣнія. Въ іюлѣ

---

*) Этотъ пунктъ трактата на практикѣ никогда не исполнялся. Ханъ по управленію народомъ дѣлалъ что хотѣлъ и безнаказанно увѣчилъ и казнилъ смертію, кого находилъ того достойнымъ.

**) Этотъ пунктъ постановленъ въ тѣхъ видахъ, чтобы, въ случаѣ измѣны хана, раздѣлить силы обоихъ владѣній.

1826 года, онъ, пользуясь вторженіемъ персіанъ въ Грузію, успѣлъ пробраться въ Шемаху, и потомъ чрезъ Казикумухъ въ Согратль, стараясь привлечь къ себѣ казикумухцевъ и возбудить ихъ противъ Асланъ-хана и русскаго правительства, и въ тоже время отправилъ сына своего Нухъ-бека въ Константинополь искать помощи у турокъ. Но всѣ его попытки остались безъ успѣха, и въ 1827 году онъ умеръ въ Согратлѣ, на 83 году отъ роду, приказавъ похоронить себя на купленномъ имъ для этого участкѣ земли. Незадолго до его смерти Асланъ-ханъ предлагалъ ему помириться съ нимъ и переѣхать жить въ Казикумухъ; но Сурхай-ханъ отвергъ это предложеніе. Въ слѣдующемъ году умеръ и Нухъ-бекъ въ Турціи.

По сказанію знавшихъ Сурхай-хана, онъ былъ большаго роста, видъ имѣлъ, въ особенности подъ старость, грозный, отличался большою ученостью, въ мусульманскомъ духѣ, и славился какъ безпристрастный и справедливый судья.

Асланъ-ханъ переѣхалъ на житье въ Казикумухъ тотчасъ по занятіи его княземъ Мадатовымъ, а управленіе Кюринскимъ ханствомъ поручилъ племяннику своему Гарунъ-беку, третьему сыну Таиръ-бека, исполнявшему безпрекословно всѣ требованія хана, который въ особенно-важныхъ случаяхъ самъ пріѣзжалъ въ Кюру для личныхъ распоряженій.

Въ 1824 году, вслѣдствіе ученія о мюридизмѣ, распространяемаго ярагскимъ муллою Магомедомъ, жители какъ этого селенія, такъ и нѣсколькихъ сосѣднихъ, начали ходить по окрестностямъ съ шашками, объявляя газаватъ. Генералъ Ермоловъ, узнавъ объ этихъ безпорядкахъ, вытребовалъ къ себѣ въ Кубу Асланъ-хана и приказалъ ему принять мѣры къ прекращенію ихъ. Асланъ-ханъ, пріѣхавъ въ Касумъ-Кентъ, призвалъ Муллу-Магомеда съ послѣдователями, но ограничился тѣмъ, что поколотилъ Муллу, у котораго на другой день просилъ въ этомъ извиненія, запретилъ распространять новое ученіе въ своихъ владѣніяхъ и донесъ генералу Ермолову, что имъ возстановленъ въ Кюрѣ полный порядокъ. Такія распоряженія послужили только къ большему развитію ученія Муллы-Магомеда, и когда, въ 1825 г., генералъ Ермоловъ потребовалъ отъ Асланъ-хана арестовать Муллу-Магомеда и доставить его въ Тифлисъ, то хотя онъ и былъ арестованъ, но вслѣдъ затѣмъ, съ согласія Асланъ-хана, отпущенъ изъ Кураха въ Вольную Табасарань, откуда въ 1826 году возвратился въ Ярагъ, а въ 1830 г., при новомъ настоя-

тельномъ требованіи о выдачѣ его, успѣлъ, при помощи хана, уйти въ Аварію.

Подобною добросовѣстностью отличались и другія дѣйствія Асланъ-хана, старавшагося, при случаѣ, показать свое содѣйствіе нашей власти къ прекращенію безпорядковъ, возникшихъ вслѣдствіе развитія мюридизма, и въ тоже время тайно содѣйствовавшаго Кази-Муллѣ и Гамзатъ-беку.

Такъ, въ 1829 году, люди, посланные Кази-Муллою въ Кубу, были ограблены кюринцами; Асланъ-ханъ, узнавъ объ этомъ, отыскалъ виновыхъ, строго наказалъ ихъ и возвратилъ Кази-Муллѣ взысканныя съ нихъ за ограбленныя вещи деньги, при извинительномъ письмѣ.

Въ 1830 году онъ ходатайствовалъ объ освобожденіи Гамзатъ-бека, заарестованнаго, какъ мятежника, послѣ неудачнаго его похода въ нынѣшній Закатальскій округъ. Ходатайство это было уважено, съ тѣмъ, чтобы въ Тифлисъ былъ доставленъ аманатомъ племянникъ Гамзатъ-бека, который вскорѣ по освобожденіи Гамзатъ-бека бѣжалъ, но на перевалѣ чрезъ главный хребетъ погибъ отъ холода и мятели.

Асланъ-ханъ, ненавидѣвшій семейство аварскихъ хановъ, вслѣдствіе обиды, нанесенной ему отказомъ въ выдачѣ замужъ дочери ханши Паху-бике, Султанаты, за сына его, Магомедъ-Мирзу, и расчитывая получить въ управленіе Аварію, по истребленіи аварскихъ хановъ,—воспользовался пребываніемъ Гамзатъ-бека въ Казикумухѣ, чтобы возбудить въ немъ желаніе во что бы ни стало исполнить это намѣреніе. Старанія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Гамзатъ-бекъ, сдѣлавшись послѣ Кази-Муллы имамомъ, въ августѣ 1834 года истребилъ аварскихъ хановъ, за что получилъ отъ Асланъ-хана, тайно, особую благодарность, подарокъ и обѣщаніе въ помощи при дальнѣйшихъ его предпріятіяхъ.

Асланъ-ханъ, назначенный главнокомандующимъ по смерти аварскихъ хановъ управлять и Аваріей, послалъ въ Хунзакъ племянника своего, Гаджи-Ягья, втораго сына Таиръ-бека, отличавшагося особою приверженностью къ мюридизму.

17-го апрѣля 1836 года Асланъ-ханъ умеръ въ Казикумухѣ, послѣ непродолжительной болѣзни. Послѣ него остались два сына—маіоръ Нуцалъ-Ага и поручикъ Магомедъ-Мирза, оба слабые здоровьемъ и не отличавшіеся особыми способностями,—и жена, Умми-Гюльсумъ-бике, дочь Сеидъ-бека, брата Сурхай-хана-Кунъ-

Буттая, женщина весьма умная и имѣвшая большое вліяніе на казикумухцевъ.

IV.

Нуцалъ-ханъ. Магомедъ-Мирза-ханъ. Умми-Гюльсумъ-бике. Махмудъ-бекъ. Безпорядки въ Казикумухѣ. Занятіе его Шамилемъ. Гаджи-Ягья. Изгнаніе Шамиля изъ Казикумуха полковникомъ княземъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ. Абдулъ-Рахманъ-бекъ. Гарунъ-бекъ. Назначеніе ханомъ казикумухскимъ Агаларъ-бека, а кюринскимъ Юсуфъ-бека. Упраздненіе ханской власти и образованіе изъ обоихъ ханствъ округовъ.

По смерти Асланъ-хана, командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и главноуправляющій гражданскою частью, генералъ-адъютантъ баронъ Розенъ назначилъ ханомъ казикумухскимъ и кюринскимъ и управляющимъ Аваріею маіора Нуцалъ-Агу, предоставивъ ему всѣ тѣ права, которыми пользовался отецъ его; при этомъ онъ произведенъ въ полковники.

Для управленія Аваріей Нуцалъ-ханъ послалъ въ Хунзакъ, вмѣсто Гаджи-Ягья, брата своего Магомедъ-Мирзу; этимъ и ограничилась вся его дѣятельность, какъ правителя. 20-го августа 1836 года онъ умеръ, послѣ краткой болѣзни.

По смерти Нуцалъ-хана изъ сыновей Асланъ-хана оставался только поручикъ Магомедъ-Мирза, слабый здоровьемъ и характеромъ и потому малоспособный къ управленію такимъ народомъ, какъ казикумухцы; однако эти обстоятельства не помѣшали генералу барону Розену назначить его ханомъ, въ тѣхъ видахъ, что казикумухцы заявляли особую приверженность къ нему, какъ сыну Асланъ-хана. Вскорѣ по его назначеніи, слѣдующее происшествіе весьма возвысило его въ глазахъ народа и заставило враждебныя ему партіи быть осторожнѣе въ своихъ замыслахъ противъ него. Еще Асланъ-ханъ нѣсколько разъ выражалъ жела-

ніе отомстить племяннику Сурхай-хана Гарунъ-беку, за участіе въ убійствѣ Муртузали-бека, но не успѣлъ этого исполнить, потому что Гарунъ-бекъ скрывался въ дальнихъ Рутульскихъ селеніяхъ и появился въ Казикумухъ только на поминкахъ по Асланъ-ханѣ; но Нуцалъ-ханъ приказалъ не трогать его. Это обстоятельство, а также и надежда на поддержку своей многочисленной родни, дали Гарунъ беку поводъ пріѣхать въ Казикумухъ, и на поминки по Нуцалъ-ханѣ. Прибывъ въ Казикумухъ, Гарунъ-бекъ отправился къ Магомедъ-Мирза-хану, чтобы выразить свое сожалѣніе о смерти его брата. Ханъ, обѣдавшій въ это время съ Ахмедъ-ханомъ мехтулинскимъ, едва только увидѣлъ вошедшаго Гарунъ-бека, какъ велѣлъ своимъ нукерамъ отрубить ему голову, что и было ими немедленно исполнено.

При назначеніи ханомъ, Магомедъ-Мирза, по примѣру его предшественниковъ, произведенъ въ полковники и получилъ инвеститурную грамоту.

При отъѣздѣ изъ Хунзака, Магомедъ-Мирза-ханъ не оставилъ никого для управленія Аваріей и только по настоятельной просьбѣ аварцевъ отправилъ къ нимъ Гаджи-Ягья, съ нѣсколькими всадниками казикумухской милиціи. Начальство, имѣя въ виду доставить Магомедъ-Мирза-хану большее значеніе въ глазахъ аварцевъ, предложило ему жениться на вдовѣ Нуцалъ-хана аварскаго Гейбатъ-бике, на что она была согласна; но онъ не только отклонилъ это предложеніе, видя нерасположеніе къ себѣ аварцевъ и не желая противодѣйствовать проискамъ Ахмедъ-хана мехтулинскаго, а просилъ, въ октябрѣ 1836 года, освободить его отъ управленія Аваріею, ссылаясь на слабость здоровья; просьба эта была уважена и Ахмедъ-ханъ назначенъ на его мѣсто.

Въ 1837 году Магомедъ-Мирза-ханъ принялъ, съ казикумухской милиціей, дѣятельное участіе въ аварской экспедиціи, и 7 іюля въ его лагерь, по условію съ начальникомъ отряда, генераломъ Фезе, явился Шамиль для принятія присяги, на коранѣ, въ томъ, что болѣе не будетъ возбуждать горцевъ къ войнѣ съ русскими.

Въ октябрѣ 1838 года Магомедъ-Мирза-ханъ отправился въ Курахъ для личнаго наблюденія за сборомъ кюринской милиціи, предназначавшейся для дѣйствій противу ахтинцевъ и рутульцевъ, возмущенныхъ Мустафою-Магомедомъ, выдававшимъ себя за сына шекинскаго хана, умершаго въ Персіи. Поѣздка эта окончательно разстроила его здоровье, и онъ, слабѣя день ото дня, 15-го

октября умеръ въ Курахѣ,—что и дало поводъ къ распространенію въ народѣ слуховъ, будто-бы Асланъ-ханъ, Магомедъ-Мирза-ханъ и Нуцалъ-ханъ были отравлены медленнымъ ядомъ, въ чемъ подозрѣвались родственники ихъ, добивавшіеся ханскаго достоинства.

Изъ семейства Асланъ-хана остались въ живыхъ только жена его Умми-Гюльсумъ-бике и малолѣтняя внучка Шамай-бике, дочь Нуцалъ-хана. Изъ числа-же его племянниковъ, имѣвшихъ претензію на ханское достоинство, замѣчательны были только Абдулъ-Рахманъ-бекъ, сынъ Омаръ-бека, и Гарунъ-бекъ, постоянно, со времени Асланъ-хана, управлявшій Кюринскимъ ханствомъ; остальные не имѣли особаго значенія и вліянія въ Казикумухѣ, по своей бѣдности или малолѣтству. Большинство-же народа было расположено только въ пользу Умми-Гюльсумъ-бике. Корпусный командиръ, генералъ Головинъ, желая воспользоваться этими обстоятельствами для присоединенія Елисуйскихъ владѣній къ Джаробелоканской области и для окончательнаго разъединенія Казикумухскаго и Кюринскаго ханствъ, предложилъ бывшему въ то время владѣтелемъ еллисуйскимъ, маіору Даніель-султану, какъ племяннику Асланъ-хана по женской линіи (мать султана, Туту-бике, была родная сестра Асланъ-хана), принять въ свое управленіе Казикумухское ханство, съ тѣмъ чтобы изъ Елису было образовано особое приставство, съ присоединеніемъ къ Джаробелоканской области, и чтобы кюринскій наибъ Гарунъ-бекъ во всемъ подчинялся военно-окружному начальнику въ Дагестанѣ. Даніель-султанъ отказался отъ этого предложенія, ссылаясь на нежеланіе свое оставить родовыя владѣнія и дѣйствовать противу интересовъ Умми-Гюльсумъ-бике, прибавивъ при этомъ, «что ему извѣстно, что большая часть казикумухцевъ поклялась никому не служить, кромѣ старой ханши.»

Въ это время всѣ члены казикумухской ханской фамиліи, кромѣ Таиръ-бека, разными происками старались попасть въ ханы, для чего каждый составлялъ себѣ особую партію. Безпорядки въ Казикумухѣ дошли до того, что Умми-Гюльсумъ-бике, съ племянникомъ Махмудъ-бекомъ, сыномъ Таиръ-бека, и съ тремя-стами преданными ей нукерами, опасаясь насилія со стороны претендентовъ, должна была запереться въ ханскомъ замкѣ; но вскорѣ, убѣдясь, что большинство народа сочувствуетъ ея интересамъ, распустила стражу.

Генералъ Головинъ, заключивъ изъ этихъ обстоятельствъ объ особой преданности народа къ Умми-Гюльсумъ-бике, назна-

чилъ ее правительницею, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы оба владѣнія, подъ общимъ только названіемъ ханства Казикумухскаго и Кюринскаго, какъ это было и прежде, управлялись каждое особо и совершенно независимо одно отъ другаго. Правителемъ кюринскимъ утвержденъ Гарунъ-бекъ. Въ помощь къ Умми-Гюльсумъ-бике назначенъ, согласно ея желанію, Махмудъ-бекъ; но при этомъ не были опредѣлены положительно права его.

Абдулъ-Рахманъ-бекъ и Гаджи-Ягья остались весьма недовольны этимъ распоряженіемъ; послѣдній отправился въ сел. Типпигъ, Агулъ-Кошанскаго магала, требовалъ отъ жителей присяги на вѣрность, хотѣлъ ввести шаріатъ и заставлялъ всѣхъ молиться съ нимъ въ мечети; но вскорѣ братья его, Баширъ-бекъ и Юсуфъ-бекъ, заставили его возвратиться въ Казикумухъ, гдѣ маіоръ Коргановъ, посланный туда корпуснымъ командиромъ для наблюденія за ходомъ дѣлъ, взялъ съ него клятву, что онъ будетъ жить спокойно и никуда не уѣдетъ, въ чемъ поручились за него отецъ его Таиръ-бекъ и братъ Махмудъ-бекъ.

Абдулъ-Рахманъ-бекъ за произведенные имъ безпорядки былъ вызванъ въ Дербентъ и ему приказано жить въ селеніи Зухулъ, подъ надзоромъ военно-окружнаго начальника.

Ханша Умми-Гюльсумъ-бике вела совершенно отшельническую жизнь, почти никого не принимала и занималась только оплакиваніемъ мужа и сыновей, предоставивъ остальное племяннику Махмудъ-беку; но онъ, не имѣя ни власти, ни значенія, не могъ ничего сдѣлать—его рѣшительно никто не хотѣлъ слушать. Слѣдствіемъ всего этого былъ полнѣйшій безпорядокъ; жители не хотѣли даже слушать своихъ старшинъ. Видя это, ханша Умми-Гюльсумъ-бике заявила маіору Корганову о желаніи своемъ отказаться отъ управленія ханствомъ и просить о назначеніи вмѣсто нея Абдулъ-Рахманъ-бека; послѣднюю мысль внушила ей сестра ея Рогоятъ-бике, мать Абдулъ-Рахманъ-бека, не смотря на то, что другой сынъ ея, Абдулла-бекъ, при смерти Магомедъ-Мирза-хана покушался разграбить ханское имущество, а мужъ ея Омаръ-бекъ былъ постоянно въ главѣ партій, дѣйствовавшихъ противъ Умми-Гюльсумъ-бике. Но маіоръ Коргановъ успѣлъ отговорить ханшу отъ этого намѣренія, убѣдивъ ее, что новый ханъ, по примѣру своихъ предшественниковъ и по заведенному изстари порядку въ Дагестанѣ, не упуститъ случая, пользуясь своими правами, отобрать отъ нея все ея имущество и она на старости лѣтъ останется въ самомъ плачевномъ положеніи. По-

этому Умми-Гюльсумъ-бике ограничилась только просьбою къ корпусному командиру о дозволенiи Абдулъ-Рахманъ-беку возвратиться на житье въ Казикумухъ. Но онъ не дождался этого разрѣшенія и въ октябрѣ 1840 года самовольно уѣхалъ изъ Зухула въ Казикумухъ, по случаю смерти жены, и, тайно поддерживаемый ханшею, не хотѣлъ оттуда выѣзжать, не смотря на неоднократныя требованія военно-окружнаго въ Дагестанѣ начальника и корпуснаго командира. Въ короткое время онъ успѣлъ составить себѣ сильную партію и началъ преслѣдовать лучшихъ нукеровъ хана, сохранявшихъ полнѣйшую преданность и ханшѣ. Въ мартѣ 1841 года Умми-Гюльсумъ-бике опасно заболѣла. Абдулъ-Рахманъ-бекъ, расчитывая, что она умретъ, занялъ своими нукерами ворота ханскаго дома и поставилъ караулъ съ ханскому имуществу,—но предположенія его не оправдались: Умми-Гюльсумъ-бике скоро выздоровѣла, и хотя Абдулъ-Рахманъ-бекъ увѣрялъ ее, что явился къ ней въ домъ, только для того, чтобы узнать о ея здоровьи и позаботиться о ней, она настоятельно требовала, чтобы онъ ѣхалъ въ Тифлисъ, что онъ и исполнилъ.

Въ это-же время Гаджи-Ягья, не надѣясь на поддержку въ Казикумухѣ, уѣхалъ тайно оттуда и разъѣзжая по Верхнему Кайтагу и Вольной Табасарани уговаривалъ жителей принять его сторону и идти съ нимъ въ Казикумухъ; не найдя однако въ нихъ никакого сочувствія, онъ бѣжалъ къ Шамилю.

Съ начала 1842 года до корпуснаго командира стали доходить свѣдѣнія, что многіе изъ членовъ казикумухской ханской фамиліи, въ особенности сыновья Таиръ-бека, постоянно ведутъ переговоры съ Шамилемъ, чрезъ Гаджи-Ягью, и выжидаютъ случая прибѣгнуть къ его помощи. Слухи объ этомъ постоянно подтверждались и потому генералъ Головинъ рѣшился удалить отъ всякаго участія въ управленіи Казикумухскимъ ханствомъ Махмудъ-бека, назначивъ управляющимъ Абдулъ-Рахманъ-бека, успѣвшаго въ Тифлисѣ оправдать прежнее свое поведеніе и выказать особую преданность нашему правительству. Въ этомъ назначеніи представлялась еще та выгода, что Абдулъ-Рахманъ-бекъ, какъ непримиримый врагъ всему роду дяди своего Таиръ-бека, постарался-бы, изъ личныхъ видовъ, разрушить всѣ замыслы сыновей Таиръ-бека. Назначеніе это не успѣло еще состояться окончательно, какъ въ Казикумухѣ появился Шамиль.

Еще съ того времени, когда Умми-Гюльсумъ-бике, въ первый разъ, просила о возвращеніи Абдулъ-Рахманъ-бека въ Кази-

кумухъ, Махмудъ-бекъ началъ сомнѣваться въ расположеніи къ нему ханши и, не желая лишиться даже той власти надъ народомъ, которою онъ пользовался номинально, вступилъ, чрезъ брата своего Гаджи-Ягью, въ переговоры съ Шамилемъ, при посредствѣ котораго расчитывалъ сдѣлаться полновластнымъ и самостоятельнымъ ханомъ. Когда-же было получено извѣстіе о предстоящемъ назначеніи Абдулъ-Рахманъ-бека, то Махмудъ-бекъ рѣшился не терять времени и послалъ просить Шамиля прійти съ мюридами какъ можно скорѣе въ Казикумухъ, ручаясь, что жители не окажутъ ему никакого сопротивленія.

Въ это время дагестанскій отрядъ генерала Фезе, бывшій въ Андалалѣ, двинулся къ Унцукулю; для наблюденія-же за скопищемъ Шамиля и для защиты отъ его покушеній Казикумуха оставленъ подполковникъ Снаксаревъ, съ милиціями Самурскаго округа, кюринскою и казикумухскою. Едва отрядъ генерала Фезе прибылъ въ Хунзакъ, Шамиль появился съ значительнымъ скопищемъ въ Андалалѣ и угрожалъ Казикумуху, не предпринимая однако ничего рѣшительнаго, изъ опасенія милиціи, подъ командою подполковника Снаксарева, и, вскорѣ, распустивъ по домамъ горцевъ, самъ уѣхалъ въ Гидатль.

Снаксаревъ, убѣжденный находившимся при немъ правителемъ Кюры Гарунъ-бекомъ, что всякая опасность миновала, распустилъ почти всю бывшую при немъ милицію по домамъ. Когда Шамиль получилъ объ этомъ свѣдѣніе, то, собравъ въ короткое время до 5000 горцевъ, чрезъ Карахъ двинулся къ Казикумуху и 18-го марта занялъ безпрепятственно селеніе Бухти; бывшіе съ этомъ селеніи 70 человѣкъ кюринской милиціи бѣжали, но большая часть ихъ перешла къ Шамилю, который для овладѣнія сосѣдними казикумухскими селеніями послалъ Гаджи-Ягью. 19-го марта всѣ селенія, находящіяся къ сѣверу отъ Казикумуха, охотно приняли Гаджи-Ягью, а жители ихъ присоединились къ сборищу Шамиля. Подполковникъ Снаксаревъ успѣлъ наскоро собрать до 3000 человѣкъ казикумухцевъ; къ нему также успѣлъ прискакать Гарунъ-бекъ съ 300 кюринцевъ. Съ этими милиціями Снаксаревъ рѣшился встрѣтить Шамиля и защищаться на горѣ Каруна-Баку, командующей Казикумухомъ съ сѣвера.

21-го марта, утромъ, Шамиль подошелъ къ Казикумуху; милиція Снаксарева разбѣжалась послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, а онъ самъ, съ бывшими при немъ казаками и самурскими нукерами, успѣлъ занять ханскій замокъ, находящійся на отдѣльномъ

возвышеніи внѣ селенія. Тамъ-же помѣстились адъютантъ генерала Фезе, прапорщикъ князь Орбеліани, только что пріѣхавшій въ Казикумухъ съ 24 нукерами Ахмедъ-хана Мехтулинскаго, Махмудъ-бекъ и Гарунъ-бекъ, съ нюрницами. Ханша Умми-Гюльсумъ-бике хотѣла бѣжать, но Снаксаревъ ее задержалъ; успѣли уйти только сыновья Омаръ-бека—Агаларъ и Абдулла.

Въ ханскомъ замкѣ оказалось много всякаго рода запасовъ и, по крѣпости, онъ представлялъ довольно надежное убѣжище; подполковникъ Снаксаревъ рѣшился защищаться въ немъ, надѣясь, что ему удастся продержаться до прибытія на выручку нашихъ войскъ.

Шамиль, занявъ селеніе Казикумухъ, послалъ отборныхъ мюридовъ овладѣть замкомъ; но всѣ ихъ аттаки были отбиты и къ вечеру они отступили, понеся значительную потерю. Махмудъ-бекъ и Гарунъ-бекъ предложили подполковнику Снаксареву воспользоваться этимъ успѣхомъ и вступить съ Шамилемъ въ переговоры; но когда онъ на это не согласился, то Гарунъ-бекъ отдалъ приказаніе своимъ людямъ, чтобы они болѣе не смѣли стрѣлять въ мюридовъ. Самурскіе нукеры, видя измѣну, совѣтовали Снаксареву и всѣмъ русскимъ бѣжать съ ними ночью, ручаясь, что они проведутъ всѣхъ безопасно; но Гарунъ-бекъ, узнавъ объ этомъ намѣреніи, занялъ ворота замка и объявилъ, что до утра никого не выпуститъ.

Утромъ 22-го марта Махмудъ-бекъ и Гарунъ-бекъ ушли къ Шамилю, котораго увѣряли, что вчера не дрались противъ него и въ доказательство своихъ словъ предложили ему занять замокъ мюридами. Скоро огромная толпа, предводимая беками, двинулась къ замку, а нукеры Гарунъ-бека отворили ворота. Подполковникъ Снаксаревъ, не видя никакой возможности защищаться съ успѣхомъ, сдался. Его, прапорщика князя Орбеліани и казаковъ Шамиль объявилъ плѣнными и тотчасъ-же отправилъ въ горы; всѣмъ нукерамъ Ахмедъ-хана Мехтулинскаго, къ которому имѣлъ особую ненависть, приказалъ отрубить головы, а самурскихъ нукеровъ, обобравъ донага, отпустилъ домой.

Движеніе дагестанскаго отряда генерала Фезе къ Тилитлю заставило Шамиля спѣшить на помощь къ этому селенію, и потому онъ, поручивъ управленіе ханствомъ Таиръ-беку и Гаджи-Ягьѣ, назначенному наибомъ, выступилъ изъ Казикумуха, оставивъ въ немъ часть мюридовъ.

Гарунъ-бека Шамиль отпустилъ въ Курахъ, взявъ въ ама-

наты сына его Аббасъ-бека. Махмудъ-бека послалъ въ Кюринское ханство для наблюденія за движеніями самурскаго отряда и для возбужденія жителей къ возстанію. Омаръ-бекъ и ханша Умми-Гюльсумъ-бике отправлены подъ конвоемъ въ Дарго; но на пути, жители Чоха, остававшіеся еще вѣрными, отбили ханшу и она возвратилась въ Казикумухъ.

По удаленіи Шамиля, Гаджи-Ягья собралъ казикумухцевъ и двинулся къ Кураху, убѣждая кюринцевъ присоединиться къ нему; но они отказались, потому что въ это время уже приближался въ Кураху отрядъ полковника Заливкина—и Гаджи-Ягья отступилъ, чтобы получить подкрѣпленія изъ Казикумуха, Караха и Андалала; скоро его скопище достигло до 4000 человѣкъ, съ коими онъ и рѣшился напасть на авангардъ отряда.

Полковникъ Заливкинъ, прибывъ въ Курахъ, вытребовалъ къ себѣ Гарунъ-бека и отправилъ его въ Тифлисъ; управленіе Кюринскимъ ханствомъ поручено брату его Юсуфъ-беку.

По полученіи извѣстій о происшествіяхъ въ Казикумухѣ, корпусный командиръ счелъ нужнымъ направить изъ Закавказья 4 баталіона, которые прибыли въ Кубу во второй половинѣ апрѣля и поступили подъ начальство полковника князя Аргутинскаго, которому поручено водворить порядокъ въ Казикумухѣ.

Полковникъ Заливкинъ, въ ожиданіи прибытія этого отряда, счелъ нужнымъ заранѣе обезпечить удобнѣйшій путь къ Казикумуху, по Курахскому ущелью, и для этого расположилъ свой отрядъ частями отъ Кураха до Ричи; въ послѣднемъ селеніи, подъ начальствомъ капитана князя Орбеліани, находились двѣ роты (1 Кавказскаго сапернаго баталіона и 1 Ширванскаго полка), одно горное орудіе, $^1/_2$ сотни казаковъ и 3 сотни кюринской милиціи.

На разсвѣтѣ 1-го мая Гаджи-Ягья появился на ричинскихъ высотахъ; кюринская милиція, бывшая при авангардѣ князя Орбеліани, бѣжала безъ выстрѣла; вслѣдъ за тѣмъ Гаджи-Ягья повелъ свои толпы въ аттаку, но она и послѣдующія двѣ были мужественно отбиты—и горцы, потерявъ около 300 человѣкъ, поспѣшно отступили къ Хозреку.

8-го мая князь Аргутинскій прибылъ въ Ричу, куда собралось 4 баталіона, дивизіонъ горной артиллеріи и нѣсколько сотенъ елисуйской милиціи, приведенной Даніель-Султаномъ.

Гаджи-Ягья, не смотря на неудачу, претерпѣнную имъ при Ричѣ, рѣшился защищать доступъ къ Казикумуху и сильно занялъ сел. Шаукулъ (на картахъ Шуарклю), въ 5 верстахъ вы-

ше Казикумуха. 12-го мая князь Аргутинскій подошелъ къ этому селенію и взялъ его, а горцы бѣжали; въ этотъ-же день отрядъ занялъ Казикумухъ. Гаджи-Ягья ушелъ къ Шамилю, который, узнавъ о занятіи Казикумуха нашими войсками, началъ немедленно собирать горцевъ, чтобы попытаться снова завладѣть этимъ весьма важнымъ для него пунктомъ.

25-го мая Шамиль появился надъ Казикумухомъ съ 5000 горцевъ, занялъ частью своего скопища сел. Хунчукатъ, а другую, большую часть, отправилъ для занятія сел. Кулль (на картахъ Кюлюли), куда стали вскорѣ собираться и казикумухцы, боявшіеся разоренія своихъ домовъ и увода въ горы семействъ, если не будутъ помогать Шамилю.

2-го іюня князь Аргутинскій одержалъ надъ Шамилемъ знаменитую кюлюлинскую побѣду и заставилъ его совершенно очистить ханство. Съ водвореніемъ порядка возникъ вопросъ, какъ устроить управленіе Казикумухомъ, чтобы избѣжать на будущее время безпорядковъ, подобныхъ минувшимъ.

Корпусный командиръ, не видя возможности держать постоянно въ Казикумухѣ достаточное число войскъ, считалъ неудобнымъ уничтожить совершенно ханское достоинство и потому оставилъ въ полной силѣ свое прежнее распоряженіе, т. е. управленіе ханствомъ поручилъ Абдулъ-Рахманъ-беку, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ханши Умми-Гюльсумъ-бике.

Абдулъ-Рахманъ-беку предоставлены были почти всѣ права ханской власти; онъ былъ ограниченъ только въ рѣшеніи дѣлъ особой важности, которыя долженъ былъ рѣшать, по совѣщаніи съ кадіемъ и двумя старшинами, изъ особо-вліятельныхъ узденей *), преданныхъ правительству.

Управляющимъ Кюринскимъ ханствомъ оставленъ Юсуфъ-бекъ, но безъ подчиненія Абдулъ-Рахманъ-беку и совершенно отъ него независимо. Главный-же надзоръ за обоими ханствами возложенъ на начальника войскъ, расположенныхъ въ нихъ для ихъ защиты и сохраненія въ нихъ порядка.

Въ 1843 году, близь аула Хуръ, противъ Казикумуха, заложено укрѣпленіе Казикумухское на двѣ роты, впослѣдствіи обращенное въ штабъ-квартиру линейнаго баталіона.

Абдулъ-Рахманъ-бекъ, вступивъ въ управленіе ханствомъ,

---

*) Кадію и диванъ-бекамъ изъ узденей назначено жалованье по 300 р. въ годъ каждому, изъ податныхъ денегъ ханства.

для увеличенія своего значенія въ народѣ женился на внучкѣ Асланъ-хана, Шамаи-бике, дочери Нуцалъ-хана. Ханша Умми-Гульсумъ-бике, въ 1844 году, два раза ходатайствовала о пожалованіи Абдулъ-Рахманъ-беку Высочайшей грамоты на ханское достоинство, но оба раза ей было въ этомъ отказано, потому что скоро обнаружилась неспособность Абдулъ-Рахманъ-бека къ управленію. Онъ былъ корыстолюбивъ, невнимателенъ къ просьбамъ жителей и велъ постоянно нетрезвую жизнь. Страсть его къ спирту особенно усилилась послѣ тяжелой болѣзни, перенесенной имъ въ 1845 году,—вслѣдствіе чего явилось общее неудовольствіе на него жителей; поэтому главнокомандующій князь Воронцовъ нашелъ нужнымъ смѣнить Абдулъ-Рахманъ-бека, и 1-го сентября 1847 года, управленіе ханствомъ поручилъ брату его, ротмистру-гвардіи Агаларъ-беку, причемъ старая ханша Умми-Гюльсумъ-бике совершенно устранена отъ всякаго вмѣшательства въ управленіе. По особой инструкціи, ханскія права значительно были ограничены; но инструкція эта не всегда исполнялась въ точности.

Абдулъ-Рахманъ-бекъ былъ вытребованъ въ Тифлисъ, откуда его предполагалось отправить на жительство въ Ахалцихъ; но это не состоялось, потому что онъ умеръ 23-го апрѣля 1848 года; чрезъ годъ умерла въ Казикумухѣ и ханша Умми-Гюльсумъ-бике.

Агаларъ-ханъ умеръ лѣтомъ 1858 года, и управленіе ханствомъ поручено русскому штабъ-офицеру, а по покореніи Дагестана, образованъ особый Казикумухскій округъ.

Юсуфъ-бекъ управлялъ Кюринскимъ ханствомъ до 1847 года; въ этомъ году вмѣсто него былъ назначенъ опять Гарунъ-бекъ, успѣвшій загладить свои поступки при взятіи Казикумуха Шамилемъ въ 1842 году; но вскорѣ Гарунъ-бекъ умеръ (22 генваря 1848 г.), и правителемъ ханства снова назначенъ подполковникъ Юсуфъ-бекъ.

12-го октября 1859 года Юсуфъ-бекъ, произведенный въ 1856 г. въ генералъ-маіоры свиты Его Величества, пожалованъ въ ханское достоинство и управлялъ ханствомъ до 1864 года; въ этомъ году онъ отказался отъ управленія, и изъ ханства образованъ особый округъ—Кюринскій.

А. К.

24-го апрѣля 1869 года.
Дербентъ.

Приложеніе I.

Господину генералъ-маіору и кавалеру Хатунцову.

Препровождая при семъ къ вашему превосходительству Высочайше утвержденную грамоту, Всемилостивѣйше пожалованную кюринскому владѣльцу Аслану-хану, и знаки инвеституры, состоящіе въ знамени съ гербомъ Россійской Имперіи и саблѣ, я поручаю вамъ немедленно все сіе къ нему доставить, вмѣстѣ съ письмомъ моимъ, при семъ прилагаемымъ.

Высочайше-утвержденная грамота, знамя съ гербомъ Россійской Имперіи и сабля должны быть поднесены хану торжественно, со всѣми приличными почестями, слѣдующимъ образомъ:

Начальникъ гарнизона Кюринской крѣпости, коль скоро оные къ нему доставлены будутъ, долженъ тотчасъ увѣдомить Асланъ-хана о присылкѣ сихъ знаковъ Высочайшаго къ нему благоволенія Его Императорскаго Величества и просить его, чтобы онъ назначилъ день, въ который грамота имѣетъ быть поднесена ему торжественно. Между тѣмъ ханъ долженъ собрать къ себѣ сколько можетъ почетнѣйшихъ кюринскихъ старшинъ и въ назначенный день съ ними явиться въ избранное имъ самимъ публичное мѣсто, при собраніи народа. Тогда начальникъ гарнизона, при своей квартирѣ устроивъ воинскую команду изъ 100 человѣкъ рядовыхъ съ нужнымъ числомъ офицеровъ, самъ на богатой подушкѣ, которую нарочно при семъ посылаю, вынесетъ изъ своей квартиры Высочайшую грамоту, а за нимъ два оберъ-офицера должны нести—одинъ знамя съ гербомъ Имперіи распущенное, а другой саблю, лежащую въ открытомъ футлярѣ. При появленіи его воинская команда должна тотчасъ отдать слѣдующую честь при барабанномъ боѣ и съ музыкою, буде оная тамъ есть, а потомъ слѣдовать парадомъ также при барабанномъ боѣ за Высочайшею грамотою до публичнаго мѣста, гдѣ ханъ съ чиновниками своими и народомъ будетъ находиться. По приближеніи же къ хану, воинская команда станетъ во фронтъ. Въ тоже время начальникъ гарнизона, поднеся ему Высочайшую грамоту, скажетъ приличное привѣтствіе и вручитъ оную хану, который, принявъ оную, въ знакъ почтенія своего долженъ поцѣловать и потомъ отдать первому своему чиновнику; за симъ знамя и сабля

такимъ-же образомъ должны быть поднесены, приняты ханомъ и вручены его чиновникамъ. Между тѣмъ какъ сіе будетъ происходить, воинская команда сдѣлаетъ на караулъ и барабанный бой долженъ продолжаться при трехъ въ крѣпости пушечныхъ выстрѣлахъ. Послѣ сего ханскіе уже чиновники съ публичнаго мѣста понесутъ грамоту, знамя и саблю въ домъ хана, который съ русскими офицерами и своими чиновниками долженъ идти за ними, въ провожаніи всего собранія и воинской команды съ прежнею церемоніею. Въ домѣ-же своемъ ханъ, принявъ самъ отъ чиновниковъ своихъ сіи знаки Монаршей милости, положитъ оныя на приготовленныхъ нарочно для сего мѣстахъ. Послѣ чего воинская команда возвратится на мѣсто.

Церемоніалъ сей я полагаю нужнымъ для того, чтобы сіе произвело впечатлѣніе въ народѣ, который самъ увидитъ особенную милость Государя Императора къ ихъ хану и торжественное утвержденіе его владѣтелемъ надъ ними.

Генералъ-лейтенантъ Ртищевъ. № 281, 20 іюля 1812 года. Тифлисъ.

Приложеніе II.

Предписаніе генерала Ермолова жителямъ кубинскимъ, дербентскимъ и бакинскимъ, отъ 19 января 1820 г.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ:

Сурхай-ханъ Казикумухскій, скрывая измѣнническія и злодѣйскія свои намѣренія, доселѣ одними ложными внушеніями возмущалъ противъ Россійскаго Великаго Государя народы Дагестанскіе; наконецъ, нарушивъ данную на вѣрность и подданство присягу, собралъ шайку разбойниковъ, напалъ въ Чирахѣ на войска наши и въ тоже время отправилъ сына своего противъ насъ въ помощь акушинцамъ.

Въ наказаніе гнусной измѣны Чанки Хамбутая Казыкумыкскаго, священнымъ именемъ Великаго Россійскаго Императора въ достоинство казыкумыкскаго хана возводится полковникъ Асланъ,

ханъ кюринскій. Владѣніе сіе, похищенное у него злодѣяніями Чанки-Хамбутая, поручается ему въ управленіе за вѣрность и усердіе къ Его Императорскому Величеству.

Во всѣхъ областяхъ Россійскихъ и въ здѣшней странѣ воспрещается принимать жителей казыкумыкскихъ, которые не будутъ имѣть паспортовъ за печатью полковника Асланъ-хана. Войскамъ повелѣно преслѣдовать ихъ оружіемъ, какъ непріятелей. Генералъ Ермоловъ.

Приложеніе III.

Пѣсня про походъ Ермолова въ Акушу [1]) (въ декабрѣ 1819 года).

Ермоловъ и Шамхалъ ежемѣсячно сходились [2]) на границѣ Дарги [3]) и совѣтовались, какъ-бы покорить ее.

Примѣчанія. [1]) Пѣсня эта записана въ Кубачахъ; она поется также съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, по вдохновенію или желанію пѣвца, въ горномъ Кайтагѣ, Акушѣ и другихъ Даргинскихъ обществахъ.

[2]) Экспедиція въ Акушу была предпринята для наказанія акушинцевъ за участіе въ возмущеніи дагестанскихъ владѣтелей въ 1818 году. Предположеніе объ этой экспедиціи, возникшее въ этомъ-же году, сохранялось въ тайнѣ и акушинцамъ дозволялось, какъ и прежде, свободно торговать и пасти барановъ на плоскости (во владѣніи Тарковскомъ и Кайтагѣ).

Въ походѣ въ Акушу принялъ участіе шамхалъ Мехти-ханъ, съ своею милиціей.

[3]) *Дарга*, или правильнѣе *Даргуа*. Точное значеніе и происхожденіе этого слова неизвѣстно; оно употребляется въ смыслѣ: *«управленіе,» «владѣніе»* и прибавляется къ названію слѣдующихъ обществъ: *Акуша* Даргуа (Акуша значитъ—«главное мѣсто»), *«Варкунъ»* или *«Бурхунъ»* Даргуа, *«Каба»* Даргуа, *«Уцуми»* Даргуа, т. е. управленіе уцмія, — Кайтагъ. Отсюда произошли и наши названія: Даргинскій округъ, Даргинскія общества, племена и т. д.

Старшій сынъ, завѣдывающій въ домѣ всѣмъ хозяйствомъ, по порученію отца, въ Акушѣ и нѣкоторыхъ другихъ обществахъ, называется *«холалъ-даргуа.»* Холалъ значитъ «большой.»

*
* *

Тамъ, гдѣ ни курица, ни лисица, во всю свою жизнь, не могли-бы отыскать тропинки, чтобы пробраться въ Даргу,—Ермоловъ въ три часа нашелъ дорогу [1]).

*
* *

Ермоловъ, въ присутствіи государя, ѣлъ очень мало—какъ ручной ястребъ, а бросался на враговъ—какъ голодный и разъяренный левъ.

*
* *

Руками онъ дѣйствовалъ, подобно желѣзному молоту, ломающему камни.

*
* *

Когда Ермоловъ сидѣлъ, то всѣ беки предъ нимъ стояли, какъ солдаты.

*
* *

Ермоловъ, ты внезапно появился въ Даргѣ, съ повозками, наполненными серебромъ, и съ лошадьми, навьюченными сумками съ золотомъ.

*
* *

Какъ два противные вѣтра сталкиваются въ одномъ мѣстѣ и потомъ разлетаются, такъ точно и акушинцы, страшась сильнаго и храбраго Ермолова, узнавъ о его приближеніи, собрались въ одну кучу, а едва увидѣли его—разбѣжались въ разныя стороны.

*
* *

Какъ только Ермоловъ пришелъ въ Акушу, постарѣли и посѣдѣли отъ страха акушинскіе кадіи и старшины.

*
* *

Народная память сохранитъ славу объ Ермоловѣ до тѣхъ поръ, пока міръ не разрушится.

---

[1]) Акушинцы, узнавъ о движеніи нашего отряда, собрались въ значительномъ числѣ около сел. Лаваши и заняли находящееся немного ниже селенія самое узкое мѣсто ущелья, по которому пролегаетъ большая дорога въ Акушу. Генералъ Ермоловъ послалъ въ обходъ этой позиціи кавалерію генерала князя Мадатова, который, перейдя чрезъ довольно большой мѣловой хребетъ, появился въ тылу непріятеля, что весьма скоро рѣшило полную побѣду.

*
* *

Ермоловъ, не употребляя ни пороху, ни ружей, ни пушекъ, покорилъ нашу Даргу одной острой саблей.

*
* *

Ермоловъ! развѣ тебѣ не жаль было разорять нашу Даргу, видя слезы и слыша плачъ и рыданіе нашихъ бѣдныхъ женъ и дѣтей?

*
* *

Ты пріобрѣлъ въ Даргѣ и на всемъ Кавказѣ столь великую славу, какъ турецкій султанъ [5]).

*
* *

Ты такъ разорилъ насъ и навелъ столь великій и сильный страхъ на нашъ народъ, какъ персидскій шахъ [6]).

*
* *

Бѣдныхъ ты наградилъ деньгами, а голодныхъ накормилъ хлѣбомъ.

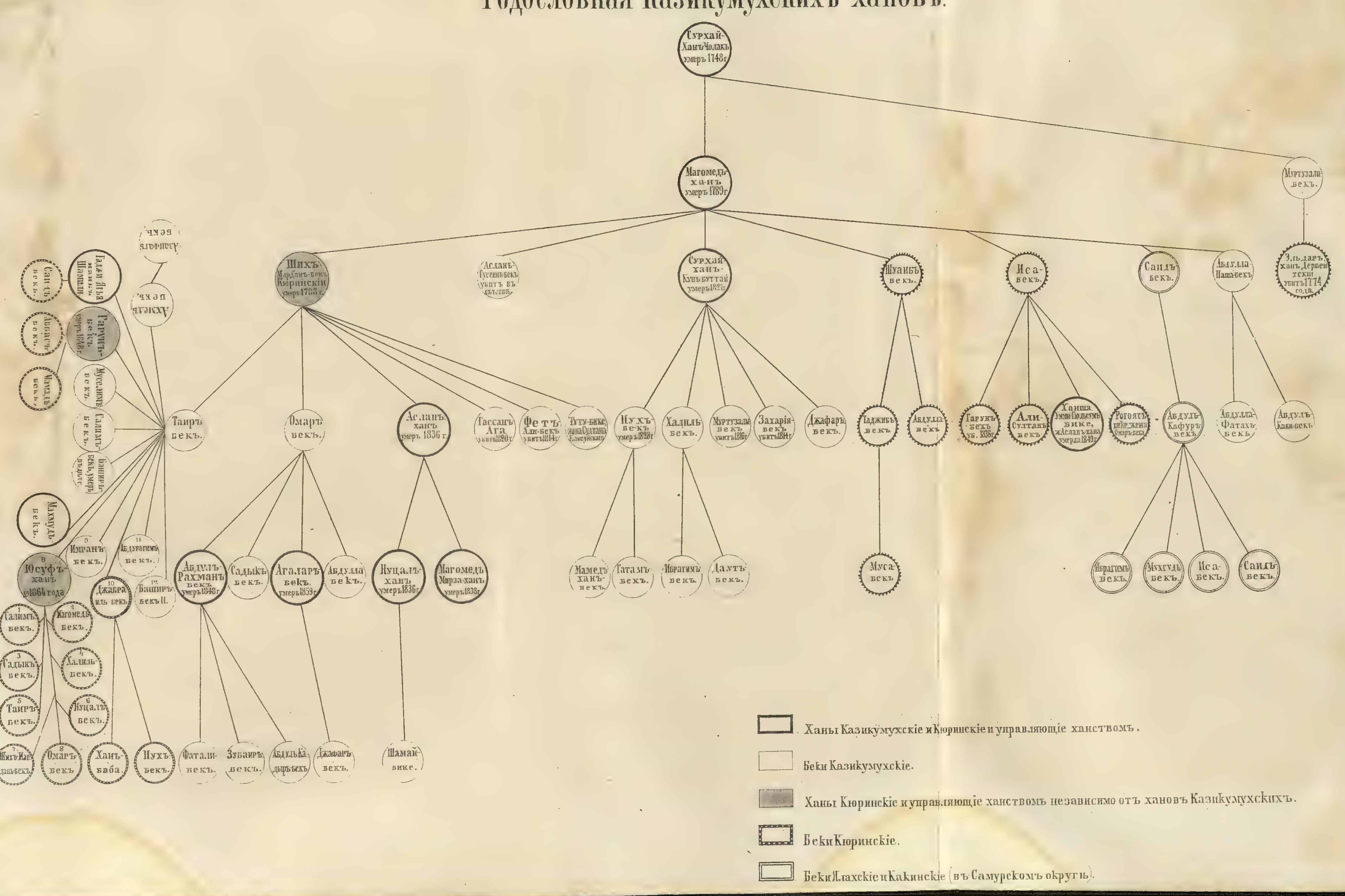
[5]) У всѣхъ горцевъ султанъ, или хункяръ (послѣдній титулъ чаще употребляется) пользуется особымъ уваженіемъ и почетомъ. Вотъ какъ онъ описывается въ одной горской рукописи:

«Онъ левъ высокой власти, солнце высокаго правительства, покровитель безпомощныхъ, убѣжище притѣсненныхъ и несчастныхъ. Онъ осыпанъ высокими качествами достоинства и доблестей; онъ рукоятка всѣхъ ищущихъ спасенія и защиты, спаситель погибающихъ, куполъ ислама, опора народовъ, успокоитель странъ и городовъ, исполнитель цѣлей и желаній людей благочестивыхъ, сламывающій шеи грѣшниковъ и повергающій къ землѣ головы гордецовъ и притѣснителей.

[6]) Шахъ Надиръ, который нѣсколько разъ разорялъ Кайтагъ и Акушу.

А. К.

Родословная Казикумухскихъ хановъ.

МЕХТУЛИНСКІЕ ХАНЫ *).

По преданію, свѣжо сохранившемуся въ народѣ, Мехтулинское ханство образовалось тому около 200 лѣтъ и получило названіе отъ основателя своего Мехти [1]), которому народъ добровольно отдался подъ управленіе.

Обстоятельства образованія ханства разсказываются такимъ образомъ:

Одинъ изъ членовъ казикумухскаго ханскаго дома, носившій означенное выше имя *Мехти* (съ прозвищемъ *Кара* (черный), отъ

*) Предлагаемая статья представляетъ извлеченіе изъ записки, которая составлена въ 1867 г. Временною Коммисіею, учрежденною для разбора сословныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ Сѣвернаго Дагестана. Записка эта имѣла назначеніемъ своимъ сгруппировать и представить данныя, помощію которыхъ можно было бы оцѣнить средства, получавшіяся съ Мехтулинскаго ханства гвардіи полковникомъ Решидъ-ханомъ, заявившимъ въ концѣ 1866 г. о желаніи своемъ отказаться за себя и за свое потомство (если оно будетъ у него) отъ всѣхъ правъ на тѣ обязательныя отношенія, какія имѣли къ нему мехтулинцы, и просившимъ о сложеніи съ него обязанностей правителя ханства. Вслѣдствіе такого заявленія со стороны полковника Решидъ-Хана, послѣдовало представленіе Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Арміею, удостоившееся въ маѣ 1867 года Высочайшаго Государя Императора утвержденія, на сложеніе съ Решидъ-Хана, согласно заявленному имъ желанію, обязанностей по управленію ханствомъ, на оставленіе за нимъ лично титула хана, на отмѣну всѣхъ повинностей и налоговъ, которые отбывали жители ханства какъ самому хану, такъ и членамъ мехтулинскаго ханскаго дома и на вознагражденіе мехтулинскаго хана за отошедшіе отъ него права и доходы единовременною выдачею ему 10 т. р. и увеличеніемъ получаемаго имъ, въ видѣ пожизненной пенсіи, содержанія въ 3 тыс. рублей еще на 1 тысячу р., независимо отъ жалованья по чину. Вмѣстѣ съ этимъ обезпечено положеніе и нѣкоторыхъ другихъ членовъ мехтулинскаго ханскаго дома.

Предлагаемая статья служитъ также пополненіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, заключающихся въ статьѣ „Шамхалы Тарковскіе" (I вып. Сборника) и взаимно поясняется этою послѣднею статьею.

[1]) Ханство именуется туземцами обыкновенно *Мехтулла*, что въ переводѣ означаетъ „Мехтіевское."

котораго преданіе именуетъ его *Кара-Мехти*), по неудовольствіямъ съ тамошнимъ ханомъ, удалившись изъ Кумуха, сталъ проживать попеременно въ разныхъ деревняхъ, сосѣдственныхъ къ населенію, составившему впослѣдствіи Мехтулинское ханство. Живя въ такомъ сосѣдствѣ, Кара-Мехти вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ этому населенію какъ человѣкъ, который способенъ удерживать принятое имъ подъ свое покровительство населеніе отъ внутреннихъ неурядицъ и ограждать отъ набѣговъ сосѣдей.

По этой молвѣ Кара-Мехти приглашенъ былъ сперва аймакинцами, а потомъ оглинцами, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свое покровительство. Примѣру этихъ селеній послѣдовали вскорѣ и общества другихъ одиннадцати селеній, жившихъ до того вольными, самостоятельными общинами,—и Кара-Мехти, принявъ ихъ въ свое вѣдѣніе, въ непродолжительное время пріобрѣлъ надъ всѣмъ отдавшимся ему народомъ власть правителя и военоначальника.

Первые годы управленія Кара-Мехти, все потребное на продовольствіе его и находившихся при немъ людей жители доставляли, по мѣрѣ надобности, разновременными добровольными сборами между собою, а потомъ, когда надобности эти опредѣлились на столько, что годовыя потребности на содержаніе правителя ихъ сдѣлались извѣстны, тогда часть селеній распредѣлила между собою удовлетвореніе нуждъ правителя въ видѣ опредѣленныхъ повинностей, а другія селенія, менѣе достаточныя, остались при одной обязанности выставлять по приказанію правителя вооруженныхъ людей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ предоставилъ Кара-Мехти въ пользованіе нѣкоторые участки общественныхъ земель и пастьбищныхъ горъ.

Послѣ Кара-Мехти власть и права, предоставленныя ему народомъ, переходили къ его потомкамъ, по праву старшинства въ родѣ. Эти послѣдніе успѣли значительно усилить и укрѣпить за собою эти права и, войдя въ родство съ домами шамхала и аварскихъ хановъ, начали сами именоваться ханами. Но кто именно первый наслѣдовалъ Мехти и сколько поколѣній прошло до того, пока достоинство владѣтеля досталось Ахмедъ-Хану-Аджи, —ни у старожиловъ, ни у нынѣшнихъ членовъ ханскаго дома никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній не сохранилось.

Современники-же Ахмедъ-Хана-Аджи, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ находятся еще въ живыхъ, положительно удостовѣряютъ,

что онъ былъ второй сынъ Умы; что право ханствованія должно было перейти къ старшему брату его, Али-Султанъ-беку, но онъ не пожелалъ властвовать, а, взявъ въ свой удѣлъ четыре деревни, предоставилъ остальныя младшему брату, Ахмедъ-Хану-Аджи, на правахъ владѣтеля, и что чрезъ это въ вѣдѣніе хана поступили изъ прежняго нераздѣльнаго владѣнія только девять селеній, а четыре, составлявшія по численности населенія около половины ханства, отошли особымъ удѣломъ къ старшему брату его [2]).

Ахмедъ-Ханъ-Аджи-ханъ умеръ бездѣтно въ 1797 году, когда Али-Султанъ-бекъ былъ еще живъ; поэтому все ханство вторично доставалось ему; но онъ снова отказался и, оставшись при своемъ удѣлѣ, посадилъ на ханство старшаго сына своего, Гасанъ-бека.

Въ 1800 году, со смертію аварскаго владѣтеля Омаръ-хана, пресѣклась мужская линія тамошнихъ владѣтелей. Единственная-же дочь Омара, Паху-бике, находилась тогда въ замужествѣ за вторымъ сыномъ Али-Султанъ-бека, Султанъ-Ахмедъ-бекомъ. По этому и по желанію аварцевъ, возбужденному вдовою Омаръ-хана, Гійли-бике [3]), Султанъ-Ахмедъ-бекъ призванъ былъ принять ханство Аварское.

Султанъ-Ахмедъ-бекъ согласился на это предложеніе и сталъ ханствовать въ Аваріи.

Такимъ образомъ, при жизни еще Али-Султанъ-бека, сыновья его сдѣлались ханами: Гасанъ-бекъ—въ Мехтуллѣ, а Султанъ-Ахмедъ-бекъ—въ Аваріи.

---

[2]) Деревни эти суть:

Поступившія въ вѣдѣніе хана Ахмедъ-Хана-Аджи:	Отошедшія къ старшему брату его Али-Султану:
1) Большой Дженгутай (резиденція хановъ),	1) Дургели,
2) Малый Дженгутай,	2) Кака-Шура,
3) Дуранги,	3) Параулъ,
4) Апши,	4) Урума.
5) Ахкентъ,	
6) Оглы,	
7) Кулецма,	
8) Аймаки,	
9) Чоглы.	

[3]) Послѣ смерти Омаръ-хана остались двѣ жены: первая Кистаманъ (мать Паху-бике, находящейся въ замужествѣ за Султанъ-Ахмедомъ) и вторая Гійли-бике, которая, по принятіи Султанъ-Ахмедомъ Аваріи, также сочеталась съ нимъ бракомъ.

Въ 1807 году умеръ Алп-Султанъ-бекъ, и хотя удѣлъ его долженъ былъ-бы поступить къ мехтулинскому владѣтелю, Гасанъ-хану, но братъ его Султанъ-Ахмедъ-ханъ потребовалъ, чтобы удѣлъ отца ихъ весь оставленъ былъ за нимъ. Гасанъ-ханъ не сталъ спорить и предоставилъ Султанъ-Ахмедъ-хану селенія Дургели, Кака-Шуру, Параулъ и Уруму, которыя и состояли въ исключительномъ владѣніи его до прихода генерала Ермолова въ Дагестанъ.

Генералъ Ермоловъ пришелъ съ войсками въ Шамхальство Тарковское, съ цѣлію обозрѣть это владѣніе и выбрать мѣсто для заложенія въ немъ крѣпости, въ 1818 году.

На пути слѣдованія его одинъ только владѣтель тарковскій Мехти-Шамхалъ встрѣтилъ его пріязненно, а всѣ прочіе владѣтели, которые считались тогда покорными Русской державѣ, выступили противъ него съ своими подвластными и хотѣли воспрепятствовать движенію нашего отряда. Но генералъ Ермоловъ разбилъ ихъ скопища въ нѣсколькихъ мѣстахъ и, изгнавъ владѣтелей въ горы, объявилъ ихъ лишенными правъ на занятыя нашими войсками владѣнія ихъ, какъ это объяснено въ бумагѣ, данной имъ Мехти-Шамхалу Тарковскому и сохранившейся въ подлинникѣ въ домѣ нынѣшняго шамхала.

Бумага эта слѣдующаго содержанія:

«Господину Генералъ-Лейтенанту, Высокостепенному и Вы-«сокопочтенному Мехти-Шамхалу Тарковскому, Вали Дагестан«скому.»

«Ваше Превосходительство, сохраняя вѣрность въ службѣ «Великаго Государя Нашего, а паче при послѣднемъ возмущеніи «Дагестана, въ которомъ, кромѣ гор. Тарки, всѣ владѣнія Ваши «приняли участіе, оставаясь твердымъ въ преданности къ Его «Величеству и находясь при войскахъ Его, — заслужили справед«ливое вознагражденіе.»

«Именемъ Великаго Государя моего, по власти, Высочайше «мнѣ дарованной, присоединяю къ владѣніямъ Вашимъ, въ пол«ное Ваше управленіе, имѣніе изгнанныхъ мною измѣнниковъ: «Султанъ-Ахмедъ-Хана Аварскаго, брата его Джунгутайскаго бе«ка, Гасанъ-Хана, и Гирей-бека [1]), состоящее въ селеніяхъ: Па-

---

[1]) *Гирей-бекъ* былъ владѣлецъ Баматуллы, подъ которою извѣстны были семь деревень, именно: Большія Казанищи, Малыя Казанищи, Буглень, Муселимъ-аулъ, Халимъ-Бекъ-аулъ, Кафыръ-Кумыкъ и Темиръ-Ханъ-Шура. Эти деревни составляли особый удѣлъ потомковъ одного изъ членовъ шамхаль-

«раулъ, Шура, Дургели и Казанищи съ окрестными деревнями. «Надѣюсь, что сія милость Государя Императора умножитъ усер-«діе Ваше къ Его службѣ.»

«Селенія сіи отдаются Вашему Превосходительству за вѣр-«ность собственно лицомъ Вашимъ оказанную, а потому наслѣд-«никамъ Вашимъ могутъ принадлежать не иначе, развѣ Государь «Императоръ соизволитъ дать на то подтвержденіе. Въ городѣ «Тарки, Ноября 21 дня 1818 года. Генералъ-отъ-Инфантеріи Ер-«моловъ.»

На основаніи этой бумаги удѣлъ аварскаго хана Султанъ-Ахмеда изъ Мехтулинскаго ханства, именно деревни: Кака-Шура, Дургели, Параулъ и Урума *), поступили во владѣніе Мехти-Шамхала.

Изъ прочихъ деревень ханства, признавшихъ тогда полную покорность нашей власти (именно селенія: Большой Дженгутай, Малый-Дженгутай и Дуранги), образовано было особое приставство, надъ которымъ поставленъ былъ сперва одинъ изъ шамхальскихъ чиновниковъ, а потомъ русскій офицеръ,—войсковой старшина Яковъ Батыревъ; но какъ изгнанные владѣтель мехтулинскій и ханъ аварскій постоянно подстрекали жителей къ безпорядкамъ и, наконецъ, по ихъ же подговору, приставъ Батыревъ былъ убитъ измѣннически, а возстановленіе на прочныхъ основа-

---

скаго дома, по имени *Бамата*, которому предоставлены были онѣ въ наслѣдственное владѣніе и наслѣдники котораго управляли ими независимо отъ шамхаловъ. Послѣднимъ старшимъ владѣльцемъ въ Баматуллѣ былъ названный въ бумагѣ Ермолова Гирей-бекъ. Ему однакожъ не принадлежало право пользованія доходами и повинностями съ селеній Малыя Казанищи, Кафыръ-Кумыкъ и части селенія Халимъ-Бекъ-аула, которыя имѣли своихъ особыхъ бековъ изъ фамиліи главнаго владѣльца Баматуллы. По изгнаніи Гирей-бека изъ этого владѣнія, онъ умеръ въ горахъ, а братья его бѣжали въ Турцію, назадъ тому около 40 лѣтъ. Изъ Баматуллинскихъ деревень не существуетъ нынѣ только Темиръ-Ханъ-Шуры, жители которой, по занятіи ихъ селенія нашими войсками, выселены были въ Халимъ-Бекъ-аулъ. Султанъ-Ахмедъ-Ханъ Аварскій принялъ присягу на подданство Россіи въ 1803 году, а въ 1807 гогу ему пожалованъ былъ чинъ генералъ-маіора; когда-же именно поступили въ подданство Россіи Гасанъ-Ханъ Мехтулинскій и Гирей-бекъ Баматуллинскій—свѣдѣній не розыскано.

*) Селеніе это хотя и не названо въ бумагѣ генерала Ермолова, но оно также отдано было Шамхалу, какъ это видно изъ другихъ бумагъ, и оно по настоящее время остается во владѣніи Шамхала, вмѣстѣ съ селеніемъ Параулъ. А когда отъ него отошли селенія Кака-Шура и Дургели — объяснено будетъ ниже.

ніяхъ нашего управленія въ этой части края представляло много затрудненій, то по ходатайству Мехти-Шамхала за дѣтей Гасанъ-Хана, умершаго въ изгнаніи, вскорѣ послѣ умерщвленія пристава Батырева, генералъ Ермоловъ дозволилъ дѣтямъ Гасанъ-Хана, Ахмедъ-Хану и Али-Султану, явиться съ повинною и, даровавъ имъ прощеніе, далъ первому изъ нихъ бумагу, сохранившуюся въ домѣ хана въ подлинникѣ [6]).

Въ силу этой бумаги, Ахмедъ-Ханъ принялъ Мехтулинское ханство, за исключеніемъ удѣла дяди своего, аварскаго хана, состоявшаго изъ четырехъ деревень, отданныхъ генераломъ Ермоловымъ въ 1818 году Мехти-Шамхалу, но вскорѣ послѣ того шамхалъ выдалъ за Ахмедъ-Хана дочь свою (вдовствующую нынѣ ханшу Нохъ-бике), и передалъ ему одну изъ мехтулинскихъ деревень, именно Кака-шуру, и тогда владѣніе его составило десять деревень:

1) Большой Дженгутай,	6) Оглы,
2) Малый Дженгутай,	7) Ахкентъ,
3) Дуранги,	8) Аймаки,
4) Кака-Шура,	9) Кулецма,
5) Апши,	10) Чоглы.

Младшій братъ Ахмедъ-Хана, Али-Султанъ (нынѣ полковникъ), отправленъ былъ тогда-же въ Россію на службу, и до 1834 года Ахмедъ-Ханъ владѣлъ означенными десятью деревнями одинъ; въ этомъ-же году Али-Султанъ прибылъ на родину и получилъ отъ Ахмедъ-Хана, въ видѣ удѣла, селеніе Кака-Шуру, которое и по настоящее время находится въ его владѣніи.

Между тѣмъ аварскій ханъ Султанъ-Ахмедъ умеръ; дѣти его (изъ которыхъ старшій Абу-Султанъ-Нуцалъ-Ханъ, именуемый въ нашихъ бумагахъ преимущественно послѣднимъ именемъ— Нуцалъ-Ханомъ, былъ уже признанъ нашимъ правительствомъ ханомъ аварскимъ) были въ 1834 году истреблены горцами. По возстановленіи въ Аваріи порядка, правительство наше поручило управленіе его Ахмедъ-Хану мехтулинскому, какъ потому, что онъ былъ ближайшій родственникъ аварскаго дома, такъ и потому, что онъ одинъ считался способнымъ управлять Аваріею въ то смутное время. Послѣ Нуцалъ-Хана осталась беременная жена его Айбатъ (дочь Мехти-Шамхала Тарковскаго), отъ которой родился сынъ, названный по имени дѣда своего Султанъ-Ахмедомъ

---

[6]) Документъ этотъ помѣщенъ въ 1 вып. нашего «Сборника», въ статьѣ: «Шамхалы Тарковскіе,» стр. 71.

и предназначенный нашимъ правительствомъ наслѣдникомъ Аварскаго ханства.

Такимъ образомъ Ахмедъ-Ханъ, давно уже утвердившійся въ ханствованіи надъ мехтулинцами, получивъ въ свое вѣдѣніе и Аварію, расчитывалъ властвовать въ ней долго, до совершеннолѣтія прямаго наслѣдника этого ханства, а въ случаѣ смерти его могъ надѣяться испросить утвержденіе за нимъ Аваріи и навсегда, въ потомственное владѣніе.

Впрочемъ, на ханство Аварское имѣлъ также претензію въ случаѣ смерти малолѣтняго наслѣдника Аваріи, и шамхалъ тарковскій, князь Абу-Муселимъ-Ханъ, [7]) который былъ женатъ на родной теткѣ его, дочери Султанъ-Ахмедъ-Хана, Селтанетъ-бике и, имѣя отъ нея сына князя Шамсудина (нынѣшняго шамхала тарковскаго), считалъ его ближайшимъ наслѣдникомъ Аварскаго ханства, а себя—естественнымъ опекуномъ его.

Но пока малолѣтній Султанъ-Ахмедъ-Ханъ былъ живъ, претензіи на Аварское ханство не могли имѣть никакого серьезнаго значенія для нашего правительства, а между шамхаломъ и ханомъ мехулинскимъ началась распря за деревни Параулъ, Дургели и Уруму, составлявшія удѣлъ Султанъ-Ахмедъ-Хана-Аварскаго.

Еще при жизни Нуцалъ-Хана-Аварскаго, мать его Паху-бике домогалась, чтобы съ поступленіемъ сыновей ея въ подданство Россіи имъ возвращенъ былъ удѣлъ ихъ отца изъ Мехтулинскаго ханства, отданный генераломъ Ермоловымъ шамхалу, но наше правительство отклонило это домогательство, находя неудобнымъ отобраніе у шамхала деревень, предоставленныхъ ему за вѣрную службу.

Ахмедъ-Ханъ же, получивъ въ свое управленіе Аварію, счелъ себя въ правѣ какъ по своей службѣ, такъ и по принадлежности означенныхъ селеній къ Мехтулинскому ханству, искать возвращенія оныхъ въ свое владѣніе. Шамхалъ тарковскій, опасаясь, чтобы Ахмедъ-Ханъ не успѣлъ въ этомъ домогательствѣ,

---

[7]) Мехти-Шамхалъ умеръ въ 1830 году, на пути слѣдованія изъ Петербурга; ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Сулейманъ-Паша, умершій бездѣтнo въ 1836 году, и тогда титулъ Владѣтеля достался старшему по немъ брату его Абу-Муселимъ-хану, который въ 1855 году Всемилостивѣйше возведенъ въ княжеское достоинство Россійской Имперіи. Онъ былъ шамхаломъ до 1860 года, а въ этомъ году, со смертію его, ему наслѣдовалъ нынѣшній шамхалъ, сынъ его князь Шамсудинъ, Всемилостивѣйше утвержденный въ этомъ достоинствѣ въ 1863 году.

совершилъ дарственный актъ, по которому деревни тѣ записалъ, въ 1838 году, за малолѣтнимъ племянникомъ своимъ, наслѣдникомъ Аварскаго ханства, Султанъ-Ахмедомъ, которому онѣ должны были бы достаться по наслѣдству отъ дѣда, лишившагося ихъ за измѣну русскому правительству.

Домогательство Ахмедъ-Хана этою мѣрою было также отклонено. Онъ умеръ въ 1843 году въ чинѣ генералъ-маіора, оставивъ послѣ себя малолѣтнихъ дѣтей и вдову Нохъ-бике.

Управленіе Мехтулинскимъ ханствомъ [8]) поручено было ханшѣ Нохъ-бике. Но какъ смутныя обстоятельства того времени потребовали, чтобы ханствомъ управляла болѣе твердая власть, то и найдено было необходимымъ назначить ей, въ видѣ помощника, русскаго штабъ-офицера, который, дѣйствуя во всемъ какъ-бы съ ея согласія, былъ на самомъ дѣлѣ полнымъ правителемъ ханства, впредь до совершеннолѣтія наслѣдника Ахмедъ-Хана [9]). Назначеніе такого помощника ханшѣ состоялось въ 1844 году и управленіе мехтулинцами чрезъ нашихъ штабъ-офицеровъ продолжалось до 1856 года.

Въ этотъ періодъ времени наслѣдникъ Аварскаго ханства, малолѣтній Султанъ-Ахмедъ, умеръ и записанныя за нимъ шамхаломъ 3 деревни сдѣлались опять предметомъ распри между шамхаломъ и мехтулинскимъ домомъ.

Продолжавшееся съ 1844 года до исхода 1855 года непосредственное управленіе мехтулинцами чрезъ русскихъ штабъ-офицеровъ, назначавшихся сперва подъ названіемъ помощниковъ ханши, а потомъ подъ именемъ управляющихъ ханствомъ, замѣнено было въ началѣ 1855 года — порученіемъ этого управленія старшему сыну Ахмедъ-Хана, Ибрагимъ-Хану. Онъ управлялъ мехтулинцами до 1859 года; въ этомъ же году приказомъ Главнокомандовавшаго Кавказскою Арміею князя Барятинскаго отъ 4-го Августа былъ назначенъ ханомъ Аваріи, а младшій братъ его Решидъ-Ханъ ханомъ Мехтулинскимъ.

Приказъ этотъ слѣдующаго содержанія:

---

[8]) Аварія же поручена была управленію русскаго штабъ-офицера; но вслѣдствіе общаго возстанія въ горахъ управленіе это продолжалось весьма недолго. Она отторгнута отъ насъ въ томъ же 1843 году и поступила снова въ наше подданство только съ замиреніемъ Дагестана въ 1859 году.

[9]) Наслѣдникомъ этимъ признанъ-былъ нашимъ правительствомъ старшій сынъ Ахмедъ-Хана, Гасанъ; онъ умеръ въ Пажескомъ корпусѣ въ 1847 году и право наслѣдованія перешло къ старшему по немъ брату его, Ибрагимъ-Хану.

«Отторгнутая въ 1843 году изъ-подъ русской власти Ава-«рія,—23-го іюля изъявила покорность и по прежнему вступила «въ подданство Его Императорскаго Величества.

«На основаніи предварительно испрошенной мною лично Вы-«сочайшей воли, возстановляя Аварское ханство, назначаю ханомъ «Аварскимъ Флигель-Адъютанта Его Величества, Лейбъ-гвардіи «казачьяго полка Ротмистра Ибрагимъ-Хана Мехтулинскаго. Млад-«шаго же брата его, Лейбъ-гвардіи Гродненскаго Гусарскаго пол-«ка поручика Решидъ-Хана, назначаю ханомъ Мехтулинскимъ.»

Такимъ образомъ ханствованіе въ Мехтуллѣ досталось въ 1859 году Решидъ-Хану. Онъ управлялъ ханствомъ одинъ непосредственно до образованія Дагестанской области, а съ образованіемъ этой области, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1860 года, при ханѣ учреждено управленіе, состоявшее изъ помощника его, съ военною канцеляріею и словеснымъ судомъ.

Мехтулинскіе ханы пользовались разными налогами и повинностями, частію издавна установившимися, частію введенными при нашемъ правительствѣ (о чемъ подробно объясняется ниже), отъ селенія Большаго Дженгутая, за исключеніемъ изъ него квартала Маджаитъ-аулъ, отъ одной трети селенія Малаго Дженгутая, отъ селеній Дуранги и Апши, въ послѣднемъ на правахъ землевладѣльцевъ, а въ первыхъ трехъ на правахъ правителей.

Остальныя-же селенія ханства, какъ-то: Оглы, Кулецма и Аймаки, никакихъ обязательныхъ повинностей никому не отбываютъ.

Всѣ донынѣ существовавшіе налоги и повинности въ пользу хана и джанковъ ханскаго дома, а равно доходы, получавшіеся ханомъ, могутъ быть подраздѣлены на три главные рода, имѣющіе по нѣскольку видовъ.

Къ *первому роду* принадлежатъ налоги и повинности, довольно точно опредѣленные; ко *второму*—не опредѣленные въ размѣрѣ, но выполняемые жителями по мѣрѣ надобности и востребованію; къ *третьему*—случайные, обязательные только при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Виды налоговъ и повинностей перваго рода суть:

1) *Кентъ-ясакъ (сельскій ясакъ).* Съ каждаго хозяина, имѣющаго стадо барановъ, не менѣе 30 головъ, взимается ежегодно по одной овцѣ. Размѣръ этой подати остается тотъ-же, хотя-бы овцеводъ имѣлъ нѣсколько сотъ и болѣе головъ. Она не взыскивается съ хозяевъ, начинающихъ заведеніе баранты, втеченіи одного года, сколько-бы заводящій ни пріобрѣлъ головъ съ перваго раза.

2) *Сабу (мѣра для зерна около пуда и 10 фунтовъ).* Подать по одной сабѣ взимается съ каждаго дыма въ селеніяхъ Большой и Малый Дженгутай и Дуранги *пшеницею*, а въ другихъ податныхъ селеніяхъ *магаромъ* (особый родъ горнаго хлѣбнаго зерна, имѣющаго цѣну наравнѣ съ ячменемъ). Подать эту обязаны отбывать всѣ тѣ, кои производятъ посѣвы сами или отдаютъ земли подъ посѣвъ другимъ за условленную долю съ урожая.

3) *Арба-агачъ (арба дровъ).* Всякій дымъ, имѣющій рабочій скотъ, обязанъ доставить владѣльцу по двѣ арбы дровъ въ годъ. По показанію жителей, подтвержденному владѣльцами, прежними обычаями установлена была доставка съ каждаго дыма только *по одной арбѣ дровъ*, а вторая арба стала требоваться отъ нихъ со временъ властвованія Ахмедъ-Хана, сперва въ видѣ временнаго пособія, а потомъ требованіе это обращено въ постоянную повинность, которую они несутъ уже около 30 лѣтъ.

4) *Кугъ (саманъ или мякина).* Сборъ мякины произведенъ былъ въ первый разъ также при Ахмедъ-Ханѣ, въ сороковыхъ годахъ, въ видѣ пособія ханскому дому, по случаю недостачи мякины для прокормленія скота и лошадей хана; потомъ сборъ повторился нѣсколько разъ при ханшѣ и затѣмъ обращенъ въ обязательную и постоянную повинность, по одной корзинѣ съ двора, такъ что сборъ съ 3-хъ или 4-хъ дворовъ составляетъ арбу мякины.

5) *Бильха*[10] *(барщина)*. а) *Сабанъ-бильха*—выставка плуговъ для распашки полей владѣльца, въ числѣ, какое можетъ снарядить населеніе, обязанное нести эту повинность. Плуги въ ханствѣ бываютъ двухъ родовъ, именно: шести-парные въ одномъ Большомъ Дженгутаѣ и одно-парные въ прочихъ селеніяхъ [11]).

---

[10]) Въ Шамхальствѣ и на Кумыкской плоскости это слово произносится не бильха, а *булка*. *Ред.*

[11]) За исключеніемъ Дургели и Кака-Шуры, о повинностяхъ съ коихъ

Отъ владѣльца зависитъ потребовать часть плуговъ весною, часть осенью, но тѣ хозяева, кои выполняли уже одинъ разъ работу весною, не могутъ быть потребованы осенью. б) *Бичанъ-бильха*—выставка по одному косцу съ дыма на день, для кошенія и уборки владѣльческаго сѣна. в) *Уракъ-бильха* — выставка жнецовъ по одному съ дыма на одинъ день, для уборки владѣльческихъ посѣвовъ.

По показанію жителей, подтвержденному и владѣльцами, распашка, кошеніе и жатва производятся, по издавна существовавшему обычаю, только до полудня и затѣмъ рабочіе вправѣ расходиться.

Продовольствіе рабочимъ дается обыкновенно отъ владѣльцевъ. Сверхъ сего жители заявили, что въ прежнее время они выставляли для кошенія и жатвы по одному только человѣку на день на обѣ работы, такъ что отъ семейства, давшаго разъ косца, не могло уже требоваться выставки жнеца; но по разборѣ этого заявленія оказалось, что выставка на обѣ работы производилась отъ каждаго дыма на день еще при Гасанъ-Ханѣ, т. е. до нашего владычества.

Виды повинностей втораго рода суть:

6) Выставка арobъ для разныхъ надобностей хана.

7) Выставка рабочихъ для строительныхъ работъ въ домѣ хана и для обработки его сада.

8) Выставка конныхъ чапаровъ для посылокъ по дѣламъ ханскаго дома.

Всѣ эти три повинности исполняются по мѣрѣ востребованія. Но по показанію жителей, не опровергнутому повѣренными хана, ихъ почти не существовало въ прежнее время. Нарядъ арobъ для переѣздовъ ханскаго семейства (кочъ-арба) хотя и бывалъ, но весьма рѣдко и въ незначительномъ размѣрѣ, такъ-что этотъ нарядъ не могъ составить никакой тягости; но со временъ Ахмедъ-Хана требованія арobъ сдѣлались чаще и не только для надобностей по переѣздамъ, но и по перевозкамъ всякаго рода для ханскаго дома, такъ-что все, лежавшее прежде на обязанности ханскихъ чагаровъ (крестьянъ), пало на жителей, и арobная повинность сдѣлалась для нихъ весьма чувствительною. Точ-

---

дѣсь не включено подробныхъ объясненій, такъ-какъ они составляютъ особый удѣлъ дяди хана, Али-Султана, и не несутъ никакихъ повинностей въ пользу хана.

но также строительныя работы были весьма рѣдки, а чапарской повинности почти совершенно не существовало, потому, что по всѣмъ надобностямъ хана разсылались нукеры, которыхъ ханы содержали прежде въ весьма большомъ числѣ.

9) Сверхъ этихъ повинностей, нынѣшній размѣръ коихъ оспариваютъ жители, они совершенно правильно жалуются на налогъ косвенный, падающій на нихъ отъ установленія откупа за право торговли напитками и красными товарами въ двухъ селеніяхъ (въ Б. и М. Дженгутаѣ).

Эти откупа, какъ оказалось по справкамъ, введены при управленіи ханствомъ вдовою хана Нохъ-бике, въ 1844 году, и съ того времени продолжаются.

Къ третьему роду принадлежатъ повинности, обязательныя при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и доходы случайные.

10) Жители селеній Большаго и Малаго Дженгутая обязаны при женитьбѣ членовъ ханскаго дома и погребеніи ихъ (за исключеніемъ младенцевъ), доставлять въ домъ хана по арбѣ дровъ и сабѣ пшеницы съ дома, а жители селеній Апши, Дуранги, Ахкентъ и Чоглы—по одному быку.

11) Въ этихъ-же селеніяхъ, въ случаѣ смерти кого-либо изъ жителей безъ дѣтей мужескаго пола, ханъ вправѣ распорядиться ихъ недвижимымъ имѣніемъ по своему усмотрѣнію. Онъ, какъ и предшественники его, обыкновенно предоставляли подобныя имѣнія родственникамъ умершаго за умѣренную плату, а если умершій оставилъ дочерей, то на получившаго имѣніе возлагалась обязанность пропитывать и пристроить дѣтей.

12) Штрафы. Со всѣхъ деревень ханства, кромѣ селеній Кака-Шура и Дургели, ханъ пользовался правомъ полученія установленныхъ обычаемъ штрафовъ за преступленія, какъ-то: за убійства, пораненія, увозъ женщинъ и воровства.

13) Ясакъ съ баранты на Аркасскихъ горахъ. По издавна установившемуся обычаю, мехтулинскіе ханы, за содержаніе охраннаго караула на Аркасскихъ горахъ, получали ясакъ, съ каждаго выводимаго туда стада по барашку. Хотя выставки караула давно уже не существуетъ и горы хану не принадлежатъ, но право полученія ясака оставалось за нимъ и по 1867 г. [12]).

---

[12]) Всѣ вышеисчисленные налоги и повинности, отбывавшіеся хану мехтулинцами, оцѣнены комисiею въ особыхъ вѣдомостяхъ, приложенныхъ къ настоящей-же запискѣ, въ 3420 руб. въ годъ. *Ред.*

14) Ханскіе чагары. Здѣсь нужно упомянуть еще, что въ Большомъ Дженгутаѣ ханъ имѣлъ шесть душъ чагаровъ, изъ коихъ пять мужчинъ, имѣющихъ женъ и дѣтей свободнаго состоянія и живущихъ особо отъ ханскаго двора своимъ собственнымъ хозяйствомъ, и одна вдова съ дочерью, также живущая особо своимъ хозяйствомъ. Болѣе сего у хана не было ни чагаровъ, ни куловъ и каравашекъ. Чагары обязаны были исполнять разныя домашнія работы во дворѣ его, а равно и полевыя работы, по требованію.

Изъ исчисленныхъ выше повинностей и налоговъ три деревни, именно: Апши, Ахкентъ и Чоглы, несутъ оныя, какъ упомянуто объ этомъ выше, по поземельному праву владѣльцевъ на мѣста, занимаемыя этими селеніями, а три (Большой и Малый Дженгутай и Дуранги) несли отбываемые ими налоги и повинности, установившіяся по власти правителя — требовать отъ населенія удовлетворенія своихъ потребностей за отправленіе суда и расправы [15]).

Увеличеніе владѣтелями и другими владѣльцами размѣра нѣкоторыхъ обычныхъ повинностей и введеніе новыхъ видовъ ихъ началось еще до нашего владычества въ этомъ краѣ. Это видно изъ того, что какъ-только появилась здѣсь русская власть, которой жители могли принести свои жалобы, они обратились къ ней съ просьбою объ огражденіи ихъ отъ дальнѣйшаго нарушенія отношеній къ владѣльцамъ.

Вслѣдствіе этихъ жалобъ генералъ Ермоловъ въ 1824 году далъ Мехти-Шамхалу слѣдующую бумагу:

«Высокостепенный и превосходительный Господинъ Гене-«ралъ-Лейтенантъ Мехти-Шамхалъ Тарковскій, Вали Дагестанскій.

«Желая точнымъ образомъ опредѣлить прежнія права жите-«лей деревень, въ 1820 году, по распоряженію моему, учинен-

[15]) Между селеніями, состоящими въ зависимыхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ по поземельному праву, и селеніями, въ коихъ установились обязательныя отношенія къ фамиліи наслѣдственныхъ правителей, кромѣ разности въ размѣрѣ нѣкоторыхъ повинностей, существенное различіе заключается въ томъ, что переходящіе изъ селеній втораго разряда въ другія мѣста имѣютъ неотъемлемое право распорядиться своимъ домомъ и землями по усмотрѣнію, тогда-какъ оставляющіе селенія перваго разряда вправѣ воспользоваться только движимымъ имуществомъ, а недвижимое поступаетъ въ пользу землевладѣльца.

«ному Священнымъ Именемъ Великаго и Могущественнаго Госу-«даря, поступившихъ во владѣніе Вашего Превосходительства, и «повинности, которыя обязаны они отправлять въ пользу преж-«нихъ своихъ владѣльцевъ, приказалъ я привести оныя въ из-«вѣстность чрезъ лучшихъ и почетнѣйшихъ старшинъ селеній: «Параулъ, Дургели, Кака-Шура, Урума, Большихъ Казанищъ и «принадлежащихъ къ сему послѣднему деревень.

«Составленное описаніе правъ и повинностей, препровождая «къ Вашему Превосходительству, прошу со стороны Вашей сдѣ-«лать распоряженіе, чтобы чиновники, опредѣляемые къ управле-«нію оными, подъ опасеніемъ строгаго взысканія нарушать оныя «не осмѣливались.

«Съ удовольствіемъ неоднократно слышалъ я удостовѣреніе «Вашего Превосходительства, что Вы, охраняя выгоды новыхъ «Вашихъ подвластныхъ, желаете во всей силѣ соблюсти прежнія «права ихъ и отнюдь не требовать излишняго противъ прежнихъ «ихъ повинностей, исполненіе чего приму я доказательствомъ усер-«дія Вашего способствовать Правительству въ достиженіи его «цѣли.

«Каждому изъ селеній, мною выше означенныхъ, даны, за «подписомъ моимъ, листы съ описаніемъ правъ ихъ и повинностей. «1-го января 1824 года, селеніе Большія Казанищи. Генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ».

Упоминаемаго въ этой бумагѣ описанія правъ и повинно-стей не отыскано, а листы, данные генераломъ Ермоловымъ селе-ніямъ въ видѣ уставныхъ грамотъ, сохранились только у кака-шуринцевъ и бугленцевъ; прочія же селенія объявили, что уте-ряли оныя.

Были-ли послѣ объясненнаго распоряженія генерала Ермо-лова, втеченіи 20-ти лѣтняго періода времени, протекшаго со вре-мени возстановленія въ Мехтуллѣ ханскаго управленія въ лицѣ Ахмедъ-Хана до смерти его (съ 1824 по 1843 годъ), какія-либо жалобы отъ мехтулинцевъ на усиленіе обычныхъ повинностей и введеніе новыхъ налоговъ—изъ прежнихъ дѣлъ не видно. Но какъ только Ахмедъ-Ханъ умеръ и управленіе ханствомъ перешло въ руки вдовы его, Нохъ-бике, начался непрерывный рядъ жалобъ: съ одной стороны отъ ханши—на уклоненіе жителей отъ выполненія тѣхъ повинностей, кои они отбывали при жизни мужа ея, а съ другой—отъ жителей на неправильность и крайнюю тягость тре-

бованій ханши. Жители объявили, что они терпѣли несеніе усиленныхъ налоговъ при Ахмедъ-Ханѣ, какъ потому, что считали ихъ временными, такъ и потому, что опасались преслѣдованія хана за принесеніе жалобъ русскому начальству, но видя, что и послѣ смерти его продолжаются тѣже требованія, и опасаясь, чтобы такой произволъ не былъ обращенъ въ постоянное обязательное для нихъ положеніе, они просили возстановленія прежнихъ обычныхъ отношеній къ владѣльцамъ и—независимо отъ просьбъ—иногда рѣшались и на самовольные отказы отъ несенія повинностей.

Здѣсь нужно оговорить, что изъ мехтулинцевъ жаловались непрерывно собственно только жители трехъ деревень, именно: Большаго и Малаго Дженгутая и Кака-Шуры [14]), такъ-какъ первая деревня служитъ резиденціею хановъ, вторая находится въ трехъ верстахъ отъ нея, а въ третьей живетъ дядя хана, Али-Султанъ, отчего на эти деревни преимущественно падала вся тягость разныхъ непрерывныхъ требованій владѣльцевъ и возбуждала неудовольствіе жителей.

Дагестанское начальство, удостовѣрясь, что жалобщики безпрекословно несли при жизни Ахмедъ-Хана всѣ тѣ повинности, какія требовала ханша, и, принимая въ соображеніе, что при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ было-бы несвоевременно входить въ подробное разбирательство коренныхъ отношеній жалобщиковъ къ владѣльцамъ, такъ какъ дѣло нѣсколькихъ деревень могло возбудить во всѣхъ частяхъ покорнаго намъ Дагестана, находившихся въ зависимыхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ, стремленіе къ подобному же разбирательству и ихъ дѣлъ и тѣмъ самымъ вызвать безпорядки, вынуждено было поддерживать требованіе повинностей въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало при Ахмедъ-Ханѣ.

Недовольные безуспѣшностію своихъ домогательствъ, жители двухъ Дженгутаевъ и Кака-Шуры не переставали безпрерывно возобновлять свои жалобы на притѣсненія владѣльцевъ и просили возстановленія между ними тѣхъ отношеній, какія существовали до русскаго владычества; но по тѣмъ же причинамъ, по коимъ первое заявленіе ими жалобъ не могло быть разрѣшено оконча-

---

[14]) Впослѣдствіи стали жаловаться и дургелинцы. Отъ прочихъ же деревень жалобъ почти не бывало.

тельно, онѣ оставались безъ особыхъ послѣдствій, и сверхъ того на жителей палъ еще небывалый до того косвенный налогъ, чрезъ упомянутую выше отдачу на откупъ исключительной продажи напитковъ и красныхъ товаровъ.

Только съ замиреніемъ Дагестана найдено было возможнымъ заняться этимъ дѣломъ чрезъ особую временную Коммисію, наряженную для опредѣленія личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ владѣнія Тарковскаго, ханства Мехтулинскаго и наибства Присулакскаго. Коммисія эта собрала уже достаточныя данныя для разрѣшенія вопроса объ установленіи между мехтулинцами и ихъ владѣльцами надлежащихъ и безобидныхъ отношеній.

Родословная ханскаго Мехтулинскаго дома.

Ума.

Потомокъ основателя Мехтулинскаго ханства Кара-Мехти.

Ахмедъ-Ханъ Аджи-ханъ.

Али-Султанъ бекъ.

Умеръ въ 1797 году, по который ханствовалъ въ Мехтулѣ.

Гасанъ-ханъ.

Ханствовалъ съ 1797 года по 1818 годъ.

Султанъ-Ахмедъ-ханъ.

Призванъ на Аварское ханство въ 1800 году, и властвовалъ тамъ до 1823 года.

Нохъ-бике, дочь Мехти шамхала.

Считалась правительницею ханства съ 1843 по 1855 г. (Теперь живетъ въ Шуръ.)

Ахмедъ-ханъ.

Ханствовалъ съ 1824го по 1843 годъ.

Полковникъ Али-Султанъ бекъ.

Теперешний Кака-Шуринскій бекъ.

Селтанетъ бике.

Умерла въ 1845 году.

Князь Абу-Муселимъ ханъ.

Шамхалъ Тарковскій (Умеръ въ 1860 году.)

Ибрагимъ-ханъ.

Ханствовалъ въ Мехтулинскомъ ханствѣ съ 1856го по 1859 годъ, умеръ въ настоящемъ году.

Решидъ-ханъ.

Ханствуетъ съ 1859го года.

Князь Шамсудинъ.

Нынѣшній Шамхалъ Тарковскій.

ПРИМѢЧАНІЕ: 1) Въ этой родословной, послѣ Ахмедъ-Ханъ-Аджи-хана не показаны члены ханскаго дома, умершіе, не оставивъ послѣ себя потомства.

2) Равнымъ образомъ, не показаны здѣсь и тѣ дѣти Умы, отъ которыхъ происходятъ побочныя линіи джанковъ ханскаго дома, въ Большомъ и Маломъ Дженгутаѣ.

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

АВАРСКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ.

Нѣсколько словъ объ аварцахъ.

Новѣйшими и самыми достовѣрными свѣдѣніями о племенахъ, говорящихъ различными нарѣчіями аварскаго языка, наука обязана трудамъ генерала Услара, изложившаго свои изслѣдованія надъ аварскимъ языкомъ въ обширной запискѣ (отлитографированной), подъ названіемъ: „Этнографія Кавказа. Маарульный языкъ.“ Всѣ послѣдовавшія затѣмъ въ русской и иностранныхъ литературахъ замѣтки объ аварцахъ основаны главнымъ образомъ на упомянутомъ трудѣ г. Услара [1]).

Названіе *аварцы* совершенно чуждо самимъ, такъ называемымъ, аварцамъ; такъ называютъ ихъ кумыки и отъ нихъ названіе это перешло къ русскимъ. Тюркскія слова *ауаръ*, *аваръ*, *аварала*, означаютъ: безпокойный, тревожный, бродяга, сварливый и т. п. Такое названіе дали кумыки своимъ сосѣдямъ, дѣйствительно задорнымъ и причинявшимъ имъ много безпокойствъ. Сами-же аварцы, не имѣя для себя общаго туземнаго названія, называютъ

*) Сюда относятся: 1) сообщенія объ аварцахъ и аварскомъ языкѣ помѣщенныя академикомъ Шифнеромъ въ Bulletin de l'Académie Imp. des sc. de SPB. (T. VII et VIII); 2) замѣтки о томъ-же, помѣщенныя въ Запискахъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества (кн. VII, статья: «Матеріалъ для этнографіи восточнаго Кавказа); 3) статистическія изслѣдованія г. Комарова (Народонаселеніе Дагестанской области) — трудъ еще необнародованный, но извѣстный чрезъ сообщенія о немъ въ засѣданіяхъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества, и 4) статья Айдемира Чиркеевскаго «О происхожденіи аварцевъ», помѣщенная въ газетѣ «Кавказъ» 1865 года, №№ 64 и 65.—Сообщаемыя нами «Нѣсколько словъ объ аварцахъ» заключаютъ въ себѣ самое существенное изъ всѣхъ поименованныхъ свѣдѣній объ аварцахъ.

себя различно, смотря по тому, откуда кто родомъ: салатавецъ называетъ себя *накбакау*, гумбетовецъ—*бакхлулау*, житель бывшаго аварскаго ханства—*хунзакеу*, гидатлинецъ—*гидатлеу* и т. п. Словомъ, каждое племя, говорящее аварскимъ языкомъ, называетъ себя по имени того общества, къ которому принадлежитъ, или того селенія, въ которомъ живетъ.

Языкъ, на различныхъ нарѣчіяхъ котораго говорятъ такъ-называемые аварцы, носитъ у насъ также условное названіе *аварскаго*, хотя—по изслѣдованіямъ г. Услара—наиболѣе цѣлесообразными для означенія какъ аварскаго племени, такъ и языка его, слѣдовало-бы признать названія *маарулалъ* (горцы) и *маарулъ-мацъ* (маарульный, горный языкъ), потому что аварцы, къ какому-бы обществу они ни принадлежали, все-же говорятъ о себѣ, что они никто другіе, какъ именно—*маарулалъ*, и что языкъ ихъ не иной, какъ *маарулъ-мацъ*.

Область распространенія аварскаго языка прорѣзываетъ весь Дагестанъ отъ сѣвера къ югу, въ видѣ полосы, сѣверной оконечностью которой служитъ Чиръ-Юртъ, а южной—Закаталы. Полоса эта простирается въ длину около 160 верстъ, ширина-же ея различна; наибольшая, верстъ 70, находится въ серединѣ полосы, на параллели Хунзаха. Кромѣ того, языкъ этотъ встрѣчается небольшими островами (въ Технуцалѣ и Ункратлѣ), окруженными языками андійскимъ и дидойскимъ. На означенномъ пространствѣ помѣщается болѣе 400 селеній и отселковъ, съ населеніемъ свыше 100 тыс. душъ об. пола [2]). Такимъ образомъ, аварцамъ, по чис-

---

[2]) По изслѣдованіямъ г. Комарова, все населеніе, принадлежащее къ аварскимъ племенамъ, въ предѣлахъ одного только Дагестана, живетъ въ 346 селеніяхъ и отселкахъ, состоитъ изъ 25,977 дворовъ и 96,420 душъ, что составляетъ въ общемъ населеніи Дагестанской области 21,63%. Слѣдующая таблица еще яснѣе показываетъ область распространенія аварскаго языка въ Дагестанѣ:

	говорятъ аварскимъ языкомъ:		
Въ Темиръ-ханъ-шуринск. округѣ	13 поселеній,	2,385 дворовъ,	10,129 жит.
— Даргинскомъ — — — —	4 — —	749 —	3,289 —
— Аварскомъ — — — —	84 — —	7,818 —	28,215 —
— Андійскомъ — — — —	28 — —	3,093 —	10,693 —
— Гунибскомъ — — — —	208 — —	11,493 —	41,761 —

ленности ихъ, принадлежитъ первое мѣсто между дагестанскими горцами; но независимо отъ ихъ численности, необходимо принять во вниманіе еще характеръ этого племени, весьма безпокойный и воинственный, а также то обстоятельство, что племя это занимаетъ срединное положеніе въ Дагестанѣ, раздѣляя его на двѣ части на всемъ протяженіи съ сѣвера на югъ и чрезъ то соприкасаясь съ большею частію племенъ, населяющихъ эту страну. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, аварскій языкъ долженъ былъ получить еще болѣе широкую область своего распространенія: онъ сдѣлался языкомъ посредствующимъ для междуплеменныхъ сношеній во всемъ Дагестанѣ. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя изъ дагестанскихъ племенъ, такъ сказать, *обаварились*, а потому-то — при отсутствіи историческихъ свѣдѣній и при недостаткѣ этнографическихъ изысканій объ особенностяхъ многоразличныхъ дагестанскихъ обществъ — необходимо быть осторожнымъ и не называть аварцами всѣхъ дагестанцевъ, говорящихъ по-аварски.

Аварскій языкъ имѣетъ нѣсколько нарѣчій; можно даже сказать, что каждое общество, говорящее этимъ языкомъ, имѣетъ нѣкоторыя особенности въ выговорѣ. Тѣмъ не менѣе однако, главныхъ нарѣчій этого языка только два—*хунзахское* и *анцухское*, подъ которыя подводятся всѣ остальныя. Такое дѣленіе, принятое г. Усларомъ, соотвѣтствуетъ дѣленію аварскаго племени на два отдѣла—*Маарулалъ* и *Багуалалъ*: всѣ аварскія общества, живущія къ сѣверу отъ Хунзаха, говорятъ хунзахскимъ нарѣчіемъ и признаютъ себя маарулами; всѣ-же остальныя общества, лежащія къ югу отъ Хунзаха и подчиняющіяся вліянію анцухскаго нарѣчія, извѣстны у сѣверянъ-аварцевъ подъ именемъ Багуалалъ, что значитъ: грубые, бѣдные, неряшливые люди, питающіеся сырымъ мясомъ. Такимъ образомъ, хунзахскимъ нарѣчіемъ (хунзъ мацъ, хундерилъ мацъ) говорятъ въ Салатау (Накбакѣ), Гумбетѣ (Бактли), Койсубу, Аваріи [3]), Куядѣ, Андалалѣ, Тилитлѣ и въ авар-

Въ Казикумухскомъ округѣ	8 поселеній,	379 дворовъ,	2,047 жит.
— Самурскомъ —	1 — —	60 —	286 —
Всего...	346 — —	25,977 —	96,420 жит.

[3]) Состоитъ изъ 4 обществъ: Хунзъ, Хедолалъ, Нака-Хиндалалъ и Тлурутли, или Бактлукъ.

скихъ селеніяхъ, входящихъ въ округа Темиръ-ханъ-шуринскій, Даргинскій и Казикумухскій и считающихся переселенцами изъ разныхъ мѣстъ поименованныхъ обществъ, а также въ Технуцалѣ и Ункратлѣ, жители которыхъ вышли тоже изъ Аваріи. Самымъ вліятельнымъ изъ названныхъ обществъ должно признать Хунзъ: ему постоянно подчинялись многія общества, платившія владѣтелямъ Хунзаха (нуцаламъ, впослѣдствіи ханамъ) подать и выставлявшія, по ихъ требованіямъ, вооруженныхъ людей. Подъ вліяніемъ политики хунзахскихъ, или аварскихъ хановъ, а потомъ —предводителей мюридизма, языкъ хунзахскій значительно распространился: онъ принятъ былъ тогдашними правителями Дагестана за языкъ, такъ сказать, официальный, что и способствовало установленію единообразія во всѣхъ нарѣчіяхъ, подчинявшихся вліянію хунзахскаго языка.

Въ Анцухѣ языкъ значительно отступаетъ отъ хунзахскаго, и уроженецъ Анцуха въ первое время съ трудомъ понимаетъ хунзахца; за то нарѣчія, которыми говорятъ джарцы и вообще всѣ другія аварскія общества, лежащія на югъ отъ Хунзаха, вполнѣ понятны анцухцамъ. Такимъ образомъ, анцухское нарѣчіе вліяетъ на слѣдующія общества: Гидъ, Кель, Карахъ, Мукратль, Тлейсерухъ, Косо, Томсъ, Анцухъ, Анцросо, Унхъ (Унхада, или Ухнада), Бугунъ (Богнада), Тлебель, Тленъ (Канада) и Тумъ (Джурмутъ); еще далѣе на югъ, анцухское нарѣчіе переходитъ въ Закатальскій округъ и въ Самурскій округъ (сел. Кусуръ).

Но аварскій языкъ не всегда находился въ тѣхъ предѣлахъ, которые въ настоящее время его ограничиваютъ. Къ югу онъ распространялся постепенно, такъ, что еще относительно въ недавнее время онъ перешелъ въ Закатальскій округъ. Далеко прежде, аварскій языкъ распространенъ былъ сѣвернѣе Чиръ-Юрта, крайней его границы въ настоящее время, и племена, говорившія этимъ языкомъ, нѣкогда кочевали на Кумыкской плоскости. Затѣмъ, есть основанія заключать, что они нѣкогда обитали къ сѣверу отъ Каспійскаго моря, въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Астраханской и Оренбургской и даже еще далѣе [4]).

[4]) Древнее греческое названіе Волги или Урала Ωαρος происходитъ,

При отсутствіи письменныхъ свѣдѣній и при недостаткѣ народныхъ преданій о происхожденіи и первобытномъ жительствѣ какого-либо народа,—указаній на это слѣдуетъ искать въ его языкѣ. Историческія преданія аварцевъ восходятъ до IX вѣка по Р. Х., когда арабы завоевали Дагестанъ и жителей его обратили въ исламизмъ. Въ то время аварцы были, какъ и теперь, первенствующимъ народомъ въ Дагестанѣ, и тогдашній нуцалъ ихъ Суракатъ противопоставилъ сильный отпоръ арабамъ. По преданіямъ, этотъ Суракатъ, имѣвшій мѣстопребываніе свое въ Танусѣ (селеніе теперешняго Аварскаго округа) повелѣвалъ народами отъ Шемахи до Кабарды и держалъ въ своей зависимости чеченцевъ и тушинъ. Наконецъ, насчитываютъ до 20 нуцаловъ—предковъ Сураката. Далѣе этого не простираются преданія. Для разъясненія и пополненія этихъ преданій, изъ которыхъ можно заключать, что аварцы поселились въ Дагестанѣ задолго до нашествія на этотъ край арабовъ, а также для разъясненія того, откуда сами аварцы пришли въ Дагестанъ и чѣмъ они были до своего пришествія въ эту страну,—необходимо прибѣгнуть къ филологіи. Изслѣдованіе языковъ дагестанскихъ горцевъ, основанное на строго-научныхъ началахъ, совершается только теперь, и выводы изъ этихъ изслѣдованій еще не обнародованы. Тѣмъ не менѣе однако, по нѣкоторымъ отрывочнымъ заявленіямъ о филологическихъ трудахъ г. Услара, можно уже и теперь заключить, что аварцы не коренные жители Дагестана, а кочевые пришельцы, и что только гористая мѣстность сдѣлала ихъ народомъ осѣдлымъ. Въ силу крайней нужды и притомъ лишь въ жалкихъ остаткахъ они укрылись въ глубь Дагестана; вынуждены они были къ тому напоромъ другихъ, болѣе сильныхъ кочевыхъ племенъ, подвигавшихся изъ Средней Азіи въ Европу сѣвернымъ побережьемъ Каспійскаго моря. Но это нѣкогда кочевое племя, остатки котораго извѣстны теперь подъ именемъ аварцевъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми *аварами*, которые играли замѣтную

быть можетъ, отъ аварскаго *оръ*—рѣка. До сихъ поръ незначительные потоки въ низовьяхъ Волги и по сѣверо-западному берегу Каспійскаго моря называются *ериками*.

роль въ исторіи Европы отъ V до IX столѣтія и наконецъ исчезли подъ ударами Карла Великаго. Эти историческіе авары принадлежали къ племени урало-алтайскому (финно-тюрко-монгольскому); изслѣдованія-же кавказско-аварскаго языка убѣждаютъ въ томъ, что онъ совершенно чуждъ языкамъ урало-алтайскимъ. Не меньше шаткимъ оказалось и другое предположеніе, заявленное Клапротомъ,—о единоплеменности кавказскихъ аварцевъ съ гуннами, а чрезъ этихъ послѣднихъ, и съ мадьярами.

Нѣтъ сомнѣнія, что изслѣдованіе языковъ Восточнаго Кавказа, еще такъ недавно начавшееся, прольетъ много свѣта на исторію племенъ, засѣвшихъ въ горахъ Дагестана. Народныя сказанія горцевъ, съ своей стороны, должны внести сюда лучъ свѣта. Собраніемъ, сравненіемъ и истолкованіемъ этихъ сказаній можетъ разъясниться многое въ жизни обитателей горъ, не досказанное исторіею.

Предлагаемое собраніе аварскихъ сказаній, преимущественно сказокъ, достаточно уясняетъ ихъ главнѣйшіе мотивы и можетъ быть признано довольно-полнымъ. Сказки эти собраны и почти-дословно переведены на русскій языкъ Айдемиромъ Чирксевскимъ, природнымъ аварцемъ, при чемъ собиратель и переводчикъ руководился указаніями г. Услара. Однѣ изъ этихъ сказокъ уже были изданы, въ очень-ограниченномъ числѣ экземпляровъ, въ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій языкъ [5]); другія-же являются въ первый разъ въ печати.

Что касается характеристики горскихъ сказокъ вообще и аварскихъ въ частности, то объ этомъ уже высказано въ настоящемъ „Сборникѣ“ нѣсколько краткихъ, но меткихъ замѣчаній, въ статьѣ П. У.: „Кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ“ [6]). Въ этой статьѣ анализировано, по-преимуществу, собраніе аварскихъ сказокъ, предлагаемое теперь читателямъ.

Н. В.

---

[5]) Напечатаны двумя брошюрами въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, въ типографіи штаба войскъ Дагестанской области, въ 1867—68 гг.

[6]) См. I выпускъ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ,“ отдѣлъ „Народныя сказанія,“ стр. 27–32.

СКАЗКИ И БАСНИ.

Морской конь.

Жилъ-былъ царь, у царя было три сына. Каждый божій день, по утрамъ, приходили всѣ три сына къ отцу, чтобы узнать, не скажетъ-ли онъ имъ чего, не прикажетъ-ли чего. Пошли они однажды къ отцу,—былъ отецъ, какъ-бы щитъ тучи нависъ надъ нимъ,—безмѣрно печаленъ былъ онъ. Сказали сыновья ему: „что съ тобой случилось? не услышалъ-ли ты дурной вѣсти, не постигли-ли тебя великая бѣда или горе?"—„Дурной вѣсти я не слышалъ, не постигло меня великое горе,"—отвѣчалъ имъ отецъ,—„повергъ меня въ таковую печаль видѣнный мною въ прошлую ночь сонъ. Въ то мгновеніе, какъ солнце выходило изъ моря, выскочилъ вслѣдъ за солнцемъ на берегъ моря бѣлоснѣжный конь; мигомъ обѣжалъ онъ три раза вокругъ земли и потомъ скрылся опять въ море,—вслѣдъ за нимъ и сердце мое какъ-бы кануло на дно морское. И отъ царства моего и отъ всего свѣта сердце отвратилось, послѣ того, какъ увидѣлъ я этотъ сонъ."—„Мы отправимся, отецъ, за этимъ конемъ," сказали всѣ три сына, „или найдемъ его, или умремъ, — безъ того или другаго не вернемся."—Сѣли всѣ три сына на коней, взяли каждый по заводной лошади съ запасомъ вкусной и легкой пищи и ударили по конямъ.

На третій день, въ полуденную пору, пріѣхали они къ мѣсту, гдѣ дорога дѣлилась на три; на перекресткѣ вбитъ былъ каменный столбъ, на столбу надпись: „кто поѣдетъ по правой или по лѣвой дорогѣ, тому нечего бояться; кто же поѣдетъ по средней, тотъ или умретъ или вернется со счастіемъ." Старшій братъ поѣхалъ по правой дорогѣ, средній по лѣвой, меньшой погналъ по средней. „Куда ты ѣдешь по дорогѣ, гдѣ не знаешь самъ, живъ-ли или мертвъ будешь? Поѣзжай за однимъ изъ насъ," закричали ему братья.—„Ничего,—будетъ то, что Богомъ написано," отвѣчалъ

меньшой; „счастіе, какъ пѣтушій хвостъ въ вѣтряный день *); какъ знать, не наклонится-ли оно ко мнѣ; поѣзжайте сами съ Божьей милостію,—если не вернусь, разскажите отцу, какъ было дѣло." Много братья не настаивали, и каждый поѣхалъ по своей дорогѣ.

Ѣхалъ меньшой братъ, ѣхалъ онъ, ѣхалъ много, ѣхалъ мало, ѣхалъ ночью, ѣхалъ днемъ, нашу гору миновалъ, чужую гору миновалъ, сорочью, галкину гору миновалъ, густыя лѣса прорѣзалъ, черезъ глубокія ущелья проѣхалъ, прибылъ, наконецъ, въ нѣкій лѣсъ, гдѣ отъ густоты не видно было неба, гдѣ отъ сотворенія міра не слышался звукъ топора. Кружился царевичъ въ этомъ лѣсу, кружился въ немъ, кружился недѣлю, кружился мѣсяцъ, кружился два, три, четыре мѣсяца,—нигдѣ ни слѣда человѣческаго, ни жилища человѣческаго, ни выхода изъ лѣсу. Проголодался онъ, напала жажда, на немъ одежда обветшала, подъ нимъ лошадь околѣла, оружіе заржавѣло, на жизнь надежда пропала. Такъ былъ онъ, когда однажды нашелъ онъ человѣческій слѣдъ, шириною въ локоть, длиною въ три, глубиною въ локоть въ землю. „Умирать, такъ умру,—жить, такъ буду жить," сказалъ царевичъ и пошелъ по слѣду. Пройдя много, пройдя немного, добрался онъ до конца лѣса,—глядитъ,—гладкая поляна, посреди поляны семь башенъ, верхушками до неба достаютъ, вокругъ желѣзный заборъ со стальными кольями, на каждомъ колѣ по человѣческой головѣ. Дошелъ царевичъ до двора, вошелъ въ домъ, смотритъ,—передъ каминомъ сидитъ великанша, головой какъ бы въ потолокъ упираясь. Бросился къ ней царевичъ и приложился губами къ ея груди. „Теперь ты мой сынъ, а я твоя мать," сказала великанша,—„если бы ты не прикоснулся къ моей груди, то вотъ, чтобы я съ тобой сдѣлала." Съ этими словами разорвала она на-двое кошку, отдыхавшую передъ каминомъ и, сунувъ въ золу, проглотила ее. Спросила тутъ она царевича: „изъ какой ты стороны, откуда пришелъ и какое имѣешь дѣло?" Дѣло свое и что случилось въ дорогѣ, все по правдѣ разсказалъ царевичъ великаншѣ. Сказала она церевичу: „семь сыновей у меня, всѣ семеро—Нарты **); каждый божій день отправляются они на охоту, и теперь на охотѣ; пора имъ уже вернуться. Спрячься въ этотъ шкапъ—не то, если увидятъ, непремѣнно умертвятъ тебя.

---

*) т. е. клонится то туда, то сюда.

**) Великаны.

О томъ, что ты желаешь знать, я спрошу у нихъ; который нибудь изъ нихъ вѣрно что-нибудь да знаетъ.“ — Спрятался царевичъ въ шкапъ, раздался на дворѣ вой борзыхъ, пришли семеро нартовъ съ охоты, у каждаго на плечѣ по чинару съ привязаннымъ оленемъ. Войдя на дворъ, ударили деревьями оземь такъ, что въ дребезги они разбились, содрали съ оленей кожу и закричали матери, чтобы наставляла котелъ. Обнюхиваясь, какъ собаки, вошли нарты въ комнату и всѣ семеро сказали: „человѣческимъ духомъ пахнетъ, человѣческимъ духомъ пахнетъ.“—„Что вы съ ума сошли, что-ли,“ сказала имъ мать, разсердившись,—„откуда здѣсь быть человѣческому духу,—вѣрно сами вы принесли его, потому-что бродите повсюду.“ Сваривъ мясо, поставила его мать передъ ними, вмѣстѣ съ кувшиномъ браги, величиною съ домъ. Когда они наѣлись и напились, спросила ихъ мать: „есть-ли такой конь, который выходитъ изъ моря и въ одно мгновеніе обѣгаетъ землю три раза?“ Шестеро старшихъ нартовъ ничего не отвѣтили, меньшой сказалъ: „есть, матушка, такой конь, и хозяинъ его морской царь, живущій на днѣ морскомъ; каждый божій день, когда солнце выходитъ изъ моря, выскакиваетъ конь на сушу, въ одинъ мигъ обѣгаетъ землю три раза, купается въ молочномъ озерѣ, которое лежитъ подлѣ моря, и потомъ, повалявшись на пескѣ, вновь исчезаетъ въ голубомъ морѣ. На морскомъ берегу ростетъ чинаровое дерево, вѣтвями достающее до неба, на немъ виситъ золотое сѣдло, которымъ сѣдлается тотъ конь, и серебряная уздечка, которымъ онъ взнуздывается.“—„Довольно теперь, спите, вы вѣрно устали,“ сказала мать сыновьямъ. Легли, заснули семеро нартовъ. Мать выпустила царевича изъ шкапа, дала ему коня, одежду, все нужное въ пути и, указавъ дорогу къ морю, отпустила его.

Ѣхалъ царевичъ, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, и въ ту пору, какъ человѣкъ и вода спятъ *), доѣхалъ до морскаго берега. На берегу вырылъ онъ яму, сѣлъ въ нее и, не смыкая глазъ, провелъ такъ ночь. Забѣлѣла заря, вышло солнце изъ моря, вслѣдъ за солнцемъ, въ виду царевича, и конь выскочилъ на морской берегъ. Мигомъ обѣжалъ онъ три раза землю, выкупался въ молочномъ озерѣ и сталъ валяться на морскомъ берегу. Бросился царевичъ къ нему и, какъ змѣя, обвился вокругъ его шеи; трижды взвился конь кверху такъ, что, казалось, ударится онъ о го-

*) т. е. въ глухую ночную пору.

лубое небо, трижды падалъ на-земь такъ, что вздрагивала подъ нимъ черная земля: не оторвался царевичъ отъ шеи. ,,Ты побѣдилъ меня, теперь я твой, осѣдлай меня, взнуздай и садись на меня,“ сказалъ конь. Снявъ съ дерева сѣдло и узду, царевичъ осѣдлалъ, взнуздалъ коня и сѣлъ на него. ,,Что теперь прикажешь, что дѣлать мнѣ?“ сказалъ конь.—,,Доставь меня въ государство отца,“ сказалъ царевичъ. Пустился конь, какъ птица.

Много ѣхали, мало ѣхали, закатилось солнце, смерклось, стемнѣло, настала ночь, черная, какъ уголь; вдругъ опять озарились свѣтомъ небо и земля. ,,Что за диво!“ сказалъ самъ себѣ царевичъ, взглянувъ впередъ. Впереди гладкая степь,—обозрѣвать ее глаза устанутъ,—посреди степи что-то сверкаетъ, свѣтится, какъ солнце. Ударилъ царевичъ коня, погналъ, доѣхалъ, смотритъ—золотой пухъ. ,,Взять-ли мнѣ его, или не взять?“ спросилъ царевичъ коня.—,,Если возьмешь—пожалѣешь, если не возьмешь—пожалѣешь,“ отвѣтилъ конь.—,,Если пожалѣю, не взявъ, то лучше ужъ пожалѣю взявъ,“ сказалъ царевичъ и надѣлъ пухъ на шапку. Ударивъ коня, погналъ, пріѣхалъ къ городу, кругомъ стѣна, ворота заперты, ни откуда пути нѣтъ во-внутрь. Нашелъ царевичъ родникъ возлѣ города и сошелъ съ коня. Сказалъ ему конь: ,,пусти ты теперь меня наѣсться травы; когда тебѣ понадоблюсь, подай голосъ,—будь я хоть за семью горами, вмигъ стану передъ тобою.“ — Пустилъ царевичъ коня, подостлалъ подъ себя потникъ, положилъ сѣдло подъ голову, накрылся буркой, пухъ спряталъ въ карманъ, снявъ его съ шапки, и заснулъ, потомъ, какъ человѣкъ, не спавшій шестьдесятъ сутокъ.

Увидѣвъ, что ночь свѣтла, какъ день, сильно перепугались, перетревожились городскіе жители и побѣжали къ царю разсказать о чудѣ. Царь испугался еще болѣе ихъ самихъ, велѣлъ поставить вокругъ города караулъ и до утра не могъ заснуть. Когда разсвѣло, послалъ царь за городъ сто человѣкъ въ полномъ вооруженіи; нашли они царевича еще спящаго; растолкавъ, подняли его и привели къ царю. ,,Что ты за человѣкъ, изъ какого села, изъ какой страны, откуда пришелъ сюда?“ спросилъ его царь.— ,,Самъ не знаю, откуда я, — такъ себѣ, скитаюсь отъ скуки по свѣту“, отвѣчалъ царевичъ.—,,Ты былъ въ полѣ, не знаешь ли, какимъ чудомъ прошлая ночь такъ освѣтилась?“ спросилъ его опять царь. — ,,Чудо это вотъ какое“, сказалъ царевичъ и подалъ царю золотой пухъ, вынувъ его изъ кармана. Людскимъ словомъ невыразимою, отъ сотворенія міра неиспытанною любовію

воспылалъ царь къ тому созданію, отъ котораго упалъ золотой пухъ. Сказалъ царь царевичу: ,,откуда хочешь, но достань мнѣ то созданіе, съ котораго упалъ этотъ пухъ, иначе отсѣку я тебѣ голову.‘‘ Чтобы царевичъ не обманулъ, заставилъ его царь поклясться молокомъ матери. Пошелъ царевичъ, опустивъ голову; выйдя за городъ, кликнулъ онъ: какъ бы изъ земли, выросъ передъ нимъ бѣлый конь. ,,Что ты такъ печаленъ, что такъ грустенъ?‘‘ сказалъ конь. Разсказалъ царевичъ, что произошло у него съ царемъ. ,,Не грусти ни на волосъ, пусть все на свѣтѣ будетъ для насъ такъ легко, какъ это‘‘, сказалъ конь: ,,помнишь-ли ты то молочное озеро, въ которомъ я купался?‘‘ — ,,Помню‘‘, отвѣчалъ царевичъ. — ,,У морскаго царя есть три дочери‘‘, сказалъ бѣлый конь, — ,,каждый божій день, когда солнце достигаетъ полудня, обернувшись въ голубей, прилетаютъ онѣ къ озеру и, снявъ съ себя на берегу голубиныя шкурки, купаются. Тотъ пухъ, который мы нашли, отпалъ отъ младшей сестры. Спрячься въ кусты, которые ростутъ вокругъ озера; когда онѣ войдутъ въ озеро, то проворно схвати шкурку младшей сестры и положи за пазуху; подплыветъ она къ берегу и будетъ упрашивать, чтобы ты отдалъ назадъ шкурку; смотри,—чтобы она ни говорила, —не отдавай ей шкурки и не слушай ея; если такъ сдѣлаешь, то она за тобой всюду послѣдуетъ и будетъ выполнять все, что ей прикажешь.‘‘

Сѣлъ царевичъ на коня, въ одинъ прыжокъ очутился конь у озера, спрятался царевичъ въ кустахъ, солнце поднялось къ полудню и, со свистомъ прилетѣвъ, сѣли на берегу озера три голубя. Снявъ съ себя голубиныя шкурки, превратились они въ лучезарныхъ красавицъ и нырнули всѣ три въ озеро. Выскочивъ, положилъ царевичъ шкурку младшей сестры за-пазуху; приплыла она къ берегу и начала просить свою шкурку назадъ; сколько ни просила она, не послушался ея царевичъ и не отдалъ. Надѣвъ свои шкурки, полетѣли старшія сестры; младшая закричала имъ вслѣдъ: ,,сестры, разстаюсь теперь съ вами, должна остаться здѣсь; доставьте сюда хотя сундукъ, въ которомъ мои уборы.‘‘ Скорѣе, чѣмъ лошадь успѣетъ сдѣлать три скачка, прилетѣли сестры назадъ, поставили на берегу озера коралловый сундукъ, величиною съ кулакъ, и скрылись опять въ голубомъ небѣ. ,,Отвернись, пока я одѣнусь‘‘, сказала дѣвица. Отвернулся царевичъ. Одѣвшись въ платье изъ такой матеріи, которой и названія нѣтъ, отъ блеска которой глаза болятъ, стала дѣвица передъ цареви-

чемъ. Сѣлъ царевичъ на коня, сзади посадилъ дѣвицу, ударивъ коня, погналъ. ,,Куда везешь ты меня?“ спросила дѣвица.—,,Видишь ли ты этотъ городъ?“ сказалъ царевичъ. — ,,Вижу“, отвѣчала дѣвица. — ,,Везу тебя, чтобы отдать царю этого города“.— ,,Вмѣсто того, чтобы отдать ему меня, за чѣмъ самъ не возьмешь за себя?“ сказала дѣвица. Разсказалъ ей царевичъ, что произошло между нимъ и царемъ. Такъ разговаривая, доѣхали они до города. Тутъ пустилъ царевичъ коня и, ведя дѣвицу, отправился къ царю.

Едва увидѣлъ царь дѣвицу, какъ глаза стали у него съ кулакъ, затряслась борода, застучали зубы, языкъ высунулся, какъ у вола; не откладывая дѣла ни на минуту, вознамѣрился онъ взять дѣвицу за себя. ,,Не пойду я за такого старика, какъ ты“, сказала дѣвица, ,,стань двадцатилѣтнимъ молодцомъ, тогда пойду за тебя.“—,,Какъ воротить мнѣ ушедшую жизнь?“ проговорилъ царь. Отвѣчала дѣвица: ,,вырой ты подлѣ города колодезь, глубиною въ пятьдесятъ локтей, наполни его молокомъ бурыхъ коровъ, выкупайся въ немъ, тогда станешь двадцатилѣтнимъ молодцомъ.“ Отвѣчалъ царь: ,,въ цѣломъ царствѣ моемъ не найдется столько бурыхъ коровъ, чтобы наполнить молокомъ ихъ такой колодезь.“ —,,Возьми“, сказала дѣвица, вынувъ изъ кармана маленькій платокъ и подавая его царю, — ,,пошли человѣка съ этимъ платкомъ на вершину горы, которая передъ нами; прикажи ему, когда достигнетъ онъ вершины, махнуть платкомъ: вся окрестная страна наполнится бурыми коровами.“—Всѣмъ жителямъ города приказалъ царь рыть колодезь; человѣка съ платкомъ послалъ на гору. Достигнувъ вершины, махнулъ тотъ человѣкъ платкомъ: изъ лѣсовъ, изъ горъ, съ тысячи разныхъ мѣстъ, набѣжали съ ревомъ бурыя коровы къ городу. Выдоила ихъ дѣвица, наполнился колодезь. Сказала дѣвица: ,,приведите сюда самыхъ старыхъ мужа и жену, какіе только найдутся.“—Привели старика, которому, казалось, было лѣтъ сто, сгорбившагося, слѣпаго; привели такую же женщину. Толкнула ихъ дѣвица въ колодезь: старикъ сталъ двадцатилѣтнимъ молодцомъ, старуха пятнадцатилѣтней дѣвушкой. Какъ только увидѣлъ это царь, то, не глядя болѣе ни на что, бросился въ колодезь. Пошелъ онъ ко дну, какъ свинецъ, и теперь, говорятъ, еще тамъ. ,,Прощайте“, сказалъ царевичъ городскимъ жителямъ, вскочилъ на коня, дѣвицу посадилъ позади себя, тронулъ бѣлаго коня и очутился въ нѣкоторомъ другомъ городѣ.

Пошелъ царевичъ на базаръ купить кое-что и нашелъ тамъ

своего старшаго брата, одѣтаго въ ветхое, въ лохмотьяхъ платье, истощеннаго: продавалъ онъ на базарѣ хлѣбъ, чтобы добывать себѣ пропитаніе. Обрадовались братья, обнялись, каждый разсказалъ, что съ нимъ случилось. Купилъ меньшой братъ старшему одежду, купилъ ему коня, далъ оружіе и взялъ съ собой. Доѣхали они, спустя нѣкоторое время, до другаго города, пошли на базаръ: нашли средняго брата, въ самомъ отчаянномъ положеніи; нашли его служителемъ у мясника, продавалъ онъ мясо. Купилъ для него меньшой братъ все необходимое. Поѣхали теперь всѣ три молодца, вмѣстѣ съ дѣвицей, поѣхали прямо, какъ стрѣла, въ царство своего отца.

Сильная завистъ поселилась въ старшихъ братьяхъ къ меньшому. „Какъ теперь намъ быть на свѣтѣ", говорили они другъ другу, „какъ покажемся отцу, какъ покажемся жонамъ? Или должны мы умереть, прежде чѣмъ доѣдемъ до дому, или должны убить меньшого брата". Сказалъ средній братъ: „впереди колодезь, глубиною въ шестьдесятъ локтей, въ которомъ вода иссякла; подъѣзжая къ нему, скажемъ брату: давай-ко, пустимъ лошадей вскачь. На скаку, взявъ его въ середину, направимъ мы его прямо къ колодцу: и конь и самъ онъ провалятся туда". Согласились оба брата. Подъѣзжая къ колодцу, сказали старшіе братья меньшому: „давай-ко, пустимъ лошадей вскачь." Засмѣялся меньшой братъ и сказалъ: „мой конь въ одинъ мигъ три раза землю обѣгаетъ, могутъ-ли ваши лошади скакать съ нимъ?" — „Нѣтъ нужды, отвѣтили братья, хоть посмотримъ на скачку твоего коня". Пустились всѣ трое вскачь; взявъ меньшого въ средину, направили его старшіе братья прямо къ колодцу. Достигнувъ до колодца, сталъ бѣлый конь, какъ вбитый гвоздь, а царевичъ головой впередъ упалъ въ колодезь. Бросились оба брата ловить коня, но, лишь протянули руки, какъ исчезъ онъ изъ виду. Взявъ съ собой дѣвицу, пріѣхали братья въ отцовскій городъ. Заперли они дѣвицу въ башню, приставили стражу и пошли къ отцу. На одну ложь нанизали они десять, на десять сто, и сказали ему: „видѣннаго тобою во снѣ коня нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ; ни подъ небомъ, ни на землѣ не осталось мѣста, гдѣ бы мы не побывали, гдѣ бы не искали; не нашли человѣка, который бы видѣлъ этого коня, или зналъ о немъ, или слыхалъ о немъ."—„Не нужно мнѣ коня, куда дѣвался вашъ меньшой братъ?" сказалъ царь.—„Кричали мы ему не ѣзди, но, не послушавъ насъ, поѣхалъ онъ по недоброй, опасной дорогѣ; бо-

лѣе мы его не видали; не знаемъ, умеръ ли онъ, не знаемъ, живъ ли.“ Сильно опечалился царь, въ городѣ въ каждомъ домѣ плачъ поднялся, все царство въ черное одѣлось.

Теперь начали братья подсылать къ той дѣвицѣ одну вдову; каждый просилъ, чтобы дѣвица пошла за него. Отвѣчала она: „не пойду я за торговцевъ хлѣбомъ и мясомъ; сама знаю, кто возьметъ меня, а они пусть берегутся.“ — Глядѣла разъ дѣвица изъ окна башни, видитъ: кружится по степи бѣлый конь, устремивъ на нее глаза; махнула дѣвица рукой, очутился конь подъ окномъ. „Гдѣ твой хозяинъ?“ спросила дѣвица.—„Развѣ не знаешь ты, что онъ брошенъ въ колодезь?“ отвѣчалъ конь.—„Какъ бы вытащить его оттуда?“ сказала дѣвица. Отвѣчалъ конь: „брось ты мнѣ на шею веревку, длиною въ шестьдесятъ локтей и съ петлей на концѣ; если петля попадетъ мнѣ на шею, то я вытащу его.“ Не нашла дѣвица подлѣ себя веревки, отрѣзала плотно косы свои и выпряла изъ нихъ веревку длиною въ шестьдесятъ локтей; сдѣлала петлю на концѣ и бросила веревку: петля попала коню на шею. Взвился бѣлый конь и очутился у колодца; опустилъ во-внутрь веревку, царевичъ ухватился, дернулъ конь, очутился царевичъ на-верху. Сѣлъ царевичъ на коня, поѣхалъ въ городъ, увидѣли его братья ѣдущаго: одинъ побѣжалъ на востокъ, другой на западъ, и теперь, говорятъ, еще не остановились.

Обрадовался царь, все царство возликовало. Что тутъ долго толковать? Женился царевичъ на дѣвицѣ, ударили въ мѣдный барабанъ, задули въ кожаную зурну, засвистѣли дудки, голодный насытился, печальный обрадовался. Ни днемъ, ни ночью не отдыхая, спать не ложась, куска въ ротъ не кладя, поспѣлъ я сюда, чтобы разсказать, какъ что было.

Медвѣжье-Ухо.

Жилъ нѣкогда царь, у царя была безконечно-прекрасная дочь. Каждый божій день, со своими прислужницами и подругами, ходила она въ отцовскій садъ; тамъ кушали онѣ, какіе угодно, плоды, играли, рѣзвились вдоволь и къ вечеру возвращались домой. Однажды, когда онѣ такимъ образомъ забавлялись, бросился, неизвѣстно откуда, медвѣдь посреди дѣвушекъ, вскинулъ себѣ на шею царскую дочь и исчезъ, а дѣвушки съ крикомъ, подобно птенцамъ куропатки, разбѣжались во всѣ стороны.

Похитивъ царевну, медвѣдь забрался въ непреступную скалистую пещеру и остался тамъ. Забеременѣвъ отъ медвѣдя, родила церевна сына съ человѣческимъ лицомъ, но съ медвѣжьими ушами. Когда минулъ ему день, казался онъ, какъ бы минула ему недѣля; когда минула ему недѣля, казался онъ, какъ бы минулъ ему мѣсяцъ; когда минулъ ему мѣсяцъ, казался онъ, какъ бы минулъ ему годъ. Такъ росъ онъ и сталъ огромнымъ, необычайнымъ силачомъ.

Однажды, когда медвѣдь ушелъ, спросилъ сынъ у матери: ,,какъ попали мы въ эту скалистую пещеру, откуда сама ты пришла, какъ родился я?" — Разсказала ему мать все случившееся. Едва кончила она свой разсказъ, какъ съ трескомъ поднявшись въ пещеру, началъ подходить медвѣдь. Оторвалъ Медвѣжье-Ухо кусокъ отъ скалы и швырнулъ въ него, попалъ ему прямо въ голову; покатился медвѣдь въ ущелье, распоролъ себѣ животъ надвое и околѣлъ. Сказалъ тутъ Медвѣжье-Ухо матери: ,,ступай ты теперь къ своему отцу, я же не пойду, къ чему я съ своими медвѣжьими ушами годенъ ему? гдѣ-нибудь и для меня найдется мѣсто." Пошла царевна къ сторонѣ отцовскаго дома, потащился и Медвѣжье-Ухо, куда глаза глядятъ.

Шелъ онъ, шелъ, много шелъ, мало шелъ, ночью шелъ, днемъ шелъ, дошелъ до большого города. Началъ Медвѣжье-Ухо бродить по городу, крича: ,,кто возьметъ меня въ работники, кто возьметъ!" Услышалъ царь того города, что, такъ и такъ, пришелъ въ городъ человѣкъ съ медвѣжьими ушами. ,,Приведите его сюда", сказалъ царь: ,,можетъ-ли быть человѣкъ съ медвѣжьими ушами!" Привели Медвѣжье-Ухо. ,,Что ты за человѣкъ, какое знаешь ремесло, какую дѣлаешь работу," спросилъ царь.— ,,Я Медвѣжье-Ухо", отвѣчалъ тотъ, ,,и ремесло мое и работу и силу и манеру узнаетъ тотъ, кто возьметъ меня къ себѣ въ работники".—,,Я возьму тебя въ работники и буду кормить тебя," сказалъ царь.—,,Очень хорошо", сказалъ Медвѣжье-Ухо, ,,лучшаго мѣста мнѣ не найти, лучшаго работника тебѣ не найти." Сталъ Медвѣжье-Ухо работникомъ у царя.

Спустя нѣсколько времени, приказалъ царь сотнѣ людей ѣхать за дровами. ,,За чѣмъ посылаешь ты людей за дровами, имѣя такого работника, какъ я?" сказалъ Медвѣжье-Ухо царю. ,,Не мало дровъ нужно мнѣ, много нужно; что мнѣ въ дровахъ, которыя привезешь ты одинъ?" отвѣчалъ царь. — ,,Дай мнѣ съѣсть пищу, которая приготовлена на сто человѣкъ", сказалъ

Медвѣжье-Ухо, „отдай мнѣ ихъ веревки и прочее; если, послѣ того, не привезу я тебѣ дровъ, сколько нужно, то сабля твоя, шея моя“. Съѣлъ Медвѣжье-Ухо все, что заготовлено было на сто человѣкъ, взялъ ихъ веревки, пошелъ, пришелъ въ лѣсъ; каждое дерево обмоталъ онъ особо веревками, потянулъ: съ корнемъ вырвалось сто деревъ. Волоча ихъ за собой, отправился Медвѣжье-Ухо, пришелъ въ городъ: у кого стѣну отбилъ, у кого домъ верхъ дномъ поставилъ. Закричалъ Медвѣжье-Ухо: „Царь, разширь ворота, пришелъ я изъ лѣса“. Вышелъ царь изъ дома, посмотрѣлъ: свѣта не видать отъ стоячаго лѣса. Ужаснулся царь, задрожалъ: „это не Медвѣжье-Ухо, а медвѣжья бѣда“, сказалъ онъ про себя.

Началъ подумывать царь, какъ бы сгубить Медвѣжье-Ухо, какъ бы отправить его туда, откуда не могъ бы онъ воротиться. Сказалъ онъ Медвѣжьему-Уху: „вотъ, за этой горой, живетъ Картъ*); давно уже должна она мнѣ мѣру гороха, но не отдаетъ; ступай и взыщи съ нея долгъ!“ Пошелъ, пришелъ Медвѣжье-Ухо; засталъ онъ Картъ на гумнѣ молотящею. „За-чѣмъ ты, окаянная, не платишь долга нашему царю? Сейчасъ же отдай, — не то, я саму тебя притащу къ нему“, закричалъ Медвѣжье-Ухо Карту.— „Подожди здѣсь немного“, отвѣчала Картъ, „хорошаго чистаго гороху вынесу тебѣ изъ дома!“ Съ этими словами вошла она въ домъ, а Медвѣжье-Ухо сѣлъ на краю гумна. „Ступай теперь сюда, въ этомъ сундукѣ горохъ, возьми самъ оттуда“, сказала Картъ, показывая на сундукъ, величиною съ домъ. Поднявъ крышу, запустилъ Медвѣжье-Ухо руку въ сундукъ: пусто внутри. Между-тѣмъ, схвативъ его сзади за обѣ ноги, готовилась Картъ бросить его туда. Обернувшись, схватилъ онъ ее за шею и саму упряталъ въ сундукъ. „Пусти меня“, начала молить Картъ, „все, что тебѣ угодно, сдѣлаю, все, что захочешь, отдамъ!“— „Не пущу, окаянная, за-чѣмъ было тебѣ затѣвать со мною ссору?“ сказалъ Медвѣжье-Ухо. Закинувъ сундукъ за спину, отправился онъ и пришелъ къ царю. „Взыскалъ-ли ты долгъ?“ спросилъ царь.—„Не согласилась она отдать долгъ,“ сказалъ Медвѣжье-Ухо, поставивъ сундукъ передъ царемъ, „но, вмѣсто долга, я ее саму притащилъ сюда; теперь дѣлай съ нею, что хочешь!“ Ужаснулся царь, оторопѣлъ, туда, сюда метался, не зналъ, куда дѣваться, сталъ умолять Медвѣжье-Ухо: „ради Бога, не нужно

*) Сказочное существо, въ родѣ нашей Бабы-Яги.

мнѣ ни гороху, ни ея самой; отнеси ее туда, гдѣ она была.“ Отнесъ Медвѣжье-Ухо Картъ домой, толкнулъ ее ногой въ спину и сказалъ: „не попадайся мнѣ впередъ!“

Тутъ погрузился царь въ великую скорбь, не зналъ, за что взяться. „Когда-нибудь упадетъ на мою голову черный день изъ-за этого человѣка“, сказалъ онъ самъ себѣ. Немного спустя, снова сказалъ онъ Медвѣжьему-Уху: „по ту сторону лѣса, живетъ змѣй; давно слѣдуетъ мнѣ получить съ него вола; ступай и приходи, взыскавъ съ него долгъ!“ Пошелъ Медвѣжье-Ухо, пришелъ къ жилищу змѣя: „отдай, окаянный, долгъ нашему царю“, сказалъ Медвѣжье-Ухо, „долго-ли еще тебѣ насмѣхаться надъ людьми?“ Бросился на него змѣй, сыпля искры изъ глазъ; схватилъ его Медвѣжье-Ухо, какъ кота, за оба уха и повелъ къ царю. Еще болѣе испугался царь, въ лицѣ кровинки не осталось, въ тѣлѣ душа не осталась, взмолился онъ: „ради Бога, не нужно мнѣ вола, ничего не нужно мнѣ, только отведи его назадъ въ его жилище!“ —„Будьте вы прокляты! долго-ли мнѣ возиться съ Картами и змѣями!“ сказалъ Медвѣжье-Ухо и выпустилъ змѣя. Поползъ змѣй безъ оглядки къ своему жилищу; на пути проглотилъ онъ табунъ царскихъ кобылицъ, какъ мы глотаемъ галушку.

Чресла переломились у Царя*),—всѣ средства истощились. Спустя порядочно времени, подумавъ хорошенько, указалъ онъ на одну тощую-претощую кобылицу и сказалъ въ третій разъ Медвѣжьему-Уху: „отведи эту кобылицу на гору, очень тоща она; когда пополнѣетъ и сдѣлается, какъ куриное яйцо, тогда только вернись назадъ!“ Пошелъ Медвѣжье-Ухо на гору, ведя кобылу; за нимъ, собравъ съ цѣлаго государства пѣшее и конное войско, двинулся и царь. Окруживъ Медвѣжье-Ухо со всѣхъ сторонъ, начало царское войско съ нимъ битву; какъ туча, полетѣли стрѣлы. „Я бѣднякъ, пасу царскую кобылицу, оставьте меня, пока дѣло не дойдетъ до ссоры“, закричалъ Медвѣжье-Ухо, а самого, между-тѣмъ, язвятъ стрѣлы, какъ блохи. „Береги теперь свои уши, посмотримъ-ко, куда уйдешь ты?“ закричалъ царь, высунувшись изсреди войска. „А! такъ вотъ каковъ ты!“ сказалъ Медвѣжье-Ухо; ударилъ онъ кобылицу оземь и разбилъ на четыре части; швырнулъ Медвѣжье-Ухо одну ногу (кобылью),—легла тысяча человѣкъ, швырнулъ другую,—недостало двухъ тысячъ. Такъ, никого не оставивъ, истребилъ онъ все царское войско.

*) т. е. предался онъ отчаянію.

Пошелъ теперь Медвѣжье-Ухо, куда глаза глядятъ, много шелъ, мало шелъ, посмотрѣлъ впередъ,—идетъ на-встрѣчу какой-то человѣкъ, а на плечахъ у него вырванные съ корнемъ два чинара. ,,Кто ты, молодецъ, пріятель?" сказалъ Медвѣжье-Ухо.—,,Что я за молодецъ? молодецъ, какъ слышно, Медвѣжье-Ухо, который притащилъ къ царю Картъ," отвѣчалъ дровосѣкъ. ,,Вѣдь это я", сказалъ Медвѣжье-Ухо.—,,Если это ты, то я тебѣ товарищъ", сказалъ дровосѣкъ. Пошли оба друга вмѣстѣ, много шли, мало шли, посмотрѣли впередъ, — сидитъ какой то человѣкъ по-среди дороги и вертитъ на колѣнѣ мельницу. ,,Кто ты, молодецъ, пріятель?" сказали они.—,,Что я за молодецъ? молодецъ, какъ слышно, Медвѣжье-Ухо, который притащилъ къ царю змѣя, какъ кота", отвѣчалъ мельникъ. ,,Вѣдь это я", сказалъ Медвѣжье-Ухо. —,,Если это ты, то я тебѣ товарищъ", сказалъ мельникъ. Пошли теперь три друга вмѣстѣ, ходили туда, ходили сюда; наконецъ, увидѣвъ удобное мѣсто, гдѣ бы остановиться, остановились всѣ трое, и начали добывать себѣ пропитаніе, ходя на охоту.

Въ одинъ день, оставивъ при хозяйствѣ дровосѣка, пошли Медвѣжье-Ухо и мельникъ на охоту. Положивъ въ котелъ мясо, началъ было стряпать дровосѣкъ; прислушался—шорохъ, посмотрѣлъ — верхомъ на хромомъ зайцѣ, ковыляя, подъѣзжаетъ какой-то человѣкъ, самъ ростомъ съ пядь, а борода втрое длиннѣе. ,,Дай-ко мнѣ мяса", сказалъ онъ. Далъ ему дровосѣкъ. ,,Дай-ко еще," сказалъ онъ. — ,,Пусть лопнетъ у тебя животъ, а болѣе не съѣшь; убирайся своей дорогой", закричалъ дровосѣкъ. Разомъ соскочилъ Заячій-Всадникъ на землю, выдернулъ изъ бороды волосъ, связалъ имъ дровосѣка, съѣлъ все мясо безъ остатка и, потомъ, какъ пріѣхалъ, такъ и уѣхалъ, ковыляя. Когда вернулись товарищи съ охоты, то развязали они дровосѣка, который разсказалъ имъ все случившееся. На другой день, отправился Медвѣжье-Ухо на охоту, взявъ съ собой дровосѣка, а мельника оставивъ при хозяйствѣ. По-прежнему пріѣхалъ и по-прежнему распорядился Заячій-Всадникъ. На третій день, отправивъ товарищей на охоту, самъ Медвѣжье-Ухо остался при хозяйствѣ. Вынималъ онъ изъ котла мясо, какъ, ковыляя, пріѣхалъ Заячій-Всадникъ. ,,Дай-ко мяса", сказалъ онъ.—,,Не дамъ, съѣшь голову своего отца", отвѣчалъ Медвѣжье-Ухо. Мигомъ соскочилъ бородачъ на землю, выдернулъ изъ бороды волосъ и бросился на Медвѣжье-Ухо, но послѣдній самъ схватилъ его, разщепилъ чинаръ, всунулъ въ разщепъ его бороду и потомъ пустилъ его. Когда

вернулись товарищи съ охоты, пошелъ Медвѣжье-Ухо вмѣстѣ съ ними посмотрѣть, видятъ, — чинаръ вырванъ съ корнями и утащенъ, а Заячій-Всадникъ какъ бы сквозь землю провалился. Пошли они по слѣду дерева, день цѣлый шли, ночь шли, на другой день къ полудню пришли въ какой-то лѣсъ, посреди лѣса бездонная яма, а подлѣ ямы брошенъ чинаръ. Обвязавъ Медвѣжье-Ухо длинной веревкой вокругъ тѣла, дровосѣкъ и мельникъ опустили его въ яму.

Сначала, чуть не замерзъ онъ; потомъ чуть не изжарился онъ; кончилась веревка и нога его ступила на землю; смотритъ,—чертогъ изъ чистаго серебра и золота, сидитъ и шьетъ дѣвица съ лунноподобнымъ лицомъ, сама собою свѣтитъ, а Заячій-Всадникъ спитъ, положивъ бороду на ея колѣна. ,,Кто ты такой? откуда сюда явился? отправляйся безъ оглядки назадъ,—не то, мой мужъ, проснувшись, не оставитъ тебя въ живыхъ'', сказала дѣвица.— ,,Жизнь и смерть въ рукахъ Божіихъ'', выговорилъ Медвѣжье-Ухо, схвативъ Заячьяго-Всадника плотно за бороду; завизжавъ, какъ кошка, обвился вокругъ него бородачъ. Взмахнулъ имъ Медвѣжье-Ухо,—борода осталась у него въ рукахъ, а Заячій-Всадникъ ударился о стѣну и сплющился, какъ блинъ. Тутъ спросилъ Медвѣжье-Ухо дѣвицу: ,,откуда ты, красавица, кто твой отецъ, кто мать?''—,,Что толку въ долгомъ разсказѣ?'' отвѣчала дѣвица, ,,я царская дочь, похитилъ меня этотъ человѣкъ изъ дома родительскаго и держалъ у себя какъ жену''—,,Теперь онъ умеръ'', сказалъ Медвѣжье-Ухо, ,,выведу я тебя на-верхъ и доставлю въ родительскій домъ, но, если позволишь, прошу тебя, выйди за меня за-мужъ; крѣпко полюбилась ты мнѣ''—,,Почему не выйти за тебя, выйду, если хочешь; не хочу никого, кромѣ тебя, ты избавилъ меня отъ его власти'', сказала дѣвица. Тутъ, все, что нашлось внизу, серебро, золото и другія драгоцѣнности, все что было, привязалъ Медвѣжье-Ухо къ веревкѣ; потянули товарищи; привязывалъ онъ, тянули они. Когда все вытянули, остались внизу Медвѣжье-Ухо и дѣвица.—,,Подымайся теперь ты'', сказалъ Медвѣжье-Ухо дѣвицѣ.—,,Нѣтъ, подымайся ты прежде; если я подымусь прежде, то боюсь, чтобы товарищи твои не оставили тебя здѣсь'', сказала дѣвица.—,,Не оставятъ меня, не такіе они люди, подымайся!'' сказалъ Медвѣжье-Ухо. Не соглашалась дѣвица, но Медвѣжье-Ухо настоялъ на своемъ. Подымаясь вверхъ, сказала ему дѣвица: ,,какъ знать, если товарищи оставятъ тебя здѣсь, то научу тебя вотъ чему: когда пройдетъ ночь и покажется разсвѣтъ,

то два барана прибѣгутъ сюда, одинъ черный, другой бѣлый; будутъ они драться между собой; поспѣши вскочить на бѣлаго, онъ вынесетъ тебя на верхній свѣтъ; если вскочешь на чернаго, то полетишь въ нижній свѣтъ!“ Сказавъ это, поднялась дѣвица на-верхъ. „Не осталось-ли еще чего?“ закричали дровосѣкъ и мельникъ. — „Ничего не осталось, подымайте теперь меня“, закричалъ Медвѣжье-Ухо. Не отвѣтили они ни слова, и веревка упала внизъ. Узналъ тутъ Медвѣжье-Ухо вѣроломство своихъ товарищей, остался теперь одинъ-однехонекъ, задыхаясь отъ гнѣва.

Вотъ и ночь прошла, показался разсвѣтъ, явились два барана, одинъ черный, другой бѣлый, и стали драться межъ собою. Хотѣлъ Медвѣжье-Ухо вспрыгнуть на бѣлаго, но второпяхъ попалъ на чернаго; полетѣлъ онъ въ нижній свѣтъ и ударился о крышу дома. Посмотрѣлъ, — передъ нимъ большой городъ. Разомъ, соскочивъ съ крыши, вошелъ онъ въ домъ, — сидитъ старуха и сучитъ нитки. „Дай-ко, матушка, воды, смерть пить хочется“, сказалъ Медвѣжье-Ухо. — „Ужъ не пожаловалъ-ли ты съ верхняго свѣта, чтобы насмѣхаться надъ людьми; откуда возьму я для тебя воды?“ отвѣчала старуха. — „Развѣ нѣтъ у васъ вовсе воды?“ спросилъ онъ. — „Какъ не быть, есть“, отвѣтила она, „да что пользы въ томъ, когда у источника сидитъ девятиглавый змѣй; каждый годъ даетъ ему городъ по дѣвицѣ, и въ этотъ день позволяетъ онъ брать воду; потомъ, пока опять цѣлый годъ не пройдетъ, пресѣкаетъ онъ намъ воду.“ — „Дай-ко сюда два кувшина, посмотрю, какъ-то онъ не позволитъ взять воды“, сказалъ Медвѣжье-Ухо. — „Берегись, берегись, сынъ мой, не ходи туда“, простонала старуха, „пойдешь туда, такъ оттуда не вернешься, убьетъ тебя змѣй, не хуже тебя молодцевъ убилъ онъ.“ — „Убьетъ, такъ убьетъ; не убьетъ, такъ оставитъ, пожалѣвъ; давай сюда кувшины,“ сказалъ онъ. Съ плачемъ подала ему старуха кувшины. Пошелъ Медвѣжье-Ухо, пришелъ къ источнику, наполнилъ оба кувшина, пошелъ назадъ; ничего не сказалъ ему змѣй. Опорожнивъ дома кувшины, вторично пошелъ Медвѣжье-Ухо; наполнилъ кувшины, пошелъ назадъ, — и въ этотъ разъ ничего не сказалъ змѣй. Весь городъ заговорилъ о смѣлости Медвѣжьяго-Уха, дошло это до царя. Позвалъ царь нижняго свѣта Медвѣжье-Ухо къ себѣ и сказалъ: „если ты убьешь змѣя, который пресѣкъ намъ воду, то дамъ тебѣ все, что захочешь, исполню, что бы ни пожелалъ; видно, что ты можешь убить змѣя, иначе такъ смѣло не ходилъ бы ты къ нему.“ — „Или ко мнѣ, или къ нему те-

перь потянетъ счастіе; не забудь же и ты, что обѣщалъ,“ отвѣчалъ Медвѣжье-Ухо.

Сдѣлалъ онъ два войлочныя уха, надѣлъ ихъ себѣ на уши, взялъ кувшинъ и пошелъ къ источнику. ,,Эй, молодецъ,“ закричалъ змѣй, ,,когда ты пришелъ въ первый разъ, я пощадилъ тебя, какъ гостя; когда пришелъ во второй, пощадилъ тебя, какъ друга; не совѣстно ли тебѣ приходить и въ третій разъ, — или, быть можетъ, не дорожишь ты жизнію?“—,,Да разсыпится твое счастіе, окаянный,“ отвѣчалъ Медвѣжье-Ухо, ,,какъ тебѣ не совѣстно пресѣкать людямъ божью воду, какъ тебѣ не совѣстно глотать заживо дѣвушекъ, отнявъ ихъ у родителей; самъ ты берегись теперь, пришелъ тебѣ конецъ!“ Поднявшись, хватилъ змѣй его лапой и оторвалъ оба войлочныя уха; взмахнулъ Медвѣжье-Ухо алмасъ-саблею, которую взялъ у Заячьяго-Всадника,—отлетѣли всѣ девять головъ змѣя. Отъ девяти головъ отрѣзалъ Медвѣжье-Ухо восемнадцать ушей, пришелъ къ царю и подалъ ихъ ему. Великая радость распространилась по городу; чуть не ошалѣлъ весь нижній свѣтъ; одни смѣялись, другіе плакали; говорятъ даже, что многіе передрались между собою отъ избытка радости. И люди, и лошади, и ослы, и телята, и всякая тварь, все побѣжало къ источнику; много людей погибло въ этотъ день, или отъ давки, или перепадавъ въ воду; у другихъ, — животъ лопнулъ оттого, что перепились воды.

Сказалъ тутъ царь нижняго свѣта Медвѣжьему-Уху: ,,выразить не могу того благодѣянія, которое сдѣлалъ ты для меня и для моего царства, такъ велико оно! Нынѣшній годъ на моей дочери лежала очередь быть отданною змѣю на съѣденіе; если хочешь, то возьми ее за себя и сядь на мой престолъ; если бы я могъ сдѣлать для тебя болѣе, то сдѣлалъ бы.“ Отвѣчалъ Медвѣжье-Ухо: ,,я житель верхняго свѣта и, если только ты можешь поднять меня туда, то ничего болѣе не хочу, ничего болѣе не желаю. Не то, чтобы не нравилась мнѣ твоя земля или твоя дочь, нѣтъ, — да продлится жизнь твоя, — но, какъ бы то ни было, сильно хочется на родную сторону.“ Отвѣчалъ царь: ,,не могу я поднять тебя на верхній свѣтъ и никакая тварь не подниметъ тебя туда, кромѣ орлицы, которая живетъ въ чинаровомъ лѣсу; пошлю я къ ней человѣка; какъ знать, быть-можетъ, и согласится она поднять тебя.“ Послали человѣка, орлица не согласилась. Пошелъ тутъ самъ Медвѣжье-Ухо бить челомъ орлицѣ, пришелъ въ чинаровый лѣсъ, нашелъ гнѣздо орлицы, а самой орлицы не нашелъ.

Видитъ, что къ птенцамъ орлицы ползетъ черный, какъ уголь, трехглавый змѣй; искрошилъ его Медвѣжье-Ухо, какъ колбасу, и сѣлъ подъ дерево, дожидаясь орлицы. Летитъ, спустя нѣкоторое время, орлица, словно туча движется, колышатся лѣса и горы; прилетѣла и сѣла на гнѣздо; зачирикали ей птенцы.—,,Эй, сынъ человѣка,'' закричала орлица Медвѣжьему-Уху, ,,ты убилъ врага моего и моихъ дѣтей, прикажи мнѣ службу, какая бы ни была она, сослужу тебѣ.'' — ,,Службу вотъ тебѣ какую приказываю, подними меня на верхній свѣтъ,'' отвѣчалъ Медвѣжье-Ухо. ,,Заколи ты пятьдесятъ буйволовъ и заготовь мясо ихъ,'' сказала орлица, ,,а въ шкурахъ всѣхъ пятидесяти заготовь воду; куда только пожелаешь, подниму тебя.'' Взявъ изъ царскаго стада пятьдесятъ буйволовъ, закололъ ихъ Медвѣжье-Ухо, шкуры наполнилъ водою, на одно крыло орлицы положилъ мясо, на другое воду, самъ сѣлъ въ середину. ,,Ну-ко, пошевеливайся теперь, голубушка,'' сказалъ Медвѣжье-Ухо. Замахала орлица крыльями. Когда сказывала она: ,,мяса,'' давалъ ей Медвѣжье-Ухо мяса; когда сказывала: ,,воды,'' давалъ ей воды. Осталось уже только чуть-чуть до верха, какъ кончилось мясо. ,,Мяса,'' закричала орлица. Отрѣзалъ Медвѣжье-Ухо отъ своей лядвеи кусокъ и далъ ей. Прибыли на верхній свѣтъ, сошелъ Медвѣжье-Ухо съ орлицы и пошелъ, прихрамывая. ,,Эй, молодецъ! отчего ты хромаешь?'' спросила орлица. ,,Такъ себѣ, болитъ нога,'' отвѣчалъ Медвѣжье-Ухо. — ,,Нѣтъ, говори правду,'' сказала орлица.—,,Когда окончилось мясо, то отрѣзалъ я отъ лядвеи кусокъ и далъ тебѣ, оттого и хромаю,'' сказалъ Медвѣжье-Ухо. Выплюнула орлица кусокъ, послюнила и приложила къ ранѣ: какъ была, такъ и сдѣлалась лядвея.

Пошелъ тутъ Медвѣжье-Ухо, пришелъ къ своему жилищу, прислушался: такой шумъ внутри, что хоть оглохнуть; посмотрѣлъ: какъ пѣтухи дерутся между собою дровосѣкъ и мельникъ. Каждый кричитъ: ,,мнѣ дѣвицу, мнѣ дѣвицу,'' а она плачетъ и кричитъ: ,,ни за кого не пойду, кромѣ какъ за Медвѣжье-Ухо.'' — ,,Каждому свое,'' сказалъ Медвѣжье-Ухо, ударилъ одного,—полетѣлъ онъ лицомъ внизъ; ударилъ другаго,—полетѣлъ онъ брюхомъ вверхъ. Пошелъ оттуда Медвѣжье-Ухо съ дѣвицей во владѣніе ея отца; тамъ сдѣлали пиръ на весь міръ; женился Медвѣжье-Ухо на дѣвицѣ, сѣлъ о бокъ царя и теперь еще, говорятъ, блаженствуетъ. Тутъ и сказкѣ моей конецъ.

Картъ и Чилбикъ.

Жила была старуха, у старухи было три сына. Оба старшіе брата были умны и, казалось, выйдутъ изъ нихъ люди; у меньшого, Чилбика, были и парши на головѣ и вши въ тулупѣ; били и колотили его встрѣчный и поперечный. Пошли однажды три брата въ лѣсъ рѣзать прутья. Кончивъ свое дѣло и возвращаясь домой, сбились они съ дороги. Кружились они, кружились по лѣсу; закатилось солнце, наступили сумерки, ни какъ не могли они отыскать дорогу. Сказали братья Чилбику: ,,взлѣзь на дерево и посмотри, не видно-ли гдѣ дыму?" Взлѣзъ Чилбикъ на самое высокое дерево и посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны: изъ самой середины лѣса черными клубами идетъ дымъ. Пошли три брата въ ту сторону, откуда поднимался дымъ; много шли, мало шли, дошли до жилища, вошли во-внутрь: большой огонь горитъ, а передъ огнемъ, растопыривъ ноги, сидитъ Картъ съ тремя дочерьми. Сдѣлавъ привѣтствіе, сказала имъ Картъ: ,,вѣрно вамъ и ѣсть и пить хочется," и поставила передъ ними пищу. Отъ страху, въ ротъ ничего не могли взять старшіе братья, а Чилбикъ не постыдилъ себя, съѣлъ и за братьевъ. Наѣвшись, напившись, наговорившись, постлала Картъ постель и уложила на нее своихъ дочерей; на другой постели уложила трехъ братьевъ, а сама легла передъ каминомъ. Когда прошло уже довольно ночи, наточила она алмасъ *), чтобы зарѣзать трехъ молодцовъ, и закричала: ,,кто спитъ, кто не спитъ?" — ,,Я сплю и не сплю," отозвался Чилбикъ.—,,Отчего-же ты не спишь, Чилбикъ, что тебѣ нужно?" спросила Картъ. — ,,Въ эту пору," сказалъ Чилбикъ, ,,пирожки пекла мнѣ мать, вспомнилъ я о нихъ и не могу заснуть." Разведя огонь съизнова и наставивъ котелъ, испекла Картъ пирожки и накормила Чилбика. Прошло еще довольно времени; снова наточивъ алмасъ, закричала Картъ: ,,кто спитъ, кто не спитъ?"— ,,Я сплю и не сплю," отозвался Чилбикъ. — ,,Отчего-же ты не спишь, Чилбикъ, чего тебѣ еще нужно?" спросила Картъ.—,,Въ эту пору кормила меня мать сластями, хочется мнѣ ихъ покушать и потому не могу заснуть," отвѣчалъ Чилбикъ. Встала Картъ, накормила его сластями; снова улеглись. Прошло еще довольно времени; казалось, что онъ уже заснулъ; закричала Картъ въ третій разъ: ,,кто спитъ, кто не спитъ?"—,,Я сплю и не сплю,"

*) Такъ называется въ сказкахъ и пѣсняхъ весьма-острый мечъ или ножъ.

отвѣчалъ Чилбикъ. „Слушай ты, Чилбикъ, днемъ можно не спать, а ты и ночью не спишь, что-ли? Сама я тороплюсь идти завтра на пашню, засни-же, наконецъ,“ проворчала на него Картъ. „Какъ мнѣ заснуть? въ эту пору давала мнѣ мать пить воду, которую приносила въ рѣшетѣ изъ рѣки; пока не выпью ея, мнѣ глазъ не закрыть,“ сказалъ Чилбикъ. Пошла Картъ съ рѣшетомъ къ рѣкѣ. Какъ только вышла она изъ дома, Чилбикъ переложилъ трехъ дочерей ея на постель, на которой лежалъ съ братьями, а на постель дочерей легъ самъ и уложилъ братьевъ. Между-тѣмъ, пришла Картъ къ рѣкѣ; зачерпнула рѣшетомъ въ рѣкѣ и подняла,—пролилась вода; снова зачерпнула и подняла,—снова пролилась вода. Швырнувъ рѣшето въ рѣку, въ сердцахъ вернулась Картъ домой; войдя по-тихоньку въ комнату, закричала она: „кто спитъ, кто не спитъ?“ Припавъ къ постели, даже не шевельнулся Чилбикъ. Думая зарѣзать молодцовъ, зарѣзала Картъ своихъ дочерей,—только прохрипѣли онѣ всѣ три.

Съ разсвѣтомъ, приготовилась Картъ идти на пашню. „Красная-Грудь (такъ называлась старшая дочь Карта), Красная-Грудь,“ сказала Картъ, „я иду на пашню, а ты, дочка, свари головы и ноги этихъ дѣтей, къ полудню приходи за мной, и сами вы не сидите голодными.“ —„Приду, матушка,“ отвѣчалъ Чилбикъ, подражая голосу Красной-Груди. Ушла Картъ на пашню.

Около полудня, отправивъ братьевъ домой и сваривъ ноги и головы дочерей, Чилбикъ одѣлся въ платье Красной-Груди и пошелъ къ Карту, которая въ то время занималась жнивомъ. Завидѣвъ его и думая, что видитъ дочь, закричала Картъ: „отъ солнца загоришь ты, отъ вѣтра потрескаешься; вернись скорѣе домой, дочь моя.“ Положилъ Чилбикъ на краю пашни корзину, въ которой были ноги и головы дочерей, а самъ вернулся и издали сталъ подсматривать, что-то будетъ съ Картомъ. На-чисто кончивъ жатву, пришла и сѣла Картъ, весело сбираясь насытиться мясомъ мальчиковъ. „То, что ты сдѣлалъ, Чилбикъ, съ пирожками и съ сластями, теперь сдѣлаю съ тобой,“ сказала Картъ, запуская руку въ корзину; вынула, смотритъ,—голова Красной-Груди! Завыла Картъ, заревѣла, стала царапаться, рваться, прыгнула вверхъ, ударилась о землю, и скрежеща зубами, бросилась по слѣдамъ Чилбика; гонится она, бѣжитъ онъ, гонится она, бѣжитъ онъ, перебѣжалъ онъ по мосту изъ золы, а Картъ повернула домой, рвя на себѣ волосы.

Пошелъ, пришелъ Чилбикъ домой. Весь народъ узналъ и

царь услышалъ о томъ, какъ Чилбикъ поступилъ съ Картомъ. Позвалъ царь Чилбика и сказалъ ему: ,,слышно, что у Карта есть одѣяло, которымъ могутъ укрыться сто человѣкъ; ступай и украдь его, за то я награжу тебя своею милостію.''—,,Пусть мнѣ также легко ѣсть галушки, какъ сдѣлать это,'' отвѣчалъ Чилбикъ. Взявъ длинную пику, пошелъ онъ, чтобы украсть одѣяло у Карта. До сумерокъ скрывался онъ въ лѣсу; вечеромъ, когда Картъ легла спать, взобрался онъ на крышу, пробилъ въ ней дыру и началъ колоть Картъ сквозь одѣяло. ,,И одѣяло-то мнѣ поперечитъ съ тѣхъ поръ, какъ умерли дочери; откуда въ немъ столько блохъ?'' заговорила Картъ. Снова кольнулъ онъ ее, разсердилась Картъ. ,,Чтобъ хозяинъ твой померъ *), сейчасъ выброшу на дворъ,'' закричала она. Кольнулъ ее сряду нѣсколько разъ Чилбикъ,—швырнула Картъ на дворъ одѣяло, съ тысячью проклятій. Когда прошелъ гнѣвъ, вышла она на дворъ взять назадъ одѣяло,—нѣтъ одѣяла; посмотрѣла впередъ,—видитъ, что, взбросивъ его на спину, улепетываетъ Чилбикъ; гонится она, бѣжитъ онъ, гонится она, бѣжитъ онъ, перебѣжалъ онъ по мосту изъ золы, а Картъ съ воемъ воротилась домой.

Пошелъ, пришелъ Чилбикъ и бросилъ передъ царемъ одѣяло. Сказалъ ему царь: ,,если ты могъ украсть это, то и все можешь сдѣлать; слышно, что у Карта есть котелъ, въ которомъ можно приготовить пищу на сто человѣкъ; ему мѣсто быть подлѣ одѣяла, ступай и украдь его.'' Наполнилъ Чилбикъ мѣшокъ голышами изъ рѣки и пошелъ за тѣмъ, чтобы украсть котелъ у Карта. До вечера скрывался онъ; вечеромъ-же, когда Картъ начала стряпать, взобрался Чилбикъ на крышу и посмотрѣлъ внизъ черезъ трубу: стоитъ котелъ надъ огнемъ и кипитъ, а Картъ сидитъ передъ нимъ, растопыривъ ноги, и плачетъ, вспоминая о своихъ дочеряхъ. Бросилъ Чилбикъ внизъ камень,—обварили брызги ноги Карта, разсердилась она; бросилъ онъ опять,—обварился животъ у Карта. ,,Выброшу тебя сейчасъ на дворъ,'' закричала Картъ, ,,и котелъ-то мнѣ поперечитъ съ тѣхъ поръ, какъ умерли дочери.'' Все, что было въ мѣшкѣ, випорожнилъ Чилбикъ; совсѣмъ одурѣла Картъ отъ ярости; съ шумомъ вылетѣлъ котелъ на дворъ. Немного успокоившись, вышла она на дворъ, чтобы взять назадъ котелъ,—нѣтъ котла; посмотрѣла впередъ,—видитъ, что, взбросивъ

*) Весьма обыкновенное у горцевъ проклятіе, обращаемое къ животнымъ или къ неодушевленнымъ предметамъ.

котелъ на спину, улепетываетъ Чилбикъ. Гонится она, бѣжитъ онъ, гонится она, бѣжитъ онъ, перебѣжалъ онъ по мосту изъ золы, а Картъ воротилась домой, саму себя царапая.

Пошелъ Чилбикъ, пришелъ: „вотъ онъ" сказавъ, бросилъ котелъ передъ царемъ. Сказалъ ему царь: „слышно, что у той-же Карта есть коза съ золотыми рогами; даетъ она сахъ *) молока утромъ и сахъ вечеромъ; ступай и украдь эту козу, тогда я тебя премного возвеличу." Наскучило это уже Чилбику, но и въ этотъ разъ пошелъ онъ изъ уваженія къ царю.

Пошелъ Чилбикъ, дошелъ; вечеромъ, пробивъ кровлю хлѣва, началъ онъ колоть козу, заблеяла коза. „Чему ты обрадовалась? чтобы тебя зарѣзали, — съ тѣхъ поръ, какъ умерли мои дочери, ты болѣе прежняго начала блеять," проворчала Картъ на козу. Кольнулъ онъ ее снова,—заблеяла, запрыгала коза. „Чтобъ тебя волкъ съѣлъ, выброшу за рога на дворъ, спать не дашь ты мнѣ, что-ли?" закричала Картъ. Кольнулъ Чилбикъ сряду нѣсколько разъ,—съ блеяньемъ коза вылетѣла на дворъ. Поуспокоившись, вышла Картъ на дворъ, чтобы загнать назадъ козу, думая, не Чилбикъ-ли уже пришелъ снова. Нѣтъ козы, посмотрѣла впередъ,—взбросивъ козу на шею, только пыль поднимаетъ Чилбикъ. Гонится она, бѣжитъ онъ, гонится она, бѣжитъ онъ, перебѣжалъ онъ по мосту изъ золы, а Картъ воротилась домой, колотя себя въ грудь.

Пошелъ Чилбикъ, пришелъ, за рога притащилъ козу къ царю. Сказалъ царь Чилбику: „то и дѣло слышу я, что Картъ, да Картъ; хотѣлось-бы мнѣ посмотрѣть, какова она изъ себя; нѣтъ причины теперь тебѣ не привести ея ко мнѣ; если ты воротишься, совершивъ и этотъ подвигъ, то отдамъ за тебя дочь свою, дамъ власть надъ цѣлымъ царствомъ и посажу рядомъ съ собою." Началъ было отказываться Чилбикъ; бросились тутъ на него царскіе приближенные: кто толкнулъ, кто ударилъ его,—стыдили его, говоря, что ради царя и царской дочери и сто разъ долженъ умереть молодецъ. Ободрившись и почесывая голову, пошелъ Чилбикъ: привѣсилъ онъ себѣ бороду изъ шерсти, такіе-же усы, раскрасился, совсѣмъ перемѣнилъ наружность, завернулся въ ветхій, дырявый коверъ и, въ видѣ стараго, горбатаго нищаго, пришелъ къ дверямъ Карта. Плачетъ Картъ, поминаетъ умершихъ дочерей. „Дай немного хлѣба, Богъ воздастъ тебѣ," сказалъ Чилбикъ, стоя у дверей. Подошла Картъ къ дверямъ, внимательно

*) Мѣра, нѣсколько болѣе двухъ гарнцевъ.

оглядѣла его и, какъ-бы подозрѣвая, сказала ему: „ужъ не Чилбикъ-ли ты,—мнѣ что-то кажется, что не къ добру пришелъ ты.“ Заплакалъ Чилбикъ: „да придетъ черный день, какъ для Чилбика, такъ и для всего его потомства,“ сказалъ онъ, „черезъ кого, какъ не черезъ него, дошелъ я до такого положенія? Онъ убилъ у меня отца и мать, лишилъ меня всего имущества и пустилъ съ сумой по міру.“ Вспомнила Картъ и свое горе, заплакала, заохала; вдвоемъ пригорюнились они.

Давъ милостыню, сказала Картъ: „нуженъ мнѣ сундукъ для муки, не смастеришь-ли ты его?“—„Какъ не смастерить, смастерю; лучше меня мастера не найдешь“, сказалъ Чилбикъ. Тутъ-же,—тяпъ-ляпъ,—сдѣлалъ онъ сундукъ. Вошла Картъ вовнутрь, кашлянула,—разлетѣлся сундукъ во всѣ стороны. „Хорошій, крѣпкій сундукъ сдѣлай мнѣ,—что мнѣ въ такомъ сундукѣ?“ сказала она. Сдѣлалъ онъ другой сундукъ изъ нетесанныхъ дубовыхъ бревенъ; войдя во-внутрь, кашлянула Картъ,—не разбился сундукъ, даже съ мѣста не тронулся. „Не закрыть-ли крышу, чтобы посмотрѣть, хорошо-ли приходится?“ спросилъ Чилбикъ. —„Запирай“, сказала Картъ. — „Не запереть-ли на замокъ?“ сказалъ Чилбикъ.—„Запирай“, сказала Картъ. Заперевъ сундукъ, сказалъ Чилбикъ: „Картъ! вѣдь это я, Чилбикъ.“ Заревѣла Картъ, закашляла,—чего, чего ни дѣлала, — куда тебѣ: не разбивается сундукъ! „Много не бейся, красавица“, сказалъ Чилбикъ, „чего добраго, подурнѣешь, и царь будетъ тобою недоволенъ, а то онъ вѣдь просто умираетъ отъ любви къ тебѣ.“ Такъ подшучивая надъ нею, пошелъ Чилбикъ, взявъ на себя сундукъ. Дойдя до моста изъ золы, сказалъ Чилбикъ: „Картъ! вѣдь мы переходимъ черезъ мостъ.“ Душа въ пятки ушла у Карта, чуть не умерла со страха.

Пошелъ Чилбикъ, пришелъ, поставилъ сундукъ передъ царемъ, наполнилъ два мѣшка землей и взобрался на высокое дерево. Царь приказалъ, стража раскрыла сундукъ и выпустила Картъ. Проглотила Картъ прежде всѣхъ царя, проглотила окружавшихъ его, проглотила стражу, проглотила все, что только говорило, что двигалось, что лаяло, не оставила ни одного живаго существа. И этого не довольно было ей, потому-что Чилбикъ не попался въ руки. Смотря по сторонамъ, увидѣла она Чилбика. Полѣзла Картъ на дерево, протянула руку, чтобы стащить его; бросилъ ей Чилбикъ въ лицо оба мѣшка. Какъ бревно покатилась она, лопнуло у нея брюхо на двое, околѣла она. Когда брюхо

лопнуло, раздался трескъ, какъ бы выпалили изъ чугунной пушки. И вотъ, вышли оттуда пѣтухи съ пѣніемъ, собаки съ лаемъ, люди, разговаривая; все, что Картъ проглотила, вышло наружу: не вышла одна лишь царская дочь. Взрѣзалъ Чилбикъ мизинецъ Карта,—выскочила изъ него царевна. Тутъ же женился Чилбикъ на царевнѣ. Въ мѣдный барабанъ забили, въ кожаную зурну задули, дудки засвистѣли. Оставилъ я ихъ, какъ пыль поднимали столбомъ, а самъ сюда пришелъ.

Черный Нартъ.

У отца было три сына и три дочери. Заболѣвъ, лежа на смертномъ одрѣ, сдѣлалъ онъ завѣщаніе и сказалъ тремъ сыновьямъ: «когда умру, то пусть каждый изъ васъ по три ночи стережетъ мою могилу; послѣ того, кто бы ни пришелъ просить за себя моихъ дочерей, хотя-бы пернатое существо, хотя-бы четвероногое животное,—кто-бы ни пришелъ,—не отказывайте и отпустите ихъ съ нимъ.» Сдѣлавъ такое завѣщаніе, умеръ въ скоромъ времени отецъ. Стеречь его могилу пошелъ сначала старшій сынъ. Побоялся онъ идти на могилу, три ночи провелъ, спрятавшись въ чьемъ-то сараѣ, и вернулся назадъ. «Что случилось, что видѣлъ, что слышалъ?» спросили его братья. «Ничего не случилось особаго; что тамъ можно было видѣть или слышать?» отвѣчалъ онъ. Пошелъ потомъ средній братъ, также спрятался и потомъ вернулся назадъ. Пошелъ наконецъ меньшой братъ,—пришелъ и сѣлъ на отцовской могилѣ. Ровно въ полночь, явился сѣрый, весь въ яблокахъ конь, явился со ржаніемъ и сталъ лизать могильный памятникъ. Схвативъ за гриву, вспрыгнулъ молодецъ на него. «Эй, молодецъ!» сказалъ конь, «на седьмое-ли небо взбросить тебя, или подъ седьмую землю хватить?»—«Дѣлай, какъ хочешь,» отвѣчалъ онъ. Трижды вверхъ взлетѣлъ конь, трижды внизъ хватилъ, — не свалился съ него молодецъ, даже не пошевельнулся, какъ вбитый гвоздь. «Побѣдилъ ты меня,» сказалъ конь, «вырви изъ гривы волосъ и отпусти меня теперь; когда тебѣ понадоблюсь я, то зажги ты этотъ волосъ, — не успѣетъ онъ сгорѣть, какъ я стану передъ тобой». Вырвалъ изъ гривы волосъ и отпустилъ молодецъ коня. На вторую ночь, въ ту же пору, и точно также, явился гнѣдой конь, и съ нимъ тоже случилось; отпустилъ его молодецъ, вырвавъ изъ гривы волосъ. На третью

ночь, пришелъ вороной конь, и его отпустилъ молодецъ, вырвавъ изъ гривы волосъ. Послѣ того вернулся онъ домой. «Какъ,— что видѣлъ, что слышалъ?» спросили его братья. «Ничего особеннаго,—что вы видѣли, то и я видѣлъ, что вы слышали, то и я слышалъ,» отвѣчалъ онъ.

Послѣ того, пришелъ волкъ просить за себя ихъ старшую сестру; не отдавали ея старшіе братья. «Нѣтъ, нельзя нарушить отцовскаго завѣщанія, возьми волкъ ее себѣ,» сказалъ меньшой. Унесъ волкъ дѣвицу. Вслѣдъ за волкомъ прилетѣлъ ястребъ просить среднюю сестру, — отдалъ онъ и ее. За ястребомъ прилетѣлъ соколъ просить меньшую сестру,—отдалъ онъ и ее.

Вотъ услышали они, по прошествіи нѣкотораго времени, новость,—разошлась новость по-всюду, что, чей конь перепрыгнетъ черезъ башню, за того царь западнаго края отдастъ свою старшую дочь. Стали готовиться оба старшіе брата: коней холить, оружіе, платье, все нужное справлять. «И я съ вами поѣду, возьмите и меня съ собою,» сказалъ меньшой. «Не такое мѣсто, чтобы брать такихъ, какъ ты; сиди дома, поджавъ хвостъ» *), сказали братья. Спустя нѣсколько времени послѣ ихъ отъѣзда, зажегъ онъ волосъ сѣраго коня. Не вѣсть откуда явился конь и сталъ передъ нимъ, а на немъ лежитъ голубое платье, голубое оружіе, все нужное для молодца. «Чего желаешь, молодецъ!» спросилъ конь. «Чего желаю? — чей конь перепрыгнетъ черезъ башню, тому царь западнаго края отдастъ свою дочь; хочу, чтобы она досталась мнѣ,» сказалъ молодецъ.—«Когда мы подъѣдемъ къ башнѣ,» сказалъ конь, «то ударь ты меня нагайкой такъ, чтобы сорвать съ меня мяса величиною съ ладонь и чтобы крови вышло съ ложку: наша будетъ дѣвица!»—Пустился молодецъ въ дорогу, догналъ братьевъ,—не узнали они его, а онъ узналъ ихъ. Доѣхали они до столицы западнаго царя; въ ней набралось народа тьма-тьмущая; вокругъ вездѣ толпятся всадники; однихъ бѣшеные кони уносятъ Богъ-вѣсть куда; у другихъ кони, ударившись грудью о башню, опрокидываются назадъ,—никто не можетъ совершить подвига. Пріударилъ молодецъ коня нагайкой такъ, что съ него сорвалося мяса, величиною съ ладонь, и пролилось крови съ ложку: какъ пущенная стрѣла, перелетѣлъ конь черезъ башню. Позади себя посадилъ дѣвицу, поскакалъ молодецъ домой; доѣхалъ, скрылъ дѣвицу въ отдаленномъ покоѣ, отпустилъ коня и

---

*) т. е. смирно.

сталъ ждать братьевъ. Вотъ ѣдутъ и братья; кони ихъ переваливаются, на коняхъ сами они переваливаются и очень гнѣвают-ся, какъ будто изъ рукъ ихъ вырвали дѣвицу. «Что случилось»? спросилъ ихъ меньшой братъ. — «Что случилось? увезъ дѣвицу всадникъ на сѣромъ конѣ,—чтобъ ему свѣтъ горекъ сдѣлался;—кабы не онъ, была бы дѣвица наша,» отвѣчали они.

Спустя нѣкоторое время, распространилась опять новость, что западный царь отдаетъ свою среднюю дочь за того, чей конь перепрыгнетъ через башню. Снова снарядились старшіе братья. «Хоть въ этотъ разъ возьмите меня,» сказалъ меньшой; — и договорить не дозволили ему братья. Лишь только они уѣхали, какъ зажегъ онъ волосъ гнѣдаго коня,—сталъ конь передъ нимъ, а на конѣ лежитъ красное платье, красное оружіе, все необходимое. «Чего желаешь, молодецъ?» сказалъ конь. «Чего желаю? за того, чей конь перепрыгнетъ чрезъ башню, западный царь отдаетъ свою среднюю дочь; хочу, чтобы она досталась мнѣ.» Тоже, что сѣрый конь посовѣтовалъ, посовѣтовалъ и этотъ. Сѣлъ молодецъ, погналъ, догналъ братьевъ; не узнали они его, онъ же узналъ ихъ. Подъѣзжая къ башнѣ, пріударилъ онъ нагайкой такъ, что сорвалось мяса величиною съ ладонь, пролилось крови съ ложку: какъ брошенный камешекъ, перелетѣлъ конь через башню. Взявъ дѣвицу, поскакалъ молодецъ домой, пріѣхалъ, возлѣ сестры дѣвицу помѣстилъ, коня отпустилъ и сталъ ждать братьевъ. Ѣдутъ, по прошествіи нѣкотораго времени, братья; лошади ихъ устали, сами они устали и очень печальны. «Какъ, что?» спросилъ меньшой. «Увезъ дѣвицу всадникъ на гнѣдомъ конѣ,—чтобы для него свѣтъ помрачился!» отвѣчали они.

Вотъ разошлась въ третій разъ новость, что, чей конь перепрыгнетъ черезъ башню, тому западный царь отдастъ свою меньшую дочь. Снова снарядились старшіе братья. «Хоть въ этотъ разъ возьмите меня,» заговорилъ меньшой;—и договорить не дали ему братья. Лишь только они уѣхали, какъ зажегъ онъ волосъ воронаго коня,—сталъ конь передъ нимъ, а на конѣ лежитъ черное платье, черное оружіе, все нужное для всадника и даже еще лишнее. «Чего желаешь, молодецъ?» спросилъ конь.—«Чего желаю? за того, чей конь перепрыгнетъ черезъ башню, западный царь отдастъ свою меньшую дочь; хочу, чтобы она досталась мнѣ,» отвѣчалъ онъ. Тоже, что совѣтовали сѣрый и гнѣдой, посовѣтовалъ и этотъ; сѣлъ молодецъ на коня, погналъ, догналъ братьевъ, узналъ онъ ихъ, они его не узнали. Подъѣзжая къ башнѣ, пріи-

ударилъ онъ по прежнему нагайкой, — словно птица, перелетѣлъ конь черезъ башню. Посадивъ сзади дѣвицу, поскакалъ молодецъ домой, пріѣхалъ, возлѣ сестеръ дѣвицу помѣстилъ, коня отпустилъ и сталъ ждать братьевъ. Вотъ ѣдутъ братья; въ пыли, въ грязи, съ головы до ногъ, кони ихъ едва передвигаютъ ноги, а сами они очень гнѣвны, очень печальны. «Что случилось, какъ случилось?» спросилъ меньшой. «Увезъ дѣвицу всадникъ на ворономъ конѣ,—чтобы сломать ему шею, подъѣзжая къ дому!» отвѣчали они. «На сѣромъ конѣ я былъ, на гнѣдомъ я былъ и на ворономъ я былъ,» сказалъ тутъ меньшой братъ, «коли не вѣрите, то посмотрите сами.» Сказавъ это, вошелъ онъ въ отдаленный покой, вывелъ трехъ дѣвицъ и показалъ ихъ братьямъ. Остались они съ разинутымъ ртомъ, не нашли, что сказать, и, совершенно потерявшись, глядѣли только другъ на друга. Старшую сестру старшему брату отдалъ молодецъ, среднюю среднему, а меньшую оставилъ себѣ.

Послѣ того, сильно возненавидѣли его братья; стали они помышлять, какъ бы устроить ему гибель. Для сего, пошли они однажды на охоту, взявъ и его съ собой за тѣмъ, чтобы убить его, гдѣ будетъ возможно. До заката солнца охотились они; послѣ заката пустили стрѣлы, сказавъ, что будутъ ночевать тамъ, куда онѣ вонзятся. Пошли они за стрѣлами, пошли: стрѣла меньшого вонзилась въ камень, а отъ него вправо и влѣво вонзились стрѣлы старшихъ братьевъ. Потянулъ меньшой братъ свою стрѣлу; камень, поднявшись, опрокинулся къ нему; смотритъ,—подъ камнемъ отверстіе, внизъ идетъ лѣстница. Вошли всѣ трое во-внутрь,—а тамъ чертоги изъ жемчуга и яхонтовъ и въ нихъ все то, что только можно отыскать на свѣтѣ; накрытый столъ, рога полные вина. Наѣлись, напились старшіе братья, опьянѣли они, повалились на полъ; меньшой выпилъ только одинъ рогъ, съѣлъ кусочекъ хлѣба и сказалъ самъ себѣ: «домъ этотъ не безъ хозяина, ѣсть съ этого стола найдется человѣкъ, пить изъ рога найдется человѣкъ,—дай-ко, не буду я оплошенъ.» Сказавъ это, поднялся онъ на-верхъ, сѣлъ у края отверстія: ни шороха, ни шелеста, даже сама вода спитъ. Очень усталъ онъ, и началъ было уже дремать, какъ вдругъ услышалъ шумъ. Пропалъ у него сонъ, посмотрѣлъ впередъ, — съ шумомъ идетъ девятиглавый змѣй, изъ очей бросаетъ пламя, идетъ и подходитъ къ нему. «Что подъ небесами летаетъ, то срываетъ съ себя перо и бросаетъ мнѣ,» сказалъ змѣй, «что по землѣ ползаетъ, то трижды челомъ бьетъ

мнѣ, а вы, видно храбрецы, если осмѣлились пустить коней на мой лугъ, ѣсть за моимъ столомъ и пить изъ моего рога.» Сказавъ это, бросился на него змѣй, бросился и молодецъ впередъ, схватились другъ съ другомъ. Приподнявъ кверху, ударилъ змѣй молодца оземь,—ушелъ молодецъ въ землю по самыя колѣна; приподнявшись, ударилъ молодецъ змѣя, — ушелъ змѣй въ землю до половины. Съ трудомъ приподнявшись, ударилъ змѣй молодца,— ушелъ молодецъ въ землю до самыхъ лядвей. Высвободившись, ударилъ снова молодецъ змѣя,—только голова змѣя осталась надъ землей, не могъ онъ уже болѣе подняться. «Что, не зарѣзать ли тебя теперь?» сказалъ молодецъ, поднявъ мечъ. «Храбрецъ не дразнитъ врага, рѣжь,» отвѣчалъ змѣй. Срубилъ молодецъ всѣ девять головъ его, съ девяти головъ срубилъ восемнадцать ушей, положилъ ихъ въ карманъ, легъ возлѣ братьевъ и заснулъ. Поутру, когда встали, ничего не сказалъ онъ братьямъ о случившемся ночью; снова начали они охотиться, а на закатѣ солнца пустили опять стрѣлы. Пошли они за стрѣлами, — стрѣла меньшого вонзилась въ кустъ, а по обѣ стороны отъ него попали стрѣлы старшихъ братьевъ. Потянулъ меньшой свою стрѣлу, вырвалъ ее съ кустомъ вмѣстѣ, изъ подъ куста показался старикъ съ бѣло-снѣжной бородой, а въ рукахъ у него козлиный мѣшокъ. Протянулъ старикъ къ нимъ мѣшокъ и сказалъ: «если вы можете наполнить ложью этотъ мѣшокъ, то будете моими гостями; если же нѣтъ, то вернитесь туда, откуда пришли.» Взялъ старшій братъ мѣшокъ, лгалъ и дулъ, лгалъ и дулъ, и отдалъ мѣшокъ старику. «Не надулся,» сказалъ старикъ. Взялъ мѣшокъ средній братъ, лгалъ и дулъ, лгалъ и дулъ, и отдалъ старику. «Не надулся,» сказалъ старикъ. Взялъ теперь мѣшокъ меньшой братъ и, отойдя немного въ сторону, бросилъ въ него змѣиныя уши и отдалъ старику. «Надулся теперь, сойдите внизъ, будьте моими гостями, будьте моими сыновьями,» сказалъ старикъ. Пошелъ старикъ внизъ, а за нимъ и они пошли. Великолѣпный покой то былъ, а внутри его сидитъ дѣвица, подобная утренней звѣздѣ, такъ что и у мертваго возбудилась бы любовь къ ней. Вставъ, поставила она передъ братьями что ни есть на свѣтѣ лучшую и вкусную пищу и къ ней такіе же напитки. Когда они кончили ѣсть и пить, сказалъ имъ старикъ: «вотъ уже теперь семь лѣтъ, какъ возникъ споръ между Змѣемъ и Чернымъ Нартомъ изъ-за моей дочери. Нартъ требуетъ ее за себя, а Змѣй требуетъ ее за себя. Боясь обоихъ, я не могъ отдать ее ни за

того, ни за другаго; ты убилъ Змѣя,» сказалъ онъ меньшому брату, «возьми за себя мою дочь; имѣя такого зятя, какъ ты, не боюсь я и Нарта.» Вотъ, изъ передняго угла поднялся мулла, въ дверяхъ явился будунъ, совершили бракъ, ударили въ мѣдный барабанъ, задули въ кожаную зурну, пыль столбомъ пошла отъ брачнаго пиршества. На другой день, навьючивъ сто повозокъ приданымъ, отправилъ ихъ старикъ въ дорогу. «Берегись,» сказалъ старикъ зятю, «пока не доѣдете до дому, нигдѣ не слѣзайте и не останавливайтесь; не то, если немного даже оплошаете, Черный Нартъ надѣлаетъ вамъ много бѣды.»

Поѣхали теперь три брата, взявъ съ собою дѣвицу, съ повозками, съ сокровищами, съ приданымъ; ѣхали они цѣлый день, ѣхали цѣлую ночь; на другой день въ полдень сказали старшіе братья, что, не останавливаясь, отдохнуть нельзя; меньшой говорилъ, что останавливаться нельзя. Какъ бы то ни было, не пустили его братья, слѣзли, остановились. Разлеглись тутъ старшіе братья, заснули; положивъ голову на колѣно дѣвицы, легъ и меньшой. Вручилъ онъ ей шило и сказалъ: «если я засну, а ты увидишь издали подходящій щитъ тучи, то воткни это шило мнѣ въ ухо; нисколько не бойся; кромѣ того, что я проснусь, ничего со мною не приключится.» Чувствовалъ онъ сильный позывъ ко сну и заснулъ, а дѣвица осталась, глядя на него. Осматриваясь вокругъ, увидѣла она, по прошествіи нѣкотораго времени, что издали приближается щитъ черной тучи, хотѣла было она воткнуть шило, да не могла, побоялась, а туча все приближается да приближается. Заплакала она, глядя на молодца, а туча уже накрыла ихъ. Упала слеза дѣвицы на щеку молодца, и онъ проснулся, смотритъ,—нѣтъ уже дѣвицы: невѣсть, улетѣла-ли она къ небу, исчезла-ли въ землѣ, и щитъ тучи уходитъ уже изъ глазъ. Поднялъ онъ братьевъ на ноги и сказалъ имъ: «пока я спалъ, жену мою похитилъ Черный Нартъ, придя въ видѣ щита тучи; теперь я или найду ее, или погибну, а вы съ этими сокровищами и приданымъ поѣзжайте домой; я же пойду назадъ за женою.» Поѣхали братья, глядя впередъ, а онъ пошелъ обратно къ тестю. Когда онъ разсказалъ ему случившееся въ дорогѣ, то старикъ отвѣтилъ: «право, сынъ мой, знаю только то, что существуетъ Черный Нартъ, но не могу тебѣ сказать, гдѣ онъ находится, ни гдѣ его отыскать, это мнѣ невѣдомо; теперь, кромѣ какъ твоею удалью, она не отыщется, а если и отыщется, то тебѣ не достанется; кабы послушался моего совѣта, то это несчастіе тебя бы не постигло.»

Пошелъ теперь молодецъ, пошелъ, много шелъ, мало шелъ, шелъ ночью, шелъ днемъ, оставилъ позади себя широкую степь, пересѣкъ густые лѣса, дошелъ накопецъ до башень, снизу известковыхъ, а сверху хрустальныхъ; вокругъ башень желѣзный заборъ, колья стальные и на каждомъ колѣ по человѣческой головѣ. Привязавъ на дворѣ коня, вошелъ онъ во-внутрь, нашелъ тамъ свою старшую сестру. Бросились они другъ къ другу, обнялись, разговорились, пустились въ разсказы; сказала ему сестра: «не волкъ просилъ меня за себя, а нартъ, принявшій на себя образъ волка, чтобы сватать меня; скоро вернется онъ съ охоты, спрячься ты покамѣсть, пока я испытаю его; какъ знать? можетъ случиться хорошее, можетъ и дурное.» Спрятала она брата и въ это самое время пришелъ нартъ. Сказала она ему: «что бы ты сдѣлалъ, если бы случайно мои братья пришли сюда?»—«Старшихъ бы воткнулъ на вертелъ, а меньшому постарался бы услужить, чѣмъ только могъ бы,» отвѣчалъ онъ. «Вотъ онъ!» сказала она, показывая на брата. Обнялись нартъ и молодецъ, послѣ чего молодецъ спросилъ о жилищѣ Чернаго Нарта. Отвѣчалъ ему нартъ: «знаю только то, что онъ существуетъ, но не могу сказать гдѣ именно, это мнѣ неизвѣстно; за этимъ хребтомъ живетъ мой меньшой братъ, болѣе меня онъ смышленъ и болѣе меня видѣлъ свѣтъ; ступай къ нему, быть можетъ онъ знаетъ.» Пошелъ молодецъ, дошелъ; такія же башни,—вошелъ онъ во-внутрь,—нашелъ среднюю сестру. Обрадовались они, обнялись, разговорились; сказала ему сестра: «не ястребъ просилъ меня за себя, то былъ нартъ, пришедшій въ видѣ ястреба просить меня за себя; сейчасъ вернется онъ съ охоты; спрячься, пока я испытаю его.» Когда вернулся мужъ съ охоты, спросила она его: «что бы ты сдѣлалъ, если бы мои братья пріѣхали сюда въ гости?»—«Меньшому услужилъ бы, сколько могъ, а старшихъ посадилъ бы на вертелъ», отвѣчалъ мужъ. «Вотъ онъ!» сказала она, выведя впередъ брата. Обнялись нартъ съ молодцомъ; послѣдній разсказалъ про все случившееся съ нимъ. Выслушавъ его, отвѣчалъ нартъ: «знаю только то, что существуетъ Черный Нартъ, но не знаю, гдѣ онъ; за этой горой живетъ мой меньшой братъ, ступай къ нему; въ мірѣ нѣтъ ничего, чего бы не зналъ онъ; гдѣ отыскать и Чернаго Нарта—долженъ онъ знать.» Пошелъ молодецъ, пришелъ, нашелъ такія же башни, вошелъ во-внутрь,—тамъ его меньшая сестра. Обрадовались, обнялись; сказала сестра ему: «не соколъ просилъ меня за себя, то былъ нартъ, въ видѣ сокола пришедшій просить

меня за себя; сейчасъ вернется онъ съ охоты, спрячу я тебя, пока испытаю его.» Спрятала сестра брата, пришелъ нартъ. Что спрашивали старшія сестры, то и она спросила; что отвѣтили старшіе братья, отвѣтилъ и онъ. Вывела она къ нему брата. Обнялись нартъ и молодецъ; молодецъ разсказалъ о томъ, чего желаетъ. Выйдя изъ башни, вскрикнулъ нартъ, — тучей собрались вокругъ него всѣ пернатыя, все, что только крыломъ машетъ. Спросилъ онъ ихъ, гдѣ живетъ Черный Нартъ; посмотрѣли они другъ на друга, ничего не отвѣтили. «Кого не достаетъ между вами, кто не прилетѣлъ сюда?» спросилъ нартъ. «Не достаетъ птички-мыши», закричали всѣ. Послалъ нартъ двухъ ястребовъ,— привели они птичку-мышь. «Не знаешь-ли, гдѣ живетъ Черный Нартъ?» спросилъ онъ ее. Прихрамывая, выпрыгнула впередъ птичка-мышь и сказала: «какъ не знать, знаю,—да изсякнетъ счастіе Чернаго,—когда я копалась на его дворѣ въ навозной кучѣ, онъ бросилъ камешекъ и разбилъ мнѣ ногу.»—«Если знаешь, то иди впереди этого молодца», сказалъ нартъ. Прихрамывая, запрыгала она впереди, а вслѣдъ за нею пошелъ и молодецъ.

Шли они, шли черезъ скалы безъ дорогъ, черезъ рѣки безъ мостовъ, перешли черезъ широкую степь, перевалились черезъ снѣжныя горы, пришли, наконецъ, къ башнямъ изъ черной стали, окруженнымъ желѣзной стѣной. «Вотъ башни Чернаго; пойду теперь поискать немного пищи», сказала птичка-мышь. Привязавъ коня за стѣной, вошелъ молодецъ во-внутрь и нашелъ свою жену. Показались они другъ другу какъ бы воскресшими изъ мертвыхъ, обрадовались, обнялись, не могли налюбоваться другъ на друга. Поговоривъ, подѣлившись тѣмъ, что было на сердцѣ, сказала жена ему: «какъ ляжетъ, то ровно недѣлю спитъ Нартъ; сегодня уже два дня, какъ онъ легъ; остается еще пять дней до его пробужденія; если въ эти пять дней успѣемъ мы уйти, то спасемся; не то, другаго средства не знаю.»—«Кому дастся счастье, тотъ и получитъ его», отвѣчалъ молодецъ. Сѣлъ онъ на коня, сзади посадилъ дѣвицу и погналъ вдоль по дорогѣ, по которой пріѣхалъ. На шестой день оглянулся молодецъ назадъ, — увидѣлъ, что идетъ щитъ черной тучи, догоняющій ихъ; какъ буря, нагналъ ихъ Черный Нартъ, сидя верхомъ на треногомъ конѣ; ударилъ конь молодца по головѣ копытомъ: въ сто сторонъ полетѣли сто частей его тѣла. Взявъ дѣвицу, готовился воротиться Нартъ, какъ стала она просить его, чтобы онъ позволилъ ей собрать разсѣянныя во всѣ стороны кости молодца и положить ихъ въ

сумки съ тѣмъ, чтобы похоронили ихъ въ отцовскомъ домѣ, если конь случайно занесетъ ихъ туда. Позволилъ Нартъ.

Изъ окна смотрѣла меньшая сестра молодца, глядѣла на дорогу, по которой поѣхалъ братъ,—видитъ, идетъ по ней его конь, а на конѣ никого нѣтъ. Когда дошелъ конь до двора, то сняла она съ него сумки и заглянула внутрь; нашла поломанныя, разбитыя кости. Заплакала она, стала убиваться, вопить, причитывать; на крикъ ея выбѣжалъ нартъ. Сказалъ онъ ей: «двѣ жизни есть у меня; столь дорогому для тебя брату отдамъ я одну, прекрати свой плачъ.» Каждую часть тѣла уложилъ онъ на мѣсто и вдунулъ въ молодца жизнь. Протирая глаза, всталъ онъ на ноги и сказалъ: «крѣпко спалъ я.» — «Спалъ ты безпробуднымъ сномъ,» сказалъ ему нартъ. Тутъ опомнился молодецъ, все случившееся представилось ему. Какъ бы то ни было, не потерялъ онъ надежды возвратить свою жену; изготовился снова идти за нею. Не посмотрѣлъ онъ ни на плачъ сестры, ни на просьбы зятя, поѣхалъ, проѣхалъ по той же странѣ, по тому-же пути и пріѣхалъ къ женѣ; опять нашелъ онъ Нарта спящимъ. Сказалъ онъ женѣ: «когда проснется Нартъ, то упроси его и разспроси, откуда досталъ онъ треногаго коня; если мы не добудемъ оттуда же другаго, еще болѣе быстраго, чѣмъ треногій, то отсюда не спасемся.»

Спрятала жена молодца; потомъ, когда проснулся Нартъ, какъ змѣя добралась она до него и нѣжнымъ, сладкимъ голосомъ спросила: «и мужа моего убилъ ты, теперь уже некому за мной придти; разскажи безъ утайки, откуда досталъ ты треногаго коня?» Не хотѣлъ было говорить Нартъ; стала она плакать, убиваться, и жить на свѣтѣ не захотѣла. Тогда, подведя къ окну, сказалъ Нартъ: «видишь ли ты впереди насъ гору?»—«Вижу», отвѣчала она.—«Посреди горы видишь ли большой бѣлый камень?»—«Вижу.» «Подъ этимъ камнемъ», сказалъ Нартъ, «находится большая равнина, на этой равнинѣ пасется мой табунъ, въ этомъ табунѣ ходитъ мать треногаго коня, а за нею и братъ его. Если ударить этой моей уздечкой по камню, то братъ, опрокинувъ камень, выйдетъ на верхъ. У коня, на которомъ я ѣзжу, пропала нога, вотъ по какому случаю,» сказалъ Нартъ: «когда я ударилъ уздечкой по камню, и конь, опрокинувъ камень, выбѣжалъ на верхъ, то тотчасъ-же справа бросились волки, а слѣва муравьи, и оторвали у него ногу.»

Послѣ этого разговора, въ урочное время заснулъ Нартъ,

а дѣвица отправила молодца, вручивъ ему уздечку, давъ ему мяса, чтобы бросить волкамъ, давъ ему пшеницы, чтобы посыпать муравьямъ. Придя на гору, ударилъ молодецъ уздечкой по камню,— опрокинулся камень и выскочилъ меньшой братъ треногаго коня. Съ одной стороны бросились на него волки, съ другой стороны бросились муравьи: этимъ посыпалъ онъ пшеницы, тѣмъ бросилъ мяса; сѣлъ, поѣхалъ, пріѣхалъ къ женѣ. Все, что ему понравилось, забралъ онъ изъ дома Нарта, навьючилъ коня, самъ сѣлъ на него, сзади посадилъ дѣвицу, пріударилъ, погналъ. Слишкомъ торопить сталъ онъ было коня. «Предоставь меня на мой произволъ,» сказалъ конь, «чтобы ни случилось, теперь я отвѣчаю; обо всемъ забота теперь на мнѣ.» Посмотрѣлъ молодецъ, по нѣкоторомъ времени, назадъ; видитъ—идетъ издали щитъ черной тучи, догоняетъ ихъ Черный Нартъ. Въ то время, какъ онъ нагналъ, повернулся конь молодца, ударилъ Нарта копытомъ по головѣ: на сто разныхъ сторонъ разлетѣлись сто частей тѣла Нарта.

Навьючивъ на треногаго коня сокровища, забранныя изъ дома Нарта, поѣхали они теперь съ спокойнымъ духомъ; по-очереди побывали у каждаго изъ трехъ зятьевъ, у каждаго провели по недѣлѣ, а, потомъ, съ приличными подарками, отправились къ отцу дѣвицы. Пробывъ тамъ довольно времени, поѣхалъ молодецъ, вмѣстѣ съ дѣвицей, прямо, какъ стрѣла, въ отчій домъ. Въ большой ссорѣ нашелъ онъ своихъ братьевъ; доставшееся ему за дѣвицей приданое никакъ не могли они раздѣлить между собою поровну; о немъ-же думали, что онъ погибъ и не воротится. Далъ онъ имъ всего достаточно, остальное оставилъ себѣ, а какъ легъ между обѣими женами, то забылъ и всѣ претерпѣнные труды. Далѣе что случилось, не знаю; ворона, которая разсказала мнѣ все это, ничего болѣе не сказала.

Красавица Езензулхаръ.

Вечеромъ, поздней порой, три сестры чесали шерсть. Разговаривая о томъ, о семъ, старшая сказала: «если бы нашъ царь взялъ меня за себя, то я бы изъ одного комка шерсти наткала сукна, чтобы одѣть все царское войско.» Средняя сказала: «если бы царь взялъ меня за себя, то я бы одной мѣрой муки насытила все царское войско.» Заговорила тутъ меньшая. «Если бы

царь взялъ меня за себя,» сказала она, «то я родила бы царю сына съ жемчужными зубами и дочь съ золотыми кудрями.» Подъ окномъ стоя, услышалъ царь все это. Въ эту самую ночь женился онъ на старшей сестрѣ; на другой день вечеромъ женился на средней. Ложью оказались слова обѣихъ; не исполнили онѣ того, что обѣщали. На третій вечеръ, женился царь на младшей сестрѣ; въ эту самую ночь забеременѣла она, а по утру царь, вставъ, отправился къ войску, чтобы воевать съ другимъ царемъ.

По отъѣздѣ его, ровно черезъ девять мѣсяцевъ, родила она сына съ жемчужными зубами и дочь съ золотыми кудрями. Изъ зависти, отнявъ у нея дѣтей и на мѣсто ихъ положивъ щенка и котенка, отправили старшія сестры человѣка къ царю съ вѣстію, что жена его родила щенка и котенка; послали онѣ также раба, отдавъ ему дѣтей съ тѣмъ, чтобы онъ бросилъ ихъ въ крапивное ущелье. Прислалъ царь сказать: «бросьте въ рѣку щенка и котенка, а мать, обернувъ въ ослиную кожу, положите передъ воротами; пусть и входящій плюетъ на нее для срама, и выходящій пусть дѣлаетъ тоже.»

Когда рабъ пошелъ назадъ, бросивъ въ крапивное ущелье мальчика и дѣвочку, подошла къ нимъ златорогая лань; подошла и легла возлѣ нихъ. До-сыта сосали они ее. Такъ кормила она ихъ, пока они не выросли. Когда же выросли, пошла лань впереди, а они за нею; впереди шла лань, позади шли дѣти; шли, шли, много шли, мало шли, дошли до нѣкоего замка. Вошли вовнутрь юноша и дѣвица, — ни души нѣтъ, а убранство хоть бы для царскаго дома; все, что нужно для мужчины и для женщины, все нашлось. Стали они тутъ жить. Началъ братъ безпрестанно ходить на охоту, а сестра оставалась дома и хозяйничала.

Однажды, когда братъ былъ на охотѣ, дѣвица купалась въ ручьѣ, который протекалъ передъ замкомъ. Въ то время, какъ она купалась, унесла вода одинъ ея волосъ. Ручей тотъ протекалъ черезъ столицу царя, отца ихъ. Попалъ тамъ волосъ въ кувшинъ вдовы; отнесла она показать его царскимъ женамъ. Какъ только увидѣли, узнали онѣ, чей это волосъ, узнали, что мальчикъ и дѣвочка вышли живы изъ крапивнаго ущелья. Много обѣщавъ дать, многое и въ руки давъ, сказали онѣ вдовѣ: «у дѣвицы, съ головы которой спалъ этотъ волосъ, есть братъ; они враги наши; какимъ бы то ни было способомъ, какую бы хитрость и коварство ни придумавъ, постарайся погубить того

юношу; когда онъ погибнетъ, то съ самой дѣвушкой легко будетъ справиться; мы же вѣкъ не забудемъ твоей услуги.»

Пошла тутъ проклятая вдова прямо вверхъ по ручью, пошла, много шла, мало шла, дошла до замка. Одну-одинехоньку нашла она дѣвицу. Змѣиное шепнувъ, лисье молвивъ, сказала ей вдова: «не имѣя никого возлѣ себя, какъ ты можешь жить? Случается дурное, случается хорошее; слѣдуетъ твоему брату приискать тебѣ развлеченіе; на востокѣ, за двумя скалами, которыя одна о другую ударяются, растетъ яблоня; сама съ собою говоритъ она, говоря въ ладоши хлопаетъ, въ ладоши хлопая пляшетъ; скажи брату, чтобы онъ принесъ тебѣ отъ нея одну вѣтвь; станетъ она передъ тобою говорить, плясать, и никакъ не дастъ тебѣ соскучиться.» Сказавъ это, пошла вдова назадъ. Когда вернулся братъ съ охоты, заплакала дѣвица передъ нимъ, стосковалась. «Бросивъ меня дома,» сказала она, «каждый день уходишь ты на охоту; чѣмъ мнѣ развлечься, чѣмъ заняться, думаешь ты? Тоскуя, не зная, что дѣлать, умру я одна-одинехонька.» — «Что же мнѣ дѣлать, чего хочешь ты отъ меня, сестра?» сказалъ юноша. — «На восточной сторонѣ, за двумя скалами, сама съ собой говорящая, говоря въ ладоши хлопающая, въ ладоши хлопая пляшущая яблоня есть, слышно,» сказала она: «если ты принесешь съ нея одну вѣтвь, то хоть бы ею развлеклась я.»

Сѣлъ юноша на коня, ударилъ, погналъ къ восточной сторонѣ. Много ѣхавъ, мало ѣхавъ, пріѣхалъ онъ къ скаламъ. То съ гуломъ ударяясь одна о другую, то расходясь, то ударяясь, то расходясь,—такъ были онѣ. За ними, само съ собою говорящее, говоря, въ ладоши хлопающее, въ ладоши хлопая, пляшущее дерево; къ нему нѣтъ дороги, какъ промежъ скалъ. Хорошенько коня подобравъ, взадъ и впередъ вскачь пустивъ, заставилъ молодецъ коня прыгнуть: съ трескомъ ударились скалы одна о другую, отрѣзался хвостъ у коня, а молодецъ на той сторонѣ очутился. Сломивъ съ дерева вѣтвь,—лишь только скалы, ударившись одна о другую, разошлись,—заставилъ онъ коня прыгнуть назадъ, очутился на этой сторонѣ. Положивъ вѣтвь на плечо, поѣхалъ онъ домой.

Немного времени спустя, пришла снова таже вдова узнать, что случилось. Юноша былъ на охотѣ, а передъ дѣвицей, сама съ собою говорящая, говоря въ ладоши хлопающая, въ ладоши хлопая пляшущая вѣтвь дерева. Сказала вдова дѣвицѣ: «долго-ли

будешь ты забавляться этимъ? скоро тебѣ это надоѣстъ; не годится такой дѣвицѣ, какъ ты, жить безъ подруги. За моремъ, въ серебряныхъ чертогахъ, живетъ красавица, по-имени Езензулхаръ; красивѣе ея, богаче ея, умнѣе ея нѣтъ другой женщины на цѣломъ свѣтѣ. Пошли ты своего брата жениться на ней; когда она пріѣдетъ сюда, то, находясь возлѣ нея, никогда не узнаешь ты, что такое скука.» Въ сердце дѣвицы эту мысль положивъ, ушла вдова назадъ.

Когда пришелъ братъ съ охоты, заплакала передъ нимъ дѣвица, стала жаловаться. «Бросивъ меня совершенно одну,» сказала она, «безъ отдыха бродишь ты; надоѣла мнѣ уже эта вѣтвь; не имѣя возлѣ себя живаго существа, пропадаю, съ ума схожу я. За моремъ, слышно, живетъ въ серебряныхъ чертогахъ красавица, по-имени Езензулхаръ; поѣзжай жениться на ней; тебѣ будетъ жена, а мнѣ сестра.»

Ни въ чемъ, сестрой сказанномъ, не отказывалъ юноша; столь много любилъ онъ ее! Выбравъ добраго коня, сѣлъ онъ на него, надѣлъ блестящее оружіе, ударилъ, погналъ, поѣхалъ. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, ночью ѣхалъ, днемъ ѣхалъ, ѣхалъ, ѣхалъ. Много земли оставивъ позади себя, далеко заѣхалъ, нашелъ онъ на краю дороги сидящаго старика съ большою бородою. Юноша сказалъ ему привѣтствіе, тѣмъ же отвѣтилъ старикъ. «Счатливаго пути, сынъ мой, куда ѣдешь, если Богъ попуститъ?» сросилъ старикъ.—Разсказалъ юноша.—«Не ѣзди туда, сынъ мой, если послушаешь моего совѣта,» сказалъ старикъ; «поѣхавъ туда, не достигнешь желаемаго; мало-ли подобныхъ тебѣ храбрецовъ отправилось вдоль по этой дорогѣ сватать Езензулхаръ, а ни одинъ не вернулся. Живетъ она въ окруженныхъ водою серебряныхъ чертогахъ; черезъ воду только и есть къ нимъ доступъ. Ставъ на берегу рѣки, надо закричать ей; на голосъ если она не выйдетъ, до колѣнъ стынетъ подавшій голосъ человѣкъ; во второй разъ закричавъ если не выйдетъ, до сердца стынетъ, а на третій зовъ если не выйдетъ, то все тѣло стынетъ и человѣкъ каменѣетъ. Весь берегъ рѣки усѣянъ таковыми остывшими всадниками.»—«Да дастся тебѣ счастіе, отецъ мой,» сказалъ юноша, «старшихъ людей совѣтамъ слѣдовать должны младшіе, но, какъ бы то ни было, чему подверглось столько храбрецовъ, могу и я подвергнуться.» Сказавъ это, поѣхалъ юноша своей дорогой.

Ѣхалъ онъ, ѣхалъ; много ѣхавъ, мало ѣхавъ, доѣхалъ,

наконецъ, до чертоговъ Езензулхаръ. Какъ сказалъ старикъ, берегъ рѣки нашелъ онъ усѣяннымъ остывшими всадниками. Проговоривъ имъ за упокой, закричалъ онъ: «Эй, Езензулхаръ!» — не вышла она, остылъ онъ до колѣнъ; во второй разъ закричалъ, — не вышла она, остылъ онъ до сердца; въ третій разъ закричалъ, — не вышла Езензулхаръ, остылъ онъ весь и окаменѣлъ.

Пока это происходило съ юношей, дѣвица ожидала его пріѣзда и думала о немъ. Мѣсяцъ прошелъ, — не пріѣхалъ; два, три, четыре мѣсяца прошло, — не пріѣхалъ. Наконецъ, отчаясь въ немъ, подбила она себѣ стальныя подошвы, опоясалась веревкой, взяла въ руки желѣзную палку и пошла прямо по той дорогѣ, по которой уѣхалъ братъ.

Шла она, шла, много шла, мало шла; уставая, не отдыхала, голодая, пищи не вкушала; шла, шла, нашла того самаго старика. «Куда держишь путь, дочь моя, если допуститъ Богъ?» спросилъ онъ. Разсказала она. «Твой братъ, остывъ, давно уже окаменѣлъ,» сказалъ старикъ; «подобно ему, много тамъ остывшихъ людей, поѣхавшихъ за тѣмъ, чтобы жениться на Езензулхаръ; если она не покажется, то никогда не оживутъ они. Когда дойдешь туда, то закричи разъ, закричи другой разъ; если въ оба раза она не выйдетъ, то закричи въ третій: «неужели ты прекраснѣе меня, златокудрой, что такъ гордишься?» Тогда, никакъ не утерпитъ она, чтобы не показаться наружу.»

Пошла дѣвица, пошла, дошла. Дойдя, проговорила она сперва за упокой за всѣхъ; потомъ, плача обняла брата. За тѣмъ, ставъ на берегу рѣки, закричала она: «Эй, Езензулхаръ!» — не вышла она, остыла дѣвица до колѣнъ; во второй разъ закричала, — не вышла Езензулхаръ, остыла дѣвица до сердца. «Неужели ты прекраснѣе меня, златокудрой, что такъ гордишься?» закричала она въ третій разъ. — «Кто эта златокудрая?» сказавъ, вышла Езензулхаръ. Съ шумомъ ожили всѣ остывшіе люди. Всѣ богатыри назвали юношу братомъ, а дѣвицу сестрой. Сѣвъ въ золотую лодку, переправилась тутъ Езензулхаръ на этотъ берегъ. Всѣ богатыри сказали ей: «мы назвали этого юношу братомъ, черезъ него ожили мы; всѣ мы отдаемъ ему первенство; выходи ты за него замужъ, и будь намъ сестрою.» Согласилась Езензулхаръ.

Женился юноша на Езензулхаръ; вверхъ изъ мортиръ стрѣляли, внизъ изъ пушекъ стрѣляли; круглый мѣсяцъ не умолкали барабанъ и зурна. Послѣ того, со всѣмъ имуществомъ Езензул-

харъ, съ рабами и рабынями, съ сокровищами, съ хозяйствомъ, взявъ и всѣхъ богатырей съ собой, поѣхалъ юноша въ свой замокъ. На томъ же мѣстѣ нашли старика. Назвавъ его своимъ отцомъ, взялъ его съ собой юноша, чтобы кормить до смерти. Проводивъ ихъ до дома, пожелавъ имъ добраго здоровья, вернулись богатыри, каждый на свою сторону. По-прежнему, сталъ каждый день на охоту ходить юноша.

Однажды, возвращаясь поздно съ охоты, встрѣтилъ онъ множество всадниковъ, которые сбились съ дороги и блуждали. То былъ царь, отецъ его, съ своими нукерами. Привелъ ихъ юноша въ свой замокъ, сдѣлалъ имъ въ эту ночь великое угощеніе, а утромъ проводилъ ихъ въ путь. Немного времени спустя, прислалъ царь человѣка звать юношу и всѣхъ его домашнихъ, чтобы имъ сдѣлать такое-же угощеніе, какое было ему сдѣлано. Изготовились они ѣхать. Когда выѣзжали они изъ дому, сказалъ старикъ юношѣ: «передъ дворцомъ царя найдемъ мы женщину, завернутую въ ослиную кожу; скажетъ тебѣ царь: плюнь на нее для срама, спроси его, въ чемъ ея вина? Отвѣтитъ царь: зачѣмъ тебѣ знать ея вину? Безъ вины не было бы этого. Приступи къ нему, говоря: нѣтъ, скажи. Тогда онъ тебѣ разскажетъ.»

Поѣхали они, доѣхали до царскаго дворца. Нашли они передъ дворцомъ женщину, обвернутую въ ослиную кожу. Выйдя имъ на встрѣчу, сказалъ царь юношѣ: «плюнь на нее для срама.» — «Чѣмъ она виновата?» спросилъ юноша. — «Зачѣмъ тебѣ знать вину, безъ вины не было бы этого,» отвѣтилъ царь. — «Нѣтъ, скажи,» приступилъ юноша. Разсказалъ царь. Едва лишь кончилъ онъ разсказъ, какъ старикъ, раскрывъ ротъ юноши и показавъ его зубы, снявъ повязку съ дѣвицы и распустивъ ея косы, сказалъ царю: «не это-ли твои дѣти? похожи-ли они на собаку и кошку?» Обезумѣлъ отъ изумленія царь, а съ нимъ и весь остальной народъ.

Опомнившись, приказалъ царь, прежде всего, семью различными способами въ банѣ вымыть, въ лучшее платье одѣть и на престолъ посадить мать этихъ дѣтей. Потомъ, приказалъ обѣихъ старшихъ сестеръ, раба, ходившаго, чтобы бросить дѣтей въ крапивное ущелье, и вдову, ходившую къ дѣвицѣ,—пустить, привязавъ къ хвостамъ невыѣзженныхъ кобылъ. Повлеклись всѣ четверо кобылами.

Задалъ тутъ царь пиръ, задалъ, браги рѣки пустилъ, мяса горы навалилъ, съ востока зурнача позвалъ, съ запада барабан-

щика позвалъ; плясуновъ пустилъ, канатныхъ скакуновъ пустилъ. Тамъ былъ и я, видѣлъ все, видѣнное вамъ разсказалъ.

Букучиханъ.

Жилъ былъ мельникъ; имя ему было Вшивый Хаджи. Нѣкогда приключилась ему великая досада: собиралъ онъ тряпки кучами, а стали онѣ пропадать, неизвѣстно куда. «Такъ не должно быть, слѣдуетъ мнѣ накрыть вора,» сказалъ онъ и началъ разъ подстерегать вора, ставъ за дверью. Немного времени спустя, проскользнула во-внутрь лисица, у которой шерсть на брюхѣ вылѣзла, а на спинѣ была всклокочена. »А, ощипанная, такъ это ты!» сказалъ Вшивый Хаджи и, взявъ въ руки дубину, бросился на нее. «Постой, постой, мельникъ; быстро бѣгущая вода до моря не доходитъ,» сказала лисица: «то-ли, что я твои тряпки ѣла? пусть такъ! взамѣнъ того, осыплю я тебя серебромъ, женю на дочери хана, сдѣлаю великимъ человѣкомъ; но, до самой смерти, возьмись и ты кормить меня курдюкомъ, а, послѣ смерти, положить меня въ курдюкъ.» Согласился мельникъ.

Побѣжавъ, стала лисица рыться въ навозной кучѣ; нашла абазъ. Оттуда побѣжала она ко дворцу хана, жившаго за рѣкой. Ставъ передъ ханомъ, сказала она: «какъ ни совѣстно, государь мой, а пришла я просить у тебя мѣру, чтобы вымѣрить серебро Букучихана; куда бы я ни пошла, не могла бы я достать мѣру.»— «Что-это за Букучиханъ? о таковомъ ханѣ не слыхивалъ я,» сказалъ ханъ. — «Существуетъ онъ, и тебѣ не останется неизвѣстнымъ; а я его визирь,» сказала лисица. Далъ ханъ мѣру.

Къ вечеру, сунувъ абазъ въ трещину, принесла лисица мѣру назадъ. «Правда-ли то, что эта негодяйка говоритъ?» сказалъ ханъ и встряхнулъ мѣру,—со звономъ выпалъ абазъ. «Ей, ей, правда,—что это за Букучиханъ, у котораго такъ много серебра?» сказалъ самъ себѣ ханъ.

На другой день пришла лисица къ хану просить мѣру, чтобы вымѣрить золото Букучихана. Далъ ханъ. Порылась лисица, нашла золотой. Въ трещину сунувъ его, къ вечеру принесла она мѣру назадъ, сказавъ: «на силу вымѣрили.» Лишь только она ушла, стукнулъ ханъ въ мѣру, — вылетѣлъ золотой. Изумился Ханъ.

Спустя нѣсколько времени, пошла лисица въ третій разъ къ хану, просить его дочь за Букучихана. Чуть не умеръ отъ радости ханъ. «Завтра приду я вмѣстѣ съ Букучиханомъ,» сказала лисица и вернулась домой. На другой день сдѣлала она для Букуча одежду изъ самыхъ пестрыхъ нагорныхъ цвѣтковъ, сдѣлала ружье изъ липы, навѣсила шнуры изъ лыка, и все тому подобное изготовила. Просто радугой казался Букучъ издали. Сказала ему лисица: «на той сторонѣ рѣки выѣхалъ ханъ со своими всадниками тебѣ на встрѣчу. Когда, переправляясь туда, дойдемъ мы до середины рѣки, то закричи: уноситъ меня, уноситъ меня! и нырни въ воду. Ханскіе всадники, бросившись, вытащутъ тебя на берегъ; дѣло наше тогда будетъ сдѣлано.»

По совѣту лисицы, когда достигли средины рѣки, Букучъ нырнулъ въ воду, закричавъ: «уноситъ меня, уноситъ меня!» Унесла вода все, что было на немъ: бросились въ рѣку ханскіе всадники; одинъ схватилъ за руку, другой за ногу, вытащили на берегъ. Какъ мать родила, совсѣмъ голымъ сталъ Букучъ. Окружили его всѣ: кто далъ черкеску, кто бешметъ, другіе оружіе навѣсили, сдѣлали настоящимъ молодцомъ. Букучъ, которому никогда нѣчего было надѣть, кромѣ вшиваго тулупа, надѣвъ новое, хорошее платье, сталъ на него поглядывать, его обтягивать, осматривать. «Что онъ дѣлаетъ? онъ какъ будто никогда платья не видывалъ,» сказали лисицѣ ханскіе всадники. «Это не потому, а потому, что его хорошее платье вода унесла: вами данное не совсѣмъ-то ему нравится,» сказала лисица. «Его платье изъ чего было сдѣлано? казалось оно радугой,» спросили всадники.—«Платье было безцѣнное, украшенное алмазами и яхонтами,» отвѣтила лисица; «это бы еще ничего, мало-ли у него такихъ платьевъ!» продолжала она: «была у него на плечѣ стамбульская винтовка, отъ предковъ доставшаяся: кромѣ ея ничего не жалѣю; въ нынѣшнее время не найти уже подобнаго оружія.»—«Видѣли, видѣли мы, такъ и блестѣла; какъ видно, вся въ серебро была обдѣлана,» сказали они.

Поѣхали они тутъ, поѣхали, доѣхали до ханскаго дворца. Вверхъ—внизъ, впередъ — назадъ, началъ оглядываться Букучъ, не видавъ прежде никогда подобнаго мѣста. «Что съ нимъ? онъ какъ будто никогда и дома не видывалъ,» сказалъ ханъ лисицѣ. «Не то,—ему твой дворецъ не совсѣмъ нравится, такъ какъ его собственный лучше,» отвѣчала она.

Женился тутъ Букучъ на ханской дочери. Съ недѣлю про-

ведя въ пиршествѣ, въ весельи, стали отецъ и мать снаряжать новобрачную, чтобы отправить ее въ домъ мужа; дали ей большое приданое. Съ нею поѣхали конные, пѣшіе, парни, дѣвушки, зурначи, барабанщики, пѣсенники, многое-множество народа. «Я пойду впередъ прибрать домъ, а вы за мной идите,» сказала лисица и пустилась бѣгомъ.

Бѣжала она, бѣжала, много бѣжала, мало бѣжала, добѣжала до степи, а степь полна рогатымъ скотомъ. «Скотъ чей?» спросила лисица у пастуховъ. «Змѣя», отвѣчали они.

«Берегитесь, берегитесь, не произносите болѣе и имени Змѣя, дѣло его пропащее,» сказала лисица; «съ пушками, съ снарядами, со всякими орудіями, съ мортирами, идетъ на него войско семи царей; если вы скажете, что скотъ его, то васъ убьютъ, а скотъ уведутъ, не оставивъ ни одной головы. Есть ханъ, по имени Букучиханъ, котораго и цари боятся; кто бы ни спросилъ, говорите, что скотъ его; тогда никто вамъ и слова не скажетъ.» Сказавъ это, побѣжала лисица, нашла табунъ Змѣя. За табуномъ нашла стада овецъ, за стадами нашла жнецовъ, за жнецами нашла косцовъ. Вездѣ задала такой-же страхъ, какъ и вначалѣ.

Бѣжала лисица, бѣжала, много бѣжала, мало бѣжала, добѣжала до дворца Змѣя. «Змѣй!» закричала она, «Змѣй! не забыла я твою хлѣбъ-соль; войско семи царей идетъ на тебя съ пушками, съ снарядами, со всякими орудіями, съ мортирами; я прибѣжала, чтобы тебѣ дать знать объ этомъ; что ты теперь дѣлать думаешь?»—«Охъ! что мнѣ теперь дѣлать? Противъ такого войска мнѣ не въ мочь сражаться; посмотри, лиса, нѣтъ ли такого мѣста, гдѣ бы мнѣ спрятаться,» сказалъ Змѣй. На самой серединѣ двора стоялъ стогъ сѣна, величиною съ гору. «Прячься вотъ сюда; скорѣй, войско уже подходитъ,» закричала лисица. Разбивъ сѣно, вошелъ Змѣй въ середину. Съ четырехъ сторонъ подложила лисица огонь,—и Змѣй изжарился, какъ колбаса.

Ѣдутъ молодой и молодая, съ зурной, съ барабаномъ, впереди всадники, сзади пѣшіе, съ пальбой, съ шумомъ. Доѣхали они до степи, полной рогатаго скота. «Скотъ чей?» спросили пастуховъ передовые всадники. «Букучихана,» отвѣтили они. Поѣхали далѣе,—доѣхали до табуна. «Табунъ чей?» спросили. «Букучихана,» отвѣтили. Поѣхали далѣе,—нашли стада овецъ. «Стада чьи?» спросили. «Букучихана,» отвѣтили. Такъ же спросили и жнецовъ и косцовъ, — такъ же и тѣ отвѣтили. Изумились, уди-

вились всѣ, пересчитывая имущество Букучихана. Самъ же Букучъ ошалѣлъ, чуть съ ума не сошелъ. Ѣхали, доѣхали они до дворца Змѣя, а теперь Букучихана. Выйдя на встрѣчу, лисица отправила все сборище назадъ. Въ верхнія комнаты провела она молодыхъ, а въ нижнихъ сама стала жить. Кромѣ какъ съ женою спать, не было другой заботы Букучу; все остальное поручилъ онъ лисицѣ.

Чтобы испытать Букуча, разъ лисица растянулась посреди двора, притворясь мертвою и оскаливъ зубы. «Посмотри, Букучъ, наша лисица какъ будто околѣла,» сказала жена. «Хоть бы околѣть ей семь разъ сряду, давно уже надоѣло мнѣ эта негодяйка,» отвѣчалъ Букучъ. Разомъ вспрыгнувъ, запѣла лисица:

«Сказать ли, сказать ли?
О вшивомъ Хаджи сказать ли?
О липовомъ ружьѣ сказать ли?
О мельникѣ сказать ли?»

На колѣни упалъ Букучъ, молилъ, плакалъ, челомъ билъ. Простила лисица.

Нѣсколько времени спустя, вправду околѣла лисица. Боясь, что она опять притворяется, Букучъ разрѣзалъ курдюкъ и въ середину положилъ ее. И теперь еще, говорятъ, лисица тамъ.

Черная лисица.

Жилъ былъ бѣднякъ, у бѣдника былъ честолюбивый сынъ; для пропитанія своего, поочереди, пасли они городскихъ коровъ. Разъ, какъ пришла ему очередь, пошелъ сынъ съ коровами, пошелъ, дошелъ до морскаго берега. Нашелъ онъ тамъ выброшенную на песокъ огромную рыбу; въ воду попасть она не можетъ, умирать не умираетъ, а бьется. Тутъ же, встрѣтивъ шедшаго въ городъ человѣка, послалъ онъ вѣсть отцу, чтобы поспѣшно пріѣхалъ, взявъ съ собою пятнадцать аробъ; самъ же бросился въ воду, чтобы убить рыбу. Стала рыба умолять, призывая имя Божіе, и сказала юношѣ: «не убивай меня, столкни въ глубину, а въ черный день я отыщусь для тебя.« — «Какъ отыскать мнѣ тебя въ черный день?» спросилъ молодецъ.—«Изъ ноздрей моихъ

вырѣжь ты усъ и возьми его,» сказала рыба, «въ черный день, приди на берегъ, сожги ты его; не успѣетъ онъ еще сгорѣть, какъ выплыву я наверхъ.» Вырѣзавъ усъ, взялъ его юноша, а рыбу втолкнулъ въ воду.

Пріѣхавъ съ пятнадцатью арбами, спросилъ отецъ сына: «гдѣ рыба?—«Просила рыба, отпусти, въ черный день отыщусь я для тебя, и я отпустилъ,» сказалъ сынъ. Бранилъ его отецъ, ругался, бросился было убить его. Побѣжалъ оттуда молодецъ, побѣжалъ, прибѣжалъ въ лѣсъ. Блуждая по лѣсу, услышалъ онъ ревъ; пошелъ онъ на голосъ, взглянулъ,—видитъ, олень величиною съ буйвола, а нога у него прищемлена расколотымъ деревомъ. Бросился-было молодецъ зарѣзать его, сталъ человѣческимъ языкомъ умолять олень: «не рѣжь меня, высвободи отсюда ногу и, сорвавъ съ меня одинъ волосъ, отпусти меня; въ черный день сожги ты волосъ,—явлюсь передъ тобою, чтобы исполнить службу, которую прикажешь.» Сорвавъ съ него волосъ, отпустилъ его молодецъ.

Пошелъ молодецъ далѣе, пошелъ, много шелъ, мало шелъ, дошелъ до дерева, уходившаго въ поднебесье. На вершинѣ дерева гнѣздо орлицы, въ гнѣздѣ малые птенцы, къ нимъ ползетъ черный, какъ уголь, змѣй. Бросившись, убилъ молодецъ змѣя. Закричали ему птенцы: «наша мать ушла на охоту; пока вернется, побудь съ нами, поднявшись сюда.» Поднялся молодецъ вверхъ. Немного времени спустя, поднялись черныя тучи, забушевали вѣтры, пошелъ дождь, летитъ орлица; отъ маха крыльевъ ея поднялись тучи и вѣтры. Прилетѣвъ, опустилась орлица на дерево, весь окрестный лѣсъ опустился къ землѣ. Сказала орлица молодцу: «пернатое не пролетаетъ мимо дерева, на которомъ мои птенцы; съ неба-ли спустился ты, съ земли-ли поднялся?» Не успѣлъ еще вымолвить слова молодецъ, какъ сказали ей птенцы: «онъ убилъ змѣя, который ползъ, чтобы пожрать насъ; за то, сами мы просили его подняться сюда, чтобы показать его тебѣ и просить у тебя для него милости.»—«Возьми», сказала орлица, сорвавъ съ себя перо и передавъ ему, «въ черный день сожги его,—отыщусь я для тебя, отплачу за добро, которое ты мнѣ сдѣлалъ.»

Спустившись съ дерева, пошелъ молодецъ, пошелъ; кончился лѣсъ, вышелъ онъ на обширную равнину. Пошелъ онъ вдоль по равнинѣ, бѣжитъ ему на встрѣчу черная лисица, а за нею вереницей гонится множество борзыхъ. Уставъ до изнеможенія, спряталась лисица позади молодца; хотѣлъ-было онъ убить

ее.—«Не убивай меня,» стала умолять его лисица, «спаси отъ этихъ борзыхъ, выдерни съ меня волосъ и отпусти; въ черный для тебя день сожги ты этотъ волосъ,—отыщусь я для тебя въ тотъ день.» Прогнавъ борзыхъ и выдернувъ съ тѣла лисицы одинъ волосъ, отпустилъ ее молодецъ.

Пошелъ молодецъ далѣе, много шелъ, мало шелъ, дошелъ до нѣкотораго города. «Не примете ли гостя?» сказалъ онъ, войдя въ одинъ домъ. «Почему не принять? примемъ,» сказала сидѣвшая внутри дома старая женщина. Усадила она его, накормила, напоила. Насытившись, вышелъ онъ изъ дома, сказавъ, что пойдетъ посмотрѣть городъ.

Бродя, дошелъ онъ до середины города и нашелъ большія, высокія палаты; вокругъ палатъ желѣзный заборъ со стальными кольями, а на каждомъ колѣ по человѣческой головѣ. Вернувшись назадъ, спросилъ онъ старуху о палатахъ и головахъ. «У нашего царя есть дочь, сынъ мой,» сказала старуха, «безмѣрно красивая, разумная и гордая дѣвица она; ради славы ея, пріѣзжаютъ сюда сватать ее царскіе, княжескіе сыновья и всѣ, которые слывутъ по свѣту за молодцовъ. Кто сватаетъ ее, тому дозволяетъ она трижды спрятаться, съ условіемъ выйти за него, если она его не увидитъ; если же увидитъ, то отрубаетъ голову и сажаетъ на колъ; кому охота, тотъ идетъ прятаться; кто-же боится, уходитъ себѣ восвояси.» —«Пусть будетъ, что будетъ, а я пойду сватать ее,» сказалъ молодецъ.—«Не дурачься, сынъ мой, не ходи,» сказала старуха, «кто дѣлаетъ чего не слѣдуетъ, тотъ накликаетъ на себя нежданную бѣду; подъ небомъ-ли, подъ землей-ли, гдѣ бы ты ни спрятался, она увидитъ тебя.»—«Того, что испытали столько молодцовъ, почему и мнѣ не испытать? Умру-ли, останусь-ли въ живыхъ, а пойду я,» сказалъ молодецъ.

Пошелъ, вошелъ во дворецъ, закричалъ молодецъ: «государь! выйди посмотрѣть на зятя!»—«Ступай, дочь моя, дай ему отвѣтъ,» сказалъ царь дочери. Взойдя на верхъ башни, сказала она молодцу: «трижды спрячься такъ, чтобы я тебя не увидѣла, тогда я твоя; не то, если увижу, то отрубятъ тебѣ голову и воткнутъ на колъ; знай ты это.»—«Пойду я прятаться, отыскивай, какъ-то ты отыщешь?» сказалъ молодецъ. Выйдя оттуда, дошелъ онъ до берега моря, сжегъ усъ рыбы. «Чего хочешь, молодецъ?» говоря, къ берегу приплыла рыба. Разсказалъ онъ.—«Войди во внутрь меня.»—Раскрыла рыба ротъ, вошелъ молодецъ. Сверху до низа

прорѣзала рыба море; достигнувъ дна, легла она брюхомъ на пескѣ.

Стоя на верху башни, взглянула дѣвица внизъ, взглянула вверхъ, направила глаза на всѣ четыре стороны,—не видно молодца. Въ это время, на плывшую мимо рыбу разинула ротъ большая рыба; увидѣла дѣвица молодца, «выходи вонъ, не спрятаться тебѣ отъ меня въ рыбьемъ брюхѣ,» закричала она. Выйдя, сталъ онъ передъ нею. «Ступай, прячься во второй разъ,» сказала дѣвица.

Пошелъ, сжегъ молодецъ волосъ оленя. Быстро прибѣжавъ, спросилъ олень: «Чего хочешь, молодецъ?» Разсказалъ онъ. Посадивъ на спину, опрокинувъ назадъ голову, давъ рога въ руки, помчался олень, перевалился черезъ семь горъ, пустилъ въ скалистую пещеру молодца, а самъ легъ впереди, жуя жвачку.

Глядѣла дѣвица, глядѣла, внизъ, вверхъ глядѣла,—нѣтъ, не видать молодца. Теперь то не увидитъ меня, думалъ молодецъ; вдругъ олень отмахнулся головою отъ мухи, жужжавшей и кружившейся вокругъ,—увидѣла дѣвица молодца. «Ты въ пещерѣ, увидѣла я, выходи,» закричала она. Придя, сталъ передъ нею молодецъ. «Иди прячься въ третій разъ, постарайся хорошенько, это въ послѣдній разъ,» сказала дѣвица.

Пошелъ молодецъ, пойдя, зажегъ онъ перо орлицы. «Чего хочешь, молодецъ?» прилетѣвъ, спросила она. Разсказалъ онъ. Посадивъ его на себя, взлетѣвъ въ высь воздушную, очутившись посреди черной тучи, остановилась орлица, распустивъ крылья.

Смотрѣла дѣвица, смотрѣла; сколько ни смотрѣла, не видно, — нѣтъ молодца. Въ этотъ разъ выйду я невидимымъ, подумалъ молодецъ. Какъ разъ, вѣтеръ разсѣялъ и погналъ тучу; увидѣла его дѣвица. «Сидишь ты на орлицѣ, увидѣла я, слѣзай внизъ,» закричала она. Слѣзъ, пришелъ молодецъ. «Ведите его, отрубите ему голову,» сказалъ царь нукерамъ. Бросились они. Подбѣжавъ къ дѣвицѣ, началъ просить молодецъ: «позволь мнѣ спрятаться въ четвертый разъ; хотя и спрячусь, развѣ я укроюсь отъ тебя?» сказалъ онъ.—«Позволь, отецъ, ему въ четвертый разъ спрятаться; хотя и спрячется, нигдѣ не спасется онъ отъ насъ,» сказала дѣвица. Согласился царь.

Пойдя, зажегъ тутъ молодецъ волосъ, сорванный съ лисицы. «Чего хочешь?» сказавъ, выпрыгнула она. Разсказавъ все, что произошло, сказалъ онъ ей: «ну-ка, голубушка, развяжи теперь мѣшокъ своихъ хитростей, спрячь меня такъ, чтобы не

увидѣли.» Превратившись сама въ жида съ желтой бородой, съ сафьянами подъ мышкой, превратила лисица молодца въ блоху и, пустивъ между сафьянами, сказала ему: «пройду я передъ башней дѣвицы, позоветъ она меня на верхъ посмотрѣть сафьяны; въ это время, вспрыгнувъ на ея ногу и, пройдя ползкомъ, спрячься ты подъ ея грудью; дамъ отрѣзать бороду, если тебя она увидитъ.»

Смотрѣла дѣвица, смотрѣла, куда ни смотрѣла, не видно молодца, точно, будто свѣтъ покинувъ, сгинулъ онъ совсѣмъ; таращила, пялила она глаза. Въ это время, поравнялся съ нею жидъ, крича: «кто купитъ сафьяны, кто купитъ сафьяны?» Позвала она его на верхъ. Торопливо поднялся онъ на верхъ; поднявшись, бросилъ передъ дѣвицей сафьяны, бывшіе подъ мышкой. На ея ногу вспрыгнула, ползкомъ прошла, подъ грудью притаилась блоха.

«Ну что, дочь моя, не видишь?» закричалъ царь дочери. «Не вижу, отецъ, на всемъ видимомъ мною пространствѣ нѣтъ его,» сказала дѣвица. «Хорошенько попытайся, хорошенько посмотри, дочь моя,» сказалъ отецъ. Сколько ни пыталась она, сколько ни смотрѣла, не увидѣла она молодца. «Не вижу, отецъ, нѣтъ надежды увидѣть,» сказала она наконецъ. Только что успѣла она вымолвить это, какъ, прыгнувъ на землю, молодецъ принялъ прежній видъ свой.

Вотъ, вверхъ изъ мортиры начали палить, внизъ изъ пушки стрѣлять, ударили въ барабанъ, задули въ зурну, заиграли дудки, женился молодецъ на царской дочери. Оставивъ ихъ ѣдящими, пьющими, дующими, бьющими, пляшущими, прыгающими, самъ я, проплясавъ по-медвѣжьи, всѣми расхваленный, къ вамъ пришолъ, чтобы разсказать, какъ что было.

О х а й.

Жилъ былъ бѣднякъ, у бѣдняка былъ сынъ; городскихъ телятъ пасъ тотъ сынъ. Разъ, подъ вечеръ, вернувшись отъ телятъ, сказалъ онъ отцу: «отецъ! надоѣла мнѣ эта бѣдность; ни сытаго дня нѣтъ для насъ, ни радостнаго дня нѣтъ. Завтра поутру вставъ, пойду я къ телятамъ; какъ только я уйду, и ты ступай сватать за меня дочь нашего царя.» — «Ты взбѣсился, съ

ума сошелъ, что-ли? за телятника можетъ ли выйти царская дочь? объ этомъ и говорить не можно,» возразилъ отецъ. «Можно,» возражалъ сынъ; возникъ между ними великій споръ. Сказалъ сынъ, наконецъ: «угодно, ступай сватать за меня дѣвицу; не угодно, не ходи; но знай, что я уже болѣе не буду сыномъ и, покинувъ тебя, уйду куда бы то ни было.»

Вставъ по-утру, пошелъ молодецъ къ телятамъ. Принявъ слова его за вздоръ, изъ дому даже не тронулся отецъ. Подъ вечеръ, вернувшись домой, спросилъ его сынъ: «ходилъ ты сватать дѣвицу, или не ходилъ?» — «Полно глупости говорить, заботься о своихъ телятахъ,» сказалъ отецъ. Собрался сынъ покинуть домъ; на силу, то ласками, то угрозами, удержалъ его отецъ. Сказалъ ему сынъ: «если и завтра до моего возвращенія ты не пойдешь, то оставайся одинъ, болѣе и лица моего не увидишь.»

Вставъ по-утру, пошелъ къ телятамъ сынъ; почесывая голову, пошелъ старикъ къ царю. Побоялся онъ явиться къ царю, сталъ ходить взадъ и впередъ передъ дворцомъ; увидѣлъ его царь. «Пищи пришелъ просить этотъ бѣднякъ,» подумалъ царь и, давъ старику мѣру муки и бараньи бока, отпустилъ его.

Пришелъ сынъ подъ вечеръ; только что пришелъ, какъ спросилъ отца: «ходилъ ты или нѣтъ?» — «Ходилъ, сынъ мой, вотъ эту муку и эти бараньи бока далъ мнѣ царь и отпустилъ меня; это пригоднѣе для насъ, чѣмъ его дочь,» сказалъ отецъ. Изготовился сынъ со свѣта сгинуть, умереть, разбиться; тутъ силой удержалъ его отецъ. По-утру, идя къ телятамъ, сказалъ сынъ отцу: если и въ этотъ разъ до моего возвращенія ты не исполнишь требуемаго, то уже не надѣйся на мою жизнь.»

По-утру, только-что онъ ушелъ, поплелся старикъ, ахая и охая, къ царскому дворцу; увидѣлъ его царь. «Безъ нужды во второй разъ этотъ бѣднякъ сюда не пришелъ бы,» сказалъ царь и позвалъ его къ себѣ. «Что тебѣ надо, старикъ?» спросилъ его царь. «Что мнѣ надо, государь!» отвѣчалъ тотъ; «есть у меня сынъ, пасетъ онъ городскихъ телятъ. Не знаю, съ ума-ли онъ сошелъ, взбѣсился-ли, только въ эти два, три дня, не даетъ онъ мнѣ покоя, требуя, чтобы я сваталъ за него твою дочь; казни меня тутъ-же, не знаю я, что и дѣлать.» — «За-чѣмъ казнить тебя, старикъ, не казню, ты чѣмъ виноватъ?» сказалъ царь; «мнѣ все равно, что сынъ твой телятникъ; если онъ превосходитъ другихъ людей искусствомъ и смышленостію, то отдамъ за него дочь.»

Съ этимъ отвѣтомъ вернулся старикъ домой. Пришелъ до-

мой и сынъ. Разсказалъ ему отецъ сказанное царемъ. Отвѣчалъ сынъ: «теперь не знаю никакого искусства, ничего не смыслю, но узнаю все, хотя бы пришлось идти на край свѣта; завтра приготовься идти вмѣстѣ со мной.»—«Что же сдѣлаемъ мы съ телятами? хозяева вѣдь не пустятъ насъ,» возразилъ отецъ.—«Телятъ пусть съѣдятъ волки, а хозяева пусть перемрутъ всѣ до одного, не о нихъ у меня теперь забота,» отвѣчалъ сынъ.

Вставъ по-утру, пошли они; шли, шли, много шли, мало шли, дошли до холма. Сильно уставъ, сѣлъ старикъ на холмъ, сказавъ: Охай! *) На-двое холмъ разсѣлся и нѣкто выскочилъ наверхъ. «Что тебѣ надо, за-чѣмъ звалъ ты меня, старикъ?» спросилъ онъ.—«Не звалъ я тебя, сказалъ я «охай!,» потому-что усталъ,» отвѣчалъ старикъ.—«Мнѣ показалось, что ты зовешь меня, такъ-какъ имя мое Охай,» сказалъ тотъ. Разговорились они тутъ, разговорились, онъ говорилъ и они говорили. Узнавъ, чего они желаютъ, сказалъ Охай старику: «оставь у меня этого молодца учиться искусству и смышлености; превосходнѣе меня искусника нигдѣ нѣтъ; въ будущемъ году, въ этотъ самый день, приходи ты за нимъ.» Согласился молодецъ на это. По той же дорогѣ, по которой пришелъ, поворотилъ старикъ назадъ, а Охай скрылся подъ холмъ, взявъ съ собою молодца.

Посмотрѣлъ молодецъ, — серебряные дворцы, хрустальныя башни; въ башнѣ безмѣрно красивая, подобная гуріи сидитъ дѣвица. То была дочь Охая. Сказалъ ей отецъ: «лягу я немного отдохнуть; этому молодцу вѣроятно и ѣсть и пить хочется; угости его хорошенько.»

Съ перваго взгляда полюбили другъ друга молодецъ и дѣвица. Сказала ему дѣвица: «теперь начнетъ тебя учить искусству—разуму мой отецъ; послѣ каждаго урока спроситъ онъ тебя: «понялъ, или нѣтъ?» Смотри, если поймешь, говори, что не понялъ; если скажешь, что понялъ, то онъ убьетъ тебя, какъ убилъ уже многихъ подобныхъ тебѣ; онъ не хочетъ, чтобы, кромѣ его, другой человѣкъ узналъ искусство—разумъ.»

Началъ тутъ Охай учить молодца искусству—разуму. Послѣ каждаго урока спрашивалъ его Охай: «понялъ или нѣтъ?» Помня сказанное дѣвицей, не отвѣчалъ молодецъ иначе, какъ: «не понялъ,» а, между тѣмъ, самого даже Охая превзошелъ во всемъ.

Коротко-ли, долго-ли, исполнился цѣлый годъ; по сказанному

*) Т. е. Уфъ!

Охаемъ, сѣлъ отецъ молодца на холмъ. Раскрывъ холмъ, Охай поднялся наверхъ, взявъ съ собою молодца. Сказалъ онъ старику: «сынъ твой оказался безталантнымъ, безумнымъ дуракомъ; цѣлый годъ у меня пропалъ по-напрасну съ нимъ; возьми его назадъ; не знаю для него болѣе приличнаго искусства, какъ пасти телятъ.»

Пошли тутъ отецъ и сынъ, направясь домой. Дорогой началъ отецъ упрекать его, бранить, гнѣваться. «Съ такимъ-ли видомъ, съ такимъ-ли умомъ, задумалъ ты учиться искусству, задумалъ жениться на царской дочери? О своихъ телятахъ, да какъ бы ѣсть до-сыта хинкалъ, если бы ты заботился, то было бы и тебѣ лучше, и мнѣ старику столько горя и безпокойства не надѣлалъ бы ты.» Едва лишь успѣлъ высказать это отецъ, какъ сынъ, превратясь въ сѣраго жеребца, заигралъ передъ нимъ, заржалъ. Принявъ снова свой видъ, сказалъ онъ: «что это—искусство, или нѣтъ?»—«Искусство, сынъ мой, искусство,» отвѣтилъ отецъ. Подобнымъ же образомъ превратился сынъ въ сереброкрылаго ястреба, превратился въ золотогриваго оленя, сто разъ перемѣнилъ видъ. Наконецъ, принявъ свой видъ, сказалъ онъ отцу: «самого Охая превзошелъ я во всякомъ искусствѣ: знай это, но не говори объ этомъ другимъ; въ первый же базарный день превращусь я въ жеребца; выведя на базаръ, продай меня; но, смотри, съ недоуздкомъ не продавай; дойдя до дому, найдешь ты меня уже сидящимъ передъ каминомъ.»

Въ базарный день превратился молодецъ въ сѣраго жеребца, пошелъ отецъ на базаръ продавать его. Продавъ за триста тумановъ и наполнивъ карманы деньгами, вернулся старикъ домой,—сидитъ сынъ передъ каминомъ. На второй базарный день молодецъ превратился въ гнѣдаго жеребца, пошелъ отецъ продавать его. Продавъ за ту же цѣну, вернулся старикъ домой,—сидитъ сынъ передъ каминомъ.

На третій базарный день превратился молодецъ въ воронаго жеребца; повелъ его отецъ на базаръ. Торопливо подошелъ къ нему нѣкій человѣкъ. То былъ Охай, подъ другимъ видомъ, пришедшій на базаръ для кое-какихъ закупокъ. «Какая цѣна?» спросилъ онъ.—«Триста тумановъ,» отвѣтилъ старикъ. Отдавъ деньги, ударивъ по рукамъ, сталъ уже уводить коня тотъ человѣкъ. «Недоуздокъ оставь, съ недоуздкомъ не продаю его,» сказалъ старикъ. «Сто тумановъ надбавлю, оставь и недоуздокъ,» сказалъ человѣкъ; не согласился старикъ. «Двѣсти дамъ,» сказалъ; не согласился

старикъ. Наконецъ, когда надбавилъ еще триста тумановъ, то, обезумѣвъ отъ денегъ, не зная самъ, что дѣлаетъ, отпустилъ старикъ коня съ недоуздкомъ. Покатились слезы изъ глазъ коня.

Сѣвъ на него, пріударилъ Охай, погналъ, пріѣхалъ къ своему холму. Раздѣливъ его на-двое, вошелъ онъ во-внутрь, держа коня за поводъ, и закричалъ дочери,—вышла она. Хотя и былъ молодецъ въ образѣ коня, но все-таки она узнала его. «Дай мнѣ мечъ, дочь моя, чтобы изрубить коня,» сказалъ Охай. Войдя въ домъ, забросила она мечъ за шкапъ, а ножны выбросивъ на дворъ, закричала: «нѣтъ меча, отецъ, одни лишь ножны.»—«Копье хоть дай,» сказалъ Охай. Желѣзо туда же забросивъ, а древко выбросивъ на дворъ, закричала она: «острія нѣтъ, отецъ, одно лишь древко.» Вызвавъ дочь и давъ ей въ руки поводъ, пошелъ Охай самъ въ домъ искать оружіе. Снявъ недоуздокъ, пустила дѣвица коня,—въ видѣ сизаго голубя улетѣлъ онъ. «Вырвался, отецъ, вырвался!» закричала дочь. «Въ какомъ видѣ, въ какомъ видѣ?» закричалъ Охай, выбѣжавъ на дворъ. «Въ видѣ голубя улетѣлъ,» сказала дочь. Превратясь въ бѣлаго кречета, взвился вслѣдъ за нимъ Охай. Впереди голубь, за нимъ кречетъ, впереди голубь, за нимъ кречетъ. Влетѣвъ въ окно дворца, сѣлъ голубь на руку царя; на окнѣ, хлопая крыльями, сталъ кречетъ. Протянулъ царь голубя къ кречету,—въ красное яблоко превратился голубь, въ старика съ бѣлоснѣжною бородою превратился кречетъ. Протянулъ царь къ старику яблоко,—мелкимъ просомъ разсыпалось оно, а старикъ превратился въ насѣдку съ пятидесятью цыплятами. Начали птенцы и мать клевать просо, клевали, клевали, осталось одно лишь зерно; хотѣла насѣдка клюнуть его, превратилось зерно въ толстошеяго кота, который пообрывалъ шеи и матери и птенцамъ. Тутъ, принявъ свой видъ, сказалъ молодецъ царю: «искусство ли это, государь, или нѣтъ?»—«Искусство, молодецъ, да еще и какое!»—«Коли это искусство, то выдай за меня теперь свою дочь, если держишься условія,» сказалъ молодецъ.

Хорошо слово короткое, а веревка длинная. Женился молодецъ на царской дочери, потомъ женился и на дочери Охая. Оставивъ его, какъ ягненка, сосущаго двухъ матокъ, пришелъ я сюда.

О Балаѣ и о Боти.

Жилъ былъ царь, у царя было три сына. То, что мы разскажемъ, случилось, когда царь уже померъ и сыновья остались одни.

Нѣкогда услышали они, что на югѣ живетъ царь, у царя того есть дочь, которая положила завѣтъ выйти замужъ не-иначе, какъ за того, кто побѣдитъ ее въ борьбѣ. Изготовился старшій братъ ѣхать бороться съ нею; хорошо принарядился, хорошо вооружился, на хорошаго коня сѣлъ и поѣхалъ, сказавъ братьямъ: «счастливо оставаться.»

Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, широкія долины оставилъ, глубокія ущелья оставилъ, просторную степь проѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, нашелъ на дорогѣ стараго человѣка. «Куда спѣшишь, сынъ мой, куда путь держишь, если попуститъ Богъ?» спросилъ старикъ. Разсказалъ юноша. «Эта-ли дѣвица тебѣ нравится или совѣтъ стараго человѣка нравится?» спросилъ старикъ. «Я самъ кому угодно дамъ совѣтъ, и эту дѣвицу предпочитаю твоему совѣту,» отвѣчалъ онъ. «Счастливой дороги, сынъ мой,» сказалъ старикъ.

Ѣхалъ юноша, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, доѣхалъ до столицы отца дѣвицы; подъѣхавъ, слѣзъ съ коня у воротъ царскихъ. Бросились нукеры; кто взялъ коня подъ уздцы, кто принялъ оружіе, другіе ввели въ комнату. Отборное кушанье принесли ему, сладкій напитокъ принесли; придя, сѣлъ подлѣ него царскій визирь; пріятный разговоръ завелъ. Кушая, попивая, разговаривая, время проводя, сказалъ визирь: «гость! чего желаешь ты, какая у тебя надобность? какое дѣло привело тебя сюда?»—«Желаю я бороться съ царской дочерью,» сказалъ юноша.—«Если пріѣхалъ за этимъ, то завтра, съ восходомъ солнца, будь совершенно готовъ и выйди на площадь, дѣвица выйдетъ къ тебѣ,» сказалъ визирь; «если тебѣ счастье, то ты одолѣешь дѣвицу; если же будешь побѣжденъ, то тебѣ отрѣжутъ голову и воткнутъ на колъ, знай это.» Сказавъ это, всталъ и ушелъ визирь. Крѣпко не понравилось юношѣ сказанное имъ.

До свѣта не спавъ, рано по-утру вставъ, на площадь вышелъ онъ; кругомъ смотрѣлъ народъ. Изъ моря наружу вышло солнце, вышла на площадь и дѣвица, затмѣвая нарядомъ своимъ блескъ солнца. Придя, ставъ передъ юношей, отворотила она сорочку и показала грудь; въ безпамятствѣ упалъ онъ. Бросились рабы, отрубили ему голову и воткнули на колъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, поѣхалъ средній братъ разузнать, живъ или умеръ старшій братъ и притомъ, если придется, то и съ дѣвицей побороться. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, мало ѣхалъ, проѣхалъ тотъ же путь, что и старшій братъ, доѣхалъ

8

до того самаго старика. Что долго разсказывать? Также, какъ брату, отрубили ему голову и воткнули ее на колъ.

Долго ждалъ меньшой братъ пріѣзда старшихъ. Не возвращаются они; поѣхалъ онъ разузнать, что съ ними случилось, а, если придется, то и съ дѣвицей побороться. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, ночью ѣхалъ, днемъ ѣхалъ, нашелъ того самаго старика тамъ, гдѣ нашли его братья. «Куда спѣшишь, сынъ мой, куда путь держишь, если попуститъ Богъ?» спросилъ старикъ. Разсказалъ онъ. «Красивая ли дѣвица тебѣ нравится, или стараго человѣка совѣтъ тебѣ нравится, сынъ мой?» спросилъ снова старикъ.—«Не противна мнѣ красивая дѣвица, но, хотя и не противна, болѣе нравится мнѣ стараго человѣка совѣтъ,» сказалъ юноша. — «Если совѣтъ тебѣ болѣе нравится, то научу тебя, сынъ мой,» сказалъ старикъ; «не превосходствомъ силы побѣждаетъ она людей въ борьбѣ; раскрывъ сорочку, показываетъ она грудь вышедшему на борьбу съ нею человѣку; увидѣвъ грудь ея, падаетъ на землю безъ чувствъ самый крѣпкій человѣкъ; когда выйдешь бороться, то, опустивъ глаза внизъ, постарайся подскочить къ ней: легко одолѣешь ты ее.»

Поблагодаривъ старика, пріударилъ юноша коня, погналъ, пріѣхалъ въ городъ дѣвицы. Подобно старшимъ братьямъ, слѣзъ онъ съ коня у царскихъ воротъ. Бросились нукеры, взяли коня, приняли изъ рукъ оружіе, ввели въ комнату. Принесли ему ѣсть и пить, пришелъ визирь, сладкую, пріятную рѣчь завелъ, намъ извѣстный разговоръ завязался. Ушелъ визирь, сказавъ: «по-утру, съ восходомъ солнца, будь готовъ на площади.»

Вставъ до восхода солнца, вышелъ на площадь юноша; съ восходомъ солнца и дѣвица пришла. Раскрывъ сорочку, показала она грудь,—не глядя на нее, разомъ подскочилъ, мгновенно схватилъ и положилъ ее на землю юноша. «Пощадить тебя или зарѣзать, сука?» сказалъ юноша, приложивъ ей къ шеѣ кинжалъ. «Пощади, теперь я твоя,» сказала дѣвица. «Поѣзжай сей-часъ же со мной, спѣшу я домой,» сказалъ онъ, отпустивъ ее. «Поѣду, когда выполнишь ты возложенную мною на тебя службу; иначе, не выйду за тебя замужъ и не поѣду,» сказала дѣвица. «Если бы ты побѣдила меня, то отрубила бы мнѣ голову и воткнула бы ее на колъ,» сказалъ юноша; «теперь, мало что побѣдилъ я тебя, долженъ еще справлять твою службу; пускай, ты женщина, и мнѣ неприлично, подобно тебѣ, причудничать; приказывай, что у тебя за служба такая?» Вынувъ изъ сундука золотую туфлю,

бросила она ее передъ нимъ: «товарищъ ея потерянъ; отыскавъ, приди,» сказала дѣвица.

Въ сумку бросивъ туфлю, сѣлъ юноша на коня, пріударилъ, погналъ, поѣхалъ. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, высокія горы оставилъ, глубокія ущелья оставилъ, широкія рѣки переѣхалъ, обширныя степи оставилъ; такимъ образомъ подвигаясь, доѣхалъ онъ до прекрасной, наполненной цвѣтами степи. По срединѣ степи подобный раю садъ, въ саду палаты, чарующія глазъ людской. Слѣзъ юноша у тѣхъ палатъ, пустивъ коня, стреноживъ его, вошелъ во-внутрь, посмотрѣлъ,—все есть, не достаетъ только человѣка, который бы жилъ въ нихъ; по срединѣ журчитъ бассейнъ холодной воды. Выкупавшись въ этомъ бассейнѣ, отъ усталости легъ и заснулъ онъ.

Спустя нѣкоторое время, разбудилъ его кто-то, толкая. «Эй, другъ!» сказалъ пришедшій, «развѣ это садъ твоего отца, что ты пустилъ въ него стреноженнаго коня? вставай-ко, посмотримъ, каковъ ты въ удальствѣ!» Проворно вскочивъ на ноги, посмотрѣлъ молодецъ, видитъ, — передъ нимъ юноша съ лучезарнымъ лицомъ. «Пѣшимъ ли хочешь подвизаться, или коннымъ?» спросилъ юноша. «Пѣшимъ,» отвѣчалъ тотъ. Схватились тутъ они другъ съ другомъ; одинъ двинулъ, другой двинулъ, не можетъ ни тотъ, ни другой повалить другаго. Между-тѣмъ, насталъ полдень, солнце пошло на закатъ, начало темнѣть, — не можетъ ни одинъ повалить другаго. «Довольно теперь, пусти меня,» сказалъ пришедшій юноша, «завтра рано приду я бороться, будь ты готовъ; за этимъ холмомъ пасутся мои бараны; сегодня вечеромъ ступай туда поѣсть и попить, здѣсь нѣкому тебя угостить.» Сказавъ это, исчезъ онъ изъ глазъ.

Пошелъ юноша туда, гдѣ паслись бараны. Бросившись, пастухи взяли коня, приняли изъ рукъ оружіе, зарѣзали барана, величиною съ осла, наставили вертелы на огонь, сдѣлали большое угощеніе. Наѣвшись, напившись, повстали и ушли пастухи; остался передъ огнемъ юноша и съ нимъ другой молодой человѣкъ. «Кто хозяинъ этихъ барановъ, пріятель?» спросилъ его юноша. «Всѣ эти бараны принадлежатъ женщинѣ, и сама она еще незамужняя,» сказалъ пастухъ; «недалеко отсюда находится ея замокъ, и этотъ замокъ стерегутъ два змѣя.»

Разспросивъ пастуха о дорогѣ, взявъ съ собою тушу барана, поѣхалъ юноша къ замку дѣвицы; поѣхалъ, доѣхалъ, отворилъ ворота, вошелъ вовнутрь,—съ двухъ сторонъ два змѣя бросились на него. Разорвалъ онъ передъ ними тушу баранью надвое и ки-

нулъ имъ; вошелъ во-внутрь дома, взглянулъ, — лежитъ, спитъ молодой человѣкъ, боровшійся съ нимъ днемъ. «Вставай, сука!» сказалъ юноша, положивъ руку на ея грудь, «вставай! охотнѣе буду я съ тобой бороться ночью, чѣмъ днемъ.» Разомъ встала дѣвица, схватились они; онъ двинулъ, она двинула, — не могутъ повалить другъ друга. Наконецъ, истощивъ всѣ средства, крѣпко сжалъ юноша ея правую грудь,—раздался звукъ, какъ бы щелкнулъ орѣхъ, и дѣвушка упала навзничь. «Теперь я твоя, дѣлай со мной, что хочешь,» сказала она. Какъ разъ, изъ одного угла вышелъ мулла, изъ другаго будунъ *); по закону сочетались; женился юноша на дѣвицѣ, стали они мужемъ и женой.

Прошло три ночи послѣ брака, на четвертую сталъ юноша готовиться въ дорогу. Спросила его жена: «куда ты ѣдешь, куда торопишься, откуда пріѣхалъ, куда теперь отправляешься?» Разсказалъ онъ ей, что произошло между нимъ и царской дочерью, вынулъ изъ сумы и бросилъ передъ нею туфлю. «Эта туфля спала съ моей ноги, иначе гдѣ бы ей достать ее?» сказала она. Поискавъ, дала она ему и другую туфлю.

Положивъ туфли въ сумы и простясь съ женою, сѣлъ юноша на коня, пріударилъ, погналъ, доѣхалъ. «Возьми», сказалъ онъ, бросивъ обѣ туфли передъ дѣвицей. «Есть мужъ, по имени Балай, и есть жена, по имени Боти; если ты не узнаешь, что произошло между ними, то я не выйду за тебя,» сказала она. Покачалъ юноша головой, сѣлъ на коня, поѣхалъ по дорогѣ, по которой прежде никто не ѣзжалъ.

Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, много ѣхалъ, мало ѣхалъ, ночью ѣхалъ, днемъ ѣхалъ. Такъ ѣхавъ, проѣхалъ онъ столько дороги, сколько есть отъ ноздрей до рта **), попалъ онъ наконецъ въ такой край, гдѣ и воздухъ былъ другой и земля невиданная, въ солнечный день грязь, въ дождливый пыль. Тутъ, стреноживъ коня, пустилъ онъ его подъ деревомъ, вѣтви котораго уходили въ поднебесье. Посматривая вокругъ, взглянулъ онъ, черезъ нѣкоторое время, на вершину дерева,—тамъ было гнѣздо орлицы и въ немъ птенцы, каждый величиною съ быка. Позади его прополз и полѣзъ къ нимъ трехглавый змѣй,—однимъ ударомъ убилъ его юноша, отрубилъ ему всѣ три головы. Черезъ нѣсколько времени, подобно тучѣ, колыхая лѣсъ и горы, прилетѣла орлица и сѣла

*) Помощникъ муллы.

**) Шутливое обозначеніе весьма-дальней дороги.

на гнѣздо. Прощебетали ей птенцы. «Эй, молодецъ!» сказала орлица, «теперь я тебѣ мать, а ты мнѣ сынъ, ты убилъ врага моихъ дѣтей; прикажи мнѣ службу, какъ бы велика ни была она, сослужу ее.»—«Доставь ты меня въ домъ къ Балаю и Боти, если хочешь сослужить, такъ сослужи мнѣ эту службу,» отвѣчалъ юноша. «Если туда отправимся, то ни ты, ни я, не вернемся, прикажи другую службу; ты можешь самъ отдыхать и спать, а я, между тѣмъ, сослужу ее тебѣ,» сказала орлица.—«Нѣтъ у меня другой службы; если сама не пойдешь со мной, то хотя покажи дорогу мнѣ къ Балаю и Боти,» сказалъ юноша.—«На смерть тебя отпустивъ, не придется и мнѣ на свѣтѣ жить; садись мнѣ на спину,» сказала орлица; сѣлъ юноша.

Взмахнула орлица крыльями; съ каждымъ взмахомъ, то гору оставляла она позади себя, то рѣки, то землю; оставляя, летѣла, сѣла на высокомъ холму, впереди же холма башни, упирающіяся въ поднебесье. Спустивъ на землю юношу, сказала орлица: «это Балаевы башни; ступай къ нему, скажи, что сказать слѣдуетъ, спроси, о чемъ спросить слѣдуетъ, и потомъ, улучивъ минуту, поспѣшно возвращайся сюда; если у тебя есть счастіе, то не пуститъ онъ стрѣлы, пока не дойдешь ты до меня; если же пуститъ, то и прежде тебя никто отъ нея не спасался и послѣ тебя никто не спасется.» Пошелъ юноша, дошелъ до башень. «Гостя примите-ли?» сказалъ онъ и вошелъ во-внутрь. «Примемъ, другъ, почему не принять!» сказалъ Балай, вставъ и взявъ его за руку. Усадилъ его Балай, разговорились они. На слово словомъ отвѣчая, спросилъ Балай юношу; «ну-ка, другъ, издалека ли ты пріѣхалъ, чего ты хочешь, какое дѣло имѣешь?» Разсказалъ юноша. «Прежде поѣдимъ,» сказалъ Балай, «потомъ разскажу тебѣ, что произошло между мной и женой.» Принесли ѣсть. Когда кончили ѣсть, то оставшееся кушанье положилъ Балай передъ борзой собакой; оставшееся отъ борзой поставилъ онъ передъ женщиной, которая на половину превратилась уже въ камень и стояла за дверью. Не хотѣла-было она ѣсть; взялъ Балай нагайку и поднялъ на нее,—стала она ѣсть. Не вытерпѣвъ, сказалъ юноша: «чѣмъ такъ виновата эта женщина, что ты заставляешь ее ѣсть оставшееся отъ собаки?»

«Я Балай,» сказалъ Балай, «а это моя жена Боти. Вступивъ въ бракъ, жили мы долгое время въ добромъ согласіи. Потомъ, каждый разъ, что я ложился возлѣ нея, тѣло Боти становилось холодно, какъ снѣжный сугробъ, какъ льдина.»—Разсказывая, при-

говаривалъ Балай: «какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Сталъ я подозрѣвать ее,» продолжалъ Балай, «и сталъ за нею присматривать. Разъ, вечеромъ, чтобы не заснуть, разрѣзалъ я себѣ конецъ большаго пальца и посыпалъ солью, легъ возлѣ нея, отъ зуда въ пальцѣ не могъ заснуть, а только притворялся спящимъ.»—«Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Немного спустя, вижу,—встала она съ постели, одѣлась, вышла изъ дому; всталъ и я, навѣсилъ оружіе, вышелъ вслѣдъ за нею. Два коня стояло у меня на конюшнѣ, одинъ изъ вѣтру, другой изъ тучи; выведя изъ конюшни коня-вѣтеръ и, сѣвъ на него, уѣхала она; сѣлъ я на коня-тучу и поѣхалъ за нею.»—«Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.» —«Впереди она, за нею я, впереди она, за нею я; какъ бы то ни было, но конь-вѣтеръ былъ быстрѣе, чѣмъ конь-туча; хотя изъ глазъ она у меня не пропадала, но не могъ я ее догнать. Такъ ѣхали мы и доѣхали до башни нартовъ. Боти, привязавъ коня у воротъ, вошла во-внутрь и поднялась въ верхній покой; гдѣ она привязала коня, тамъ и я привязалъ своего, и пошелъ вслѣдъ за нею.» — «Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Отворивъ дверь, пошла она во-внутрь; ставъ у дверей такъ, чтобы меня не видали, смотрѣлъ я во-внутрь. Смотрѣлъ я,—было семеро братьевъ нартовъ, всѣ семеро, подобно тому, какъ дѣти бросаютъ другъ къ другу разноцвѣтный мячъ, забавлялись, перебрасывая жену мою одинъ къ другому. Наигравшись такъ до-устали, стали они ѣсть-пить. Когда кончили ѣсть и пить, вышелъ одинъ изъ братьевъ наружу,—ударомъ меча покатилъ я его голову; такимъ порядкомъ, шестеро вышли наружу,—всѣмъ шестерымъ отрубилъ я головы.» — «Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Остались внутри Боти и самый меньшой братъ. Съ однимъ я и одинъ могу справиться, сказалъ я, и съ мечемъ въ рукѣ вошелъ въ комнату. Выхвативъ свой мечъ, бросился на меня нартъ; она отбѣжала въ сторону и смотрѣла на насъ. Я ударилъ, онъ ударилъ; не знаю, счастливѣе ли я былъ, искуснѣе ли былъ, только отъ моего удара отлетѣла у него нога; упалъ онъ на землю, а она выбѣжала изъ комнаты.»—«Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.» —«Оставивъ нарта, бросился я вслѣдъ за нею; прежде чѣмъ успѣлъ я нагнать ее, сѣла она на коня-вѣтеръ и понеслась домой. Сѣлъ я на коня-тучу, погнался за нею. Ранѣе меня пріѣхала она домой и взяла въ руки мою волшебную плеть, ожидая

меня; только что я вошелъ въ комнату, ударила она меня плетью, сказавъ: «да превратишься ты въ щенную суку,»—превратился я въ щенную суку.»—«Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Въ таковомъ видѣ, семь лѣтъ сряду оставался я при баранахъ, между псами. На восьмой годъ, придя къ баранамъ, ударила она меня плетью и сказала: «довольно тебѣ быть сукой, превратись теперь въ лошака,» — превратился я въ лошака, и въ этомъ видѣ оставался семь лѣтъ, таская пастухамъ дрова. Послѣ того, ударила она меня въ третій разъ плетью, сказавъ: «превратись въ ястреба,»—превратился я въ ястреба. Прямо полетѣлъ я домой; спустя нѣсколько времени, пришла Боти; придя, повѣсила плеть на гвоздь и вышла изъ комнаты. Влетѣвъ въ комнату, ударился я о висѣвшую плеть и сказалъ: «да превращусь я въ прежняго Балая,» — въ прежняго Балая превратился я.»—«Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Взявъ плеть, бросился я изъ комнаты вслѣдъ за нею; торопливо шла она назадъ; взглянувъ на меня, испустила страшный крикъ и безъ чувствъ упала на землю. «Не бойся, не бойся, не убью, не зарѣжу тебя, но, что я вытерпѣлъ, то и ты должна вытерпѣть: превратись въ щенную суку,» сказавъ, ударилъ я ее плетью,—стала она сукой. Сколько времени я самъ находился при стадѣ, столько времени и ее оставилъ между собаками; потомъ, превратилъ ее въ лошака; послѣ того—на половину въ человѣка, на половину въ камень и держу ее, давая ей ѣсть оставшееся послѣ собаки.» — «Какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»—«Царская дочь, убившая твоихъ братьевъ,—сестра Боти, знай это. Держитъ она того нарта, которому отрубилъ я ногу, тайно отъ отца и народа, какъ мужа, въ подземельѣ, подъ комнатой, въ которой живетъ сама; тамъ и жительство для него устроено, отъ него и сынъ родился у нея. Вотъ, что произошло между мною и Боти, если хочешь знать,» сказалъ подъ конецъ Балай; «не безъ причины держу я ее, превративъ на половину въ камень и кормлю тѣмъ, что остается отъ собаки; терпитъ она то, что слѣдуетъ ей терпѣть; но... какъ будетъ возвращаться, пущу я стрѣлу вслѣдъ другу.»

Когда Балай кончилъ разсказъ свой, сказалъ юноша: «пойду-ка посмотрѣть твой дворъ—домъ.» Выйдя изъ комнаты, побѣжалъ онъ къ холму, гдѣ осталась орлица. Едва лишь добѣжалъ онъ до нея, какъ орлица, посадивъ его на спину, не жалѣя силъ, замахала крыльями въ обратный путь. Высокія горы оставила она, глубокія ущелья оставила,—летитъ, какъ будто буря несетъ ее.

Балай ждалъ ушедшаго гостя, долгое время ждалъ, — не идетъ; до полудня ждалъ,—не пришелъ. «Что съ нимъ случилось?» сказавъ, вышелъ Балай изъ комнаты,—духу нѣтъ гостя. Узнавъ, что онъ бѣжалъ, пустилъ Балай вслѣдъ ему стрѣлу,—со свистомъ ударилась она въ крыло орлицы, которая, столько пролетѣвъ, исчезала уже за хребтомъ; какъ бы изъ разорванной подушки полетѣли перья. «Попала въ тебя?» спросила орлица юношу. «Не попала, надъ лѣвымъ ухомъ пролетѣла, срѣзавъ волосы, — ты какъ?» спросилъ юноша. «Прошла, не задѣвъ кости; если намъ счастіе, то не пуститъ другой стрѣлы,» сказала она. Не пустилъ Балай другой стрѣлы, орлица доставила юношу въ царскую столицу, а сама вернулась домой.

Взявъ съ собою царя, отца дѣвицы, взявъ визиря, собравъ весь народъ, пошелъ юноша къ дѣвицѣ; разсказалъ то, что Балай ему самому разсказывалъ. «Все это ложь, даже не видалъ ты Балая; ни одинъ человѣкъ не уходитъ отъ стрѣлы Балая, ты какъ ушелъ? что ты за храбрецъ такой?» сказала дѣвица.— «Чтобы узнать ложь и истину, загляни подъ ея комнату,» сказалъ юноша царю; «тамъ, если не найдутся Балаемъ раненый, а ею взятый вмѣсто мужа хромой нартъ, и рожденный отъ него сынъ, то я лгунъ, убей меня тогда; если же найдутся, то поступи такъ же съ этой сукой.» Поблѣднѣвъ, не зная что сказать, вся задрожала дѣвица. Словомъ сказать: обнаружилось тутъ все дурное поведеніе ея, все ея безпутство. «Ты опозорила мою голову,» сказалъ царь и убилъ свою дочь, а юноша убилъ нарта и его сына.

Совершивъ столько подвиговъ, выйдя цѣлымъ изъ столькихъ опасностей, взявъ свою жену, пошелъ и воцарился въ отцовскомъ государствѣ юноша.

Братъ и сестра.

Жили были мужъ и жена. Семеро сыновей было у нихъ; сами они были богатые люди.

Нѣкогда обратились къ Богу съ мольбой мужъ и жена. «Боже,» сказали они, «далъ Ты намъ семь сыновей; дай намъ еще дочь, чтобы исполнять въ домѣ женскую работу; сами мы уже стары.» Внялъ Богъ ихъ мольбѣ; забеременѣвъ, въ надлежащее

время родила жена дочь. Когда исполнился день дочери, казалось, исполнился ей мѣсяцъ; когда исполнился мѣсяцъ, казалось, что исполнился ей годъ; такъ непомѣрно выростая, стала она достигать ужасающихъ размѣровъ.

Былъ у нихъ табунъ кобылицъ; семеро сыновей пасли его поочереди. Однажды, кончивъ свою очередь, пришелъ домой старшій сынъ. «Удивительное дѣло случилось сегодня,» сказалъ онъ, «какъ разъ въ полдень, черное какъ уголь существо, которому и названія нѣтъ, бросилось въ табунъ; въ одно мгновеніе, схвативъ въ ротъ кобылицу, исчезло оно изъ глазъ; а табунъ такъ и дрожалъ, храпѣлъ.» Тоже самое, кончивъ свою очередь, разсказалъ и слѣдующій братъ. Словомъ сказать: при каждой очереди шестерыхъ старшихъ братьевъ, произошло тоже чудо.

Пошелъ, въ свою очередь, младшій братъ. Въ самый полдень, прилетѣло въ средину табуна черное какъ уголь, тучѣ подобное существо; схвативъ въ ротъ кобылицу, поднялось оно на воздухъ. Легши на спину, пустилъ парень вслѣдъ за ней стрѣлу,— кобылица упала наземь, а чудо исчезло изъ глазъ.

Кончивъ свою очередь, пошелъ онъ домой; придя домой, нашелъ онъ, что отецъ, мать, братья и прочіе собираются перевязать руку сестры. Посмотрѣлъ онъ, — на ладони сестры увидѣлъ онъ рану отъ своей стрѣлы. «Что случилось съ нею?» спросилъ онъ.— «Нечаянно сама укололась ножемъ,» отвѣчали тѣ.—«Нѣтъ, это рана отъ моей стрѣлы; не человѣкъ дочь ваша, Картъ она; это она похищаетъ кобылицъ. Слѣдуетъ ее сейчасъ-же убить; иначе, она молодая глотаетъ кобылицъ, а послѣ и весь свѣтъ проглотитъ,» сказалъ онъ. Бросились тутъ всѣ на него. «Чѣмъ убить единородную дочь, околѣйте вы всѣ,» закричали отецъ и мать. «Тебя самого убьемъ,» закричали братья.—«Хорошо, довольно ея съ васъ,» сказалъ онъ и вышелъ изъ дому.

Пошелъ онъ, пошелъ, много шелъ, мало шелъ, въ другое царство пришелъ, до большаго города дошелъ. Въ этомъ городѣ дѣтей—головы не имѣвшихъ *), у старыхъ людей остановился онъ гостемъ; богатые люди были они. Не приняли они его какъ гостя, приняли какъ сына, посланнаго имъ Богомъ; не пустили они его въ другое мѣсто, оставили у себя.

Жилъ онъ тутъ, жилъ; прожилъ мѣсяцъ, прожилъ другой, третій; прожилъ годъ. Двухъ отличныхъ собакъ воспиталъ онъ;

*) Т. е. одинокихъ, безродныхъ.

одна называлась Быстрая-Нога, другая Тонкій-Слухъ; на цѣпяхъ были онѣ.

Однажды, сказалъ онъ найденнымъ отцу и матери: «къ родной сторонѣ лежитъ мое сердце; пойду я туда провѣдать и вернусь. Если мои собаки съ воемъ потянутъ цѣпи, спускайте ихъ, не мѣшкая.»

Пошелъ онъ, пошелъ; идя, ступая, приблизился онъ къ отцовскому селенію. Взобравшись на холмъ, съ котораго видно было село, посмотрѣлъ онъ, — все обрушилось, все село обратилось въ развалины; только изъ одного мѣста выходилъ дымъ. Пошелъ онъ туда, дошелъ, вошелъ во-внутрь, — нашелъ свою сестру; страшнымъ Картомъ стала уже она. Притворилась она, что радуется, обняла его, посадила, назвала братомъ, назвала жизнью. Такъ, разговаривая, распрашивая, вышла она во дворъ; выхватила ногу у лошади брата и проглотила ее. Войдя въ комнату, сказала она: «братъ! на треногой лошади развѣ ты пріѣхалъ?»—«Такъ, сестра,» отвѣчалъ онъ. Выйдя опять, проглотила она другую ногу; войдя, спросила снова: «братъ! на двуногой лошади развѣ ты пріѣхалъ?»—«Такъ, сестра,» отвѣчалъ онъ. Такимъ образомъ, проглотила она всѣ четыре ноги лошади. Наконецъ, проглотивъ туловище, сказала: «братъ! безъ лошади, пѣшкомъ развѣ ты пришелъ?»—«Такъ, сестра,» отвѣчалъ онъ. «Сестра», сказалъ онъ, «и я голоденъ, изготовь что-нибудь закусить; а пока ты изготовишь, я поднимусь на крышу, чтобы посмотрѣть на свѣтъ.»—«Хорошо, братъ, поднимись; только ноги свѣсь ты въ потолочное окно, чтобы я могла видѣть,» сказала она.

Когда онъ поднялся на крышу, подбѣжала къ нему мышь. «Скорѣе спасайся,» сказала она; «иначе, какое твое намѣреніе? Отца и мать проглотила она, братьевъ проглотила; кромѣ меня, во всей странѣ ничего живаго не оставила она; сама я, прячась то туда, то сюда, насилу спасаю свою жизнь.»—«Какъ мнѣ бѣжать? Если и бѣжать, какъ спасусь?» сказалъ онъ.—«Въ потолочное окно свѣсь ты оба сапога, чтобы она думала, что ты здѣсь,» отвѣчала мышь; «если она заговоритъ, я буду отвѣчать; бѣги покуда безъ оглядки.» Свѣсивъ оба сапога въ потолочное окно, ударился парень бѣжать.

Заговорила Картъ, отвѣчала мышь. «Братъ! иди кушать,» закричала Картъ.—«Погоди немного,» отвѣчала мышь.—«Поскорѣй, кушанье стынетъ,» закричала она.—«Погоди немного,» отвѣчала опять мышь.—«Довольно, слѣзай,» закричала она въ третій разъ;

тотъ же отвѣтъ дала мышь. Въ гнѣвѣ, дернула Картъ оба сапога,—только и остались въ рукахъ они, больше нѣтъ ничего. Выбѣжавъ на дворъ, посмотрѣла она,—черной точкою кажется братъ, исчезаетъ онъ изъ виду. Бросилась она вслѣдъ за нимъ, бросилась, бросилась. Оглянулся парень назадъ,—догоняетъ она. «Боже,» взмолился онъ, «пусть ляжетъ между нами рѣка безъ моста,»—легла рѣка. Перешагнула ее Картъ. «Боже,» взмолился онъ вторично, «да станетъ между нами скала безъ дороги,»—стала скала. Однимъ прыжкомъ взобралась Картъ наверхъ. «Боже,» взмолился онъ въ третій разъ, «пусть выростетъ дерево, ушедшее подъ тучу, а на вершинѣ чтобы я былъ,»—сдѣлалось, какъ онъ молилъ.

Подошла Картъ. Вмѣсто топора вынула она коренной зубъ, вмѣсто топорища выдернула изъ головы волосъ; приладила и стала рубить дерево. Когда дерево стало клониться, закричалъ парень: «Быстрая-Нога, Тонкій-Слухъ!» Какъ бы запряженныя, ровно прибѣжали обѣ собаки; прибѣжавъ, бросились онѣ на Карта съ двухъ сторонъ и разорвали ее надвое.

Слѣзши съ дерева и ведя за собой собакъ, пошелъ парень. «Братъ! развѣ меня здѣсь оставишь?» сказала капля крови, которая упала на листокъ.—«Не оставлю, сестра,» сказалъ онъ; взявъ, положилъ онъ за пазуху тотъ листъ.

Какъ пришелъ домой, безъ языка упалъ парень и умеръ. Когда сняли платье и посмотрѣли, то увидѣли, что капля крови, проѣвъ бокъ, впилась ему въ сердце.

Царь-Дѣвица.

Жило-было, солнце пекло горячо, дождь лилъ ливмя; жилъ-былъ царь, самъ разумный, уставъ строгій; волоклись за нимъ тернія и кусты, слушались его народъ и земля. Имѣлъ онъ трехъ сыновей.

Вотъ, нѣкогда, лишился онъ зрѣнія, тѣломъ овладѣла болѣзнь, остался онъ въ немощномъ положеніи. Переговоривъ между собою, пошли всѣ три сына къ отцу. «Отецъ,» сказали они, «развѣ нѣтъ лекарства для твоихъ глазъ? Развѣ нѣтъ средства отъ твоей

болѣзни? Прикажи намъ; хотя бы пришлось отдать жизнь, будемъ мы искать лекарство.»—«Принесите плодовъ изъ саду Царь-Дѣвицы: вотъ лекарство для моихъ глазъ и средство отъ болѣзни, дѣти мои,» отвѣчалъ царь.

Изготовился старшій братъ; на добраго коня сѣлъ, хорошее оружіе навѣсилъ, ударилъ, погналъ. Нашу гору оставилъ, чужую гору оставилъ, сорочью, галкину горы оставилъ, снѣжную гору оставилъ, за ледяную гору перевалилъ. За этой горой нашелъ онъ старика съ бѣлою бородой, который сидѣлъ и сшивалъ дорогу *). «Привѣтъ тебѣ, отецъ мой; да не удастся тебѣ дѣлаемое,» сказалъ юноша, издѣваясь надъ старикомъ.—«И тебѣ привѣтъ, сынъ мой; чтобы и ты не имѣлъ удачи,» отвѣчалъ старикъ.

Поѣхалъ юноша далѣе, ударилъ, погналъ; достигъ онъ наконецъ такого мѣста, гдѣ текла молочная рѣка и среди зимы поспѣвалъ виноградъ. Чудные сады нашелъ онъ тутъ; ростутъ въ нихъ какіе только есть на свѣтѣ плоды. Если только есть у Царь-Дѣвицы сады, то они должны быть эти, такъ подумалъ юноша. Наполнивъ сумки разными плодами, погналъ онъ назадъ, пріѣхалъ къ отцу. «Привѣтъ тебѣ, отецъ мой,» сказалъ онъ, бросивъ предъ нимъ сумки.—«И тебѣ привѣтъ, сынъ мой; что такъ запоздалъ? какъ скоро ты пріѣхалъ!» отвѣчалъ отецъ.—«Право, отецъ,» сказалъ онъ, «доѣхалъ я до такого мѣста, гдѣ текла молочная рѣка и гдѣ среди зимы поспѣваетъ виноградъ; тамъ нашелъ я чудные сады. Если только есть у Царь-Дѣвицы сады, такъ должны быть эти, подумалъ я; набравъ въ нихъ плодовъ для тебя, вернулся я назадъ.»—«Увы, сынъ мой!» сказалъ царь; «много нужно проѣхать, чтобы доѣхать до садовъ Царь-Дѣвицы; до того мѣста, куда ты доѣхалъ, доѣзжалъ и я, въ молодости, скорѣе, чѣмъ хинкалъ сваривался на огнѣ.»

Изготовился средній братъ; на добраго коня сѣлъ, доброе оружіе навѣсилъ, ударилъ, погналъ. Когда перевалилъ онъ за ледяную гору, нашелъ онъ того самаго старика, сшивающаго дорогу. «Привѣтъ тебѣ, отецъ мой; да не удастся тебѣ твое дѣло,» сказалъ юноша, подобно старшему брату.—«И тебѣ привѣтъ, сынъ мой; чтобы и ты не имѣлъ удачи,» отвѣчалъ тотъ.

Ударилъ, погналъ юноша далѣе. Перейдя молочную рѣку, оставивъ за собой землю, гдѣ среди зимы поспѣваетъ виноградъ,

*) Она растрескалась отъ засухи.

доѣхалъ онъ до мѣста, гдѣ текла масляная рѣка, гдѣ была и грязь по колѣно и пыль отъ засухи. Нашелъ онъ такіе сады, что забылъ прежніе; въ нихъ плоды—только и можно найти въ раю. Наполнивъ сумки, проѣхавъ назадъ ту самую дорогу, пріѣхалъ онъ къ отцу. «Привѣтъ тебѣ, отецъ мой,» сказалъ онъ, бросивъ передъ нимъ сумки.—«И тебѣ привѣтъ, сынъ мой; что такъ запоздалъ? какъ скоро ты пріѣхалъ!» отвѣчалъ отецъ.—«Право, отецъ,» сказалъ сынъ, «перейдя за молочную рѣку, оставивъ позади землю, гдѣ среди зимы поспѣваетъ виноградъ, прибылъ я въ такую землю, гдѣ текла масляная рѣка, гдѣ грязь была по колѣно и пыльно отъ засухи; тамъ нашелъ я сады, подобные раю; подумавъ, что сады эти Царь-Дѣвицы, набралъ я въ нихъ плодовъ для тебя, и вернулся.»—«Увы, сынъ мой!» отвѣчалъ царь, «въ землю, до которой ты доѣхалъ. доѣзжалъ и я, въ молодыхъ годахъ, скорѣе чѣмъ успѣвалъ выкурить трубку табаку; много пути еще до садовъ Царь-Дѣвицы!»

Изготовился, поѣхалъ младшій братъ. Когда перевалился онъ за ледяную гору, нашелъ онъ того самаго старика, сшивающаго дорогу. «Привѣтъ тебѣ, отецъ мой; дѣло да удастся тебѣ,» сказалъ юноша.—«И тебѣ привѣтъ, сынъ мой; и тебѣ да будетъ удача,» отвѣчалъ старикъ.—«Ѣду я, чтобы рвать плоды въ саду Царь-Дѣвицы; не дашь ли совѣта мнѣ неразумному, отецъ мой?» сказалъ юноша.—«Дамъ, сынъ мой, почему не дать? Не одинъ, цѣлыхъ три дамъ,» отвѣчалъ старикъ. «Слушай,» сказалъ онъ, «перейдешь ты за молочную рѣку, перейдешь за масляную, перейдешь за медовую; проѣдешь еще столько, сколько проѣхалъ отъ дому до того мѣста; найдешь ты хрустальныя, серебряныя, золотыя башни, упирающіяся въ землю и въ небо; башни эти Царь-Дѣвицы. Найдешь ты желѣзныя ворота; не думай отворить ихъ рукою: на конецъ палки вбей желѣзный гвоздь и имъ отвори. Когда будешь входить въ садъ, обверни ноги травой. И плоды рукою не рви: расколи съ конца кусокъ девева и имъ срывай.»—«Спасибо, отецъ мой,» сказалъ юноша, ударивъ коня нагайкой.

Ударилъ онъ, погналъ. Перейдя за молочную, масляную и медовую рѣки, доѣхалъ онъ, въ сумеркахъ, до башень Царь-Дѣвицы. Привязавъ коня къ столбу, вбивъ на конецъ палки желѣзный гвоздь, толкнулъ онъ имъ ворота. «Желѣзо сшитъ насъ, желѣзо сшитъ,» закричали ворота.—«Что-же можетъ сшить желѣзо, какъ не желѣзо? молчите, дайте мнѣ спать,» сказала изнутри Царь-Дѣвица, подумавъ, что одна половина воротъ придавила дру-

гую. Обернувъ ноги травою, вошелъ юноша въ садъ. «Трава силитъ, трава силитъ,» закричала вся трава, какая была въ саду. —«Разумѣется, трава силитъ траву; дайте мнѣ спать,» сказала Царь-Дѣвица и въ этотъ разъ. Ей показалось, что трава мнетъ самое себя. Расколовъ съ конца кусокъ дерева, началъ онъ рвать плоды. «Дерево силитъ насъ, дерево силитъ,» закричали всѣ деревья.—«Разумѣется, дерево силитъ дерево; не шумите болѣе,» закричала Царь-Дѣвица. И въ этотъ разъ подумала она, что вѣтки ударились одна о другую.

Нарвавъ плодовъ, положивъ ихъ въ сумки, сѣвъ на коня, хотѣлъ было вернуться юноша. «Нѣтъ, погибну или нѣтъ, не вернусь, не увидѣвъ ея,» сказалъ онъ самъ себѣ. Взобрался онъ вверхъ, вошелъ во-внутрь,—увидѣлъ тутъ существо: на золотой кровати спитъ, на лбу звѣзда у ней, подъ мышкой мѣсяцъ свѣтитъ; станъ сжать можно между двумя пальцами, а выпустить, такъ весь свѣтъ собою наполнитъ. Въ ногахъ, въ головахъ, золотые, серебряные подсвѣчники; накрытый столъ, налитый кубокъ; всякія кушанья и напитки, кромѣ развѣ молока видвида *). Чтобы дать о себѣ знать, немного закусилъ онъ и выпилъ; затѣмъ, поцѣловалъ ее три раза и укусилъ за щеку: не проснулась она.

Отправился онъ назадъ; поѣхалъ, ударилъ, погналъ, пріѣхалъ къ отцу. «Привѣтъ тебѣ, отецъ мой,» сказалъ юноша, бросивъ передъ нимъ сумки.—«И тебѣ привѣтъ, сынъ мой; что такъ запоздалъ? Какъ скоро ты пріѣхалъ!» отвѣчалъ отецъ.—«Право, отецъ,» сказалъ онъ, «былъ я въ садахъ Царь-Дѣвицы; набравъ оттуда тебѣ плодовъ, вернулся назадъ; да послужатъ они тебѣ лекарствомъ.» Осязавъ рукою привезенные плоды, сказалъ отецъ: «хорошо, сынъ мой; и зрѣніе вернется теперь ко мнѣ и болѣзнь выйдетъ изъ тѣла.»

Вставъ утромъ, посмотрѣла Царь-Дѣвица въ зеркало, видитъ: на щекѣ знакъ отъ зубовъ. Посмотрѣла она на кушанья и напитки: и они тронуты. «Говори, кто былъ тутъ вечеромъ!» сказала она зеркалу. Всякую тайну знало ея зеркало. Разсказало зеркало. Семью царствами владѣла Царь-Дѣвица; собравъ со всѣхъ войска, пошла она въ землю того царя. Ставъ лагеремъ предъ его столицей, послала она сказать царю, чтобы онъ не медля прислалъ въ лагерь человѣка, который рвалъ плоды въ ея саду. «Прежде

*) Видвидъ—необъяснимое существо.

всѣхъ я рвалъ,» сказавъ, пошелъ въ лагерь старшій сынъ царя.— «Послушай, добрый молодецъ, ты, что-ли, рвалъ плоды въ моемъ саду?» спросила его Царь-Дѣвица.—«Я рвалъ,» отвѣчалъ онъ.— «Какъ ты рвалъ ихъ?» сказала она.—«Какъ рвалъ? руками рвалъ,» отвѣчалъ онъ.—«Не ладно, молодецъ, вернись своею дорогой,» сказала она. Послѣ старшаго брата пошелъ средній: и съ нимъ тоже вышло.

Пошелъ младшій братъ. «Послушай, добрый молодецъ, ты, что-ли, рвалъ плоды въ моемъ саду?» спросила она.—«Я рвалъ; кому же больше рвать?» отвѣчалъ онъ.—«Какъ рвалъ ты ихъ?» сказала она. Разсказалъ онъ все, что сдѣлалъ. Поднявшись, предъ цѣлымъ народомъ, три раза поцѣловала она его и укусила за щеку; потомъ, поцѣловавъ снова три раза и укусивъ другую щеку, сказала: «Это въ отместку; по адату, украденное слѣдуетъ взыскивать вдвое.»

Пошли они, обнявъ другъ друга, къ царю. Провела Царь-Дѣвица руками по своему лицу; затѣмъ провела ими по лицу и тѣлу царя. Въ это самое мгновеніе вернулось къ нему зрѣніе, болѣзнь вышла изъ тѣла, поздоровѣлъ, сдѣлался онъ какъ буйволъ. Затѣмъ, женился юноша на Царь-Дѣвицѣ. Народились сыновья, похожіе на отца, дочери, похожія на мать; живутъ и теперь въ удовольствіи.

Богатырь Назнай.

Слушайте, слушайте: было и не было, лиса съ зайцемъ въ полѣ жили, медвѣдь съ кабаномъ въ лѣсу жили; жилъ былъ въ странѣ Дагестанѣ богатырь; самъ паршивый, безъ макушки *). Должно было находиться впереди, — бывалъ онъ назади; должно было находиться назади,—бывалъ онъ впереди. Назывался онъ Назнай-богатырь. Жена подпимала головню, — за дверь прятался онъ: былъ онъ очень храбръ!

Разъ ночью забрался онъ подъ арбу для естественной нужды; свѣтъ мѣсяца такъ и лилъ **); подлѣ, съ кувшиномъ въ рукѣ, стояла жена. Безъ жены не выходилъ онъ ночью; говорилъ, будто-

---

*) Т. е. безъ головы, дураковатый.

**) Въ подлинникѣ: такъ и капалъ.

бы боится оставить ее одну; она же говаривала, будто-бы онъ боится выходить одинъ.

—«Что за свѣтлая ночь! ночь, какъ разъ подходящая для набѣга,» сказалъ Назнай женѣ.

—«Берегись, волкъ идетъ!» закричала жена.

Вздрогнувъ, подскочилъ кверху Назнай; порядкомъ надсадилъ себѣ голову, ударившись объ арбу. Увела жена его въ домъ и сказала: «опротивѣла мнѣ твоя трусость и самъ ты опротивѣлъ; тотчасъ-же оставь мой домъ (домъ принадлежалъ ей), иначе, добраго дня ты тутъ болѣе не увидишь. Каждый божій день, утромъ и вечеромъ, буду я колотить тебя головней.» Началъ умолять ее Назнай, чтобы она дозволила ему остаться хоть до утра; согласилась она.

Утромъ, перекинувъ чрезъ плечо висѣвшую на стѣнѣ шашченку *), пошелъ Назнай. Идя, двигаясь, дошелъ онъ до мѣста, гдѣ прохожіе предъ тѣмъ ѣли плоды; много мухъ собралось тамъ. Выбравъ плоскій камень, хватилъ Назнай по тому мѣсту; поднявъ камень, посмотрѣлъ онъ: ровно пятьсотъ мухъ нашелъ убитыхъ.

Отправился Назнай далѣе; дошелъ до нѣкотораго города. Распросивъ, нашелъ онъ кузнеца и заказалъ ему вырѣзать на своей шашкѣ надпись: «однимъ взмахомъ пятьсотъ человѣкъ побивающій богатырь Назнай.»

Отправился Назнай далѣе; шелъ онъ много, шелъ мало, пройдя столько, сколько можетъ перепрыгнуть лягушка, дошелъ онъ до страны, ему неизвѣстной и которой былъ онъ самъ неизвѣстенъ; прибылъ въ столицу, гдѣ жилъ великій царь. Темнѣло уже; сталъ Назнай думать, гдѣ бы ему ночевать. Какъ разъ въ ту пору послышались вблизи зурна, барабанъ и пѣсни. «Вотъ мѣсто для меня; хуже нѣтъ, какъ быть съ пустымъ брюхомъ и съ сухой глоткой,» сказалъ Назнай, и пошелъ на звукъ; дошелъ онъ, смотритъ: большія хоромы, обширный дворъ; хоромы и дворъ полны мужчинъ и женщинъ; ѣдятъ они, пьютъ, поютъ, кричатъ. «Гостя не примете?» сказавъ, вошелъ Назнай во дворъ. Бросились парни; взяли у него шашку, ввели въ комнату, посадили на почетное мѣсто, кормили и поили его, пока не вылѣзло у него изъ ноздрей. Хоромы тѣ были царскаго визиря; въ эту ночь справлялъ онъ свадьбу сына.

Когда наѣлся и напился Назнай (на цѣлый мѣсяцъ запасся

*) Презрительное отъ шашка.

тутъ молодецъ), спросилъ его визирь: «откуда пришелъ ты, гость? Гдѣ твой городъ, твоя страна? Покупаешь ли ты или продаешь?» —«Что мнѣ самому говорить; взгляни на мою саблю; она скажетъ тебѣ, что я за человѣкъ,» отвѣчалъ Назнай. Обнаживъ, посмотрѣлъ визирь на саблю; выпучивъ глаза, посмотрѣлъ на Назная; снова посмотрѣлъ на саблю. Держа ее въ рукахъ, бросился визирь прямо къ царю. Царь еще болѣе удивился; позвалъ онъ рѣчистыхъ глупцовъ, сколько ихъ было въ городѣ; позвалъ умниковъ безъ разсудка, собралъ большой совѣтъ. Всѣ сказали царю: «чтобы ни пришлось сдѣлать, сколько бы ни пришлось его возвеличить, слѣдуетъ тебѣ удержать при себѣ богатыря Назная, пришедшаго изъ страны Дагестана; пока будетъ онъ жить, будешь ты какъ бы за желѣзной стѣной.»

Послалъ царь визиря, чтобы привести Назная; привелъ тотъ его. «Изъ страны Дагестана пришедшій богатырь Назнай,» сказалъ ему царь, «прежде я, послѣ ты; я отецъ, ты сынъ; возьми за себя мою единородную дочь, и останься при мнѣ; управляй моимъ царствомъ.»—«Останусь, какъ бы тяжело ни было, сдѣлаю тебѣ угодное,» отвѣчалъ Назнай, крутя усы. Въ ту-же ночь женился онъ на царской дочери, и, обнявшись съ нею, легъ на такую постель, съ которой если упасть, такъ костей не собрать.

По прошествіи недѣли, позвалъ его царь; сидитъ онъ на престолѣ, а кругомъ его многое множество людей. «Любезный зятюшка, богатырь Назнай,» сказалъ царь: »надѣясь, что ты услужишь мнѣ въ тяжелый для меня день, отдалъ я за тебя дочь и сдѣлалъ тебя зятемъ и сыномъ; насталъ для меня такой день; змѣй не даетъ покою моимъ табунамъ, моимъ стадамъ, моимъ баранамъ. Два раза въ годъ, въ извѣстное время, приходитъ онъ; завтра день его прихода; надо будетъ тебѣ выйти на него; однимъ взмахомъ побиваешь ты пятьсотъ человѣкъ: кому же выйти на него, какъ ни тебѣ?» Лишь только царь проговорилъ о змѣѣ, какъ поносъ овладѣлъ Назнаемъ; лишь только кончилъ царь говорить, какъ выбѣжалъ онъ на дворъ. Иные заговорили, что Назнай струсилъ; другіе сказали, что нѣтъ,—а выбѣжалъ онъ такъ скоро, разгнѣвавшись на змѣя.

Пошелъ Назнай домой; до полночи поносъ гналъ его на дворъ; въ это время уснула его жена, а самъ онъ бросился бѣжать, чтобы спасти голову.

Бѣжалъ Назнай, бѣжалъ, крѣпко бѣжалъ онъ; добѣжалъ до лѣсу. Крѣпко уставъ, обезсилѣлъ онъ; боясь спать на землѣ, за-

10

брался онъ на дерево, схватился обѣими руками за двѣ вѣтви и уснулъ.

Проснувшись, взглянулъ онъ внизъ,—спитъ змѣй, обвившись вокругъ ствола. Обезпамятѣвъ отъ страху, полетѣлъ Назнай сверху и упалъ прямо на него. Змѣй подумалъ, что Богъ въ гнѣвѣ ударилъ его молніей; лопнуло у него сердце, и околѣлъ онъ. Пришедъ въ себя, ударился Назнай бѣжать; оглянулся назадъ, — не движется змѣй. Понялъ Назнай, что онъ мертвъ; подойдя къ нему, отрубилъ ему голову и пошелъ къ царю. «Развѣ это змѣй? У насъ въ Дагестанѣ коты бываютъ такіе,» сказалъ онъ царю; «почему не послалъ ты на него дѣтей съ палками, не дѣлая мнѣ хлопотъ?» Не нашелся царь, что отвѣчать, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ.

Спустя нѣкоторое время, вторично позвалъ его царь. «Любезный зятюшка, богатырь Назнай,» сказалъ царь, «трое нартовъ постоянно тревожатъ мое царство набѣгами; тревога ихъ дошла до меня; завтра долженъ ты идти на нихъ.» Снова поносъ схватилъ Назная; побѣжалъ онъ домой. До полночи поносъ не далъ ему покою; затѣмъ побѣжалъ онъ, чтобы спасти голову. Добѣжалъ онъ до того самаго лѣса, забрался на то самое дерево и заснулъ. Когда разсвѣло, посмотрѣлъ онъ внизъ, видитъ: пустивъ коней на треногахъ, подъ деревомъ остановились три нарта. Душа Назная ушла въ ножные пальцы, едва не упалъ онъ безъ памяти. «Когда у царя зятемъ богатырь Назнай, который однимъ взмахомъ побиваетъ пятьсотъ человѣкъ, намъ не слѣдуетъ быть такими безпечными и пускать коней на треногахъ,» сказалъ одинъ нартъ.—«Не боялись мы до сихъ поръ никого на свѣтѣ; его, что-ли, испугаемся?» отвѣчалъ другой. Завязалась тутъ у нихъ ссора; убили другъ друга всѣ три нарта.

Спустился Назнай съ дерева; отрѣзалъ онъ головы трехъ нартовъ, взялъ оружіе, снялъ платье. На двухъ лошадей навьючилъ онъ это, на третью самъ сѣлъ и поѣхалъ къ царю. Бросивъ предъ царемъ головы, сказалъ онъ: «такіе развѣ бываютъ нарты? У насъ въ Дагестанѣ сироты бываютъ такіе; зачѣмъ посылать на нихъ мужчинъ? Довольно бы съ нихъ и женщинъ.» Удивился царь, удивились и его окружающіе.

Спустя нѣкоторое время, въ третій разъ позвалъ его царь. «Любезный зятюшка Назнай,» сказалъ онъ, «иновѣрный царь объявилъ мнѣ войну; завтра, съ моимъ войскомъ, долженъ ты выступить въ его царство; иначе, впродолженіи этой недѣли, какъ

трава на землѣ, какъ звѣзды на небѣ, иновѣрное войско окружитъ нашу столицу.» Опять поносъ схватилъ Назная; побѣжалъ онъ домой. Въ эту ночь сто часовыхъ поставилъ царь вокругъ его дома, чтобы онъ, увлекаемый храбростью, снова не ушелъ одинъ. Сколько разъ Назнай ни старался выбѣжать изъ дому, не пустили его часовые; а жена хлопотала все вокругъ него, какъ бы боясь, чтобы не унесла его прилетѣвшая ворона. Въ эту ночь всякую нужду внутри дома покончить пришлось Назнаю.

Назавтра, собравъ все войско, въ средину поставивъ Назная, сказалъ царь: «двигайтесь съ Божьей помощью; знайте вы, что тотъ, кто не исполнитъ приказанія моего зятя, кто не будетъ поступать какъ онъ, тотъ измѣнникъ мой.»

Двинулось войско. Дѣлая шагъ впередъ, два-три назадъ, такъ двигаясь, подошло оно къ иновѣрному войску. Какъ только увидѣлъ Назнай иновѣрное войско, схватилъ его поносъ, стало у него въ порткахъ тепло. Снялъ онъ съ себя обувь, снялъ оружіе, начисто платье*) снялъ, чтобы легче бѣжать. Глядя на него, и все войско сдѣлало тоже, такъ какъ царь приказалъ дѣлать все то, что будетъ дѣлать онъ. Въ это время пробѣжала голодная, блудящая собака, и схвативъ въ ротъ сапогъ Назная (были они вымазаны саломъ, умри ихъ хозяинъ!), побѣжала туда, гдѣ стояло иновѣрное войско. «Гмъ! И ты, что-ли, будешь издѣваться надо мной,» вскричалъ Назнай, и побѣжалъ, какъ былъ голый, вслѣдъ за нею; за нимъ бросилось и все войско.

«Это не люди, а черти», подумало иновѣрное войско, и въ страхѣ разсыпалось во всѣ стороны, бросивъ имущество и казну. Забравъ все, что было, вернулся Назнай назадъ; пошелъ онъ, ведя войско, въ царство тестя. Къ приходу ихъ, царь оказался умершимъ; на мѣсто его все войско, въ одинъ голосъ, выбрало Назная.

Когда заходила рѣчь о храбрости, о подвигахъ, Назнай говаривалъ: «пусть храбрецовъ будетъ много, лишь бы счастіе мнѣ служило.» Да сломается счастіе твое, собака! Ходилъ я къ нему по дѣлу,—безъ ничего отпустилъ онъ меня.

---

*) Въ подлинникѣ: сдѣлалъ себя льду подобнымъ, т. е. обнажилъ начисто свое тѣло.

Волкъ и дятелъ.

Схвативъ овечку изъ стада барановъ, бросился волкъ бѣжать со всѣхъ ногъ. Добѣжавъ до дерева, услышалъ онъ вдругъ стукъ. Полагая, что на деревѣ человѣкъ, волкъ бросилъ овечку и пустился бѣжать еще быстрѣе прежняго. Отбѣжавъ довольно далеко, посмотрѣлъ онъ назадъ, — видитъ, то не человѣкъ, а дятелъ. «Охъ! да наступитъ для тебя несчастный день!» сказалъ тутъ волкъ: «нигдѣ не прекращается стукъ твоего молотка, а мастеромъ ты все-таки не сдѣлался!»—«На твою голову!» отвѣчалъ дятелъ: «вотъ и ты безпрестанно воруешь, а все таки не нажилъ стада и не сдѣлался его хозяиномъ.»

Человѣкъ и птичка.

Поставивъ силокъ, нѣкто поймалъ маленькую птичку. Сказала ему птичка: «на что я тебѣ годна? Съѣвъ меня, ты не будешь сытъ; лучше я дамъ тебѣ три хорошіе совѣта: одинъ совѣтъ дамъ, находясь еще въ твоихъ рукахъ, а другіе два—сидя передъ тобою на кустѣ; ради этого, выпусти меня.» Согласился человѣкъ. «Помни,» сказала птичка, «что какое-бы несчастіе ни постигло тебя, какой-бы вредъ ни испыталъ ты, не долженъ ты сожалѣть о томъ, что уже миновало.» Отпустилъ человѣкъ птичку. Сѣвъ на кустъ, заговорила опять она: «не вѣрь никогда тому, что противно здравому смыслу; а у меня въ зобу,» прибавила она, «есть кусокъ золота, величиною съ куриное яйцо; если-бы ты догадался зарѣзать меня и достать его, то могъ бы, лежа, быть сытымъ до самой смерти.»—«Ахъ, проклятый день,» сказалъ человѣкъ, закусивъ палецъ, «какой-же я безумецъ, какой-же я глупецъ!» Вспорхнувъ съ куста, хотѣла было улетѣть птичка, какъ человѣкъ закричалъ ей: «условіе было, что ты дашь мнѣ три совѣта: третьяго совѣта ты мнѣ еще не дала.» Отвѣчала птичка: «къ чему тебѣ дать третій совѣтъ, когда ты и двухъ первыхъ не умѣлъ принять? Вся-то я менѣе куринаго яйца,—какъ же можетъ у меня вмѣститься въ зобу кусокъ золота, величиною съ яйцо? Пусть бы это и было, то зачѣмъ пожалѣлъ ты о минувшемъ? Да будетъ это тебѣ третьимъ совѣтомъ.» Сказавъ это, исчезла птичка, улетѣвъ за холмы.

1868 года.
Темиръ-Ханъ-Шура.

Айдемиръ Чиркеевскій.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

СВАДЬБА ВЪ ГОРСКИХЪ ОБЩЕСТВАХЪ КАБАРДИНСКАГО ОКРУГА.

I.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ горскія общества Кабардинскаго округа мнѣ представился случай лично взглянуть на обряды, сопровождающіе свадьбу между обитателями горъ.

Хозяинъ, у котораго я останавливался въ эту поѣздку, со дня на день ждалъ прибытія изъ Карачая *) невѣсты, засватанной тамъ однимъ изъ его родственниковъ, и просилъ меня остаться до ея пріѣзда и принять участіе въ предстоявшемъ пиршествѣ. Вскорѣ за тѣмъ, къ всеобщему удовольствію, прискакалъ гонецъ и объявилъ, что свадебный поѣздъ находится отъ аула въ двухъ-трехъ часахъ ѣзды. Такъ какъ въ бракъ вступалъ *таубій* **) и, по принятому обыкновенію, невѣсту его должно было встрѣтить со всевозможнымъ почетомъ, то привезенное извѣстіе подняло въ аулѣ большія хлопоты: молодежь принялась ловить и сѣдлать лошадей, дѣвушки то и дѣло перебѣгали изъ одной сакли въ другую, люди солидные отдавали приказанія и непривычно суетились, а юное населеніе, съ крикомъ и гикомъ, спѣшило карабкаться на плоскія крыши сакель и занимать тамъ наиболѣе удобныя мѣста для наблюденій. Чрезъ полчаса суета угомонилась и изъ аула медленно двинулась цѣлая толпа разряженныхъ въ

*) Подъ именемъ Карачая извѣстно горское общество Эльборусскаго округа, Кубанской области, обитающее въ верховьяхъ р. Кубани.

**) Таубій—лицо, принадлежащее къ высшему сословію, въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго округа. Таубій въ переводѣ значитъ горскій князь.

шелкъ и галуны дѣвушекъ, направляясь къ рѣкѣ, гдѣ былъ назначенъ пунктъ для встрѣчи и пріема невѣсты; туда-же поѣхала и арба, запряженная двумя добрыми волами и накрытая сверху, въ видѣ кибитки, персидскими коврами, предназначенная служить экипажемъ для почетной семьи. Молодежь забралась на коней и также отправилась на встрѣчу; къ нимъ присоединился и я.

Проѣхавъ версты три отъ аула, мы встрѣтили нѣсколько лошадей, навьюченныхъ сундуками съ приданымъ невѣсты—коврами, тюфяками, подушками и т. п.; караванъ этотъ служилъ авангардомъ свадебной процессіи и извѣщалъ о скоромъ приближеніи ея. И дѣйствительно, взъѣхавъ на одинъ небольшой гребень, внизу его, на площадкѣ, обнесенной кругомъ сосновымъ кустарникомъ, мы замѣтили довольно густую кучу людей, садившихся на коней. Чрезъ минуту люди эти, затянувъ *оридада* (свадебная пѣсня), двинулись въ путь по дорогѣ къ намъ. Замѣтивъ насъ, нѣкоторые изъ нихъ, отдѣлившись отъ другихъ, начали джигитовать; поровнявшись-же съ нами, этотъ маленькій отрядъ остановился и встрѣтившіеся начали привѣтствовать другъ друга. Оказалось, что люди эти были *кіедженгеры* (тоже, что у насъ поѣзжане), ѣздившіе за невѣстою и составлявшіе въ дорогѣ конвой ея. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ длинную хворостину, на верхушкѣ которой развѣвался тонкій гарусный шарфъ и малиноваго цвѣта шерстяная перчатка. Это импровизированное знамя, не имѣющее особенно-присвоенной формы, служитъ знакомъ соединенія молодыхъ людей для одной общей цѣли—защиты ввѣренной имъ дѣвушки.

Сзади, саженяхъ въ 30-ти отъ конвоя, показалась другая небольшая кучка людей. Мнѣ сказали, что тамъ ѣдетъ невѣста, и потому я хотѣлъ подождать приближенія ея. Когда эта кучка поровнялась со мною, я увидѣлъ, что въ срединѣ ея, на лошади, сидитъ женская фигура—невѣста, съ ногъ до головы покрытая шалью; помѣщалась она на широкой подушкѣ, положенной на обыкновенное мужское сѣдло, придерживаемая сзади мужчиною, который правилъ и лошадью. Этотъ мужчина бываетъ обыкновенно или родной братъ невѣсты или самый ближайшій родственникъ ея; окружающая свита состоитъ также изъ родственниковъ. Тутъ-

же ѣхали верхомъ двѣ пожилыя женщины изъ дома невѣсты, обычное назначеніе которыхъ состоять при ней я объясню ниже.

Такъ какъ ѣхать съ этою приближенною къ невѣстѣ кучкою постороннему человѣку считается неприличнымъ,—я поторопился догнать своихъ товарищей, примкнувшихъ къ *кіедженгерамъ*, и вмѣстѣ съ ними достигъ до мѣста, гдѣ ожидали невѣсту туземный экипажъ и цвѣтъ горскаго прекраснаго пола. Переправившись чрезъ рѣку, отрядъ *кіедженгеровъ* и присоединившаяся къ нимъ аульная молодежь тотчасъ-же удалились въ сторону, чтобы не присутствовать при томъ, какъ невѣста будетъ слѣзать съ лошади и садиться въ арбу. Я же, не послѣдовавъ на этотъ разъ туземному обычаю, остался посмотрѣть на церемонію пріема пріѣзжей вышедшими на встрѣчу дѣвушками. Какъ только поѣздъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ стояла арба, мужчины, сопровождавшіе невѣсту, слѣзли съ коней, а ожидавшія прибытія ея дѣвушки тотъ-часъ-же стали въ кружокъ около нея; одинъ изъ мужчинъ досталъ откуда-то ходули *), издали казавшіяся серебряными, на которыя стала снятая съ лошади невѣста; поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ дѣвушками, она дошла до арбы и, съ нѣсколькими знатными изъ вышедшихъ къ ней на встрѣчу, сѣла въ этотъ экипажъ; остальныя дѣвушки остались вокругъ арбы. Въ такомъ порядкѣ поѣздъ тронулся съ мѣста, а съ ними, одновременно, двинулись впередъ и стоявшіе въ сторонѣ *кіедженгеры*; большая часть изъ нихъ затянула опять *оридада*, а нѣкоторые зрители пустились скакать, стрѣляя въ бросаемыя по дорогѣ папахи.

За нѣсколько десятковъ саженей пути до аула, поднялась вдругъ непонятная для меня тревога: вся молодежь съ ужаснымъ

---

*) Въ Кабардѣ и въ горскихъ обществахъ ея женщины высшаго сословія ходятъ не иначе какъ на низенькихъ ходуляхъ; ходули эти по большей части деревянныя, но бываютъ и серебряныя; устроены онѣ изъ двухъ стременообразныхъ дощечекъ, высотою въ 3—4 вершка, къ которымъ сверху прикрѣплена третья плоская дощечка, длиною въ 5—6 вершковъ; эта послѣдняя дощечка имѣетъ форму подошвы или просто четырехугольника; по срединѣ ея прикрѣпленъ ремень, въ который всовываютъ ногу, становясь на ходули.

крикомъ пустилась скакать по направленію къ аулу. Въ первый моментъ я не могъ никакъ постигнуть причины, вызвавшей такое быстрое движеніе, но потомъ, такъ какъ дорога шла на гору, я замѣтилъ, что вся толпа *кіедженгеровъ* преслѣдовала одного человѣка. Желая знать въ чемъ дѣло, я также далъ плеть своему коню и продолжалъ наблюдать за происходившимъ. Преслѣдуемый лихо скакалъ, направляясь къ одному изъ крайнихъ дворовъ, обнесенному высокою каменною стѣною, и въ свою очередь тоже громко кричалъ и махалъ рукою. Въ то время, какъ онъ приближался къ воротамъ означеннаго двора, нѣсколько человѣкъ изъ аула подбѣжали туда и, быстро снявъ загораживавшія ворота жерди, пропустили во дворъ передняго всадника, а за тѣмъ тотчасъ-же снова заложили ворота. Между преслѣдовавшими, замѣтившими эту предательскую выходку, поднялся шумъ еще съ большимъ неистовствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, успѣвшіе подскакать къ воротамъ, торопились сбросить ненавистныя жерди. Эта маленькая задержка дала возможность убѣгавшему скрыться съ глазъ. Преслѣдованіе прекратилось, но толпа не унималась и продолжала страшно кричать. Между этимъ временемъ успѣлъ приблизиться и я туда и, къ моему удовольствію, встрѣтилъ тамъ своего хозяина, который не замедлилъ объяснить мнѣ причину суматохи. Оказалось, что одинъ изъ аульныхъ стариковъ, протиснувшись къ знаменоносцу, сорвалъ съ древка шарфъ и ускакалъ. Потерять это импровизированное знамя считается между горцами величайшимъ позоромъ, способнымъ вызвать серьезную драку и непріятныя послѣдствія ея. По мнѣнію солидныхъ людей, молодежь, позволившая какимъ бы то ни было путемъ овладѣть знаменемъ, можетъ допустить это и по отношенію къ невѣстѣ. Не смотря однакожъ на дурныя послѣдствія, вызываемыя подъ-часъ смѣлымъ нападеніемъ на святыню *кіедженгеровъ*, нападенія эти дѣлаются все-таки почти при каждой свадьбѣ. Обычай этотъ, по всей вѣроятности, остался напоминаніемъ о прошломъ горцевъ, когда, при непріязненныхъ отношеніяхъ съ сосѣдями, подобныя нападенія имѣли нешуточное значеніе, и обязываетъ молодежь не дремать даже и при нынѣшнихъ „мирныхъ“ условіяхъ жизни.

Осрамленные на этотъ разъ *кіедженгеры* продолжали еще сильнѣе кипятиться и грозить виновнику ихъ срама, но, въ это время, уже близко къ аулу приближался торжественный поѣздъ невѣсты; по неволѣ молодежь пріумолкла и соединилась съ поѣздомъ для того, чтобы сопровождать невѣсту при вступленіи ея въ аулъ и потомъ въ домъ жениха. Едва эта толпа, увеличившаяся еще аульными зѣваками, вступила во дворъ жениха, какъ раздалась сильная ружейная трескотня; гулъ выстрѣловъ, крики людей и страшная давка на необширномъ дворѣ жениха продолжались до тѣхъ поръ, пока невѣсту, закрытую по прежнему съ ногъ до головы, не увели въ приготовленную для нея саклю. Въ это время я употреблялъ всѣ усилія, чтобы какъ нибудь протиснуться впередъ и посмотрѣть на церемоніалъ пріема невѣсты въ домъ жениха; но, двинувшись нѣсколько впередъ, лошадь моя рѣшительно отказывалась идти дальше и то и дѣло металась изъ одной стороны въ другую, оглушаемая не умолкавшими выстрѣлами; получивъ въ этой давкѣ нѣсколько довольно-чувствительныхъ толчковъ, я счелъ за лучшее убраться на время съ этого двора.

Къ вечеру шумъ немного пріутихъ и къ намъ въ кунацкую ввалилось нѣсколько человѣкъ изъ бывшихъ *кіедженгеровъ;* едва эти молодые люди ступили за порогъ, какъ были встрѣчены насмѣшками бывшихъ въ кунацкой; за оплошность—главную причину потери знамени—ихъ просто-на-просто величали „бабами",—эпитетомъ въ высшей степени укоризненнымъ для мужчины и особенно джигита. Когда натѣшились вдоволь надъ смущенною молодежью, разговоръ перешелъ на другіе предметы, пока наконецъ не послышались въ дворѣ жениха мѣрное хлопанье въ ладоши и визгъ какого-то музыкальнаго инструмента.

Въ это время вошелъ въ кунацкую и мой хозяинъ съ предложеніемъ идти попировать и повеселиться на свадьбѣ. Я тотчасъ же воспользовался предложеніемъ.

Вышедши изъ кунацкой, я увидѣлъ въ той сторонѣ, гдѣ находился дворъ жениха, яркое освѣщеніе. Пробираясь по узкимъ и темнымъ закоулкамъ аула, мы чрезъ нѣсколько минутъ вступили въ этотъ дворъ, наполненный, какъ и часа три тому назадъ,

большою толпою, на этотъ разъ пѣшею; пробравшись сквозь толпу, мы очутились на небольшой площадкѣ, оставленной посреди двора для танцующей публики. Здѣсь, на рединѣ, былъ разложенъ большой, ярко-пылавшій костеръ изъ сосновыхъ дровъ, а полукругомъ около него паръ двадцать дѣвушекъ, въ перемежку съ мужчинами, тихо и медленно, съ отсутствіемъ даже малѣйшихъ порывистыхъ движеній, отплясывали свой мѣстный танецъ. Музыка, подъ которую плясала молодежь, состояла изъ одной длинной деревянной дудки, называемой горцами *сыбызга*, и изъ нѣсколькихъ деревянныхъ трещетокъ—*харсъ* *); дудка, приставленная верхнимъ своимъ отверстіемъ къ одному изъ боковыхъ верхнихъ зубовъ, издаетъ страшно-пронзительный звукъ; съ акомпаниментами-же трещетки, въ тактъ ударяемой о другую руку, съ припѣваніемъ окружающей толпы въ одинъ тонъ и ноту и съ хлопаньемъ въ ладоши,—музыка эта, своимъ ужаснымъ диссонансомъ, производитъ чрезвычайно непріятное ощущеніе для слуха, сколько нибудь знакомаго съ стройностью звуковъ.

Расположившись съ одной стороны костра на нарочно приготовленномъ диванчикѣ, покрытомъ подушками, я принялся за наблюденія. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза—это были пестрые костюмы дѣвушекъ, состоящіе изъ цвѣтныхъ рубашекъ и шалваръ, подвязанныхъ внизу, у чевякъ; все это покрывалъ длинный бешметъ съ серебряными застежками на груди, а талію охватывалъ широкій поясъ съ массивными серебряными бляхами; головы дѣвушекъ были покрыты высокими шапками, обшитыми снизу до верху галунами и имѣющими форму—какъ двѣ капли воды—пули системы Минье; словомъ — горянки были одѣты по праздничному, но весь этотъ нарядъ представлялъ собою полнѣйшее олицетворенье безвкусія. Ко всему этому нужно еще прибавить, что между дѣвушками не было, буквально, ни одного сколько-нибудь сноснаго лица, какъ будто нарочно старались собрать однѣхъ безобразныхъ.

---

*) *Харсъ* состоитъ изъ четырехугольной, продолговатой, деревянной дощечки съ ручкою; около основанія ручки, къ дощечкѣ свободно привязаны еще нѣсколько дощечекъ меньшей величины, которыя, ударяясь одна о другую, издаютъ трескучій звукъ.

Смотря на эти лица, я невольно вспомнилъ обычай туземцевъ, который обязываетъ женщинъ, при встрѣчѣ съ мужчиною, оборачиваться къ нему спиною. Если предположить, что учредители туземныхъ обычаевъ имѣли какое-нибудь понятіе о человѣческой красотѣ, то отсутствіе ея въ ихъ женщинахъ, по всей вѣроятности, служило-бы не послѣднею причиною основанія вышеприведеннаго обычая. Впрочемъ, мужчины-горцы не раздѣляютъ съ нами, русскими, мнѣнія о некрасотѣ ихъ женщинъ; они находятъ, что ихъ женщины очень благообразны, и нерѣдко можно встрѣтить такого горца, который, къ вашему крайнему и безконечному удивленію, восхищается какимъ-нибудь настоящимъ уродомъ съ лица; но нужно имѣть небольшой навыкъ, чтобы постигнуть ихъ понятія и условія о красотѣ: горецъ требуетъ отъ женщины, или вѣрнѣе, отъ дѣвушки не привлекательность лица, а стройную тонкую талію, высокій ростъ и приличную худощавость. На сколько горскія дѣвушки обладаютъ этими послѣдними качествами, можно заключить изъ того, что онѣ, затянутыя въ свои корсеты, имѣютъ зачастую совершенно одинаковый объемъ какъ въ таліи, такъ и въ плечахъ, блѣдное лицо и плоскую грудь; вотъ это-то горцы и называютъ стройностью и эти субъекты служатъ предметомъ ихъ страстныхъ увлеченій.

Такъ какъ, между сверкавшими серебромъ нарядами, нерѣдко попадались и весьма скромные и чаще—дѣвушки съ простыми повязками на головахъ, то я и полюбопытствовалъ узнать, не отъ разницы-ли въ средствахъ происходитъ скромность нѣкоторыхъ нарядовъ. Оказалось, что кромѣ этой, само-собою разумѣется, главной причины, богатство наряда и особенно головной уборъ составляютъ сословное преимущество. Такимъ образомъ на всѣхъ горскихъ празднествахъ, имѣющихъ по обычаю вполнѣ демократическій характеръ, сразу можно отличить дѣвушекъ высшаго сословія.

Вся эта толпа, какъ сказалъ я выше, стояла полукругомъ; кое-гдѣ между дѣвушками, взявши ихъ подъ руки, стояли мужчины, образуя такимъ манеромъ длинную, непрерывную цѣпь; цѣпь эта, медленно, переступая съ ноги на ногу, подвигалась вправо;

дойдя до извѣстнаго пункта, одна крайняя пара отдѣлялась и немножко живѣе, дѣлая незамысловатыя въ ногу па, двигалась къ противоположному концу танцующихъ и вновь примыкала къ нимъ; за ними другая, слѣдующая пара и такъ далѣе; двигаются этакимъ порядкомъ до тѣхъ поръ, пока играетъ музыка. Нѣкоторыя-же пары, изъ желанія-ли воодушевить танцующихъ или порисоваться собственнымъ умѣніемъ танцовать, отдѣлившись отъ цѣпи и вышедши на средину круга, расходились и принимались отплясывать что-то въ родѣ лезгинки; въ это время музыка переходила въ фортиссимо, сопровождалась гиканіями и выстрѣлами.

Во все время танцевъ, между танцующими и особенно около любопытной толпы, суетился одинъ молодой человѣкъ, имѣвшій въ рукахъ довольно большую и длинную палку; онъ то и дѣло отгонялъ наступавшую толпу, прикрикивалъ на танцующихъ, пускался самъ плясать, словомъ—поспѣвалъ всюду. Иногда въ два-три прыжка онъ оказывался посрединѣ площадки и, остановившись прямо въ упоръ передъ танцующею парою, заграждалъ ей дальнѣйшій путь своимъ посохомъ; парочка останавливалась и кавалеръ медленно отправлялся рукою къ себѣ за пазуху, доставалъ оттуда кошелекъ или портмоне и платилъ за свадебный пропускъ; получивъ „выкупъ,“ молодой человѣкъ быстро удалялся, поднималъ вверхъ руку, показывая всѣмъ достоинство полученной имъ монеты или кредитнаго билета, пряталъ эти деньги, и очутившись вновь около толпы, успѣвшей въ его отсутствіе нахлынуть за указанную черту, безъ милосердія билъ по ногамъ переступившихъ границу. Слышались всеобщій хохотъ и брань тѣхъ, кому досталось отъ строгаго блюстителя порядка. Задержки танцующихъ и требованіе „выкупа“ повторялись довольно часто, при чемъ не имѣвшіе денегъ давали какую-нибудь мелкую вещицу, въ родѣ натруски, кошелька и т. п. Требовавшій выкупа не ограничивался одними танцующими: часто, остановивъ дѣвушку, онъ обращался къ кому-нибудь изъ стоявшихъ въ сторонѣ и, разумѣется, выбиралъ такого, который по его расчету могъ заплатить деньги.

Молодой человѣкъ этотъ имѣетъ значеніе распорядителя танцевъ и по-горски называется *бегеуль;* обыкновенно въ это званіе

выбирается расторопный и бойкій человѣкъ—мастеръ на всѣ руки. Собираемый имъ выкупъ идетъ въ пользу музыкантовъ.

Между тѣмъ, какъ я слѣдилъ за танцующими, вокругъ меня собралась довольно большая кучка людей почтенныхъ, не раздѣлявшихъ веселья молодежи; пригласивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сѣсть на диванъ, я приступилъ было къ распросамъ подробностей свадьбы, но музыка, гудѣвшая надъ самымъ ухомъ, хохотъ толпы, визгъ и пискотня полунагихъ дѣтишекъ, забравшихся по сосѣдству на крыши, рѣшительно не давали возможности говорить; къ тому-же вскорѣ появилась передъ нами и полуведерная деревянная чаша съ пивомъ; осушаемая и вновь наполняемая, она не уставала ходить изъ рукъ въ руки стоявшей около меня кучки и самымъ нагляднымъ образомъ давала чувствовать свое присутствіе: нѣкоторые почетные люди, сидѣвшіе или стоявшіе до того весьма солидно, начинали уже выражать свое участіе въ свадьбѣ сперва тихимъ, а потомъ и довольно шумнымъ хлопаньемъ въ ладоши, а нѣкоторые, помоложе, пустились танцовать и сами. Всякій разъ, какъ кто-нибудь изъ почетныхъ пускался въ танцы, музыка тотчасъ-же оживлялась и каждое па танцующаго сопровождалось громкими рукоплесканіями и другими одобрительными пріемами, въ видѣ неистовыхъ взвизгиваній и стрѣльбы.

Такъ какъ веселье должно было продолжаться всю ночь, а мнѣ, какъ человѣку непривычному къ подобному увеселенію и принимавшему въ немъ лишь пассивное участіе, оно наскучило своимъ однообразіемъ, то я и попросилъ своего хозяина пойти домой. Оказалось, что хозяинъ и самъ былъ непрочь удрать съ праздника и стѣснялся только моимъ присутствіемъ.

Возвратившись въ гостепріимную кунацкую и расчитывая еще на довольно-большой остатокъ времени до полуночи, я попросилъ хозяина моего разсказать мнѣ обычай сватовства и вообще женитьбы въ горахъ.

II.

Родственники человѣка, желающаго вступить въ бракъ, если они принадлежатъ къ высшему сословію въ горахъ, прежде всего начинаютъ наводить справки о семействѣ, изъ котораго предполагаютъ взять невѣсту, и если, по справкамъ, это семейство удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ обычая, т. е. хорошаго происхожденія—равнаго съ желающими свататься—и имѣетъ достаточное матеріальное состояніе, то приступаютъ къ сватовству. Для этого выбираютъ одного изъ племянниковъ или вообще близкаго родственника (родной братъ или посторонній можетъ быть въ качествѣ свата, когда нѣтъ родственниковъ) и, снабдивъ его необходимыми инструкціями, отправляютъ туда, гдѣ живутъ родные выбранной дѣвушки. Довѣренный, прибывши къ этимъ послѣднимъ, смотря по обстоятельствамъ, или прямо объявляетъ о своемъ намѣреніи или же даетъ знать о немъ намеками. Когда нѣтъ причинъ безъ всякихъ объясненій отказать сватающему, собираются всѣ родственники дѣвушки и общимъ собраніемъ рѣшаютъ, принять-ли предложеніе довѣреннаго жениха или отказать ему? Если женихъ, въ свою очередь, удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ обычая, родственники соглашаются принять предложеніе, но, не давая рѣшительнаго отвѣта, зовутъ дѣвушку изъ семейства *аталыка* *) невѣсты и вмѣстѣ съ нею посылаютъ довѣреннаго жениха къ самой невѣстѣ узнать лично отъ нея, желаетъ-ли она вступить въ предлагаемый ей бракъ. Довѣренный жениха, послѣ троекратнаго вопроса о согласіи дѣвушки на бракъ, получивши удовлетворительный отвѣтъ, возвращается къ роднымъ дѣвушки и объявляетъ имъ объ этомъ. Тогда призываютъ аульнаго эфендія (мулла), который пишетъ *накяхъ*—брачное условіе; вызвавъ довѣренныхъ со стороны жениха и невѣсты, онъ сажаетъ ихъ передъ собою на корточки и

*) *Аталыками* вообще въ Кабардѣ называются члены семейства, въ которомъ воспитываются малолѣтнія дѣти лицъ высшаго сословія. По туземному обычаю, дѣти этихъ людей отдаются на воспитаніе въ избранное семейство изъ простаго класса тотъ-часъ-же послѣ рожденія; *аталыки* съ этихъ поръ считаются уже родственниками тѣхъ, чье дитя поручено имъ.

соединяетъ большіе пальцы ихъ правыхъ рукъ; обхвативъ эти пальцы своею правою рукою, онъ спрашиваетъ о согласіи ихъ довѣрителей вступить въ бракъ; получивъ необходимый отвѣтъ, эфендій читаетъ молитву и тѣмъ завершаетъ обрядъ вѣнчанія.

Согласіе дѣвушки на выходъ въ замужество требуется непремѣнно, но оно, какъ и у людей болѣе цивилизованныхъ, не всегда служитъ выраженіемъ собственнаго желанія дѣвушки и зачастую составляетъ лишь одну требуемую мусульманскимъ закономъ форму. Дѣвушка, заключивъ изъ разговора присланной къ ней депутаціи, что родственники на предварительномъ совѣщаніи уже рѣшили выдать ее замужъ, изъявляетъ на то и свое согласіе, руководясь въ этомъ случаѣ искони заведеннымъ порядкомъ и боязнью скомпрометировать отказомъ родную семью. Да и разбирать-то бѣдной дѣвушкѣ, выгодна или нѣтъ предлагаемая партія, не приходится: она, въ буквальномъ смыслѣ, раба обычая, раба воли старшихъ.—Положимъ, по чему-бы-то ни было, она откажетъ одинъ разъ—надѣлаетъ только исторію, наживетъ себѣ кучу упрековъ и прослыветъ разборчивою невѣстою, а въ другой, наконецъ въ третій или четвертый разъ, все-таки принуждена будетъ выйти замужъ указаннымъ выше порядкомъ; оставаться-же вѣкъ дѣвушкою, горянки высшаго сословія такъ-же, какъ и всѣ другія въ мірѣ дѣвушки, имѣющія одну цѣль въ жизни—замужество, не большія охотницы. Выйти замужъ по сердечному влеченію имъ даже и думать нельзя; предметами ихъ сердецъ, по большей части, бываютъ люди незнатнаго происхожденія, т. е. тѣ, которые имѣютъ доступъ въ семьѣ дѣвушки за-просто, а этимъ правомъ пользуется лишь простой народъ. Люди-же высшаго круга, по кодексу туземныхъ приличій, могутъ встрѣчаться съ дѣвушками своего-же сословія только на различныхъ празднествахъ, но отнюдь не разговаривать съ ними. Само-собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ бракъ по влеченію и къ тому-же съ соблюденіемъ сословныхъ предразсудковъ почти невозможенъ. Выйти-же за простолюдина и при этомъ, конечно, по секрету,—значитъ осрамить семью, оскандализировать себя и навлечь кучу непріятностей и гоненій на любимаго человѣка, виноватаго только въ томъ, что онъ не родился таубіемъ.

Впрочемъ, не смотря на всѣ эти грозныя послѣдствія, бываютъ случаи, что дѣвушки пренебрегаютъ своимъ сословнымъ происхожденіемъ и положеніемъ въ обществѣ и бросаются въ объятія своего любезнаго—простаго, незнатнаго человѣка. Такъ какъ вообще немного охотницъ слѣдовать подобнымъ героическимъ примѣрамъ, то почти всѣ горскія барышни выходятъ замужъ по желанію родныхъ и не имѣя понятія не только о наружности своего будущаго супруга, но часто и никогда не слышавши о немъ. Это послѣднее случается потому, что въ горахъ претендентомъ на руку дѣвушки является обыкновенно не только не одноаулецъ, но даже и не житель одного общества; главная причина тому родственныя узы высшаго класса, который въ цѣломъ обществѣ не рѣдко составляетъ одну фамилію. Хотя по шаріату и могутъ вступать въ бракъ двоюродные, но мѣстный обычай этого не допускаетъ.

Болѣе счастливая доля выпала на сторону горянокъ простаго класса: онѣ не стѣснены тяжелыми правилами этикета, не ведутъ замкнутой жизни, не избѣгаютъ встрѣчъ съ аульною молодежью и потому имѣютъ возможность выбирать себѣ мужей по сердцу.

Говоря, какимъ образомъ выходятъ замужъ дѣвушки, я думаю, нелишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ и о томъ, какъ смотрятъ на это и мужчины. Здѣсь главную роль также играетъ не личное расположенье къ дѣвушкѣ, которую молодой человѣкъ, можетъ быть случайно, проѣздомъ, видѣлъ одинъ разъ,—чаще совсѣмъ не видитъ,—а сословное ея положеніе и расчетъ. Мужчинамъ, впрочемъ, обычай позволяетъ дѣлать нѣкоторыя уступки сословнымъ ихъ взглядамъ и они могутъ брать женъ себѣ изъ сословія, не равнаго имъ, въ томъ предположеніи, что мужъ женѣ даетъ и имя и права; обратнаго-же условія, какъ видѣли выше, обычай не допускаетъ.

По совершеніи *накяха*, со стороны жениха должна быть внесена третья часть калыма, слѣдуемаго за жену. Этотъ послѣдній въ горскихъ обществахъ Кабарды распредѣляется слѣдующимъ образомъ: лица, принадлежащія къ сословію таубій, платятъ отъ 700 до 1,000 руб. сер., а фамилія таубіевъ Урусбіевыхъ,

какъ исключеніе, 1,500 руб.; лица простаго сословія — не свыше 300 руб. Спустя нѣкоторое время послѣ уплаты первой трети калыма, вносится вторая, а затѣмъ, обыкновенно чрезъ годъ, женихъ можетъ взять невѣсту въ свой домъ и послѣ этого уже заплатить остальную часть калыма. Впрочемъ, такое раздѣленіе во взносѣ калыма не составляетъ непремѣннаго правила, обязательнаго для каждаго; о размѣрѣ частей калыма и срокахъ взноса ихъ, при совершеніи накяха, дѣлается особое условіе. Бываютъ случаи, что требуютъ уплаты калыма въ одинъ разъ.

При совершеніи накяха, кромѣ части калыма, со стороны жениха слѣдуетъ сдѣлать подарокъ отцу или брату невѣсты—одну лошадь и пару быковъ; а эфендію, писавшему условіе,—одну лошадь или, если женихъ человѣкъ не особенно-состоятельный, — 10 рублей.

Когда настаетъ время взять невѣсту въ домъ жениха, послѣдній собираетъ въ своемъ аулѣ молодежь, и вмѣстѣ съ нею самъ, или ближайшій родственникъ его, отправляется туда, гдѣ живетъ невѣста. Родственники невѣсты, предъувѣдомленные заранѣе о прибытіи кіедженгеровъ, жениха, дѣлаютъ приготовленія къ отъѣзду ея, а между тѣмъ приглашаютъ дѣвушекъ и молодежь, которыя до отъѣзда невѣсты веселятся въ домѣ у ней; веселье это, какъ и на свадьбѣ, заключается въ пляскѣ. Женихъ, если онъ самъ пріѣхалъ за невѣстою, во все это время скрывается у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ и никуда не показывается; точно также онъ скрывается и въ своемъ аулѣ, пока празднуется свадьба; здѣсь для своего пребыванія онъ выбираетъ домъ кого-нибудь изъ своихъ короткихъ знакомыхъ, который съ этого времени становится уже для него родственникомъ, въ родѣ аталыка, и называется *болушьюй*. Женихъ въ поѣздѣ невѣсты также не бываетъ и слѣдуетъ сзади; въ свой аулъ въѣзжаетъ ночью и такъ, чтобы никто не видѣлъ.

Обыкновенно, при отправленіи партіи жениха за невѣстою, участвующіе въ ней одѣваются самымъ лучшимъ образомъ. Пріѣхавши въ аулъ невѣсты, они щеголяютъ передъ тамошнею молодежью своимъ нарядомъ, оружіемъ и лошадьми; все это дѣлается,

разумѣется, съ цѣлью сколь возможно возвысить достоинство жениха. Мѣстная молодежь какъ нельзя лучше пользуется хвастовствомъ прiѣзжихъ и обираетъ ихъ, въ силу обычая, съ ногъ до головы. Такимъ образомъ къ отъѣзду *кiеджженгеры* обращаются въ толпу оборванцевъ, а мѣстная молодежь начинаетъ щеголять ихъ костюмами и оружiемъ.

Когда сборы невѣсты окончены, *кiеджженгеры* достаточно обобраны и все заготовленное пиво выпито, невѣсту отправляютъ въ путь; въ дорогѣ слѣдуютъ указаннымъ выше порядкомъ.

По прiѣздѣ въ домъ жениха, свадебное веселье, если женихъ таубiй, продолжается дней 10 — 15; простой-же народъ веселится дней семь.

Въ супружескiя права женихъ вступаетъ или въ день привоза невѣсты въ его домъ, или на другой день. Къ молодой супругѣ онъ отправляется не иначе, какъ тайкомъ и ночью; въ первое посѣщенiе, молодаго мужа сопровождаетъ въ домъ жены кто-нибудь изъ близкихъ и друзей его; войдя въ саклю, мужъ садится на кровать, а жена въ это время стоитъ въ углу около кровати, съ головы до ногъ покрытая шалью; пришедшiй вмѣстѣ съ мужемъ снимаетъ послѣднему чевяки и затѣмъ удаляется изъ сакли. Мужъ обязанъ снять съ жены покрывало и вообще раздѣть ее. Такъ какъ горскiя дѣвушки, для сбереженiя стройной, тонкой талiи и вообще грацiозности, еще съ малолѣтства зашиваются въ сафьянный корсетъ, то молодому мужу представляется немало трудовъ и хлопотъ снять этотъ корсетъ, развязавъ аккуратно всѣ узелки, съ умысломъ хитро-запутанные подругами невѣсты передъ увозомъ ея въ замужество; разорвать-же или разрѣзать эти узелки считается большимъ стыдомъ для молодаго человѣка; но не смотря однакожъ на это, нерѣдко, какъ передавали мнѣ по секрету нѣкоторые молодые мужья, всѣ узелки разрываются, уступая силѣ или кинжалу молодаго человѣка.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ окончанiя свадебнаго пира, новобрачный дѣлаетъ угощенiе для мужчинъ, т. е. кормитъ и поитъ ихъ, а на другой день послѣ этого угощаетъ всѣхъ аульныхъ женщинъ и дѣвушекъ (жены таубiевъ не бываютъ здѣсь, такъ какъ

онѣ вообще никуда не показываются); каждая состоятельная женщина, идя на это угощеніе, должна принести съ собою одного барана, котелъ пива и котелъ *бузы* *), а кто побѣднѣе—курицу, кувшинъ пива или бузы или, наконецъ, что въ состояніи. Этотъ назначаемый для угощенія женщинъ день называется *аувалган-гюнь* и играетъ весьма важную роль въ свадебной процедурѣ: въ этотъ день снимаютъ съ новобрачной покрывало и съ этого времени она остается навсегда съ открытымъ лицомъ и если случается, что закрываетъ его иногда послѣ, то это дѣлается лишь при посѣщеніи ея какими-нибудь особенно-важными гостями. Когда нужно приступить къ этой церемоніи—„открытію“ лица новобрачной—мужъ заранѣе выбираетъ кого-нибудь изъ своихъ ближайшихъ пріятелей и поручаетъ это дѣло ему; послѣдній отправляется въ саклю новобрачной и тамъ, палкою, обмотанною съ конца шелковою матеріею, сбрасываетъ покрывало. Исполнившій этотъ обрядъ становится родственникомъ новобрачныхъ — также аталыкомъ. Кромѣ этого, въ тотъ-же самый день показывается народу все привезенное молодою приданое. Тутъ-же молодая обязана подарить матери своего мужа, а за неимѣніемъ ея—сестрѣ его шелковый полный женскій костюмъ; такой-же подарокъ должна сдѣлать и аталычкѣ, т. е. воспитательницѣ мужа.

Молодой супругъ живетъ въ домѣ своего пріятеля—болушьюй — не только свадебное время, но часто, по обычаю, остается въ этомъ домѣ нѣсколько мѣсяцевъ и даже годъ, посѣщая въ это время свой домъ и жену только по ночамъ. Когда-же, наконецъ, онъ оставляетъ домъ болушьюй, этотъ послѣдній обязанъ сдѣлать, по средствамъ, угощеніе аулу. Въ благодарность за гостепріимство, новобрачный даритъ при этомъ случаѣ лошадь, а потомъ, отъ времени до времени, семейство болушьюй получаетъ и другіе подарки, болѣе или менѣе цѣнные. Благодарность за госте-

---

*) *Буза* приготовляется изъ проса; это довольно хмѣльной напитокъ; напоминаетъ русскую брагу.

пріимство вообще не ограничивается только матеріальнымъ вознагражденіемъ, но выражается также и покровительствомъ семейству болушьюй, если проживавшій у нихъ человѣкъ вліятельный и сильный въ обществѣ.

Когда новобрачная раздастъ, по принятому обыкновенію, привезенное съ собою приданое родственникамъ и близкимъ знакомымъ своего мужа, она отправляется снова въ домъ своихъ родителей, гдѣ живетъ тогда до двухъ лѣтъ; въ это время, передъ отъѣздомъ своимъ вновь къ мужу, она дѣлаетъ угощеніе своимъ одноаульцамъ; родственники и остальные жители аула въ этотъ разъ обязаны сдѣлать ей подарки, каждый сообразно съ своимъ состояніемъ. Забравъ все подаренное ей, она отправляется къ мужу. Вотъ это-то благопріобрѣтеніе, въ сущности, и составляетъ дѣйствительное приданое жены.

При вступленіи въ бракъ таубія, съ каждаго двора въ аулѣ должны дать ему по одной штукѣ рогатаго скота, стоющей не менѣе 10 руб.; подарокъ этотъ извѣстенъ у горцевъ подъ названіемъ *берне*.

Всѣхъ описанныхъ выше порядковъ придерживаются строго только люди привиллегированнаго класса; у простонародія-же принято дѣлать все это гораздо проще.

Мужчина этого послѣдняго сословія, пріобрѣтя возможность жениться (собравши калымъ), выбираетъ знакомую и нравящуюся ему дѣвушку и, встрѣтившись съ нею, послѣ принятаго имъ рѣшенія, говоритъ ей о своемъ намѣреніи; если дѣвушка согласна, онъ, для соблюденія принятой формальности, посылаетъ сватать ее. Присутствовать на своей свадьбѣ жениху—простолюдину обычай не воспрещаетъ, но онъ долженъ стоять гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и не принимать участія въ весельи. Не возбраняется также мужу видѣть свою жену во всякое время, лишь-бы только не при старшихъ. Здѣсь жена не играетъ, какъ у высшаго сословія, исключительной роли самки: она правая рука у мужа по домашнему хозяйству, она и мать дѣтямъ.

Какъ вообще у магометанъ, у горцевъ Кабардинскаго округа допускаются многоженство и разводъ. Первое почти не встрѣчается въ горахъ: принято имѣть лишь одну жену; такое обыкновеніе, къ сожалѣнію, вытекаетъ вовсе не изъ уваженія къ личности женщины, до котораго горцы еще далеко не дожили, а изъ простаго недостатка матеріальныхъ средствъ. Если обратить вниманіе на ту плату за жену, которая существуетъ даже и у простаго народа, то станетъ понятнымъ, что немногіе въ состояніи заплатить два-три калыма. Правомъ развода пользуются также весьма рѣдко, потому что и здѣсь всѣ невыгоды на сторонѣ мужчины: онъ теряетъ жену и ему не возвращаютъ заплаченнаго за нее калыма. Исключеніе изъ этого правила допускается только въ томъ случаѣ, когда сама жена безотступно требуетъ развода, не имѣя къ тому законныхъ поводовъ; но и тутъ возвращеніе калыма служитъ, такъ сказать, платою за согласіе на разводъ.

Если случается, что женихъ умретъ еще до свадьбы, то, по шаріату, родные дѣвушки вправѣ требовать отъ родныхъ умершаго уплаты полнаго калыма; но мѣстный обычай дѣлаетъ уступку и предоставляетъ дѣвушкѣ пользоваться только половиною калыма; точно такою-же частью она пользуется, если женихъ, по какимъ-бы то ни было обстоятельствамъ, отказался отъ нея.

При разводѣ, дѣти остаются мужу.

III.

Ближайшіе родственники дѣвушки благороднаго сословія, исполнивъ всѣ описанныя въ предшествующихъ главахъ и требуемыя обычаемъ условія, при отправленіи ея въ домъ жениха, до освобожденія въ Кабардѣ зависимыхъ сословій, обязаны были давать въ

приданое одну *каравашъ* *), обязанность которой состояла въ томъ, чтобы быть всегдашнею прислугою молодой госпожи. Вмѣстѣ съ нею, на время, посылали съ невѣстою еще одну женщину — *дигиза*—и одного холопа изъ болѣе приближенной къ дому невѣсты семьи—*джемхагаса*. Дигиза—это воспитательница невѣсты (аталычка) или, за неимѣніемъ ея, вообще женщина изъ простаго класса, чѣмъ нибудь заслужившая довѣріе и нѣкоторое уваженіе семьи невѣсты. Дигиза и джемхагаса обязаны прожить въ домѣ будущаго мужа дѣвушки, съ которою они посланы, обыкновенно отъ одного до трехъ лѣтъ. Во все это время дигиза играетъ роль какъ-бы гувернантки и компаньонки новобрачной, и вообще хозяйничаетъ въ ея домѣ; пока она живетъ здѣсь, молодая ни во что не вмѣшивается и скорѣе похожа на гостью, чѣмъ на хозяйку; въ права послѣдней она вступаетъ только съ отъѣздомъ дигизы. Джемхагаса, также какъ и каравашъ, служитъ исключительно новобрачной: онъ исполняетъ ея различныя порученія, изготовляетъ для нея деревянныя ходули и вообще на немъ лежатъ всѣ мелочныя мужскія работы въ ея домѣ.

Всю эту личную свиту невѣсты знатные люди посылаютъ и теперь, но это стало уже необязательнымъ для посылаемыхъ и зависитъ отъ ихъ добровольнаго соглашенія; согласиться-же на подобную командировку далеко не прочь всякій мало-мальски бѣдный человѣкъ, потому что она, какъ увидимъ ниже, представляетъ довольно выгодныя условія, даже при нынѣшнихъ порядкахъ.

Когда, по истеченіи извѣстнаго срока, дигиза должна возвратиться къ себѣ домой, она обязана сдѣлать обществу того аула, гдѣ прожила это время, угощеніе. Если она женщина состоятельная, то должна сварить пиво и бузу, зарѣзать одного быка и сварить его цѣликомъ въ большомъ котлѣ; это приготовленіе называется *уча;* зарѣзать также 10—20 штукъ барановъ и сва-

---

*) *Каравашъ* — это одинъ изъ видовъ бывшаго въ горскихъ обществахъ зависимаго сословія женскаго пола; онѣ принадлежали къ разряду *безобрядныхъ* или *безправныхъ* холоповъ.

рить также цѣликомъ—*кой-уча*, и кромѣ этого приготовить отъ 30 до 50 столиковъ различныхъ другихъ кушаній—*тепсы*. При неимѣніи-же достаточныхъ средствъ, количество и размѣръ всего этого могутъ быть уменьшены. На это угощеніе приглашаются въ тотъ домъ, гдѣ жила дигиза, всѣ старики и молодые мужчины аула. Независимо отъ приглашенія сюда-же родственниковъ мужа своей питомицы, дигиза обязана послать въ домъ ихъ по одному барану, кувшину пива и бузы и части другихъ блюдъ. Когда вся приглашенная публика соберется, таубій, аульный эфендій и почетные старики садятся на приготовленныя для нихъ подушки; молодежь-же садится отдѣльно, въ два ряда, лицомъ другъ къ другу. Для угощенія назначается человѣкъ двадцать прислуги — *шапа*—и надъ ними старшій—*тамада*—распорядитель угощенія. Кушанья сначала подаютъ почетнымъ, а затѣмъ, по старшинству, и прочимъ гостямъ. Передъ этимъ обѣдомъ тамада угощаетъ пивомъ и бузою также по старшинству; питье это разносится въ громадныхъ чашкахъ, емкостью каждая до трехъ ведеръ; каждую такую чашку держатъ два человѣка. Тотъ изъ стариковъ, которому первому поднесутъ чашку съ пивомъ, встаетъ съ своего мѣста, снимаетъ шапку и говоритъ похвальную рѣчь въ честь той, у которой жила дигиза; во время этой рѣчи всѣ присутствующіе также встаютъ, снимаютъ шапки и нѣсколько разъ впродолженіи рѣчи восклицаютъ слово: „аминь!“. Во время обѣда и послѣ него угощеніе пивомъ и бузою не прекращается. Старики, подкутивши на этомъ праздникѣ, обыкновенно принимаются пѣть старинныя пѣсни, а молодежь, съ собранными между тѣмъ дѣвушками, принимается за пляску.

Послѣ этого праздника, каждый изъ присутствовавшихъ на немъ долженъ сдѣлать дигизѣ подарокъ: самъ таубій, при женѣ котораго она жила, если онъ человѣкъ вполнѣ состоятельный, даетъ отъ 10 до 30 коровъ, 100—200 барановъ и полную женскую, шелковую одежду; прочіе таубіи—по одной лошади, а простой народъ—по одной коровѣ.

Кромѣ этихъ подарковъ, таубій, у котораго жила дигиза, пре-

доставляетъ въ пользу ея всю шерсть съ барановъ и шкуры зарѣзаннаго скота за все время пребыванія ея у него въ домѣ.

Джемхагаса отправляется домой вмѣстѣ съ дигизою и при этомъ получаетъ отъ мужа той, которой онъ служилъ, всю одежду, полное оружіе и лошадь съ сѣдломъ.

Обычай дѣлать подобные подарки существовалъ еще въ полной силѣ года полтора тому назадъ, т. е. до того времени, пока не коснулась горъ крестьянская реформа, значительно перевернувшая экономическій бытъ горцевъ-владѣльцевъ. Правда, подарки эти въ ходу еще и въ настоящее время, но бывшіе подвластные таубіевъ даютъ уже ихъ не иначе, какъ по доброй волѣ, въ силу давнишняго, прадѣдовскаго обычая, и потому еще, что правило: „стыдно отказать просьбѣ старшаго“—въ большомъ ходу между горцами; тогда какъ въ прежнее время подарки эти были обязательны для каждаго подвластнаго. Тѣмъ не менѣе, настоящее положеніе бывшихъ зависимыхъ даетъ имъ возможность сберегать для своего семейства хотя одну корову, тогда какъ въ недавнее былое эта корова, какъ и все незавидное хозяйство холопа, составляла неотъемлемую принадлежность владѣльца и по его волѣ переходила въ другія руки, въ видѣ подарка пріѣзжему гостю (нерѣдко отъявленному прощалыгѣ, разъѣзжавшему по горамъ съ спеціальною цѣлью собирать подарки), дигизѣ и имъ подобнымъ лицамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что благодѣтельная мѣра правительства—освобожденіе холоповъ—разрушительно повліяетъ на нѣкоторые горскіе обычаи, создавшіеся подъ условіями барства, какъ и вездѣ пользовавшагося роскошными удобствами жизни на счетъ меньшей братьи. Не въ далекомъ будущемъ, по всей вѣроятности, и свадебный обычай горцевъ также подвергнется сильному измѣненію: исчезнутъ всѣ гомерическіе обѣды, уменьшится плата калыма, выйдутъ изъ моды значительные подарки, дѣлавшіеся ради поддержа-

нія таубіевскаго достоинства, и, наоборотъ, бѣдному и бывшему задавленному классу горцевъ представится возможность въ свою очередь дѣлать свадебный сюрпризъ роднымъ невѣсты чѣмъ-нибудь получше куска въ пять-шесть аршинъ миткаля или бязи.

Взаключеніе этой статьи, я могу обратить вниманіе читателя еще на одинъ довольно комическій и, можно сказать, довольно тривіальный обычай горцевъ при свадьбахъ. Молодые люди—холостяки и товарищи вступившаго въ бракъ, выпивши на свадьбѣ достаточное количество бузы или пива и дождавшись окончанія пляски во дворѣ новобрачнаго, забираются куда-нибудь поблизости въ засаду и тамъ терпѣливо подкарауливаютъ секретное шествіе молодаго мужа на подвиги „первой ночи.“ Давши ему возможность, какъ будто незамѣченному, пробраться въ саклю своей жены, шаловливая молодежь покидаетъ засаду и отправляется также къ этой саклѣ, захвативъ съ собою заранѣе припасенные воду, курей, кошекъ и, даже, собакъ. Такъ какъ подобныя нашествія предвидятся тоже заранѣе, то молодой человѣкъ, сопровождавшій въ первый разъ мужа къ женѣ, и джемхагаса принимаютъ на себя обязанность стражей чертога новобрачныхъ. Не смотря на бдительность этихъ аргусовъ, злонамѣренная молодежь, пользуясь преимущественно силою, успѣваетъ завладѣть этими стражами и крышею сакли новобрачныхъ. Достигнувши этого послѣдняго пункта, посылаютъ въ трубу камина весь запасъ животныхъ и пернатыхъ, льютъ туда воду, бросаютъ папахи и стрѣляютъ, пока наконецъ истощится и матеріалъ для безпокойства молодаго супруга и собственная охота къ подобному занятію. По принятому обыкновенію, новобрачный обязанъ всѣ эти подарки шутниковъ-товарищей выкинуть вонъ изъ своей сакли тотчасъ-же; но такъ какъ эти шутки иногда переходятъ границы терпѣнія супруга, то онъ принимается бранить безпокоящихъ его и дальше не обращаетъ вниманія на посылки ихъ; такимъ образомъ молодой четѣ иногда при-

ходится довольно долго оставаться въ сообществѣ мяукающихъ кошекъ, визжащихъ собакъ и кудахтающихъ куръ; только по уходѣ безпокойной толпы взволнованный мужъ освобождаетъ несчастныхъ плѣнныхъ. Подобныя развлеченія, впрочемъ, позволительны только въ отношеніи супруговъ — молодыхъ людей, но отнюдь не пожилыхъ и пользующихся исключительнымъ положеніемъ въ обществѣ.

Грабовскій.

17-го сентября 1868 года.
Нальчикъ.

ВОСПОМИНАНІЯ МУТАЛИМА.

VIII *).

Жизнь муталимовъ при Катской мечети, въ Кумухѣ, въ сравненіи съ жизнію ихъ въ другихъ селеніяхъ Дагестана, была роскошна: по четвергамъ, вечеромъ, когда мы выходили собирать топливо съ жителей аула, намъ обыкновенно въ нѣсколькихъ знатныхъ домахъ давали хлѣба, копчоной баранины; кромѣ того, въ каждый четвергъ вечеромъ, по обычаю, давно установленному кумухскими муталимами, двое самыхъ младшихъ изъ нихъ отправлялись въ ханскій дворецъ, для полученія приличнаго *садака* (подаянія). Входя во дворъ женскаго отдѣленія, муталимы останавливались у воротъ и робко поглядывали на галлерею дворца, въ ожиданіи, пока какая-нибудь ханская горничная не покажется въ дверяхъ. Тогда объ нихъ докладывали и, по приказанію ханши [1]), назыръ [2]) отпускалъ имъ или полбарана, или полсабы сарачинской крупы. Понятно, что, отъ такой щедрой милостыни, въ день пятницы у насъ бывалъ вдвойнѣ праздникъ.

---

*) Гл. I—VII см. 1-й выпускъ «Сборника св. о кавк. горцахъ».

[1]) Описываемое время относится къ 1855 году, когда въ Казикумухѣ ханомъ былъ Агаларъ-ханъ (послѣдній казикумухскій ханъ). Въ то время у него было только двѣ жены: одна изъ простаго званія, а другая—внучка Асланъ-хана, по имени Шамай-бике, отличавшаяся необыкновенною добротою и набожностью. Такъ какъ въ женское отдѣленіе ханскаго дворца нельзя было вступать никому изъ взрослыхъ мужчинъ, то потому муталимы и назначали за полученіемъ ханской милостыни самыхъ младшихъ изъ своей среды. Такими младшими оказывались я и еще одинъ мой товарищъ.

[2]) Дворецкій хана,—лицо, самое приближенное къ хану.

Были еще и другіе источники для безбѣднаго существованія кумухскихъ муталимовъ. Такъ, въ Кумухѣ, мы получали обыкновенно по 10 коп. деньгами за чтеніе корана на могилахъ покойниковъ, вмѣсто четверти аршина бумажной матеріи, получаемой муталимами въ другихъ деревняхъ.

Наконецъ, въ Кумухѣ бываютъ базары каждый четвергъ: мы писали арабскія азбуки и продавали ихъ, по 10-ти и по 20-ти коп. за экземпляръ, чрезъ что каждый муталимъ могъ имѣть у себя по нѣсколько абазовъ, что весьма рѣдко случается у горскихъ муталимовъ.

Я сказалъ, что, при совершеніи поминанія по умершимъ, въ Кумухѣ даютъ муталимамъ больше, чѣмъ въ другихъ горскихъ деревняхъ. Замѣчу при этомъ, что обряды похоронъ въ Кумухѣ почти тѣже, какіе существуютъ вездѣ въ горахъ: покойника обыкновенно несутъ на носилкахъ, покрывъ его буркою [5]), хоронятъ его въ одномъ саванѣ изъ простой бѣлой бязи, безъ гроба, и кладутъ его въ вырытую съ боку могилы канаву лицомъ къ югу, подкладывая горсть земли подъ правую его щеку, въ знакъ того, что онъ является предъ Богомъ со всевозможнымъ уничиженіемъ и сознаніемъ своихъ грѣховъ; потомъ кладутъ каменныя доски вдоль канавы, такъ, чтобы онѣ закрыли собою покойника, и наполняютъ могилу землею, бросая ее лопатками, нарочно дѣлаемыми для этого и называемыми „могильными лопатками;“ потомъ мулла

---

[5]) Буркою покрываютъ только покойниковъ, а покойницъ накрываютъ одѣяломъ или какою-нибудь матеріею. Могилы мужчинъ и женщинъ тоже можно различить по каменнымъ памятникамъ: для мужчины поставляютъ надгробный камень, имѣющій на верху подобіе человѣческой головы и шеи, а для женщинъ верхній конецъ памятника дѣлаютъ круглымъ, дугообразнымъ или прямымъ. Памятники дѣлаютъ изъ плоскаго камня и поставляютъ ихъ въ головахъ могилы, вертикально. Надпись вырѣзываютъ муллы на лицевой сторонѣ памятника. Надпись состоитъ по большей части изъ имени покойника и года смерти; часто также вырѣзываются какіе-нибудь арабскіе стихи, какъ напр.: „Міръ сей преходящій, вѣчности для него нѣтъ; будущая жизнь вѣчная и для нея нѣтъ конца,“ и т. д. Кромѣ того на памятникахъ мужчинъ вырѣзываютъ употребляемыя мужчинами вещи, какъ-то: шашку, кинжалъ, ружье, кольчугу, щитъ и т. д., а на памятникахъ женщинъ ножницы, перстень, прядильныя орудія и т. д.

читаетъ нараспѣвъ надгробную рѣчь на арабскомъ языкѣ (талкинъ) [4]), и наконецъ публика уходитъ съ кладбища, оставивъ на могилѣ надгробныхъ чтецовъ. Всѣ эти обряды общіе у всѣхъ жителей горъ; но бываетъ разница въ оплакиваніи покойника: такъ, въ деревняхъ, родственницы покойника плачутъ съ крикомъ, съ непокрытыми волосами, которые онѣ рвутъ обѣими руками, при этомъ царапаютъ лицо ногтями до крови, бьютъ себя въ грудь и надѣваютъ на себя платье покойника навыворотъ, чрезъ что даже красивыя женщины дѣлаются болѣе похожими на безобразныя чудовища, чѣмъ на людей. Толпа такихъ крикушъ провожаетъ покойника до самаго кладбища (все это воспрещается шаріатомъ, но народъ въ этомъ случаѣ строго придерживается своего обычая). Въ Кумухѣ, сверхъ всего этого, женщины становятся въ кружокъ, съ непокрытыми волосами, и прыгаютъ на мѣстѣ съ криками: „Гуя, гуя! вовъ-шавъ!“ [5]), при чемъ бьютъ себя обѣими руками. Есть женщины, особенно славящіяся своими способностями оплакивать покойниковъ приличными случаю стихами, и такихъ женщинъ нанимаютъ для этой цѣли за извѣстную плату.

Мѣсяца черезъ три послѣ моего прибытія въ Кумухъ, я заболѣлъ чесоткою. На рукахъ и ногахъ моихъ сдѣлались большіе прыщи и никакія средства леченія не помогали мнѣ. Сначала товарищи не гнушались мною, но потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе начали обнаруживать свое неудовольствіе и боязнь заразиться. Они отдѣлили мой столъ, дали мнѣ особую посуду, и наконецъ, для безопасности своей, начали просить мудариса исключить меня изъ мечети, пока я вылечусь. Мударисъ долго не соглашался; но мнѣ

---

[4]) Талкинъ значитъ, по-арабски, напоминаніе, предупрежденіе. Рѣчь эта заключается въ томъ, что напоминаютъ покойнику о единствѣ Божіемъ, о пророкѣ Магомедѣ, для того, чтобы покойникъ отвѣчалъ вѣрно ангеламъ, которые являются къ покойнику для предварительнаго дознанія о немъ и предлагаютъ ему разные вопросы, какъ-то: кто твой Богъ, кто пророкъ и какая твоя вѣра? Если покойникъ съумѣетъ отвѣчать этимъ ангеламъ вѣрно, то онъ спасенъ; если-же испугается отъ страшнаго вида ангеловъ, что случается съ грѣшными, и запутается въ отвѣтахъ, тогда начинаются его могильныя муки.

[5]) Восклицанія, выражающія горе, страхъ, испугъ.

самому стало неловко оставаться дольше между муталимами и, убѣдившись, что упорствомъ своимъ я могу только пріобрѣсть ненависть товарищей, я сталъ самъ просить мудариса уволить меня въ отпускъ. Въ одномъ изъ кумухскихъ магаловъ была маленькая мечеть, въ которой муллою состоялъ въ то время ученый молодой человѣкъ, по имени Мама. Мама передъ тѣмъ проживалъ въ Аваріи и учился у тамошнихъ лучшихъ ученыхъ людей, пріобрѣлъ тамъ отличное знаніе арабскаго языка и славился какъ ученый и способный человѣкъ. У Мамы было 2 ученика, своекоштныхъ, такъ какъ ему не полагалось напаки (продовольствія) на содержаніе муталимовъ. Когда я просился у мудариса въ отпускъ, онъ не ограничился выраженіемъ своего сожалѣнія, что лишается меня, какъ хорошаго муталима, но еще предложилъ мнѣ взять отъ него полторы сабы пшеничной муки изъ напаки его мечети и поступить къ Мамѣ, на что послѣдній, будучи однимъ изъ друзей мудариса, охотно согласился.

Такъ какъ я страдалъ сильно чесоткою, то, прежде поступленія къ Мамѣ, отправился для излеченія въ близкій аулъ, къ одному кунаку, который и прежде приглашалъ меня къ себѣ, но я отказывался, не желая отрываться отъ ученія.

Добрый кунакъ, обрадовавшись съ женою моему пріѣзду, сейчасъ-же принялся лечить меня домашними средствами. Онъ бралъ старое сало изъ бычачьяго жира, ставилъ его на огонь, потомъ всыпалъ въ сало порошокъ изъ пепла старой подошвы и столько-же сажи и сѣры; все это вмѣстѣ варилъ и потомъ мазалъ мои чесоточныя язвы, каждый день утромъ и вечеромъ, вымывая при этомъ у меня каждый разъ руки и ноги. Чрезъ три дня прыщи совсѣмъ присохли, а на пятый и шестой день почти совсѣмъ я вылечился.

Поблагодаривъ добраго кунака, я возвратился въ Кумухъ, къ Мамѣ. Мама, какъ человѣкъ, еще не отвыкшій отъ муталимской жизни, проводилъ съ учениками своими все время безотлучно, больше какъ товарищъ, чѣмъ учитель. Это послужило къ нашему сближенію. Имѣя съ нами постоянно частные разговоры послѣ занятій,

Мама выражалъ сожалѣніе, что онъ ушелъ отъ мюридовъ (такъ называлось въ Кумухѣ вообще населеніе, подчинявшееся Шамилю), разсказывалъ о тамошней жизни и удобствахъ для муталимовъ, и когда хотѣлъ прельстить насъ тѣми мѣстами, на которыхъ живутъ мюриды, то описывалъ преимущественно осеннее время, изобиліе фруктовъ, и разсказывалъ, какъ тамъ жители много даютъ муталимамъ винограду, яблокъ, грушъ и пр. Описывалъ онъ также чеченскіе лѣса въ лѣтнее время. „Но все это въ сторону, все это пустяки", добавлялъ онъ: „главное то, что тамъ есть возможность участвовать въ газаватѣ, когда душѣ угодно. Въ газаватѣ, если и убьютъ, то пойдешь безъ суда въ рай; а если побѣдишь, то тебѣ слава." Между прочимъ онъ увѣрялъ, что рана, полученная отъ оружія невѣрныхъ въ газаватѣ, не причиняетъ никакой боли, и доказывалъ это словами пророка.

Въ скоромъ времени онъ сильно полюбилъ меня и сталъ довѣрять мнѣ свои тайны. Онъ смотрѣлъ на тогдашнее управленіе хана съ большимъ негодованіемъ, часто исчислялъ богопротивные его поступки, упрекалъ его въ безбожіи и тиранствѣ и доказывалъ, что ханъ дѣйствуетъ во всемъ только подъ руководствомъ своихъ капризовъ.—„Этотъ дьяволъ," говорилъ онъ, "хочетъ чтобы цѣлый свѣтъ превратился въ корову, имѣющую одну титьку, а онъ-бы взялъ ее въ свой ротъ, чтобы одному сосать: и не гнѣвъ-ли Божій, что жизнь каждаго изъ насъ зависитъ отъ его каприза!.."

Такимъ разсужденіямъ Мамы я сочувствовалъ и скоро сталъ того убѣжденія, что всѣ дѣйствія хана исходятъ только отъ чрезмѣрнаго его властолюбія и безпричинныхъ капризовъ. Я сталъ понимать, что отъ такихъ дѣйствій хана не можетъ быть для ислама ничего, кромѣ ущерба, что въ нихъ нѣтъ ничего повелѣваемаго или даже дозволяемаго шаріатомъ, а если и примѣчалъ что-нибудь хорошее, то это приписывалъ тоже капризу хана, случайности, а вовсе не желанію его сдѣлать доброе дѣло.

Ханъ позволялъ иногда нѣкоторымъ кумухцамъ вести торговлю съ мюридами, иногда-же ни за-что, ни про-что строго запрещалъ производить такую торговлю. Не смотря на послѣднее, постоянно бы-

вали контрабандисты, которые не прерывали тайныхъ сношеній съ мюридами.

Частыя разсужденія наши съ Мамою возбудили во мнѣ сильное желаніе оставить землю безбожія и отправиться туда, гдѣ цвѣтутъ исламъ и шаріатское правосудіе. Видя въ Мамѣ во всемъ добраго товарища, я высказалъ ему свое желаніе, чему онъ весьма обрадовался. Мы поклялись другъ другу не выдавать никому секретовъ нашихъ и сдѣлаться неразлучными товарищами во всѣхъ случайностяхъ нашего тайнаго предпріятія. Намъ нужно было только составить планъ для осуществленія своей цѣли.

Однако, мысль, что если я уйду къ мюридамъ, то могутъ пострадать мои родители, сильно меня тревожила... Въ раздумьи, какъ лучше поступить, я отправился на время домой.

Время было лѣтнее, сухое, и жители опасались за хлѣба и травы, по случаю засухи.

Каждый день служили въ мечети молебствіе, т. е. при совершеніи обычныхъ намазовъ кадій читалъ молитву на арабскомъ языкѣ, въ которой просилъ дождя, ради святыхъ. Но дождя не было.

Былъ назначенъ день и мѣсто въ полѣ, чтобы собраться просить дождя, какъ слѣдуетъ по обычаю. Въ назначенный день, на избранное мѣсто собралось аульное населеніе обоего пола и всякаго возраста. Каждая женщина принесла съ собою что-нибудь съѣдомаго для раздачи какъ садака, кто хлѣба съ мясомъ, кто толокна съ сыромъ, кто молока, масла, пироговъ и т. п. Женщины сѣли особо, мужчины тоже особо, а посрединѣ сѣлъ кадій съ книгою въ рукахъ. Всѣ обратили свой слухъ и глаза на кадія. Онъ говорилъ, что народъ сильно сталъ наклоненъ къ грѣхамъ, что супруги не исполняютъ своихъ обязанностей въ отношеніи другъ къ другу; поучалъ, какъ жена должна вести себя и какъ слѣпо должна повиноваться мужу, разсказывалъ о страшныхъ адскихъ мукахъ, ожидающихъ непослушныхъ женъ, и о блаженствахъ рая, которыя ожидаютъ послушныхъ; говорилъ также, какое великое вознагражденіе будетъ на томъ свѣтѣ той, которая подаритъ свои кебинныя деньги мужу. При этомъ нѣсколько женщинъ объявили кадію

гласно, что онѣ дарятъ свои кебины мужьямъ, за что тутъ-же получили общее одобреніе.

Много кадій говорилъ, и при этомъ одни плакали, другіе придали своимъ физіономіямъ печальный видъ, какъ-бы сознавая свои грѣхи и чувствуя потребность въ полномъ покаяніи.

По окончаніи разсказовъ и наставленій кадія, какъ то: не воровать, не лгать, не убивать, не клеветать на другаго, сохранять общую дружбу и братство, не желать худаго своему единовѣрному брату, прощать обиды другъ другу, помогать бѣднымъ и т. д.,—все, принесенное для садака, раздѣлили между всѣми, и мужчины отправились къ рѣчкѣ съ пѣніемъ Ла́ іла̀hа іллалла̀h (нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога).

Когда приблизились къ рѣчкѣ, то мальчики бросились собирать камешки и ссыпать ихъ передъ старшими, а старшіе читали шепотомъ на каждый камешекъ молитву, поднося его къ своимъ губамъ, и потомъ бросали его особо. Молитвѣ этой кадій научилъ народъ, нѣсколько разъ читая ее вслухъ, чтобы всѣ заучили ее наизусть. Она состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: „Всевѣдущій и Невидимый! ты находишься въ высочайшемъ мѣстѣ, сними съ насъ то, что видишь“ (т. е. засуху).

Такимъ образомъ читали эту молитву до самаго вечера, потомъ собрали всѣ начитанные камни и всыпали ихъ въ воду. По окончаніи этого, молодые люди стали купать другъ друга въ рѣчкѣ, при чемъ положили въ нее и самого кадія, которому не помогли тутъ никакія угрозы и отговорки. Потомъ всѣ возвратились домой, уже вечеромъ. По улицамъ и около аула слышались женскіе голоса, которые молили у Бога дождя, распѣвая на туземномъ языкѣ:

«Да пойдетъ дождь, да пойдетъ. Аминь!
«Водяной дождь да пойдетъ. Аминь!
«Ягнята просятъ травы. Аминь!
«Дѣти просятъ хлѣба. Аминь!»

Дома я провелъ нѣсколько дней въ самомъ тревожномъ состояніи: то жалко было оставлять родителей въ когтяхъ безбожнаго хана, то кипѣло во мнѣ сильное желаніе уйти къ мюридамъ.

Наконецъ, рѣшившись во что бы то ни стало исполнить послѣднее и не измѣнить данному слову, я поѣхалъ опять въ Кумухъ.

IX.

Въ это время были строго запрещены ханомъ всякія сообщенія съ мюридами, и пойманные на пути слѣдованія къ мюридамъ были подвергаемы безобразнымъ наказаніямъ. Такъ, мнѣ пришлось увидѣть толпу женщинъ и стариковъ, которыхъ вели по улицамъ, точно на показъ. У каждаго изъ этихъ несчастныхъ было навѣшено на носъ или на губу по куску разбитой глиняной посуды. Они были балхарцы (жители селенія Балхаръ, Даргинскаго округа) и ходили къ мюридамъ для продажи посуды; ихъ поймали въ предѣлахъ казикумухскаго ханства, и ханъ приказалъ отобрать у нихъ всѣ вещи, посуду ихъ побить, навѣсить каждому изъ нихъ на носъ или на губу по куску этой битой посуды и проводить такимъ образомъ до границы своихъ земель.

Но желаніе наше уйти къ мюридамъ было въ полномъ разгарѣ и никакія несчастія, могущія послѣдовать за нашимъ предпріятіемъ, не могли остановить насъ. Напротивъ, чѣмъ больше мы встрѣчали препятствій, тѣмъ больше увеличивалась охота бѣжать.

Мама, какъ опытный бывшій мугаджиръ [6]), хорошо зналъ о бѣдственной жизни мугаджировъ, а потому счелъ необходимымъ взять съ собою, по возможности, сколько-нибудь имущества. Расчеты его въ этомъ отношеніи были коммерческіе и состояли въ томъ, чтобы, купивъ на имѣвшійся у насъ капиталъ, въ количествѣ 60 руб., матеріи краснаго и пестраго цвѣтовъ (такія матеріи горцы очень любятъ) и продавъ этотъ товаръ на согратлинскомъ базарѣ, удвоить капиталъ и тѣмъ гарантировать свою жизнь на всякій

[6]) Мугаджирами назывались лица, бѣжавшія къ мюридамъ; слово это происходитъ отъ арабскаго гиджра (бѣгство изъ земли невѣрныхъ).

случай. Но необходимо было дѣйствовать осторожно, чтобы никто не заподозрилъ насъ. Секретъ нашъ былъ открытъ только двумъ близкимъ друзьямъ нашимъ, мударису Гази и Гаруну, одному изъ хорошихъ и набожныхъ товарищей нашихъ по ученію.

Къ счастію нашему, у мудариса оказались и товары, которыхъ мы искали; мы ихъ купили тайкомъ и перенесли въ домъ Мамы. Но прошло еще довольно долгое время, пока мы приготовили все, что нужно было для бѣгства нашего къ мюридамъ. Такъ какъ въ нашей мечети напаки не было совсѣмъ, какъ я уже сказалъ, а своя тоже кончилась, то нѣсколько разъ мы прибѣгали къ обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ средствамъ, а именно—отправлялись въ другіе аулы съ сумками на плечахъ, а по вечерамъ ходили по ауламъ, распѣвая арабскіе стихи, за что изъ каждаго дома получали по чашкѣ зерноваго хлѣба [7]); такимъ образомъ съ каждаго аула мы собрали по нѣсколько сабъ хлѣба. Въ это время въ Кумухѣ, какъ и въ другихъ аулахъ, были назначаемы ночные караулы изъ жителей и обходы для охраненія отъ набѣговъ и отъ похищенія имущества, что весьма часто совершали бѣжавшіе отъ насъ мугаджиры; аулы были ограждены стѣнами кругомъ и башнями у каждаго входа, гдѣ ставили также ночные караулы. О нашемъ намѣреніи въ Кумухѣ знали—какъ я сказалъ—только два человѣка; но такъ какъ намъ нельзя было взять съ собой лошади, во-первыхъ потому, что ея у насъ не было, а во-вторыхъ, хотя бы мы и могли достать ее, то по той дорогѣ, по которой мы собирались уйти, едва могъ пробраться и пѣшій: поэтому, для переноски нашего багажа, мы рѣшили взять съ собой женщину да еще одного изъ муталимовъ, по имени Омара. Нѣсколько ночей мы выходили въ дорогу, но не

---

[7]) Обычай этотъ существуетъ не для однихъ муталимовъ. Осенью, когда жители кончатъ рѣзку барановъ, чтобы мясо ихъ коптить на зиму, молодые люди ходятъ по аулу съ пѣснями и собираютъ мясо, потомъ дѣлаютъ угощеніе и пируютъ. Также есть въ обычаѣ, что молодежь замаскировывается и ходитъ по деревнямъ съ мѣстною музыкою, собирая себѣ что дадутъ. Маски дѣлаются изъ войлока, съ рогами, надѣваютъ овчинныя шубы на выворотъ, а нѣкоторые привязываютъ къ рогамъ масокъ мѣдные бубенчики.

находили возможности проскользнуть мимо стражей и возвращались назадъ. Дѣлать было нечего, нужно было выдумать какое-нибудь средство, чтобы уйти безопасно.

Въ сел. Табахлю [8]) есть старая мечеть, которая выстроена вдали отъ аула [9]), и потому никогда при ней не бывало муталимовъ, изъ опасенія нападеній мугаджировъ. И вотъ что мы выдумали: я рѣшилъ поступить въ табахлинскую мечеть муталимомъ на нѣкоторое время, чтобы оттуда уйти безнаказанно отъ карауловъ.

Табахлинскій кадій охотно согласился принять меня, а общество обрадовалось моему поступленію въ эту мечеть, расчитывая, что я буду держать ее въ порядкѣ. Кадій предложилъ мнѣ ночевать у него въ домѣ, но я сказалъ, что не опасаюсь ничего и согласенъ жить въ самой мечети.

Въ короткое время табахлинцы узнали о моемъ жительствѣ въ мечети, такъ какъ, за отсутствіемъ кадія, я иногда исполнялъ его службу. Я сталъ нарочно ходить каждый вечеръ мимо карауловъ въ мечеть, и на вопросъ часоваго „кто такой?“ могъ отвѣчать спокойно: „муталимъ“.

Между прочимъ я перетащилъ въ эту мечеть всѣ свои вещи и товаръ. Однажды вечеромъ ко мнѣ пришелъ и Мама, съ муталимомъ Омаромъ и одною женщиною, которые должны были помочь намъ въ переноскѣ нашего багажа. Погода была пасмурная, холодная и шелъ большой снѣгъ, чему мы были рады, потому что въ этакую погоду никто не могъ повстрѣчаться намъ на дорогѣ. Но, впослѣдствіи, погода эта причинила намъ самое непріятное приключеніе. Около 10 часовъ вечера, заперевъ хорошенько мечеть, мы вышли въ дорогу, взявъ на себя свои вещи и часть товара.

---

[8]) Аулъ этотъ такъ близокъ къ Кумуху, что его раздѣляетъ одна только узенькая улица, а обычаи жителей его и даже нарѣчіе языка значительно отдѣляютъ его отъ кумухцевъ. У табахлинцевъ есть особый кадій и свои карты.

[9]) Сел. Табахлю находилось прежде гораздо дальше настоящаго своего мѣста. Во время ханствованія Магомедъ-хана, табахлинцы начали ослушиваться хана и наконецъ совсѣмъ сопротивляться ему. Поэтому, аулъ этотъ былъ покоренъ силою оружія и переселенъ на настоящее свое мѣсто. Старая мечеть, находившаяся прежде на южной овнечности аула, послѣ переселенія осталась далеко на сѣверной сторонѣ новаго Табахлю.

Мы шли сначала по большой дорогѣ, но скоро повернули налѣво въ ущелье. Изъ ущелья мы начали подниматься выше и выше, дорога не была видна отъ выпавшаго снѣга и мы шли на удачу, по направленію къ вершинѣ горы. Чрезъ нѣсколько часовъ мы достигли скалы, по которой должны были лѣзть наверхъ. Первый полѣзъ Мама, оставивъ свою ношу внизу; я потащился за нимъ, держась за его руку; спутникъ нашъ тоже послѣдовалъ за нами, а женщина оставалась внизу. Поднявъ на веревкахъ свои вещи, которыя привязывала оставшаяся внизу женщина, мы полѣзли на покатость горы, вскарабкались кое-какъ наверхъ, опасаясь на каждомъ шагу паденія, которое могло случиться отъ каждаго неосторожнаго шага по скользкой покатости, послѣ чего пришлось-бы свалиться въ пропасть, гдѣ не могли-бы собрать и костей упавшаго.

Я только тогда почувствовалъ свою усталость, когда мнѣ сказали, что мы находимся на безопасномъ мѣстѣ отъ преслѣдованія мунафиковъ [10]). Мы присѣли отдохнуть на возвышенномъ холмѣ, оглядываясь вокругъ себя; еще была глубокая ночь, вездѣ царствовала тишина, только издалека долеталъ до насъ глухой лай собакъ, да иногда завывалъ холодный вѣтеръ. Вся оглядываемая нами мѣстность бѣлѣла, а скалы, обрывы и громадные камни представлялись какъ-бы темными пещерами. Не смотря на окоченѣвшія ноги и руки, мнѣ хотѣлось крѣпко спать, но Мама вскорѣ всталъ и сказалъ: „теперь не время отдыхать, нужно торопиться, пока воровская рубашка (ночь) не разорвана“.

Спутникъ нашъ долженъ былъ возвратиться съ этого мѣста и мы отпустили его, поручивъ ему взять съ собою и женщину, которую мы оставили внизу скалы.

---

[10]) Слово мунафикъ (араб.) означаетъ безбожный, принужденный, притворяющійся мусульманинъ, который ради какого-нибудь собственнаго интереса исполняетъ всѣ обряды мусульманской вѣры безъ убѣжденія, а при удобномъ случаѣ старается вредить мусульманамъ. Мюриды называли вообще всѣхъ покорныхъ русскому правительству мусульманъ мунафиками и считали ихъ почти одинаковыми съ христіанами. Вотъ это прозвище было главнымъ основаніемъ къ дозволенію убивать, грабить и вообще примѣнять къ нимъ всѣ правила священной войны, наравнѣ съ христіанами.

Оставшись вдвоемъ съ Мамою, мы не могли нести на себѣ вещи и товаръ, которые до этого мѣста несли въ четверомъ, а потому мы рѣшили оставить ихъ тутъ-же, какъ на мѣстѣ безопасномъ, и отправились дальше. Дорога шла по косогору, покрытому глубокимъ снѣгомъ; скоро начало свѣтать. Мама шелъ впереди, я—за нимъ; но, утомленный и одолѣваемый сномъ, я пришелъ въ немоготу; силы мои начали истощаться. Я помню очень хорошо, что я падалъ въ снѣгъ лицомъ внизъ и забывался самымъ сладкимъ сномъ, но Мама насильно будилъ меня нѣсколько разъ. Наконецъ я прозябъ до того, что не могъ владѣть руками, и Мама принужденъ былъ развести огонь изъ собраннаго сухаго бурьяна, который и согрѣлъ насъ обоихъ.

Къ восходу солнца мы пришли въ сел. Мухи, гдѣ остановились у кунака моего спутника и легли спать. Проспавъ около полутора часа, мы встали на ноги и начали собираться ѣхать обратно за товаромъ. Мы взяли съ собой двухъ человѣкъ изъ родственниковъ нашего кунака и поѣхали почти рысью на мѣсто, гдѣ оставили товаръ. Пріѣхавъ на мѣсто, мы увидѣли слѣды людей на снѣгу, а товара не нашли; только на другомъ мѣстѣ, гдѣ была оставлена нами часть товара, увидѣли кусокъ красной матеріи. Смущенные этимъ, мы подскакали къ этому куску и увидѣли, что одинъ только этотъ кусокъ матеріи и былъ положенъ на кучу снѣга [11]). Тогда мы угадали въ чемъ дѣло и Мама, поспѣшно схвативъ матерію, сказалъ: „увезли мунафики нашъ товаръ“! Въ это самое время раздалось нѣсколько выстрѣловъ и пули пролетѣли, свистя, мимо нашихъ ушей. Сейчасъ-же товарищи мои отвѣтили тѣмъ-же самымъ. Мы увидѣли двухъ человѣкъ, которые поднимались по косогору къ намъ и кричали: „подождите, возьмите свои товары, подождите, поговоримъ, познакомимся!!!“ Мюриды было вспыхнули гнѣвомъ за такое невѣжество мунафиковъ, что они такъ безсовѣстно пришли не въ

[11]) Это было сдѣлано—какъ оказалось впослѣдствіи—похитителями товара нарочно для того, чтобы издалека показалось намъ, что товаръ нашъ будто налицо и этимъ приманутъ насъ къ такому мѣсту, гдѣ похитители думали сдѣлать намъ засаду.

свое мѣсто, и хотѣли уже наскакать на нихъ, но Мама удержалъ отъ этого.

Нельзя было повѣрить, чтобы два человѣка осмѣлились такъ смѣло поступить, а потому мы рѣшили, что мунафиковъ должно быть здѣсь много. Поэтому, мы поспѣшили отступить назадъ. Отступая, мы остановились на возвышенномъ холмѣ, откуда увидѣли далеко, въ глубинѣ ущелья, навьюченныхъ нашимъ товаромъ ишаковъ.

Мунафики въ свою очередь тоже думали, что мы нарочно отступаемъ, чтобы заманить ихъ за собою подальше въ горы, и что съ нами большая партія мюридовъ: они заняли край обрыва, который былъ загороженъ самою природою большими камнями.

Мы немедленно возвратились въ сел. Мухи. Нужно было думать думу, что намъ сдѣлать: остаться-ли у мюридовъ безъ ничего и отправиться дальше въ Аварію учиться, или-же вернуться въ Кумухъ.

По совѣту нѣкоторыхъ мюридовъ, мы рѣшились вернуться въ Кумухъ тайно и развѣдать: если кто-нибудь узналъ о нашемъ бѣгствѣ, то въ такомъ случаѣ похитить что-нибудь и вернуться назадъ, если-же никто не узналъ о нашемъ приключеніи и что отбитый товаръ былъ нашъ, то, въ такомъ случаѣ, остаться въ Кумухѣ до болѣе удобнаго времени для гиджры, только—не съ пустыми руками.

Пробывъ еще у мюридовъ слишкомъ недѣлю, мы пришли ночью въ сел. Кума и остановились у кадія, которому открыли свою тайну; на вопросы-же другихъ жителей: „какъ это вы ночью рискнули придти вдвоемъ въ такое опасное время?“ мы отвѣчали, что, выйдя изъ Кумуха, заснули на дорогѣ и опоздали.

На другой день мы выпросили у кадія по одной книгѣ, взяли ихъ подъ мышки и пошли по большой дорогѣ, какъ ни въ чемъ не бывали.

На дорогѣ мы встрѣтились съ однимъ знакомымъ, который ѣхалъ изъ Кумуха; мы стали спрашивать у него, какія новости

въ Кумухѣ, объясняя ему, что мы уже болѣе недѣли какъ ушли оттуда за книгами и были въ Акушѣ. Къ немалому удовольствію нашему, знакомый сообщилъ намъ довольно пріятную вѣсть. „Въ Кумухѣ случилось недавно весьма странное происшествіе, о которомъ говорятъ и разсуждаютъ вездѣ," сказалъ онъ. „Недавно двое изъ нукеровъ хана отправились рано утромъ посмотрѣть на поставленный ими ночью для волка капканъ. Увидѣвъ на снѣгу свѣжіе слѣды людей, которые шли по ущелью, куда добрые люди не ходятъ, нукеры пошли по этимъ слѣдамъ до самой вершины горы Шалабу [12]) и тамъ нашли товаръ, положенный кѣмъ-то изъ смѣлыхъ качаговъ (контрабандистовъ). Нукеры немедленно дали объ этомъ знать въ аулъ, откуда поспѣшили къ нимъ на помощь, приведши и эшаковъ. Товаръ снесли внизъ, навьючили на эшаковъ, а сами пошли подкараулить хозяина. Вмѣсто хозяина явилась цѣлая партія мюридовъ и съ ними завязалась перестрѣлка. Говорятъ, что мюриды отступили, потерявъ нѣсколько человѣкъ ранеными и убитыми."

— Чей-же былъ товаръ, какъ говорятъ въ народѣ? спросили мы.

— „Положительно еще не знаютъ. Чей-бы то ни былъ, но нужно сказать, что если это сдѣлалъ кумухецъ, то ему не сдобровать. Лучше-бы совсѣмъ не родиться, чѣмъ попасть въ когти хана съ такимъ преступленіемъ," заключилъ нашъ знакомый и простился съ нами, не подозрѣвая насъ ни въ чемъ.

Обрадованные нѣкоторымъ образомъ такими вѣстями, мы, во избѣжаніе всякихъ подозрѣній, воротились въ Кумухъ вечеромъ, совсѣмъ не по той дорогѣ, по какой уходили...

Прошла недѣля, и вотъ мы провѣдали, что ханъ приказалъ лазутчикамъ непремѣнно узнать, чей былъ товаръ, захваченный на горѣ.

Прослышавъ объ этомъ, мы написали одному нашему знакомому мюриду о своемъ положеніи и предупреждали, чтобы насъ

---

[12]) Такъ называется гора и мѣстность, гдѣ былъ оставленъ нашъ товаръ.

не выдавали; письмо это было вручено секретно ханскому лазутчику, который ѣхалъ къ мюридамъ, будто по торговымъ дѣламъ [13]).

На другой день послѣ этого одинъ изъ муталимовъ прибѣжалъ ко мнѣ и сказалъ, что ханъ потребовалъ къ себѣ моего учителя Маму и заарестовалъ его въ ямѣ, но за что именно—неизвѣстно.

Холодная дрожь пробѣжала по моему тѣлу, сердце забилось и страхъ завладѣлъ мною до такой степени, что самъ не знаю, какъ я устоялъ на ногахъ въ ту минуту. Замѣтивъ мое волненіе и мгновенно поблѣднѣвшее лицо мое, муталимъ началъ утѣшать меня, говоря, что съ Мамою, по всей вѣроятности, ничего худаго не будетъ; онъ думалъ, что я испугался за участь своего учителя. Но я-то думалъ совсѣмъ иное.

Наступала рѣшительная минута. Я поспѣшилъ къ бывшему спутнику нашему предупредить его о грозившей намъ опасности. Когда я разсказалъ ему объ арестѣ Мамы, онъ тоже совершенно растерялся и сталъ оглядываться кругомъ испуганными глазами, не тянется-ли ужъ къ нему изъ-за стѣны худжры [14]) рука ханскаго нукера. Потомъ, пришедши нѣсколько въ себя, онъ пустился упрекать учителя и меня, что черезъ насъ и онъ попалъ въ бѣду. Мнѣ стало очень досадно, что я являюсь виновнымъ даже предъ моимъ близкимъ товарищемъ; я сознавалъ, что этотъ молодой человѣкъ долженъ пострадать именно изъ-за насъ: не вмѣшай мы его въ свое предпріятіе, онъ-бы оставался у себя дома, въ кругу своихъ родителей. Мнѣ стало больно за него. Но тѣмъ не менѣе, его малодушіе привело меня въ негодованіе. „Дѣйствительно, напрасно мы тебя вмѣшали въ свое дѣло,“ сказалъ я, „но теперь прошлаго не воротишь. Да впрочемъ опасаться тебѣ нечего; вѣроятно, дѣло еще не раскрыто, Мама не сознался, а если-бы наконецъ

[13]) По обоюдному соглашенію съ мюридами, были отпускаемы нѣкоторые жители для торговыхъ съ ними сношеній; они передавали тѣмъ и другимъ разныя извѣстія.

[14]) Муталимская комната при мечети.

насъ стали уличать въ бѣгствѣ, то я тебя не выдамъ, слѣдовательно о тебѣ никто и не можетъ узнать. Все-таки, мнѣ кажется, человѣкъ не долженъ раскаиваться въ томъ, что онъ помогъ товарищу, хотя-бы и въ ущербъ себѣ: это не мужское дѣло!“— Товарищъ покраснѣлъ и ничего не сказалъ. Тогда рѣшился я позаботиться о себѣ и прибѣгнуть къ послѣднему средству спасенія, именно—убѣжать къ мюридамъ какъ можно поскорѣе. Товарищу объ этомъ я ничего не сказалъ, да ужъ и не хотѣлъ съ нимъ больше имѣть въ чемъ-нибудь сотоварищество.

Время было передвечернее, и я спѣшилъ приготовиться въ дорогу, чтобы, какъ только стемнѣетъ, отправиться немедля въ путь.

Между тѣмъ народъ собрался въ мечеть для вечерняго моленія; я тоже зашелъ туда и сталъ молиться усердно Богу, прося его помощи въ моемъ предпріятіи. Не успѣлъ я еще окончить свою молитву, какъ вдругъ въ дверяхъ мечети раздался чей-то голосъ, спрашивавшій меня. „Здѣсь, молится,“ отвѣчалъ ему кто-то изъ мечети. Сердце мое забилось крѣпко и докончить молитву было некогда. Всталъ я потихоньку, надѣлъ на себя свой тулупъ и молча направился къ дверямъ мечети. Но только что хотѣлъ я выйти, какъ два вооруженные нукера загородили мнѣ дорогу и сказали: „куда ты? мы за тобой пришли.“

— Что вамъ нужно? спросилъ я, стараясь выговорить свой вопросъ самымъ невиннымъ и спокойнымъ тономъ.

— Тебя ханъ требуетъ, — а гдѣ-же Омаръ? спросили они про моего товарища.

— Не знаю, сказалъ я.

— „Здѣсь,“ отвѣтилъ кто-то изъ мечети, —и тутъ-же вывели и Омара.

Всѣ четверо, отправились мы по направленію къ ханскому дому, молча. Я далъ себѣ слово упорно отказываться отъ всего и въ отвѣтъ на всякій вопросъ, касающійся до нашего бѣгства, приготовилъ одно только слово—„не знаю.“

Что товарищъ мой думалъ въ это время, сказать не берусь,

но я былъ увѣренъ въ томъ, что сущность дѣла еще не открыта, что Мама не сознался, а если даже и сознался, то все-таки не вѣроятно, чтобы онъ такъ скоро выдалъ насъ.

— Что-же вы, братцы, знаете-ли, зачѣмъ васъ ханъ требуетъ? спросили насъ нукеры на полдорогѣ.

— Нѣтъ, почемъ-же намъ знать, зачѣмъ ханъ вспомнилъ о насъ,—сказалъ я.

— Васъ требуютъ по важному дѣлу: смотрите, скажите правду, а не то бѣда будетъ.

„Вотъ собаки одной породы,“ подумалъ я и проговорилъ: „разумѣется, скажемъ все, что знаемъ.“

Мы вошли на ханскій дворъ, который былъ полонъ нукерами и слугами.

— Ведутъ, ведутъ,—говорилъ одинъ.

— Кого это? спросилъ другой.

— Да вотъ цыплятъ, которымъ, вѣроятно, суждено испустить духъ подъ лезвеемъ нашихъ желѣзъ (кинжаловъ),—отвѣтилъ первый.

Услышавъ это, я укрѣпилъ свое упованіе на Бога. Насъ повели по темному корридору, потомъ изъ комнаты въ комнату, — вездѣ сидѣли или лежали вооруженные нукеры. Около однѣхъ дверей насъ заставили снять шубы и башмаки и приказали подождать на мѣстѣ, пока доложатъ хану. Чрезъ четверть часа насъ позвали въ комнату, гдѣ находился ханъ: онъ сидѣлъ около камина, на коврѣ, облокотившись на большую подушку; недалеко отъ него сидѣли трое изъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ,—сидѣли они всѣ съ поджатыми подъ себя ногами; въ той-же комнатѣ, подлѣ стѣнъ, стояли нукеры.

Комната была вся увѣшена оружіемъ, а по срединѣ, на полу, стояли два большихъ кувшина, съ какими-то напитками, и подлѣ два стакана.

Вошедши въ комнату, мы исполнили обрядъ обычной поче-

сти хану, именно — сняли шапки и сказали: „карабузъ, тулъкунма“ [15]).

— Посмотрите на его глаза, какъ волчьи, —сказалъ ханъ, указывая на меня.

— Говори мнѣ правду, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: какъ вы пошли къ мюридамъ съ вашимъ глупымъ учителемъ, какъ ушли отъ ночныхъ карауловъ, разскажи мнѣ все подробно.

— Я ничего такого не знаю, мой великій, отвѣтилъ я.

Ханъ обратился къ моему товарищу и спросилъ: „и ты тоже не знаешь?“

— Не знаю, мой великій, отвѣчалъ онъ.

Потомъ ханъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Если ты знаешь и будетъ доказано, что ты ходилъ съ твоимъ учителемъ къ мюридамъ, въ такомъ случаѣ позволишь-ли мнѣ свою кровь (т. е. убить тебя)?

Минута была рѣшительная,—и я сказалъ: „позволяю.“ Тогда онъ приказалъ двумъ нукерамъ отвести меня къ Мамѣ на очную ставку, сказавъ при этомъ: „отведите этого глупаго мальчика къ его учителю, пусть тотъ разскажетъ ему все, какъ было, а потомъ приведите сюда.“

Едва ханъ кончилъ, какъ нукеры схватили меня за обѣ руки и почти вытолкали изъ комнаты.

На дорогѣ они накинулись на меня съ упреками: „какъ же ты, дуракъ, совралъ хану? Вѣдь Мама все разсказалъ“.

— Что-же разсказалъ? за что онъ арестованъ? Я вѣдь ничего не знаю! отвѣчалъ я съ досадою.

— Вишь ты, притворяешься! Сегодня караульщики обыска-

---

[15]) Казикумухцы отдавали честь своимъ ханамъ и вообще бекамъ снятіемъ папахи. При этомъ говорятъ утромъ до полудня *іузрау*, что значитъ «благополучно всталъ,» а послѣ полудня *карабузъ*, что (объясняютъ нѣкоторые) есть сокращенное слово отъ авар. *гикарау-бузъ*, означающаго въ переводѣ: да пойдетъ на здоровье то, что пито. Утреннее привѣтствіе *іузрау* лаки говорятъ всякому старшему себя по лѣтамъ, только безъ снятія папахи. Въ отвѣтъ получаютъ тѣ-же самыя слова. Тулъ-кунма—въ переводѣ—мой старшій, мой господинъ, мой великій.

ли лазутчика и нашли у него письмо. Караульщики не умѣли читать и говорятъ: „что это за письмо, кто его тебѣ отдалъ?“ — „Не знаю, что тамъ написано,“ сказалъ лазутчикъ, „мнѣ его отдалъ кумухецъ Мама.“ Вотъ письмо это принесли къ хану; онъ потребовалъ Маму и далъ ему это письмо: на, читай,—говоритъ— что тамъ написано? Мама перепугался при видѣ письма и говоритъ, дрожа всѣми членами: „что-же тутъ читать, мой великій, когда все тебѣ извѣстно.“ Ханъ весь почернѣлъ и говоритъ: „ахъ, ты, негодяй! ты не боишься меня, и смѣлъ такія слова написать мюридамъ! Ты вѣдь зналъ, что я строго запрещаю всякія сообщенія съ ними!“ Тутъ онъ вынулъ кинжалъ до половины и пошелъ къ Мамѣ, а Магомедъ-Мирза [16]) сказалъ при этомъ: „оставь, ханъ, молодаго человѣка, не разбей сердце.“ Тогда ханъ точно опомнился, остановился и спросилъ Маму,—кто съ нимъ ходилъ къ мюридамъ? а Мама сказалъ, что ты его товарищъ, а что вотъ тотъ другой провожалъ васъ...

Въ это время мы пришли въ арестантскую комнату, посреди которой, въ полу, было отверстіе, какъ колодезь. Нукеры крикнули: „Мама!“ и я услышалъ изъ глубины отверстія откликъ его. Въ это время и я подошелъ поближе къ отверстію и сказалъ обычное привѣтствіе: „да не встрѣтится болѣе несчастіе!“

Мама на этотъ разъ заикался и едва могъ заговорить: онъ совсѣмъ растерялся, ему видимо было совѣстно передо мной; онъ казался въ это время ниже всякой щепки. Тутъ одинъ изъ присланныхъ со мною нукеровъ сказалъ ему, что ханъ приказываетъ разсказать и напомнить мнѣ все, что было съ нами.

— Я, братъ, все разсказалъ,—промолвилъ Мама: теперь всякое запирательство послужитъ для насъ только въ погибель; впрочемъ, мы и такъ погибли... Прости мнѣ, я всему виною... сказалъ

---

[16]) Этотъ житель сел. Чохъ, вышедшій въ Кумухъ послѣ разоренія и взятія Чоха мюридами, служилъ при ханѣ въ качествѣ секретаря и пользовался довѣріемъ и уваженіемъ хана. Онъ зналъ Маму хорошо и впослѣдствіи помогъ ему.

онъ жалостнымъ тономъ. Ничего я не сказалъ въ отвѣтъ и вышелъ изъ тюрьмы, чтобы опять идти къ хану.

Когда я снова вошелъ предъ хана, товарищъ мой Омаръ все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, а ханъ былъ занятъ разговоромъ съ своими нукерами.

— Ну, что твой учитель говоритъ? спросилъ онъ меня.

— Ничего особеннаго, только говоритъ, что онъ разсказалъ тебѣ всю правду.

— Такъ ты ходилъ къ мюридамъ?

— Ходилъ.

— Ну, подойди поближе ко мнѣ и разкажи все, о чемъ буду спрашивать. Слушай-же. Ты слишкомъ молодъ; можетъ быть тебя сбилъ съ толку твой учитель; я тебя не такъ строго накажу, если во всемъ сознаешься, — сказалъ ханъ. Потомъ, обратившись къ товарищу моему, онъ продолжалъ самымъ ласковымъ тономъ:

— А тебѣ, дураку, я ничего больше не сдѣлаю, какъ только выколю оба глаза, и ты будешь по неволѣ молиться Богу. Каринцы [17]) вообще славятся глупостью, а ты, какъ доказываетъ твой безобразно-высокій ростъ, долженъ быть глупѣе ихъ всѣхъ. Твоя громадная глупость можетъ сдѣлаться вредною для народа, а потому, чтобы избавить народъ отъ такого вреда, а самого тебя отъ грѣховъ, лучше, чтобы ты былъ слѣпъ, чтобы ты занялся одиѣми молитвами.

Въ это время я посмотрѣлъ на Омара: онъ былъ блѣденъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Я подошелъ поближе къ хану и началъ ему разсказывать все, какъ было.

— Ты не побоялся карауловъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, потому что они не могли замѣтить насъ.

---

[17]) Сел. Кара находится на правой сторонѣ Койсу, въ Вицхинскомъ магалѣ. Жителямъ этой деревни приписываютъ лаки глупость и разсказываютъ про нихъ разные анекдоты. Напр., каринцы когда-то вздумали летать; для этого, привязавъ къ рукамъ своимъ доски, а къ заду метелки, они бросались съ кручи въ пропасть и погибали. Лаки объясняютъ, что будто когда-то около этой деревни была вода, отъ которой жители сходили съ ума, но потомъ вода эта высохла.

— Ты не падалъ въ снѣгу?

— Падалъ...

— Какую книгу ты учишь?

— Маанъ [18]).

Въ это время секретарь хана, Магомедъ-Мирза, сказалъ: „это тотъ самый, который считается первымъ муталимомъ въ Кази-Кумухѣ по своимъ познаніямъ и по способностямъ къ ученію".

— Твой учитель знаетъ Маанъ? спросилъ ханъ.

— Очень даже хорошо.

— Нѣтъ, не думаю, ибо человѣкъ, знающій Маанъ, не сдѣлаетъ такой глупости, какую онъ сдѣлалъ. Отчего-же ты ушелъ изъ кумухской мечети, вѣрно тебя прогнали за дурное поведеніе?

— Нѣтъ, я заболѣлъ чесоткою, и муталимы не хотѣли, чтобы я жилъ вмѣстѣ съ ними, мударисъ-же жалѣлъ обо мнѣ.

— Скажи мнѣ теперь, не сказано-ли въ коранѣ: „повинуйтесь Богу, пророку Его и властямъ вашимъ?"

— Сказано.

— Я не власть ваша?

— Власть.

— Такъ знай-же, что вы ослушались Бога, потому что вы сдѣлали то, что я запретилъ. Того же, кто ослушается Бога, я имѣю право, даже долженъ казнить, такъ, что если я тебя убью, то не только не сдѣлаю грѣха, но еще исполню свою обязанность.

Потомъ, обратившись къ нукерамъ, ханъ сказалъ: „отведите ихъ въ арестантскую, пусть они будутъ тамъ пока на верху, а завтра мы ихъ пошлемъ къ Гасанъ-хану [19]) покончить съ ними дѣло."

---

[18]) Книга эта довольно большая и заключаетъ въ себѣ арабскую риторику. Наука эта считается трудною и муталимы не приступаютъ къ изученію ея, не окончивши предварительно грамматики и не прошедши нѣкоторыхъ частей логики. Она объясняетъ главнымъ образомъ краснорѣчіе корана, доходящее, по ея объясненіямъ, до сверхъестественности.

[19]) Племянникъ хана. Онъ былъ управляющимъ въ Вицхинскомъ магалѣ и имѣлъ резиденцію именно въ аулѣ Курклю, гдѣ жили и мои родители.

Нукеры моментально схватили насъ и повели въ арестантскую. Смотритель ея радостно принялъ насъ и съ злою улыбкою сказалъ: „слава Богу, еще два абаза прибавилось! Ступайте, подлецы, я проучу васъ, разбалованныхъ мальчишекъ“...

Никогда не забуду грубой и безжалостной физіономіи этого смотрителя, который показался мнѣ скорѣе дьяволомъ, чѣмъ человѣкомъ.

X.

Въ первую тюремную ночь я не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ только о свой завтрешней судьбѣ. Было, впрочемъ, о чемъ призадуматься и чего опасаться. Нашъ ханъ не любилъ шутить съ людьми, подпавшими его гнѣву.

Кстати, приведу здѣсь нѣсколько подробностей о тѣхъ наказаніяхъ, какія совершаемы были ханомъ надъ нѣкоторыми изъ преступниковъ, а иногда и надъ невинными жертвами его гнѣва, причемъ замѣчу, что время совершенія этихъ наказаній относится не далѣе какъ къ началу пятидесятыхъ годовъ.

Одинъ житель сел. Велтахъ пожаловался хану, что односелецъ его, молодой человѣкъ, обезчестилъ малолѣтняго сына его. Хану достаточно было одного заявленія жалобщика, и онъ приказалъ отвѣтчика посадить въ яму. Прошелъ цѣлый годъ, а арестантъ все оставался въ ямѣ. Приближался праздничный день. По обычаю лаковъ, въ большіе праздничные дни почетные жители являлись къ хану съ поздравленіемъ и выпрашивали у него помилованіе арестантамъ, ради праздника. Ханъ обыкновенно приказывалъ освобождать долго-сидѣвшихъ и не особенно-важныхъ преступниковъ. Впрочемъ, о преступникахъ, заслуживавшихъ строгаго наказанія, жители и не просили. Такъ какъ велтахинецъ сидѣлъ въ тюрьмѣ довольно долгое время, то общество Кумуха хотѣло объ немъ просить особо. Но оскорбленный отецъ маль-

чика, услышавъ это, отправился къ хану вмѣстѣ съ сыномъ своимъ и просилъ не освобождать его врага, при чемъ указалъ и на маленькаго сына своего, на котораго покусился односелецъ. Ханъ былъ не въ духѣ и, при видѣ этого мальчика, вскипѣлъ гнѣвомъ. Къ тому-же окружавшіе его приближенные выражали свое негодованіе на преступника и говорили, что любое наказаніе ничто въ сравненіи съ его преступленіемъ. Это еще болѣе раздражило хана, и онъ тутъ-же приказалъ судить преступника. Для суда, ханъ обратился къ помощнику кадія и спросилъ его, можно-ли, по шаріату, казнить смертію этого преступника? Добросовѣстный судья отвѣтилъ, что, по шаріату, нельзя казнить такого преступника, а нужно его наказать ста ударами палокъ. Тогда ханъ приказалъ вывести изъ ямы арестанта и наказать его палками. Смотря въ это время на процессъ наказанія, ханъ приказывалъ исполнителямъ бить по-сильнѣе, но, не удовлетворившись этимъ, самъ схватилъ палку и ударилъ ею преступника своеручно нѣсколько разъ. По окончаніи ста ударовъ, ханъ приказалъ сдѣлать изъ толстой палки подобіе мужскаго члена и отдалъ его отцу обезчещеннаго мальчика, съ приказаніемъ воткнуть это въ заднепроходную кишку преступника. Злобный отецъ безжалостно исполнилъ приказаніе хана, и всѣ мольбы арестанта, чтобы замѣнить ему этотъ родъ наказанія смертною казнію, были напрасны. Въ такомъ положеніи приказано было вести его домой и тамъ только освободить. Несчастный умеръ въ тотъ-же вечеръ. При совершеніи этого наказанія, происходившаго днемъ, на площади, сгоняли туда народъ со всѣхъ сторонъ.

Разскажу другой случай. Пристрастившись къ разгульной жизни и любя постоянное веселье, ханъ часто приглашалъ къ себѣ молодыхъ людей и дѣвушекъ, хорошо умѣвшихъ пѣть пѣсни или плясать. Подобными талантами вообще отличается прекрасный полъ Вицхинскаго магала, который находится въ сосѣдствѣ съ Цудахаромъ. Однажды, въ день пятницы, когда въ Цудахарѣ былъ базаръ, двѣ дѣвушки изъ сел. Кунди, принадлежавшія къ числу артистокъ хана, пошли на этотъ базаръ, а оттуда онѣ были приглашены въ домъ цудахарскаго кадія, гдѣ было въ гостяхъ нѣсколько нукеровъ

одного изъ русскихъ начальниковъ, съ которымъ ханъ былъ не въ пріятельскихъ отношеніяхъ. По просьбѣ домохозяина, дѣвушки увеселяли гостей, пѣли по-казикумухски, и въ тотъ-же день вернулись домой. Услышавши объ этомъ, ханъ приказалъ арестовать ихъ и представить къ нему. На другой день, къ всеобщему ужасу, дѣвушки эти были вынесены изъ ханской конюшни (куда онѣ были посажены) мертвыми, съ царапинами на лицахъ и слѣдами веревокъ на шеяхъ.

Вотъ еще случай. Однажды, зимою, когда слуга подавалъ чай хану, этотъ послѣдній сказалъ, что подносъ не чистъ, и слуга, вынувъ изъ кармана носовой шелковый платокъ, тутъ-же вытеръ подносъ. Ханъ замѣтилъ, что это былъ платокъ, подаренный имъ одной служанкѣ. Въ ту-же ночь слуга пропалъ безъ вѣсти, и никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Уже весною, когда на озерѣ, около Кумуха, растаялъ ледъ, найденъ былъ въ водѣ трупъ этого слуги.

Ханъ прибѣгалъ и къ пыткамъ. Такъ, однажды, въ ханскомъ дворѣ случилось воровство на двѣсти рублей. По подозрѣнію, были арестованы бывшіе въ ту ночь караульщики изъ нукеровъ, а также и нѣкоторые другіе нукеры. Такъ какъ на допросахъ не могли добиться отъ нихъ сознанія, то ханъ приказалъ совершить надъ нѣкоторыми изъ нихъ слѣдующія пытки: двумъ изъ нихъ на груди были разведены огни, третьяго пытали раскаленнымъ желѣзомъ, выжигая медленно разныя мѣста на тѣлѣ, а четвертому сдѣлали на бритой головѣ чашку изъ тѣста и стали лить туда кипящее масло. Пытки эти повторялись нѣсколько разъ; ханъ смотрѣлъ съ любопытствомъ на страдальцевъ и видимо съ удовольствіемъ слушалъ душу раздирающіе стоны несчастныхъ, которые и умерли въ мукахъ, но въ воровствѣ не сознались.

Тревожимый такими воспоминаніями, я расположился въ углу арестантской комнаты и легъ на полу, укутавшись шубою, ни съ кѣмъ не говорилъ и ни на кого не смотрѣлъ.

Я слышалъ, какъ товарищъ мой стоналъ и вслухъ оплакивалъ себя, вспоминая, какъ мать любила его... но мнѣ до него и до его матери не было дѣла. Чрезъ нѣсколько времени я всталъ и посмотрѣлъ кругомъ: съ нами не было никого другаго, кромѣ

одного старика, ученаго и весьма почтеннаго человѣка, по имени Гасана. Два караульныхъ лежали около запертой маленькой двери, а на краю отверстія ямы, которая была по срединѣ комнаты, горѣлъ тускло нефтяной факелъ (чирахъ), который освѣщалъ яму и верхнюю комнату. Невысокія стѣны комнаты были безъ всякой штукатурки, и, кромѣ двери, въ комнатѣ не было ни окна, ни отверстія; полъ былъ не смазанъ и ничѣмъ не застланъ; только маленькій коврикъ лежалъ подъ старымъ Гасаномъ, который былъ углубленъ въ молитву. Въ это время, обративъ ко мнѣ свое пріятное лицо, и съ выраженіемъ, полнымъ состраданія, Гасанъ сказалъ: „да спасетъ тебя, сынъ мой, аллахъ отъ бѣды! Не предавайся печали и постарайся успокоить себя молитвами,—это есть единственное средство къ утѣшенію души. Тоска не приноситъ намъ никакой помощи, кромѣ напраснаго мученія себя. Терпѣніе есть источникъ счастія, терпѣніемъ-же великіе люди достигаютъ своихъ желаній. Уповай на Бога, который испытываетъ насъ, какъ мы можемъ перенести счастіе и несчастіе“...

Наставленія Гасана тронули меня сильно и я поблагодарилъ его. Потомъ я сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ и сталъ горячо молиться Богу. Со слезами, сознаваясь вполнѣ въ своихъ грѣхахъ, я просилъ себѣ прощенія. Около полуночи, мнѣ сильно захотѣлось спать, и я крѣпко заснулъ.

Утромъ я проснулся рано, когда смѣнялся караулъ, и хотя, при видѣ новаго жилища своего, вспомнилъ, что этотъ день есть послѣдній въ жизни моей, и что скоро предстоитъ мнѣ вытерпѣть много,—однако чувствовалъ себя гораздо легче, чѣмъ вчера. Окончивъ утреннюю молитву, я подошелъ къ отверстію ямы поздравствоваться съ Мамою и новыми товарищами. Въ глубинѣ ямы я не могъ видѣть никого, но по голосамъ узналъ, что тамъ находится нѣсколько человѣкъ. Товарищъ мой Омаръ—какъ и вчера—сидѣлъ въ углу комнаты, закрывъ глаза, какъ-бы воображая себя слѣпымъ; Мама охалъ.

Время шло тяжело; глаза мои часто устремлялись къ дверямъ нашей комнаты, и каждый разъ, какъ онѣ отворялись, я

быстро оглядывалъ ноги входящаго, чтобы угадать, не нукеры-ли пришли за нами [20])? Уже мы исполнили полуденную молитву, а они все еще не являлись. . . .

Изъ дома Мамы, мать его принесла намъ обѣдъ, который подали намъ караульщики, а самой ея къ намъ не допустили.

Къ вечеру, хотя тревожное состояніе наше немного успокоилось, но все таки мы были убѣждены, что смерть для насъ неминуема. Между прочимъ въ этотъ день мы узнали отъ смотрителя тюрьмы, что ханъ отдалъ приказаніе всѣмъ кадіямъ и мулламъ, чтобы впредь они не принимали къ себѣ муталимовъ безъ ханскаго разрѣшенія, и за ослушаніе грозилъ страшнымъ наказаніемъ. Приказъ этотъ былъ разосланъ въ тотъ-же день по всему ханству, и всѣ муталимы должны были разойтись по домамъ.

Прошло три дня, но никто за нами не приходилъ. Изъ дома Мамы намъ принесли постели и нѣсколько книгъ, перо и чернила (послѣднія передали секретарю), и мы утѣшали себя чтеніемъ и сочиненіемъ разныхъ стиховъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше стали мы привыкать къ своему новому жилищу. Старикъ Гасанъ занималъ насъ, разсказывая намъ разные легенды, преданія и анекдоты. Пищу приносили намъ изъ дома Мамы, а иногда присылали ее и другіе знакомые; но къ свиданію съ нами никого не пропускали. Только посѣщалъ насъ каждый день грозный смотритель тюрьмы, постоянно носившій при себѣ пистолетъ за поясомъ и никогда не уходившій отъ насъ безъ грубыхъ и бранныхъ словъ, обращенныхъ къ намъ.

Сначала намъ на душѣ бывало тяжело отъ такихъ его обидъ, но, постепенно, мы начали смотрѣть на него просто, безъ ужаса и отвращенія, и грубости его сдѣлались для насъ обыкновенными шутками.

На дворѣ, рядомъ съ тюрьмою, былъ пороховой заводъ, гдѣ постоянно работали арестанты. Я сначала самъ просилъ у смотри-

---

[20]) Въ зимнее время жители Кумуха носятъ войлочные сапоги мѣстнаго издѣлія и большіе овчинные тулупы. Нукерамъ хана было запрещено надѣвать такіе сапоги внѣ дома, а приказано было носить сафьянные сапоги. Поэтому, зимою можно было отличать нукеровъ по сапогамъ.

теля, чтобы меня тоже пустили работать на этотъ заводъ, собственно для развлеченія и чтобы оглянуть Божій свѣтъ,—но смотритель не соглашался; потомъ же началъ онъ даже силою выгонять меня на работу. Главный мастеръ завода былъ туземецъ, родомъ изъ сел. Багиклю; ханъ заставилъ его дѣлать порохъ для штуцеровъ своей первой нукерской сотни. Заводъ состоялъ изъ четырехъ ступъ, поставленныхъ подъ навѣсомъ, и работа арестантовъ состояла въ томъ, чтобы толкать рычаги ногами, опираясь на перила.

Прошелъ такимъ образомъ цѣлый мѣсяцъ. Мы, казалось, остались забытыми ханомъ. Единственное развлеченіе наше за это время было работать днемъ на заводѣ, а по вечерамъ болтать съ караульщиками.

Караулъ надъ арестантами назначался изъ жителей сел. Кумуха, по очереди: днемъ по два узденя, а по вечерамъ по четыре человѣка изъ куловъ, т. е. изъ такихъ обывателей, которые происходили изъ крѣпостнаго сословія. На это была воля хана, что однако не нравилось жителямъ, въ особенности куламъ. Караульщики сообщали намъ всѣ новости и старались утѣшать насъ по возможности, видя въ насъ несчастныхъ жертвъ ханскаго гнѣва. Впродолженіи одного мѣсяца, одни изъ арестантовъ были освобождены, другихъ на мѣсто ихъ посадили. Смотритель бралъ отъ освобожденнаго—отъ арестанта верхней комнаты по 20 к., а изъ ямы по 1 рублю. Арестанты содержались на свой счетъ, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали къ дальнимъ обществамъ, откуда не могли доставлять имъ пищу во всякое время. Для такихъ арестантовъ присылали съ ханскаго двора толокно изъ ячменя съ водою, а изрѣдка, по праздникамъ, и немного сыру.

Чрезъ нѣсколько недѣль арестантская обратилась для меня въ обыкновенное жилище, такъ что старикъ Гасанъ говорилъ мнѣ часто: „ты все думаешь, что это мечеть! завидую тебѣ.“ Между тѣмъ смотритель нашъ, давно узнавшій о томъ, что отецъ мой хлопочетъ чрезъ приближенныхъ къ хану людей о моемъ освобожденіи, хотѣлъ непремѣнно причислить меня съ товарищемъ къ чис-

лу тѣхъ, которые должны были, освобождаясь, платить ему по 1 рублю, т. е. онъ хотѣлъ насъ засадить въ яму.

Однажды, играя съ сыномъ пороховаго мастера, я получилъ отъ него сильный ударъ желѣзною палочкою, взятою имъ изъ завода, послѣ чего онъ выбѣжалъ на дворъ, оставивъ у меня въ рукахъ эту палочку, и сталъ дразнить меня изъ-за стѣнки арестантской комнаты. Такъ-какъ караульщики не выпустили меня погнаться за нимъ на дворъ, то я пробилъ стѣну и, сдѣлавъ въ ней отверстіе, бросилъ въ противника желѣзную палочку въ грудь, отъ чего онъ упалъ съ крикомъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого вошелъ къ намъ смотритель и какъ нарочно сталъ осматривать стѣны комнаты. Увидѣвъ пробитую мною дыру, сталъ онъ кричать, что тутъ непремѣнно обнаруживается желаніе наше убѣжать, и сталъ угрожать намъ, что онъ донесетъ объ этомъ хану. Долго мы упрашивали его не доносить, потому что ханъ могъ за это приказать убить насъ, не разбирая въ чемъ дѣло; но все было напрасно, и чѣмъ мы, съ караульщиками, больше его упрашивали, тѣмъ больше онъ упорствовалъ и угрожалъ не только намъ, но даже и караульщикамъ, за то, что они не хорошо наблюдаютъ за нами. Тутъ онъ показалъ свои полуотрѣзанныя уши, говоря, что и имъ, караульщикамъ, достанется тоже самое, что и у нихъ скоро будетъ по половинкѣ ушей на мѣсто цѣлыхъ. Дѣйствительно, тутъ было чего испугаться. До этого времени я не зналъ исторіи про его уши; но въ этотъ день намъ разсказалъ эту исторію одинъ соучастникъ нашего смотрителя въ потерѣ ушей, по имени Руго, который являлся почти каждую ночь насъ караулить: онъ ходилъ въ караулъ и за себя и за другихъ куловъ, получая за то плату или угощеніе бузою.

Руго разсказалъ намъ слѣдующее:

„Въ прошломъ году я ходилъ въ караулъ также часто, какъ и теперь. На дворѣ арестантской тогда не было пороховаго завода, а на томъ самомъ мѣстѣ жили гуси ханскіе. Однажды, ночью, откуда-то забрался во дворъ волкъ и унесъ одного гуся. На крикъ несчастной чужестранной птицы, мы всѣ, караульщики, бросились въ погоню. Ночь была темная, ничего не было видно;

крикъ гуся вскорѣ затихъ въ пашняхъ, около деревни, и мы возвратились назадъ. Но въ то время, по почамъ, самъ ханъ иногда ходилъ по аулу, переодѣтый, съ однимъ или съ двумя нукерами, которые шли за нимъ поодаль, незамѣтно. На крикъ гусей какъ разъ самъ ханъ явился и узналъ, въ чемъ дѣло. На другой-же день приказалъ онъ заарестовать смотрителя и насъ всѣхъ, караульщиковъ, а потомъ высѣкъ публично и отрѣзалъ намъ уши. Вотъ и теперь, вѣроятно, этотъ оселъ (т. е. смотритель) боится потерять и остатки своихъ ушей“... заключилъ Руго.

Между тѣмъ злой смотритель уже отправился съ докладомъ во дворецъ. Чрезъ нѣсколько часовъ явилась къ намъ коммисія, для осмотра стѣны, и, къ моему счастію, во главѣ этой коммисіи стоялъ, сравнительно добросовѣстный, старикъ, старый дворецкій хана, Назыръ-Сулейманъ, которому я разсказалъ все какъ было. Назыръ, убѣдившись въ справедливости моихъ словъ, заключилъ, что тутъ нечего докладывать хану, а все-таки, чтобы успокоить смотрителя, заявлявшаго свои опасенія, что мы можемъ убѣжать изъ тюрьмы, приказалъ посадить меня съ товарищемъ въ яму, что и было исполнено немедленно.

Въ это время въ ямѣ было семь человѣкъ; изъ нихъ шесть мужчинъ и одна женщина. Двое изъ мужчинъ были закованы въ кандалы, а у одного, по имени Тупчи-Юсуфъ, были закованы ноги и руки. Бодрый и молодой человѣкъ этотъ находился въ такомъ заточеніи уже почти цѣлый годъ. Онъ былъ изъ собственныхъ ханскихъ раятовъ и служилъ при ханѣ. Однажды, онъ почуялъ для себя опасность по какому-то дѣлу и, взявъ собственную лошадь хана, убѣжалъ къ мюридамъ днемъ. Подобный поступокъ своего-же раба сильно огорчилъ хана, и онъ строго приказалъ поймать его. Убѣжавъ, Юсуфъ ктому-же раздражалъ хана своими набѣгами и воровствомъ. Наконецъ, подкупленный ханомъ, двоюродный братъ Юсуфа приманулъ его къ себѣ ночью, и, нечаянно схвативъ его, когда тотъ занятъ былъ ѣдою, связалъ ему руки и предалъ въ руки ханскаго право-

судія. Ханъ не нашелъ болѣе жестокаго наказанія для него, какъ на всю жизнь заключить въ яму, заковавъ ему сначала только ноги. Но Юсуфъ вздумалъ убѣжать изъ ямы, и съ согласія прочихъ арестантовъ, вырылъ изъ нея подземный ходъ наружу, къ боковой улицѣ. Все уже было готово къ побѣгу, какъ вдругъ случилось, что одного арестанта освободили и этотъ освобожденный высказалъ тайну своихъ товарищей. Послѣ этого Юсуфу сковали и руки, завернувъ ихъ назадъ, такъ, что онъ ѣлъ, обыкновенно, наклоняясь къ пищѣ ртомъ, какъ животное, а для отправленія естественной нужды у него была отрѣзана часть шароваръ. Единственное желаніе его было поскорѣе разстаться съ жизнію, такъ-какъ на свободу не было у него ни малѣйшей надежды. Наконецъ, по просьбѣ стариковъ, ханъ согласился покончить съ нимъ,—и однажды ночью къ ямѣ пришло нѣсколько нукеровъ: вытащили Юсуфа, будто-бы для освобожденія, но онъ хорошо понялъ въ чемъ дѣло, и потому сначала помолился Богу, а потомъ простился съ нами, говоря: „иду, братцы, и больше не увижу васъ; иду охотно — и радъ и доволенъ судьбою. Мой удѣлъ былъ таковъ! Лучше разомъ покончить съ жизнію, чѣмъ терпѣть и мучиться постоянно". На другой день намъ разсказали, что Юсуфа изрубили.

Яма была вырыта четырехугольно и внутри выложена камнями, безъ цемента. Она имѣла глубины около $1\frac{1}{2}$ сажени, а ширины 1 сажень. Въ одномъ изъ угловъ ея была поставлена маленькая кадушка для естественной надобности и около этой-же кадушки уголъ былъ заложенъ камнями, гдѣ умывались арестанты. Полъ былъ, разумѣется, земляной и почти постоянно мокрый отъ сырости, а стѣны, почернѣвшія отъ дурнаго воздуха, постоянно были покрыты крупными каплями росы,—точно плакали онѣ надъ судьбой своихъ печальныхъ жильцовъ. Полъ былъ застланъ сперва соломой, а потомъ каждый подстилалъ подъ себя или коврикъ или-же какую-нибудь одежду. Лежать намъ не было возможности, а спали мы почти другъ на другѣ въ сидячемъ положеніи. Всѣ арестанты были постоянно въ однѣхъ рубашкахъ, и не смотря на то, что на дворѣ была суровая зима, у насъ было жарко и

душно. Главное затруднительное положеніе наше состояло въ томъ, что между нами была женщина и, вопреки строгаго нравственнаго характера горцевъ-мужчинъ, судьба поставила ихъ въ необходимость терпѣть все, а главное выходить за естественной нуждою тутъ-же, въ полутора шагахъ отъ женщины. Днемъ въ ямѣ было всегда темно, а ночью ее тускло освѣщала нефтяная лампа (чирахъ) до самаго утра.

Въ первые дни я заболѣлъ отъ смрада и нестерпимой духоты; но потомъ, постепенно, привыкъ и точно совсѣмъ потерялъ обоняніе.

Нѣкоторые арестанты занимались гимнастикою, во избѣжаніе вреда отъ неподвижнаго сидѣнія: они прыгали, ломали себѣ ноги и протягивали ихъ. Женщину въ скоромъ времени освободили, съ ней еще двухъ мужчинъ,—и намъ стало просторнѣе.

Такимъ образомъ я пробылъ въ ямѣ цѣлый мѣсяцъ и за это время не видалъ неба ни разу. Отъ скуки мы сочиняли стихи, арабскіе и казикумухскіе, но записывать ихъ не было возможности, потому что не было свѣта. Но все-же мы такъ часто пѣли ихъ, что послѣ освобожденія я припомнилъ ихъ легко и написалъ нѣкоторыя изъ нихъ на бумагѣ.

Чувствуя, что я не преступникъ предъ закономъ Божіимъ, и считая себя за страдальца безвиннаго, я былъ въ душѣ спокоенъ и увѣренъ въ томъ, что на томъ свѣтѣ долженъ получить вознагражденіе за всѣ свои мученія на семъ свѣтѣ.

Но вотъ, однажды, утромъ, я услышалъ, что смотритель, подошедши къ ямѣ, зоветъ меня съ товарищемъ. Арестанты начали поздравлять насъ со свободою, а у меня началось крѣпкое біеніе сердца, и какъ только я увидѣлъ веревку, которую спустили сверху, то молча схватилъ ее, обвязалъ вокругъ стана и въ одинъ моментъ очутился въ верхней комнатѣ. Тутъ-же вытащили и товарища моего, Омара.

Простившись съ арестантами, мы вышли изъ тюрьмы, въ сопровожденіи смотрителя и двухъ ханскихъ нукеровъ. Я былъ такъ

слабъ, что едва могъ идти. У меня дрожали ноги, крѣпко билось сердце и глаза слѣпли отъ солнечнаго свѣта. При выходѣ изъ тюремнаго двора на площадь, около ханскаго дома, стояла большая толпа народа; при нашемъ появленіи, всѣ обратили на насъ любопытное вниманіе.

Неподалеку отъ воротъ ханскаго дома насъ остановили; тутъ окружилъ насъ народъ, и, будто диковинкой какой, мы стояли посреди любопытной толпы. Никто ничего не говорилъ съ нами и всѣ поглядывали между прочимъ на то, какъ два человѣка соскабливали какія-то палочки ножемъ. Я подумалъ-было, что они забавлялись, какъ это обыкновенно бываетъ въ горахъ, что человѣкъ сидитъ на сходбищѣ да отъ нечего дѣлать беретъ кусочекъ дерева и начинаетъ стружить его цѣлые часы. Но, къ ужасу нашему, забава этихъ двухъ человѣкъ была не даромъ. Скоро одинъ изъ нихъ обратился къ намъ съ словами: „Какъ вы смѣли лгать „хану?.. Онъ хотѣлъ за это сначала казнить васъ, но его упросили „дать вамъ пощаду; потомъ приказалъ-было онъ отрѣзать вамъ „языки, но, ради вашихъ молодыхъ лѣтъ и ради того, что вы „учитесь хорошо и можете быть хорошими алимами, онъ, по просьбѣ „отца твоего (обращаясь ко мнѣ) и по ходатайству моему, уменьшилъ и это наказаніе: онъ велѣлъ проткнуть эти палочки „чрезъ ваши языки и отправить васъ пѣшкомъ въ такомъ „положеніи до границы Цудахара“. Потомъ, обращаясь къ смотрителю тюрьмы и къ одному изъ нукеровъ, сказалъ: „вотъ, возьмите эти палочки и исполните волю хана“. Смотритель и нукеръ бросились къ намъ съ приказаніемъ: „высуньте языки поскорѣе“! Въ это время дрожь пробѣжала по моему тѣлу—и я высунулъ языкъ. Грубый, съ желѣзнымъ цвѣтомъ лица, смотритель стоялъ передо мной и, вынувши изъ-подъ кинжала шило, началъ втыкать его въ мой языкъ. Чувствуя, что шило было очень тупое, я оттолкнулъ его и сказалъ: „развѣ у тебя нѣтъ Бога, безсовѣстный? Возьми по крайней мѣрѣ острое шило, чтобы было легче!“ Въ это время посыпались со всѣхъ сторонъ отъ народа упреки и ругательства на смотрителя; всѣ съ негодованіемъ кри-

чали: „оселъ, у тебя нѣтъ совѣсти!“ и кто-то подалъ ему карманное шило.

Смотритель, сконфузившись, съ досадою взялъ острое шило и проткнулъ мой языкъ, а потомъ всунулъ туда палочку, приготовленную для этой операціи. Тутъ я почувствовалъ, что кто-то схватилъ сзади мою голову и держалъ ее крѣпко; обернувшись послѣ, я увидѣлъ своего отца, стоявшаго за мною. У него блестѣли слезы на глазахъ и, потупивъ взоры, онъ сказалъ: „потерпи, сынъ мой, на все воля Божія.“ Я отвернулся поскорѣе, чтобы не видѣть его, и не зналъ, куда дѣваться отъ стыда. Въ это время племянникъ хана, Гасанъ-ханъ, приказалъ четыремъ коннымъ нукерамъ, которые подъѣхали тутъ-же, отвести насъ далѣе; при этомъ онъ сказалъ: „смотрите, не вынимайте изъ ихъ языковъ палочекъ до границы ханства; не то ханъ сдѣлаетъ съ вами тоже самое.“ И мы отправились...

XI.

Не стану описывать мое печальное странствіе, подъ конвоемъ нукеровъ, отъ Кумуха до сел. Куба, пограничнаго съ обществомъ Цудахаръ. Перейду прямо ко времени возвращенія моего въ домъ родителей, куда я привезенъ былъ родственниками усталый, измученный, съ опухшимъ и пораненнымъ языкомъ.

Дома я засталъ много гостей, пришедшихъ поздравить меня и родителей моихъ съ моимъ спасеніемъ. Послѣ привѣтствій и радостныхъ слезъ, мать позаботилась пригласить знахарку, чтобы отогнать отъ меня дѣйствіе страха, могущаго впослѣдствіи имѣть дурное вліяніе на мое здоровье. Я самъ былъ свидѣтелемъ совершенія знахаркою требуемаго отъ нея дѣла. Она взяла глубокую чашку, полную воды, шепнула надъ водою что-то и велѣла мнѣ бросить туда три куска угля. Потомъ, взявъ пустой кувшинъ, ко-

торый не былъ еще въ употребленіи, и у отверстія его подожгла нѣсколько палочекъ сосноваго дерева; потомъ, перевернувъ кувшинъ вверхъ дномъ, держала отверстіе чуть не надъ водою; въ это время она тоже шептала губами, будто читая что-нибудь, и вдругъ, когда отверстіе коснулось до воды въ чашкѣ и, отъ давленія наружнаго воздуха, вода поднялась быстро, съ шумомъ, въ кувшинъ, гдѣ воздухъ сдѣлался рѣже отъ нагрѣванія, то, при этомъ естественномъ явленіи природы, присутствовавшія женщины пришли въ ужасъ и воскликнули съ удивленіемъ, что какъ было-бы опасно для моего здоровья, если-бы не были приняты такого рода мѣры для отогнанія отъ меня дѣйствія страха. Когда кувшинъ потомъ подняли, вода изъ него опять вылилась въ чашку и брошенные куски угля лежали на днѣ ея. Тогда всѣ успокоились, а мать искренно поблагодарила мою спасительницу.

Продолжительный перерывъ ученія мучилъ меня и я съ жадностію читалъ книги, по которымъ до этого времени обучался и съ которыми принужденъ былъ надолго разстаться; я-бы, не теряя времени, отправился муталимомъ къ какому-нибудь хорошему кадію, но для этого нужно было сперва пойти къ хану и выпросить билетъ, безъ котораго меня-бы не приняли нигдѣ, согласно ханскаго приказанія, даннаго въ началѣ нашего заарестованія. Прошло нѣсколько недѣль; все это время я занимался дома; но какъ-бы усердно ни учился я, все-же дома не такъ удобно учиться, какъ въ чужомъ аулѣ, гдѣ у муталима нѣтъ другаго пріюта, кромѣ одной мечети. Наконецъ, я рѣшился просить ходатайства у ханскаго письмоводителя взять для меня отъ хана билетъ. Письмоводитель этотъ былъ нашъ знакомый, добрый человѣкъ, принимавшій участіе въ освобожденіи меня изъ ямы. Но убѣжденный въ томъ, что ханъ не только не дастъ мнѣ билета, но можетъ еще разсердиться за напоминаніе обо мнѣ, онъ совѣтывалъ мнѣ оставить Казикумухъ и отправиться въ какое-нибудь чужое общество, гдѣ-бы не дѣйствовала власть хана. При этомъ онъ совѣтовалъ не ѣхать только въ Кюринское ханство, потому что нашъ ханъ былъ

во враждебныхъ отношеніяхъ съ кюринскимъ ханомъ, и вообще они оба терпѣть не могли другъ друга.

Оставалось послѣдовать такому совѣту. Поэтому я поѣхалъ въ сел. Балхаръ, гдѣ былъ кадіемъ въ то время извѣстный ученый—Мама-Тата. Селеніе это хотя входитъ въ составъ Даргинскаго округа и жители его говорятъ по-акушински, но они все-же природные лаки. Селеніе это замѣчательно тѣмъ, что здѣсь выдѣлываютъ глиняную посуду, что и даетъ средства къ существованію его жителямъ. Они развозятъ своего издѣлія посуду на эшакахъ и лошадяхъ почти по всему Дагестану и обмѣниваютъ ее на хлѣбъ, мясо и т. п. Каждый домъ, а иногда нѣсколько домовъ, имѣютъ свой отдѣльный заводъ, гдѣ обжигаютъ разнаго рода сосуды [21]). Если, по какому-нибудь непредвидѣнному случаю лопнутъ сосуды въ обжигательной печи, то это служитъ бѣдой для хозяевъ. Тогда плачутъ они, точно какъ-бы умеръ самый любимый членъ ихъ семейства. Въ подобныхъ несчастныхъ случаяхъ, что бываетъ нерѣдко отъ неосторожнаго обжиганія или же отъ того, что глина не была хорошо очищена отъ мелкихъ камней, лопающихся при сильномъ жарѣ, общество не оставляетъ пострадавшихъ безъ помощи: дѣлаютъ для нихъ складчину и каждый жертвуетъ, по своему состоянію, сколько можетъ сосудовъ. Ремесло это не распространяется на остальные, даже близкіе аулы. Сосѣднее-же къ Балхару сел. Цалакянъ, расположенное на кремнистомъ грунтѣ, въ прежнее время славилось обдѣлываніемъ кремней для ружей, и жители его развозили кремни по чужимъ обществамъ и базарамъ въ большомъ количествѣ для продажи.

Балхарскій кадій принялъ меня въ мечеть, но впродолженіе трехъ дней, въ которые я считался, по обычаю муталимовъ, гостемъ, я убѣдился въ томъ, что мнѣ не удастся здѣсь продолжать свое ученіе, такъ какъ, изъ разсказовъ муталимовъ, я узналъ, что кадій рѣдко посѣщаетъ мечеть. Поэтому я рѣшился пой-

[21]) Есть поговорка, что у балхарцевъ большія ноги составляютъ одно изъ самыхъ почитаемыхъ достоинствъ жениха и невѣсты,—потому что большія ноги способны хорошо мѣсить глину для сосудовъ.

ти дальше, въ Акушу. Узнавши мое намѣреніе, муталимы балхарской мечети насказали мнѣ объ ужасахъ, которые ожидаютъ меня въ акушинской мечети. Мечеть эта построена на вершинѣ холма, возвышающагося по срединѣ аула и имѣющаго съ одной стороны скалистый утесъ, у подошвы котораго течетъ рѣчка, раздѣляющая аулъ на двѣ половины, а съ другой стороны крутую покатость. На эту покатость мечеть выходитъ тремя этажами. Въ нижнемъ и среднемъ этажахъ ея ничего не помѣщается, и они-то служатъ, по увѣренію муталимовъ, жилищемъ цѣлой арміи чертей, которые иногда забавляются пуганіемъ живущихъ въ верхнемъ этажѣ муталимовъ, отчего нѣкоторые изъ нихъ со страху бутдо-бы умерли. Мнѣ разсказывали, что иногда черти сбрасываютъ со скалы спящихъ муталимовъ, если только они, ложась спать, не вооружатся молитвенниками и кораномъ. Если-же спящій имѣетъ около себя коранъ, или молитвенникъ, то черти, не имѣя возможности подойти къ священной книгѣ, заманиваютъ спящаго куда-нибудь въ сторону, а потомъ совершаютъ съ нимъ что-угодно. Вотъ, напримѣръ, существуетъ такого рода преданіе. Одинъ новичекъ-муталимъ спалъ въ углу этой мечети и при себѣ имѣлъ молитвенникъ. Вдругъ, послѣ полуночи, его разбудилъ ужасный шумъ. Просыпается муталимъ и слышитъ веселый говоръ, пѣсни и пляски невдалекѣ отъ мечети. Шумъ быстро приближается и вотъ входятъ въ мечеть муталимы, со свѣчами въ рукахъ, съ красивыми дѣвушками. Дѣвушки весело начинаютъ бѣгать по мечети, а муталимы гоняются за ними. У новичка-муталима волосы становятся дыбомъ и онъ смотритъ съ изумленіемъ на странную игру своихъ знакомыхъ и друзей. Бѣготня кончается и начиняютъ плясать, играть на бубнѣ и балалайкѣ. Вдругъ, всѣ они стали кричать, зовутъ его по имени, въ свою компанію: онъ хочетъ о чемъ-то спросить у нихъ, но не можетъ ничего сказать, точно въ горлѣ у него пересохло и голоса не стало. Въ это время онъ видитъ свою невѣсту, которая весело пляшетъ съ человѣкомъ, котораго онъ ненавидитъ, и говоритъ невѣста: „что ты стоишь, какъ баба“? Тогда муталимъ, затронутый за живое, бросается въ компанію и оставляетъ арха-

лукъ, въ которомъ находился молитвенникъ. Невѣста, которая до тѣхъ поръ не подходила близко, бросается къ нему на встрѣчу, обнимаетъ его и цѣлуетъ въ щеку, а сама при этомъ пляшетъ и все идетъ дальше, дальше; компанія тоже вмѣстѣ съ ней удаляется, какъ въ это самое время муталимъ произнесъ имена Аллаха и Магомеда, крикнувши: „да будетъ на васъ гнѣвъ Аллаха и проклятіе Магомеда, подождите"! При этихъ словахъ вся публика разомъ, съ быстротою молніи, исчезла—и онъ остался въ непроницаемомъ мракѣ. Тогда побѣжалъ онъ, сколько могъ быстрѣе, чтобы попасть въ двери и догнать ушедшую публику, какъ вдругъ ударяется лбомъ о столбъ мечети и падаетъ безъ чувствъ. На другой день его нашли съ пѣною во рту и съ разбитою головою — и пролежалъ онъ больнымъ цѣлый годъ, послѣ чего наконецъ умеръ.

Другой случай былъ такого рода. Однажды, когда муталимы читали утромъ свои уроки, вдругъ съ чердака показалась ослиная громадная голова. Одинъ изъ муталимовъ, самый смѣлый, крикнулъ: „эй, проклятый, прочь въ адъ!" Въ это время полетѣлъ камень, попалъ въ столбъ, близъ того самаго муталима, который крикнулъ это, и разбился въ дребезги.

Также утверждали, что нашли какого-то муталима, привязаннымъ къ носилкамъ, какъ привязываютъ покойниковъ, и висѣвшаго надъ пропастью головой внизъ: значитъ, черти потѣшились надъ нимъ. А шуму, который слышенъ бываетъ почти всегда въ нижнихъ этажахъ мечети, нѣтъ и конца. Тамъ черти иногда воютъ какъ волки, иногда лаютъ какъ собаки, а иногда какъ скотина бѣгаютъ и т. п. Подобные разсказы, разумѣется, отняли у меня желаніе поселиться на житье въ акушинской мечети, и я рѣшился отправиться, съ однимъ изъ товарищей своихъ, въ Шамхальство, въ деревню Казанищи.

Предъ этимъ за нѣсколько лѣтъ, когда я былъ еще маленькимъ, отецъ возилъ меня въ эту деревню, гдѣ онъ самъ нѣкоторое время былъ муллою одного отдѣльнаго магала (квартала).

Цѣль его поѣздки состояла между прочимъ въ томъ, чтобы познакомить меня съ татарскимъ языкомъ, который считается общеупотребительнымъ на Кавказѣ. Поэтому, знаніе этого языка составляетъ одно изъ необходимыхъ условій для существованія горца. Ибо кавказскіе горцы, въ особенности дагестанскіе, живя въ самыхъ тѣсныхъ трущобахъ, гдѣ вообще мало земли, да и та по большей части не плодородна, поставлены судьбою въ необходимость имѣть постоянныя сообщенія съ жителями Закавказья и прикаспійской плоскости для пріобрѣтенія насущнаго хлѣба. Въ этихъ-то видахъ отецъ мой воспользовался случаемъ и возилъ меня съ собою на плоскость, гдѣ я впродолженіе одной зимы выучился совершенно свободно говорить на татарскомъ языкѣ, и съ тѣхъ поръ всегда, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался припоминать этотъ языкъ.

Казанищинскій кадій, учившійся въ горахъ у тамошнихъ алимовъ, былъ одинъ изъ извѣстныхъ на плоскости ученостію и знаніемъ арабскаго языка молодой человѣкъ; онъ принялъ меня въ мечеть безъ отговорокъ. У него я засталъ муталимовъ около 20; изъ нихъ большая часть были горцы, довольно взрослые, а нѣкорые даже гораздо старше по лѣтамъ самого кадія. Они жили довольно роскошно, совсѣмъ не похоже на горскихъ муталимовъ. Напака здѣсь хотя большею частію состояла изъ кукурузной муки, но зато давали ее вдоволь; у муталимовъ всегда бывало горячее (хинкалъ съ наваромъ); толокна здѣсь совсѣмъ не ѣдятъ, зато часто случается ѣсть мясо. По четвергамъ, какъ это заведено всюду на плоскости, съ жителей мы собирали муку и дрова, и ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Мы помѣщались въ отдѣльныхъ, нарочно устроенныхъ для муталимовъ комнатахъ (худжрахъ), а уроки давались намъ въ мечети. Не имѣя времени и силъ давать каждому отдѣльный урокъ, кадій ограничивался обученіемъ нѣкоторыхъ изъ старшихъ муталимовъ, въ томъ числѣ и меня, а мы, въ свою очередь, обучали младшихъ муталимовъ. Я былъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ, которое во многихъ отношеніяхъ было лучше и легче, чѣмъ въ горахъ.

Время приближалось къ лѣту и всѣ горцы, находившіеся на плоскости, устремились къ своимъ роднымъ убѣжищамъ, для предохраненія себя отъ палящихъ лучей солнца, которое въ это время говоритъ (такая есть поговорка): „гдѣ горецъ? давай его сюда!“ А я оставался совершенно спокоенъ въ своей мечети; мнѣ было весело въ средѣ муталимовъ, и, живя вмѣстѣ съ аварцами, я практиковался въ аварскомъ языкѣ, ходилъ вмѣстѣ съ товарищами воровать кукурузу, тыквы и фрукты изъ жительскихъ огородовъ и садовъ, чему мы не придавали особеннаго предосудительнаго значенія. Пришло время уразы (постъ рамазана), и намъ стало еще веселѣе. За недѣлю до поста мы приготовили бубенъ, поисправили свои сумки и запаслись палками отъ собакъ, которыхъ очень много на плоскости. Наканунѣ поста, вечеромъ, на улицахъ стали раздавать галву и печеный хлѣбъ съ масломъ, а съ наступленіемъ поста, по вечерамъ въ мечеть собиралась многочисленная толпа народа и каждый приносилъ туда по одной сальной свѣчѣ и по одной сухой лепешкѣ хлѣба. Послѣднія, послѣ совершенія вечерней молитвы, дѣлились между всѣми, а свѣчи зажигались и ставились на придѣланной вдоль стѣны деревянной палкѣ; послѣ-жъ ухода народа изъ мечети свѣчи собирали и клали въ отдѣльный ящикъ.

За часъ или два до зари, мы ходили по деревнѣ, раздѣлившись на нѣсколько партій, каждая съ бубномъ, и играя на немъ у каждаго жителя на дворѣ, пѣли арабскія пѣсни, для того чтобы разбудить хозяина къ завтраку. Проснувшись такимъ образомъ, хозяинъ давалъ намъ что-нибудь съѣстнаго, какъ-то: мяса, хлѣба, яицъ и пр., что нарочно приготовляютъ съ вечера для муталимовъ.

Собравъ такимъ образомъ довольно порядочное количество припасовъ, мы возвращались въ мечеть, гдѣ насъ ожидалъ комнатный цигоръ, съ горячимъ хинкаломъ изъ кукурузной муки, съ похлебкою. Позавтракавъ довольно сытно, мы совершали утреннюю молитву и ложились спать до поздняго утра. Я не замѣтилъ, какъ прошелъ этотъ благочестивый мѣсяцъ, который мы

провели такъ весело, не безъ пріятныхъ размышленій и о будущемъ праздникѣ, въ день окончанія поста. Еще сначала второй половины этого поста замѣтно было, какъ жители приготовлялись къ празднику: мужчины часто возили дрова въ Шуру на продажу и возвращались съ какою-нибудь покупкою для кого-либо изъ членовъ своего семейства, какъ-то: сафьяна на чевяки, ситца для платья и проч. Женщины тоже ходили большими толпами на шуринскій базаръ, для продажи яицъ, куръ, масла, хлѣба, и также возвращались домой съ разными покупками. Мальчики въ свою очередь озабочены были пріискиваніемъ крѣпкихъ яицъ или-же приготовляли поддѣльныя, для того, чтобы бить чужія; словомъ, всѣ безъ исключенія приготовлялись и весело ожидали приближавшагося торжественнаго дня. Наконецъ наступило такъ нетерпѣливо ожидаемое время: это былъ послѣдній день поста.

Вечеромъ этого дня, преждевременно начали дымить трубы и вездѣ по улицамъ воздухъ былъ наполненъ ароматомъ, распространявшимся отъ зажигаемыхъ нарочно въ этотъ вечеръ душистыхъ веществъ. Вездѣ замѣтны были оживленіе и суета; на лицѣ каждаго выражалась радость.

Послѣ вечерняго намаза, разговѣвшись слегка, мы вышли съ бубномъ и начали ходить изъ двора въ дворъ, распѣвая подъ бубенъ арабскіе стихи цѣлымъ хоромъ. Намъ давали по цѣлому хлѣбу или по куску галвы, мясо, крашеныя яйца и пр. Сборъ продолжался до полуночи, и вездѣ получая что-нибудь безъ отказа, мы успѣли собрать довольно большое количество съѣстныхъ припасовъ, такъ-что послѣ праздника мы насушили лучшаго хлѣба такое количество, котораго достало намъ почти на цѣлый мѣсяцъ.

Возвратившись поздно въ мечеть, мы легли спать и встали съ разсвѣтомъ. Народъ началъ стекаться въ мечеть со всѣхъ сторонъ, и до восхожденія солнца мечеть была уже полна. Кадій, взлѣзши на деревянную тахту, проповѣдывалъ народу о необходимости покаяться въ своихъ грѣхахъ. По окончаніи молебствія начались поздравленія съ праздникомъ и пожеланія другъ другу,

чтобы Богъ принялъ уразу, при чемъ сильно пожимали другъ другу руки. Какъ только народъ разошелся по домамъ, мы, муталимы, поторопились надѣть па себя все что имѣли новаго и чистаго изъ одежды, и отправились поздравлять знакомыхъ жителей съ праздникомъ.

Въ аулѣ, по улицамъ, тѣснились толпы мужчинъ и женщинъ всякаго возраста, принаряженныхъ въ праздничныя одежды и ходившихъ другъ къ другу съ поздравленіями.

Замѣчу, что на плоскости существуетъ обычай, котораго не встрѣчается у горцевъ: при встрѣчѣ молодаго человѣка съ знакомою дѣвушкою, мужчина обнимаетъ дѣвушку и они обмѣниваются крашеными яицами, какъ это бываетъ на пасху у христіанъ, съ тою только разницею, что христіане цѣлуются другъ съ другомъ безъ различія пола, а тамъ обнимаютъ только дѣвушекъ. Дѣвушки стараются уклоняться отъ этихъ объятій, какъ-бы изъ приличія; но сопротивленіе и отговорки съ ихъ стороны бываютъ безполезны при настойчивости молодыхъ людей, которые, пользуясь правами, предоставленными имъ обычаемъ, ни за что не пропускаютъ удобнаго случая обнять въ этотъ день знакомую дѣвушку.

Всюду, куда мы ни заходили, были поставлены въ убранной, по состоянію каждаго, комнатѣ большіе круглые подносы, на которые было положено по-нѣсколько цѣлыхъ большихъ хлѣбовъ; надъ хлѣбами стояли чашки съ супомъ изъ баранины, который хозяйка подливала изъ горячаго котла, при появленіи каждаго новаго гостя; около этого подноса были поставлены и другіе подносы съ галвою, крашеными яицами, медомъ, фруктами и сластями [22]).

Для отдаванія визитовъ въ этотъ день большею частію собирается по-нѣсколько товарищей и вмѣстѣ ходятъ къ знакомымъ.

---

[22]) Въ послѣднее время каждый болѣе состоятельный житель накрываетъ столъ по-европейски и ставитъ на немъ разныя закуски и сладости въ тарелкахъ.

Сначала поздравляютъ близкихъ стариковъ и старухъ, а потомъ и другихъ знакомыхъ. Явившіеся съ поздравленіемъ непремѣнно должны сѣсть за столъ и поѣсть чего нибудь, а потомъ, получивъ по одному крашеному яйцу, уходятъ. Въ этотъ день, у каждаго жителя найдутся въ изобиліи спиртуозные напитки, напр., водка, ромъ, бальзамъ, а у нѣкоторыхъ и вино.

Трудно встрѣтить въ этотъ день 5 человѣкъ, изъ которыхъ бы двое не были пьяны. До обѣда молодые люди дѣлаютъ визиты, выпивая вездѣ по нѣсколько рюмокъ водки, а послѣ обѣда начинается общій кутежъ и общее гулянье. Вездѣ слышны пѣсни, звуки музыки, пляска и всякаго рода веселые голоса людей. Молодые люди, собравшись у кого-нибудь изъ своихъ товарищей, первымъ дѣломъ назначаютъ изъ среды себя одного главу и называютъ его шахомъ. Къ нему назначаютъ еще помощника, если публика многочисленна; назначаютъ также кадія, есауловъ и чаушей, которые приводятъ приказанія шаха немедленно въ исполненіе. Остальная компанія повинуется шаху безпрекословно. Шахъ сидитъ на почетномъ мѣстѣ, съ надлежащею важностію, говоритъ тихо, чинно и съ достоинствомъ и не позволяетъ себѣ разговаривать съ кѣмъ-нибудь изъ компаніи, кромѣ какъ съ своимъ визиремъ, который передаетъ слова его кому слѣдуетъ. Онъ смотритъ главнымъ образомъ за порядкомъ и не позволяетъ никому безчинствовать. Если-же кто-нибудь позволитъ себѣ какое-нибудь неприличіе— или слишкомъ шумѣть, или ссориться, то шахъ дѣлаетъ замѣчаніе, выговоръ или наказываетъ таковыхъ по своему усмотрѣнію. Если-же онъ находитъ нужнымъ удалить кого-нибудь изъ компаніи, то дѣлаетъ это съ помощію своихъ есауловъ, и никто не смѣетъ сердиться на него за это. Хозяинъ дома, у котораго собралась такая веселая компанія, старается по возможности предоставить гостямъ всевозможныя удобства и готовъ отдать свой послѣдній кусокъ хлѣба, лишь-бы не показать гостямъ вида, что они его стѣсняютъ. Онъ собираетъ молодыхъ дѣвушекъ, живущихъ по сосѣдству, а также родныхъ и знакомыхъ женщинъ, чтобы этимъ еще болѣе развеселить гостей, и тутъ-то начинается выпив-

ка. Больше всего пьютъ чистую водку, закусывая въ промежуткахъ понемногу, пьютъ также джабу (кипяченое вино) и очень рѣдко бузу. Дѣвушки, обыкновенно, стоятъ въ углу комнаты, поютъ пѣсни хоромъ и пляшутъ вмѣстѣ съ мужчинами; пѣсни эти бываютъ любовнаго содержанія, а также заключаютъ въ себѣ похвалы шаху и другимъ присутствующимъ гостямъ. Посидѣвъ нѣсколько времени, шахъ отправляется съ своею компаніею къ другому хозяину, гдѣ происходитъ тоже самое. Такимъ образомъ пьянство продолжается три дня сряду. Въ эти дни бываетъ много несчастныхъ случаевъ, такъ что ни одинъ такой праздникъ не проходитъ безъ того, чтобы въ аулахъ не было убито и поранено нѣсколько человѣкъ. Молодые люди при такихъ гуляньяхъ имѣютъ обыкновеніе стрѣлять изъ пистолетовъ во время танцевъ и часто отъ этихъ выстрѣловъ страдаютъ присутствующіе (я помню, что въ 1864 году, въ одинъ изъ такихъ праздничныхъ дней, было убито только въ однихъ окрестныхъ аулахъ Темиръ-Ханъ-Шуры 4 человѣка). Мы, какъ муталимы, не могли участвовать въ пирушкахъ, изъ приличія, а только смотрѣли и любовались со стороны.

Въ этотъ день, кромѣ частныхъ пожертвованій, которыя поступаютъ въ безотчетное распоряженіе муталимовъ, мы получили значительное количество зерноваго хлѣба изъ *саховъ*, которое мы сами собрали изъ всѣхъ маленькихъ мечетей. Селеніе Казанищи имѣетъ около десяти кварталовъ и въ каждомъ кварталѣ имѣется особая маленькая мечеть, куда ходятъ жители молиться въ обыкновенные дни, исключая пятницы; въ этотъ-же день всѣ жители собираются въ главную мечеть, называемую джума-меджетъ, т. е. мечеть, въ которой совершается молитва въ пятницу. Въ этой-то главной мечети живутъ и муталимы. Въ день окончанія рамазана всякое семейство обязано пожертвовать по одной мѣркѣ зерноваго хлѣба съ каждой души въ пользу бѣдныхъ. Мѣрка эта называется сахъ и всякій доставляетъ свои сахи въ свою магальную мечеть, гдѣ мулла раздаетъ ихъ бѣднымъ и оставляетъ часть особо для муталимовъ: вотъ эти-то сахи мы и собрали изъ магальныхъ мечетей.

XII.

Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ была, такъ называемая, мусульманская школа, гдѣ обучались дѣти туземцевъ всякаго возраста арабскому и русскому языкамъ.

Меня давно интересовала русская грамота и я имѣлъ сильное желаніе изучить ее. Одинъ изъ учениковъ этой школы, учившійся въ ней уже четыре года, пріѣхалъ въ то время домой, въ Казанищи, на каникулы. Ученикъ этотъ приходилъ часто въ мечеть и бралъ у меня уроки арабскаго языка. Пользуясь этимъ случаемъ, я въ свою очередь сталъ учиться у него русской грамотѣ. Но такъ какъ у насъ не было печатной азбуки, то я изучилъ письменныя буквы и въ скоромъ времени могъ уже разбирать четко-написанныя рукописи и даже началъ самъ писать по-русски. Тогда у меня явилось еще болѣе сильное желаніе обучиться русскому языку. Но обнаружить кому-нибудь свое желаніе я пока не рѣшался, такъ какъ даже за то, что я началъ писать вездѣ, гдѣ только находилъ гладкое мѣсто, какія-нибудь слова или имена русскими буквами, и за то, что я осмѣлился принести въ мечеть русскую пропись, всѣ муталимы стали сильно упрекать меня, говоря, что я занимаюсь недобрымъ дѣломъ, что я не боюсь грѣха.

Между тѣмъ желаніе мое нисколько чрезъ это не уменьшилось, а напротивъ, я сталъ уже подумывать о томъ, какъ-бы мнѣ поступить въ темиръ-ханъ-шуринскую мусульманскую школу. Вышеупомянутый ученикъ расказывалъ мнѣ съ восторгомъ о своей школьной жизни и описывалъ ее самыми блестящими и соблазнительными красками; онъ совѣтовалъ мнѣ пойти съ нимъ въ Шуру, обѣщая мнѣ свое ходатайство у своего родственника, который былъ учителемъ арабскаго языка въ этой школѣ.

Время клонилось къ осени, когда школьники покидаютъ родительскіе дома и собираются въ школу, — вотъ и я также отправился въ Шуру, представился тамъ учителю арабскаго языка, которому реко-

мендовалъ меня мой бывшій ученикъ, и я былъ принятъ въ число пансіонеровъ школы, безъ всякихъ справокъ о томъ, кто я и кто мои родители, а единственно по одному личному моему заявленію.

Узнавши объ этомъ, отецъ прискакалъ ко мнѣ, точно для спасенія погибающаго; онъ былъ въ сильномъ негодованіи на мой поступокъ. Онъ считалъ для себя унизительнымъ, что сынъ его поступилъ въ русскую школу, гдѣ, по его мнѣнію, станутъ обучать меня Евангелію и потомъ заставятъ выкреститься; онъ даже хотѣлъ просить начальство, чтобы меня выключили изъ школы. Но я умолилъ его, чтобъ онъ позволилъ мнѣ остаться въ школѣ хотя на одну зиму, доказывая, что я поступилъ туда не для изученія Евангелія, а для продолженія занятій своихъ по изученію арабскаго языка. Долго онъ не соглашался, и только объясненія учителя этого языка убѣдили его въ безвредности для меня школьнаго ученія; но все-таки онъ неохотно согласился оставить меня въ Шурѣ.

Горцы судятъ обо всемъ по своему: они думаютъ, что русскіе обучаютъ дѣтей прежде всего читать Евангеліе, какъ у нихъ обучаютъ читать коранъ, потомъ учатъ догматамъ христіанской религіи и т. д. Всякую русскую рукопись они называютъ Евангеліемъ и потому порядочный мусульманинъ не броситъ бумажки, исписанной по-русски, въ нечистое мѣсто, предполагая, что, можетъ быть, тамъ написано имя Божіе. Они вѣруютъ въ Евангеліе и въ Іисуса Христа, но увѣрены также и въ томъ, что въ настоящемъ Евангеліи велѣно Богомъ, чтобы всѣ христіане послѣдовали Магомеду, когда онъ явится, и что священники выкинули это мѣсто изъ Евангелія. Они также увѣряютъ, что глубоко-ученый священникъ (какъ они выражаются) открываетъ истину и переходитъ въ исламъ. Совершенно такое-же мнѣніе имѣютъ мусульмане и объ евреяхъ. Вообще-же горцы смотрятъ на христіанъ, какъ на идолопоклонниковъ, за то, что они молятся кресту, который горцы называютъ русскимъ Богомъ. Поэтому, многіе мусульмане, имѣющіе знаки отличія военнаго ордена, снимаютъ ихъ съ себя при совершеніи намаза.

Съ поступленіемъ моимъ въ школу окончились и мои муталимскія странствованія.

Заключеніе.

Для ознакомленія читателей съ характеромъ и объемомъ тѣхъ знаній, которыя пріобрѣтаются муталимами за все время ихъ, нерѣдко многолѣтняго, ученія, я сообщу здѣсь нѣсколько чертъ, характеризующихъ дагестанскую ученость вообще.

Ученые въ горахъ подраздѣляются, такъ сказать, на три вида: это—суфи, муллы и алимы. Обыкновенно, горецъ, изучившій арабскую азбуку на столько, что можетъ читать хорошо и ясно рукописный коранъ и молитвы, по большей части оканчиваетъ курсъ своего ученія тѣмъ, что заучиваетъ еще маленькія книжки „Мухтасаруль-мингажъ (Сокращенные пути)" и „Марипатуль-исламъ" (Познаніе ислама), т. е. самыя начальныя правила мусульманской вѣры. Изъ прошедшихъ такой курсъ ученія горцевъ нѣкоторые соблюдаютъ потомъ въ жизни строгій, честный и нравственный образъ жизни, избѣгаютъ всего запрещаемаго религіею, какъ-то: убійства, воровства, лжи, клеветы, куренія табаку, употребленія спиртныхъ напитковъ и т. д., не пропускаютъ обязательныхъ молитвъ, по возможности часто посѣщаютъ мечеть, соблюдаютъ чистоту тѣла и стараются дѣлать все то, что религія требуетъ отъ хорошаго мусульманина. Этотъ самый полезный для общественнаго спокойствія классъ людей, хотя легковѣрный и послушный всему, что имъ проповѣдуютъ болѣе ихъ ученые,—называется *суфіями*. Тѣ-же, которые продолжаютъ учиться по-арабски и успѣваютъ пріобрѣсти на столько знанія въ арабскомъ языкѣ, что могутъ читать коранъ съ переводомъ его изреченій на туземный языкъ, а также могутъ хотя сколько-нибудь грамотно писать по-арабски, — называются *муллами*. Наконецъ, тѣ, которые оканчиваютъ всю принятую въ горахъ программу ученія и пріобрѣтаютъ извѣстность своими познаніями, на-

зываются *алимами* [23]). Это послѣднее званіе тоже имѣетъ свои степени, сообразно пріобрѣтенной славы, какъ-то: хорошій алимъ, отличный алимъ, мореподобный алимъ и т. д.

Программа ученія, принятая въ горахъ, заключается въ слѣдующемъ: по окончаніи арабской азбуки, которой горскія дѣти учатся у отдѣльныхъ частныхъ лицъ, обучаются самымъ необходимымъ правиламъ религіи, какъ-то: вѣрованію въ единство Божіе, признанію добра и зла, существованію ангеловъ и пророковъ, а также тому, какъ нужно молиться, въ чемъ состоитъ молитва и что значитъ исламизмъ. Объясненіе этихъ необходимыхъ для каждаго мусульманина началъ религіи заключается въ книгѣ *Усуладдинъ*. Послѣ этого начинаютъ заучивать книгу *Тасрифъ*. Это—коротенькая, сокращенная арабская грамматика, заключающая въ себѣ этимологію. Потомъ учатъ такой-же величины книжку *Міатуамилъ*, объясняющую измѣненія окончаній словъ. Изъ содержанія этихъ книжекъ ученикъ ровно ничего не понимаетъ, и только зазубриваетъ ихъ наизусть, съ переводомъ на туземный языкъ. Вслѣдъ за этимъ учатъ книгу *Анамузаджъ*, нѣсколько побольше первыхъ и объясняющую также правила измѣненія окончаній словъ. Потомъ берутся за книгу *Саадуддинъ*, которая служитъ объясненіемъ книженки *Тасрифъ*. Далѣе, принимаются за книгу *Динкузи*, также объясняющую словопроизводство, и еще за книгу *Вафія*, того-же содержанія. Вслѣдъ за тѣмъ учатъ довольно большую книгу *Джами*, объясняющую правила измѣненія окончаній словъ и значеніе слоговъ. Ученикъ, дошедшій до этихъ послѣднихъ книгъ, начинаетъ уже самъ понимать читаемое и, сообразно своимъ способностямъ, получаетъ большую или меньшую степень извѣстности между другими хорошими или плохими учениками. Тогда онъ по большей части бываетъ въ состояніи понимать письма, сочинять ихъ, но переводить что-либо изъ корана—считается для него грѣхомъ до тѣхъ поръ, пока онъ учитъ его по дик-

[23]) Т. е. знающими, учеными. Въ Закавказскомъ краѣ и въ Закатальскомъ округѣ они называются эфендіями.

товкѣ учителя. Потому что коранъ считается недоступнымъ пониманію, прежде чѣмъ не прочтутся и изучатся толкованія его.

По окончаніи *Джами*, приступаютъ къ изученію нѣсколькихъ книгъ, заключающихъ въ себѣ начала логики, а именно *Иса-Гуджи*, *Шамсія* и *Фанари*. Наука эта, не смотря на ея важное значеніе, не играетъ почти никакой роли въ учености горца и не примѣняется имъ къ практикѣ. Наука эта называется у насъ *Мантикъ* и она опредѣляется такъ: „*Мантикъ есть систематическое орудіе, которое охраняетъ мысли отъ ошибокъ*". Такъ какъ вообще всѣ науки, употребляемыя въ преподаваніи у мусульманъ, направлены къ одной и той-же цѣли, а именно—къ упроченію религіозныхъ убѣжденій, то нѣкоторые старинные ученые, какъ напр. Ибно-Салахъ и Новави, положительно запрещаютъ учиться логикѣ, какъ запрещаютъ вообще всѣ науки, способствующія развитію человѣка, какъ-то: философію, астрономію, естествознаніе и пр.; но нѣкоторые изъ ученыхъ считаютъ изученіе логики даже обязательнымъ. Впрочемъ, самымъ основательнымъ мнѣніемъ относительно изученія ея считается то, что наука эта позволительна только тому, кто имѣетъ здравый разсудокъ (т. е. непоколебимыя убѣжденія въ религіи). Поэтому, логика, употребляемая у мусульманъ, имѣетъ прямою цѣлію—служить въ помощь доказательствамъ тѣхъ оснований, на которыхъ стоитъ коранъ. Вслѣдъ за логикой изучаютъ книгу *Маанъ* (риторика), объясняющую правила краснорѣчія арабскаго языка, причемъ имѣется цѣлію доказать высокое краснорѣчіе корана, которое считается однимъ изъ главныхъ чудесъ пророка. Ни одинъ краснорѣчивый арабскій поэтъ не могъ составить хотя-бы и одну фразу, соотвѣтствующую по краснорѣчію какой-либо фразѣ изъ корана. И потому мусульманская риторика признаетъ краснорѣчіе корана сверхъестественнымъ, недоступнымъ человѣческимъ дарованіямъ. Наука эта, сама по себѣ, составляетъ весьма пріятное и любимое муталимами развлеченіе, потому что, разбирая краснорѣчіе арабскаго языка, разсуждаютъ вообще о лучшихъ произведеніяхъ древнихъ арабскихъ поэтовъ.

За риторикою проходятъ нѣсколько книжекъ, заключающихъ въ себѣ правила арабскаго стихосложенія. Вслѣдъ за этимъ начинается изученіе юридическихъ книгъ и преимущественно книги *Магаллы*, въ двухъ частяхъ. Книга эта заключаетъ въ себѣ всѣ законы мусульманъ, т. е. духовные, гражданскіе, уголовные и военные. Далѣе изучается книга *Джалалъ*. Она заключаетъ въ себѣ въ цѣлости коранъ, съ толкованіями смысла каждаго стиха, а равно толкованія его различными комментаторами, съ объясненіемъ основаній каждаго изъ нихъ. Потомъ изучаютъ книгу *Ибну-Гаджаръ*, самую основательную книгу мусульманскаго законовѣдѣнія, въ двухъ частяхъ. Потомъ проходятъ еще книгу *Джавамэ*, заключающую въ себѣ вообще изложеніе основаній мусульманскаго законодательства. Затѣмъ рѣдко кто проходитъ математику и еще такъ называемую науку о единствѣ Божіемъ. Послѣдняя наука, въ лицѣ книги *Акаидъ*, считается почти необходимостью для истиннаго мусульманина. Она доказываетъ съ философской точки зрѣнія начало міра, существованіе Бога, единство Его и то, какъ человѣкъ обязанъ исполнять молитвы; доказываетъ также существованіе добра и зла, наградъ и наказанія въ загробной жизни, съ изложеніемъ доводовъ противу людей, не признающихъ таковыхъ.

Вотъ и весь самый высшій курсъ дагестанскаго мусульманскаго ученія, которое кончаютъ послѣ 10—15 лѣтнихъ трудовъ. Изъ настоящей программы читатель можетъ понять, что именно называется ученостью у дагестанскихъ горцевъ, которые въ этомъ отношеніи имѣютъ значительное превосходство передъ прочими кавказскими горскими племенами [21]).

Всякій учащійся оставляетъ ученіе, по личному желанію или же по семейнымъ обстоятельствамъ. По прекращеніи своего ученія,

---

[21]) Необходимо при этомъ еще замѣтить, что программа эта не обусловливаетъ собою опредѣленнаго круга знаній, усвоеніе которыхъ считалось-бы обязательнымъ для муталима. Нѣтъ. Для муталима считается обязательнымъ, такъ или иначе, учиться по всѣмъ тѣмъ книгамъ, которыя выше поименованы, и притомъ учиться по нимъ въ той постепенности или же въ томъ порядкѣ, какой мною указанъ. Названія поименованныхъ книгъ означаютъ слѣдующее: *Тасрифъ* (отъ слова *сарф*)—превращеніе; *Усуладдинъ*—основаніе религіи; *Анамузаджъ*—горсть (авторъ этой книги сравниваетъ ее съ

горецъ не получаетъ никакихъ правъ и преимуществъ между своими единоплеменниками. Никакихъ экзаменовъ или испытаній въ степени учености не дѣлается. Кто поставитъ себя въ глазахъ народа на хорошемъ счету, какъ въ отношеніи своей нравственности, такъ и въ отношеніи своихъ способностей и знаній, того называютъ *алимомъ* (ученымъ) и почитаютъ его. Такое лицо всегда стоитъ въ мечети въ первомъ ряду; на похоронахъ, свадьбахъ, общественныхъ сходбищахъ даютъ ему почетное мѣсто; а когда случается общественное дѣло, какъ напр. тяжба между аулами или обществами, тогда такого ученаго посылаютъ въ качествѣ депутата или уполномоченнаго повѣреннаго по общественнымъ дѣламъ, и онъ въ подобныхъ случаяхъ встрѣчаетъ такого-же соперника съ противной стороны. Между ними происходитъ, такъ сказать, ученое состязаніе. Такіе люди вообще придерживаются строгой, нравственной жизни, потому что на нихъ замѣтна всякая малость въ отступленіи отъ правилъ религіи и отъ нихъ не терпится то, что отъ другого, неграмотнаго, считаютъ за ничто. Грамотныхъ (муллъ) можно считать среднимъ числомъ одного на 100 человѣкъ въ горахъ, а на плоскости гораздо меньше. Хорошихъ-же ученыхъ бываетъ въ округѣ одинъ-два, не больше. Къ такимъ извѣстнымъ ученымъ всегда собираются муталимы изъ всѣхъ мѣстъ Дагестана, даже пріѣзжаютъ изъ Закавказскаго края взрослые муталимы, которые учатся у этихъ ученыхъ, продовольствуясь по большей части на свой счетъ.

горстью по отношенію къ трудамъ другихъ сочинителей); *Саадуддинъ*—счастіе вѣры (книга названа по имени автора); *Динкузъ*—орѣхъ (авторъ этой книги далъ ей такое названіе, потому что писалъ ее, сидя подъ орѣховымъ деревомъ); *Вафія*—достаточный, полный (авторъ полагаетъ свою книгу достаточною для изучающаго арабскую грамматику); *Джами*—названіе племени и деревни, къ которымъ принадлежалъ авторъ этой книги, Абдурахманъ Джамійскій; *Иса-Гуджи*—пять началъ; *Шамсія*—солнечный, блестящій, освѣщающій; *Фанари*—названіе мѣстности, откуда родомъ авторъ книги; *Маанъ*—множ. ч. отъ *маана*, желаемая мысль отъ употребленнаго слова; *Магаллы*—прозваніе автора, т. е. Магалскій; *Джалалъ*—имя автора, называвшагося Джалалуддинъ, т. е. величіе вѣры; *Ибну-Гаджаръ*—сынъ камня (имя автора); *Джавамэ*—собраніе, т. е. собраніе всѣхъ основаній закона; *Акаидъ*—убѣжденіе (книга эта трактуетъ объ убѣжденіяхъ правовѣрнаго въ единствѣ Божіемъ).

Такъ какъ всѣ знанія ученаго горца главнымъ образомъ состоятъ въ знаніи арабской грамматики и правилъ шаріата, основаннаго на толкованіи корана и на изреченіяхъ пророка, то всѣ науки, принятыя къ преподаванію у горцевъ, имѣютъ между собой тѣсную связь, и главная цѣль ихъ сосредоточивается въ упроченіи религіозныхъ убѣжденій. Потому-то ученый горецъ никто иной, какъ развитый фанатикъ, въ сравненіи съ неграмотными горцами. Послѣдніе слѣпо вѣрятъ всему, что только скажетъ ученый, и никогда не позволяютъ себѣ задавать вопросы, почему то или другое такъ и не иначе? Ученый-же еще болѣе слѣпо вѣритъ всему, что проповѣдуетъ религія, находя въ ней по своей наукѣ все логичнымъ. Риторика арабская доказала ему, что коранъ имѣетъ сверхъестественное краснорѣчіе, такъ что человѣкъ не въ состояніи сочинить ничего подобнаго этой книгѣ,—и это служитъ главнымъ непоколебимымъ убѣжденіемъ. Поэтому, если бы, при чтеніи корана, у него какъ-нибудь мелькнула мысль: почему-бы это такъ? вѣдь это не сообразно съ здравымъ разсудкомъ! — то онъ сейчасъ-же прочтетъ дюжину молитвъ, попроситъ прощенія у Бога за такую грѣшную мысль и пошлетъ тысячу проклятій дьяволу, который постоянно старается смущать человѣка, заставляя его разсуждать про Божьи дѣла. Спросите у этого ученаго о томъ или другомъ явленіи природы,—онъ вамъ отвѣтитъ по-своему; потребуете доказательства, — онъ вамъ выставитъ стихи несомнѣнной книги или-же изреченіе Магомеда, а если не можетъ этимъ отвѣтить, то и тогда не сочтетъ для себя обязательнымъ задуматься надъ неизвѣстнымъ, а скажетъ; „что далеко отъ человѣческаго умозрѣнія, то знаетъ только Богъ", — и затѣмъ ни за что не повѣритъ, что и человѣкъ можетъ достигнуть познанія такой неизвѣстной для него вещи. Напримѣръ: спросите у горца-ученаго о падающихъ звѣздахъ, — онъ скажетъ, что это огни, бросаемые ангелами въ чертей, которые подслушиваютъ небесные разговоры. Потребуйте на это доказательствъ, — онъ вамъ прочтетъ стихи: „Мы украсили небо свѣта свѣчами (звѣздами) и мы сдѣлали ихъ предметами бросанія въ чертей". Толкователи этого мѣста корана объясняютъ, что звѣзды начали падать только послѣ рожденія Ма-

гомеда. Прежде-же черти, взлѣзая другъ на друга, достигали такимъ образомъ неба и подслушивали разговоры ангеловъ, которые потомъ передавали астрономамъ того времени. Но по появленіи на свѣтъ Магомеда, Богъ приказалъ ангеламъ бросать въ чертей жгучія искры огня, что теперь мы и созерцаемъ въ видѣ падающихъ звѣздъ. Чертей отъ этого погибаетъ много, а нѣкоторые изъ нихъ или падаютъ въ море, превращаясь тамъ въ хищныхъ чудовищъ, или-же, попавши на сушу, обращаются въ домовыхъ. Послѣднихъ въ горахъ считаютъ за состарѣвшихся чертей. Затѣмъ въ коранѣ говорится: „Мы сотворили семь небесъ покрывалами одно надъ другимъ и землю также". Поэтому ученые горцы не сомнѣваются въ томъ, что небо окружаетъ землю на подобіе того, какъ въ яйцѣ бѣлокъ окружаетъ желтокъ, и что такихъ небесъ существуетъ семь, одни надъ другими. Ученые споры возникаютъ только по отношенію сказаннаго въ приведенномъ мѣстѣ корана о землѣ: какъ понять слово Божіе,—сказано-ли, что Богъ сотворилъ семь земель, однѣ надъ другими, или-же сказано, что онъ сотворилъ землю, какъ сотворилъ семь небесъ. Толкователи разнорѣчатъ въ этомъ вопросѣ, потому что, по грамматическому разбору означенныхъ словъ корана, можно понимать ихъ и такъ и этакъ.

Кромѣ корана существуютъ второстепенныя священныя книги, составленныя изъ изреченій Магомеда, съ объясненіями передавателей: мусульмане вѣрятъ этимъ книгамъ наравнѣ съ кораномъ. Бывшій имамъ въ Дагестанѣ Кази-Магома славился ученостію, которая главнымъ образомъ состояла въ томъ, что онъ зналъ наизусть 400 изреченій (хадисъ) пророка. При засѣданіяхъ, въ началѣ возстановленія шаріата, Кази-Магома побѣждалъ всѣхъ другихъ ученыхъ горцевъ, доказывая справедливость своихъ дѣйствій на основаніи хадисовъ.

Самые извѣстнѣйшіе ученые въ Дагестанѣ были: Абубекръ Аймакинскій, Даудъ Акушинскій, Магомедъ Кудухскій и Абдулла Сугратлинскій, который между прочимъ занимался астрономіею и, говорятъ, будто-бы зналъ ее хорошо; потомъ—Дамаданъ Мухинскій, который занимался магіей и алхиміей и могъ будто-бы дѣлать все что-угодно посредствомъ содѣйствія святыхъ именъ. О

немъ разсказываютъ разные анекдоты: напр., однажды, при поѣздкѣ въ Аравію, Дамаданъ гостилъ у одного ученаго араба. Когда сѣли обѣдать, арабъ превратилъ галушки въ лягушекъ, которыя начали прыгать по столу. Дамаданъ нисколько не удивился такому чуду, а прочелъ святое имя и тѣмъ заставилъ летать по воздуху самого араба. Побѣжденный ученый арабъ извинился предъ Дамаданомъ и призналъ его ученѣе себя. Онъ славился еще знаніемъ медицины: и теперь еще существуетъ его сочиненіе на казикумухскомъ языкѣ, подъ именемъ Дамаданъ, въ которомъ объясняется польза различныхъ животныхъ и растеній для человѣка. Затѣмъ извѣстенъ Саидъ Araканскій, явный врагъ шаріатистовъ и противникъ бывшаго своего ученика, Кази-Магомы (Кази-Муллы), кокорый вызвался первый возстановить въ народѣ шаріатъ и уничтожить адатъ. Въ послѣднее время славился своею ученостію Муртазали Гидатлинскій, глубину учености котораго уподобляли глубинѣ моря и который умеръ въ 1866 году. Всѣ эти знаменитые ученые Дагестана отличались только знаніемъ арабской грамматики и умѣніемъ понимать точный смыслъ шаріатскихъ правилъ и подводить ихъ къ данному случаю. Что-же касается до знакомства ихъ съ природою и разными ея явленіями, то въ этомъ отношеніи они не пошли дальше религіозныхъ взглядовъ, основанныхъ на коранѣ и на другихъ арабскихъ книгахъ. Магомедъ въ своей книгѣ запрещаетъ учиться наукамъ, которыя болѣе или менѣе способствуютъ правильному ознакомленію человѣка съ природою и которыя, поэтому, могутъ ослаблять въ немъ религіозный фанатизмъ. „Всякій звѣздчикъ (астрономъ) есть наибольшій лжецъ“ говоритъ онъ,— и потому всякое предсказаніе науки о будущихъ явленіяхъ, если-бы оно и оправдалось на дѣлѣ, не что иное какъ случайность. „Будущаго не знаетъ никто, кромѣ Бога“, говорится въ коранѣ. На этомъ основаніи ученый горецъ не допускаетъ, чтобы человѣкъ могъ достигнуть знанія тайнъ природы посредствомъ наукъ *).

[25]) Изъ этого исключаются шейхи, т. е. такіе святые, которые достигли до степени вдохновенія Божія своею набожностію и которые угадываютъ будущее по святости своей. Но существованія такихъ шейховъ горецъ не допускаетъ въ настоящее время, въ которое человѣческій родъ много отступилъ отъ пути истины и на каждомъ шагу совершаетъ грѣхи.

Онъ вѣритъ крѣпко въ пророчества святыхъ, въ чудеса, приписывая ихъ волѣ Божіей; вѣритъ несомнѣнно въ то, что Соломону Богъ подчинилъ вѣтры, геніевъ, птицъ и все, что на свѣтѣ живетъ, и научилъ его языкамъ всѣхъ животныхъ. Ученый горецъ, про бесѣды, которыя Моисей имѣлъ съ Богомъ, разсуждаетъ, по своей наукѣ, какъ и всѣ мусульмане, слѣдующимъ образомъ: Моисей слышалъ на горѣ Синаѣ Божій голосъ, но не отъ какой-либо стороны, а со всѣхъ сторонъ; иначе, пришлось-бы полагать, что Богъ стоялъ на извѣстномъ мѣстѣ и говорилъ, слѣдовательно онъ не могъ-бы въ тоже время стоять и говорить на другомъ мѣстѣ, и пришлось-бы полагать его на опредѣленномъ мѣстѣ, что несовмѣстно съ вездѣсущіемъ Бога. Далѣе, самая рѣчь Божія не могла быть подобною человѣческому разговору, который состоитъ изъ членораздѣльныхъ звуковъ, произносимыхъ одни за другими, для чего необходимо опредѣленное время: Божій-же разговоръ, слышанный Моисеемъ, слышался со всѣхъ сторонъ и притомъ сразу, совершившись въ одинъ моментъ. Ученый горецъ вѣритъ также и въ Іисуса Христа, вѣруя въ то, что онъ воскрешалъ мертвыхъ, исцѣлялъ хромыхъ, больныхъ, но вѣритъ также и въ то, что онъ творилъ изъ земли летучихъ мышей и т. д.

Въ горахъ очень скудны математическія знанія, потому что горецъ не видитъ въ нихъ ничего, необходимаго для изученія, и хотя нѣкоторые горскіе ученые и выдаютъ себя знающими математику, но эти знанія ихъ состоятъ только въ томъ, что они дѣйствительно могутъ читать на арабскомъ языкѣ математическія книги, почти ничего въ нихъ не понимая.

Древнія арабскія математическія книги, встрѣчающіяся въ Дагестанѣ, а также астрономическія, основанныя на вращеніи небесъ вокругъ земли, такъ трудны для пониманія и такъ не разъяснены, что почти недоступны умамъ ученыхъ горцевъ, которые не особенно-то и желаютъ тревожить свои мозги и омрачать свои мысли такими — по ихъ мнѣнію — безполезными предметами, какъ математика, астрономія и т. п. Поэтому, расторопный торговый человѣкъ, рѣшающій свои расчеты по пальцамъ, скорѣе можетъ прикинуть въ умѣ своемъ простую задачу изъ ариѳметики, чѣмъ уче-

ный горецъ разрѣшитъ ее на бумагѣ. Я былъ хорошо знакомъ съ извѣстнымъ ученымъ въ Дагестанѣ, Муртузали Гидатлинскимъ, который служилъ депутатомъ въ Дагестанскомъ Народномъ Судѣ. Человѣкъ этотъ славился высшею ученостію между мусульманами не только въ Дагестанѣ, но и на цѣломъ Кавказѣ. Во время имамства Шамиля, онъ, хотя по собственному своему желанію и не занималъ особенной должности, но стоялъ постоянно въ главѣ ученаго класса. Къ нему обращались со всѣхъ сторонъ за разрѣшеніемъ всякихъ трудныхъ шаріатскихъ вопросовъ, и когда случалась надобность обсудить какой-либо шаріатскій вопросъ и собирались для этого ученые, Муртузали всегда игралъ роль предсѣдателя въ такихъ ученыхъ собраніяхъ, а равно, когда случалось разногласіе между учеными по какому-нибудь дѣлу, то всѣ противорѣчивыя мнѣнія представлялись на его разсмотрѣніе, и какъ онъ скажетъ, на томъ и останавливались. Что-же зналъ этотъ знаменитый ученый горецъ? Онъ зналъ отлично арабскую грамматику, умѣлъ правильно понимать и передавать смыслъ шаріатскихъ книгъ и подводить статьи ихъ къ данному случаю: вотъ и все. Значитъ, ученость горца состоитъ только въ томъ, чтобы понимать и передавать другимъ мысли прежнихъ мусульманскихъ сочинителей-толкователей закона, основаннаго на коранѣ и на изреченіяхъ Магомеда, а не въ самостоятельности сужденій, сообразно личному взгляду и убѣжденію. Такого права ни одинъ ученый горецъ не признаетъ за собою, ибо такая степень учености, то есть право дѣлать заключенія по собственному взгляду, считается особенною святостью, достигаемою по особому дару Божьему, чего могли достигать только прежніе люди. А такъ какъ (по вѣрованію мусульманъ) всякое благо Божіе, чѣмъ дальше, тѣмъ все уменьшается, то горецъ убѣжденъ, что въ настоящее время уже невозможно достигнуть такой степени учености. Достигающій ея человѣкъ называется муджтагидомъ. Главными муджтагидами были четыре имама, которые создали четыре разные толка суннитской секты, а именно: Ханафи, Ханбали, Малики и Шафи (горцы принадлежатъ къ послѣднему), а вслѣдъ за ними и другіе сочинители и толкователи закона. Каждый толкъ считается правильнымъ, и хотя многія

правила ихъ, вытекая изъ личныхъ взглядовъ каждаго изъ муджтагидовъ, находятся между собою въ противорѣчіи, тѣмъ не менѣе всѣ они считаются правовѣрными. Напр., въ коранѣ ясно запрещено ѣсть свинину, а о мясѣ другихъ животныхъ ничего не сказано. На основаніи этого, одинъ изъ муджтагидовъ, именно Шафи, запрещаетъ употреблять въ пищу мясо и другихъ нечистыхъ животныхъ. Между тѣмъ другой такой-же муджтагидъ, именно Малики, позволяетъ ѣсть собакъ, потому что въ коранѣ ничего о нихъ запретнаго не сказано. Точно также въ коранѣ запрещено пить вино, а о другихъ напиткахъ ничего не сказано. Поэтому Шафи запрещаетъ и всѣ остальные опьяняющіе напитки, такъ какъ причина запрещенія ихъ есть опьяненіе; другой-же муджтагидъ, именно Ханафи, признавая вино, дѣлаемое изъ винограда (потому что во время Магомеда существовало виноградное вино), запрещеннымъ на основаніи корана, дозволяетъ пить другіе напитки, дѣлаемые не изъ винограда, лишь-бы только пить ихъ не до опьяненія.

Подобныя разъясненія и разсужденія въ настоящее время ни отъ кого не принимаются, — и шаріатскія правила остаются неприкосновенными и однообразными уже впродолженіи многихъ вѣковъ и должны остаться таковыми и впредь, вѣчно [26]. Понятно,

---

[26]) Впрочемъ, нѣкоторые ученые мусульмане говорятъ: «законъ Божій долженъ примѣняться къ даннымъ обстоятельствамъ времени, такъ что всякій разумный человѣкъ долженъ знать характеръ своего времени и обстоятельства даннаго случая, чтобы разрѣшить кому-либо о запрещенности и дозволительности чего-либо. Но такъ думаютъ только обладающіе строгимъ и правильнымъ умомъ. Мнѣ разсказывали, что во время осады сел. Салты русскими войсками, Шамиль собралъ ученый совѣтъ и предложилъ имъ вопросъ: «Можно-ли въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ пріурочить исполненіе обязательныхъ молитвъ къ одному удобному времени или-же, во всякомъ случаѣ, должно совершать каждую молитву въ свое назначенное время?»

Всѣ ученые единогласно сказали, что по шаріату не дозволяется пропускать молитву въ свое время. Тогда извѣстный ученый въ горахъ, Загалау, сказалъ Шамилю: «Можно, сынъ мой, можно соединять».

— Какъ-же можно, Загалау, когда вотъ въ Ибну-Гаджаръ (указывая на книги) говорится, что нельзя,—возразилъ Шамиль.

— О сынъ мой, отвѣтилъ Загалау. Если-бы въ то время, когда Ибну-Гаджаръ писалъ сіи книги, налетали къ нему вотъ этакія штуки (указывая

что законъ, изданный нѣсколько вѣковъ тому назадъ и притомъ для народа, жившаго при другихъ условіяхъ, чѣмъ условія жизни горцевъ, весьма трудно примѣнимъ къ настоящему горскому быту. Поэтому-то, на практикѣ, ученый горецъ дѣйствуетъ иногда и по своему собственному взгляду, по большею частію только въ отношеніи лично себя. Такъ напр., Саидъ Араканскій позволялъ себѣ (и даже другимъ) курить, пить хлѣбную водку и бузу, доказывая, что это не запрещено шаріатомъ. Я самъ видѣлъ также Муртузали Гидатлинскаго, какъ онъ иногда курилъ. Онъ не былъ отступникомъ шаріата, но тѣмъ не менѣе терпѣть не могъ тѣхъ изъ муллъ, которые соблюдали слишкомъ строго всякія мелочи религіозныхъ правилъ. Онъ постоянно занимался чтеніемъ шаріатскихъ книгъ, такъ что отъ сидячей жизни сильно страдалъ геморроемъ, зналъ почти наизусть всѣ главныя шаріатскія книги и, въ случаѣ надобности отыскать какое-нибудь правило шаріата, нисколько не затруднялся указать его сейчасъ-же и передать его смыслъ, разобравъ его грамматически; онъ вообще былъ довольно остроуменъ и разсуждалъ здраво,—но тѣмъ не менѣе, о міроустройствѣ имѣлъ самыя смутныя понятія и не считалъ нужнымъ входить въ разборъ законовъ природы, будучи убѣжденъ въ томъ, что всему на свѣтѣ слѣдуетъ быть такъ, какъ оно есть, а потому и нѣтъ поводовъ гоняться за разъясненіемъ причинъ того или другаго явленія. Онъ вполнѣ вѣрилъ, на основаніи корана, что небо есть гладкое тѣло, поднятое надъ землею по волѣ Божіей, безъ столбовъ и безъ всякой другой опоры; онъ вѣрилъ, что дождь идетъ по волѣ Божіей для орошенія земли, а если гдѣ случается засуха, то это ничто иное, какъ гнѣвъ Бога, падающій на грѣшныхъ рабовъ его [27]).

на летѣвшую по воздуху бомбу), повѣрь, онъ-бы написалъ, что не только можно соединять двѣ молитвы, но написалъ-бы, что при такихъ обстоятельствахъ цѣлый годъ можно даже и совсѣмъ не молиться».

[27]) По мусульманскому вѣрованію, ангелъ, управляющій водою (Михаилъ), отпускаетъ ежегодно на землю опредѣленное количество воды. Когда-же Богъ, разгнѣвавшись на какой-либо народъ, захочетъ наказать его засухою, тогда Онъ приказываетъ Михаилу не орошать угодій такого народа, — и ангелъ нагоняетъ тучи на необитаемыя степи, на безлюдныя горы, и проливаетъ тамъ воду, которая слѣдовала на долю согрѣшившаго народа.

Онъ былъ убѣжденъ, что къ каждому человѣку при жизни его приставлено по два ангела для записыванія его добрыхъ и злыхъ поступковъ, и что, также безотлучно, съ нимъ находится одинъ изъ чертей, который старается отклонять его отъ истины.

Горскій ученый не основываетъ ничего на календарныхъ, или-же математическихъ вычисленіяхъ. Напр., мусульманскій постъ начинается по лунному мѣсяцу: укажите на тысячу календарей и увѣряйте, что уже наступило новолуніе, — ученый ни зачто этому не повѣритъ, а для него необходимо показаніе двухъ свидѣтелей въ томъ, что они дѣйствительно своими глазами видѣли новый мѣсяцъ. Это основано на изреченіи пророка: „пости, когда увидишь луну, и кончай постъ, когда увидишь луну.“ Если-же, по случаю неясности погоды, луну не увидятъ, тогда начинаютъ наводить справки о прежнихъ мѣсяцахъ и сосчитывать дни. Поэтому, очень не рѣдко ошибаются на день или даже на нѣсколько дней при опредѣленіи наступленія какихъ-нибудь праздниковъ.

Итакъ, ученый горецъ является знатокомъ только мусульманскаго закона (шаріата).

Арабская литература, которую горцы считаютъ собственнымъ своимъ достояніемъ, весьма богата фантастическими сказаніями, въ которыхъ главную роль по большей части играетъ какой-нибудь пророкъ или святой. Многіе изъ такихъ сказокъ написаны отъ имени Магомеда. Хорошій ученый горецъ вѣритъ не всему, что есть въ этихъ сказаніяхъ, а разбираетъ, кто именно передатчикъ ихъ и изъ какого источника они взяты. Но простой мулла, который не въ состояніи разрѣшить такіе вопросы по малоучености своей, вѣритъ всему, что написано на страницахъ какой-нибудь старой книги и читаетъ это народу въ мечетяхъ торжественно. Для такого муллы, а тѣмъ болѣе для народа, достаточно удостовѣренія только въ томъ, что это написано въ книгѣ.

Къ безусловному и общему вѣрованію мусульманъ вообще и горскихъ ученыхъ въ частности принадлежитъ вѣрованіе въ загробную жизнь, по разсказамъ о ней какъ самого пророка Магомеда, такъ и толкователей его несомнѣнной книги.

Вѣруя, какъ и христіане, въ день всеобщаго воскресенія,

когда, по повѣрію мусульманъ, воскреснутъ не только люди, но и все что имѣло жизнь, начиная отъ крупныхъ животныхъ до самыхъ мельчайшихъ насѣкомыхъ, послѣдователи Магомеда убѣждены въ превосходствѣ своей будущей жизни предъ прочими братьями ихъ по человѣчеству. Въ мечетяхъ проповѣдуютъ, что, когда ангелъ-трубачъ *(Исрафилъ)* затрубитъ въ свою трубу, всѣ люди и животныя воскреснутъ въ одинъ моментъ. Малютки встанутъ сѣдыми стариками отъ страха, каждый человѣкъ за себя убоится, даже всѣ пророки встанутъ, говоря: „помилуй меня, Боже," кромѣ Магомеда, который явится съ возгласомъ: *„послѣдователи мои, послѣдователи мои!"* Животныя будутъ судиться за обиды, нанесенныя ими другъ другу на этомъ свѣтѣ. По отдачѣ удовлетворенія обиженнымъ сторонамъ тѣмъ-же, чѣмъ была нанесена обида, они всѣ обратятся въ прахъ, по волѣ Божіей [23]).

Послѣ этого люди раздѣлятся на три части: часть отправится въ рай безъ суда, прямо чрезъ мостъ, который тоньше волоса и острѣе меча и чрезъ который они пройдутъ быстрѣе молніи. Къ числу такихъ людей принадлежатъ пророки, святые и большая часть изъ послѣдователей Магомеда—преимущественно ученые, которые принесли пользу народу своею ученостію, и убитые въ сраженіяхъ съ невѣрными; другая часть людей отправится въ адъ безъ суда—и это тѣ, которые не вѣрили своимъ пророкамъ, а равно и всѣ, не послѣдовавшіе Магомеду послѣ его появленія; третья часть людей будетъ судиться предъ престоломъ Божіимъ, гдѣ будутъ поставлены вѣсы для взвѣшиванія добрыхъ и злыхъ дѣлъ каждаго вѣрившаго въ Бога, но согрѣшившаго въ исполненіи обрядовъ своей религіи. Магомедъ будетъ присутствовать все время около вѣсовъ и ходатайствовать предъ Богомъ за грѣшныхъ. Потомъ онъ самъ отправится въ рай, гдѣ его встрѣтятъ *гуріи* и ангелы и гдѣ ему приготовлено обширное помѣщеніе.

---

[23]) Изъ нихъ исключается 10 животныхъ, имѣющихъ особое преимущество быть въ раю, именно: баранъ Авеля, баранъ Авраама, китъ Іоны, верблюдъ Салиха, кукушка Соломона, оселъ Узейра, корова Израиловъ, баранъ Измаила, собака семи пещерныхъ святыхъ и Дульдулъ, лошадка Магомеда.

Ученые-же изъ послѣдователей его будутъ имѣть помѣщеніе и прочія удобства въ раю наравнѣ съ пророками прочихъ народовъ — не мусульманъ, и имъ будутъ служить въ числѣ прочихъ дѣти невѣрныхъ, умершія прежде достиженія ими совершеннолѣтія и потому не совершившія грѣха. Чрезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ послѣ этого, Магомедъ услышитъ въ одно прекрасное время (въ раю нѣтъ ночи и дня) стоны людей, которые будутъ вопить изъ ада: *„о Магомедъ, о Магомедъ, войди въ наше положеніе! мы твои грѣшные послѣдователи“!* Тогда онъ сброситъ съ головы своей корону и съ плечъ своихъ одежду, падетъ предъ Богомъ, говоря: „о Боже, я здѣсь блаженствую, а послѣдователи мои мучатся въ аду“! и не подниметъ головы до тѣхъ поръ, пока не скажетъ Богъ: „о возлюбленный Магомедъ, здѣсь вовсе не мѣсто для поклоновъ, вставай, я прощаю твоихъ послѣдователей“. Тогда Магомедъ отправится въ адъ, въ сопровожденіи друга своего архангела Джабраила, и выведетъ оттуда всѣхъ своихъ послѣдователей, не оставивъ тамъ ни одного, имѣвшаго въ сердцѣ своемъ хотя малѣйшую искру вѣрованія въ его пророчество, потомъ выкупаетъ ихъ въ рѣкѣ, близь рая, откуда они явятся молодыми и красивыми юношами, но только съ надписью на лбу каждаго: *„освобожденный изъ рая“*. Чрезъ нѣкоторое время они опять обратятся къ Магомеду съ просьбою снять съ нихъ это клеймо и онъ походатайствуетъ у Бога объ этомъ.

Понятно, теперь, что къ самымъ непреложнымъ вѣрованіямъ всѣхъ мусульманъ, а слѣдовательно и ученыхъ горцевъ, принадлежитъ и то, что Магомедъ есть наиболѣе любимый Богомъ человѣкъ, что міръ созданъ только изъ-за него, что онъ разговаривалъ съ камнями, животными и растеніями, что онъ совершилъ свое великое путешествіе на седьмое небо въ одну ночь и пр. и пр. Магомедъ говоритъ: „я былъ пророкомъ, когда Адамъ былъ еще между водою и землею,“ т. е. когда еще Адама не было на землѣ. Древніе мусульманскіе ученые объясняютъ, что когда Богъ сотворилъ Адама изъ земли и воды и вдохнулъ въ него душу изъ своего духа, то первый предметъ, который Адамъ увидѣлъ, была надпись на престолѣ Божіемъ: „Нѣтъ Бога кромѣ одного и Магомедъ его

пророкъ." Ученый горецъ не можетъ не вѣрить всему этому и не находитъ надобности входить въ разборъ подобныхъ сказаній собственнымъ разумомъ; но всякое сомнѣніе, рождающееся въ головѣ человѣка при обсужденіи всѣхъ вообще вопросовъ, касающихся религіи, онъ приписываетъ внушеніямъ нечистаго духа, который повсюду преслѣдуетъ правовѣрнаго.

Общественныя права ученаго горца въ своемъ обществѣ нисколько не отличаются отъ правъ прочихъ неграмотныхъ его согражданъ. Онъ не пользуется особыми доходами матеріальными, если не занимаетъ должности кадія или дибира. Но во времена шаріата рѣдкій изъ ученыхъ горцевъ не занималъ какой-либо должности, которая доставляла ему возможность существовать безъ труда.

Когда-же горцы, по умиротвореніи края, нашли возможность снять съ себя тяжелую ношу, наложенную на нихъ введеніемъ шаріата, столь чуждаго ихъ практической жизни, и когда такимъ образомъ открылась имъ дорога къ возобновленію дорогихъ обычаевъ, созданныхъ ихъ предками втеченіи вѣковъ, тогда и ученымъ стало не такъ легко проживать на чужой счетъ, безъ труда. Но и при этомъ, наиболѣе ученые горцы, пользовавшіеся хорошею репутаціею, не остались безъ хлѣба. Правительство обезпечило ихъ, давъ имъ должности съ хорошимъ жалованьемъ. Это обстоятельство сначала вызвало въ народѣ разные упреки на ученыхъ, которые за нѣсколько времени предъ тѣмъ проповѣдывали, что сближаться съ христіанами есть дѣло противное Богу, и выказывали явную ненависть къ нимъ и къ ихъ деньгамъ, а потомъ, при открывшейся возможности самимъ воспользоваться дружбою и деньгами христіанъ, на дѣлѣ доказали, что отказываться отъ этого, по мнѣнію ихъ, тоже есть дѣло, не всегда угодное Богу.

Ученый классъ въ горахъ вообще терпѣть не можетъ физическихъ трудовъ; если мулла имѣетъ самъ состояніе, тогда живетъ спокойно дома, а если не имѣетъ—и тогда рѣдко берется за работу, а скорѣе нищенствуетъ или отправляется на плоскость, или въ Закатальскій округъ, гдѣ народъ сравнительно богаче и больше фанатиченъ, гдѣ всякій мулла легко достигаетъ своихъ ко-

рыстныхъ цѣлей, благодаря легковѣрію жителей (въ особенности Закатальскаго округа), и гдѣ не только порядочный мулла, но даже чуть грамотный, но при этомъ ловкій горецъ, успѣваетъ обратить на себя благосклонное вниманіе жителей, которые раздѣляютъ съ нимъ свой послѣдній кусокъ хлѣба. Подобныхъ дармоѣдовъ встрѣчается не мало. Шатаясь съ малолѣтства по мечетямъ и живя всегда на чужой счетъ, они усвоиваютъ наклонности къ лѣни и жадничанью, такъ что въ народѣ существуютъ разные анекдоты и поговорки для характеризованія жадности и обжорливости муллъ. Наприм., есть анекдотъ такого рода: „Мулла утопалъ въ „рѣкѣ. Пришедшій на помощь кричалъ ему: „давай руку! давай „руку"! а мулла все прячетъ свои руки и несется по теченію. „Другой, прибѣжавшій тоже на помощь, кричитъ: „на руку! на „руку"! Тогда мулла схватился обѣими руками за протянутую къ „нему руку и спасся отъ гибели".

Есть также для характеристики муллъ пословицы, какъ-то: 1) Мулла луку не ѣстъ, а если найдетъ, тогда и коры не оставитъ. 2) Подай муллѣ руку, на которой кольцо, — непремѣнно изъ кольца вытащитъ камень. 3) Въ горлѣ ученаго помѣщается цѣлая саба пищи. 4) Сытый мулла хуже голоднаго волка. 5) Сохрани, Боже, отъ сытыхъ муллъ. 6) При видѣ халвы мулла забываетъ Бога.

Муталимы тоже подходятъ подъ категорію муллъ. У лаковъ есть аулъ, гдѣ ихъ величаютъ собаками душу отнимающаго ангела. Это незавидное прозвище имѣетъ то основаніе, что, по смерти кого-либо, муталимы первые являются къ покойнику.

Такимъ образомъ, въ понятіяхъ народа мулла является лѣнивымъ и безпечнымъ человѣкомъ, съ чрезмѣрною жадностію добыть себѣ пропитаніе безъ труда, какимъ-бы то ни было способомъ, и притомъ мирнымъ,—почему въ нихъ полагаютъ отсутствіе военнаго и мужественнаго духа [29]).

---

[29]) Приведу здѣсь кстати поговорку, которая характеризуетъ взглядъ горцевъ на ученыхъ. «Мертвыхъ-ли больше или живыхъ? — Если считать и пастуховъ, то, конечно, мертвыхъ больше. — Женщинъ-ли больше или мужчинъ?—Если считать и ученыхъ, то, конечно, женщинъ больше.»

Первостепенные ученые, которые по большей части бываютъ изъ зажиточныхъ людей, хотя и обладаютъ общими чертами характера грамотныхъ, но при этомъ бываютъ еще горды и черезчуръ самолюбивы, такъ что не позволяютъ себѣ заниматься мелочами и скрываютъ желаніе получать какое-нибудь подаяніе отъ всякаго, хотя въ сущности и они не пропустятъ случая попользоваться подачей.

Я уже сказалъ, что ученость не придаетъ горцу никакихъ особенныхъ правъ или преимуществъ въ общественномъ быту; за то ученый первенствуетъ въ дѣлахъ, касающихся религіи или духовнаго обряда, и въ этихъ-то случаяхъ онъ имѣетъ вліяніе на народъ. Тѣмъ не менѣе, все-таки, ученый горецъ, не имѣющій большаго тохума (фамиліи) или происходящій изъ простаго сословія, хотя-бы онъ хлебнулъ семь морей наукъ [30]), не имѣетъ никакого особаго значенія въ гражданскомъ быту.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не только хорошій ученый, но даже кое-какъ грамотный горецъ, владѣющій своего рода находчивостью и умѣньемъ говорить смѣло, имѣетъ почти неограниченное вліяніе на расположеніе умовъ простаго горскаго населенія. Пользуясь чрезмѣрною слабостью понятій, легковѣріемъ и суевѣріемъ простаго народа, муллы всегда съумѣютъ подъискать себѣ такую манеру дѣйствій, помощію которой они достигаютъ легко своихъ, большею частію корыстныхъ, цѣлей. Стоитъ только явиться какому-нибудь муллѣ съ ворожейною книгою въ рукахъ или съ талисманомъ, — сейчасъ-же начнутъ къ нему собираться мужчины, а еще больше женщины, съ разными заявленіями и просьбами,—и что-бы мулла ни переводилъ изъ книги, хотя-бы самое невѣроятное, никто не позволитъ себѣ заподозрить справедливость его книжныхъ росказней. Кромѣ того ученый горецъ играетъ въ народѣ роль врача, или знахаря. Такъ, заболитъ-ли голова и вообще почувствуется-ли въ какой-либо части тѣла боль, въ особенности зубная, захочетъ-ли кто, чтобы его полюбила или разлюбила какая-нибудь особа, пропадетъ-ли или заболѣетъ у кого скотина, пожелаетъ-ли кто получить хорошій

---

[30]) Туземное выраженіе о высшей степени учености.

урожай на хлѣбъ или на пчелъ, — горецъ непремѣнно обратится къ ученому, прося его помощи. Ученый не откажетъ въ просьбѣ: сначала онъ растолкуетъ причину болѣзни, съ помощію гадательной книги, отъ дурнаго-ли глаза или отъ злаго духа она произошла, потомъ напишетъ талисманъ и растолкуетъ, какъ нужно его носить или какъ смѣшать его съ пищею и скушать. Хорошій ученый, пожалуй, не прибѣгнетъ къ гадательной книгѣ и не повѣритъ двусмысленнымъ и ловко-написаннымъ фразамъ этой книги; но тѣмъ не менѣе онъ, съ полною вѣрою въ успѣхъ, напишетъ талисманъ, который будетъ состоять изъ нѣсколькихъ словъ изъ корана, съ именами духовъ или ангеловъ, которыхъ онъ призываетъ на помощь, и, наконецъ, изъ различной формы фигуръ и черточекъ. При этомъ ученый порекомендуетъ какую-нибудь предохранительную молитву на арабскомъ языкѣ, которую и самъ онъ читаетъ или носитъ съ собою, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея предохранительномъ дѣйствіи. Къ числу такихъ несомнѣнныхъ предохранительныхъ молитвъ принадлежитъ между прочимъ молитва *Сайфи*, которая извѣстна повсемѣстно въ горахъ. Молитва эта, по разсказамъ ученыхъ, главнымъ образомъ имѣетъ ту дивную силу, что посредствомъ ея смертному человѣку подчиняются безсмертные *джины* (геніи), которые дѣлаются подвластными человѣку, совершившему должный обрядъ при чтеніи *Сайфи*. Но хотя молитву эту можно встрѣтить повсюду у горцевъ, однако совершеніе обряда при чтеніи ея сопряжено съ большими опасностями. Поэтому-то не всякій ученый горецъ подчиняетъ себѣ джиновъ и не ворочаетъ свѣтомъ, какъ ему угодно. Объ успѣхахъ въ этомъ родѣ сохранились въ народѣ одни только разсказы про неизвѣстныхъ и давно умершихъ людей.

Есть молитвы, которымъ муллы приписываютъ силу, охраняющую человѣка отъ непріятельскаго оружія. Хотя хорошій алимъ и не признаетъ подобныхъ молитвъ, но малоученые муллы совершенно вѣрятъ въ ихъ силу, а потому во время войны многіе наѣздники думали гарантировать себѣ жизнь, снабдивъ себя такими чудодѣйственными молитвами, которыя муллы раздавали просителямъ. Но и глубоко-ученый тоже не сомнѣвается въ дѣйствительности вол-

шебной силы нѣкоторыхъ молитвъ, въ особенности-же молитвы *Исмулъ-агзамъ* (великое имя Божіе), которая неизвѣстна никому изъ смертныхъ, кромѣ особенно удостоившихся Божіей милости. Есть, однако, книжка *Сиру-раббанъ* (тайна Божія), состоящая большею частію изъ отдѣльно-написанныхъ буквъ. Уразумѣвшій эту книгу отыскиваетъ Исмулъ-агзамъ и съ помощію его можетъ совершать чудныя дѣла. Есть преданіе, что упомянутый мною выше, извѣстный ученый, докторъ и химикъ, Дамаданъ Мухинскій зналъ Сиру-раббанъ и съ помощію Исмулъ-агзама совершилъ путешествіе въ Аравію въ одинъ мигъ.

Въ Дагестанѣ сохранились также преданія о наукѣ, помощію которой можно превращать всякій металлъ въ серебро и золото. Чего-бы еще горцу, если-бы эта пріятная наука была ему сколько нибудь доступна! Но въ горахъ нѣтъ ни одной книги по алхиміи, и только одни фантастическіе разсказы, весьма соблазнительные для сребролюбиваго горца, существуютъ объ этой волшебной наукѣ. Разсказываютъ, напр., что одно богатое семейство въ Казикумухѣ разбогатѣло оттого, что Дамаданъ, когда пріѣзжалъ въ Кумухъ, останавливался у предковъ этого семейства, и всякій разъ приносилъ имъ въ подарокъ по цѣлому куску золота или серебра, дѣланіе которыхъ не составляло для Дамадана особеннаго труда: ему стоило только насыпать какой-то неизвѣстный порошокъ въ растопленную мѣдь—и она сейчасъ-же превращалась въ серебро или золото.

Я уже сказалъ, что ученые горцы являются медиками и что ихъ леченіе главнымъ образомъ состоитъ въ раздачѣ лоскутковъ бумаги, на которыхъ они пишутъ разныя молитвы. Но главнымъ образомъ, спеціально лечимыя муллами болѣзни у горцевъ—это бѣлая горячка и сумасшествіе. Противъ этихъ болѣзней совершенно такое-же радикальное дѣйствіе имѣетъ молитва, какъ хина противъ лихорадки у европейскихъ докторовъ. Такой взглядъ весьма понятенъ, если взять во вниманіе, что горцы приписываютъ эти болѣзни преслѣдованію нечистаго духа. Само-собою, въ присутствіи фразъ священнаго корана или молитвъ, дьяволамъ не устоять. Они отказываются отъ своей жертвы, но не прежде, какъ жестоко ее

истязавши. Первымъ дѣломъ, какъ только входитъ къ больному, мулла беретъ чашку чистой воды, надъ которой прочитываетъ одну главу корана или другія молитвы; потомъ онъ обрызгиваетъ водою комнату, гдѣ лежитъ больной, чтобы изгнать изъ нея *шайтановъ*, дьяволовъ. Далѣе начинаетъ выспрашивать у больнаго имена тѣхъ лицъ, въ образѣ которыхъ будто-бы шайтаны являются къ нему и мучаютъ. Больной иногда сильно уклоняется отъ признанія, потому что шайтаны будто-бы угрожаютъ ему, требуя отъ него, чтобы онъ не признавался. Въ такихъ случаяхъ мулла беретъ сѣру и подкуриваетъ ею носъ больнаго, причемъ этотъ послѣдній, отъ удушливаго запаха сѣры, начинаетъ кричать; но его связываютъ и не даютъ ему сопротивляться совершенію такой пытки, пока онъ не начнетъ произносить имена своихъ мучителей. Мулла тотчасъ-же записываетъ эти имена на бумажку и бросаетъ ее въ огонь.

Безпокойство больнаго, стоны и крики его, въ особенности если онъ начнетъ ругаться, мулла объясняетъ тѣмъ, что его черти мучаютъ. По окончаніи казни шайтановъ сожиганіемъ, мулла пишетъ молитву и привязываетъ ее къ больному, а также кладетъ ему подъ голову коранъ, чтобы шайтаны не смѣли больше приходить къ нему. Послѣ этого, если больной начнетъ постепенно поправляться и выздоравливаетъ, мулла приходитъ въ восторгъ; если-же больной останется въ одномъ положеніи или-же сдѣлается ему хуже, то, въ такомъ случаѣ, родственники его замѣняютъ лечившаго муллу другимъ, болѣе способнымъ муллою, до тѣхъ поръ, пока больной не умретъ или-же муллы сами не откажутся лечить его. Такой способъ леченія отъ сумасшествія не всякому удается; есть нѣкоторые муллы, которые имѣютъ легкую руку (ка сабаусса, т. е. человѣкъ, у котораго рука полезна). Болѣзнь эта часто случается съ горцами, въ особенности съ женщинами, послѣ родовъ,—и леченіе ея принадлежитъ исключительно мулламъ.

Хотя муллы бываютъ приглашаемы лечить и наружныя язвы и хотя они берутся за это дѣло, но оно очень мало имъ удается. Противъ наружныхъ болѣзней молитвы не помогаютъ, а изъ арабской древней медицины ученый горецъ весьма мало знаетъ. Пото-

му, во-первыхъ, что наука эта въ горахъ вовсе не преподается, и медицинскія книги составляютъ вообще большую рѣдкость въ горахъ, а во-вторыхъ, горцу непонятны имена травъ и другихъ предметовъ, изъ которыхъ составляются лекарства, исключая очень немногихъ. Упомянутая-же мною книжка, составленная Дамаданомъ Мухинскимъ, въ которой объясняются свойства нѣкоторыхъ растеній и животныхъ, на казикумухскомъ языкѣ, мало употребительна у муллъ. Наружныя болѣзни и раны хорошо умѣютъ лечить туземные врачи, которые изъ практики, по опыту, обладаютъ умѣньемъ лечить въ особенности оружейныя раны. Въ послѣднихъ случаяхъ горскіе врачи считаютъ себя выше европейскихъ докторовъ.

Къ горскому медицинскому обществу также принадлежатъ горянки-бабки, которыя преимущественно лечатъ женщинъ. Въ женскія болѣзни мужчины-врачи или муллы не вмѣшиваются, и только сами бабки прибѣгаютъ въ крайнихъ случахъ къ помощи послѣднихъ, для излеченія больной посредствомъ молитвъ [31]).

Къ числу занятій муллы принадлежитъ еще гаданье по книгамъ (оракуламъ), которыя написаны неизвѣстными авторами. Такимъ образомъ ученые являются въ понятіяхъ горцевъ не только духовными лицами, хотя это есть главная ихъ спеціальность, но и юристами, медиками, астрологами. Чуть случится какое-нибудь необыкновенное явленіе въ природѣ, или произойдетъ какая-нибудь перемѣна въ жизни, или же наконецъ привидится какой-нибудь загадочный сонъ, горецъ сейчасъ-же бѣжитъ къ муллѣ за разъясненіемъ своего недоразумѣнія. Мулла-же ни зачто не отзовется незнаніемъ. „Это не можетъ быть! Какъ не знать ученому, вѣдь въ книгахъ все написано“!—и мулла всегда найдетъ чѣмъ отвѣчать, а для несомнѣнности своего отвѣта принесетъ и откроетъ книгу. Разъяснивъ свое недоразумѣніе, горецъ пойдетъ разсказывать о случившемся: такой-то изъ книги сказалъ то-то, такой-то открылъ книгу и справился о томъ-то и сказалъ то-то. Толкованіе сновидѣній принадлежитъ исключительно мулламъ, которые въ этомъ от-

---

[31]) При трудныхъ родахъ, кромѣ молитвъ, муллы совѣтуютъ подкуривать больную соломою, взятою изъ мечети.

ношеніи руководствуются написанными для этого книгами. „Сновидѣніе правовѣрнаго есть сорокъ-шестая часть пророчества“, говоритъ Магомедъ, — и эта часть пророчества, существующая въ каждомъ безъ исключенія правовѣрномъ, имѣетъ большое вліяніе на образъ дѣйствій горца. Для открытія будущей судьбы какого-нибудь предпринимаемаго дѣла посредствомъ сновидѣнія, у мусульманъ существуетъ молитва *Истихаръ*, которую совершаетъ ученый горецъ. Простолюдинъ обращается къ ученымъ съ просьбою предусмотрѣть и предсказать, какой результатъ выйдетъ изъ предпринимаемаго имъ дѣла. Если по Истихару окажется, что дѣло навлечетъ вредъ или будетъ неудача, горецъ не приступитъ къ дѣлу, хотя-бы оно было самое необходимое. Молитва Истихаръ совершается предъ тѣмъ какъ ложатся спать и совершается она какъ обыкновенный намазъ, состоящій изъ четырехъ земныхъ поклоновъ и нѣсколькихъ молитвъ. Потомъ, не произнося ни слова, ложатся въ постель, лицемъ къ югу, держа въ памяти искомый предметъ. Если во снѣ ничего не привидится или же приснится что-либо не относящееся къ дѣлу, то въ такомъ случаѣ Истихаръ повторяется три раза, въ три слѣдующія ночи.

Не смотря на такой обширный кругъ дѣятельности и вліянія ученаго въ жизни горцевъ, хорошій ученый (алимъ) рѣдко употребляетъ съ пользою для себя и для другихъ эту дѣятельность и это вліяніе. Все это онъ считаетъ мелочами, не приличествующими его достоинству. Онъ, какъ юристъ мусульманскаго закона, вмѣшивается только въ объясненіе шаріатскихъ правилъ, и зная духъ народа, онъ рѣдко нарушаетъ его интересы, а еще чаще ловко умѣетъ перетолковать эти правила согласно времени и обстоятельствъ, т. е., захочетъ-ли кто-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ (каковы были прежде ханы) сдѣлать что-либо и потребуетъ на это разрѣшенія по шаріату, захочетъ-ли сдѣлать что-нибудь такое-же самъ ученый,—онъ безъ труда найдетъ подходящее правило изъ шаріата и объяснитъ его какъ-угодно. Такого рода разрѣшеніе называется *фетва*. Подобнымъ разрѣшеніямъ найдется множество противниковъ со стороны другихъ ученыхъ, опровергающихъ данное фетва, а потому, чтобы рискнуть произнести о чемъ-нибудь фетва,

необходима полная увѣренность въ своемъ знаніи арабской грамматики. Благодаря многосложности грамматическихъ тонкостей арабскаго языка, ученый можетъ спорить съ кѣмъ-угодно цѣлыя сутки о значеніи какого-нибудь слога въ фразахъ шаріатскихъ книгъ. Горцы имѣютъ замѣчательную страсть къ спорамъ подобнаго рода, и всѣми силами каждый старается опровергать мнѣніе ученаго собрата своего, хотя-бы даже онъ призналъ его съ перваго раза справедливымъ.

Зато мелкіе ученые, муллы, усердно практикуютъ во всѣхъ означенныхъ родахъ дѣятельности, и почти обращаютъ ихъ въ ремесло, которое и служитъ для нихъ единственнымъ источникомъ для пріобрѣтенія средствъ къ существованію. Но не смотря на это, они пользуются все-таки весьма скудными доходами. За отогнаніе нечистыхъ духовъ отъ больнаго или за написаніе молитвы противъ болѣзни, мулла получаетъ кусокъ сушеной баранины или нѣсколько чашекъ зерна, да и это отдается только въ томъ случаѣ, когда муллу выписываютъ изъ другаго аула; въ своемъ-же аулѣ онъ получаетъ за визитъ сытное угощеніе, отъ котораго беретъ остатки хлѣба и куски жаренаго мяса для своего семейства, по предложенію хозяина. Ради сытнаго обѣда, мулла готовъ пойти пѣшкомъ за нѣсколько верстъ, и услышавши, что въ близкомъ аулѣ умеръ какой-нибудь зажиточный человѣкъ, онъ низачто не пропуститъ такого случая и отправится туда, хотя-бы вовсе не зналъ умершаго, но лишь-бы возвратиться домой съ сытымъ желудкомъ и съ кускомъ грубой бумажной матеріи, которую жена его употребитъ на заплату его рубашки или шараваръ. Онъ проповѣдуетъ народу о душеспасительномъ дѣйствіи милостыни, хвалитъ щедрость, воздержаніе, но, въ отношеніи лично къ себѣ, эти качества онъ находитъ почти непозволительными...

Наконецъ упомяну, что къ числу занятій болѣе трудолюбивыхъ муллъ принадлежитъ еще переписываніе корана. Купивши восемь дестей бѣлой бумаги за полтора или два рубля, выглаживаютъ ее, натирая плоскимъ кускомъ кремня на гладкой деревянной доскѣ: это дѣлается для того, чтобы на бумагѣ легко было писать и чтобы почеркъ вышелъ красивымъ. Потомъ пишутъ на ней

коранъ, сидя на колѣняхъ, на полу, и самый проворный переписчикъ кончаетъ эту работу въ два мѣсяца. Потомъ, разукрасивъ красными чернилами, т. е. поставивъ въ концѣ каждаго стиха крупныя точки, переплетаютъ книгу въ сафьянный переплетъ и выносятъ на продажу. Обыкновенная цѣна такого труда—отъ 5-ти до 10 руб. сер., смотря по качеству почерка. Бываютъ извѣстные переписчики (катибы), которые имѣютъ весьма красивый почеркъ и которые украшаютъ еще свой товаръ сусальнымъ золотомъ, трудясь надъ перепиской цѣлые пять-шесть мѣсяцевъ, а иногда и цѣлый годъ. Такіе катибы продаютъ свой коранъ за 50—60 руб. Но такой дорогой коранъ можетъ купить только какое-нибудь общество, которое пріобрѣтаетъ его для своей мечети, и очень рѣдко встрѣтится частный охотникъ, желающій пріобрѣсти подобную драгоцѣнность.

Абдулла Омаровъ.

1869 года.
г. Тифлисъ.

ГОРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа.

Вопросъ объ опредѣленіи законодательнымъ порядкомъ поземельныхъ правъ вообще цѣлыхъ горскихъ обществъ Кавказа и, въ частности, нѣкоторыхъ почетныхъ членовъ этихъ обществъ возникъ, кажется, еще въ началѣ водворенія русскаго владычества на Кавказѣ, и всегда, не смотря на безпрестанныя попытки къ уясненію этого вопроса, ускользалъ отъ положительнаго разрѣшенія.

Съ одной стороны, представлялось необходимымъ прикрѣпить населеніе къ землѣ, сдѣлать его менѣе подвижнымъ и, правильнымъ распредѣленіемъ земель, положить прочное начало къ матеріальному улучшенію быта населенія и вообще къ развитію естественныхъ богатствъ страны; а съ другой,—положеніе поземельнаго вопроса представлялось до такой степени темнымъ и сложнымъ, что разрѣшеніе его, по необходимости, нужно было отложить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и, руководясь общими взглядами на положеніе горскаго населенія, съ политической или военной точки зрѣнія, ограничиваться только временными распоряженіями по распредѣленію земель между населеніемъ, соотвѣтственно военному положенію его.

Случайности войны безпрестанно мѣняли положеніе населенія и, нерѣдко, требовали передвиженій ауловъ съ одного мѣста на другое; но и на новыхъ мѣстахъ земли отводились также временно и, почти всегда, безъ указанія границъ владѣнія землями, чрезъ что весьма часто, въ самомъ началѣ своего водворенія, подвергшіеся переселенію аулы были вынуждаемы заводить поземельные споры

съ своими новыми сосѣдями. Такой порядокъ вещей, конечно, не могъ не производить вреднаго вліянія на благосостояніе горскаго населенія,—и, дѣйствительно, населеніе это, съ каждымъ годомъ, дѣлалось все болѣе и болѣе фанатичнымъ, недовѣрчивымъ къ прочности своего положенія и, вынуждаемое силою къ покорности, вело такимъ образомъ свое хозяйство, чтобы было всегда возможно, безъ особыхъ матеріальныхъ потерь, бросить одну мѣстность и перейти на другую.

Проходили десятки лѣтъ, положеніе горцевъ не мѣнялось къ лучшему и только продолжало, такъ сказать, воспитывать ихъ для ожесточенной войны съ нами. Серьезный трудъ по хозяйству былъ почти невозможенъ для горца и, потому, горцы были вынуждаемы отыскивать средства къ жизни въ военной добычѣ. Правда, прелесть приключеній въ набѣгахъ на казачьи станицы, хищническія нападенія на русскихъ и военная слава, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозный фанатизмъ, сдѣлались впослѣдствіи для горца достаточной побудительной причиной, чтобы бросать свою осѣдлость и уходить въ горы; но тѣмъ не менѣе нельзя было не приписывать легкости, съ которою весьма часто уходили отъ насъ покорные горцы цѣлыми аулами, тому, что положеніе ихъ у насъ было недостаточно опредѣленно, и именно въ отношеніи права ихъ на владѣніе землями.

Хотя покорные аулы и получали почти всегда обѣщанія отъ начальства, что они останутся на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ водворены; но, имѣя передъ глазами нѣсколько примѣровъ очищенія горскихъ земель для новыхъ казачьихъ станицъ, горцы плохо вѣрили такимъ обѣщаніямъ, тѣмъ болѣе, что на категорически предложенный ими вопросъ о томъ, какъ будутъ они надѣлены землею, получались, въ большей части случаевъ, нерѣшительные отвѣты, потому-что, при тогдашнемъ положеніи края, трудно было предвидѣть заранѣе всѣ тѣ случайности, которыми могло обусловиться устройство быта покорнаго населенія.

Наиболѣе частымъ переселеніямъ съ одного мѣста на другое, а слѣдовательно, и большей неопредѣленности своего положенія, подвергалось населеніе Сѣвернаго Кавказа, упорно защищавшее отъ русскихъ почти каждый шагъ земли.

Занятое веденіемъ войны и выжиданіемъ, пока, сообразно съ успѣхами войны, положеніе покорнаго горскаго населенія сколько нибудь опредѣлится, кавказское начальство не могло предпринять ничего рѣшительнаго въ такомъ дѣлѣ, какъ опредѣленіе правъ

населенія на владѣніе землями; но, впрочемъ, тѣмъ не менѣе, въ попыткахъ разрѣшить поземельный вопросъ на Кавказѣ никогда не было недостатка. Съ этою цѣлію учреждались не разъ особые комитеты и коммисіи, писались различные проекты, но только все это кончалось тѣмъ, что комитеты и коммисіи, по измѣнившимся обстоятельствамъ, упразднялись, а написанные проекты сдавались въ архивы, какъ не соотвѣтствующіе дѣйствительному положенію дѣлъ.

Между тѣмъ условія жизни горскаго населенія, вслѣдствіе непрерывной, болѣе или менѣе ожесточенной войны, безпрестанно мѣняясь, ставили населеніе въ необходимость подчиняться новымъ порядкамъ,—нерѣдко, въ ущербъ искони сложившимся правамъ цѣлаго общества и въ нарушеніе издавна существовавшаго народнаго обычая,—чѣмъ постепенно разрушался старый порядокъ владѣнія землями. Въ то-же время, благодаря военному положенію края, изъ среды горцевъ постоянно выдвигались люди, обладавшіе или военными способностями или умѣніемъ сдѣлаться необходимыми посредниками между мѣстными властями и народомъ, и пріобрѣтали себѣ особое почетное положеніе въ народѣ. Изъ нихъ люди болѣе проницательные, числясь на службѣ и не довольствуясь получаемыми за службу чинами и другими наградами, стали требовать закрѣпленія за ними искони будто-бы принадлежавшихъ имъ земель, указывая при этомъ такія пространства, заключавшія въ себѣ десятки тысячъ десятинъ, какія казались болѣе выгодными для нихъ. Рядомъ съ этимъ возникали и правильныя требованія со стороны тѣхъ лицъ, которымъ дѣйствительно должны были принадлежать права на владѣніе землями, хотя большею частію и не въ такой степени, какъ заявлялось притязаніе.

Затрудненія въ отношеніи разбора справедливости такихъ требованій были тѣмъ значительнѣе, что у большей части горскихъ племенъ если и существовала поземельная собственность, то собственность цѣлаго племени, обусловленная весьма сложными народными обычаями, казавшимися для русскихъ, при маломъ знакомствѣ ихъ въ прежнее время вообще съ существующими у горцевъ порядками, до крайности сбивчивыми и неопредѣленными; такъ напримѣръ, при существовавшемъ во многихъ мѣстностяхъ обычаѣ, что земля,—точно также какъ воздухъ, вода и лѣсъ,—суть общественное достояніе, пользоваться которымъ можетъ каждый безъ всякаго ограниченія, допускалось, что нѣкоторыя изъ почетныхъ лицъ имѣютъ предпочтительное предъ другими право рас-

поряжаться землею. Это-то преимущество нерѣдко понималось русскими какъ право собственности.

При каждомъ домогательствѣ частныхъ лицъ, о закрѣпленіи во владѣніе ихъ земли, обыкновенно представлялось, какъ доказательство основательности иска, что земли, о которыхъ они просятъ, уже втеченіи нѣсколькихъ столѣтій считаются родовою ихъ собственностію. Случалось, впрочемъ, что нѣкоторыя лица право на владѣніе землями доказывали чисто-сказочными разсказами о необыкновенномъ происхожденіи своихъ предковъ и о бывшемъ ихъ могуществѣ.

Послѣдняго рода доказательства выслушивались обыкновенно какъ курьезы, а въ дѣйствительности они отличались отъ первыхъ, совершенно голословныхъ, доказательствъ только тѣмъ, что были наивнѣе и на первомъ-же шагу обнаруживали въ истцахъ неспособность дать удачное направленіе иску.

Какъ бы то ни было, а настойчивость, хотя и ни на чемъ положительномъ не основанная, увѣнчивалась хорошими результатами. Такъ напримѣръ, благодаря настойчивымъ домогательствамъ, князья Бековичи-Черкасскіе и фамилія Тугановыхъ успѣли получить весьма обширные участки земли: во владѣніе первыхъ, Высочайше утвержденнымъ 19 Мая 1825 года журнальнымъ постановленіемъ Комитета Министровъ, была закрѣплена, съ правомъ продажи и залога, дача въ Малой Кабардѣ въ количествѣ 98 тысячъ десятинъ, которую впослѣдствіи пришлось купить въ казну, частію для надѣленія землею казачьихъ станицъ и частію для обезпеченія земельнымъ надѣломъ проживавшихъ на той землѣ туземныхъ ауловъ; а во владѣніе вторыхъ была отдана, по Высочайше конфирмованному, 24 Іюня 1837 года, докладу Шефа Жандармовъ, дача въ плоскостной Дигоріи, въ количествѣ 19 тысячъ десятинъ, часть которой также вскорѣ пришлось купить у Тугановыхъ, на счетъ казны, для сосѣдней казачьей станицы.

Эти два случая административныхъ ошибокъ лучше всего показали неудобство постановлять окончательныя рѣшенія по отдѣльнымъ просьбамъ о признаніи поземельныхъ правъ частныхъ лицъ. Но въ тоже время нельзя было упускать изъ виду, что существующая неопредѣленность правъ землевладѣнія держала въ застоѣ народное хозяйство, убивала, въ самомъ зародышѣ, попытки къ промышленному развитію края и, вообще, нанося вредъ благосостоянію населенія, дѣлала его все болѣе и болѣе раздражительнымъ.

Состоявшіяся съ прежнее время распоряженія кавказскаго начальства о временномъ распредѣленіи земель между населеніемъ, а также и рѣшенія по поземельнымъ спорамъ, возникавшимъ между аульными обществами и частными лицами, далеко не отличались послѣдовательностію, и оттого, въ рукахъ народа и частныхъ лицъ, не рѣдко служили основаніемъ для различныхъ домогательствъ, исполненіе которыхъ, по меньшей мѣрѣ, было-бы несправедливостію по отношенію къ другой, также заинтересованной въ дѣлѣ сторонѣ. И все это усложнялось еще тѣмъ, что въ прежнее военное время и начальникъ отряда и комендантъ и приставъ считали себя вправѣ распоряжаться распредѣленіемъ земель между народомъ.

Такимъ образомъ, существовавшая у горскихъ племенъ Кавказа неопредѣленность правъ на владѣніе землями съ теченіемъ времени оказалась до такой степени осложненною распоряженіями начальствовавшихъ лицъ и вообще представляла такой лабиринтъ самыхъ противорѣчивыхъ фактовъ, что впослѣдствіи во многихъ сомнительныхъ случаяхъ нужно было прибѣгать къ разрѣшенію вопросовъ административною властію, т. е. не входя въ строгій разборъ ни прежняго обычнаго права, ни прежнихъ, административныхъ же, распоряженій начальства; но, конечно, и послѣднія распоряженія по поземельному устройству горцевъ, въ свою очередь, могли-бы послужить новыми фактами для усложненія дѣла, если-бы на этотъ разъ не были приняты строгая послѣдовательность и точность въ рѣшеніяхъ, устраняющія всякую возможность превратнаго толкованія значенія ихъ.

Учрежденные въ 1856—1860 годахъ комитеты и коммисіи для разбора личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ Осетинскаго, Кабардинскаго и Кумыкскаго округовъ Терской области, если и успѣли въ чемъ, такъ это только собрали нѣсколько данныхъ, послужившихъ къ уясненію дѣла. Ничего, впрочемъ, другаго, во всякомъ случаѣ, они сдѣлать не могли, потому что не имѣли для руководства ни хозяйственныхъ съемокъ земель, ни даже точныхъ свѣдѣній о количествѣ населенія въ каждомъ обществѣ, безъ чего разбирать поземельное право въ названныхъ округахъ значило только, какъ показалъ опытъ, напрасно терять время.

Попытки того-же времени произвести размежеваніе земель въ плоскостной части Осетинскаго округа, также, какъ увидимъ ниже, оказались не совсѣмъ удачными.

По умиротвореніи Восточнаго Кавказа, въ 1859 году, нужно было прежде всего остановить поголовное стремленіе горскаго населенія къ переселенію въ Турцію, по возможности успокоить это населеніе, устроить новыя административныя управленія въ горскихъ племенахъ, учредить примѣненные къ народнымъ обычаямъ и понятіямъ народные суды, положить начало для образованія горцевъ и, твердостію принятыхъ мѣръ, прекратить разбои и мятежныя вспышки.

По поземельному-же вопросу, касающемуся самыхъ дорогихъ для горца интересовъ, все еще не было приступаемо къ положительнымъ, видимымъ для населенія рѣшеніямъ, — отчасти потому-что приступать къ нему, при крайне напряженномъ тогда настроеніи умовъ населенія, нужно было съ особенною осторожностію, а отчасти по несобранію необходимыхъ для того данныхъ.

Наконецъ, съ 1863 года, является цѣлый рядъ рѣшительныхъ мѣръ по устройству поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа. Съ сущностью-то и значеніемъ этихъ мѣръ мы и намѣреваемся познакомить читателя.

По вступленіи въ командованіе Кавказскою Арміею Государя Великаго Князя Михаила Николаевича, Его Императорское Высочество, между прочимъ, обративъ особенное вниманіе на необходимость возможно-скорѣйшаго установленія правильныхъ поземельныхъ отношеній въ горскихъ племенахъ Сѣвернаго Кавказа и вообще на распредѣленіе земель этой части края, заключающей въ себѣ Терскую и Кубанскую области, — изволилъ сдѣлать для разрѣшенія этой задачи нижеизложенныя распоряженія.

По Терской области:

По случаю недостатка единства, замѣченнаго въ дѣйствіяхъ разновременно учрежденныхъ въ Терской области комитетовъ и коммисій, для разбора личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ, въ 1863 году всѣ эти комитеты и коммисіи были упразднены и взамѣнъ ихъ учреждена общая для всей

области поземельная коммисія. Благодаря дѣятельности этой коммисіи, руководимой начальникомъ Терской области, генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ, а отчасти и тѣмъ даннымъ, которыя были собраны прежними комитетами и коммисіями, представилась уже возможность приступить къ составленію подробныхъ проектовъ поземельнаго надѣла и затѣмъ къ осуществленію ихъ.

Выше уже было говорено, что въ нѣкоторыхъ частяхъ края и въ особенности въ тѣхъ, гдѣ, благодаря войнѣ, замѣнился на время старый порядокъ владѣнія землями произволомъ и неурядицами, отлагать разрѣшеніе поземельнаго вопроса значило-бы, наименьшее, оставлять населеніе въ крайне-тревожномъ положеніи. Обстоятельство это было главною побудительною причиною того, что вновь установляемый порядокъ землевладѣнія вводится не одновременно въ цѣлой области, а постепенно, по мѣрѣ накопленія данныхъ для разрѣшенія вопроса въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ или округѣ. Такая система, на первый взглядъ, страдаетъ въ томъ отношеніи, что при ней нѣкоторые горцы могутъ получить земли много, другіе мало, а для нѣкоторыхъ, пожалуй, можетъ вовсе не достать земель; но это могло-бы считаться дѣйствительною погрѣшностью принятой системы только въ томъ случаѣ, если-бы, во-первыхъ, о туземныхъ племенахъ, въ которыхъ не приступлено еще къ рѣшенію поземельныхъ вопросовъ, не имѣлось ровно никакихъ свѣдѣній, а во-вторыхъ,—если-бы справедливость должна была заключаться въ томъ, чтобы дать всѣмъ обществамъ равное не по праву, а по числу душъ, количество земли. Ниже мы увидимъ, какъ было-бы, напротивъ, несправедливо добиваться, чтобы отводъ земель производился непремѣнно по равной для всѣхъ вообще горцевъ нормѣ душеваго надѣла. Если-бы всѣхъ горцевъ при надѣленіи землею было легко подвести подъ одну категорію, то, конечно, нужно было-бы только привести въ точную извѣстность количество земель, заключающихся въ области, число населенія и, на основаніи этихъ данныхъ, опредѣливши норму душеваго или подворнаго надѣла, начать межеваніе земель. Но такой порядокъ былъ-бы крайне-произволенъ и далеко несправедливъ, а потому, конечно, и не могъ быть принятъ въ руководство, ибо при немъ, вопреки всѣхъ прежнихъ распоряженій и обѣщаній, во многихъ случаяхъ были-бы положительно нарушены права собственности какъ отдѣльныхъ обществъ, такъ и частныхъ лицъ, возбуждено на произволъ всеобщее неудовольствіе и, наконецъ, изъ желанія осуще-

ствить такой порядокъ, пришлось бы отложить поземельную реформу еще на десятки лѣтъ, или ввести задуманный порядокъ землевладѣнія не иначе, какъ при помощи штыковъ, такъ-какъ эта мѣра, безъ сомнѣнія, крайне раздражила-бы население

Поэтому-то, какъ только выяснялись существующія въ каждой отдѣльной, по административному или народному дѣленію, части края поземельныя отношенія и подготовлялись другія данныя, такъ тотчасъ-же создавался проектъ распредѣленія между населеніемъ земель такой мѣстности.

При подробномъ обзорѣ положенія поземельнаго вопроса въ каждой отдѣльной части Терской области, къ чему мы обращаемся теперь, лучше всего можно увидѣть, насколько принятый способъ рѣшенія поземельныхъ вопросовъ оказывается соотвѣтствующимъ справедливости и нуждамъ населенія.

Большая Кабарда и сопредѣльныя съ нею горскія общества.

Горскія общества Большой Кабарды (Балкарское, Безенгіевское, Хуламское, Чегемское и Уруспіевское) водворены въ глубинѣ ущелій главнаго Кавказскаго хребта, обращенныхъ къ сѣверо-востоку. У подножія этихъ ущелій лежатъ большія пространства, большею частію, плоскостныхъ земель, издавна занятыхъ особымъ, по своему племенному происхожденію, населеніемъ, составляющимъ общество Большой Кабарды. Занятая горскими обществами мѣстность представляетъ гряды высокихъ и скалистыхъ хребтовъ, вершины которыхъ покрыты или вѣчнымъ, или лишь на небольшое время въ году стаивающимъ снѣгомъ. Ребра этихъ хребтовъ удерживаютъ скалистый и малопроизводительный характеръ почвы своихъ вершинъ и только самое дно ущелій и прилегающія къ нему низменныя части боковыхъ скатовъ представляютъ удобства для земледѣлія, но не иначе, какъ при тщательномъ удобреніи земли, а мѣстами и при искусственномъ орошеніи. Сообразно естественному строенію горныхъ мѣстностей, низшія части ущелій, вблизи выходовъ ихъ на кабардинскую плоскость, представляютъ болѣе пониженные и развѣтвившіеся отроги водораздѣльныхъ хребтовъ и потому болѣе верхнихъ частей благопріятны земледѣлію.

Будучи такимъ образомъ замкнуты въ горныхъ ущельяхъ весьма сильнымъ кабардинскимъ племенемъ, горскія общества въ

прежнее время находились въ болѣе или менѣе тяжкой зависимости отъ кабардинскихъ князей, безъ покровительства которыхъ обойтись имъ было невозможно, ибо только безусловнымъ подчиненіемъ себя кабардинскимъ князьямъ, воля которыхъ уважалась народомъ, горцы пріобрѣтали защиту отъ хищническихъ набѣговъ кабардинцевъ и спокойно пасли свои стада на плоскости, исправно лишь платя своимъ покровителямъ условленную дань.

Съ обнародованіемъ въ 1822 году прокламацій генерала Ермолова, клонившихся къ обузданію своеволія кабардинскихъ князей, горцы избавлены были отъ княжеской зависимости и имъ оказано было покровительство. Къ этому времени слѣдуетъ отнести начало споровъ жителей горскихъ обществъ съ кабардинцами за право первыхъ пользоваться осенними и весенними пастбищами на плоскости. Къ порожденію таковыхъ споровъ много способствовала устроенная тогда, такъ называемая передовая кабардинская кордонная линія, составленная у предгорій изъ цѣпи верхнихъ укрѣпленій и казачьихъ постовъ, за которой воспрещалось жить кабардинцамъ, какъ для пресѣченія сношеній ихъ съ закубанскими горцами, такъ и частыхъ побѣговъ кабардинцевъ за Кубань, и при существованіи которой горцы безъ стѣсненій отъ кабардинцевъ могли занимать необходимыя имъ пастбища; но все-таки и въ это время, какъ и прежде, горскіе овцеводы, выходя со стадами на плоскость, по установившемуся обычаю, одаряли вліятельныхъ кабардинцевъ, принадлежавшихъ обыкновенно къ высшимъ кабардинскимъ сословіямъ. Отсюда также явилась претензія кабардинцевъ на право взиманія съ горцевъ ясака за пастбу стадъ на плоскости.

По естественнымъ условіямъ мѣстности, для жителей горскихъ обществъ единственнымъ источникомъ ихъ богатства можетъ служить только скотоводство, ибо, при скудной, малопроизводительной почвѣ занятыхъ ими земель, они не могутъ существовать земледѣльческимъ трудомъ. Родившагося въ горахъ хлѣбнаго зерна, ячменя, въ обыкновенные годы достаетъ для горскаго населенія только на два мѣсяца. Посѣвы пшеницы и проса, по краткости въ горахъ теплаго времени,—невозможны; притомъ-же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ нижней части Баксанскаго ущелья, занятаго Балкарскимъ обществомъ, и посѣвы ячменя сильно страдаютъ отъ обилія сусликовъ (джубуранъ), истинныхъ враговъ горскаго земледѣлія, справиться съ которыми горцы не

въ состояніи. Необходимую пропорцію хлѣба горцы пріобрѣтаютъ покупкою у казаковъ и у кабардинцевъ.

Чтобы положить конецъ все сильнѣе и сильнѣе развивавшейся враждѣ между жителями горскихъ обществъ и кабардинцами, по поводу занятія первыми пастбищъ въ плоскостной части Кабарды,—которыми они хотя пользовались, но почти всегда терпя при этомъ притѣсненія со стороны кабардинцевъ, нерѣдко сопровождавшіяся происшествіями уголовнаго характера, — въ 1863 году были подробно разсмотрѣны нужды горскихъ обществъ и опредѣлена потребность ихъ въ осеннихъ и весеннихъ пастбищахъ на плоскости Большой Кабарды. Составленнымъ въ 1864 году проектомъ разграниченія горскихъ обществъ съ Большою Кабардою, было предположено: отодвинуть отъ нагорной полосы часть границы кабардинскихъ земель, предоставивъ такимъ образомъ горскимъ обществамъ пастбища въ плоскостной части, а кабардинцевъ вознаградить за имѣющія отойти отъ нихъ земли двумя участками такъ называемой кордонной земли, находившейся въ ихъ пользованіи, но окончательно за ними не закрѣпленной.

Главныя основанія этихъ предположеній въ 1864-же году были удостоены утвержденія, почему тогда-же было приступлено къ окончательному опредѣленію границы горскихъ обществъ со стороны Большой Кабарды; но, при приведеніи въ исполненіе утвержденнаго въ 1864 году предположенія, казавшагося прежде, при бывшей неопредѣленности правъ горскихъ обществъ на занятіе пастбищъ въ раіонѣ кабардинскихъ земель, вполнѣ удовлетворительнымъ для обѣихъ сторонъ, обнаружилось, что проектированная прирѣзка земли горскимъ обществамъ не можетъ удовлетворить ихъ потребности, потому-что сосѣднія съ ними кабардинскія земли, изъ которыхъ назначена прирѣзка, служа продолженіемъ ущелій, занятыхъ горскими обществами, во многихъ мѣстахъ покрыты сплошнымъ лѣсомъ и вообще подвержены сильнымъ холодамъ, чрезъ что неудобны для осенней и весенней пастьбы стадъ, въ чемъ, главнымъ образомъ, нуждаются жители названныхъ обществъ, имѣя достаточное количество лѣтнихъ пастбищъ въ раіонѣ своихъ земель.

Поэтому, въ настоящее время предполагается:

1) Укрѣпить за горцами всѣ земли, искони составляющія ихъ собственность и границы которыхъ нынѣ съ достовѣрностію уже извѣстны.

2) Дозволить горцамъ безплатно пользоваться для пастбы

стадъ и устройства зимовниковъ общественными кабардинскими землями, не вошедшими въ районъ аульныхъ надѣловъ, за исключеніемъ изъ этихъ земель тѣхъ участковъ, на право владѣнія которыми заявили претензіи жители горскихъ обществъ и кабардинцы и которые, по разсмотрѣніи представленныхъ претендентами документовъ, быть можетъ, будутъ признаны составляющими ихъ частную собственность.

3) Образовавшихся въ горскихъ обществахъ, преимущественно изъ освобожденныхъ чагаровъ и казаховъ (крестьянскія сословія), 400 безземельныхъ семействъ, выселить въ Большую Кабарду, изъ коихъ до 100 семействъ поселить въ водворенномъ на кабардинскихъ земляхъ изъ различныхъ переселенцевъ Хасаутскомъ аулѣ, а для водворенія остальныхъ нарѣзать изъ кабардинскихъ земель отъ 4 до 8 т. десятинъ.

4) Воспретить горцамъ безвозмездное пользованіе весенними и осенними пастбищами въ границахъ кабардинскихъ аульныхъ дачъ, предоставивъ имъ входить въ обоюдныя по этому предмету соглашенія съ кабардинцами.

Такимъ образомъ въ настоящее время дѣло по устройству поземельнаго быта горскихъ обществъ приводится къ окончанію. Остается только укрѣпить издавна установившійся порядокъ землевладѣнія въ районѣ безспорно принадлежавшемъ всегда этимъ обществамъ и, для предупрежденія въ будущемъ различныхъ споровъ, произвести, быть можетъ, обмежеваніе нѣкоторыхъ участковъ; но осуществленіе послѣдняго не составляетъ уже трудной задачи и не требуетъ спѣшнаго рѣшенія, а потому и отложено до окончанія болѣе важныхъ работъ по поземельному устройству горцевъ въ другихъ частяхъ края.

Намъ извѣстно, что всѣ земли въ районѣ горскихъ обществъ составляютъ собственность или цѣлаго общества, или частнаго лица. Къ 1-й категоріи земель, т. е. къ общественной собственности, относятся преимущественно пастбищныя и сѣнокосныя мѣста, а ко 2-й пахатныя поля и усадебныя осѣдлости. Какъ велико общее количество земли въ горскихъ обществахъ, въ настоящее время хотя и нѣтъ еще точныхъ свѣдѣній, но уже извѣстно, что вообще удобныхъ земель въ горскихъ обществахъ не много и что земли, составляющія частную собственность, распредѣлены между 720 владѣльцами на участки, каждый величиною отъ 600 квадратныхъ саженей до нѣсколькихъ сотенъ десятинъ.

По собраннымъ въ последнее время данымъ оказывается, что жители горскихъ обществъ имѣютъ до 400 тысячъ штукъ овецъ и козъ, и отъ 20 до 30 тысячъ штукъ рогатаго скота; населеніе-же горскихъ обществъ состоитъ изъ 1020 дворовъ, въ которыхъ, полагая среднимъ числомъ по 6-ти душъ обоего пола на каждое семейство, можно считать всего 6120 душъ; слѣдовательно, въ горскихъ обществахъ, на каждую душу, безъ различія пола и возраста, среднимъ числомъ приходится по 65 овецъ и по 4 штуки крупнаго рогатаго скота.

Цифры эти всего краснорѣчивѣе убѣждаютъ въ безбѣдности существованія жителей горскихъ обществъ, не смотря на то, что малопроизводительная почва занятыхъ ими земель снабжаетъ ихъ крайне-незначительною пропорціею хлѣба. Главный источникъ ихъ богатства, какъ сказано выше, заключается въ скотоводствѣ, благосостоянію котораго въ настоящее время уже не могутъ угрожать произвольныя притѣсненія сосѣдей горскихъ обществъ— кабардинцевъ. Кромѣ этого главнаго промысла, горцы занимаются заготовленіемъ и продажею лучины, которую большинство кабардинцевъ получаетъ отъ горцевъ и употребляетъ вмѣсто свѣчъ.

Разборъ вопроса объ обезпеченіи поземельныхъ нуждъ горскихъ обществъ былъ вызванъ на первый планъ благодаря тѣсной его связи съ поземельнымъ вопросомъ въ Большой Кабардѣ, въ которой втеченіи этого времени разбирался существующій порядокъ землевладѣнія.

Большая Кабарда граничитъ съ запада съ Эльборусскимъ округомъ, Кубанской области, и рѣкою Эшкакономъ, одѣляющею отъ кабардинскихъ земель казенныя земли Эшкаконскаго участка, съ сѣвера—съ участками частныхъ владѣльцевъ, землею кисловодскихъ поселянъ, землями 2 Волжскаго и Горскаго казачьихъ полковъ, съ запада — съ землями 1 Владикавказскаго казачьяго полка и съ юга—съ нагорною частію Осетинскаго округа и съ горскими обществами.

Кабарда присоединена къ Россіи еще въ 1732 году, но почти до самаго послѣдняго времени оставалась для Россіи замкнутымъ уголкомъ. Кромѣ открытыхъ мятежныхъ возстаній, для усмиренія которыхъ нерѣдко употреблялась вооруженная сила многочисленныхъ отрядовъ, кабардинцы своимъ тайнымъ хищничествомъ ставили себя въ положеніе почти враждебное къ намъ и вступали въ сношеніе съ русскими властями почти всегда

чрезъ своихъ князей и первостепенныхъ узденей, стоявшихъ во главѣ народа.

При отсутствіи въ народѣ понятія о частной поземельной собственности, въ смыслѣ нашихъ законовъ, и при существовавшей въ Кабардѣ равноправности всѣхъ сословій относительно пользованія землею, князья и уздени и въ особенности нѣкоторыя, болѣе выдававшіяся изъ нихъ, личности, мало-по-малу присвоили себѣ право распоряжаться распредѣленіемъ земель въ пользованіе народа и нерѣдко, выбравъ и захвативъ въ свою пользу лучшіе участки, остальную затѣмъ землю предоставляли аульному обществу распредѣлять между своими членами, посредствомъ выборныхъ и пропорціонально достатку и рабочимъ средствамъ каждаго. Хотя эти лица не продавали земель и по-видимому не признавали за собою таковаго права, но захватываемые изъ аульныхъ дачъ участки, по неимѣнію собственнаго большаго хозяйства, отдавали въ наемъ сосѣднимъ обществамъ, либо уступали безплатно тѣмъ, въ услугахъ которыхъ могли нуждаться. При обиліи земель и несложности кабардинскаго хозяйства, такой порядокъ пользованія землями не былъ слишкомъ стѣснителенъ для низшаго сословія; но при немъ постепенно увеличивалась власть привиллегированныхъ лицъ, съумѣвшихъ, подъ видомъ представительства народныхъ интересовъ, пріобрѣсть себѣ значеніе феодальныхъ правителей и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться совершенно необходимыми и безконтрольными посредниками между народомъ и русскою властію, которая до послѣдняго времени, въ силу сложившихся отношеній, оказывалась сильною на столько, на сколько это согласовалось съ видами и интересами высшаго сословія. Даже въ случаяхъ вопіющаго произвола и насилія, народъ не могъ обращаться за правосудіемъ къ русской власти, потому что, такъ или иначе, старшій въ аулѣ князь или уздень могъ притѣснить его еще болѣе, или даже выставить передъ русскою властію какъ человѣка безпокойнаго и вреднаго для общества. Очевидно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, простому народу оставалось одно—вполнѣ покориться произволу сильнаго.

Между тѣмъ правительство, употребляя всѣ зависящія отъ него мѣры къ развитію благосостоянія въ народѣ, постоянно оказывало особенное вниманіе и награждало чинами и другими отличіями ставшихъ во главѣ народа лицъ, расчитывая, что они сдѣлаются самыми лучшими проводниками въ народъ цивилизую-

щихъ началъ, а слѣдовательно и самыми лучшими исполнителями правительственныхъ распоряженій. Къ сожалѣнію, многолѣтній опытъ вполнѣ убѣдилъ въ ложности этой системы по отношенію къ кабардинцамъ. Какъ въ началѣ принятія подданства Россіи, такъ и до послѣдняго времени, кабардинцы вели полукочевую жизнь, поддерживавшую въ массѣ праздность и умственный застой, отличались недовѣрчивостію и скрытностію, не допускавшими у нихъ никакихъ перемѣнъ къ лучшему, и всегда держали себя наготовѣ оказать открытое сопротивленіе правительственнымъ распоряженіямъ. Высшее сословіе, не отличаясь по своему развитію отъ массы населенія, въ большей части случаевъ являлось руководителемъ безпорядковъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ русская власть въ Кабардѣ не имѣла подобающаго ей значенія, ибо органы нашего правительства могли наблюдать въ этой странѣ мрака только событія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ. Безсиліе представителей мѣстной власти происходило не отъ недѣятельности ихъ, а отъ того, что до покоренія Кавказа правительство наше, чтобы не сдѣлать свою власть, какъ навязанную населенію силою, нелюбимою и чтобы не затруднить этимъ покореніе остальныхъ горскихъ племенъ, считало тогда преждевременнымъ подчинить горцевъ строгому управленію и потому ограничивалось въ отношеніи ихъ лишь палліативными мѣрами, кое-какъ поддерживавшими внѣшній порядокъ.

Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія генераломъ Ермоловымъ нерѣдко посылались кабардинцамъ весьма энергичныя прокламаціи, поучавшія народъ тому, какъ должно вообще вести себя, и служившія дѣйствительнымъ средствомъ къ ограниченію произвола князей; но въ сороковыхъ годахъ, когда главнымъ кавказскимъ начальствомъ было принято почти за систему поддерживать высшее сословіе, чтобы чрезъ него способствовать управленію народомъ, кабардинскіе князья и первостепенные уздени успѣли вполнѣ вознаградить себя за временно-утраченное значеніе въ народѣ. Матеріальные интересы народа были въ рукахъ князей, въ которыхъ народъ видѣлъ всю силу, и потому только къ нимъ обращался за разрѣшеніемъ возникавшихъ вопросовъ и сомнѣній. Русская власть парализировалась еще и тѣмъ, что населеніе Большой Кабарды, проживавшее разсѣянно, большею частію мелкими аулами и хуторами по кабардинской территоріи, вело полукочевую жизнь и, такимъ образомъ, представлялось недоступнымъ для

привитія къ нему тѣхъ началъ гражданственности, которыя необходимы для всякаго сколько-нибудь благоустроеннаго общества.

Не довольствуясь произвольно присвоеннымъ правомъ распоряжаться общественными землями, кабардинскіе князья стали обращаться съ требованіями о закрѣпленіи законодательнымъ порядкомъ, въ потомственное владѣніе ихъ, принадлежащихъ имъ будто-бы земель. На сколько были подобныя притязанія основательны — судить въ то время было трудно; но тѣмъ не менѣе, всѣ подобныя просьбы не оставались безъ обѣщаній, что, конечно, не могло не усложнять и безъ того сложныхъ поземельныхъ отношеній въ Большой Кабардѣ.

Такъ, напримѣръ, въ 1846 году правительствомъ пріобрѣтенъ покупкою у узденей Анзоровыхъ, необходимый для надѣленія 1-го Владикавказскаго казачьяго полка, участокъ земли, почему явилось основаніе предполагать, что и другія земли, которыми распоряжаются Анзоровы, правительство также будетъ считать ихъ собственностію, какъ и купленный уже участокъ, а между тѣмъ впослѣдствіи оказалось, что земли эти не принадлежали Анзоровымъ и покупка была совершена только благодаря умѣнію Анзоровыхъ повести дѣло. Кромѣ того, не однократно состоявшіяся распоряженія главнаго кавказскаго начальства о конфискаціи въ казну земель, послѣ побѣговъ къ непокорнымъ горцамъ нѣкоторыхъ изъ кабардинскихъ князей, хотя въ дѣйствительности и не были никогда приводимы въ исполненіе, но свидѣтельствовали также, что занятыя кабардинскими князьями земли считаются правительствомъ ихъ собственностію.

Такимъ образомъ, втеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, вопросъ о правахъ кабардинскихъ князей, какъ землевладѣльцевъ, осложненный своеобразностію существовавшаго въ Кабардѣ порядка землевладѣнія и разновременными распоряженіями кавказскаго начальства, нисколько не подвигался къ развязкѣ, пока не былъ поставленъ въ слѣдующей, самой простой формѣ: имѣютъ-ли кабардинскіе князья и уздени на земли, которыми они такъ полноправно распоряжались, права, какъ на частную ихъ собственность? если имѣютъ, то въ какомъ количествѣ и какимъ образомъ можетъ быть обезпечено остальное безземельное населеніе Большой Кабарды?

Собранные въ укр. Нальчикѣ, въ 1863 году, Терскою Сословно-Поземельною Коммисіею, для уясненія приведенныхъ выше вопросовъ, народные уполномоченные отъ каждаго аула и отъ

всѣхъ сословій Большой Кабарды, составленнымъ 20 го августа того-же года, актомъ, за общею ихъ подписью, заявили,—что всѣ земли Кабарды составляютъ достояніе цѣлаго народа и что они и на будущее время желаютъ пользоваться ими на общинномъ правѣ владѣнія. Затѣмъ дальнѣйшія разслѣдованія подтвердили справедливость этого заявленія и въ январѣ мѣсяцѣ 1865 года, въ присутствіи депутатовъ отъ кабардинскаго народа и мѣстныхъ начальствующихъ лицъ, было выяснено окончательно, что земли Большой Кабарды, равно какъ и весь кабардинскій народъ, съ весьма давнихъ временъ были раздѣлены между четырьмя княжескими фамиліями (Атажукиныхъ, Мисостовыхъ, Бекъ-Мурзиныхъ и Кайтукиныхъ) только въ политическомъ отношеніи и что условія, соблюдаемыя кабардинцами при періодическомъ распредѣленіи земель въ общественное пользованіе, соотвѣтствуютъ тѣмъ условіямъ, которыя существуютъ при общинномъ правѣ владѣнія землями. Такимъ образомъ кабардинскіе князья и уздени сами-же устранили заявляемыя ими прежде притязанія на закрѣпленіе за ними принадлежавшихъ будто-бы имъ земель и доставили этимъ возможность, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, обезпечить поземельнымъ довольствіемъ всѣ сословія Большой Кабарды. Пожалованныхъ земель въ Большой Кабардѣ, на правахъ частной собственности, никто, какъ оказалось, не имѣлъ. Поэтому Его Высочество Главнокомандующій, основываясь на составленномъ кабардинцами актѣ, рѣшилъ установить въ этомъ племени порядокъ пользованія землями преимущественно общинный, предназначивъ однако нѣкоторую часть земли для раздачи, по усмотрѣнію правительства, въ частную собственность тѣмъ изъ кабардинскихъ уроженцевъ, которые, по родовому происхожденію своему, а также и по личнымъ заслугамъ, по справедливости, должны быть отличены отъ простыхъ кабардинцевъ. Съ цѣлію-же доставленія администраціи болѣе удобствъ въ отношеніи полицейскаго надзора за населеніемъ, а равно для предоставленія кабардинцамъ возможности привыкнуть къ болѣе осѣдлой жизни, пріучиться вести правильно свое хозяйство и сократить несомые ими для содержанія внутренняго общественнаго управленія расходы, Его Высочество сдѣлалъ распоряженіе о соединеніи населенія Большой Кабарды въ болѣе многолюдные аулы, согласно мѣстнымъ удобствамъ и взаимнымъ соглашеніямъ старшинъ и депутатовъ отъ народа, съ тѣмъ, чтобы земли Большой Кабарды были распредѣлены въ общественное пользованіе аульныхъ обществъ, сообразно числи-

тельности населенія каждаго аула, принимая въ расчетъ и зависимыя сословія.

Что-же касается обращенія въ казну тѣхъ земель Большой Кабарды, которыя были конфискованы отъ владѣльцевъ распоряженіями бывшаго главнокомандующаго, генералъ-отъ-артиллеріи Ермолова, за побѣгъ къ непокорнымъ горцамъ и измѣну, то хотя не задолго передъ тѣмъ и были сдѣланы распоряженія о приведеніи этихъ земель въ извѣстность, но такъ какъ распоряженія генерала Ермолова не были своевременно приведены въ исполненіе, то Его Высочество призналъ положительно невозможнымъ приводить ихъ въ исполненіе, тѣмъ болѣе, что, признавая земли Большой Кабарды общественными, было-бы уже несправедливо лишать цѣлое общество части земель за преступленія нѣкоторыхъ членовъ этого общества.

На основаніи сдѣланныхъ Его Высочествомъ распоряженій, лѣтомъ 1865 года все населеніе Большой Кабарды сгруппировано въ 33-хъ большихъ аулахъ, водворенныхъ въ избранныхъ депутатами отъ народа пунктахъ, причемъ тогда-же были расчитаны по съемкѣ, произведенной въ масштабѣ 250 саж. въ дюймѣ, и указаны въ натурѣ каждому аулу временныя дачи, а также отдѣлено достаточное количество земли для потребностей гарнизона Нальчикскаго укрѣпленія, для непредвидимыхъ надобностей въ землѣ при этомъ укрѣпленіи и для обезпеченія существующихъ при укрѣпленіи слободки и нѣмецкой колоніи. Кромѣ того предназначены особые запасные участки для образованія въ Кабардѣ класса частныхъ собственниковъ и оставлены въ нераздѣльномъ пользованіи всего кабардинскаго общества лѣсные участки и участки земель, годныхъ преимущественно лишь для пастбищъ.

Такимъ образомъ, еще въ 1865 году, было опредѣлено въ общихъ чертахъ право землевладѣнія жителей Большой Кабарды, и основныя предположенія Его Высочества по этому предмету, внесенныя установленнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе Кавказскаго Комитета, по журналу Комитета, въ 12 день ноября 1867 года удостоены Высочайшаго утвержденія.

Затѣмъ было приступлено къ составленію окончательнаго проекта нарѣзки аульныхъ дачъ и участковъ для высшаго кабардинскаго сословія, и по составленному уже нынѣ вчернѣ проекту распредѣленія кабардинскихъ земель, видно, что площадь Большой Кабарды, заключающая въ себѣ всего около 630 тысячъ десятинъ, должна распредѣлиться такимъ образомъ: 1) въ надѣлъ кабар-

динскимъ ауламъ, по числу 5,969 дворовъ, 245,818 десятинъ; 2) въ 140 участкахъ, предназначаемыхъ въ частную собственность лицамъ высшаго сословія Большой Кабарды,—60,000 десятинъ; 3) въ запасные участки—24,000 десятинъ; 4) для безземельныхъ жителей горскихъ обществъ—отъ 4 до 8 т. десятинъ; 5) для нальчикскаго гарнизона и слободокъ, съ запаснымъ участкомъ—5,000 десятинъ, и 6) оставленныхъ въ нераздѣльномъ пользованіи всего общества Большой Кабарды: а) земель годныхъ преимущественно для пастбищъ—около 230 т. десятинъ, б) въ лѣсныхъ участкахъ—59,666 десятинъ *).

Запасные участки, въ количествѣ 24 тысячъ десятинъ, предназначаются частію для надѣленія участками въ частную собственность тѣхъ изъ кабардинскихъ уроженцевъ, которые, находясь на службѣ въ Россіи, могутъ оказаться пропущенными въ составленномъ нынѣ спискѣ кабардинскихъ собственниковъ, частію для надѣла высшаго сословія Малой Кабарды, въ раіонѣ которой не имѣется для этого достаточнаго количества земли, и частію на возмѣщеніе неудобныхъ земель, могущихъ оказаться при отводѣ участковъ.

Земли, назначаемыя въ раіонъ аульныхъ дачъ, по качеству почвы ихъ, можно раздѣлить на три полосы—верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя предгорная полоса доставляетъ кабардинскому хозяйству преимущественно пастбищныя угодья и лишь отчасти покосныя и пахатныя земли. Средняя полоса, не подверженная раннимъ холодамъ и частымъ дождямъ предгорій, по плодородію земли служитъ житницею Кабарды. Нижняя полоса, не совсѣмъ удобная для посѣвовъ проса, доставляетъ кабардинцамъ обильные покосы и служитъ для устройства зимовниковъ.

Сельское хозяйство кабардинцевъ находится на самой низкой степени развитія. Кабардинцы, вообще не расположенные обременять себя трудами по хозяйству, оказываютъ отвращеніе къ тяжелому земледѣльческому труду и потому естественнымъ образомъ обратились къ болѣе легкому занятію—скотоводству, которое въ настоящее время считается главнымъ источникомъ существованія

*) Остающійся за этимъ распредѣленіемъ въ Большой Кабардѣ участокъ въ 900 десятинъ, по ходатайству Его Высочества, Высочайше закрѣпленъ во владѣніе кабардинскаго уроженца, генералъ-маіора Абдрахманова, какъ вознагражденіе за земли, состоявшія въ пользованіи фамиліи Абдрахмановыхъ вблизи Пятигорска и отошедшія подъ казачьи поселенія.

этого народа. Паста (нѣчто въ родѣ просяной каши) не случайно сдѣлалась національною пищею кабардинца. Просо, посѣянное на цѣлинѣ и долголѣтнихъ залежахъ, въ первые два года даетъ отличный урожай, а главное—не требуетъ глубокой распашки земли и; притомъ-же, распашка производится только разъ въ году, весною. Разведеніе пшеницы составляетъ въ Кабардѣ самое недавнее нововведеніе и потому еще немногими принято; что же касается другихъ посѣвовъ, какъ напримѣръ: ржи, гречихи, овса, конопли, льна и т. п., то пока они кабардинцамъ неизвѣстны. Кукуруза разводится въ Кабардѣ какъ огородная овощь; картофель мало извѣстенъ, а капуста и бураки вовсе неизвѣстны.

При такомъ крайне-одностороннемъ развитіи сельскаго хозяйства кабардинцевъ, между ними установилось понятіе, что земля, не производящая дорогаго имъ проса и не дающая хорошаго сѣна, вовсе неудобна, тогда какъ, при другихъ условіяхъ народной жизни, эти неудобныя земли легко обратились-бы въ цвѣтущія поля, что, безъ сомнѣнія, и послѣдуетъ весьма скоро, при наступившихъ нынѣ новыхъ условіяхъ.

Не смотря на то, что въ настоящее время кабардинцы по преимуществу скотоводы, они главнымъ образомъ заботятся не объ улучшеніи различныхъ породъ домашнихъ животныхъ, а объ увеличеніи ихъ количества. Изъ имѣющихся нынѣ данныхъ о состояніи кабардинскаго скотоводства, оказывается, что у кабардинцевъ 17 табуновъ лошадей (изъ нихъ одинъ малокабардинскій). Такъ-какъ въ табунѣ бываетъ отъ 1000 до 3000 головъ, то, принимая среднюю цифру, получимъ до 34-хъ тысячъ табунныхъ лошадей. Овецъ, вмѣстѣ съ малокабардинскими, до 700 тысячъ численность рогатаго скота можетъ быть опредѣлена до 120 тысячъ. Кромѣ этой массы животныхъ, ежегодно пасущейся на общественныхъ кабардинскихъ земляхъ и отчасти на арендуемыхъ кабардинцами земляхъ Кумской и Государственной станицъ и въ степяхъ Ставропольской губерніи,—въ аульныхъ дачахъ Большой Кабарды остается множество верховыхъ лошадей, быковъ, коровъ, телятъ, козъ и овецъ, такъ-какъ, по укоренившемуся обычаю, выгонъ стадъ на общественныя, состоящія въ нераздѣльномъ пользованіи кабардинцевъ, пастбища производится только лицами, имѣющими не менѣе 100 головъ овецъ, или 60 штукъ крупнаго рогатаго скота или-же наконецъ 2—3 косяка (въ косякѣ большею частію 15 лошадей); мелкіе-же скотопромышленники во всякое время года держатъ скотъ на мѣстахъ своего жительства.

Предпринятая въ Кабардѣ поземельная реформа, безъ сомнѣнія, прежде всего отзовется на главномъ промыслѣ кабардинцевъ — скотоводствѣ, которое, вслѣдствіе новыхъ условій хозяйственнаго ихъ быта, должно уменьшиться до самыхъ скромныхъ размѣровъ, постепенно уступая свое мѣсто болѣе цивилизующимъ занятіямъ; но такъ-какъ внезапное паденіе главнаго народнаго промысла не можетъ совершиться безъ потрясенія народнаго хозяйства, то необходимо было дать нѣкоторую поддержку отживающему уже, но служащему пока основою народнаго хозяйства, промыслу. Въ этихъ видахъ всѣ лѣтнія пастибща предоставлены въ свободное пользованіе кабардинскихъ скотопромышленниковъ, а при назначеніи границъ аульныхъ дачъ опредѣлены скотопрогонныя дороги, главная — шириною въ 400 сажень, а побочныя во 100 сажень. Направленіе главной и побочныхъ дорогъ назначено съ такимъ расчетомъ, чтобы прогонъ стадъ на лѣтнія пастбища не допускался чрезъ дачу чужаго аула, т. е. чтобы къ дачѣ каждаго аула подходила или главная или побочная скотопрогонная дорога.

При распредѣленіи назначенныхъ для нарѣзки аульныхъ дачъ 245,818 десятинъ, принято за норму подворнаго надѣла 36 десятинъ, что для средней полосы Кабарды слѣдуетъ считать совершенно достаточнымъ; для другихъ-же мѣстностей, гдѣ земли менѣе удобны, норма эта увеличена распредѣленіемъ въ аульныя дачи, соотвѣтственно болѣе или менѣе невыгодному качеству почвы земель, изъ которыхъ приходилась нарѣзка аульной дачи, остатка, получавшагося изъ 245,818 десятинъ за надѣломъ по 36 десятинъ 5969 дворовъ.

Съ отводомъ почетнымъ кабардинскимъ уроженцамъ предназначенныхъ имъ въ частную собственность участковъ, предположено не лишать ихъ права общиннаго пользованія землею въ аульныхъ дачахъ, во-первыхъ, по невозможности всегда пріурочить мелкіе участки (въ 250 десятинъ) къ водѣ и, слѣдовательно, по невозможности имѣть на нихъ хозяйственныя постройки, и во-вторыхъ, чтобы избавить Кабарду отъ безземельнаго, высшаго по своему происхожденію, сословія, такъ-какъ, безъ сомнѣнія, весьма многіе, воспользовавшись правомъ собственности на полученные участки, поспѣшатъ продать ихъ.

Какъ ни желательно было, при послѣднемъ опредѣленіи границъ аульныхъ дачъ, избѣжать переселеній ауловъ, но по самому строгому всестороннему обсужденію положенія кабардинскихъ ауловъ, при окончательномъ составленіи новаго проекта

нарѣзки аульныхъ дачъ,—признано положительно необходимымъ изъ числа 33-хъ кабардинскихъ ауловъ 3 аула (Муссы Кожохова, Кошерокова и Тахтамышева) разселить по другимъ кабардинскимъ auламъ; при чемъ, также было обращено особенное вниманіе на то, чтобы назначаемыя границы аульныхъ дачъ отстояли отъ жилыхъ мѣстъ не менѣе $^3/_4$ версты и чтобы въ границахъ аульныхъ дачъ, по возможности, не допускалось черезполосности, а также не вводились въ раіонъ аульныхъ дачъ лѣсные участки.

Такимъ образомъ состоявшееся 25-го августа 1863 г. признаніе кабардинскихъ земель всѣми сословіями Кабарды общественною собственностію положило начало къ установленію въ этой части края прочнаго порядка въ отношеніи пользованія землями и дало почву для другихъ правительственныхъ мѣръ.

Совершившійся фактъ признанія земель общественными облегчилъ обложеніе кабардинцевъ государственною податью, такъ какъ высшее сословіе лишилось уже возможности претендовать на право владѣнія кабардинскими землями, а простой народъ не могъ отговариваться непринадлежностію ему земли. Состоявшееся затѣмъ освобожденіе крестьянъ въ Кабардѣ, благодаря тому-же обстоятельству, совершилось безъ особыхъ затрудненій, ибо главный, неминуемо сильно замедлившій-бы освобожденіе крестьянъ, вопросъ объ обезпеченіи ихъ земельнымъ надѣломъ могъ быть вовсе обойденъ, такъ-какъ крестьяне, въ силу поземельной реформы, дѣлаясь, одновременно съ освобожденіемъ ихъ, полноправными членами общины, тѣмъ самымъ пріобрѣтали и право на общественную землю, при нарѣзкѣ которой въ аульныя дачи они уже были приняты въ расчетъ. Но само собою разумѣется, что установлявшійся въ Кабардѣ порядокъ общиннаго владѣнія землею вовсе не представлялся въ законченной формѣ. Съ одной стороны, справедливость требовала подумать объ обезпеченіи быта высшаго сословія Кабарды, за потерю правъ надъ народомъ, а съ другой—не упускать изъ виду, что общинное владѣніе землями по-прежнему закрывало русскому элементу доступъ въ Кабарду и, обрекая населеніе ея на умственный и матеріальный застой, обусловливаемый настоящимъ изолированнымъ положеніемъ Кабарды, тѣмъ самымъ затрудняло объединеніе населенія Сѣвернаго Кавказа, у предгорій котораго уже сгруппировано многочисленное русское, казачье, населеніе. Въ этихъ видахъ болѣе дробная поземельная собственность, или говоря иначе, образованіе многочисленнаго класса собственниковъ, всего скорѣе и дѣй-

ствительнѣе могло-бы привести къ желаемой цѣли; но, опять, нельзя было упускать изъ виду, что слишкомъ рѣзкій переворотъ въ условіяхъ экономическаго быта кабардинцевъ, всецѣло примѣненнаго къ общинному пользованію землею, повлекъ-бы за собою много крайне-невыгодныхъ послѣдствій.

Существующее въ Кабардѣ высшее сословіе, къ которому слѣдуетъ отнести князей и первостепенныхъ узденей (тлакотлеши и дижиnуго),—всего съ малокабардинцами до 160 семействъ,—имѣетъ еще узденей 2 и 3 степеней, число которыхъ простирается до 1300 дворовъ. По своеобразности сословныхъ преимуществъ кабардинцевъ, нѣкоторыя изъ существующихъ у нихъ сословныхъ привиллегій, какъ, напримѣръ, обязанность сопровождать князей и угощать ихъ гостей, слѣдовало-бы считать ограниченіемъ личнаго права, а не почетнымъ преимуществомъ.

Но какъ нѣтъ никакой необходимости искусственно создавать высшее сословіе въ тѣхъ племенахъ Кавказа, въ которыхъ, по демократическому складу ихъ, оно вовсе не существуетъ, такъ точно не было необходимости и сравнивать всѣ сословія Кабарды, уничтожая фактически существующую раздѣльность сословій, тѣмъ болѣе, что раздѣльность эта нисколько не противорѣчитъ нашему государственному строю. Равнымъ образомъ не было необходимости оказывать дѣйствительныя отличія такимъ лицамъ привиллегированныхъ сословій, привиллегіи которыхъ не имѣютъ существеннаго значенія. Поэтому-то, впредь до разбора сословныхъ правъ кабардинцевъ и рѣшенія, кому изъ нихъ должны быть присвоены права русскаго дворянства, было признано справедливымъ предоставить участки земли въ частную собственность только князьямъ, первостепеннымъ узденямъ и тѣмъ изъ второстепенныхъ узденей, кои пользовались правами такъ называемыхъ аульныхъ владѣльцевъ (старшинъ), а также лицамъ, которыя по происхожденію своему хотя не принадлежатъ къ высшему сословію, но службою правительству пріобрѣли себѣ почетное положеніе. Затѣмъ всѣ остальные уздени, въ отношеніи надѣла землею, не отдѣлены отъ массы простаго сословія, такъ-какъ они представляютъ собою только классъ людей лично свободныхъ и притомъ большею частію состоящихъ подъ покровительствомъ и даже въ нѣкоторой административной зависимости отъ главныхъ фамилій,—зависимости, проявляющейся въ томъ, что уздени, составляя какъ-бы свиту своихъ патроновъ, обязаны были сопровождать ихъ при поѣздкахъ, давать лошадей подъ съѣздъ, оказывать гостепрі-

иmство гостямъ своихъ покровителей и т. п. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что существующая зависимость узденей незамѣтно исчезнетъ, по мѣрѣ того, какъ высшее сословіе, утрачивая свой феодальный характеръ, удержитъ за собою только права дворянства и значеніе землевладѣльцевъ.

Теперь, для окончательнаго упроченія совершившейся поземельной реформы въ Большой Кабардѣ, необходимо произвести окончательное размежеваніе земель на мѣстности, что хотя и потребуетъ нѣкотораго времени, но уже не можетъ представить никакихъ затрудненій, такъ какъ межеваніе будетъ производиться по составленному проекту и, слѣдовательно, трудъ будетъ заключаться только въ томъ, чтобы перенести проектированныя на хозяйственной съемкѣ земель граничныя линіи въ натуру и составить межевой планъ на каждый отдѣльный участокъ.

Такъ какъ все населеніе Большой Кабарды простирается только до 34 т. душъ обоего пола, то можетъ показаться, что предоставляемый этому населенію поземельный надѣлъ слишкомъ обширенъ, въ особенности сравнительно съ поземельнымъ надѣломъ, который можетъ быть предоставленъ другимъ племенамъ Терской области; но при обсужденіи этого вопроса не слѣдуетъ никакъ упускать изъ виду, что земли, закрѣпляемыя нынѣ за кабардинцами, всегда находились въ ихъ пользованіи и считались, по праву этого пользованія и на основаніи прежнихъ обѣщаній правительства, неотъемлемою ихъ собственностію; что поэтому отчужденіе отъ нихъ значительной части земель, хотя-бы и для надѣленія другихъ горцевъ, имѣло-бы видъ нарушенія права, освященнаго временемъ, и что ктому-же, наконецъ, почва земель Большой Кабарды мѣстами весьма камениста и, слѣдовательно, не такъ удобна, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа. Тѣмъ не менѣе все-таки, нельзя не считать, что кабардинцы имѣютъ земли весьма много; но поэтому они и обложены государственною податью въ большемъ размѣрѣ, нежели жители прочихъ горскихъ округовъ Терской области *).

---

*) Горское населеніе Терской области обложено государственною податью въ слѣдующемъ размѣрѣ: жители Кабардинскаго округа по 5 руб. съ дыма (двора), Кумыкскаго и Чеченскаго округовъ—по 3 р. съ дыма, Назрановскаго общества, Ингушевскаго округа,—по 3 руб. съ дыма, Аргунскаго, Ичкеринскаго и Нагорнаго округовъ и Горскаго участка Ингушевскаго округа—по 1 р. съ дыма и Осетинскаго округа: тагаурцы и куртатинцы, живущіе на плоскости,—по 3 р. съ дыма, жители горной части Тагауро-Куртатинскаго

Послѣ сказаннаго выше возникаетъ вопросъ: довольно-ли населеніе Большой Кабарды установляемымъ порядкомъ землевладѣнія?—Теперь кабардинцы находятся въ ожиданіи, чѣмъ окончится предпринятая у нихъ поземельная реформа; но потомъ едва-ли все населеніе Большой Кабарды вполнѣ сочувственно отнесется къ совершающейся реформѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что недовольные найдутся изъ среды узденей и даже изъ создаваемаго класса собственниковъ, которые не могутъ не понять, что новый порядокъ землевладѣнія повлечетъ за собою ограниченіе прежняго произвола ихъ, поставитъ населеніе въ непосредственное сношеніе съ русскою властью и, такимъ образомъ, лишитъ ихъ прежняго значенія въ народѣ. Все это, безъ сомнѣнія, поведетъ къ нареканіямъ и мелкому броженію умовъ; но неудовольствіе, по всей вѣроятности, не пойдетъ далѣе своей обычной формы: въ средѣ недовольной части населенія обнаружится стремленіе къ переселенію въ Турцію, стремленіе часто не искреннее, но которымъ горцы обыкновенно стараются остановить проведеніе правительствомъ какой-либо реформы.

Быстрота и неутомимость, съ которыми выполняются Терскою Сословно-Поземельною Коммисіею работы по устройству быта горцевъ, а также энергія и тактъ въ распоряженіяхъ начальника Терской области, генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, административной заботливости котораго ввѣренный ему край обязанъ большими успѣхами въ отношеніи своего благоустройства и промышленнаго развитія,—даютъ твердое ручательство въ томъ, что предпринятыя преобразованія въ Кабардѣ завершатся совершенно спокойно.

Осетинскій округъ.

По рельефу мѣстности Осетинскій округъ дѣлится на нагорную и плоскостную части и граничитъ: съ сѣвера съ Малою Кабардою и съ казенными землями бывшей дачи князей Бековичей-Черкасскихъ, съ востока—съ Назрановскимъ обществомъ и р. Терекомъ, съ юга—съ уѣздами Душетскимъ и Горійскимъ Тиф-

---

участка—по 1 р. 50 к. съ дыма, дигорцы и аллагирцы, живущіе на плоскости—по 2 р. съ дыма, дигорцы, аллагирцы и наро-мамисонцы, живущіе въ горахъ,—по 75 к. съ дыма. Порядокъ раскладки сбора подати между жителями аула предоставленъ во всѣхъ округахъ самимъ аульнымъ обществамъ.

лисской губерніи и Рачинскимъ Кутаисской губерніи и съ запада— съ горскими обществами Кабарды и Большою Кабардою. Плоскостную часть этого округа прорѣзываютъ полосою, по лѣвой сторонѣ Терека, земли 1-го Владикавказскаго казачьяго полка, отдѣляя такимъ образомъ отъ прочихъ частей округа земли Тагаурскаго общества, лежащія по правой сторонѣ Терека.

Нагорная часть Осетинскаго округа представляется страною, весьма удобною для разведенія въ значительныхъ размѣрахъ скотоводства, и менѣе благопріятна хлѣбопашеству, сообразно съ чѣмъ сложился и характеръ хозяйства населенія нагорной Осетіи. Въ плоскостной-же части Осетинскаго округа, благодаря плодородію земель и удобству обработки ихъ, главнѣйшую отрасль хозяйства населенія составляетъ по преимуществу хлѣбопашество и затѣмъ уже скотоводство.

Въ прежнее смутное время, до водворенія на Кавказѣ русскаго владычества, жизнь въ горныхъ убѣжищахъ давала болѣе безопасности населенію, и потому, не смотря на всѣ представляемыя выгоды, плоскостная часть нынѣшней Осетіи была заселена весьма слабо; съ водвореніемъ-же большей безопасности въ этой части края росло и населеніе ея, увеличиваясь выходцами изъ горной части, образовавшими на плоскости особыя общества, соотвѣтственно племенному раздѣленію горнаго осетинскаго населенія.

Разнообразіе условій, при которыхъ общества эти выселялись, а иногда и были выселяемы по распоряженію русскаго начальства, племенное различіе ихъ и полная неопредѣленность, а очень часто даже противорѣчіе въ распоряженіяхъ различныхъ властей, касательно установленія правъ выселенцевъ на землю, породили въ этой части округа множество самыхъ запутанныхъ поземельныхъ споровъ и были причиною, что мѣстность эта далеко не приносила народному хозяйству той пользы, которую могло-бы населеніе, даже при настоящемъ своемъ развитіи, извлекать изъ нея, при болѣе точномъ опредѣленіи правъ его на пользованіе землею.

Съ другой стороны, въ нагорной части Осетинскаго округа, право владѣнія землею опредѣлено точно и положительно мѣстными обычаями. Выработанное временемъ, право это до того не сложно и до такой степени извѣстно каждому горскому жителю, что ни между обществами, ни между частными лицами туземцевъ, населяющихъ эту мѣстность, никогда не возникало значитель-

ныхъ въ этомъ отношеніи недоразумѣній. Обстоятельство это, конечно, не можетъ служить ручательствомъ полнаго обезпеченія въ поземельномъ отношеніи этихъ обществъ, но тѣмъ не менѣе ставитъ поземельный вопросъ въ нагорной части Осетинскаго округа далеко не на такую степень важности, какую имѣетъ онъ для всего плоскостнаго населенія.

На этомъ основаніи, оставляя до времени въ сторонѣ разборъ поземельнаго права въ нагорной части Осетіи, предстояла надобность обратить особенное вниманіе на разъясненіе его для населенія, водвореннаго на плоскости.

Въ 1864 году Терская Сословно-Поземельная Коммисія представила, чрезъ начальника Терской области, соображенія свои о разрѣшеніи поземельныхъ вопросовъ въ плоскостныхъ частяхъ Осетіи, занятыхъ обществами Тагаурскимъ, Дигорскимъ, Аллагирскимъ и Куртатинскимъ.

Тагаурское общество. Земли, занятыя этимъ обществомъ, по предположеніямъ учрежденнаго въ 1851 году во Владикавказскомъ округѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта барона Вревскаго, особаго комитета, утвержденнымъ бывшимъ главнокомандующимъ княземъ Воронцовымъ, съ 1853 по 1856 годъ были уже распредѣлены въ пользованіе жителей этого общества, причемъ основаніемъ для опредѣленія нормы надѣла было взято сословное раздѣленіе въ названномъ обществѣ. Алдарамъ, какъ сословію высшему, въ вознагражденіе за потерю правъ, предполагавшихся за ними надъ народомъ, были назначены къ выдѣлу особые участки по 225 десятинъ, а простому народу—по 36—37$^1/_2$ десятинъ на дворъ.

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ того обнаружилось, что для надѣла многихъ изъ алдарскихъ семействъ и части простаго народа, согласно означеннымъ предположеніямъ, не достанетъ въ Тагауріи земли.

Такимъ образомъ, предположенія означеннаго комитета, утвержденныя княземъ Воронцовымъ, осуществиться не могли и поземельный вопросъ въ Тагауріи до того въ скоромъ времени запутался, что для разбора его въ 1859 году образованъ былъ вторично комитетъ, который не замедлилъ предложить уменьшеніе надѣла алдаръ.

Такъ какъ прежній комитетъ, ошибочно придавая крайне-преувеличенное значеніе алдарскому сословію въ средѣ Тагаурскаго общества, основывалъ и заключенія свои на такомъ лож-

номъ пониманіи значенія этого сословія, то въ 1860 году, согласно мнѣнію послѣдняго комитета, было предположено раздѣлить алдаръ на два разряда, изъ коихъ послѣднему разряду дать въ надѣлъ по 40 десятинъ на дворъ, а первому нѣсколько болѣе. Но и это предположеніе, не приведенное своевременно въ исполненіе, также по недостатку земли для отвода алдарамъ, претендующимъ на увеличенный поземельный надѣлъ, было тѣмъ менѣе возможно исполнить въ позднѣйшее время, когда число дымовъ, водворенныхъ на плоскости, значительно увеличилось, вслѣдствіе наплыва выходцевъ изъ горъ. А потому, по соображеніи данныхъ, вновь собранныхъ коммисіею, Его Высочество Главнокомандующій предписалъ принять слѣдующія основанія для составленія подробнаго проекта распредѣленія земель въ Тагауріи:

1) Вся плоскостная часть Тагауріи должна поступить въ надѣлъ аульнымъ обществамъ, съ тѣмъ, чтобы каждому аулу было пріурочено, на общинномъ правѣ пользованія, количество земли, соразмѣрное числу дымовъ.

2) Алдарское сословіе должно быть включено, по числу дворовъ, въ общій подворный расчетъ количества земли, которое будетъ назначено каждому аулу, съ тѣмъ, чтобы и для алдаръ была принята та-же норма поземельнаго надѣла, которая, по количеству земли, можетъ быть опредѣлена на каждый дворъ.

3) Алдарамъ, которые, по повѣркѣ коммисіею списковъ ихъ, окажутся правильно причисленными къ алдарскому сословію, въ случаѣ нежеланія ихъ довольствоваться надѣломъ наравнѣ съ другими жителями, — за неисполненіе правительствомъ прежнихъ въ отношеніи ихъ обѣщаній, предоставлено право на полученіе, изъ земель Кубанской области, оставшихся свободными послѣ переселенія горцевъ въ Турцію, надѣла въ размѣрѣ трехъ сотъ десятинъ на дворъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ алдары, которые изъявятъ согласіе на отводъ имъ надѣла въ Кубанской области, отказались вовсе отъ полученія надѣла въ Терской области.

Для исполненія вышеизложенныхъ указаній, относительно окончательнаго разрѣшенія поземельнаго вопроса въ Тагаурскомъ обществѣ, коммисіею было высчитано, по планшетамъ съемки, исполненной въ масштабѣ 250 саж. въ дюймѣ, количество земель, занимаемыхъ означеннымъ обществомъ, произведена повѣрка населенія этого общества и составленъ подробный расчетъ поземельнаго надѣла.

По произведенному вычисленію количества земель, оказалось

возможнымъ предназначить въ надѣлъ Тагаурскому обществу до 64,897 десятинъ; общее-же количество населенія, долженствовавшаго получить надѣлъ, заключалось въ числѣ 1650 дворовъ, считая въ томъ числѣ всѣхъ алдаръ,—изъ коихъ никто не пожелалъ получить поземельнаго надѣла въ Кубанской области, — и, слѣдовательно, на каждый дворъ, среднимъ числомъ, приходилось по 39 десятинъ.

Признавая эти данныя удовлетворительными, Его Высочество Главнокомандующій, 2-го апрѣля 1866 года, утвердилъ составленный коммисіею проектъ поземельнаго надѣла Тагаурскаго общества, предложивъ тогда-же начальнику Терской области:

1) Обязать коммисію приступить къ обходу межевымъ порядкомъ окружной границы всего участка земли, предназначаемаго проектомъ въ надѣлъ ауламъ Тагаурскаго общества, и къ выясненію всѣхъ могущихъ оказаться при этомъ поземельныхъ споровъ, какъ съ частными владѣльцами, такъ равно и съ казачьими или туземными обществами.

2) Произвести нѣкоторое (весьма незначительное) измѣненіе къ размѣщеніи ауловъ и переселеніе жителей на особыхъ, утвержденныхъ Его Высочествомъ, основаніяхъ.

3) Въ виду необходимости безотлагательнаго указанія жителямъ каждаго аула, предназначенныхъ имъ въ пользованіе, на общинномъ правѣ, земель, произвести таковое указаніе, безъ формальнаго обмежеванія, постановленіемъ на мѣстности лишь временныхъ межевыхъ знаковъ, съ тѣмъ, чтобы окончательное обмежеваніе земель каждаго аула было произведено впослѣдствіи, когда опытъ фактическаго пользованія выяснитъ подробности незначительныхъ измѣненій въ границахъ аульныхъ дачъ, необходимость которыхъ могла быть упущена при составленіи общаго проекта.

4) Для обезпеченія христіанскаго духовенства Тагаурскаго общества, предоставить изъ аульныхъ дачъ, въ коихъ имѣются церкви, въ пользованіе причта каждой церкви по три нормальныхъ подворныхъ надѣла.

5) Имѣть въ виду, что земля, распредѣляемая между аулами, отводится въ общинное пользованіе каждаго аула отдѣльно, но отнюдь не въ пользованіе всего Тагаурскаго общества.

На основаніи этихъ распоряженій, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1866 года, распредѣленіе земель Тагаурскаго общества, между 10-ю аулами, было окончено и вскорѣ послѣ того жители этого

общества, оставшись такъ долго ожидаемымъ ими распредѣленіемъ земель вполнѣ довольными, прислали депутацію къ начальнику Терской области съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ Государю Императору и глубокой признательности Государю Великому Князю Михаилу Николаевичу.

Одновременно съ рѣшеніемъ тагаурскаго поземельнаго вопроса былъ рѣшенъ вопросъ и о редантской землѣ.

Редантскою землею называется участокъ, въ количествѣ 3408 десятинъ 600 саж., лежащій на лѣвомъ берегу р. Терека, въ 7-ми верстахъ отъ г. Владикавказа. Земля эта съ давняго времени находилась во владѣніи членовъ фамиліи Дударовыхъ, хотя права Дударовыхъ на владѣніе той землею и были весьма неопредѣленны, а потому, по предложенію мѣстнаго начальства, Дударовы добровольно уступили изъ редантской земли, для надѣленія города Владикавказа, 1004 десят. 2125 саж., съ тѣмъ чтобы остальныя 2403 десят. 875 саж. были закрѣплены за ними на правахъ собственности, на что и было изъявлено Его Высочествомъ согласіе.

Дигорское общество. Въ 1853 году плоскостная часть Дигоріи,—за исключеніемъ участка въ 12,954 десятины 1495 саж., оставшагося во владѣніи фамиліи Тугановыхъ изъ числа земель, дарованныхъ этой фамиліи по особой Монаршей милости, въ 1837 году,—по распоряженію бывшаго главнокомандующаго, генералъ-фельдмаршала князя Воронцова, была распредѣлена, какъ значилось по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, такимъ образомъ: жителямъ Вольно-Христіанскаго аула отведено 4870 десятинъ, жителямъ Вольно-Магометанскаго аула—3760 десятинъ и въ частную собственность 6-ти фамилій дигорскихъ бадилятъ *) до 5125 десятинъ.

По собраннымъ въ прежнее время свѣдѣніямъ, считалось, что на плоскости Дигоріи, кромѣ бадилятъ, владѣющихъ большею частью земель, обитаютъ 583 семейства, изъ коихъ 263 семейства водворены въ Вольно-Христіанскомъ аулѣ, 109 семействъ въ Вольно-Магометанскомъ и 211 семействъ, не имѣющихъ соб-

---

*) Бадиляты—высшее сословіе въ Дигоріи, претендовавшее на владѣніе не только землями Дигоріи, но и всѣмъ простымъ народомъ, проживавшимъ въ этомъ обществѣ.

ственной земли, простыхъ дигорцевъ, лезгорцевъ *) и хехесовъ **), проживаютъ на земляхъ бадилятъ.

Объясненное распредѣленіе земель Дигоріи было произведено въ 1853 году, вслѣдствіе особенно - сильной ненависти, развившейся между высшимъ и прочими сословіями дигорцевъ,—причемъ таковымъ распредѣленіемъ земель надѣялись, съ одной стороны, избавить народъ отъ тяжелыхъ повинностей, которыя отбывались имъ въ пользу бадилятъ, будто-бы за пользованіе бадилятскими землями, а съ другой—отдѣленіемъ христіанъ отъ магометанъ, отвратить враждебныя столкновенія, происходившія между христіанами и магометанами. Цѣль эта, однако, не была достигнута, по недостатку земель, и дигорцы, въ особенности оставшіеся на бадилятскихъ земляхъ, по прежнему отбывали въ пользу бадилятъ крайне-тяжелыя, какъ личныя, такъ и поземельныя повинности, тѣмъ болѣе, что отъ личныхъ повинностей къ бадилятамъ, распоряженіемъ князя Воронцова, они не освобождались.

Обезпечить поземельнымъ довольствіемъ безземельныхъ дигорцевъ и увеличить поземельный надѣлъ жителей Вольно-Христіанскаго аула, воспользовавшихся слишкомъ недостаточнымъ надѣломъ, не представлялось никакой возможности, по мнѣнію не только въ Дигоріи, но и вблизи ея свободныхъ земель. Поэтому, впредь до изысканія способовъ къ обезпеченію въ поземельномъ отношеніи дигорцевъ, хехесовъ и лезгорцевъ, проживающихъ на бадилятскихъ земляхъ, а также и жителей Вольно-Христіанскаго аула, имѣющихъ недостаточный поземельный надѣлъ, Его Высочество Главнокомандующій изволилъ приказать:

1) Провѣрить, заключаютъ-ли участки, отведенные бадилятамъ, то количество десятинъ, какое было опредѣлено для нихъ главнокомандовавшимъ, княземъ Воронцовымъ, съ тѣмъ, чтобы межевые планы и акты выдать бадилятамъ только на то количество десятинъ, которое было назначено имъ, а не на то, которое можетъ оказаться въ ихъ фактическомъ владѣніи.

2) Такъ какъ бадилятамъ, живущимъ на плоскости, предположено было отвести въ частную потомственную собственность сказанные участки, преимущественно за потерю правъ надъ

---

*) Лезгорцами называютзя выходцы изъ аула Лезгоръ, нагорной части Осетинскаго округа.

**) Хехесы—выходцы изъ Аллагирскаго общества.

народомъ, то навсегда отмѣнить всякія личныя повинности къ нимъ простыхъ дигорцевъ, какъ живущихъ на общественныхъ земляхъ, такъ и оставшихся на бадилятскихъ участкахъ, о чемъ и объявить какъ простому народу, такъ и бадилятамъ.

3) Лезгорцевъ, въ числѣ 40 семействъ, живущихъ на бадилятскихъ земляхъ, но безплатно пользовавшихся землями кабардинцевъ, переселить въ Большую Кабарду, въ верховья р. Лескена.

4) Хехесамъ и простымъ дигорцамъ, живущимъ на бадилятскихъ земляхъ, предложить отводъ поземельнаго надѣла изъ свободныхъ земель Кубанской области.

5) Для огражденія отъ произвола и притѣсненій, со стороны бадилятъ, хехесовъ и простыхъ дигорцевъ, которые останутся на бадилятскихъ земляхъ, составить точныя правила, опредѣляющія размѣръ тѣхъ повинностей, которыя хехесы и дигорцы должны будутъ отбывать въ пользу бадилятъ за пользованіе полевыми угодьями на бадилятскихъ участкахъ.

Въ 1865 году вышеизложенное приказаніе Его Высочества было объявлено дигорскому народу и вскорѣ послѣ того лезгорцы переселены въ Большую Кабарду, а безземельные дигорцы и хехесы допущены къ пользованію землями, принадлежащими бадилятамъ, на необременительныхъ для первыхъ условіяхъ; въ вознагражденіе-же бадилятъ за такую уступку, они освобождены отъ взноса въ казну поземельныхъ денегъ, по 2 копѣйки въ годъ, съ каждой десятины владѣемой ими земли, впредь до устройства быта дигорцевъ и хехесовъ.

Такъ какъ хозяйственной съемки земель плоскостной части Дигоріи вовсе не существовало, почему и опредѣленная въ 1853 году, по картѣ въ масштабѣ 3 версты въ дюймѣ, величина участковъ казалась крайне сомнительною,—то для точнаго приведенія земель въ извѣстность, втеченіи 1866 и 1867 годовъ, была произведена подробная съемка земель Дигоріи, съ окончаніемъ которой, по вычисленію площадей оказалось, что въ дачѣ Вольно Христіанскаго аула заключается не 4870 десятинъ, а 6480 д., въ дачѣ Вольно-Магометанскаго аула, вмѣсто предполагавшихся 3760 дес., 5175 д., и что излишекъ земли, находящейся въ бадилятскихъ участкахъ, въ общей сложности, составляетъ 2250 дес.

Число-же жителей плоскостной Дигоріи, по вновь провѣреннымъ свѣдѣніямъ, оказалось также бо́льшимъ противу прежнихъ свѣдѣній, а именно: въ Вольно-Христіанскомъ аулѣ — 262 двора

(на одинъ дворъ менѣе противу прежняго), въ Вольно-Магометанскомъ—152 двора (болѣе на 43 двора) и безземельныхъ дигорцевъ и хехесовъ, изъ коихъ никто не пожелалъ воспользоваться надѣломъ въ Кубанской области, 260 дворовъ (болѣе на 89 дворовъ).

Слѣдовательно, жителямъ Вольно-Христіанскаго аула въ отведенной аульной дачѣ приходилось по 24 десятины на дворъ, а жителямъ Вольно-Магометанскаго аула по 34 десятины на дворъ.

Принимая въ соображеніе эти послѣднія данныя, а равно и то обстоятельство, что дигорскіе бадилиты не имѣютъ права на полученіе въ плоскостной Дигоріи участковъ въ большемъ размѣрѣ противу того числа десятинъ, какое было назначено имъ княземъ Воронцовымъ, и что жители Вольно-Христіанскаго и Вольно-Магометанскаго ауловъ въ отношеніи величины нормы поземельнаго надѣла должны быть сравнены, Его Высочество Главнокомандующій, 24 февраля 1868 года, изволилъ разрѣшить Начальнику Терской области:

1) Приступить къ формальному обмежеванію бадилятскихъ участковъ, въ томъ именно количествѣ, въ которомъ были назначены имъ участки княземъ Воронцовымъ, — съ тѣмъ, чтобы всѣ излишнія въ этихъ участкахъ земли были отдѣлены для надѣла безземельныхъ жителей плоскостной части Дигоріи и чтобы отрѣзка этихъ излишковъ производилась не частями, разбросанными черезполосно, а съ расчетомъ возможности пріурочить ихъ къ аульнымъ дачамъ Вольно-Христіанскаго и Вольно-Магометанскаго ауловъ.

2) Принять за норму надѣла для жителей названныхъ двухъ ауловъ по 24 десятины на каждый дворъ и затѣмъ или, соотвѣтственно общему количеству земель въ каждой аульной дачѣ и упомянутой нормѣ надѣла, доселить аулы безземельными дигорцами и хехесами, или, если по мѣстнымъ условіямъ окажется болѣе удобнымъ, отдѣливъ отъ аульныхъ дачъ излишнія противу вновь назначенной нормы надѣла земли, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ землямъ этимъ могли быть присоединены и излишки земель, которые отойдутъ отъ бадилятскихъ участковъ, — образовать на нихъ особые поселки изъ безземельныхъ дигорцевъ и хехесовъ.

3) Войти въ соглашеніе съ дигорскими бадилятами о томъ, не окажется-ли возможнымъ пріобрѣсти отъ нихъ покупкою такое количество земли, какое будетъ недоставать по назначенной нормѣ надѣла для обезпеченія всѣхъ остальныхъ безземельныхъ дигорцевъ и хехесовъ.

Въ силу этихъ распоряженій, весною-же 1868 года было приступлено къ формальному обмежеванію бадилятскихъ участковъ; но въ настоящее время еще не окончены работы какъ по обмежеванію этихъ участковъ, такъ и по окончательному распредѣленію остальныхъ земель плоскостной части Дигоріи.

Аллагирское общество. Жители плоскостной части Аллагирскаго общества, выселенные въ 1824 году изъ горъ на плоскость, были водворены въ двухъ аулахъ: Ардонскомъ и Салогарданскомъ. Число жителей этихъ ауловъ, увеличиваясь новыми выходцами изъ горъ, въ 1864 году достигло до 1054 душъ мужескаго пола, живущихъ въ 400 дворахъ; между тѣмъ значительная часть земель, предоставленныхъ первоначально названнымъ двумъ auламъ, впослѣдствіи отошла подъ станицы Ардонскую и Николаевскую, 1-го Владикавказскаго казачьяго полка, а также подъ Аллагирскій серебро-свинцовый заводъ и, затѣмъ, въ пользованіи Ардонскаго и Салогарданскаго ауловъ осталось 10,820 десятинъ, каковою землею они и владѣютъ на общинномъ правѣ.

31-го декабря 1864 года Его Высочество Главнокомандующій изволилъ сдѣлать распоряженіе о сохраненіи въ Аллагирскомъ обществѣ и на будущее время общиннаго пользованія землею, которой, по расчету, приходилось съ небольшимъ по 24 десятины на дворъ. Для большаго-же обезпеченія аллагирцевъ въ поземельномъ отношеніи, Его Высочество,—обративъ вниманіе, что изъ числа отдѣленныхъ отъ аллагирцевъ земель для серебро-свинцоваго завода, нѣкоторая часть, какъ совершенно-излишняя для завода, можетъ быть возвращена аллагирцамъ, тѣмъ болѣе, что вся сумма, назначенная горнымъ вѣдомствомъ въ вознагражденіе аллагирцевъ за взятую отъ нихъ для завода землю, не была роздана имъ и хранилась въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ,—приказалъ подвергнуть этотъ вопросъ обсужденію въ особой коммисіи, назначенной по распоряженію Его Высочества изъ членовъ горнаго вѣдомства и отъ управленія Терской области, для опредѣленія поземельныхъ отношеній завода и существующей при немъ станицы къ осѣдлому туземному населенію.

Учрежденная коммисія, опредѣливъ поземельную потребность Аллагирскаго завода и населенія его, признала излишними для завода 715 десятинъ, которыя, поэтому, въ 1865 году были отрѣзаны отъ заводскихъ земель и предоставлены въ пользованіе аллагирцевъ.

Въ то-же время было сдѣлано распоряженіе и о томъ, чтобы изъ суммы, уплаченной аллагирцамъ за отошедшія отъ нихъ

для завода земли и хранившейся въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, была уплачена горному вѣдомству та часть, которая причтется за возвращенныя заводомъ 715 десятинъ.

Затѣмъ, на обязанность Терской Сословно-Поземельной Коммисіи возложено составить, когда по ходу занятій ея окажется возможнымъ, подробныя соображенія о наиболѣе удобномъ распредѣленіи земли Аллагирскаго общества между аулами.

Куртатинское общество. Изъ числа земель, отведенныхъ въ 1824 году владикавказскимъ комендантомъ въ пользованіе жителямъ плоскостной части Куртатинскаго общества, за исключеніемъ земли, отошедшей подъ Архонскую станицу 1-го Владикавказскаго казачьяго полка, осталось—14520 десятинъ, изъ коей 593 десятины (поляну Даръ-Гардусъ) оспаривали у нихъ жители аула Берагзангъ нагорной части того-же общества. Плоскостное-же населеніе Куртатіи заключалось всего въ 293 дворахъ, имѣющихъ 1146 душъ муж. пола, водворенныхъ въ аулахъ Верхнемъ и Нижнемъ Фіягѣ (Кадгаронѣ) и Савадакѣ.

Находя, что плоскостное населеніе, по количеству земли, состоящей въ его пользованіи, вполнѣ обезпечено въ поземельномъ отношеніи, Его Высочество Главнокомандующій изволилъ сдѣлать распоряженіе объ отводѣ изъ плоскостныхъ земель въ общинное пользованіе аула Берегзангъ поляны Даръ-Гардусъ, до 593 десят., и о распредѣленіи остальной затѣмъ земли въ общинное пользованіе плоскостныхъ ауловъ, соразмѣрно числительности населенія каждаго изъ нихъ.

Распредѣленіе это произведено въ 1866 году, съ обозначеніемъ границъ его на мѣстности временными межевыми знаками, впредь до формальнаго обхода окружной межи куртатинскихъ земель и выясненія, путемъ опыта, удобствъ сдѣланнаго распредѣленія земли.

Кромѣ распоряженій по обезпеченію поземельнымъ довольствіемъ населенія плоскостной части Осетіи, Его Высочествомъ сдѣлано уже распоряженіе и о томъ, чтобы Терскою Сословно-Поземельною Коммисіею, по окончаніи поземельнаго вопроса въ плоскостной части Осетинскаго округа, было приступлено къ разработкѣ и разрѣшенію общаго вопроса о пользованіи лѣсами во всѣхъ обществахъ Осетинскаго округа и, въ особенности, къ составленію опредѣлительныхъ правилъ для пользованія лѣсомъ въ Дигорскомъ и Аллагирскомъ обществахъ, такъ какъ въ Дигоріи, по случаю вражды между привиллегированнымъ и простымъ сословіями, а въ Аллагирѣ, по неопредѣленности правъ на лѣса,

занятые серебро-свинцовымъ заводомъ, не рѣдко возникаютъ споры и жалобы по поводу вывоза лѣса.

Кумыкскій округъ.

Округъ этотъ, извѣстный иначе подъ названіемъ Кумыкской плоскости, граничитъ съ востока Аграханскимъ заливомъ Каспійскаго моря, съ юга—р. Сулакомъ и подножіями главнаго Кавказскаго хребта, съ запада—р. Аксаемъ и землями Качкалыковскаго наибства Чеченскаго округа и съ сѣвера—р. Терекомъ. Представляя совершенную равнину, прорѣзанную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вытекающими изъ горъ рѣками, Кумыкская плоскость покрыта наносною съ горъ почвою, плодородіе которой дѣлаетъ эту мѣстность одною изъ лучшихъ на Кавказѣ. Умѣренный климатъ Кумыкскаго округа вполнѣ благопріятствуетъ не только обширному производству различныхъ сортовъ хлѣба, но и разведенію другихъ, почти тропическихъ, растеній; а возможность извлекать богатства изъ рыболовныхъ промысловъ въ рѣкахъ и въ Аграханскомъ заливѣ и близость моря, обезпечивающая сбытъ мѣстныхъ продуктовъ, должны-бы, кажется, сдѣлать населеніе этого округа самымъ промышленнымъ. Въ дѣйствительности-же это оказывается несовсѣмъ такъ. Отъ дѣйствія восточныхъ вѣтровъ, земли Кумыкскаго округа подвержены засухамъ и потому, не смотря на чрезвычайныя удобства проложить безъ особаго труда сплошную сѣть водопроводныхъ канавъ, значительныя пространства земель Кумыкскаго округа, по неимѣнію искусственнаго орошенія, получили степной характеръ и занимались только подъ пастьбу скота, или-же оставались вовсе въ запустѣніи. Производимые кумыками, въ мѣстахъ, орошенныхъ водопроводными канавами, посѣвы пшеницы, проса, кукурузы, чалтыка (сарачинское пшено), ячменя, овса, чесноку, луку, свеклы, моркови, огурцовъ, тыквъ, дынь и арбузовъ, а также разведеніе виноградниковъ и плантацій марены, всегда вполнѣ вознаграждали и поощряли трудъ; но тѣмъ не менѣе, состояніе сельскаго хозяйства населенія Кумыкскаго округа всегда находилось, не смотря на естественныя богатства округа, далеко не въ цвѣтущемъ положеніи.

Мы смѣемъ думать, что самая главная причина, вредившая промышленному развитію кумыкскаго населенія, крылась въ существовавшемъ у кумыкъ порядкѣ землевладѣнія.

Населеніе Кумыкскаго округа, ранѣе другихъ кавказскихъ

племенъ вступившее въ сношеніе съ русскими властями, прежде другихъ горцевъ утратило свой самобытный характеръ въ отношеніи общественнаго устройства, не успѣвъ, однако, усвоить себѣ общій нашъ государственный строй. Это смѣшеніе стараго народнаго быта, опредѣляемаго преданіями, искаженнаго произволомъ и обстоятельствами времени, съ длиннымъ рядомъ, начиная съ 1700 годовъ, правительственныхъ распоряженій,—которыя также, по неизбѣжнымъ недосмотрамъ военнаго времени и неразлучной, при такихъ обстоятельствахъ, измѣнчивости взглядовъ, не отличались послѣдовательностію,—было причиною того, что установившіяся въ Кумыкскомъ округѣ поземельныя отношенія представляли смѣсь общиннаго права съ вотчиннымъ.

Кумыкское общество въ сословномъ отношеніи дѣлится: на князей, чанковъ (дѣти князей отъ неравнаго брака), первостепенныхъ узденей (сала-уздень), простыхъ узденей (потомки древнихъ обитателей Кумыкской плоскости), догерекъ-узденей (давніе, свободнаго состоянія, пришельцы на Кумыкскую плоскость), и азатовъ (освобожденные прежде и въ послѣднее время холопы, потомки которыхъ въ четвертомъ колѣнѣ называются уже простыми узденями). По народнымъ преданіямъ, сынъ шамхала тарковскаго *Султанъ-Мутъ*,—отъ котораго ведутъ свою родословную всѣ существующія нынѣ княжескія фамиліи Кумыкскаго округа,—получивъ во второй половинѣ XVI столѣтія удѣлъ изъ владѣнія шамхаловъ и поселившись въ нынѣшнемъ Кумыкскомъ округѣ, управлялъ населеніемъ этого округа, а также руководилъ заселеніемъ пришельцами остававшихся пустопорожними земель Кумыкской плоскости. Потомки Султанъ-Мута, раздѣлившись съ теченіемъ времени на нѣсколько отдѣльныхъ княжескихъ родовъ и ставъ во главѣ аульныхъ обществъ, въ лицѣ старшихъ князей, также управляли населеніемъ округа, и мало по малу подчиняя своей власти простой народъ, всегда пользовались различными преимуществами противу другихъ сословій. Составившееся такимъ образомъ изъ древнихъ обитателей и различныхъ пришельцевъ, Кумыкское общество, сколько можно судить по сохранившимся преданіямъ и собраннымъ историческимъ свѣдѣніямъ, пользовалось въ старое время землею, какъ и бóльшая часть другихъ племенъ Кавказа, на правѣ общиннаго владѣнія. Обширный просторъ плоскости, малолюдность, а потому и отсутствіе цѣнности на землю, никого не побуждали искать личнаго владѣнія землею, какъ собственностію, которое тогда только получило начало, когда кумыки

усвоили отъ русскихъ понятіе о значеніи права собственности на землю. Новизной этой поспѣшили воспользоваться первыми кумыкскіе *владѣльцы* (такъ названы представители кумыкскаго высшаго сословія (князья) въ нашихъ старыхъ актахъ и бумагахъ), и русскія правительственныя власти, безъ строгой разборчивости и послѣдовательности, снабжали этихъ владѣльцевъ охранными листами, указами, билетами и свидѣтельствами, въ которые, по незнанію мѣстности и обычнаго права, вкрались определенія, послужившія впослѣдствіи основаніемъ къ долголѣтнимъ спорамъ владѣльцевъ между собою и постепенному лишенію народа правъ собственности на землю. Съ того времени владѣльцы (князья), снискавъ довѣріе у русскаго начальства, обласканные имъ и отличенные чинами за военныя заслуги, начали развивать значеніе полученныхъ ими актовъ, для ослабленія права народа на земли и расширенія личнаго своего права. Народъ, не предвидя послѣдствій, первоначально не противодѣйствовалъ владѣльцамъ и, такимъ образомъ, терялъ права на поземельную собственность, удерживая за собою, какъ народъ свободный, только право переходить отъ одного владѣльца къ другому, но однако не иначе, какъ оставляя свою усадебную осѣдлость, по установившемуся обычаю, въ собственность владѣльца. Современемъ-же, испытавъ всю тягость новаго своего положенія, народъ настойчиво домогался отъ владѣльцевъ разграниченія правъ на земли. Настойчивость эта особенно сильно проявлялась въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтій, такъ-что владѣльцы, чтобы остановить справедливый ропотъ народа, вынуждены были дѣлать съ нимъ условія, которыми предоставляли ему бо̀льшую свободу въ пользованіи землею и водою, но при первомъ-же удобномъ случаѣ вновь нарушали заключенныя условія.

Прежній, установившійся обычнымъ народнымъ правомъ доходъ въ пользу владѣльцевъ, по произволу послѣднихъ, также видоизмѣнился. По древнему обычаю, народъ отбывалъ своимъ владѣльцамъ обязательную работу, или барщину (по кумыкски *булка̀*), которая заключалась въ томъ, что каждый, отдѣльный хозяинъ обязывался для владѣльца пахать своимъ плугомъ день для озимаго и день для яроваго хлѣба и по одному дню жать того и другаго сорта хлѣба; причемъ, во время исполненія этой повинности, владѣлецъ, въ свою очередь, обязывался существовавшимъ обычаемъ дѣлать рабочимъ приличное угощеніе. Всѣ пахатныя и покосныя земли, за исключеніемъ

выдѣляемой для владѣльца такъ называемой княжеской части (*бійликъ*), распредѣлялись обыкновенно между народомъ по ровну и каждый бралъ пай по жребію. Раздѣлъ паевъ, распредѣленіе работъ по содержанію въ исправности водопроводныхъ канавъ и наблюденіе очереди въ орошеніи полей поручались такъ называемому *курукъ-башу*, выбираемому народомъ съ согласія владѣльца. Впослѣдствіи-же, кромѣ сказанной повинности, владѣльцы стали брать у народа, произвольно, лошадей подъ съѣздъ, быковъ для пахоты, коровъ на удой и барановъ на зарѣзъ, не признавая за хозяиномъ права требовать вознагражденія за павшую, испорченную и пропавшую лошадь и скотину. Нѣкоторые-же изъ владѣльцевъ, вмѣсто *булка*, начали, по примѣру сосѣднихъ племенъ, брать ясакъ: за пахоту по одной сабѣ (полчетверти русскою мѣрою) какъ озимаго, такъ и яроваго хлѣба, за покосъ по одной арбѣ сѣна, или рубль деньгами, а также и за пастьбу скота баранами или деньгами.

Постоянное своеволіе князей, поддерживаемое вліятельными узденями, которыхъ они привлекли на свою сторону, уступивъ имъ часть присвоенныхъ себѣ правъ на земли, по всей вѣроятности, привело-бы къ тому, что народъ поступилъ-бы съ своими владѣльцами точно также, какъ поступили, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, за Кубанью тлофитли (свободные хлѣбопашцы), возставъ открыто противу князей и выгнавъ ихъ изъ среды своей, если-бы въ 1819 году Кумыкская плоскость не была занята, по распоряженію генерала Ермолова, русскими войсками.

Непрерывный, съ давняго времени, рядъ жалобъ кумыкъ на притѣсненія высшаго сословія, а равно вражда и ссоры за земли между князьями и узденями, всегда вынуждали сколь возможно безотлагательнѣе установить прочный порядокъ землевладѣнія въ Кумыкскомъ округѣ; но главное затрудненіе при неоднократныхъ попыткахъ мѣстныхъ властей выяснить право поземельнаго владѣнія высшаго и простаго сословій заключалось въ неясности данныхъ относительно полноправія княжескихъ фамилій на земли, ими присвоиваемыя,—неясности, порождаемой съ одной стороны существованіемъ общиннаго порядка владѣнія землей на всемъ сѣверномъ Кавказѣ, а съ другой—неопредѣленными въ этомъ отношеніи распоряженіями правительства, давшими поводъ высшему сословію домогаться права на всѣ земли. Въ числѣ таковыхъ распоряженій покупка нѣкоторыхъ земель въ казну и признаніе за владѣльцами права продажи земель въ частныя руки, въ глазахъ

сословія, были достаточнымъ основаніемъ считать себя полными собственниками кумыкской территоріи.

Попытки рѣшенія этого вопроса путемъ историческихъ изслѣдованій не только не послужили къ разъясненію дѣла, но лишь усложнили его и, не давъ положительныхъ результатовъ, повели къ еще большему разъединенію сословій и возбужденію съ обѣихъ сторонъ самыхъ неограниченныхъ надеждъ и требованій.

Такимъ образомъ, не смотря на всю важность окончательнаго упроченія правъ поземельнаго владѣнія, въ особенности для кумыкскаго населенія, долженствующаго быть, по богатству мѣстной природы, самымъ промышленнымъ изъ горскихъ племенъ, — дѣло это не получало исхода. Народъ продолжалъ оставаться безъ земли и въ зависимости отъ владѣльцевъ, установившейся, какъ уже сказано, лишь вслѣдствіе особаго значенія, приданнаго первымъ русскою властію.

Не говоря о недостаточности историческихъ и документальныхъ данныхъ, которыя могли-бы служить основаніемъ для закрѣпленія за высшимъ сословіемъ присвоенныхъ имъ себѣ правъ на землю, признаніе правительствомъ таковыхъ правъ поставило-бы слишкомъ 30-и тысячное населеніе, оставшееся безъ земли, въ обязательную зависимость навсегда отъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ.

Поэтому былъ избранъ, болѣе всѣхъ другихъ способовъ гарантирующій безобидное для обѣихъ сторонъ рѣшеніе дѣла, способъ взаимнаго соглашенія. Первымъ, составленнымъ 13 іюля 1864 года, актомъ, кумыкскіе землевладѣльцы уступили безвозмездно въ пользованіе народа $^{2}/_{5}$ части всей земли, а вслѣдъ затѣмъ, по убѣжденіямъ Начальника Терской области, актомъ, составленнымъ 5-го февраля 1865 года, согласились довести уступку до половины всего количества земель.

При такой уступкѣ, изъ земель, находившихся въ распоряженіи владѣльцевъ (всего около 400 тысячъ десятинъ), на долю народа доставалось болѣе 200 тысячъ десятинъ, что, при общемъ населеніи, подлежащемъ надѣлу (около $6^{1}/_{2}$ тысячъ дымовъ), совершенно обезпечивало благосостояніе простаго класса населенія, въ особенности при свойствахъ почвы Кумыкскаго округа.

Принимая во вниманіе, что такой раздѣлъ земель представлялъ вполнѣ удовлетворительный способъ рѣшенія поземельнаго вопроса въ Кумыкскомъ округѣ, Его Высочество Главнокомандующій,

11-го марта 1865 года, изволилъ сдѣлать слѣдующее распоряженіе:

1) На основаніи акта, составленнаго землевладѣльцами Кумыкскаго округа 5-го февраля 1865 года, считать половину всѣхъ владѣльческихъ земель подлежащими выдѣлу народу и предоставить населенію приступить къ выдѣлу этой половины.

2) Въ расчетъ этотъ не вводить усадебную осѣдлость ауловъ, которая должна отойти народу независимо отъ половиннаго выдѣла ему прочихъ угодій.

3) Объявить землевладѣльцамъ, что остальная затѣмъ половина земель будетъ признана за ними на полномъ правѣ собственности, съ выдачею имъ на это надлежащихъ документовъ.

4) Обязать поземельную коммисію, по мѣрѣ выдѣла половинныхъ участковъ, немедленно производить обозначеніе границъ ихъ въ натурѣ временными знаками и наносить эти границы на общую съемку земель округа, произведенную коммисіею въ масштабѣ 250 саж. въ дюймѣ.

5) Выдѣленные народу участки признать общественными, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи составленія подворныхъ списковъ, коммисія представила, для надлежащаго утвержденія, проектъ распредѣленія участковъ между аулами, соотвѣтственно населенію каждаго изъ нихъ, а также и качеству земель.

6) Всѣ казенныя земли, какъ пріобрѣтенныя покупкою, такъ равно конфискованныя и разновременно отведенныя для покосовъ войскамъ, оставить въ полномъ распоряженіи правительства.

7) По разсмотрѣніи всѣхъ пограничныхъ поземельныхъ споровъ, составить проектъ проложенія окружной границы на всемъ ея протяженіи.

На основаніи этихъ распоряженій терская поземельная коммисія, втеченіи лѣта 1865 года, произвела раздѣлъ владѣльческихъ земель на двѣ половины, съ соблюденіемъ того условія, чтобы при производствѣ раздѣла участковъ представителями народа, выборъ половинной части земли предоставлялся владѣльцу, и наоборотъ, при предоставленіи народу выбора, раздѣлъ участковъ земли на двѣ части долженъ былъ производиться владѣльцемъ. Втеченіи 1865 же года временнымъ отдѣленіемъ терской поземельной коммисіи разобраны и безапеляціонно рѣшены тѣ изъ многочисленныхъ споровъ кумыкскихъ землевладѣльцевъ, разборъ которыхъ они не могли окончить полюбовными между собою соглашеніями въ назначенные для того сроки. Затѣмъ въ 1866

году была представлена Государю Великому Князю проектная карта раздѣленія земель Кумыкскаго округа и предположенія о новомъ порядкѣ пользованія землями въ этой части края.

По разсмотрѣніи проектной карты, а равно и предположеній, Его Высочество изволилъ утвердить окружныя границы Кумыкскаго округа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ необходимости неотлагательнаго вывода кумыкскаго населенія изъ того переходнаго, въ отношеніи пользованія землями, положенія, въ которое оно было поставлено раздѣломъ земель, 18 апрѣля 1866 года предписалъ Начальнику Терской области приступить къ исполненію предположенныхъ мѣръ слѣдующимъ порядкомъ:

1) Вмѣнить въ обязанность поземельной коммисіи немедленно приступить къ окончательному обмежеванію, съ постановленіемъ постоянныхъ межевыхъ знаковъ, участковъ, предназначенныхъ, согласно проекта, къ выдѣлу въ частную собственность владѣльцевъ; причемъ въ видахъ уменьшенія крайней дробности и черезполосности земель, предназначенныхъ въ надѣлъ народу, обратить особенное вниманіе на соглашеніе владѣльцевъ и аульныхъ обществъ къ полюбовному обмѣну земель и, въ случаяхъ достиженія этого, производить окончательное, согласно состоявшагося соглашенія, обмежеваніе владѣльческихъ участковъ, съ тѣмъ однако, чтобы самыя соглашенія были облечены въ форму актовъ, засвидѣтельствованныхъ обѣими сторонами.

2) Земли, доставшіяся при раздѣлѣ народу, въ количествѣ 200,484 десятинъ, а съ присоединеніемъ мелкихъ участковъ, владѣльцамъ которыхъ долженъ быть предоставленъ надѣлъ по общей нормѣ,—всего 200,876 десятинъ, распредѣлить по ауламъ на общинномъ правѣ пользованія, сообразно населенію каждаго изъ нихъ и нижеслѣдующей нормѣ надѣла, причемъ въ расчетъ подлежащихъ надѣлу семействъ не принимать: а) 289 семействъ чеченцевъ, ауховцевъ, тавлинцевъ и салатавцевъ, кои переселились въ Кумыкскій округъ позже 1859 года; б) 142 семейства горскихъ евреевъ и в) 16 семействъ армянъ, проживающихъ въ Кумыкскомъ округѣ; но съ тѣмъ, чтобы было сохранено право собственности на усадебную осѣдлость за тѣми изъ упомянутыхъ семействъ переселенцевъ, которые имѣютъ уже таковую осѣдлость. Затѣмъ, при надѣленіи землею остальнаго населенія Кумыкскаго округа, состоящаго изъ 6661 дыма, принять за среднюю норму надѣла: для живущихъ осѣдло въ Аксаевскомъ, Андреевскомъ и Нагайскомъ участкахъ—5106 дымовъ—по 28 десятинъ на дымъ, для чего

потребуется 142,968 десятинъ, а для кочующихъ 1555 дымовъ по 36 десятинъ, что составляетъ 55,980 десятинъ, а всего 198,948 десятинъ. Изъ остальныхъ 1928 десятинъ, остающихся по распредѣленію этому свободными, образовать, если представится возможность, одинъ или два особыхъ участка, въ той мѣстности, которая будетъ признана наиболѣе удобною для выдѣла ихъ и, впредь до особаго для нихъ назначенія, отдавать ихъ въ арендное содержаніе, съ торговъ, обращая выручаемую плату въ общественную сумму.

3) Для разрѣшенія недоразумѣній относительно взноса государственной подати тѣми лицами, кои по бѣдности и съ цѣлію уклониться отъ уплаты подати отказываются отъ поземельнаго надѣла, принять за основаніе, что каждому аулу отводится земля на все число семействъ, имѣющихъ право на надѣлъ и, затѣмъ, обязать каждое аульное общество вносить подати по числу отведенныхъ аулу подымныхъ надѣловъ, предоставляя до времени самому аульному обществу раскладку подати между лицами, пользующимися землею въ аульной дачѣ.

4) На основаніи назначенной нормы надѣла, приступить къ составленію подробнаго проекта распредѣленія земель по ауламъ. Принимая-же во вниманіе, съ одной стороны, что жители Кумыкскаго округа вносятъ уже государственную подать, а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ, по неопредѣленности права пользованія землями, не избавлены еще отъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ земель, а съ другой — неравномѣрное пользованіе землею аульными обществами и отдѣльными лицами въ аулахъ, вслѣдствіе самовольныхъ захватовъ земли, возложить на коммисію: впредь до составленія проекта, безотлагательно указать аульнымъ обществамъ временныя границы аульныхъ дачъ, указывая эти границы съ такимъ расчетомъ, чтобы по составленіи проекта не представлялось надобности подвергать ихъ значительнымъ измѣненіямъ.

5) Не ожидая составленія подробнаго соображенія о распредѣленіи находящихся въ Кумыкскомъ округѣ 8 участковъ свободныхъ казенныхъ земель, всего въ количествѣ 17,411 десятинъ, возложить на коммисію: а) отмежевать изъ Старо-Аксаевской казенной земли участокъ, въ количествѣ 550 десятинъ, предназначаемый, согласно предположеніямъ бывшаго Главнокомандующаго, генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, впредь до пожалованія, полковнику Али-Пензулаеву, и б) составить проектъ надѣла

землею водворенныхъ въ 1859 году на Старо-Аксаевской казенной землѣ ауловъ Галшика (Голай-Отаръ тожъ) и Билитъ, всего въ числѣ 78 дворовъ, имѣя при этомъ въ виду, не представится-ли болѣе удобнымъ соединить эти два аула въ одинъ и отвести имъ землю съ такимъ расчетомъ, чтобы впослѣдствіи было удобно, въ административномъ отношеніи, причислить ихъ къ Салатавскому обществу Нагорнаго округа, къ которому они принадлежали всегда.

6) Представить соображеніе объ обезпеченіи въ поземельномъ отношеніи 299 семействъ чеченцевъ, ауховцевъ, тавлинцевъ и салатавцевъ, переселившихся въ Кумыкскій округъ послѣ 1859 года и устраняемыхъ отъ надѣла землею наравнѣ съ прочимъ населеніемъ округа *); причемъ войти въ подробное разсмотрѣніе возможности предоставленія нѣкоторымъ изъ нихъ какъ части казенныхъ земель Кумыкскаго округа, такъ равно остающихся свободными, за надѣленіемъ прочаго населенія, земель, въ 5 пунктѣ упомянутыхъ.

7) 142 семействамъ горскихъ евреевъ, отказавшимся отъ поземельнаго надѣла, а также 16 семействамъ армянъ, считающимся жителями округа, но не имѣющимъ тамъ осѣдлости, объявить, съ выдачею надлежащихъ видовъ, что втеченіи годичнаго срока они обязаны приписаться къ одному изъ городскихъ обществъ для отбыванія повинности наравнѣ съ прочими членами того общества, къ которому припишутся, и что съ неисполнившими сего, по истеченіи срока, будетъ поступлено на основаніи существующихъ на этотъ предметъ узаконеній *).

---

*) Различные выходцы изъ горъ, поселившіеся въ Кумыкскомъ округѣ до 1859 года, окончательно водворяются въ этомъ округѣ, наравнѣ съ коренными жителями округа; но надѣленіе, наравнѣ-же съ коренными жителями, тѣхъ пришельцевъ, которые переселились на Кумыкскую плоскость послѣ окончанія войны, т. е. послѣ 1859 года, возбудило-бы сильную вражду коренныхъ жителей къ этимъ послѣднимъ пересселенцамъ, изъ коихъ большая часть не имѣетъ никакой осѣдлости въ округѣ. Поэтому и признано было необходимымъ устранить ихъ отъ надѣла при расчетѣ земель, доставшихся народу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ этихъ переселенцевъ заявили желаніе возвратиться въ прежнія свои общества.

*) Вслѣдствіе новаго ходатайства мѣстнаго начальства, Его Высочество, принявъ во вниманіе крайнюю бѣдность горскихъ евреевъ, разрѣшилъ оставить ихъ въ Кумыкскомъ округѣ на прежнемъ положеніи, впредь до преобразованія управленія существующими въ Терской области слободками, къ которымъ тогда могутъ быть причислены эти евреи.

8) Отходящій въ раіонъ Кумыкскаго округа, съ утвержденіемъ южной границы этого округа, лѣсной участокъ, всего въ количествѣ 3604 десят., лежащій выше аула Андреевскаго, внѣ казенныхъ земель, предоставить въ пользованіе жителей ауловъ Андреевскаго участка, выдѣливъ изъ него: аулу Андреевскому, въ счетъ причитающагося ему поземельнаго надѣла, 1148 десятинъ, а остальныя 2456 десятинъ раздѣлить между прочими 17 аулами Андреевскаго участка, по числу населенія каждаго изъ нихъ, а также въ счетъ поземельныхъ аульныхъ надѣловъ.

9) Въ видахъ сбереженія этой единственной лѣсной дачи въ Кумыкскомъ округѣ принять слѣдующія мѣры: а) воспретить всякую порубку лѣса, на всемъ означенномъ пространствѣ, для войскъ и другихъ казенныхъ надобностей, указавъ войскамъ и другимъ управленіямъ временныя дачи въ лѣсахъ Нагорнаго округа, б) отнюдь не допускать во всемъ лѣсномъ участкѣ Кумыкскаго округа очищенія таловъ (полянъ) для посѣвовъ, и в) составить положительныя правила для пользованія жителями лѣсомъ въ участкахъ, для ауловъ отводимыхъ, и наблюденія за сохраненіемъ лѣса отъ самовольной порубки.

10) Для облегченія стѣснительнаго положенія населенія Кумыкскаго округа, происходящаго отъ недостатка въ предѣлахъ этого округа лѣсовъ, разрѣшить жителямъ пользоваться лѣсами въ предгорной полосѣ Ауховскаго и Салатавскаго наибствъ Нагорнаго округа, за плату и съ установленіемъ надлежащаго въ этомъ отношеніи контроля. Независимо отъ этого представить соображеніе относительно возможности предоставленія жителямъ Аксаевскаго участка пользоваться лѣсомъ на Качкалыковскомъ хребтѣ Чеченскаго округа и объ условіяхъ такого пользованія.

11) Такъ какъ, вмѣсто существовавшаго прежде неопредѣленнаго права пользованія землями въ Кумыкскомъ округѣ, прежнимъ землевладѣльцамъ выдѣляется половинная часть земель, для закрѣпленія за ними на полномъ правѣ собственности, то было бы не справедливо оставлять въ полномъ распоряженіи владѣльцевъ рыбные промыслы въ водахъ, берега которыхъ отошли въ надѣлъ народу; поэтому, изъ всѣхъ такихъ промысловъ образовать особыя откупныя статьи, съ обращеніемъ доходовъ съ нихъ въ общественныя суммы. Затѣмъ, рыбные промыслы только въ тѣхъ водахъ, кои прилегаютъ къ землямъ, составляющимъ частную собственность, оставить въ исключительномъ пользованіи ихъ настоящихъ владѣльцевъ.

12) Порядокъ пользованія существующими водопроводными канавами и устройства новыхъ канавъ оставить на тѣхъ-же основаніяхъ, кои существовали до настоящаго времени и которыя, вполнѣ удовлетворительно, обусловлены состоявшимися по этому предмету общественными приговорами.

13) Всѣ существующіе какъ фруктовые, такъ и виноградные сады, оставить въ полной собственности настоящихъ ихъ хозяевъ, независимо оттого, разведены-ли они на землѣ, отходящей по раздѣлу народу, или поступающей въ частную собственность владѣльцевъ,—не включая этихъ садовъ въ половинную часть земли, опредѣленную къ выдѣлу народу изъ владѣльческихъ земель.

14) Существующія мельницы на канавахъ и берегахъ рѣкъ, доставшихся при раздѣлѣ земель народу, а равно и на такихъ канавахъ, кои при раздѣлѣ земель остались общими между народомъ и землевладѣльцами, — оставить въ полномъ распоряженіи настоящихъ ихъ хозяевъ, съ тѣмъ, чтобы вмѣсто прежней въ пользу владѣльцевъ земли платы за право содержанія мельницъ, хозяева ихъ вносили въ общественную окружную сумму особую плату, назначаемую ежегодно чрезъ избираемыхъ аульными обществами довѣренныхъ лицъ. Точно также оставить за настоящими хозяевами ихъ и тѣ мельницы, которыя устроены на канавахъ и рѣкахъ, оба берега которыхъ вошли въ участки, составляющіе частную собственность; только въ этомъ случаѣ плата за содержаніе мельницъ, назначаемая по взаимному соглашенію хозяевъ мельницъ съ владѣльцами земли, поступаетъ сполна въ пользу послѣднихъ. Постройку новыхъ мельницъ въ первомъ случаѣ производить съ согласія аульнаго общества, а во второмъ—съ согласія владѣльца.

15) Маренныя плантаціи, вошедшія въ раіонъ земель, подлежащихъ въ надѣлъ народу, оставить втеченіи 15-лѣтняго срока, т. е. до 1881 года, за настоящими ихъ хозяевами. При этомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда плантація принадлежитъ арендатору, пользовавшемуся землею, для разведенія плантацій, по особому условію съ землевладѣльцемъ, обязать плантатора вносить въ пользу того аульнаго общества, въ надѣлъ которому имѣетъ поступить земля, находящаяся подъ плантаціею, по 2 руб. сер. съ сабы посѣва, при каждомъ періодическомъ выкапываніи корня. По истеченіи-же означеннаго 15-лѣтняго срока, аульнымъ обществамъ предоставить право или отдать плантаціи въ арендное со-

держаніе по особому соглашенію, или-же предложить плантаторамъ выкопать безотлагательно всю марену. Въ случаяхъ-же, если въ районъ аульныхъ земель войдутъ маренныя плантаціи, разведенныя и нынѣ поддерживаемыя самими землевладѣльцами, то послѣдніе освобождаются, втеченіи 15-лѣтняго срока, отъ всякой платы въ пользу аульнаго общества, подчиняясь затѣмъ условіямъ, для остальныхъ плантаторовъ опредѣленнымъ.

На основаніи вышеизложенныхъ распоряженій Его Высочества, лѣтомъ 1866 года приступлено нѣсколькими межевыми партіями къ размежеванію земель Кумыкскаго округа и въ настоящее время работы эти приближаются къ окончанію.

Общее число участковъ, назначенныхъ, по проектной картѣ, землевладѣльцамъ Кумыкскаго округа, простиралось до 166-ти; но нѣкоторые участки, при окончательномъ обмежеваніи ихъ, по случаю происшедшаго семейнаго раздѣла нѣсколькихъ фамилій, коимъ принадлежитъ участокъ, раздробились, отчего, слѣдовательно, и число участковъ должно увеличиться. Величина участковъ, выдѣляемыхъ землевладѣльцамъ, различна, начиная отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, что, конечно, зависѣло отъ того, какимъ количествомъ земли распоряжался прежде каждый землевладѣлецъ.

Освобожденные въ Кумыкскомъ округѣ отъ зависимости къ владѣльцамъ, 276 семействъ холоповъ, всего въ числѣ 944 душъ обоего пола, хотя не были приняты въ расчетъ при опредѣленіи для населенія Кумыкскаго округа поземельнаго надѣла, но, какъ коренные жители округа, имѣющіе право на таковой надѣлъ, наравнѣ съ прочимъ, свободнымъ, населеніемъ, — причислены къ аульнымъ обществамъ, которыя, благодаря величинѣ опредѣленной для нихъ нормы надѣла, причисленіемъ холоповъ нисколько не будутъ стѣснены въ поземельномъ отношеніи, если притомъ и не принимать въ соображеніе, что къ аульнымъ дачамъ прилегаютъ большія пространства земель частныхъ землевладѣльцевъ округа, и что землевладѣльцы, безъ сомнѣнія, будутъ по прежнему предоставлять большую часть принадлежащихъ имъ земель въ пользованіе жителей ауловъ, на выгодныхъ для послѣднихъ условіяхъ.

Такимъ образомъ установляется въ Кумыкскомъ округѣ право владѣнія землями, долженствующее самымъ благотворнымъ образомъ повліять на развитіе кумыкскаго населенія какъ въ промышленномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Простой народъ

не имѣетъ ни малѣйшей причины оставаться недовольнымъ состоявшимся рѣшеніемъ вопроса о правахъ землевладѣнія, а прежніе землевладѣльцы также не имѣютъ никакого повода къ неудовольствію на послѣдовавшее рѣшеніе, такъ какъ, по собственному ихъ сознанію, принятый способъ рѣшенія поземельнаго вопроса всего болѣе соотвѣтствовалъ справедливости и интересамъ обѣихъ сторонъ. Что-же касается различныхъ переселенцевъ, въ числѣ 299 семействъ, переселившихся въ Кумыкскій округъ послѣ 1859 года и устраненныхъ тамъ отъ надѣла наравнѣ съ кореннымъ населеніемъ, то большая часть этихъ семействъ, не имѣвшая въ Кумыкскомъ округѣ никакой осѣдлости, возвратилась уже въ прежнія свои общества, а остальные устраиваются на владѣльческихъ земляхъ, на весьма выгодныхъ условіяхъ.

Заканчивая обзоръ совершающейся поземельной реформы въ Кумыкскомъ округѣ, нельзя не упомянуть о фактѣ, долженствующемъ, во-первыхъ, произвести переходъ кочеваго населенія Кумыкскаго округа къ осѣдлой жизни и къ земледѣльческому труду, и, во-вторыхъ, возвысить качество и цѣнность кумыкскихъ земель. Фактъ этотъ заключается въ сооруженіи на Кумыкской плоскости, по иниціативѣ нынѣшняго Начальника Терской области, генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, двухъ большихъ водопроводныхъ канавъ, для орошенія безводныхъ земель.

Первая канава, взятая изъ р. Терека, ниже аула Джаба-Юртъ, двумя рукавами, въ 2 саж. ширины каждый, соединяющимися въ 150 саж. отъ берега, проведена втеченіи лѣта 1866 года. Наполняясь водою отъ 2 футовъ до $2^1/_2$ арш., при ширинѣ 4 саж., канава эта проходитъ на разстояніи 21 версты и впадаетъ въ р. Аксай, доставляя своими многочисленными вѣтвями возможность оросить весьма значительное количество безводной земли сѣверо-западной части Кумыкскаго округа.

Другая канава, сооруженная втеченіи лѣта 1867 года, взята изъ р. Сулака, выше аула Костекъ, и направлена по безводной степи восточной части Кумыкскаго округа, до впаденія ея въ Аграханскій заливъ Каспійскаго моря. Эта Сулакская канава среднею шириною до 6 саж. и на столько глубока, что введенная въ нее, въ видѣ опыта, лодка, въ 5 сажень длины и притомъ съ грузомъ, свободно прошла по ней, на пространствѣ до 70 верстъ, отъ аула Костекъ до Каспійскаго моря. Проходя во многихъ мѣстахъ по русламъ древнихъ канавъ и ложамъ изсякшихъ потоковъ водъ, обѣ канавы, не смотря на ихъ

громадность, не потребовали значительныхъ издержекъ; такъ, на проведеніе первой канавы издержано до 2-хъ тысячъ руб., изъ общественной суммы Кумыкскаго округа, а на вторую—до 5,200 руб., изъ общественной-же и другихъ экономическихъ суммъ того же округа.

Изумленные появленіемъ постоянной проточной воды, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ея никогда не видѣли, кочевые ногайцы Кумыкскаго округа начинаютъ энергически приниматься за хлѣбопашество и за устройство для себя прочной осѣдлости. Первыя распашки считавшихся прежде безплодными земель, послѣ орошенія ихъ, дали обильный урожай.

Назрановское общество.

Населеніе Назрановскаго общества, Ингушевскаго округа, сгруппировалось изъ ингушъ и другихъ горцевъ, чеченскаго племени, ранѣе прочихъ принесшихъ покорность русскому правительству и издавна водворившихся въ занятой нынѣ назрановцами мѣстности.

Всѣ члены этого общества считаются равноправными, а потому и въ отношеніи пользованія землями никто не встрѣчалъ прежде ограниченія; но впослѣдствіи,—когда въ сосѣдствѣ этого общества водворились казачьи станицы 1-го Сунженскаго и 2-го Владикавказскаго казачьихъ полковъ, въ надѣлъ которымъ отошли довольно значительныя пространства земель, — отдѣльныя аульныя общества, а также и частныя лица, стали дѣлать самовольные захваты земель, послужившіе поводомъ къ раздорамъ между населеніемъ и къ заявленіямъ жалобъ начальству.

Въ 1860 году, по распоряженію генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, Назрановскому обществу былъ указанъ въ пользованіе, занятый названнымъ обществомъ, участокъ въ количествѣ 62 тысячъ десятинъ, ограниченный съ запада Тагаурскимъ обществомъ, Осетинскаго округа, съ сѣвера—Малокабардинскими горами и съ востока и юга—землями 1-го Сунженскаго и 2-го Владикавказскаго казачьихъ полковъ. Но мѣра эта, успокоивъ Назрановское общество только въ томъ отношеніи, что оно не будетъ вытѣснено съ занятыхъ имъ земель новыми казачьими станицами, конечно, не могла устранить происходившихъ неурядицъ при распредѣленіи общественныхъ земель въ пользованіе, тѣмъ болѣе, что существовавшія въ этомъ обществѣ поземельныя

отношенія не были въ то время выяснены и, слѣдовательно, было невозможно постановить тогда-же окончательное рѣшеніе для устраненія возникавшихъ поземельныхъ споровъ.

Поэтому, разборъ существовавшихъ въ Назрановскомъ обществѣ поземельныхъ отношеній, а также разсмотрѣніе условій экономическаго быта населенія этого общества и повѣрка численности его, были возложены на Терскую Сословно - Поземельную Коммисію.

По собраннымъ коммисіею свѣдѣніямъ оказалось, что въ раіонѣ участка, предназначеннаго княземъ Барятинскимъ для назрановцевъ, водворено 15 ауловъ, заключающихъ въ себѣ 3715 дворовъ и 9800 душъ мужескаго пола. Кромѣ того къ Назрановскому обществу были причислены проживавшіе на землѣ, пріобрѣтенной покупкою въ казну отъ князей Бековичей - Черкасскихъ, аулы: Пседахъ, Кескемъ, Согопшъ и Ахбарзой, въ числѣ 580 дворовъ.

Такимъ образомъ расчетъ поземельнаго надѣла населенію Назрановскаго общества необходимо было произвести всего по числу 4295 дворовъ.

Такъ какъ въ раіонѣ Назрановскаго участка, какъ оказалось по собраннымъ даннымъ, не имѣется такихъ земель, которыя принадлежали-бы кому-либо на правахъ частной собственности, а равно нѣтъ и земель, состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи казны, кромѣ отведенныхъ Назрановскому укрѣпленію, то, поэтому, для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса объ устройствѣ поземельнаго быта назрановцевъ, требовалось, прежде всего, опредѣлить достаточную норму подворнаго надѣла, назначить прирѣзку къ Назрановскому участку недостающаго въ ономъ, для надѣла по нормѣ, количества земли, разобрать пограничные поземельные споры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разсмотрѣть предположеніе мѣстнаго начальства о прирѣзкѣ назрановцамъ, по безлѣсности ихъ земель, лѣснаго участка до $2^1/_2$ тысячъ десятинъ, изъ земель, отведенныхъ 2-му Владикавказскому полку, которому, взамѣнъ того, предоставить вознагражденіе изъ свободныхъ земель бывшаго Карабулакскаго участка.

Сдѣланные выводы, изъ собранныхъ данныхъ объ условіяхъ экономическаго быта населенія Назрановскаго общества, показали, что каждая отдѣльная семья этого общества, среднимъ числомъ, состоитъ изъ 5 душъ обоего пола и имѣетъ: 2 рабочихъ скотины, 2 гулевыхъ (телятъ и коровъ), 1 лошадь и 12 овецъ,

и что для такого хозяйства потребно: 4 стога сѣна или 8 десятинъ покоса, 4 десятины пастбища и 6 десятинъ для пахоты.

Вслѣдствіе этого Его Высочество Главнокомандующій, признавъ, по качеству земель Назрановскаго участка, достаточнымъ предоставить въ надѣлъ населенію этого участка по 18 десятинъ на дворъ и возложивъ на особую коммисію, учрежденную изъ членовъ со стороны казачьяго и горскаго вѣдомствъ, формальный обходъ внѣшнихъ границъ Назрановскихъ земель, разборъ пограничныхъ споровъ назрановцевъ съ казаками и обсужденіе предположеній о прирѣзкѣ назрановцамъ лѣснаго участка,—2-го апрѣля 1866 г., изволилъ утвердить нижеслѣдующія главныя основанія для рѣшенія поземельнаго вопроса въ Назрановскомъ обществѣ:

1) Населенію всѣхъ 15 ауловъ Назрановскаго общества, а также и ауламъ: Пседахъ, Кескемъ, Согопшъ и Ахбарзой, предоставить поземельный надѣлъ въ размѣрѣ, среднею нормою, по 18 десятинъ на дворъ.

2) Надѣлъ этотъ произвести: а) изъ участка земли, указаннаго въ пользованіе назрановцевъ въ 1860 году, по плану, утвержденному княземъ Барятинскимъ, всего въ количествѣ 62807 десятинъ, съ выдѣломъ изъ этого количества 560 десятинъ укрѣпленію Назрановскому и постамъ Назрановскому и Камбилеевскому, и б) изъ сосѣдней съ Назрановскимъ обществомъ земли, купленной въ казну у князей Бековичей - Черкасскихъ, — изъ которой Его Высочество предназначилъ для этой цѣли 16100 десятинъ.

3) Для устраненія крайне-неравномѣрнаго пользованія землею между отдѣльными личностями и цѣлыми аульными обществами, происходившаго большею частію отъ произвольныхъ захватовъ, произвести временное распредѣленіе назрановскихъ земель, соображаясь съ назначенною нормою надѣла, въ пользованіе каждаго аула, а также приступить и къ составленію проекта окончательной нарѣзки аульныхъ дачъ.

На основаніи вышеприведенныхъ указаній, лѣтомъ 1866 года, было произведено временное распредѣленіе между аулами земель Назрановскаго общества и прирѣзанныхъ этому обществу, изъ бывшей дачи князей Бековичей-Черкасскихъ, 16100 десятинъ, а равно составленъ уже окончательный проектъ нарѣзки аульныхъ дачъ.

Независимо отъ распоряженій по устройству поземельнаго быта жителей Назрановскаго общества и ауловъ Пседахъ,

Кескемъ, Согопшъ и Ахбарзой, предстояло рѣшить вопросъ объ обезпеченіи въ поземельномъ отношеніи 337 дворовъ кумыкъ, проживавшихъ въ аулѣ князей Бековичей - Черкасскихъ, которые, послѣ уступки въ казну принадлежавшихъ имъ земель, не могли предоставить въ пользованіе кумыкъ достаточное количество земли, потому что во владѣніи ихъ самихъ остался участокъ только въ количествѣ 3 тысячъ десятинъ.

Переселеніе этихъ 337 семействъ кумыкъ въ Кумыкскій округъ повлекло-бы за собою различныя затрудненія, а также и разстройство хозяйства ихъ; а потому Его Высочество, 2-го апрѣля 1867 года, сдѣлалъ распоряженіе объ отмежеваніи имъ въ надѣлъ изъ бывшей дачи князей Бековичей - Черкасскихъ участка съ количествѣ 8450 десятинъ удобной и неудобной земли.

Малая Кабарда.

Населеніе Малокабардинскаго участка, состоявшее изъ кабардинцевъ, кумыкъ, осетинъ, чеченцевъ, ингушъ, карабулакъ и галгаевцевъ, проживало собственно на малокабардинскихъ земляхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Таусултановскихъ земель, лежащихъ между Эльхотовскимъ ауломъ Осетинскаго округа и рр. Курпомъ и Терекомъ, и на земляхъ, пріобрѣтенныхъ въ 1866 году покупкою въ казну, у князей Бековичей-Черкасскихъ.

Съ выселеніемъ въ 1866 году изъ Малокабардинскаго общества проживавшихъ среди этого общества осетинъ въ аулы Тагаурскаго и Куртатинскаго обществъ Осетинскаго округа, чеченцевъ въ аулы Надтеречнаго наибства Чеченскаго округа, въ коихъ имѣлась запасная земля, и ингушъ и карабулакъ въ аулы, причисленные къ Назрановскому обществу,—представилась возможность водворить все остальное населеніе Малокабардинскаго общества, простирающееся до 1700 дворовъ, въ раіонѣ Таусалтановскихъ земель, т. е. между рр. Курпомъ и Терекомъ, и, слѣдовательно, очистить отъ населенія этого общества земли, купленныя въ казну у князей Бековичей-Черкасскихъ.

Вслѣдствіе этого Его Императорское Высочество Главнокомандующій, 19 апрѣля 1866 года, предписалъ Начальнику Терской области:

1) Назначить для осѣдлаго водворенія Малокабардинскаго общества, находящіяся въ пользованіи этого общества, земли

на всемъ пространствѣ между рр. Терекомъ и Курпомъ, дачею Эльхотовскаго аула Тагаурскаго общества и лѣснымъ участкомъ, лежащимъ на Малокабардинскомъ хребтѣ и состоящимъ въ обоюдномъ пользованіи осетинъ и малокабардинцевъ.

2) Водворить въ предѣлахъ упомянутыхъ земель, между р. р. Курпомъ и Терекомъ, и тѣ малокабардинскіе аулы, кои имѣютъ осѣдлость на землѣ, пріобрѣтенной въ казну отъ князей Бековичей-Черкасскихъ, а равно и тѣхъ переселенцевъ изъ другихъ обществъ, кои проживаютъ въ малокабардинскихъ аулахъ и которыхъ общества этихъ ауловъ пожелаютъ оставить въ средѣ своей.

3) Въ видахъ доставленія малокабардинцамъ возможности поддержать главнѣйшую отрасль ихъ хозяйства—скотоводство, предоставить въ безплатное пользованіе ихъ участокъ казенной земли, лежащей между рр. Эшкакономъ и Подкумкомъ, землями Эльборусскаго округа и бывшимъ Абуковскимъ участкомъ,—оставляя однако-же эту землю по-прежнему собственностію казны.

4) Земли, лежащія между Терекомъ и Курпомъ, распредѣлить между малокабардинскими аулами на общинномъ правѣ пользованія.

5) Возложить на обязанности поземельной коммисіи немедленно приступить къ составленію, на вышеизложенныхъ данныхъ, подробнаго проекта надѣла ауловъ, съ тѣмъ, чтобы при этомъ имѣлась въ виду необходимость выдѣла, изъ предназначенной малокабардинцамъ земли, до 4 т. десятинъ для надѣленія нѣкоторыхъ изъ уроженцевъ Малой-Кабарды участками въ частную собственность, подобно тому, какъ предположено произвести въ Большой-Кабардѣ выдѣлъ участковъ земли въ частную-же собственность.

На основаніи этихъ распоряженій, втеченіи лѣта 1866 года, всѣ жители Малокабардинскаго общества, со включеніемъ и тѣхъ, кои проживали на земляхъ князей Бековичей-Черкасскихъ, размѣщены въ раіонѣ земель, назначенныхъ Его Высочествомъ въ надѣлъ этому обществу, съ указаніемъ временныхъ границъ аульныхъ дачъ, впредь до окончательнаго размежеванія этихъ дачъ, къ чему будетъ приступлено въ то время, когда по ходу занятій поземельной коммисіи окажется возможнымъ удѣлить для этого необходимыя межевыя средства. Кромѣ того имѣется въ виду подвергнуть окончательному разсмотрѣнію вопросъ и о томъ, кому именно изъ почетныхъ малокабардинцевъ слѣдуетъ

предоставить участки земли въ частную собственность и какое можетъ быть удѣлено для этого количество земли, сверхъ предназначеннаго изъ малокабардинскихъ земель участка въ 4 т. десятинъ, изъ земель, оставленныхъ въ нераздѣльномъ пользованіи жителей Большой-Кабарды.

Надтеречное наибство.

Часть туземнаго населенія Чеченскаго округа, сгруппированная у р. Терека и отдѣленная отъ прочаго населенія этого округа землями 1-го и 2-го Сунженскихъ казачьихъ полковъ, образовала особое наибство, подъ названіемъ Надтеречнаго. Земли этого наибства, большею частію очищенныя силою оружія при началѣ войны отъ туземнаго населенія, заселялись вновь различными выходцами изъ горъ, искавшими нашего покровительства, а также и принимавшими покорность аулами, оставленіе которыхъ на прежнихъ мѣстахъ жительства, у предгорій, признавалось, по военнымъ соображеніямъ, не удобнымъ.

Общее количество земель Надтеречнаго наибства простирается до 122,400 десятинъ, изъ которыхъ около 20 тысячъ десятинъ были розданы, 8-го участками, туземнымъ князьямъ: Алхасовымъ, Эльдаровымъ, Таймазовымъ, Турловымъ, Бековичамъ-Черкасскимъ и другимъ, а остальныя земли находились въ пользованіи аульныхъ обществъ, но были распредѣлены между ними крайне-неравномѣрно. Восточная, болѣе узкая, часть наибства, имѣющая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ менѣе 2-хъ верстъ ширины и населенная гуще западной, была, кромѣ того, стѣснена еще участками частныхъ лицъ, а западная часть наибства, менѣе населенная и имѣющая въ ширину отъ 14 до 16 верстъ, была раздѣлена между аулами совершенно непропорціонально ихъ населенію, отчего излишнія земли у нѣкоторыхъ ауловъ не приносили никому никакой пользы.

Многочисленныя жалобы жителей Надтеречнаго наибства на невыгодное и недостаточное надѣленіе ихъ землею и вообще на отсутствіе порядка въ отношеніи пользованія землями, указывали на необходимость сколь-возможно-скорѣйшаго рѣшенія поземельнаго вопроса въ этой части края.

Поэтому, въ 1863 году, былъ составленъ подробный проектъ размежеванія земель Надтеречнаго наибства, по которому было опредѣлено предоставить въ надѣлъ аульнымъ обще-

ствамъ землю, среднимъ числомъ, по 33 десятины на каждый дворъ (за исключеніемъ одного аула Брагуны, которому, вслѣдствіе хорошаго качества занятыхъ имъ земель, назначено около 18 десятинъ на дворъ), а также предположено измѣнить границы нѣкоторыхъ участковъ, отведенныхъ въ собственность князьямъ, на что этими послѣдними было изъявлено согласіе, и кромѣ того, назначено въ каждой, вновь проектированной, аульной дачѣ количество запасной земли для новыхъ переселенцевъ въ Надтеречное наибство изъ Большой и Малой Чечни. Такимъ образомъ, по составленному проекту, кромѣ достаточнаго надѣленія землею 13 ауловъ Надтеречнаго наибства, заключавшихъ въ себѣ въ 1864 году 2331 дворъ, въ дачахъ этихъ ауловъ было назначено запасной земли, для новыхъ переселенцевъ, на 1012 дворовъ.

Проектъ этотъ въ 1864 году удостоенъ Высочайшаго утвержденія и, въ томъ-же году, приведенъ въ исполненіе, формальнымъ размежеваніемъ земель Надтеречнаго наибства средствами терской поземельной коммисіи. Составленные тогда-же межевые планы на всѣ земли Надтеречнаго наибства были впослѣдствіи внесены на разсмотрѣніе Кавказскаго Комитета и, по журналу Комитета, въ 13 день іюля 1868 года, Высочайше утверждены.

Чеченскій округъ.

Чеченскій округъ, служившій втеченіи нѣскольких десятковъ лѣтъ главнымъ театромъ ожесточенной войны съ кавказскими горцами, представляетъ на каждомъ шагу памятники событій, увѣнчавшихъ славою войска кавказской арміи и многихъ изъ кавказскихъ героевъ. Кому изъ русскихъ не знакомо названіе *чеченецъ* и кто не слышалъ безчисленныхъ разсказовъ о дикой свободѣ этихъ обитателей Кавказа, о ихъ кровавыхъ подвигахъ, варварскихъ поступкахъ съ плѣнниками и объ ихъ закоренѣлой ненависти къ *гяурамъ*, невѣрнымъ?... Дорогою цѣною уступили чеченцы русскимъ свою свободу; но тѣмъ не менѣе русское правительство, покоривъ Кавказъ, перестало видѣть въ нихъ своихъ враговъ и съ такою-же заботливостію, какъ и о тѣхъ, которые были всегда покорными и преданными, принялось за гражданское устройство упорно-враждовавшихъ полудикихъ горскихъ племенъ. Обезсиленные продолжительностію войны и доведенные до сознанія, что дальнѣйшая борьба съ русскими положительно не

возможна, чеченцы, а съ ними нѣкоторые другіе горцы, изъявили покорность; но, конечно, не могли, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлаться преданными русскимъ и съ довѣрчивостію относиться къ предпринимаемымъ правительствомъ заботамъ о ихъ благоустройствѣ. Поэтому-то всякая новая мѣра, не смотря на очевидную полезность ея для блага народа, вызывала въ такомъ населеніи броженіе умовъ и, не рѣдко, самые нелѣпые толки.

Установленіе-же новаго порядка владѣнія землями тѣмъ болѣе требовало особенной осторожности, что Чеченскій округъ, по малоземельности его, сравнительно съ населеніемъ, представлялъ въ этомъ отношеніи особыя затрудненія.

Чеченскій округъ граничитъ: съ запада землями 2 Владикавказскаго казачьяго полка, съ сѣвера землями 2 Сунженскаго казачьяго полка, съ востока Кумыкскимъ и Нагорнымъ округами и съ юга Ичкеринскимъ и Аргунскимъ округами. Въ предѣлахъ этого округа заключаются, главнымъ образомъ, плоскостныя земли, разстилающіяся длинною полосою у подножій сѣверныхъ предгорій главнаго Кавказскаго хребта, за исключеніемъ такъ называемой нагорной полосы (черныя горы), которая занимаетъ южную окраину Чеченскаго округа. Густота населенія Чеченскаго округа гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ горскихъ округахъ; но тучность почвы и богатая производительность чеченскихъ земель отчасти вознаграждаетъ недостатокъ количества этихъ земель.

Еще въ 1860 году генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ было объявлено чеченскому народу, что земли Чеченскаго округа будутъ распредѣлены между аулами въ пользованіе на общинномъ правѣ, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ участковъ, предназначенныхъ къ отводу частнымъ лицамъ, и нагорной полосы, служившей притономъ для хищническихъ партій и, поэтому, очищенной во время войны отъ горскаго населенія. Полоса эта, въ силу объявленія 1860 года, считаясь казенною, могла быть занимаема населеніемъ только для пастбищъ, подъ условіемъ не заводить въ ней никакой осѣдлости.

Хотя такимъ образомъ и предрѣшился будущій порядокъ землевладѣнія въ Чеченскомъ округѣ, но тѣмъ не менѣе до 1865 года было очевидно, что предоставить чеченцамъ, въ предѣлахъ округа, достаточный поземельный надѣлъ, по многочисленности населенія округа, сравнительно съ количествомъ земель, нѣтъ возможности.

Поэтому, а также и вслѣдствіе другихъ политическихъ соображеній, было рѣшено: не только не препятствовать стремленію нѣкоторыхъ чеченскихъ семействъ къ переселенію въ Турцію, но даже, временно, поощрять это стремленіе, оказавъ переселенцамъ денежныя пособія на путевыя издержки. По сдѣланному въ 1865 году соглашенію съ турецкимъ правительствомъ, Оттоманская Порта изъявила согласіе на принятіе переселенцевъ въ предѣлы Турціи, обязавшись водворить ихъ въ Малой Азіи, вдали отъ нашихъ границъ, у Діарбекира и Сиваса, и, въ силу этого, масса наиболѣе безпокойнаго и фанатичнаго чеченскаго населенія, въ числѣ 5 тысячъ семействъ, заключавшихъ въ себѣ до 20 тысячъ душъ обоего пола, втеченіи лѣта 1865 года, ушла на жительство въ Турцію, въ это могущественное и святое, по мнѣнію не бывшихъ еще тамъ горцевъ, государство.

Переселеніемъ чеченцевъ въ Турцію разрѣшеніе поземельнаго вопроса въ Чечнѣ значительно упростилось; но нельзя было упускать изъ виду, что и сосѣднее съ чеченцами казачье населеніе не достаточно надѣлено землею и должно получить необходимую прибавку земель *).

Затѣмъ, въ 1866 году, для уясненія существующихъ въ Чеченскомъ округѣ поземельныхъ отношеній и составленія предположеній о равномѣрномъ распредѣленіи земель этого округа между населеніемъ,—по распоряженію Его Высочества Главнокомандующаго, былъ образованъ особый временный отдѣлъ Терской Поземельной Коммисіи, который втеченіи лѣта 1866-же года производилъ повѣрку, подготовленной прежде, хозяйственной съемки земель Чеченской плоскости, приступилъ къ опредѣленію границъ округа со стороны казачьихъ земель и, въ концѣ тогоже года, представилъ нѣкоторыя свѣдѣнія вообще по поземельному вопросу въ округѣ и, въ частности,—данныя о правахъ кумыкскихъ князей и узденей на владѣніе частью земель Качкалыковскаго наибства, Чеченскаго округа, сопредѣльнаго съ Кумыкскимъ округомъ.

---

*) Для увеличенія поземельнаго надѣла казачьихъ станицъ предназначенъ потомъ бывшій Карабулакскій участокъ, принадлежавшій, по административному дѣленію, къ Ингушевскому округу и оставшійся послѣ переселенія чеченцевъ въ Турцію совершенно свободнымъ.

По разсмотрѣніи представленныхъ чеченскимъ отдѣломъ коммисіи свѣдѣній и данныхъ, между прочимъ, оказалось, что частію земель Качкалыковскаго наибства, въ количествѣ 13400 десятинъ, владѣютъ, или претендуютъ на владѣніе, кумыкскіе князья и уздени и что права ихъ на эти земли равносильны правамъ прочихъ княжескихъ и узденьскихъ фамилій, во владѣніе которыхъ назначено уже около половины всѣхъ земель Кумыкскаго округа; а потому Его Высочество изволилъ найти совершенно справедливымъ признать владѣльческія земли Качкалыковскаго наибства принадлежащими кумыкскимъ князьямъ и узденямъ, на условіи безвозмезднаго выдѣла изъ тѣхъ земель половиннаго количества ихъ въ надѣлъ народу, подобно тому, какъ производился раздѣлъ земель между владѣльцами и народомъ въ Кумыкскомъ округѣ; но такъ какъ закрѣпленіе за кумыкскими землевладѣльцами остальной половины владѣльческихъ участковъ крайне стѣснило-бы поземельный надѣлъ жителей Качкалыковскаго наибства и даже потребовало-бы перенесенія усадебныхъ осѣдлостей нѣкоторыхъ ауловъ на новыя мѣста, то Его Высочество, 6-го апрѣля 1867 года, разрѣшилъ мѣстному начальству войти въ соглашеніе съ кумыкскими землевладѣльцами, объ уступкѣ, продажею въ казну, имѣющей достаться имъ, при раздѣлѣ владѣльческихъ участковъ въ Качкалыковскомъ наибствѣ, остальной половины этихъ участковъ, всего около 6,700 десятинъ.

На основаніи такого разрѣшенія, лѣтомъ 1867 года, пріобрѣтены покупкою у кумыкскихъ землевладѣльцевъ остальныя 6700 десятинъ, по 3 руб. за каждую десятину, и, по приказанію Его Высочества, присоединены къ общему количеству земель, предназначаемыхъ для надѣла поаульно жителей Чеченскаго округа, съ тѣмъ, чтобы, при составленіи проекта распредѣленія земель въ аульныя дачи, имѣлся въ виду, по возможности, равномѣрный надѣлъ всѣхъ жителей округа *).

*) Въ 1867 же году Его Высочествомъ сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы назначенные разновременно въ Чеченскомъ округѣ, бывшимъ главнокомандующимъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, и уже предоставленные въ пользованіе участки земли: полковникамъ Каспму-Курумову и Арцу-Чермоеву, по 556 десятинъ каждому, и маіору Батѣ-Шамурзаеву, 576½ десятинъ, были обмежеваны въ томъ именно количествѣ, въ какомъ были назначены княземъ Барятинскимъ участки каждому изъ этихъ лицъ, и чтобы могущій оказаться въ занятыхъ ими участкахъ излишекъ земель былъ обращенъ въ число земель, назначаемыхъ для аульныхъ надѣловъ. Кромѣ этихъ трехъ участковъ, предоставленныхъ въ Чеченскомъ округѣ, впредь до по-

Втеченіи послѣдняго времени чеченскій отдѣлъ коммисіи, продолжая подготовительныя работы, для окончательнаго проекта распредѣленія чеченскихъ земель, затруднился въ разрѣшеніи двухъ вопросовъ: 1) возможно-ли включить въ число земель, подлежащихъ въ надѣлъ ауламъ, земли Чеченскаго округа на правомъ берегу р. Сунжи, предоставленныя, частными распоряженіями начальствующихъ лицъ, въ пользованіе сосѣдняго казачьяго населенія, а также и земли, отведенныя близъ укр. Воздвиженскаго войскамъ для покосовъ,—и 2) можно-ли, при проектированіи аульныхъ надѣловъ, брать въ расчетъ часть земель нагорной полосы Чеченскаго округа?

Для разъясненія этихъ вопросовъ и вообще для составленія программы дальнѣйшихъ занятій чеченскаго отдѣла коммисіи, въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года, былъ составленъ Начальникомъ Терской области, генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ, подъ его предсѣдательствомъ, особый комитетъ, въ кр. Грозной.

Предсѣдатель и члены этого комитета, обсудивъ возникшіе вопросы, пришли къ заключенію, что изъятіе изъ пользованія казаковъ занятыхъ уже ими земель, на правомъ берегу р. Сунжи, не соотвѣтствуя политическимъ видамъ правительства, сопряжено, по многимъ причинамъ, съ величайшими затрудненіями и что передача чеченцамъ казенныхъ земель, близъ укр. Воздвиженскаго, была-бы также крайне-нерасчетливою мѣрою, такъ какъ, безъ сомнѣнія, будетъ весьма полезно водворить на этихъ земляхъ значительное русское поселеніе. Что-же касается нагорной полосы, то, такъ какъ надѣлъ чеченцевъ одною плоскостною землею былъ-бы крайне скуденъ, комитетъ предположилъ включить въ число земель, подлежащихъ къ отводу аульнымъ обществамъ, ту часть нагорной полосы, на которой уже произведена расчистка лѣсовъ и, кромѣ того, призналъ полезнымъ ходатайствовать о разрѣшеніи чеченцамъ производить въ нагорной полосѣ расчистку тала (полянъ), подобно тому, какъ это допущено въ Ичкеринскомъ и Нагорномъ округахъ, но съ тѣмъ, чтобы при этомъ сохранялись во всей силѣ прежнія распоряженія о воспрещеніи чеченцамъ заводить осѣдлость въ нагорной полосѣ.

жалованія, частнымъ лицамъ, согласно предположеній князя Барятинскаго и ходатайству Его Высочества, пожалованъ уже бывшему начальнику Чеченскаго округа, полковнику Бѣллику, участокъ земли, близъ кр. Грозной, въ количествѣ 1017 десятинъ.

Въ отношеніи-же занятій чеченскаго отдѣла коммисіи, комитетъ положилъ, что втеченіи лѣта 1868 года чеченскій отдѣлъ коммисіи, къ усиленію состава котораго будутъ приняты необходимыя мѣры, долженъ окончить обмежеваніе земель частныхъ собственниковъ, приступить къ опредѣленію границъ Чеченскаго округа съ землями Ичкеринскаго и Аргунскаго округовъ и составить хозяйственное описаніе земель, находящихся въ пользованіи чеченскихъ ауловъ; а втеченіи зимы $18^{68}/_{69}$ г., руководствуясь подробною съемкою земель и хозяйственнымъ ихъ описаніемъ,—составить подробный проектъ новаго уравнительнаго распредѣленія земель между аулами, соображаясь съ качествами почвы занятыхъ аулами земель и числительностію населенія ауловъ, а также, имѣя при этомъ въ виду, чтобы весною или лѣтомъ 1869 года было уже возможно приступить къ полевымъ работамъ, по указанію ауламъ новыхъ границъ аульныхъ дачъ.

Его Высочество Главнокомандующій, одобривъ предположенія комитета, изволилъ разрѣшить включить въ надѣлъ необходимую, по усмотрѣнію чеченскаго отдѣла коммисіи, часть нагорной полосы, прилегающей къ плоскости, на которой уже прозведена чеченцами расчистка полянъ изъ-подъ лѣса; а равно озволить чеченцамъ, въ видахъ увеличенія поземельнаго ихъ надѣла, производить въ нагорной полосѣ, внѣ той части ея, которая поступитъ въ аульные надѣлы, расчистку изъ-подъ лѣса участковъ, съ тѣмъ, чтобы во избѣжаніе вреда, который можетъ быть нанесенъ отъ произвольной и нерасчетливой порубки лѣса, были заблаговременно опредѣлены и указаны жителямъ тѣ районы, въ которыхъ предоставляется каждому производить расчистку участковъ.

Такимъ образомъ, въ близкомъ будущемъ, будетъ устроенъ окончательно поземельный бытъ населенія Чеченскаго округа. На основаніи уже имѣющихся нынѣ данныхъ можно сказать, что чеченцы получатъ въ надѣлъ не такъ мало земли, какъ это казалось прежде, и что уравнительное распредѣленіе земель между аулами, а также опредѣленность права каждаго члена аульнаго общества на владѣніе землею, безъ сомнѣнія, вызоветъ болѣе усовершенствованную обработку чеченскихъ земель, вполнѣ удобныхъ для высшей сельско-хозяйственной культуры и, тѣмъ самымъ, послужитъ къ развитію въ населеніи матеріальнаго благосостоянія, которымъ, главнымъ образомъ, обусловливается и нравственное развитіе каждаго общества.

Нагорный, Ичкеринскій и Аргунскій округа и Горскій участокъ Ингушевскаго округа.

Округа эти и участокъ занимаютъ нагорную полосу восточной части Терской области, между рр. Терекомъ и Сулакомъ, ограниченную съ юга Главнымъ и Андійскимъ хребтами.

Въ раіонъ Нагорнаго и Ичкеринскаго округовъ входятъ сѣверо-восточныя покатости Андійскаго хребта, представляющія сплошной рядъ параллельно-тянущихся ущелій и горныхъ отроговъ; а Аргунскій округъ, ограниченный съ юга вершинами Андійскаго хребта, занимаетъ большія и глубокія горныя ущелья, служащія бассейнами рр. Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна, и большую, наклонную къ сѣверу, горную котловину, при истокахъ р. Гехи.

Главный промыселъ населенія этихъ округовъ составляетъ скотоводство.

Горскій участокъ Ингушевскаго округа состоитъ изъ двухъ большихъ горныхъ котловинъ (Галгай и Джерахъ), замкнутыхъ съ юга высокими отрогами главнаго хребта, а съ сѣвера—скалистыми хребтами Цорой-Ламъ и Голахой-Ламъ. Характеристикою мѣстности этого участка служатъ: горныя трущобы, въ которыхъ гнѣздится населеніе, обнаженныя скалы и скудная почва земель по боковымъ скатамъ ущелій. Населеніе Горскаго участка не имѣетъ достаточнаго количества земель ни для пахоты, ни даже для пастбищъ, а потому и находится въ крайней бѣдности, хотя тѣмъ не менѣе глубоко привязано къ своему родному убѣжищу.

Къ разрѣшенію поземельныхъ вопросовъ въ горныхъ мѣстностяхъ Терской области еще не приступлено и существующій тамъ порядокъ пользованія землями, основываемый на мѣстномъ обычаѣ, поддерживается пока нашею администраціею, до времени, когда представится возможность ближе и подробнѣе вникнуть въ сущность этого порядка и установить, если окажется необходимымъ, нѣкоторыя измѣненія въ немъ, въ видахъ обезпеченія нуждъ населенія. Для успокоенія-же умовъ жителей нагорныхъ мѣстностей, Его Высочествомъ, въ 1865 году, при обложеніи туземцевъ государственною податью, было объявлено имъ, что земли, на которыхъ они проживаютъ, останутся на всегда въ ихъ пользованіи и что права на эти земли будутъ

признаваемы за ними ненарушимо, доколѣ они будутъ сохранять вѣрность правительству.

Считаемъ нелишнимъ заявить здѣсь частное мнѣніе, что разрѣшеніе вопроса о поземельныхъ правахъ населенія въ горныхъ мѣстностяхъ Терской области, по всей вѣроятности, будетъ обусловлено лишь, во первыхъ, сборомъ свѣдѣній о количествѣ и качествѣ земель, принадлежащихъ каждому аулу, съ подраздѣленіемъ—какія земли составляютъ частную и какія общественную аульную собственность; во-вторыхъ, сборомъ-же свѣдѣній о существующемъ у каждаго аульнаго общества порядкѣ землевладѣнія; въ третьихъ, въ разборѣ правъ поземельнаго владѣнія тѣхъ аульныхъ обществъ, которыя, стѣсняя своихъ сосѣдей, занимаютъ земли даже въ излишнемъ количествѣ противу дѣйствительной потребности; и, наконецъ, въ четвертыхъ, въ составленіи соображеній о томъ, не представляется-ли необходимымъ измѣнить существующій у нѣкоторыхъ аульныхъ обществъ порядокъ землевладѣнія, какъ не соотвѣтствующій условіямъ экономическаго быта жителей аула, или-же несправедливо ограничивающій права нѣкоторыхъ членовъ аульнаго общества и жителей сосѣдняго аула. Производство-же подробныхъ съемокъ земель и затѣмъ формальнаго межеванія, какъ это дѣлается въ плоскостныхъ мѣстностяхъ, гдѣ земли имѣютъ особую цѣнность, едва-ли будетъ признано необходимымъ, ибо для этого потребовались-бы, во-первыхъ, громадныя денежныя издержки и, во-вторыхъ, цѣлые десятки лѣтъ времени, а между тѣмъ, если принять въ соображеніе, что почти всѣ, сколько нибудь цѣнные, участки пахотныхъ или покосныхъ земель въ горахъ огорожены прочно каменными или плетневыми заборами, или-же наконецъ естественными рубежами, то будетъ совершенно понятно, что для межеванія въ горахъ нѣтъ мѣста. Конечно, найдется незначительное число участковъ, которые нужно обмежевать и выдать владѣльцамъ ихъ планы, но это все-таки, по всей вѣроятности, будетъ исключеніемъ.

Вслѣдствіе недостатка пахотныхъ земель въ горныхъ мѣстностяхъ Терской области, а также и въ видахъ открытія доступа въ лѣсистыя мѣстности этого края, нерѣдко служащія притономъ для злонамѣренныхъ людей,—по распоряженію генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, въ 1860 году, было разрѣшено жителямъ Ичкеринскаго и Нагорнаго округовъ, согласно желанію ихъ, производить расчистку земель изъ-подъ лѣса, съ

тѣмъ условіемъ, чтобы каждый расчистившій въ указанномъ размѣрѣ лѣсной участокъ получалъ его въ вѣчное и потомственное свое владѣніе.

Это распоряженіе князя Барятинскаго, подтвержденное Его Высочествомъ Главнокомандующимъ, по журналу Кавказскаго Комитета, отъ 23 іюля 1868 года, удостоено Высочайшаго утвержденія.

Благодаря этому, жители Ичкеринскаго и Нагорнаго округовъ, дѣятельно принявшись за расчистку лѣсныхъ участковъ, пріобрѣтутъ этимъ возможность производить болѣе значительные, сравнительно съ прежними, посѣвы хлѣба, что конечно будетъ служить не малымъ улучшеніемъ ихъ быта. Въ видахъ-же того, чтобы расчистка лѣсовъ соотвѣтствовала цѣли, по приказанію Его Высочества, принято за правило: допускать расчистку лѣсовъ преимущественно въ окрестностяхъ большихъ дорогъ и въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ съ расчисткою лѣсовъ могутъ быть открыты новые пути сообщенія, а также, чтобы къ расчисткѣ предназначались участки не отдѣльными, разбросанными въ лѣсу полянами, а цѣлыми группами участковъ, ибо только при такомъ условіи расчищаемая изъ-подъ лѣса мѣстность можетъ сдѣлаться доступнѣе и принести ожидаемую отъ расчистки лѣсовъ пользу.

Сдѣланныя Его Высочествомъ Главнокомандующимъ Арміею распоряженія по поземельному устройству туземцевъ Осетинскаго и Кумыкскаго округовъ, Назрановскаго и Мало-Кабардинскаго обществъ, а также и предпринятыя основанія для разрѣшенія поземельнаго вопроса въ Чеченскомъ округѣ, — были внесены, установленнымъ порядкомъ, на разсмотрѣніе Кавказскаго Комитета и, по журналу Комитета, въ 12 день ноября 1867 года, Высочайше одобрены.

Научное извѣстіе.

(Грамматическія и филологическія изслѣдованія Хюркилинскаго языка, П. К. Услара).

Въ началѣ этого года, этнографія Кавказа обогатилась новымъ капитальнымъ пріобрѣтеніемъ: къ прежнимъ своимъ выпускамъ по горско-кавказскому языковѣдѣнію *), П. К. Усларъ присоединилъ обширный трудъ, озаглавленный такъ: «Этнографія Кавказа. Языкознаніе. *Хюркилинскій языкъ.*»

Подобно прежнимъ выпускамъ, заключавшимъ въ себѣ изслѣдованія языковъ Чеченскаго, Маарульскаго и Лакскаго, настоящій трудъ г. Услара скоро составитъ библіографическую рѣдкость: трудъ этотъ не напечатанъ, а налитографированъ и притомъ въ весьма незначительномъ числѣ экземпляровъ. Поэтому, считаемъ обязанностью хотя нѣсколько познакомить читателей нашего «Сборника» съ этимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ науки.

Изслѣдованіе Хюркилинскаго языка, представляя объемистую книгу, въ 670 стр. in 4°, заключаетъ въ себѣ: 1) составленную авторомъ хюркилинскую азбуку, 2) свѣдѣнія о географическомъ распространеніи хюркилинскаго языка, 3) подробныя лингвистическія изслѣдованія (очеркъ грамматическаго строенія и образцы современнаго состоянія) этого языка, и 4) сборникъ хюркилинскихъ словъ. Чтобы дать ясное понятіе, что именно почтенный изслѣдователь разумѣлъ подъ хюркилинскимъ языкомъ, мы заимствуемъ изъ настоящаго труда г. Услара то мѣсто, гдѣ изложены свѣдѣнія о нарѣчіяхъ, которыми говорятъ жители Даргин-

---

*) См. «Сборникъ св. о кавк. горцахъ», вып. 1, отдѣлъ «Горская лѣтопись», статья: «Библіографическая замѣтка».

скаго округа и Горнаго Кайтага. Вотъ что говоритъ объ этомъ г. Усларъ *):

«*Хюркилинскимъ языкомъ* назвали мы одно изъ многочисленныхъ нарѣчій одного и того-же языка, для котораго не существуетъ опредѣлительнаго наименованія. Нарѣчіями этого *анонимнаго* языка говоритъ почти цѣлое народонаселеніе нынѣшняго Даргинскаго округа и Горнаго Кайтага. Административныя раздѣленія, будучи основаны на соображеніяхъ, чуждыхъ языкознанію, не доставляютъ намъ данныхъ для составленія такого названія для языка, которое-бы не подавало повода ни къ какимъ недоумѣніямъ. Несравненно важнѣе для науки *народныя*, этническія или географическія названія. Нѣтъ сомнѣнія, что названіе *Даргинскій округъ* произошло отъ туземнаго *даргва*, настоящее значеніе котораго остается непонятнымъ: въ извѣстныхъ предѣлахъ оно употреблялось, какъ нарицательное. Мы здѣсь опишемъ всѣ эти *даргва* въ томъ видѣ, въ какомъ они сохранились въ употребленіи народномъ.

I. *Акуша-даргва*, господствующее народонаселеніе котораго почитаетъ себя одноплеменнымъ и говоритъ на нарѣчіяхъ одного и того-же языка, но подраздѣляется на пять обществъ (табунъ, также гураба, послѣднее значитъ собственно *войско* или *ополченіе*): a) *акуша* (акушѐла табунъ, гураба) заключаетъ въ себѣ 3822 двора, изъ числа которыхъ 568 въ селеніяхъ: Кутіша, Хахіта и Чуні говорятъ на аварскомъ языкѣ, а 209 въ селеніяхъ Цулікан и Улучура,—на лакскомъ; b) *цудакар* (цудкріла табунъ, гураба) 2478 дворовъ, изъ числа которыхъ 100 въ селеніи Куглі говорятъ на лакскомъ языкѣ; c) *ус'іша* (ус'іла табунъ, гураба) 1231 дворъ; въ селеніи Балкаръ 293 двора говорятъ по-лакски; д) *муги* (мугѐла табунъ, гураба) 389 дворовъ; e) *мікігі* (міквгіла табунъ, гураба) 2103 двора; изъ числа ихъ 181 въ селеніи Гортль Чуглі (на картѣ Тюмени-Чоглы) говорятъ по-аварски.

Отсюда видно, что на 10623 двора *акуша-даргва*, 3272 говорятъ акушинскими нарѣчіями, 749 аварскимъ языкомъ и 602 лакскимъ. Если принять *частно-акушинское* нарѣчіе за основное,

---

*) Въ нижеслѣдующей цитатѣ мы старались сохранить правописаніе автора, но, по необходимости, за неимѣніемъ въ типографіи шрифта для набора мѣстныхъ словъ усларовскимъ алфавитомъ, эти послѣднія набраны русскими буквами.

то, по показаніямъ туземцевъ, прочія нарѣчія отходятъ отъ него въ слѣдующемъ порядкѣ: мікігі, мугі, ус'іша, цудакар. Но и съ цудакарцами акушинцы могутъ разговаривать безъ малѣйшаго затрудненія. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что принадлежность аула къ тому или другому обществу иногда вовсе не согласуется съ географическимъ положеніемъ его: встрѣчаются аулы, принадлежащіе къ одному обществу, но со всѣхъ сторонъ окруженные аулами другаго.

II. *Каба-даргва*—2107 дворовъ; въ числѣ ихъ аулъ Шадні (15 дворовъ), жители котораго говорятъ лакскимъ языкомъ; аулъ этотъ въ давнія времена основанъ былъ бѣглецами казикумухскими, обратившимися къ покровительству уцмія. За исключеніемъ аула Шадні, народонаселеніе каба-даргва говоритъ нарѣчіемъ, весьма близкимъ къ акушинскому и даже болѣе близкимъ къ нему, чѣмъ цудакарское. Самостоятельнымъ названіемъ своимъ каба-даргва обязано тому обстоятельству, что оно прежде входило въ составъ владѣній уцмія, но, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, послѣ войны, продолжавшейся *цѣлыя семь лѣтъ*, присоединено было къ *акуша-даргва*. Связь образовалась политическая, но не кровная, которая не признается, не смотря на близкое сходство нарѣчій.

III. *Уцумі-даргва:* такъ называется совокупность всѣхъ земель, составлявшихъ достояніе уцмія. Въ составъ бывшаго уцмійства входили слѣдующія части: 1) *муіра*, составленная изъ трехъ частей: a) *собственно муіра*, 420 дворовъ, нарѣчіе, близкое къ каба, b) *габши*, 385 дворовъ, нарѣчіе близкое къ каба, c) *ганк*, 1685 дворовъ, изъ числа ихъ только 630, т. е. менѣе половины, говорятъ нарѣчіемъ каба, прочіе-же языкомъ гарбук (кубачинскимъ). 2) *Шібсег хаідак* (Верхній Хайдакъ) состоитъ изъ слѣдующихъ частей: a) *шургант*, 259 дворовъ, языкъ хайдакскій, b) *каддагні*, 89 дворовъ, языкъ хайдакскій, c) *урчімул*, 417 дворовъ, языкъ хайдакскій. 3) *Убсег хаідак* (Нижній Хайдакъ, татарами называемый Каракайтагъ, т. е. Черный Кайтагъ, потому что покрытъ лѣсомъ), 488 дворовъ, языкъ хайдакскій. 4) *Гуцарі*, 259 дворовъ, языкъ гарбук (кубачинскій). 5) *Мажалліс*, 287 дворовъ, изъ числа ихъ 169 въ селеніи Мажалліс говорятъ по-кумыкски, прочіе-же по-хайдакски. 6) *Таркамт*, 1938 дворовъ, изъ числа ихъ только 95 дворовъ (селенія Чумлі и Гуллі) говорятъ нарѣчіемъ каба, 1224 по-кумыкски и 619 по-адзербиджански. Здѣсь, по видимому, встрѣти-

лись тюркскія племена, пришедшія съ сѣвера, съ тѣми, которыя пришли съ юга.

Хайдакскій языкъ дробится на нѣсколько нарѣчій, которыхъ обозначить, впрочемъ, по неимѣнію данныхъ, еще нельзя. Семейство хайдакскихъ нарѣчій, при самомъ даже поверхностномъ взглядѣ, обнаруживаетъ родство съ семействомъ акушинскимъ. Съ непривычки, однако, жители акуша-даргва и каба-даргва не могутъ понимать хайдаковъ. Замѣчательно то обстоятельство, что хайдаки поютъ пѣсни почти исключительно на нарѣчіи каба-даргва.

IV. *Гвамур-даргва* составляло собственно часть уцумі-даргва, потому что входило въ составъ владѣній уцмія; самостоятельное названіе носило оно потому, что управлялось постоянно которымъ-нибудь изъ членовъ уцміева семейства, такъ сказать *вице-уцміемъ*. Дворовъ въ немъ считается 1373, изъ числа ихъ 416 говорятъ на нарѣчіи каба, остальные-же по-кумыкски.

V. *Буркун-даргва* нѣкогда составляло самостоятельное вольное общество; Сурхай-ханъ казикумухскій, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ. Состоитъ изъ восьми селеній: Кешта, Кункі, Худуц, Санжи, Анклуг, Гамук, Зиргаг и Буркухун. Въ двухъ послѣднихъ селеніяхъ (42 двора) жители говорятъ агульскимъ языкомъ, который не имѣетъ ничего общаго съ акушино-хайдакскими нарѣчіями; въ прочихъ шести селеніяхъ (322 двора) говорятъ нарѣчіемъ, несомнѣнно родственнымъ съ акушинскими и хайдакскими *).

Внѣ предѣловъ означенныхъ нами пяти *даргва*, хайдакскими нарѣчіями говорятъ: а) *сіргва*, которое нѣкогда составляло отдѣльное самостоятельное общество, 1916 дворовъ, нарѣчіе подходитъ къ усʼіша; то обстоятельство, что сіргва никогда не причислялось ни къ которому изъ даргва, доказываетъ, что даргва не заключало въ себѣ лингвистическаго понятія; b) въ владѣніи Шамхальскомъ, селенія: *Губден*, 1273 дворовъ, нарѣчіе акуша, *Кадар*, 574 двора, нарѣчіе мікігі. Послѣднее селеніе составляетъ крайній предѣлъ распространенія акушинскихъ на-

---

*) Уроженецъ селенія Кешта, котораго я имѣлъ случай разспрашивать объ этомъ нарѣчіи, увѣрялъ меня, что оно представляетъ самое близкое сходство съ кубачинскимъ языкомъ. Повидимому, этотъ мнимо-франкскій языкъ есть неболѣе, какъ одно изъ нарѣчій акушино-хайдакскихъ, но за это, конечно, поручиться еще нельзя.

рѣчій къ сѣверу, но можно полагать, что нѣкогда распространялись они еще далѣе, потому что само названіе Темиръ-Ханъ-Шура не можетъ быть объяснено иначе, какъ посредствомъ: *озеро Темиръ-Хана* (шураі—озеро по-акуш.); подлѣ нынѣшняго города, дѣйствительно, находилось небольшое смрадное озеро, осушенное въ недавнее время; с) въ Чокскомъ наибствѣ, аулъ Міамугі, по-аварски Мого (на картѣ Могебь (Мегеу), 149 дворовъ; основанъ весьма давно выходцами изъ Мугі, спасавшимися отъ кровомщенія; жители говорятъ нарѣчіемъ мугі, но весьма испорченнымъ; д) въ Казикумухскомъ округѣ селеніе *Гугул* (Чирахъ), 70 дворовъ: нарѣчіе подходитъ къ буркун-даргва, но селеніе это никогда не входило въ составъ означеннаго общества. Это есть крайній предѣлъ распространенія акушино-хайдакскихъ нарѣчій къ югу.

Въ настоящее время, изъ акуша-даргва, каба-даргва и сіргва (Сюргя) составленъ *Даргинскій округъ*, причисленный административно къ Сѣверному Дагестану. Уцумі-даргва, вмѣстѣ съ гвамур-даргва, вошли въ составъ *Кайтаго-Табасаранскаго округа*, причисленнаго къ Южному Дагестану. Наконецъ, буркун-даргва входитъ въ составъ *Казикумухскаго округа* и причисляется къ Среднему Дагестану.

Вышеприведенныя лингвистическія числа дворовъ, для большей наглядности, распредѣлимъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) *Акушинскія нарѣчія:* акуша 4324 (съ Губденомъ); цудакар 2378; ус'іша 2854 (съ Сюргя); мугі 1138 (съ Міамугі); мікігі 2496 (съ Кадаромъ); каба 4038 (съ Мупра, Таркамтъ и Хамри). Всего 17228 дворовъ.

b) *Хайдакскія нарѣчія:* 1371 дворъ.

с) *Буркунскія нарѣчія:* 392 двора.

Въ совокупности 18991 дворъ, на которые народонаселенія обоего пола можно получить до 85000 душъ. Точность всѣхъ этихъ цифръ, конечно, подлежитъ сомнѣнію. Числа дворовъ въ селеніяхъ заимствованы изъ офиціальныхъ источниковъ, основанныхъ на показаніяхъ мѣстныхъ туземныхъ властей, мало опытныхъ въ трудномъ дѣлѣ народописчисленія. Много выселковъ могли ускользнуть отъ счета; посему, полагаю, что цифра 20000 дворовъ будетъ немногимъ превышать настоящую. Съ другой стороны, классификація нарѣчій основана, не на специальномъ изученіи каждаго изъ нихъ, а на голословныхъ показаніяхъ ту-

земцевъ, которые вообще плохіе судьи въ дѣлѣ сравнительной лингвистики. За достовѣрное можно принять лишь то, что акушинскія нарѣчія, со включеніемъ нарѣчія каба, составляютъ одну группу, хайдакскія другую. Свѣдѣнія мои о нарѣчіяхъ буркун ограничиваются нѣсколькими фразами, которыхъ недостаточно, чтобы рѣшить вопросъ: составляютъ-ли эти нарѣчія особую третью группу или должны быть причислены къ которой-либо изъ первыхъ двухъ. Нѣтъ сомнѣнія, что бо́льшая часть обитателей Уцумі-даргва (по нашему Кайтага) говоритъ нарѣчіями, болѣе близкими къ акушинскимъ, чѣмъ къ хайдакскимъ, но, не смотря на мнѣніе туземцевъ, нельзя утверждать, что эти нарѣчія сливаются съ нарѣчіемъ каба. Полное понятіе о языкѣ можно будетъ составить себѣ лишь тогда, когда будутъ изслѣдованы всѣ нарѣчія его. Въ видѣ перваго шага и, притомъ, значительно облегчающаго всѣ послѣдующіе, представляю здѣсь подробное изслѣдованіе нарѣчія каба, которое болѣе извѣстно подъ названіемъ *хюркилинскаго*, по имени самаго многолюднаго селенія (678 дворовъ), жители котораго называются хурук, един. хуркан; самое селеніе называется *Хуркілаші*, селеніе хюруковъ. На картѣ Дагестана обозначено оно искаженно черезъ: Оракли (Урахли), откуда произошло названіе *ураклинскій языкъ*, которое мы замѣнили другимъ, болѣе правильнымъ.» —

Настоящимъ трудомъ г. Услара еще болѣе доказывается высказанное имъ прежде мнѣніе, что вѣковая вѣра въ *гору языковъ* Кавказа должна неминуемо рушиться. Уже и теперь, гора эта почти сглажена, т. е. множество предполагавшихся языковъ, по мѣрѣ изслѣдованій г. Услара, оказываются нарѣчіями немногихъ, главнѣйшихъ.

Послѣ изслѣдованія языка хюркилинскаго, изъ языковъ Дагестана, наиболѣе разноязычнаго, заслуживаетъ серьезныхъ изысканій только лишь языкъ кюринскій, изученіемъ котораго и занятъ въ настоящее время г. Усларъ. Труды его по изученію этого языка—какъ намъ извѣстно—приходятъ къ концу, такъ что неутомимый ученый уже приступилъ къ изложенію нѣкоторыхъ выводовъ изъ всѣхъ своихъ обширныхъ и глубокихъ изслѣдованій по лингвистикѣ Кавказа. Быть можетъ, нѣкоторые изъ этихъ выводовъ появятся на страницахъ настоящаго «Сборника». Во всякомъ случаѣ, обнародованіе этихъ выводовъ прольетъ свѣтъ на многія, все-еще темныя стороны этнографіи Кавказа и освѣтитъ ее не только передъ глазами европейскихъ ученыхъ,

но и передъ нашей публикой,—ибо, до-сихъ-поръ, знакомство со всѣми лингвистическими трудами П. К. Услара и пониманіе ихъ доступны были только весьма небольшему числу спеціалистовъ по лингвистикѣ, тогда какъ выводы изъ этихъ изслѣдованій неизбѣжно сдѣлаются достояніемъ всего образованнаго общества.

Н. В.

